

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
Інстытут журналістыкі
Кафедра стылістыкі і літаратурнага рэдагавання
Камісія па стылістыцы пры Міжнародным камітэце славістаў
Камісія па медыялінгвістыцы пры Міжнародным камітэце славістаў

СЛОВА Ў КАНТЭКСЦЕ ЧАСУ

Да 85-годдзя
прафесара
А. І. НАРКЕВІЧА

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ УНІВЕРСІТЭТ

Зборнік
навуковых прац

Том 2

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
Інстытут журналістыкі
Кафедра стылістыкі і літаратурнага рэдагавання
Камісія па стылістыцы пры Міжнародным камітэце славістаў
Камісія па медыялінгвістыцы пры Міжнародным камітэце славістаў

СЛОВА Ў КАНТЭКСТЕ ЧАСУ

Да 85-годдзя прафесара А.І. НАРКЕВІЧА

Зборнік навуковых прац

Том 2

Мінск
«БДУ»
2014

УДК 811.161.3'38:070(06)+070.41(06)
ББК 81411.3-55я431+76.01я431
С48

Рэкамендавана
саветам Інстытута журналістыкі БДУ
16 студзеня 2014 года, прагакол № 4

Рэцэнзенты:

доктар філалагічных навук, член-карэспандэнт НАН Беларусі,
прафесар *С.С. Лаўшук*;
доктар сацыялагічных навук, кандыдат філасофскіх навук,
прафесар *А.І. Ляўко*

Пад агульнай рэдакцыяй
доктара філалагічных навук прафесара *В.І. Іўчанкава*

С48 **Слова ў кантэксце часу** : да 85-годдзя прафесара А.І.Наркевіча:
зб. навук. прац / пад агул. рэд. В.І. Іўчанкава. – У 2-х т. Т. 2. – Мінск :
Выд. цэнтр БДУ, 2014. – 458 с.
ISBN 978-985-553-176-2

Даследуюцца праблемы медыялінгвістыкі, публіцыстычнага і мастацкага
стыляў, дыскурснага аналізу СМІ, тэорыі і практыкі журналістыкі, маўленчай
і міжкультурнай камунікацыі, медыякрытыкі, літаратурнага працэсу, медыя-
рыторыкі. Вывучаецца сучасны медыйны кантэнт у кантэксце фарміравання но-
вай парадэгмы камунікатыўных зносін, актыўнага ўплыву на СМІ тэхналогій.

Для журналістаў, рэдактараў, спецыялістаў па сувязях з грамадскасцю.
Зборнік адрасаваны таксама студэнтам і выкладчкам устаноў вышэйшай адукацыі
па журналісцкіх спецыяльнасцях, можа выкарыстоўвацца ў навучальным пра-
цэсе пры падрыхтоўцы філолагаў, перападрыхтоўцы і павышэнні кваліфікацыі
журналісцкіх і рэдактарскіх кадраў.

УДК 811.161.3'38:070(06)+070.41(06)
ББК 81411.3-55я431+76.01я431

ISBN 978-985-553-176-2

РАЗДЗЕЛ 7

Мастацкі тэкст: камунікатыўныя і лінгвакагнітыўныя параметры

Евгения Абрамова

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ М. ВЕЛЛЕРА

Социокультурная природа языка начала XXI века не может не отражать изменившуюся действительность. Художественно-публицистический дискурс, освобожденный от статики метанарраций, пытается концептуально интерпретировать и трансформировать явление «сплава» множественности культурных уровней и кодов, а востребованная практика языковых игр позволяет ему быть гибким и динамичным. Игровое употребление слова и его образное восприятие формируют иную модель общения – нелинейную и многомерную.

Эта специфика современного художественного и публицистического дискурса находит выражение в произведениях Михаила Веллера, блестящего прозаика, публициста, философа, замечательного стилиста, много и вдумчиво работающего над языком своих произведений. Интересны размышления писателя о том, что есть стиль художественного произведения в целом и что есть индивидуальный авторский стиль. «Теоретически все как бы знают, – пишет М. Веллер, – что идеальный стиль не должен быть замечен, а должен быть естественным, органичным, прозрачным, без перетягивания одеяла на себя передающим суть произведения. <...> Не тот хороший стилист, кто блеском стиля привлекает внимание. А тот, кто добивается впечатления «неизвестно чем» – вроде бы глаз ничего особенного и не видит, а повторяют и перечитывать хочется» [2, с. 328]. Но вместе с тем, как отмечает писатель, «стиль – это индивидуально повышенная степень структуризации языкового пространства, когда слова получают повышенную смысловую и эмоциональную нагрузку по сравнению с обычной грамматической напряженностью, напрягая сверх нормы грамматические и семантические связи и рамки» [2, с. 329]. По мнению М. Веллера, сила впечатления от выражаемой мысли зависит от избранных способов ее представления. Одним

из таких способов являются авторские новообразования – окказиональные слова и словосочетания, т.е. «не узуальные, не соответствующие общепринятому употреблению, характеризующиеся индивидуальным вкусом, обусловленные специфическим контекстом употребления» [2, с. 284]. Но такие фразы и слова «не должны идти сплошняком. Нельзя обедать сплошными пряностями. Их должно быть несколько на странице меж «чистыми и нейтральными» [2, с. 329].

Окказионализмы в произведениях М. Веллера – обильный и интересный материал, позволяющий не только исследовать особенности идиостиля писателя, но и выявить семантико-стилистические потенции лексико-словообразовательной системы русского языка, комбинаторику, сравнительные возможности, содержательную прагматику языковых единиц, уточнить условия и правила языковой игры. Так, в сборнике «Слово и профессия» [2] нами выявлено около 100 новообразований, из них окказиональных слов – 61 (по частеречной принадлежности: 46 существительных, 12 прилагательных, 4 глагола) и окказиональных словосочетаний 37. Анализ окказионализмов разных типов является по преимуществу семантическим и проводится главным образом посредством семного и контекстуального методов с привлечением таких приемов исследования, как анализ словарных дефиниций, словообразовательный анализ, функционально-грамматический анализ. Структурно-семантическое исследование окказионализмов естественно сопряжено со стилистическим анализом художественного произведения. Рамки статьи не позволяют представить полный и всесторонний анализ всех выявленных в сборнике авторских новообразований, мы остановимся лишь на некоторых аспектах анализа окказионализмов.

Как известно, окказиональные слова имеют ряд свойств, отличающих их от узуальных, как-то: принадлежность к речи, функциональная одноразовость, творимость, экспрессивность, синхронно-диахронная диффузность, индивидуальная принадлежность. В современной теории окказиональности дискуссионным является вопрос о соотношении и различении окказиональных (как противоречащих норме в той или иной степени) и потенциальных (как соответствующих языковой норме) новообразований. Мы придерживаемся той точки зрения, что все речевые образования являются окказиональными независимо от того, созданы они по деривационным законам языка или с нарушением этих законов, т.е. потенциальные слова являются разновидностью окказиональных.

Из 46 выявленных окказиональных существительных 20 являются существительными – наименованиями лица, и эти наименования всег-

да оценочны. Большая часть таких новообразований создается автором комбинацией различных узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой или в некотором противоречии с ней. Так, с помощью суффикса -ец- /-нец- со значением «лицо по действию, деятельности или по признаку, качеству, определяющему характер лица» созданы слова образованец (от адъективной основы образованн-ый) [2, с. 231], восстанец (мотивирующая глагольная основа восста-ть) [2, с. 443], окололитературец (производящая основа окололитературн-ый); при посредстве суффикса -льщик- со значением «лицо по роду деятельности, по занятию, по действию» образовано отглагольное существительное сочиняльщик [2, с. 100], а с суффиксом -щик- в значении «лицо по какому-нибудь предмету или действию, определяющему характер лица и его профессию, ремесло, занятие, звание» – существительное самообманщик [2, с. 237]. По продуктивной словообразовательной модели созданы существительные – наименования лица пониматель и укучитель, т.к. «в книжном языке от каждой глагольной основы на гласные -а или -и с переходным значением потенциально образуется название лица по действию, по кругу деятельности или по характеру поступков с помощью суффикса -тель- [3, с. 87]. При посредстве общевосточнославянского суффикса -юк-, который более продуктивен в украинском языке, образован антропоним Бельмондюк (от Бельмондо) [2, с. 132].

Окказиональные наименования лица создаются автором и при посредстве заимствованных морфем. Так, от глагола интонировать с помощью суффикса -атор- (лат. *-ator-*) образовано слово интонатор [2, с. 111], от основы неопределенного наречия кое-как существительное кое-какер с суффиксом -ер- (нем., англ. – *er-*). В качестве первой части сложных слов используются заимствованные экс – «бывший» (экс-щукарь) [2, с. 194], нео- «новый» – (неосоветчик) [2, с. 273]. Нетривиальный способ образования существительного обер-эсэсман с первой частью – заимствованием обер- «старший», с основой, в которой фиксируется побуквенное произношение аббревиатуры СС, и, по-видимому, с еще одной основой английского существительного *man* «человек», фонетически искаженной, которая в таком виде является омонимом суффикса -ман- со значением «лицо, имеющее какую-нибудь манию, пристрастие» (например, наркоман, меломан, англоман) [3, с. 96]. В прилагательном оберразмерный кирпич обер- выступает в качестве приставки со значением «сверх»: «Она [книга Дюма. – Е.А.] легче читается – а по толщине принадлежит к оберразмерным кирпичам» [2, с. 266].

Интересно и образование основы в слове научпопник от сложного прилагательного научно-популярный, подобное универбации, или сво-

рачиванию словосочетания: «Автор [Жюль Верн. – Е.А.] был популяризатором, научпопником! Издательство «Знание» по нему плакало!» [2, с. 255] От основы сложного прилагательного многотиражный образовано и существительное многотираст с потенциальным суффиксом -т-, имеющим значение «лицо по роду деятельности, по занятиям, по званию» [3, с. 95], и чередованием в основе: «...многотиражка «Петербургский литератор» <...> В собственную бытность многотирастом, *вполне молодым, длинноволосым и бородатым получателем ежемесячной зарплаты...*» [2, с. 174].

В текстах М. Веллера встречаем и сложные слова, обычные для книжно-официального языка, образованные посредством суффиксированного словоэлемента -носец, для обозначения лица, наделенного правом постоянного ношения какого-нибудь предмета или обязанного носить что-либо: словоносец [2, с. 407] и гробносец [2, с. 510].

Способом сложения основ с нулевым суффиксом образовано и существительное пьявколов (Дуремар) [2, с. 115] по аналогии с птицелов, зверолов.

Единичны образования окказионализмов морфолого-синтаксическим способом. Это субстантивы укусомый (по происхождению форма страдательного причастия настоящего времени глагола укушать) [2, с. 377] и отхожая (бывшее отглагольное прилагательное) [2, с. 227].

Целый ряд окказиональных существительных с отвлеченным значением создано автором от имен прилагательных качественных, в т.ч. и от основ сравнительной степени, и причастий страдательного залога при помощи продуктивного суффикса -ость, причем часто такие существительные образуют антонимические пары: переловленность [2, с. 99], голость [2, с. 445], одетость [2, с. 445], хорошость [2, с. 443], плохость [2, с. 443], лучшость [2, с. 445].

Заемствованные корни (пара-) и аффиксы – префиксы (суб-, пост) и суффиксы (-изм-, -ализаци-, -аж-) – также активно используются автором для создания окказиональных существительных отвлеченных: парафилософия [2, с. 231], субфилософия [2, с. 231], постъеда [2, с. 234], перпендикулярим [2, с. 327], быдлизм [2, с. 428], блаатализация [2, с. 404], оживляж [2, с. 122].

Значительное число окказионализмов – существительных, прилагательных, глаголов представляет собой сложные слова, образованные сложением: полумозг, полупретензии, литературожизнь [2, с. 238], минисловосочетание [2, с. 389], полумыслящий [2, с. 261], юноподобный [2, с. 527], терпеливо-двуужильный [2, с. 108]; сложением с суффиксаци-

ей: славолюбивый [2, с. 148], *остро/тупо/умие* [2, с. 286]; сложением с усечением одной из основ: масслитература [2, с. 51], элитлитература [2, с. 51]; сложением начальных частей двух слов: массокульт [2, с. 231].

Окказионализмы могут быть системными и асистемными. Системные окказионализмы создаются с учетом действующих закономерностей в области словообразования. В этом случае при образовании лексических окказионализмов действует исторически сложившийся механизм словопроизводства. Новообразование в основном komponуется из морфем, уже существующих в языке, при этом «...истинно новым... в слове, которое только что создано, является скрещение координат, а не координаты как таковые» [4, с. 188].

Асистемные окказионализмы полностью нестандартные образования, существенно отступающие деривационной нормы. Это, например, такие авторские новообразования, как прилагательное междупрочимный [2, с. 287], образованное и от основы наречия, прилагательное глуховый [2, с. 157], мотивирующей основой которого является существительное глушь, глагол бумагомарать [2, с. 257], образованный от существительного бумагомаратель способом десуффиксации.

В текстах М. Веллера встречаются новообразования, представляющие собой многословные сращения, своеобразные лексико-синтаксические блоки, компоновкой которых автор, очевидно, хотел выразить слитность семантики их составляющих: мыло-бритва-щетка-мини-полотенц [2, с. 111], внутрисебясамопереваривание [2, с. 476].

Окказиональные сочетания слов представляют собой стечение лексем, сочетаемость которых в узусе невозможна, поскольку противоречит закону семантического согласования вследствие отсутствия общих сем в их лексических значениях, например, юноподобные трупы. Благодаря возникновению контекстуально обусловленных семантических сдвигов в зависимом компоненте словосочетания общие семы появляются: «Эпигоны создают в литературе юноподобные трупы, которых водят за ниточки наподобие марионеток» [2, с. 527].

Среди окказиональных словосочетаний в текстах М. Веллера выделяются те, которые мотивированы устойчивым сочетанием слов и построены на обыгрывании соотношения фразеологической производящей основы и производного окказионального словосочетания–фразеологические окказионализмы. К таким необычным словосочетаниям относятся, например, следующие: «Я смаковал мед с дегтем» [2, с. 367] – ср. «Ложка дегтя в бочке меда»; Жареная птица сознание крылом замутила [2, с. 293] – ср: «Пока жареный петух не клонет»; «Ника-

ким каком» [2, с. 231] – ср.: «Никоим образом» и т.п.

Новообразования возникают в контексте, формируются им и часто сами являются текстообразующей единицей. Поэтому анализировать окказиональное образование следует в его контекстной позиции, с учетом его контекстных связей, хотя возможны случаи, когда контекст как бы избыточен при семантической интерпретации и окказионализм эксплицирует свою семантику полностью через внутреннюю форму, например, масслитература, элитлитература, славолюбивый и др.

В художественно-публицистических текстах М. Веллера окказионализм часто сопровождается авторским комментарием, в котором прямо содержится информация о механизме образования и/или семантике новообразования. Например, «Человеку свойственно хотеть понимать – вот так он устроен, создан, без этого его нет. Поэтому если кто-то занят только пониманием – он занимается самым важным делом в жизни. <...> Из всех человеческих «специализаций» и функций главнейшая и первая – понимать. <...> *Профессиональный аналитик* – в политике, разведке, прессе, науке – это профессиональный понимать. *Вообще же есть подозрение, что* понимать – соль земли» [2, с. 251]. В словообразовательном контексте узуальное и окказиональное слово могут быть со-противопоставлены: «Умных и образованных людей мало. А полагающих себя таковыми – много. <...> Настоящая философия сложна образованцу. <...> *А есть еще* парафилософ для образованцев – Ричард Бах Притчи для бедных умственно» [2, с. 231]. Автор апеллирует в этом случае к собственно языковым знаниям читателя, знаниям особенностей языковых единиц, их «вовлеченности» в парадигматические и синтагматические отношения, их стилистической принадлежности и т.п. Языковая игра в данном случае базируется на учете лексического значения слова и идентификации значения вследствие установления внутритекстовых связей. В процитированном фрагменте под образованным человеком понимается тот, кто получил образование, имеет разносторонние знания, а образованец – это тот, кому приписываются признаки образованности.

Чаще всего для выявления семантики новообразования требуется миниконтекст, контекст ближайшего окружения – предложения, абзаца. Например, в эссе «Семенов и Штирлиц» автор пишет: «Внутренне изнуренный и осатаневший от тотальной советской лжи и всеохватного приказного патриотизма, советский зритель симпатизировал обер-эсэсманам. *Во-вторых, известные и хорошие актеры играли интересных и незаурядных людей. А во-первых – из чувства протеста. Любовь к бри-*

гаденфюрерам была актом свободы выбора» [2, с. 250]. Таким образом, читатель понимает, что обер-эсэсманы – это высшие чины СС в фильме «Семнадцать мгновений весны».

Значение существительного интонатор тоже определяется в миниконтексте: «Можно не касаться ничего запретного, но в стиле твоя суть все равно вылезет. Можно соблюдать все приличия в лексике – но интонация не подделаешь. Горышины чуяли сомнительную интонацию и отсекали интонаторов напрочь. Я мог не трогать советскую власть, и даже любить многое в ней, и как бы не замечать ничего эдакого в ней – но я был чужой: вот не такой, вот слова не так составлял, запятые не так ставил, что-то за этой нетипичностью наблюдалось непонятное, неправильное» [2, с. 111].

В эссе «Песнь торжествующего плебея» ближайший контекст не только проясняет внутреннюю форму лексемы словоносец, но и дает понять, почувствовать коннотативный план лексического значения новообразования: «Итак, мы имели золотую русскую литературу. Потом мы имели серебряную русскую литературу. Потом пришел гегемон и все опошил. Имели нас. А мы имели железную русскую литературу. Не совсем железную, не совсем русскую, не совсем литературу, и не совсем имели. Но все же. Были Катаев, Бабель, Олеша, *Ильф и Петров. Был Булгаков*. Еще были Всеволод Иванов и Лавренев. Но первый фланг закованных в броню словоносцев возглавляли Горький, Фадеев и Полевой» [2, с. 407].

В некоторых случаях значение окказионализма выявляет только контекст всего произведения. Такими являются новообразования укуситель и укусомый, вынесенные в название главы, в которой речь идет о взаимоотношениях критика и писателя. Только прочитав весь текст, можно сделать вывод относительно значения данных существительных. Укуситель (суффиксальное образование от глагола укусить) – это критик, укусомый (субстантивированная формы страдательного причастия настоящего времени глагола укушать – это писатель. В тексте выстраиваются контекстуальные синонимические ряды и антонимические: критик – проверяльщик – оценщик – укуситель и писатель – делатель – сочиняльщик – укусомый; укуситель – укусомый, сочиняльщик – проверяльщик, делатель – оценщик: «Позвольте, так кто главнее – сочиняльщик или проверяльщик? *Делатель или оценщик?*» [2, с. 379]. В подобных случаях конфликт выраженного значения текста с принятым знанием денотата представляется как завышение или занижение реальной меры того или иного объявленного признака с тем, чтобы подчеркнуть значимость реальной меры признака.

При анализе семантики окказионализма может существенно помочь вертикальный контекст. Так, семантика антропонима Бельмондюк не может быть истолкована, если читатель не знаком с творчеством французского актера Ж.-П. Бельмондо: «В редакции его не переваривали за спесь, важность и непробиваемый апломб. Рост, размер, профиль, глаза, баритон, подбритая бородка с седой прядью – Бельмондюк была одной из редакционных кличек» [2, с. 132].

Окказионализм как факт речи задан тем не менее системой языка, проявляет и развивает семантические, словообразовательные и грамматические возможности этой системы, прорицает тенденции ее развития. «То, что живет в языке подспудной жизнью, чего нет в текущей жизни, что дано как намек в системе языка, прорывается наружу в явлениях языкового новаторства, прекращающего потенциальное в актуальное» [3, с. 134].

Всякое слово (языка или речи) реализует свое значение в контексте. Но узальные слова требуют воспроизводящего контекста, а окказиональные – формирующего. Окказионализмы являются важным текстообразующим средством, отличаются исключительной семантической емкостью, яркой оценочностью. Они сами представляют собой «свернутый» текст.

Новообразования как элемент языковой игры в художественно-публицистических текстах М. Веллера – это речевые единицы с запланированным семантико-стилистическим разладом, основная особенность их в том, что они нацелены на прагматическую оценочную информацию, выражают авторскую иронию и сарказм. Они повышают экспрессивность высказывания (текста), опрокидывают устоявшиеся стереотипы восприятия, догматизм мышления.

Літаратура

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Русский язык, 1984. – 486 с.
2. Веллер, М. Слово и профессия / М. Веллер. – М. : Издательство «АСТ МОСКВА», 2008. – 541 с.
3. Виноградов, В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
4. Винокур, Г.О. Маяковский – новатор языка / Г.О. Винокур. – М., 1943. – 123 с.
5. Земская, Е.А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Г.Н. Ширяев. – М., 1981. – 376 с.

Алена Васілеўская

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка

СІСТЭМА МЕТАФАР У АПАВЯДАННІ МІХАСЯ ЗАРЭЦКАГА «КВЕТКА ПАЖОЎКЛАЯ»

Спецыфіку індывідуальнага стылю таго ці іншага пісьменніка нярэдка вызначаюць праз выкарыстанне ім вобразных сродкаў. Аднак разглядаць ужыванне метафар, эпітэтаў, параўнанняў лепш за ўсё на фоне цэлага мастацкага твора, што дазваляе раскрыць іх ролю не толькі ў перадачы характараў, стварэнні падтэксту, раскрыцці ідэі. Такі падыход дае магчымасць убачыць узаемасувязь вобразных сродкаў, зразумець іх тэкстаўтваральныя магчымасці.

Індывідуальны стыль Міхася Зарэцкага вызначаецца насычанасцю вобразнымі сродкамі, прыкладам чаму з'яўляецца апавяданне «Кветка пажоўкляя». Аналіз метафар у кантэксце ўсяго тэксту дазваляе ўбачыць: выкарыстаныя метафары цесна звязаны, што дазваляе аб'яднаць іх у сістэму.

У тэксце апавядання мы выдзелілі чатыры метафарычныя рады, члены якога аб'яднаны агульнай функцыяй. Першы рад – гэта метафары, якія выконваюць наглядную функцыю і апісваюць партрэт галоўнай гераіні апавядання – Марыны Гарновай.

Часцей за ўсё пры стварэнні мастацкага партрэта пісьменнік знаходзіць адну-дзве рысы, якія робяць адметнымі аблічча дзеючай асобы, надаюць яму індывідуальнасць, перадаюць аўтарскія ацэнкі. Для партрэта Марыны Гарновай такой рысай становяцца вочы. Мы налічылі больш за 20 метафар, выкарыстаных з гэтай функцыяй.

Метафары апісваюць зеленаваты колер вачэй галоўнай гераіні, але найчасцей праз апісанне вачэй перадаецца душэўны стан Гарновай.

Аналіз метафар паказвае, што аўтар акцэнтуюе ўвагу на двух псіхічных станах галоўнай гераіні. Першы – гэта холад, пустата: «І ўбачыў тады, як вочы ў Гарновай працяліся холадам, пустатой, як засвяцілася ў іх нешта такое, што падобна было да спалоху або да нейкай палкай, балючай журбы» [1, с. 322]. Ужыванне з пераносным значэннем слоў холад «душэўная раўнадушша, стрыманасць у праяўленні пачуццяў, увагі» і пустата «стан душэўнай спустошанасці, адсутнасць усякіх імкненняў, інтарэсаў» ужо на першых старонках задае агульны настрой. Пры апісанні вачэй нярэдка сустракаецца слова бяздонне, якое набывае ў тэксце індывідуальна-аўтарскае значэнне і быццам аб'ядноўвае ў сабе матыў пустаты і холаду: «А на твары смутак глыбокі свяціўся, адбіваўся ў вачах ціхім зеленаватым бяздоннем» [1, с. 326].

Падтрымліваецца партрэт ужываннем з пераносным значэннем прыметнікаў халодны «пазбаўлены душэўнага цяпла; строгі, нядобры», пусты «пазбаўлены глыбіні, пачуццяў», дзеяслова халадзіць «агортваць холадам пры моцным хваляванні, страху і пад.»: «Тады ў вачах знікае тая дзіўная палахлівая маркота, якая часам халадзіць іх, робіць пустымі, далёкімі» [1, с. 321]; «Хочацца бліжэй падысці да яе, прыгледзецца, у самае нутро пранікнуць, каб пазнаць, што дзеецца так глыбока-глыбока, пад гэтым халодным, нібы палахлівым бляскам зеленаватых вачэй» [1, с. 324].

Як правіла, холад і пустата з'яўляюцца ў вачах гераіні, калі Марына паглыбляецца ва ўласныя думкі: «Увабралася ў сябе, адгарадзілася ад яго халоднай, сухой пустатой сваіх глыбокіх вачэй» [1, с. 347]. Вочы і душа становяцца непранікальнымі для іншых, пра што сведчыць ужыванне з індывідуальна-аўтарскім значэннем слова пялёнка: «Хіба прымусіш сваё ўяўленне не маляваць таго смутнага твару, тых вачэй выразлівых, ахінутых зеленаватай пялёнкай таёмнага суму?» [1, с. 327]. Звязаны такі душэўны стан з мінулым гераіні.

Аднак вочы Гарновай бываюць напоўнены жыццём, агнём, запалам: «Тады ў іх – зеленаватыя агеньчыкі; вяселья, гарэзныя» [1, с. 321]; «Ад гэтага ў вачах Гарновай засвяцілася дасада і злосць» [1, с. 323]. Агонь у вачах, увасоблены ў метафарах агеньчык «захапленне, запал», засвяціцца «пачаць адлюстроўваць нейкія пачуцці», звязаны з сучасным Марыны Гарновай: яе каханнем да Булановіча, працай у дзіцячым доме: «Бліскучыя вочы ўбраліся тонкай сеткай прыветных маршчынак, працялі гарэзным агеньчыкам» [1, с. 325]; «Ён захацеў затрымаць яе, але ўбачыў у іскрыстых вачах ціхую просьбу, смутны дакор» [1, с. 334].

Такім чынам, апісанне вачэй галоўнай гераіні апісваюць два супрацьлеглыя псіхічныя станы, а пераходы ад аднаго стану да другога адбываюцца вельмі рэзка і нечакана.

Другі рад метафар – ацэначныя метафары, якія апісваюць пачуцці герояў, перадаюць асаблівасці іх унутранага свету. Метафары гэтага рада, напэўна, самыя частотныя ў творы. Мы засяродзілі ўвагу на пачуццях галоўных герояў апавядання – Гарновай і Булановіча, і заўважылі, што выкарыстанне гэтых метафар заснавана на кантрасце.

Па-першае, кантраст выяўляецца ў колькасных паказчыках: для апісання пачуццяў Гарновай аўтар ужывае каля 10 слоў з пераносным значэннем, для апісання пачуццяў Булановіча – больш за 30. Па-другое, кантраст праяўляецца і ў тым, якія пачуцці перажываюць галоўныя героі твора.

Пачуцці Гарновай, прасякнутыя і холадам, і агнём, мяняюцца часта і нечакана: «То халоднай няўважнасцю яго сустракае, быццам далекі ён стаў ей, чужы, быццам ўжо знялюбеў. А то раптам закіпіць пачуццём бурным, парыўчатым, агорне яго нястрымана-гарачай ласкай» [1, с. 348].

Слова холад, якое спалучаецца ў кантэксце з прыметнікам ледзяны, што яшчэ больш узманяе экспрэсію малюнка, апісвае стан цяперашняй Гарновай: «Не знаў, як падысці да Гарновай, як разагрэць яе ледзяны холад» [13, с. 347]. Выкліканы гэты холад пракляццем бацькоў, якое не дае ёй спакойна жыць у новым грамадстве: «Я лішняя пачула сябе, не магла прыстасавацца да гэтае новае працы. І зазьяла чорным бяздоннем у душы пустата. Холад ахінуў» [1, с. 339].

Агонь «унутранае гарэнне, страсць» ужо застаўся ў мінулым. Невыпадкова метафары, якія апісваюць гэты стан, спалучаюцца з дзеясловамі прошлага часу: «Ну, а потым нешта змянілася, страціла свой запал, энергію» [1, с. 324]; «Я многа жыла – поўным, бурлівым жыццём. Я растраціла моц сваю, той невялічкі запас, што быў у мяне» [1, с. 337]. Лепшыя якасці Марыны Гарновай праявіліся ў рэвалюцыйнай барацьбе: «Працавала ў надзвычайнай камісіі, займала важную пасаду, добра працавала, была вядома ўсім тутэйшым “контрам” як спрытная чэкістка з пільным вокам і сталёвай цвёрдасцю» [1, с. 324]. Прыметнік сталёвы неаднаразова ўжываецца ў тэксце для характарыстыкі ранейшай Гарновай. Але ўсё гэта засталася ў мінулым. Цяпер жыццё губляе для Марыны свой смак, нават каханне не можа абудзіць яе да жыцця, што падкрэсліваецца ўжываннем слова шэрасць у сцэне, калі Булановіч просіць Гарнову стаць яго жонкай: «Я ведаю, як гэта будзе: шэрасць, нуда, беспрасвецце» [1, с. 345].

Толькі ў асяроддзі іншых людзей яшчэ можа яна перажыць моцнае пачуццё: «– А дрэнна аднаму, цяжка. Думкі розныя, пустата... Моцы няма, бо моц толькі ў грамадзе, калі так зліешся з усімі, калі гарыш захапленнем магутным» [1, с. 326].

Таму пры апісанні пачуццяў Гарновай узнікае матыў мяжы, да якой падышла галоўная гераіня. Ствараецца ён ужываннем слоў мяжа і бяздонне з пераносным значэннем «норма, рубаж чаго-небудзь дазволенага, магчымага»: «Я ўжо падышла да канца, да мяжы... [1, с. 337]; Быццам адкрылася старшэннае бяздонне і загінула ў ім усё тое, што поўніла жыццё, што давала ўцеху» [1, с. 354].

Булановіч жа паўстае перад намі ўразлівым чалавекам, які жыве багатым унутраным жыццём: «Як ішлі назад, Булановіч думаў пра Гарнову. Тачыла думкі вострая назойлівая цікавасць» [1, с. 323]. Дзеяслоў тачыць

«неадступна мучыць, паступова пазбаўляючы сіл» акцэнтуюць ўвагу на пастаянным дзеянні пачуцця. Такое ж дадатковае адценне пастаяннага, неадступнага дзеяння маюць і метафарычныя дзеясловы мігцець, біцца, мітусіцца, якія ўжываюцца пры апісанні перажыванняў Булановіча: «Думкі павадкай біліся ў галаве, уваччу мітусіліся пярэстыя вобразы» [1, с. 347]. У большасці выпадкаў гэтыя пачуцці звязаны з Гарновай, з імкненнем Булановіча разгадаць гэтую загадкавую жанчыну.

Метафары малююць нам чалавека, здольнага адчуваць, жыць пачуццямі і дзейнічаць. Нярэдка пры апісанні яго ўнутранага стану выкарыстоўваюцца дзеясловы бушаваць, гарэць, кіпець, прыметнікі бурлівы, палкі, якія перадаюць вялікую інтэнсіўнасць праяўлення пачуццяў: «Цягнулі яны [вочы] да сябе чароўным магнэсам, абуджалі ў грудзях бурлівае, палкае» [1, с. 329]; «Булановіч гарэў упартым жаданнем узнаць усё чыста, узнаць пра ўсе драбніцы яе жыцця» [1, с. 337]. Ужыванне з пераносным значэннем слоў бура, хваля, клубок, плойма дазваляюць апісаць вялікую колькасць пачуццяў, што перажывае герой: «Булановіч маўчаў, апанаваны цэлай бурай розных пачуццяў» [1, с. 340]; «Цэлы дзень мардаваўся сярод плоймы напружаных думак, загадак» [1, с. 328].

Булановіч і хоча кахаць Гарнову, і адначасова баіцца свайго кахання. Яго боязь звязана з тым, што побач з Марынай ён перастае быць дзейным чалавекам, становіцца вялым і мяккім. Яго самы вялікі страх перададзены ў аўтарскім неалагізме раскісёліцца: «— Ну, ты ўжо й насупіўся. Яшчэ раскісёліцца часам» [1, с. 323].

Страх бяздзейнасці і бяздушша ўвасоблены і ў метафарычным выкарыстанні назойнікаў багна «ўсё, што засмоктвае і цягне чалавека да адсталасці і коснасці» і туман «пра стан няяснасці, змешанасці думак, уяўленняў»: «Зацягне, завалачэ ў багну бязволья. Сам тады прапаздзеш...» [1, с. 342]; «...у галаве зыбучай пялёнкай захістаўся туман» [1, с. 340].

Пасля смерці Гарновай Булановіч адчувае палёдку, цягу да жыцця: «І лягчэй рабілася на сэрцы. Узнімалася бадзёрасць, смага да гэтага сумятлівага, пярэстага жыцця, поўнага здаровага, магутнага руху» [1, с. 356]. Прычыны такой палёгкі толькі напачатку падаюцца незразумелымі. Булановіч – чалавек новай фармацыі. Мы не ведаем яго мінулага, але здагадваемся, што ў яго жыцці не было такога страшнага выбару, як у Гарновай. Каханне да Марыны на пэўны час парушыла душэўную гармонію Булановіча, але яе смерць вызваляе героя ад пакут і, трэба спадзявацца, робіць яго крыху іншым чалавекам – здольным задумацца.

Трэці метафарычны рад утвараюць наглядныя метафары, якія выкарыстоўваюцца для апісання ўмоў, у якіх адбываецца дзеянне. У апавяданні Міхася Зарэцкага наваколле як бы жыве сваім жыццём, выгляд яго нярэдка залежыць ад душэўнага стану герояў. І гэты метафарычны рад пабудаваны на кантрасце: жывая прырода супрацьстаіць прасторы, створанай чалавекам.

Да прасторы, асвоенай чалавекам, мы аднеслі апісанне памяшканняў, вуліц горада і самога горада. Праз выкарыстанне метафар аўтар стварае ўражанне бяздушнай, небяспечнай прасторы, у глыбіні якой тоіцца трывога: «Па завулках крыўлястых, вузенчкіх, па куточках прытульных змрок нікае неяк старожка, цікуючы. Хавае ў сябе пад палой усё чыста, на абрысы прадметаў воўну накладвае густую, робіць іх акруглымі, мяккімі. Абымае, сціскае будынкі чарнатоў непрагляднай, цалуецца з вокнамі – бліскучымі засланкамі» [1, с. 328]. У прыведзеным кантэксце ўжываецца цэлы шэраг слоў з пераносным значэннем, як агульнамоўным, так і індывідуальна-аўтарскім: дзеясловы нікае, хавае, абымае, цалуецца, якія ствараюць уражанне паўсюднасці, усёпранікальнасці цемры; назойнікі воўна ў значэнні «нешта непранікальнае, цёмнае», чарната «змрок, цемра» надаюць інтэнсіўнасць апісанню, ствараюць карціну непрагляднасці. Такое выкарыстанне метафар дазваляе стварыць адухоўленую карціну ночы, надаць начному змроку рысы жывой, нядобрай і небяспечнай істоты.

Змрок аблытвае наваколле, падпарадкоўвае сабе: «Так больш ціхай, прытульнай чароўнасці, калі вакол змрок снуе сваю шэрую павучынку, калі мякка загортвае абрысы прадметаў, сцірае рубы, усё робіць такім павеўным, расплыўчастым» [3, с. 348]. Слова павучынка ўжываецца ў кантэксце з агульнамоўным значэннем «тое, што падпарадкоўвае сабе, аблытвае каго-небудзь», і пераноснае значэнне назойніка падтрымліваецца метафарызацыяй дзеясловаў снаваць, сціраць, загортваць.

Найбольш небяспечным стварэннем на старонках апавядання становіцца чыгунка, якую аўтар нярэдка параўноўвае з гадзюкай: «Забудзешся часам на тое, што станцыі ёсць, паўстанкі, раз'езды, што канец ёсць гэтай магутнай гадзюцы» [1, с. 333]; «Само сабой цягнула туды, дзе гадзюкамі ўюцца сталёвыя рэйкі, адкуль часам ляціць гэты зазыўны прарэзлівы вокліч» [1, с. 352]. Слова гадзюка набывае ў апавяданні індывідуальна-аўтарскае значэнне на аснове падабенства пераплеценага клубка рэльсаў з цэлам змяі. Але адначасова праз ужыванне гэтай метафары ствараецца адценне нечага агіднага, страшнага. Змяіныя рысы з'яўляюцца і ў апісанні цягніка: «Прамчаўся, прагрымеў,

ашаламіў сваім рухам магутным і знік за паваротам, вільнуўшы жалезным хвастом» [1, с. 353].

Метафары гэтага раду выконваюць вельмі важную функцыю ў творы: яны дазваляюць больш глыбока зразумець душэўны стан герояў – іх няўпэўненасць у сучасным, іх пошукі сябе ў гэтым свеце. Акрамя таго, на нашу думку, яны перадаюць і адносіны самога Міхася Зарэцкага да рэчаіснасці. Апавяданне было надрукавана ў 1926 г., у час актыўнага будаўніцтва новага савецкага грамадства. І можна ўявіць з якой абачлівасцю і небяспекай ставіўся пісьменнік да таго, што рабілася навокал. Яго турбуе бяздушша новага грамадства. Нездарма адным з самых частотных колераў прыметнікаў пры апісанні наваколя становіцца слова шэры і вытворныя ад яго словы. Прыметнік у тэксце абазначае не проста колер, а рэалізуе сімвалічнае значэнне абьякавасці, аднастайнасці: «У акно зазірнула падслепаватым вокам шэрая раніца [1, с. 351]; У вокнах ужо зашарэла...» [1, с. 340].

Самай магутнай фігурай у творы з'яўляецца цягнік – гэтае вынаходніцтва чалавечага розуму, якое аўтар называе жалезным волатам: «Як бег, думаў чамусьці, што тут павінна быць рухавасць, жыццё, што тут няўпыннай чарадою павінны грымець жалезныя волаты, што тут няма ночы, няма спакою» [1, с. 352]. Менавіта пад коламі такога жалезнага волата і гіне Гарнова: «Не пазнаў ён Гарновай, бо гэта ўжо была не яна: жалезны волат зрабіў сваё дзела» [1, с. 357]. Перыфраза жалезны волат увасабляе сілу, бяздушнасць і жорсткасць грамадства, якое можа растаптаць кожнага.

Адзіным светлым пятном у гэтай асвоенай чалавекам прасторы з'яўляецца дзіцячы дом, дзе працуе Гарнова. Пры яго апісанні аўтар ужывае светлыя, яркія фарбы: «Дом № 30. На Чэрвеньскай вуліцы. Жоўценькі, свежы. Ззяе вясёлымі вокнамі, задорна ўсміхаецца зграбнымі высокімі ганкамі» [1, с. 321]. Прыметнікі жоўценькі, свежы, вясёлы, дзеясловы ззяць, усміхацца ствараюць карціну радасці, жыцця, шчасця. Гэты малюнак пераклікаецца з пейзажнымі замалёўкамі жывой прыроды, якія ёсць у тэксце апавядання і ў якіх таксама падкрэсліваецца прыгажосць, яркасць: «У лесе птушкі рознагалоссем пярэстым з цішай застыглай спрачаюцца. Льюцца іх песні цурочкамі пекнымі, мітусяцца, блытаюцца ў вецці, снуюць жыццё раніцы – сакавітае, радаснае» [1, с. 352–353]. Жывая прырода насычана гукамі, колерамі, радасцю і жыццём, увасобленыя ў метафарызаваных дзеясловах спрачацца, ліцца, мітусяцца, блытацца, снаваць. Ствараецца карціна бясконца рухавага, зменлівага жыцця, якое супрацьпастаўляецца жыццю людзей – шэраму і бяздзеянаму.

Найбольш ярка раскрываецца свет пасля смерці Гарновай. Наваколле адразу набывае колер і рух, перададзеныя, дзеясловамі ззяць «вылучацца яркім колерам, чысцінёй, навізнай», пыхаць «выяўляць якое-небудзь моцнае пачуццё, які-небудзь стан»: «Усё ззяла жыццём – вечна маладым, вечна прыгожым, усё пыхала маладосцю і сілай» [1, с. 354]. Ствараецца ўражанне, што прырода адштурхнула ад сябе чалавека і радуецца, што яго ўжо няма.

Аб'ядноўваюць усе тры рады словы пустата, холад, бяздонне.

Гэтыя тры назоўнікі суадносяцца з усімі пластамі твора. Яны ўжываюцца пры апісанні вачэй Гановай: «... і ў вачах у яе Булановіч угледзеў тую дзіўную, халодную пустату, якую бачыў у іх у часе першага знаёмства» [1, с. 333]. Выкарыстоўвае Міхась Зарэцкі гэтыя словы і для апісання наваколя: «Жоўтыя рады крэслаў бяздушна блішчэлі сухой пустатой і толькі дзе-нідзе самотна чарнелі невялічкія купкі людзей, парушалі гулкую цішыню бубнявай гаворкай» [1, с. 325]. Гэтыя назоўнікі адны з самых частотных пры перадачы пачуццяў: «Заныла ў грудзях пустата, холадам атупіла сэрца, выціснула слязу скупую, балючую» [1, с. 354].

Такім чынам, усе метафарычныя рады аказваюцца сэнсава і структурна звязанымі, што дазваляе нам аб'яднаць іх у сістэму. Метафарычныя рады аказваюцца знітанымі і сюжэтнымі лініямі: усе яны звязаны з вобразам Марыны Гарновай і суадносяцца з асноўнай ідэяй твора – як далёка можа зайсці чалавек у запале класавай барацьбы. М.Мушынскі адзначае: «У выпадку з братам Гарнова давяла ідэю класавай нянавісці да абсурду, і гэта схільнасць да бяздумнага дзеяння дорага ёй каштавала. Моцная воляй, загартаваная ў барацьбе, Марына спрабуе яшчэ чапляцца за жыццё» [2, с. 25]. Марына ідзе супраць законаў прыроды, і таму ёй няма месца ў гэтым жыцці. Разуменне гэтай ідэі немагчымае без аналізу метафарычнага загаловак апавядання.

Загалолак «Кветка пажоўкляя» задае чацвёрты метафарычны рад, які можна выявіць у тэксце. Словазлучэнне, вынесенае ў загалолак, займае тры самыя моцныя пазіцыі ў тэксце – назва, першыя сказы і апошнія сказы, што сведчыць пра вялікую сэнсавую нагрузку. У прамым значэнні словы, вынесеныя ў назву твора, абазначаюць кветка «травяністая расліна, якая прыгожа і пахуча цвіце», пажоўклы «які зрабіўся жоўтым, набыў жоўтае адценне (звычайна ад часу, пры завяданні і пад.)».

Аўтар адразу падкрэслівае метафарычнасць гэтага словазлучэння: «Дзіўны гэты Арончык. Гэта ж ён так назваў яе: – Кветка пажоўкляя...» [1, с. 321].

Слова кветка дастаткова часта ўжываецца ў мастацкай літаратуры для стварэння партрэта прыгожай дзяўчыны ці жанчыны. Ужыванне гэтага назойніка ў апавяданні адпавядае гэтае традыцыі: яшчэ пры першым знаёмстве з гераіняй Міхась Зарэцкі падкрэслівае яе прываблівасць і прыгажосць: «Прыгожая жанчына, з павабнай, трошку сумнай і ціхай усмешкай. Невысокага росту, стан досыць зграбны, з мяккай акругласцю форм. На твары троху цьмяная бледнасць і зморшчыкі навокал вачэй – такія маленькія, празрыстыя» [1, с. 324].

Аднак слова кветка ў кантэксце апавядання заўсёды ўжываецца ў спалучэнні з дзеяпраметнікамі пажоўклы, утварае з ім адзінае сэнсавое цэлае: «Вось тады і назваў Арончык яе: – Кветка пажоўклая» [1, с. 323]. Так ствараецца карціна прыгажосці, асуджанай на знішчэнне: «А Гарнова здавалася восеньскай кветкай, якая жоўкне сярод сухога былля і яшчэ песціць погляд сваім астатнім сумным характам» [1, с. 332].

Параўнанне Гарновой і кветкі ў тэксце апавядання падтрымліваецца ўжываннем з пераносным значэннем слоў жоўкнуць, цвісці, акраса і інш.

Толькі адзін раз у Марыны з'яўляецца шанец на працяг жыцця – каханне. Нездарма слова каханне ў тэксце спалучаецца з дзеясловам цвісці: «Ці ёсць у каханні маім хоць палавіна таго, што цвіце ў грудзях гэтага недалужнага чалавека!..» [1, с. 334].

Але Гарнова не рэалізуе гэты шанец: яна ўжо не здольная адчуваць, у яе душы пануюць холад і пустата. І заканчваецца твор разгорнутай метафарай, у якой раскрываецца значэнне ўсёй метафары: «Так. Кветка пажоўклая. І таму адляцела, адпала ад дрэва жыцця, зволіла месца здароваму, свежаму» [1, с. 365].

Параўнанне Гарновой з кветкай дазваляе параважаць аб тым, што чалавек, як і расліна, не можа жыць без каранёў. Пазбаўлены каранёў (сям'і), чалавек не здольны жыць.

Гэты апошні рад метафары знітоўвае ўсю сістэму, робіць яе завершанай і цэласнай. Метафарычныя рады ў сістэме пераносна-вобразных слоў у апавяданні «Кветка пажоўклая» раскрываюць тэму пошуку свайго месца ў новым грамадстве і немагчымасці гэтага месца знайсці.

Холад, пустата, якія пануюць у сэрцы Гарновой, не даюць ёй магчымасці жыць са здрадай у сэрцы. Таму і з'яўляецца яна кветкай, якая заўчасна адцвітае, не пакінуўшы пасля сябе важнага жыццёвага следу.

Літаратура

1. Зарэцкі, М. Кветка пажоўклая / М. Зарэцкі // Зарэцкі, М. Збор твораў: у 4 т. – Т. 1. Апавяданні. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1989. – С. 321–356.

2. Мушыньскі, М. Нескароны талент: праўдзівая гісторыя жыцця і творчасці М. Зарэцкага / М. Мушыньскі. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1991. – 203 с.

Ірина Воробьева

Ровенский государственный гуманитарный университет (Украина)

АЛЛЮЗИИ В РОМАНЕ «БЛАГИЕ ЗНАМЕНАЯ» ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА И НИЛА ГЕЙМАНА

На сегодняшний день проблема цитации, «текста в тексте», интертекста является одним из самых популярных вопросов для обсуждения в филологических кругах. Однако стоит отметить, что данное направление стало объектом научных изысканий сравнительно недавно. Цитирование не было предметом особого интереса ни в литературоведении, ни в текстологических исследованиях. Тем не менее, необходимо сказать, что ученые-компаративисты (М. Бахтин, И. Гальперин, Ю. Кристева, Р. Барт, Б. Томашевский, В. Зусман) обращались к данной проблеме в аспекте изучения художественных взаимосвязей и влияний, не используя зачастую при этом самих слов «цитата», «реминисценция», «аллюзия». Авторы предпочитали говорить о заимствованиях, тематических и иных переключках, влияниях, интерпретациях и т.п. Позднее была высказана мысль, что цитата или аллюзия является не всего лишь второстепенным элементом текста, а указанием на определенный компонент авторского художественного замысла. С одной стороны, цитирование преобразилось в прием конструирования художественного текста, а с другой – стало отсылкой к определенной литературной традиции.

Невозможно утверждать категорически, что явление интертекстуальности возникло во второй половине XX века. На этот период пришелся этап становления соответствующих термина и теории. Проявления же интертекстуальности существовали в литературе давно.

Сегодня доступность массового образования, уровень развития технологий и масс-медиа, приблизившие «высокое» искусство к простому потребителю и тем самым сформировавшие определенный тип массовой культуры, привели к значительной семиотизации человеческой жизни. Культурные явления упрощаются и переходят в категорию «знаков», которые отображают лишь основные характеристики базового фундаментального явления. С этого момента факт новизны в культуре постоянно оспаривается и, если удастся придумать что-то новое, то для утверждения новизны необходимо сопоставить новое содержание с уже

существующим. Если же претензии на новизну нет, то интертекстуальность является указанием на знакомство автора текста с культурно-семиотическим наследием человечества.

Таким образом, интертекстуальность – это определенного рода «игра» с уже известными фактами, образами и явлениями культуры в новом, зачастую непривычном для них аспекте. Одновременно это способ переосмысления одного текста в реалиях другого, а собственно интертекст – это вся совокупность текстов, нашедших свою реализацию в конкретном произведении.

В зависимости от способа существования интертекста в тексте, выделяют ряд типов интертекстуальных отношений: цитата, реминисценция, аллюзия, пародия, плагиат, перезапись, коллаж, монтаж, пастиш, фанфик. Наиболее часто используемыми считаются первые три, а последние два – наиболее молодыми.

Роман-фэнтези англо-американских писателей Терри Пратчетта и Нила Геймана «Благие знамения» является ярким примером интертекстуальности в современной массовой литературе. Эта книга наполнена многочисленными аллюзиями, реминисценциями и прочими отсылками к разнообразным явлениям мировой культуры. Авторы даже не столько широко, сколько виртуозно легко и пародийно обыгрывают всем известные образы из самых разнообразных источников.

В романе смешаны аллюзии на библейские сюжеты (ангелы и демоны, Вельзевул, Сатана, четыры всадника Апокалипсиса, змей из Эдема, Иезавель), античную литературу (пес Цербер), личности и события мирового культурного процесса («Queen», Брюс Спрингстин, Джеймс Бонд, мисс Марпл, Альберт Эйнштейн, Вильям Шекспир, Джеймс Джойс, Чернобыль, разведки МИ7 и КГБ и др.).

В первую очередь отметим, что роман построен как пародийная версия фильма «Омен», мистического триллера 1976 года режиссера Ричарда Доннера, первой части киносериала о воцарении Антихриста на Земле. В тексте присутствуют все ключевые элементы первоисточника: мрачные пророчества, зловещие ритуалы, ребенок Антихрист, которым должны подменить новорожденного сына американского дипломата, силы света и тьмы, которые сошлись возле колыбели малыша. Но постмодернистское юмористическое фэнтези не может серьезно относиться к серьезным вещам. Ангелы и демоны Пратчетта и Геймана за время пребывания на Земле переняли многочисленные черты человеческого характера, и потому не удивительно, что малышом просто перепутали. В результате дитя Сатаны направляется в патриархальный английский

городок Тэдфилд и растет в атмосфере любви и заботы, а потусторонние существа и их земные слуги начинают плести интриги вокруг самого обычного мальчишки, который не проявляет никакого интереса к Темной Стороне Силы.

Основой для сюжета романа «Благие знамения» служит Библия, а именно Откровение Иоанна Богослова. Однако роман, скорее, пародирует обыденные представления об этой книге. «Благие знамения» – это воплощенный постмодерн, суть которого состоит в том, чтобы одеть древнее и классическое в современные одежды. Поэтому здесь не всадники, а байкеры Апокалипсиса. Война – торговка оружием, Голод – владелец закусовых, которые вызывают ожирение, и автор книг о похудении, а Мор после изобретения пенициллина вышел в отставку и уступил место Загрязнению Окружающей Среды. Четвертый байкер все же классичен – Смерть. Но, тем не менее, вестники конца света остаются теми самым всадниками, ведь имеют они власть «умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными» [4].

События, которые предвещают Апокалипсис в Откровении, переосмыслены в романе в реалиях настоящего: из вод морских поднимается Атлантида, Южная Америка снова покрывается тропическими лесами, НЛО парят над скоростными шоссе, с небес на полицейские фургоны сыплется живая рыба, а в Тэдфилде появляются тибетские ламы прямо из подземного туннеля...

Психология у сверхъестественных существ романа земная и современная. Ангел Азирафаэль и демон Кроули шлют руководству отчеты о том, какого успеха они добились в борьбе друг с другом, а сами идут вместе обедать. Они являются двумя сторонами одного, ведь добро и зло являются составляющими каждой личности, и именно человек делает выбор между ними.

Авторы соединили в образе демона Кроули два библейских персонажа: сначала он тот самый змий, который прельстил Адама и Еву, а позднее – падший ангел, наказанный вечно нести зло людям. В романе есть ироническая отсылка к истории появления падших ангелов: «Когда-то он был ангелом. И о Падении даже не помышлял. Просто связался с дурной компанией» [2]. Демон не просто носит «Прада», он еще и слушает «Queen» и разъезжает на антикварном черном «Бентли» 1926 года выпуска. Он очень современен, увлечен разного рода гаджетами и выращивает цветы (пусть и методом запугивания). И еще – он не то чтобы абсолютно демон. Он – «ангел, не столько падший, сколько катившийся по наклонной» [2]. Образ ангела Азирафаэля полностью создан автора-

ми, хотя и с определенной опорой на классические образцы. И хотя он не падший ангел, в отличие от своего коллеги, но и не совсем классический образец в том смысле, что умудрился найти себе работу на Земле, что уж никак не свойственно ангелам (Азирафаэль – букинист).

Отношения героев весьма противоречивы, ведь они уже тысячи и тысячи лет исполняют свои обязанности параллельно друг другу и являются врагами настолько долго, что стали чем-то вроде лучших друзей. События в романе развиваются так, что прямые представители Ада и Рая на Земле дружно восстают против своего непосредственного руководства и Большого Непостижимого Плана. В результате никто не проигрывает, но никто и не выигрывает, что позволяет удержать этот мир в равновесии.

Неоднократно в романе упоминаются Сатана и Вельзевул. В христианских представлениях эти персонажи чаще всего отождествляются (вместе с Мефистофелем и Люцифером). Однако в романе Вельзевул является посланником Сатаны. Образы этих персонажей также отвечают классическим канонам, но изрядная доля театральности в описании делает их похожими на персонажи из представлений уличных театров. Вот как описано появление Вельзевула: «Из земли медленно выплыла некая персона, похожая на царя демонов из рождественской пантомимы, но если бы сей персонаж участвовал в представлении, то с него никто не ушел бы живым, да еще потом пришлось бы призывать священника для очищения зала огнем» [2]. В качестве оппозиции Вельзевулу выступает Метатрон – глас Божий. Ангел Метатрон упоминается в Талмуде и Агаде и занимает особое положение среди других ангелов. Он выше остальных ангелов в табеле о небесных рангах и, находясь в непосредственной близости к Всевышнему, получает Его приказы, которые выполняет сам или же с помощью низших ангелов. Метатрон не менее театрален, нежели его оппозиция: «Полыхающая молния ударила в нескольких метрах от Адама, связав землю и небо раскаленным столбом с раструбом на конце, словно электричество дикой природы вдруг заполнило незримую форму» [2]. Эти два персонажа олицетворяют собой свет и тьму. Именно они ставят Адама-Антихриста перед выбором, ведь Армагеддон должен состояться, мир должен быть уничтожен в пользу одной из противоборствующих сторон. Но сверхъестественные сущности здесь ошиблись – Адам выбрал другой путь, путь сохранения мира ради будущего. «... он вырос человеком! Он не стал воплощением Зла или воплощением Добра, он стал просто... воплощением человека...» [2, с. 500]. Реакция же Сатаны на непослушание Своего сына тоже очень

человеческая, земная: он просто злится, хотя и очень сильно. «Это уже не Вельзевул! Это уже Сам. Его Отец! Но Армагеддона не будет, скорее у Него есть личные счеты» [2].

Играя с библейскими образами, Гейман и Прагчетт смогли не лишиться их серьезности. Шутки шутками, но миру действительно угрожает опасность, люди действительно гибнут, силы рая и ада на самом деле готовятся к битве. Они показаны со всей серьезностью, почти христиански. Однако обе стороны бесконечно далеки от простых смертных и одинаково опасны для них. Мысль, к которой Азирафаэль и Кроули пришли давно и стараются привести других, заключается в том, что судьбу Земли должны решать не высшие силы, а те, кто живет на ней. Люди. А Богу и Дьяволу следует оставить их в покое, потому что ни рай, ни ад не заменят людям мира, построенного ими самими.

Даже сцена последней битвы добра со злом в конце времен очень «человеческая» по своей природе. Противостояние света и тьмы описывается авторами без надлежащего пафоса. Согласно библейской традиции, в этой битве на горе Мегиддо будут принимать участие все цари земные (Откровение, 16:14-16) [4]. Однако через повальную небрежность многих участников событий последняя битва должна состояться в неприметном провинциальном английском городке Тэдфилд. Это удивляет и байкеров Апокалипсиса, которые, вопреки своему абсолютно современному виду, все же соблюдают правила и ждут классического развития событий. «– Совсем не так, парни, я все это себе представляла, — сказала Война. – Неужели я ждала тысячи лет лишь того, чтобы повозиться с какими-то проволочками? Такую перспективу не назовешь впечатляющей. Альбрехт Дюрер не зря тратил время на апокалиптические гравюры, уж я-то знаю. – А я думал, что мы задействуем трубы, — сказал Загрязнение. – Мы организуем лишь самое начало, — сказал Голод. А уж потом отправимся в путь по-настоящему. Уж это будет выезд! На крыльях бури и все такое» [2].

Да и место главного события всей истории человечества вовсе не то, о котором говорится в Библии. Это не древний город Мегиддо на горе Кармель, а «заповедное местечко в несколько квадратных миль, где на тучных лугах пасутся козлы», ибо «география нематериальна» и «если Армагеддон где-то есть, то он есть везде» [2]. И вместо всех земных царей участие в решающей битве принимают простые люди – ребяташки-друзья Адама, престарелая медиум и пенсионер-охотник на ведьм, молодая оккультистка и клерк-неудачник.

Вся эта суета вокруг главного события очень ярко характеризует человечество, а именно чисто человеческое желание хотя бы опосре-

дованно приобщиться к чему-то выдающемуся, создать толпу, охваченную коллективными чувствами и переживаниями. И лишь Адам, как определенного рода лирический герой, противостоит толпе. Да и сам Апокалипсис, кажется, лишен любой серьезности и даже описан в боксерских терминах: «Великая война, Последняя битва. Рай против Ада, три раунда, одно Падение, апелляции не принимаются. И всё, приехали. Конец света. Иначе говоря, конец мира. Мир закончится, и останутся лишь вечные Небеса или, если выиграет другая сторона, вечный Ад. Еще неизвестно, что хуже» [2].

Терри Пратчетту и Нилу Гейману удалось рассказать историю о конце света весело и непринужденно, но в то же время поучительно. Вот только вывод они делают неоднозначный: равновесие мира находится не в руках высших сил, а в руках самих людей. Единственной проблемой остается тот факт, что «придя в мир, полный неприятностей и опасностей, человек посвящает львиную долю энергии тому, чтобы сделать его еще хуже» [2]. Не зря авторы вкладывают в уста Кроули, рассуждающего о природе людей, слова великого Шекспира: «Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!» [2].

Цитаты и аллюзии в романе не только создают богатый контекст произведения, они придают образам емкость и выпуклость. То, что не сказано словами, дополнено намеками и прямыми отсылками к источникам. Зачастую расшифровать ту или иную аллюзию или же найти источник цитаты удается не с первого раза, что делает этот роман увлекательным поиском.

Роман-фэнтези «Благие знамения» несомненно относится к постмодернистскому направлению в литературе в силу своей интертекстуальности. Ведь именно постмодернистское творчество отличается разнообразием культурологических связей, мифологичностью мышления, переосмыслением культурных и литературных традиций, цитатностью на всех уровнях текста. Именно эти характеристики романа, да и всего стиля фэнтези превращают подобные тексты в своего рода знаки культуры XXI века.

Литература

1. Корабльова, Н.В. Интертекстуальність літературного твору (на матеріалі роману А.Бітова «Пушкінський дім») / Н.В.Корабльова: автореф. дис. ... канд. філ. наук. – Донецьк, 1999. – 20 с.

2. Пратчетт, Т. Благие знамения / Т. Пратчетт, Н. Гейман; пер. Юркан М. – М.: Эксмо, 2012. – 512 с. – Электронный ресурс: <http://lib.rus.ec/b/417516/read>

3. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.

4. Откровение святого Иоанна Богослова. Новый Завет. Глава 6. Электронный ресурс: http://days.pravoslavie.ru/Bible/B_otkr6.htm

Ирина Галуцких

Запорожский национальный университет (Украина)

ИКОНИЧНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТЕЛЕСНОСТИ В ОБРАЗНО-НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ АНГЛИЙСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА (концептуальный анализ)

В современной науке значимое место занимает тело человека и его телесность, изучение которых носят междисциплинарный характер. Среди исследований тела человека находим как выполненные в области естественных наук, так и гуманитарных – социологии, психологии, культурологии, философии, литературоведения, лингвистики и т.п. Что касается анализа телесности в сфере гуманитарных исследований, как показал аналитический обзор литературы, изучению подлежат различные аспекты тела, что позволило выделить такие его виды как природное (биологическое) тело, социализованное тело, культурное тело, эротизированное тело, сенсорное тело, тело под властью и т.п.

В виду современного понимания телесности как диалектического единства телесного и духовного, как интегрирующей характеристики экзистенциального опыта человека, в настоящее время эта категория объединяет комплекс природных, индивидуальных и культурных признаков тела человека и рассматривается как поле взаимодействия внутренних и внешних жизненных пространств человеческого существа [8, с. 113].

Существование на пересечении природного и социокультурного, обусловленное включением «человека телесного» в социокультурное пространство, приводит к изменениям в восприятии и понимании тела и телесности.

Так, в современном видении на передний план выдвигается идея о знаковой природе телесности, согласно которой человеческое тело выступает одновременно плоскостью проецирования смыслов и средством их формирования, что позволяет говорить о семиозисе телесности, и предполагает понимание тела как знака, семиотического кода.

Наивысшего уровня семиотизация телесности достигает в период постмодернизма, когда телесность рассматривается как сфера активи-

рования различных социальных и дискурсивных кодов (ср. «феноменологическое тело» М. Мерло-Понти [6], «социальное тело» Ж. Делёза и Ф. Гваттари [10], «текстуальное тело» Р. Барта [1]).

Поскольку тело человека и его телесность выступают ключевыми категориями, получающими всестороннее освещение и специфическую интерпретацию в кинематографии, изобразительном искусстве, литературе, соответствующие тенденции наблюдаются и в этих сферах социокультурной деятельности.

В данной работе объектом исследования выступают языковые формы выражения знаковой природы телесности в художественной семантике. Основное внимание фокусируется на специфике репрезентации семиотики телесности в образно-нарративной структуре художественного текста, а именно на иконичности как признаке знаковости.

Материалом исследования выступили художественные тексты представителей постмодернизма в английской литературе – Дж. Уинтерсон («Written on the Body») и П. Акройда («The Process of Elizabeth Cree»).

Исследование выполняется в русле когнитивной поэтики. В данной статье наблюдения над процессами формирования художественной телесности осуществлялись посредством применения методов семантико-когнитивного анализа, что предполагает реконструирование концептуальных метафор в тексте [11; 13, с. 47-53; 14] и позволяет выявить спектр референтных сущностей и диапазон метафорических коррелятов, соответствующих концептосфере ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА в образном пространстве художественной прозы.

Термин «иконичность» трактуется в понимании Ч. Пирса, создавшего базовую классификацию знаков, среди которых находим, наряду со знаками-символами и знаками-индексами, знаки-иконы – изобразительные знаки, в которых означаемое и означающее связаны меж собой по подобию [7].

Введенное Ч. Пирсом понятие иконичности в лингвистической науке и когнитивной поэтике в частности получает развитие и используется для определения степени мотивированного взаимодействия между означающим и означаемым в языке [16, с. 22].

Так, в структурной лингвистике понятие иконичности трактуется как изоморфизм, сходство между формой языковых средств и передаваемых ими значением, а также как параллелизм между синтаксисом и семантикой [2, с. 248].

В литературоведении иконичность стала предметом изучения в связи в мимезисом как способом художественного отображения действи-

тельности, благодаря которому описываемые в произведении предметы, явления и события художественной картины мира оказываются подобными реально существующим [2].

Поскольку в когнитивной лингвистике значение языкового знака трактуется как преломленное сквозь сознание воплощенное понимание [12, с. ххі], что подразумевает факт отображения мира не непосредственно, а через фильтр концептуального аппарата человека, проблема иконичности в языке стала многоаспектной. Например, говоря об иконичности, имеют в виду средства воплощения сходства между формой речевых выражений и значением изображаемых предметов или явлений окружающего мира [15], что находит выражение в идее об иконичных принципах текстовой организации [2, с. 248].

В лингвопоэтике и когнитивной поэтике в исследованиях образности иконичность понимают как изоморфизм, соответствие содержания образа и средств его формирования, что позволяет трактовать любые средства образности, образованные путем аналогового механизма переосмысления, как основанные на иконичности соположенных образов. При этом, «иконичность как отображение в языковых знаках тождества между означаемым и означающим актуализуется в словесной ткани поэтических текстов посредством соблюдения принципов расстояния, количества и последовательности» [2, с. 249].

В данной работе принцип иконичности используется в узком понимании и подразумевает изоморфизм образов, при котором означаемое (объект переосмысления, домен цели в процессе образной концептуализации) и означающее (предмет переосмысления, домен источника концептуализации) связаны между собой посредством принципа эквивалентности, по подобию.

Так, в анализируемых текстах наблюдаем соблюдение принципа иконичности в ходе формирования образных средств создания художественной телесности. В частности, иконичность художественной телесности проявляется в отождествлении телесности и текстуальности (ср. об их изоморфизме говорил еще Р. Барт), а также телесности и дискурсивности, что наблюдаем в образно-нарративной системе романов Дж. Уинтерсон «Written on the Body» и П. Акройда «The Process of Elizabeth Cree» соответственно. Такое видение телесности находит отражение в процессах образной концептуализации, когнитивных механизмов, лежащих в основе переосмысления, и предполагает активацию концептуальных метафор ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ЭТО ТЕКСТ / HUMAN BODY IS A TEXT и ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ЭТО ДИСКУРС / HUMAN BODY IS A DISCOURSE.

Как продемонстрировал проведенный анализ, одним из приоритетных модусов образной концептуализации ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА / HUMAN BODY в романе Джанет Уинтерсон «Written on the Body» выступает направление переосмысления, обобщаемое при помощи концептуальной метафоры ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ЭТО ЗНАК / HUMAN BODY IS A SIGN, что в художественном тексте находит воплощение через импликацию концептуальной метафоры ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ЭТО ТЕКСТ / HUMAN BODY IS A TEXT.

ТЕКСТ / TEXT, понимаемый как сложный языковой знак, неслучайно выбирается образным коррелятом ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА / HUMAN BODY, поскольку отражает общую направленность мыслителей и писателей постмодернизма. Постмодернисты вообще ставят в центр философствования язык, прежде всего текст, отдавая приоритет эстетике переживаний, причем язык для постмодерниста – это универсальная среда чувственности человека [4].

Апелляция к чувственности и эротизму тела человека в контексте романа через образное уподобление тексту как языковому знаку коррелирует также и с ранее высказанной точкой зрения Р. Барта, который в достаточно конкретизированной форме высказал свое видение тела как текстового знака (см. выше).

Такое видение соотношения тела и текста, высказанное Р. Бартом, находит отражение в контексте анализируемого романа, поскольку именно эротические аспекты телесности акцентируются за счет импликации указанного модуса концептуализации, где ТЕКСТ / TEXT выступает образом, соотносимым с телесным кодом (концептосферой ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА / HUMAN BODY) в художественном тексте.

Такое направление переосмысления иллюстрирует целый ряд фрагментов текста, и, очевидно, является приоритетным в тексте романа. Например, обобщенное видение тела как текстового знака отражается в следующем фрагменте: «Articulacy of fingers, the language of the deaf and dumb, singing on the body longing. Who taught you to write in blood on my back? Who taught you to use your hands as branding irons? You have scored your name into my shoulders, referenced me with your mark. The pads of your fingers have become printing blocks, you tap a message on to my skin, tap meaning into my body. Your morse code interferes with my heart beat» [17, с. 89].

Дж. Уинтерсон конкретизирует свое видение тела как текста, сравним: «Written on the body is a secret code only visible in certain light; the accumulations of a lifetime gather there. In places the palimpsest is so heavily

worked that the letters feel like Braille. I like to keep my body rolled up away from prying eyes. Never unfold too much, tell the whole story. I didn't know that Louise would have reading hands. She has translated me into her own book» [17, с. 89].

Тело здесь переосмысливается сквозь призму палимпсеста (*palimpsest*), манускрипта, свернутого и скрытого от нежелательных любопытных взглядов (*like to keep my body rolled up away from prying eyes*), который человек всегда старается не разворачивать полностью и не «рассказывать всю историю» (*never unfold too much, tell the whole story*), не раскрывая своей сущности всем проходящим людям.

Из приведенных фрагментов очевидно, что именно на теле повествуется наша история, отражается наш прошлый опыт в виде «письмен», «секретного кода» (*written on the body is a secret code only visible in certain light*), который понятен не всем, хотя и очевиден, и глубоко, «сильно впечатан» в кожу (*so heavily worked that the letters feel like Braille*), а только любовникам, вступающим в сексуальный контакт. Именно любовники имеют «читающие руки» (*reading hands*), которые и «расшифровывают послание», изучая истинную сущность любимого человека. Этот процесс в образной системе автора представляет собой перевод «послания на теле любовника» на свой, понятный только ему «язык» (*she has translated me into her own book*), делая его открытым и понятным, в чем и состоит процесс «раскодировки». Именно потому персонаж романа и задается вопросом: «What else is embossed on your hands but her?» [17, с. 189] в стремлении разгадать возлюбленную, что на деле в образной системе автора представляется как разгадка «тиснения на ее руках» (*embossed on your hands*), «отпечатка» прежней любви.

Любопытно, что параллельно с процессом «раскодирования» друг друга, любовники в процессе сексуальных отношений одновременно «закодируют» друг друга или «перекодируют» в понятный им язык. Этот процесс они осуществляют, будто бы оставляя на теле любимого человека знаки, что имеет место посредством телесного контакта, прикосновений пальцами, которые «превращаются в литеры» (*the pads of your fingers have become printing blocks*), имеют способность «выжигать клеймо» (*use your hands as branding irons*), «писать кровью» (*to write in blood on my back*) на возделеющем теле любимого человека, пометать его своим именем и оставлять на нем метки (*have scored your name into my shoulders, referenced me with your mark*), впечатывать послание в кожу и смысл в тело любовника (*you tap a message on to my skin, tap meaning into my body*), оставляя будто бы свое «присутствие на нем при

помощи языка глухонемых и ловкости пальцев» (*articulacy of fingers, the language of the deaf and dumb, singing on the body body longing*) и даже изменяя его, будто бы используя «азбуку морзе, которая перебивает ритм его собственного сердцебиения» (*your morse code interferes with my heart beat*).

Поскольку любовные и сексуальные отношения представляются в романе как процесс «прочтения» тела партнера и его «интерпретация» в понятных и близких для влюбленной пары терминах, это позволяет обобщить еще одно направление образной концептуализации в художественной прозе Дж. Уинтерсон, наблюдаемое здесь, при помощи концептуальной метафоры ЛЮБОВЬ ЭТО ПРОЦЕСС КОДИРОВАНИЯ И РАСКОДИРОВАНИЯ ЗНАКОВ НА ТЕЛЕ / LOVE IS THE PROCESS OF ENCODING AND DECODING THE SIGNS ON THE BODY. Ведь как и интерпретатор текста, любовник подходит к «расшифровке» тела возлюбленной, параллельно оставляя на нем свой «код», свои «письмена», как это представляется в образной системе автора романа: «I shall think of you every day, many times a day. *Your hand prints are all over my body. Your flesh is my flesh. You deciphered me and now I am plain to read. The message is a simple one; my love for you*» [17, с. 106]; «... *I will find a clue to you, I will be able to unravel you, ...*» [17, с. 50]. Дж. Уинтерсон изображает процесс узнавания друг друга как процесс «дешифровки» кодов (*You deciphered me, I am plain to read, I will find a clue to you, I will be able to unravel you*), и послание оказывается простым, это – любовь (*The message is a simple one; my love for you*).

То, как влюбленные обычно считают друг друга принадлежащими только им, Дж. Уинтерсон отображает, акцентируя внимание на такой детали образа как «авторские права», заявляемые на «письмена на теле»: «When we were over, I wanted my letters back. My *copyright* she said but her property. She had said the same *about her body*» [17, с. 17], а иногда и попросту на наличии «подписи» на теле, оставленном на нем имени: «This is *the body where your name is written, ...*» [17, с. 177–178], что, будто бы, делает тело возлюбленной его собственностью.

Итак, образное представление человеческого тела в романе актуализирует такие его признаки как: 1) *информативность*, поскольку тело несет на себе историю его владельца; 2) *коммуникативная направленность*, поскольку тело способно «сообщать» информацию о своем владельце – как его эмоциональном состоянии, так и пережитом опыте и духовной наполненности, из чего следуют такие признаки как 3) *смысловая целостность, логическая завершенность, тематическое и*

композиционное единство составляющих, поскольку тело может быть «прочитано» и воспринято как целостное завершенное «сообщение», которое по типу «высказывания» представляет собой повествование или описание, и дает завершенную информацию о своем владельце посредством телесных знаков.

То, что *текстовый код* выступает метафорическим коррелятом *тела человека* в образной системе романа Дж. Уинтерсон, акцентирует принадлежность последнего к кодовым системам особого вида, которые могут не только подвергаться процессам раскодирования реципиентом (понимания, интерпретации), но и кодировки, перевода в другую кодовую систему.

Перечисленные признаки *тела человека* делает его сродни текстовому сообщению, отождествляет его с *текстом*, понимаемым как письменное сообщение, объективированное в виде письменного документа [3], состоящее из ряда высказываний, объединённых разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее прагматическую установку и обладающее семантической цельностью, членимостью, композиционной и смысловой завершенностью, стилевым единством.

Иконический принцип подобия *тела и текста* обуславливает выбор для образной интерпретации *телесного кода* образа *текстового кода*, при помощи которого в романе Дж. Уинтерсон имеет место актуализация эротизированного тела.

Иконичность телесности и уподобление семиотическим системам проявляется как в случае апелляции к чувственности и эротизму тела, так и в случае описания индивидуального экстремально-экзистенциального опыта индивидуума. Если в первом случае получает развитие художественный образ ЭРОТИЗИРОВАННОГО ТЕЛА, то во втором — образ «СЛОМАННОГО» ТЕЛА (УБИТОГО И РАСЧЛЕНЕННОГО ТЕЛА).

Формирование последнего находит воплощение в тексте романа Питера Акройда «Дан Лено и Голем из Лаймхауса или Процесс Элизабет Кри», где акцентирование получает дискурсивная природа телесности, основанная на иконическом принципе подобия *тела и дискурса*, что в образно-нарративной системе художественного текста находит воплощение через импликацию концептуальной метафоры ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА КАК ДИСКУРС / HUMAN BODY AS A DISCOURSE и образа НАРРАТИВНОГО ТЕЛА / BODY NARRATING.

Так, в романе, в котором П. Акройд повествует историю женщины-убийцы по имени Элизабет Кри, казненной за жестокое убийство не-

скольких людей и расчленение их мертвых тел, дискурсивная природа присуща образу *убитого тела*, имеющего символический характер и передающего «идею автора» (убийцы) как своеобразное «сообщение», адресованное наблюдателям, причем это «сообщение» убийца «отсылает» жестоким и нечеловеческим способом: он расчленяет тела своих жертв и придает определенный смысл порядку и способу расположения отчлененных частей тела и вынутых внутренних органов, позиционируя их в соответствии со своей задумкой, благодаря чему и формируется образ НАРРАТИВНОГО ТЕЛА / BODY NARRATING.

Например, изоморфизм *тела* и *дискурса* становится очевидным при анализе фрагментов текста, где описывается одно из убийств и активирована концептуальная метафора ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ЭТО ДИСКУРС / HUMAN BODY IS A DISCOURSE. Сравним фрагмент текста: «Another female prostitute, Alice Stanton, was found lying against the small white pyramid in front of the church of St Anne's. Her neck had been broken, and her head unnaturally turned so that she seemed to be staring just beyond the church itself; her tongue had been cut out and placed within her vagina, while her body itself was mutilated in a manner reminiscent of the killing of Jane Quig nine days before. Upon the pyramid itself the word 'golem' had been traced in the blood of the dead woman» [9, с. 6].

Здесь значимым для выявления иконичности телесности за счет подобия *тела дискурсу* оказывается не только объединение вербальных знаков, к которым относится слово «голем», написанное кровью (*the word 'golem' had been traced in the blood of the dead woman*), и выглядящее как подпись, с телесными знаками, включающими позу, выражение лица, место и способ расположения мертвого тела и его фрагментов, что требовало декодирования.

В частности, поворот головы и направление взгляда убитой, которое убийца позже конкретизирует («Alice Stanton has not been gazing at the church but at the building beyond it: *she had been gazing at the workshop where the Analytical Engine waited to begin its life*» [9, 124]), имеет смысл: «... this was a period when, perhaps under the unacknowledged influence of old superstitions, *the position of the eyes of the murdered victim was considered important*. Even in later years, *they were photographed* in case there was any truth in the belief that *they would reflect the face of the murderer*» [9, с.124]. Именно поэтому расшифровке этого фрагмента картины убитого тела – направление головы и взгляда жертвы на здание, где в лаборатории проводилась разработка так называемой «аналитической машины» (прототипа компьютера), – уделяется наибольшее

количество внимания, поскольку он несет ключевую часть телесного «послания», оставленного убийцей.

При помощи этого телесного знака убийца будто бы рассказывает о своих опасениях относительно того, кто, точнее, *что* является убийцей в действительности: «Perhaps Charles Babbage's creation (*Analytical Engine*) was the true Limehouse Golem, draining away the life and spirit of those who approached it. Perhaps the digits and the numbers were little chattering souls trapped in the mechanism, and its webs of iron no less than the web of mortality itself» [9, с. 147]. Поскольку считалось, что последнее увиденное жертвой и отразившееся зрачках убитого, и есть убийца, в этом телесном знаке есть логика. Убитое тело будто «рассказывает» кто виноват в смерти, указывая на место разработки механизма (будущего компьютера), который называет настоящим «големом», убийцей, который будто «забирает души» всех, кто приближается к ней (*draining away the life and spirit of those who approached it.*), «заточает» их внутри смертельной «железной паутины» (*souls trapped in the mechanism, its webs of iron, web of mortality*). Тем самым убитое тело будто открывает и выводит на поверхность реальные страхи людей того времени, которые, очевидно, боялись стремительного развития цивилизации, что предполагало создание искусственного интеллекта и других механизмов, которые могли и призваны были заменить человека в его определенных функциях и могли восприниматься как суррогатные, ненастоящие формы «жизни». Именно поэтому автор и называет эту машину «металлическим демоном», созданным сгустком самых мрачных человеческих чувств и желаний: «*It seemed to him, for a moment, that this machine was like some metal demon summoned by the sullen appetites of men*» [9, с.120], как олицетворяющую все самые ужасные проявления общества эпохи.

Таким образом, фактический убийца (Элизабет Кри) при помощи убитого и расчлененного тела жертвы, которое выступало в качестве «нарративного» инструмента трансляции его мыслей, «повествует» историю «голема из Лаймхауса», а на самом деле, человеческих страхов перед цивилизацией и ее деструктивным воздействием на человеческое существо.

Дискурс тела реализуется в образной системе романа П. Акройда с помощью образа *сломанного тела*, которое выступает в качестве семиотической системы как способ кодирования и передачи информации, что предусматривает активирование концептуальной метафоры ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ЭТО ДИСКУРС / HUMAN BODY IS A DISCOURSE, на чем основывается иконический принцип подобия *тела* и *дискурса*.

Означающая функция тела выдвигается на передний план, что определяется фактом адресации убийцей определенной идеи неким наблюдателям, которую он выражает через убийство, расчленение человеческого тела и позиционирование его фрагментов четко определенным им самим образом, будто бы начиная с помощью телесных знаков «беседу». В целом процесс убийства организуется им как интерлокутивная деятельность, как его «речь», направленная на выражение его мнения, которая начинает целый «коммуникативный акт», поскольку явно апеллирует к наблюдателям и предполагает их ответную реакцию путем «раскодирования» такого «послания».

Указанные признаки приближают данные манипуляции с телом к вербальной форме дискурса, придавая и самому телу дискурсивную природу, и позволяют обобщить такое направление образного переосмысления *тела человека* с помощью концептуальной метафоры УБИЙСТВО И РАСЧЛЕНЕНИЕ ТЕЛА ЭТО КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ / BODY MUTILATION AS A COMMUNICATIVE ACT.

Изоморфизм тела и дискурса основывается на ряде общих признаков, к которым относятся принадлежность обоих к *сложным коммуникативным явлениям*, которые выступают как отображение мировоззрения, восприятия мира и отношения к нему его творца. Поимого обе кодовые системы отличаются *информативностью* (транслируют информацию), *коммуникативной направленностью* (имеют цель «высказывания»), *сложностью* (состоят из конститuentов (смысловых блоков)), *семантической целостностью*, причем их семантика зависит от погружения в определенный ситуативный контекст и предполагает *соотношение означающего и означаемого*, а также взаимодействие «автор – код» и «код – реципиент». Интерпретация обеих кодовых систем не обходится без принятия во внимание комплекса экстралингвистических факторов (знаний о мире, установок, целей адресата и т.п.), необходимых для их понимания.

Литература

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. с фр. – М., 1989. – 436 с.
2. Белехова, Л. Іконічність в американському поетичному дискурсі: проблеми перекладу / Л. Белехова // Науковий Вісник Херсонського державного університету. Серія “Лінгвістика”: зб. наук. праць. – Херсон: ХДУ. – 2010. – Вип. 11. – С. 247–252.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 28 с.

4. Канке В.А. Он-лайн учебник по философии / В.А. Канке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumfak.ru/filos_html/kanke/content_kanke.shtml. – Дата доступа: 5.01.2014.
5. Караулов, Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров // ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 3–14.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб: Ювента, 1999. – 340 с.
7. Пирс, Ч.С. Избранные философские произведения / Ч.С. Пирс. – М., 2000. – 270 с.
8. Телесность // Энциклопедия постмодернизма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/postmodern/Telesnost-399.html>. – Дата доступа: 5.01.2014.
9. Ackroyd P. Dan Leno and the Limehouse Golem or The Process of Elisabeth Cree. – London: Minerva, 1995. – 282 p.
10. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Œdipe. – Les Editions De Minuit, 1972. – 268 p.
11. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending And The Mind's Hidden Complexities. – NY, 2003. – 384 p.
12. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination. – Chicago: Chicago University Press, 1987. – 367 p.
13. Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. – Oxford, 2002. – 400 p.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980. – 286 p.
15. Nänny M., Fischer O. Introduction: Iconicity as a creative force in language use // Form Miming Meaning: Iconicity in Language and Literature. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin, 1999. – P. III–XXV.
16. Nöth W. Semantic foundation of iconicity // The Motivated Sign: Iconicity in Language and Literature. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin, 2000. – P. 21–28.
17. Winterson J. Written on Body. – London, 2001. – 186 p.

Виктория Голубева

Центр исследований белорусской культуры языка и литературы
Национальной Академии наук Беларуси

О СИНКРЕТИЗМЕ СЕМАНТИКИ НАРЕЧИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Уникальность поэтических текстов в рамках художественного дискурса продолжает привлекать внимание исследователей. Относительно автономное положение данной «функционально-эстетической системы» [5, с. 3] обусловлено особыми требованиями, налагаемыми на по-

этический текст, а также характеристиками поэтического текста, существенно отличающимися его от текста прозаического.

Языковая специфика поэтических произведений далеко не исчерпывается лишь формальными требованиями к их организации, ведь писать стихи – это не значит «складывать фразы в правильно чередующиеся, зарифмованные строки и строфы» [9, с. 5]. Авторы используют обширный спектр приемов и средств в стремлении к смысловой насыщенности и в целях обеспечения множественности интерпретации поэтических строк.

Таким установкам поэтов в полной мере соответствуют семантическое богатство и гибкость наречий. Категориальные свойства наречий позволяют им не только выступать носителями заложенной в них языковой информации, но и существенно обогащать свою семантику в контексте. Именно на уровне наречий отчетливо проявляется принцип мощного синтагматического взаимовлияния лексем, характерный для поэтических текстов в целом. В результате семантическая структура адвербов трансформируется и нередко обнаруживает **синкретизм** (от греч. *synkrētismos* – соединение) – совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка, противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности [2, с. 446].

Материалом для анализа переходных адвербиальных явлений нам послужили произведения Б. Ахмадулиной, поэтический почерк которой отличается уникальностью и неповторимым изяществом. Исследование ее лирики позволило выявить несколько типов синкретизма наречий. В данной статье мы рассмотрим специфику проявления семантического синкретизма, весьма широко и многопланово представленного на уровне адвербиальной лексики.

Как отмечает В.В. Бабайцева, «синкретичные образования характеризуются более богатой семантикой, чем ядерные единицы. Совмещение разнородных признаков в переходных явлениях не является простой суммой синтезирующихся свойств. Сплав дифференциальных признаков типичных единиц... обычно сопровождается семантической конденсацией» [3, с. 241]. Конденсация (от лат. *condense* – уплотняю, сгущаю) вызывает смысловое напряжение наречной лексемы в контексте, поскольку два и более семантических элемента, объединенных в одном наречии, не существуют автономно, а начинают каузально соотноситься друг с другом, порождая при этом новый смысл. Такая смысловая плотность адвербиальных лексем возникает при совмещении в наречии, с

одной стороны, нескольких семантических множителей одного лексико-грамматического разряда, с другой – нескольких сем разных лексико-грамматических разрядов.

Пересечение сем **собственно качественных** наречий демонстрирует следующий контекст Б. Ахмадулиной: *Играя в смех, в иные времена, / нога ледок любовно расколола*¹. В данном случае наречие может быть истолковано как «осторожно, слегка» либо «коккетливо, жеманно» и др.

Смысловая емкость наречной лексемы проявляется и в таких поэтических строках: *А мальчуган, причастный чудесам, / несет в ладони семь стеклянных граней, / и отблеск их летит на красный гравий / и больно ударяет по глазам*. Наречие больно отражает стремление поэта уравновесить и представить во взаимоотношенности физическую и психологическую составляющие единого созданного им образа. В результате в адвербиальной лексеме органично объединяются семантические доли «ярко, ослепляюще» (передает физическое воздействие) и «соблазнительно, искушающе» (психологическое воздействие).

В поэтических текстах Б. Ахмадулиной частотны наречные лексемы, интегрирующие семантику нескольких подразрядов **определятельных** наречий.

Неразрывная связь в сознании человека категорий качества и количества проявляется в синкретичном совмещении в одной лексеме сем **качественных наречий** и **наречий меры и степени**². Способность таких наречий давать качественно-оценочную квалификацию действий и вместе с тем указывать на их квантитативные характеристики обуславливают экономность и экспрессивность данных языковых средств. Не случайно данный тип семантического синкретизма в текстах Б. Ахмадулиной представлен шире остальных. Количественные наречия, используемые для восходящей градации признака, превалируют у поэта в целом. Аналогичная закономерность наблюдается и на уровне синкретичных образований качественно-количественных наречий. В большин-

¹ Здесь и далее цит. по [1].

² Совмещение в одной лексеме качественных и количественных сем не является исключительно наречной особенностью, а распространяется и на другие частеречные группы слов. Е.В. Урысон отмечает: «В значение большинства собственно оценочных прилагательных, описывающих человеческое тело (ср. *изящный, статный*), входит указание на размер. И наоборот, в значение многих параметрических прилагательных, характеризующих человека, входит оценочный компонент» [10, с. 741].

стве случаев адвербиальные лексемы, наряду с качественными семами, включают семантическую долю «очень, в высшей степени».

Такие наречия используются Б. Ахмадулиной для передачи богатства внутреннего мира лирических героев, так как обозначают высокую степень проявления чувств человека: *горячо (любившему), пылко (влюблены), крепко (люблю) – и его эмоциональное напряжение: бойко (бедует), смертельно (тоскуем), алчно (сочувствуя прибыли света), страстно (ждали)*. С помощью наречий Б. Ахмадулина также фиксирует активность и частоту речемыслительной деятельности: *подробно (изложи), жадно (вспомню), твердо (помню), часто (мыслишь)*, а также интенсивность сенсорных процессов субъекта: *острее (взглянуть), пристально (следит)*. Синкретичные адвербиальные лексемы способны выражать и характеристики физических действий/состояний – скорость их осуществления / протекания: *быстро (стою)*; ценностные параметры: *дорого (платить)* и в целом характер межсубъектных и субъектно-объектных отношений: *беспоощадно (взимает долг), ненасытно (вкушает), щедро (расточал)*...

В текстах Б. Ахмадулиной наречия, включающие параметрические семы, значительно реже выражают диминутивность: *легко (впились), скупо (мерцая), смутно (пахли)*.

Количественное значение иногда присутствует в семантике не только собственно качественных наречий (наречий на -о, образованных от качественных имен прилагательных), но и у **других наречий образа действия**. Следующие лексемы, наряду с указанием на способ осуществления действия, содержат в своей семантической структуре определенные квантитативные показатели: *вполглаза (покошусь)* – «менее внимательно, чем можно было бы, наполовину закрыв / открыв глаза», *вполрта (усмехнусь)* – «слегка, немного улыбнувшись», *вслась (утешу, повеселюсь)* – «до полного удовлетворения, вдоволь», *наотрез (рассвело)* – «бесповоротно, окончательно, в полной мере», *насилу (доискался)* – «с большим трудом», *насквозь (пронзен)* – «через всё протяжение чего-нибудь» и др.

Реже в поэтических текстах Б. Ахмадулиной встречаются наречия, объединяющие семантику «**способ и образ действия**» и «**совместность**». В сущности, значение совместности также предполагает наличие у лексемы количественных сем, так как указывает на осуществление действия несколькими субъектами, находящимися во взаимодействии. Ср.: *гурьбой (являются в горницу)* – (1), *наперебой (говорят)* – (2). Наречия типа *встречно (смотрит)* – (3) предполагают существование, на-

ряду с производителем действия, одного / нескольких лиц, на которых направлено действие. Приведенный адвербиальный ряд демонстрирует, что «удельный вес» сочетающихся свойств в каждом из наречий различается. От первого к третьему наречию значение совместности постепенно ослабляется и вытесняется семантикой образа действия. Так, в лексеме *гурьбой* («шумной, веселой толпой») оба значения находятся в равноправных отношениях; наречие *наперебой* выражает в первую очередь интенсивность действия и лишь опосредованно его полисубъектность. В наречии *встречно* доминирует обозначение направления действия. Сема же совместности представлена неочетливо в силу того, что лица не объединены общим действием: одно выступает его субъектом, другое – объектом. О значении совместности наречия в данном случае можно говорить лишь потому, что наречная лексема становится маркером типа отношений между лицами.

В некоторых наречиях качественность сопровождается сравнительно-уподобительным оттенком значения. Сами сравнительные наречия несут мощный оценочно-характеризующий потенциал. С.О. Карцевский замечал, что «в основе сравнения почти всегда лежит субъективная оценка... <...> «Сравнить» – значит выразить свое отношение, «оценить», «измерить», руководствуясь нашими чувствами и нашими страстями» [6, с. 107, 112].

Кроме того, как отмечает В.И. Бартон, акт сравнения включает важный элемент – вывод из сравнения. Иными словами, результатом сравнения является не только и не столько установление тождества или различия, сколько порождение нового знания [4, с. 33–34]. Именно оно становится выводом сравнения и заключает в себе качественную и оценочную составляющие (см. об этом также в [7]). Ср. в наречии *раболепно* из контекста: *Раболепно музейные туфли наденем, / но учтивый хозяин нас в гости не звал – отчетливо просматривается сравнение подобно рабу, которое становится основой возникновения у данной лексемы качественных оттенков («услужливо, угодливо») и – в данном случае – автоиронической коннотации. Или следующий поэтический фрагмент: Он [город] всегда только их [поэтов] оставался владением, / к нам был каменно замкнут иль вовсе не знал – демонстрирует, что посредством сравнения как камень в наречии актуализируются качественные семы «безжалостно, жестоко». В силу этого наречные лексемы иногда трудно однозначно семантически атрибутировать: в них неразрывно слиты свойства обоих лексико-грамматических разрядов.*

Довольно часто в поэтических текстах Б. Ахмадулина использует адвербиальные лексемы, совмещающие определительные и обстоя-

тельственные семы. Возникновение данного типа синкретизма предопределено тем, что условия осуществления действия непосредственно влияют на его качественные характеристики. В «Русской грамматике» не случайно представлено широкое понимание определительных отношений как отношений, «при которых предмет, явление, действие, состояние, признак определяется со стороны своего внешнего или внутреннего качества, свойства, принадлежности, а также получает различные обстоятельственные характеристики... Определительные отношения могут быть или собственно определительными... или обстоятельственно-определительными [курсив наш – В.Г.]» [8, с. 726].

В наречных лексемах нередко совмещается семантика образа действия и времени. При этом указание на характер действия сопровождается в наречии обозначением высокого/низкого темпа действия, а также частотности, повторяемости и последовательности действий: бегом – «быстрыми шагами, очень быстро»; разом (обожгу иль обморожу) – «в один прием, мгновенно, сразу»; резво (спряталась) – «живо, весело, шаловливо, быстро, стремительно»; скоро (ползти) – «без длительных остановок, с большой скоростью»; протяжно (молвлено) – «тягуче, медленно, нараспев»; заново (содаян) – «по-новому, в новом качестве, еще раз»; подряд (третий раз) – «повторяясь непосредственно вслед за чем-либо».

Обозначение образа действия и одновременно его пространственная характеристика (место или направление) заключены в следующих наречных лексемах: широко (открыт) – как? на каком пространстве? – «свободно, занимая большое пространство»; отдельно (поставленном) – как? где? – «обособленно, на расстоянии от чего-либо»; (жила) взаперти – как? где? – «не общаясь с другими людьми, в пределах ограниченного пространства»; наискосок (скачущий) – как? в каком направлении? – «под углом, по диагонали»; оземь (ударяется) – как? где? – «падающая сверху на землю, достигая земли».

Значение способа и образа действия в отдельных наречиях может осложняться причинно-целевыми оттенками. Поскольку адвербиальный способ обозначения причины и цели в самой языковой системе представлен нешироко, данный тип синкретизма и у Б. Ахмадулиной встречается редко. Каузальное значение приобретают, например, лексемы доверительно и слабо (никнули) – как? по какой причине? – «так как доверяли и ослабели»; тревожно (озирается) – как? по какой причине? – «так как тревожится»; целомудренно (ушел) – как? почему? – «так как был целомудренным». Семантика цели появляется у качественного

наречия корыстно (почернеть от рабства) со значением «жадно, расчетливо, для достижения своей выгоды»; а антицелевое значение («не имея определенной цели») реализуют лексемы наобум, наугад (связывать лес и дом).

В поэтических текстах Б. Ахмадулиной встречается и обратное явление, когда первичная каузальная семантика наречий ослабляется значением способа и образа действия: Быть может, сдуру, сгоряча / я б умерла в том белом зале, / когда бы моего врача / Газель Евграфовна не звали. Как видно из поэтического фрагмента, наречия передают не столько конкретную причину действия (каузальность), сколько бессознательность и необдуманность решений лирической героини (способ и образ действия). Ср. также контекст: Сил не было иметь температуру, / которая бездомью моему / не даст погибнуть спяну или сдуру.

Особую смысловую нагрузку несут наречные лексемы, в семантической структуре которых синкретично пересекаются свойства трех лексико-грамматических адвербиальных разрядов:

– качество, сравнение/уподобление и степень: А утром, свет опережая, / всплывает в глубине окна / лицо мое, словно чужая / предсмертно белая луна – выражает оттенок цвета (качество), крайнюю степень его проявления (количество) и носит уподобительный характер («как перед смертью»);

– способ и образ действия, место, причина: Но некто рвался жить, / выпрашивал: «Скорей!» / Томился взаперти и в сердцевине круга – взаперти – как? где? и почему?;

– качество, количество (мера и степень), пространство: Тем вольней принималась сирень разрастаться; Верх пекла огнедышит из лесов – / еще сильней и выпуклей, чем знаю – наречия вольно и выпукло отвечают на вопросы как? в какой степени? на какое пространство?;

– способ и образ действия, совместность, место: В благовоспитанном соседстве / поврозь мы дождались зимы; Ударь в меня, как в бубен, не жалея, / озноб, я вся твоя! Не жить нам розно! – наречия включают семы «раздельно, отдельно», «не вместе, поодиночке», «в разных местах».

Объединение в одной лексеме свойств нескольких обстоятельственных подразрядов наречий у Б. Ахмадулиной встречается довольно редко. Как правило, с помощью наречия поэт обозначает лишь одно из внешних условий осуществления действия – время, место, причину либо цель. Случай наречного обстоятельственного синкретизма представлен, например, в следующих строках: В той тоске, на какую спосо-

бен / человек, озираясь с утра / в понедельник, зимою, спросонок, / в том же месте судьбы, что вчера... Под влиянием иных темпоральных пространителей глагола лексема спросонок, наряду с первичным значением причины («так как находится в состоянии полусна»), начинает выражать временную семантику («когда пробуждается ото сна»).

Итак, контекстуальное совмещение в одном наречии свойств нескольких языковых единиц или нескольких лексико-грамматических классов является одной из существенных характеристик адвербиальной лексики. Синкретичные наречия способны заключать в себе одновременно физическую и психическую характеристики, обрамлять качественный признак его количественной градацией, фиксировать взаимообусловленность определительной и обстоятельственной семантики. Все это позволяет автору не только достичь компрессии поэтических строк, но и создать мерцание смыслов, деавтоматизировать восприятие текста и привлечь читателя к сотворчеству.

Літаратура

1. Ахмадулина, Б.А. Сочинения: в 3 т. / Б.А. Ахмадулина; сост. Б. Мессерера. – М.: ПАН, 1997.
2. Бабайцева, В.В. Синкретизм / В.В. Бабайцева // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 446.
3. Бабайцева, В.В. Явления переходности в грамматике русского языка / В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
4. Бартон, В.И. Сравнение как средство познания / В.И. Бартон. – Минск: БГУ, 1978. – 127 с.
5. Казарин, Ю.В. Поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Казарин. – Екатеринбург, 2001. – 33 с.
6. Карцевский, С.О. Сравнение / С.О. Карцевский // Вопросы языкознания, 1976. – № 1. – С. 107–112.
7. Михнюк, К.В. О взаимосвязи категорий оценки и сравнения (на материале английского языка) / В.К. Михнюк // Ярославский педагогический вестник, 2011. – № 1. – Т. 1 (Гуманитарные науки). – С. 131–136.
8. Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. I. – 783 с.
9. Тушнова, В.М. О поэзии / В.М. Тушнова // В. Тушнова Дом мой – в сердце твоём: стихотворения. – М.: Эксмо, 2004. – С. 5–10.
10. Урысон, Е.В. Семантика величины / Е.В. Урысон // Языковая картина мира и системная лексикография; отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 711–758.

Ольга Десюкевич

Белорусский государственный университет

ФЕНОМЕН АКВИТИЗМА В БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ 20-х гг. XX века

Целью данного небольшого исследования является экспликация содержания языкового знака *акавита*, созданного творческим объединением «Узвышша» и конденсировавшего его мировоззренческие позиции, нашедшие непосредственное воплощение в поэтическом творчестве Владимира Дубовки, Язэпа Пущи, Владимира Жилки и критическое осмысление в работах Адама Бабареки. По определению Владимира Конона, как раз в понятии *аквитизм* (aqua – вода + vita – жизнь) концентрируется сущность эстетики «Узвышша», архетип живой воды вводит белорусскую культуру в контекст христианской традиции [8, с. 31–32]. Знак *акавита*, таким образом, кажется связанным единственно с деятельностью объединения, прекратившего свое существование в 1930 году в момент разгрома творческого союза. Однако данный «конструкт» пережил свое время, более того, языковой знак *акавита* приобрел иной статус, нежели просто поэтизм, – он возникает в качестве названия фирм, торговых знаков, интернет-сайтов, музыкальных коллективов, т.е. проявляет свойства константы белорусской культуры. Тем важнее становится задача эксплицировать содержание данного языкового знака таким, каким его замысливали его создатели. Мы рассмотрим историю появления термина, затем сделаем попытку представить его как понятие, центральное в эстетике белорусской литературы 20-х годов, и – самое для нас главное – рассмотрим функционирование данного языкового знака в творчестве поэтов «Узвышша». Заключительный этап является важнейшим для данного исследования, поскольку предполагается, что анализ, направленный на выявление индивидуальных сем в значении слова *акавита* (на основании текстов Владимира Дубовки) и связанных с ним слов с семантикой воды, вина, движения, восхождения, прежде всего в их метафорическом употреблении (на основании творчества Владимира Жилки), способен уточнить имеющиеся толкования термина и более полно эксплицировать его содержание.

Термину *акавита* предшествовал термин *витаизм*, появление которого было вызвано внутренним недовольством группы поэтов ситуацией в белорусской литературе. В 1926 году в предисловии к сборнику «Vita паэзіі» Язэп Пуща вспоминает, что еще в 1923 году он и его единомышленники (Адам Бабарека и Никифор Чернушевич) ощущали не-

обходимость изменения поэтики: «...мы пагаджаліся з тым, што сучаснасць беларускай поэзіі ня мае адзінага стала вызначанага кірунку, ня мае сваёй пэўнай школы. ...Кожны з нас больш-менш пагаджаўся, што чарговае яе заданьне – сынтэз, стройная сугучнасць романтизму жыцця з яго рэалізмам, і гэта мы хацелі назваць словам «Vita» – жыццё – вітаізм (Здесь и ранее выделено автором. – О.Д.). Нам думалася, што ў гэтую новую квадру індывідуальнасць поэта павінна быць пастаўлена ў спрыяючыя ўмовы развіцця, але разам з тым у ёй павінны жыць ідэалы і імкненні колектыву і той шлях, які вядзе ў сьветлае заўтра – да сацыялізму. Але гэта неек заціхла, ня вылілася ў належную форму. Як нейкі водгук яго, выпускаю я гэты свой маленькі зборнік пад назвай «Vita» [11, с. 3]. Термины *витаизм* и его белорусский вариант *«ажыўленства»*, авторство которых принадлежит Адаму Бабарэке, отражают стремление изменить поэтику, обновить, придать ей творческий импульс, способный оформить новое литературное направление. Этот термин имплицитно обозначает оппозицию *живой – мертвой*, в связи с чем Антон Адамович вспоминает строки из стихотворения «Memento mori» Павла Каравайчика, друга Владимира Дубовки, в котором он предостерегает «Беларусаў ... жыцця помніць закон: што без руху, то ўмірае» [цит. По 6, с.8]. Эти строки позволяют выявить дифференциальную сему в указанной оппозиции – «движение», определяющую, как мы увидим позже, поэтику аквитизма, в особенности важную для творчества Дубовки и Жилки. Пуца подобным образом сформулировал свой идеал новой поэзии: «...яны [творы] павінны... набыць больш рухавасці, дзеяння, жыцця, псіхалагічнай дынамічнасці, г.зн. больш адчуць пульс эпохі» [10, с. 323].

Итак, белорусская поэзия должна обрести некий новый творческий импульс по сравнению с предыдущим этапом своего развития. А этим этапом была литература возрождения, и Антон Адамович полагает, что условием движения вперед для новой группы поэтов стало преодоление идей и поэтики возрождения, что вовсе не означает их отрицания – напротив, возрождение мыслится поэтами «Узвышша» как некий «золотой век», ставший, однако, не завершающим этапом, а исходным пунктом для дальнейшего развития: «...піянеры новай плыні... пачуваюць сябе, сваю нацыю й сваю нацыянальную літаратуру ўжо адроджанымі і таму імкнуцца выходзіць ужо з гэтага стану, адыходзіць ад яго да ўзыходжання на наступную ступень. А наступнай ступеняй для адроджаных, як і для народжаных, можа быць толькі само жыццё, і адсюль з усёй лёгічнасцяй выплывае ідэя жыцця як асноўная ідэя новае плыні, пакліканая змяніць у такой якасці ідэю адраджэння, сцяганосную

плыні папярэдняй» [6, с. 7]. Здесь следует заметить, что в отношении того, как мыслится преодоление идей возрождения, поэты «Узвышша» не были едины. Язэп Пуца в статье «За стыль эпохі» (1928) указывает: «...мне здаецца, мы занадта пераацэньваем нашаніўскую пару ў нашай паэзіі. ...Мне здаецца, дарэмна яе ўзводзіць у нейкі культ, канон і кожны радок паасобных нашаніўцаў лічыць нечым надзвычайным і вялікім, бо гэта не што іншае, яе самападман, якога шмат хто не можа сабе ўсвядоміць» [10, с. 317–318]. Таким было отношение к любому влиянию воспринималась этим поэтом как опасность прямого заимствования, т.е. отказа от самостоятельного творчества: «...паўтараць, наслідаваць – гэта значыць адмовіцца ад творчасці, заброснець, а трэба памятаць, што наследуе другіх заўсёды індывідуальнасць больш слабая... Культурную мінуўшчыну трэба вывучыць дзеля таго, каб яе асіліць і пайсці да стварэння новых каштоўнасцей, у якіх павінна выявіцца ўся творчая арыгінальнасць» [10, с. 322]. Владимир Дубовка, безусловно наследующий Максиму Богдановичу [см. 3, с. 207], в предисловии к поэме «Штурмуец будучыні аванпосты» писал о своем предыдущем произведении: «Фактычна я ў гэтай паэме выступіў супраць сляпога захаплення старой спадчынай ў імя спадчыны, супраць безраhubнага скарыстання яе, запрапанаваўшы замест гэтага крытычную пераацэнку каштоўнасцей» [5, с. 135–136]. Таким образом, одной из составляющих эстетики «Узвышша» было преодоление культурной традиции, а одним из идеалов – творческая оригинальность, абсолютная самостоятельность. Однако отрицание касается не только поэтики, формальной составляющей стиха, но и его содержания, прежде всего мотива, ошибочно принимаемого за патриотический, такого как воспевание извечной несчастной доли:

ПАСАЖЫР

Жыву не ў якой я пустэльні:
бліжэй падыдзі, чалавеча,
пабачыш на ўласныя вочы.
што гэтай нядолі адвечнай,
ніхто і не хваліць, не хоча...
Ды цяжка адкінуць, пакінуць
усё, што ў стагоддзях збірана.
Не выганіш гэтага кліна,
бо будуць няўгойныя раны.
...Павінен я кінуць, зрачыся
ўсяго, што з маленства мне міла?

КАНДУКТАР
 Ты спутаны ў межах бясконца,
 і свет яны твой завязалі.
 І свету,
 што бачыш з аконца,
 яны табе толькі і далі.
 Ты рыеш,
 як крот, сваю норку,
 яе называеш ты
 светам.
 Ідзі,
 узьдзі,
 і з узгорку
 пабачыш яснаейшую мэту.
 Стань вольны!
 Будзь вольны,
 як сокал,
 зрачыся спрадвечнай пакуты!

Идея самостоятельности в поэме подчеркнута в ролевых отношениях персонажей: пассивное отношение к жизни, приверженность традиции, неспособность осмелиться расширить свой горизонт, посмотреть на мир с более высокой точки зрения (подняться на «узвышша») воплощены в Пассажира, призыв обрести свободу и отречься от приверженности страданиям, ложно понятной как патриотизм, высказаны Кондуктором, – важно при этом, что они участники общего движения.

Похожая точка зрения была высказана задолго до формирования объединения «Узвышша». В. Ластовский еще в начале 10-х годов указывал на опасность для белорусов остаться зависимыми, не осуществиться как нация и в известной дискуссии призывал отказаться от уже привычной для белорусской литературы интонации нарекания на тяжелую, невыносимую долю, напротив, стремиться увидеть красоту и воплотить свое видение в оригинальное, безукоризненное в формальном отношении творчество. Новой по отношению к В. Ластовскому стала идея преобразования посредством творчества реального мира, мотивированная политическими убеждениями деятелей «Узвышша». Творчество представлялось ими как единство преодоления культурной традиции и создания новых форм жизни, отсюда утверждение Пуши «рэвалюцыя – найвялікшая творчасць» [10, с. 323].

Наиболее полное осмысление понятие акавита получило в критических работах Адама Бабареки, а его статус ключевого знака для эстетики

«Узвышша» подчеркивается тем, что он был включен в манифест, декларирующий выход группы поэтов и писателей из состава «Маладняка». Последнему, по мнению критика, свойственна тенденция к отрицанию, в противоположность ей новое объединение способно реализовать тенденцию к оживлению: «З аднаго боку – факт бурапеннай і самагоннай творчасці; або «нравоучительной» і протакольнай творчасці службовай, казённай радасці, выяўляе сабою ў літаратурным руху тэндэнцыю адмаўлення. ...З другога боку – факт творчасці, якая імкнецца да выражэння і формавання дыялектычна-матар’ялістычнага сьветагляду і да стварэння культурна-мастацкіх каштоўнасцяў на падставе апанавання народнай творчасці, дасягненняў мастацтва мінулага і канкрэтнага вывучэння сучаснасці, выяўляе сабою тэндэнцыю ажыўлення» [1, с. 169]. Беларусь «як крыніца творчасці новых формаў культуры» остаецца яшчэ незвестнай, асабліва новая беларуская літаратура можа праз (а) культуру беларускае мовы; б) жыццёвую сымболіку мастацкага твору; в) яго канцэтрацыйную вобразнасць; г) дынамічнасць кампазіцыі; д) беларускую жанравасць; е) адзінства творча-мастацкай ідэі; ж) рознастайнасць формальных рэальнасцяў і з) аквітызм, як тую імклівасць, якую прасякаецца мастацкі твор у сваім ідэале і праз гэта ажыўляе патрачаную... энэргію працоўнага люду на творчасць вялікага і прыгожага жыцця» [1, с. 169–170]. Таким образом, Адам Бабарека считает, что необходимо глубокое изучение и освоение культурной традиции, но она должна подвергаться творцом полному переосмыслению при создании собственного произведения: факт культуры (будь то элемент народного творчества или авторской литературы) только зерно, преображаемое мыслью художника, воплощаемого ею в напряженное смысловое противоречие, которое требует столь же напряженной сконденсированной образности для своего выражения, – таким образом, создание литературы «узвышша» мыслится критиком как диалектический процесс, завершающим этапом которого становится этап чтения: читатель такой литературы тоже не может остаться пассивным воспринимателем, он должен стать со-творцом. Понятие акавита не получает вполне эксплицитного толкования в работах Бабареки, что, возможно, отвечает его замыслу, она описывается через абстрактные термины (імклівасць), через метафоры (жыццё – рух), однако, суммируя сказанное, можно выделить следующие составляющие в семантике данного термина: это оживляющее, т.е. приводящее в движение, творческое начало, освобождающее, преобразующее человека в личность, национальное образование в нацию, реализующее идеал, по-

нимаемый как «дзейнае, жывое жыццё і асобы, і клясы, і нацыі, і наогул чалавецтва» [2, с. 219].

Прямое поэтическое осмысление данного термина принадлежит Владимиру Дубовке. В произведении «Плач навальніцы» (1926), посвященном Западной Беларуси, которая мыслится автором как лишённая свободы, *акавіта* противопоставляется смерти, небытию, а ее появление относится в план идеального будущего: *А лясы шалясцяць, шалясцяць, / а азёры гамоняць сярдзіта. / Адкаснецца уціск небыцця, / край нап'ецца яшчэ акавіты*. Таким образом, в семантике знака актуализируются смы «жизнь» и «свобода». В поэме «І пурпуровых ветразей узвівы...» (1929) знак *акавіта* осмысливается в контексте творчества, как его источник, питающий дух, на фоне оппозиции *свое – чужое, исконное – заимствованное*:

Табе не даў я рыфмы мілагучнай, –
ідзі, мой твор, кунегай апавіты.

Цябе без рыфмы думка добра лучыць,
шукаючы для духа акавіты.

Клапоцяцца на свеце больш аб шлунку,
яго капрызы – дыктатура проста.

І стравы разнастайнага гатунку
мы на спатканне маем і на ростань.

А дух трымаем на галоднай норме,
а дух скарынкай эпігоннай сыты.

Яго суседзі, мабыць, не накормяць,
затым патрэбна духу акавіта.

Таким образом, в содержании знака *акавіта* в произведениях В. Дубовки конденсируются семантические признаки «жизнь», «свобода», «движение», «источник творчества», «исконное, не заимствованное» и прагматические – «отнесенность в план идеального» и «требование неустанный поиска её», обращенное к собратьям по искусству.

Данный знак мотивирует появление в произведениях многих поэтов-«узвышэнцаў» метафор движения, прежде всего вертикального, и воды, вина. Эти образы, ставшие сквозными метафорами, точнее, сформировавшие сферу-источник метафоры [12, с. 35], составляют важнейшую часть поэтики «Узвышша». Как метафорически воплощаются смыслы, сконденсированные в семантике знака *акавіта*, коротко рассмотрим на примере творчества Владимира Жилки (более подробно см. 4). Сема «динамика» эксплицируется во многих его метафорах. В рамках метафоры *жизнь – движение* в терминах *руху* осмысливаются социальные из-

менения (*І родны люд у руху маладым* [7, с. 103], *Мне ўсё часцей радзіма сніцца...* / *Там рух і песні аб вясне, / там працы творчая крыніца, / Там мо знайшлося б месца й мне?* [7, с. 98]). Источником *руху* является дух, который мыслится поэтом как творческое начало личности (*Толькі той, чый вольны дух / Застаецца ў бойках квол, / Толькі той, хто творыць рух / Беларускіх мес і сёл...* [7, с. 40]), а также всего народа (*Але наш Дух, / Даючы рух, / Жыццё, / Праз крыўду, здзекі / І забыццё, / Спрадвеку, / З гадоў старых, / Быў захаваны. І вось – нязнаны – / Сягнуў тварыць* [7, с. 135–136]). Таким образом, в авторской картине мира *рух* отождествляется с жизнью, творческим источником жизни.

Еще одна продуктивная и важная для творчества Владимира Жилки образная парадигма мотивирована семантикой воды, а также семантикой движения и конденсирует в себе семантику знака *акавіта*. Образ «живой», чистой, прозрачной, движущейся воды связан с сакральной функцией, с этим образом связываются те явления, которые обладают в картине мира поэта наибольшей ценностью: жизненная реальность, требующая от человека смелости, отваги, энергии (*...той збаіцца... / у кім жыцця не б'е крыніца* [7, с. 28]; *Жыццём, жыццём, як хісткай кладкай, / бурліцца, пеніцца вада / ... пусцілі – ідзі (жыццём, бы кладкай)* [7, с. 84]), паэзія (*Дзіцяча-мудры, кволы Шэлі, / Даждзем блакіту сэрца злі... / Што пазнаў бы ў нябесным касцэле, / Каб не ўверыўся песням тваім* [7, с. 92] – образ небесного костела и образ воды метафорически отождествляются с поэзией Шелли, что также подчеркивает сакральную функцию), творческое начало в природе и человеке (*На гонях бацькаўскіх далёкіх / Я ўчуў пал спелы жыта шум / Дзівосных сіл жывыя токі / І спеў, што я ў сабе нашу, / Зямных глыбінь густыя сокі* [7, с. 145]), возрождение и освобождение (*Ўсе яны мімаволь пазайздросцяць. / Нам, абветраным воляй прадвесня / У напоеным поўняй паводкай, / Крышталёвай вызвольнага руху* [7, с. 106]); Хараство, ключевой концепт своего творчества, поэт называет своей «*каханкай няздраднай, нязменнай*», а также «*Абьяцанкай, блакітнай затокай*».

Основные образные парадигмы, таким образом, связаны с семантикой движения воды и являются поэтическим воплощением аквитизма. По мнению А. Пашкевича, «непарыўна звязаны са знакам аквітызму знак красы, прыгажосці. У ім узвышаўцы бачылі не толькі асноўную эстэтычную катэгорыю, не толькі галоўную «ажыўленчую» сілу сваёй творчасці, але і – шырэй – гарант увогуле развіцця творчай культуры» [9, с. 14]. В произведениях В. Жилки *хараство* получает разнообразное метафорическое осмысление, в том числе как вино (*Мой край!.. Ужо ма-*

лой дзяцінай.../ Напіўся смагла я на збom / Ад пекнаты яго жанчыннай, /
I п'ян адвечным характвом [7, с. 143]; О, як ні раниць характво – / Яго
туга, яго баленні, / Нібы празрыстых тайн пітво, – / Не весць хаўтур,
а знак збавення [7, с. 118].

Анализ поэтических текстов позволяет несколько конкретизировать и расширить выявленное на основании литературно-критических работ толкование: *акавита* мыслится «узвышэнцамі» как оживляющее, преобразующее творческое начало, источником которого является личностное усилие поэта, свобода его духа, а также поэзия и красота.

Літаратура

1. Ад беларускага літаратурнага згуртавання «Узвышша» // Узвышша. – 1928. – № 2. – С. 168–170.
2. Бабарэка, А.: збор твораў у двух тамах. – Т. 1. Літаратурна-крытычныя працы. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2011. – 939 с.
3. Багдановіч, І.Э. Авангард і традыцыя: Беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння / І.Э.Багдановіч. – Мінск: Беларуская навука, 2001.
4. Дзесюкевіч, В.І. Парадыгмы вобразаў у творчасці Уладзіміра Жылкі / В.І. Дзесюкевіч, М.М. Мотарава // Текст. Язык. Человек : сб. науч. трудов: в 2 ч. – Ч. 2 / УОМГПУ им. И.П. Шамякина ; редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2013. – 264 с.
5. Дубоўка, У. Збор твораў : у 2 т. – Т. 2. – Мінск, 1965.
6. Жылка, У.А. Творы : да 20-х угодкаў смерці / Уладзімер Жылка; пад рэдакцыяй і з каментарамі Ант. Адамовіча. – Нью-Йорк, 1953. – 104 с.
7. Жылка, Ул. Выбраныя творы / Ул. Жылка. – Мінск: «Беларускі кнігазбор», 1998. – 358 с.
8. Конан, У. Тэорыя ўзвышэнства ў творчасці Адама Бабарэкі / У. Конан // Пра час “Узвышша” : матэрыялы навуковых канферэнцый, узвышшаўскіх чытанняў. – Мінск: БелНДІДАС, 2002. – С. 28–33.
9. Пашкевіч, А.А. Феномен узвышэнства ў беларускай паэзіі ХХ стагоддзя : дыс. ... канд. філал. навук. 10.01.01 – беларуская літаратура / А.А. Пашкевіч. – Мінск, 1998.
10. Пушча, Я. Збор твораў : у 2 т. – Т. 1. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994.
11. Пушча, Я. Vita паэзіі. Менск: “Маладняк”, 1926.
12. Скрэбцова, Т.Г. Когнітыўная лінгвістыка: Курс лекцый / Т.Г. Скрэбцова. – СПб.: Філолагічны факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

Анна Завадская

Белорусский государственный педагогический университет
имени М. Танка

«МЕТЕОРЫ» М. ТУРНЬЕ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖАНРА РОМАНА «НОВОГО МИФА»

Основоположником неомифологизма в западноевропейском искусстве XX века считается Вагнер, обладавший поистине гетеанской одержимостью искусством, который был убежден, что оно, создаваемое народом, должно рождаться через миф, и сам многократно обращавшийся к традициям германской мифологии, воссоздавал в своем творчестве синтез оперы и драмы, мифа и музыки. Мифологизм Вагнера возрождает такой естественный элемент мифологического мышления, как интуиция, возможность всматриваться в будущее.

Направленность писателей к мифу приобретает особую актуальность в литературе XX столетия, когда мифологизирующая тенденция, особенно в западноевропейской литературе, является по сути выражением обостренного чувства катастрофизма времени, ибо, по справедливому замечанию писателя и литературного критика Г. Броха, обращение к мифу становится особенно значимым явлением в переломные, кризисные моменты истории: «Тоска по нем (по мифу – А. З.) становится тем неотступнее и призывнее, чем наглее, злее, кровавее и непонятнее становится мир» [2, с. 31]. Однако следует уточнить, что неомифологизм не тождественен понятию неороманитизма, но развивается скорее на фоне реалистических традиций, с которыми вступает в сложные отношения взаимодополнения и взаимообогащения.

Художники, черпая сюжеты и мотивы своих произведений из традиций прошлого, из так называемой «эманации вечности», пытались осмыслить опыт поколений в соответствии с потребностями своего времени и применить ценностный строй жизнеспособности, когда личностное поглощается универсальным, всеобщим, которым отличается мифологическое мышление, а также целостную картину мира, присутствующую ему, к конкретным принципам своего творчества, формируя поэтику, характерную для мифологических построений (техника «потока сознания», условность формы, непоследовательность сюжета, прерывистость композиции)

Мифологизм тесно сочетается с психологизмом, что на практике может отражаться во внутреннем монологе, в технике «потока сознания» (Джойс, Н. Саррот, Фолкнер), поскольку за основу создания нового

мифа берется не коллективное сознание, а богатый, чаще всего изолированный, внутренний мир индивида с его способностью к саморефлексии, как у М. Турнье.

Не без влияния философского наследия у многих писателей выявляется интеллектуальный подход к мифу, что проявляется не в копировании мифологического сюжета, а в обыгрывании его. Насыщая свое произведение культурологическими пластами и аллюзиями, писатели стремятся к творческому фантазированию ради демонстрации определенной идеи, носящей чаще всего философский характер.

Также заметно сращение мифологизма с обыденностью, повседневными реалиями в художественном произведении, что можно проследить и на примере так называемой натуралистически-бытовой манеры письма М. Бютора, Ф. Камона.

В основе неомифологизма искусства XX века лежит циклическая концепция мира, «вечное возвращение» (Ницше); функцию мифов в нем выполняют художественные тексты преимущественно нарративного типа, а роль мифологем – цитаты и перефразировки из этих текстов. Мифологизирование широко используется в качестве приема, позволяющего акцентировать определенные ситуации и коллизии, при этом Внешней силой, которая в мифе называется судьбой и которая полностью управляет человеком, выступает не природа, а либо повседневность, либо созданная человеком цивилизация.

Рассуждая о неомифологизме, современный литературовед Д. Максимов пишет: «Неомифологическое словесное искусство нового времени – это построенная на основе сверх обобщений с проекцией на «сверх сюжет» при помощи завещанной традиции или авторской фантазии – «вторая поэтическая действительность». Она берется метаисторически, превращаясь иногда в фантазмагорию, за которой может стоять содержание, так или иначе относящееся к реальной истории и реальному быту. С этим связана и символическая природа современного мифа» [2, с. 29]. Следует отметить, что для современных писателей-мифотворцев не стоит вопрос о возрождении мифа как древней литературной формы: он рассматривается и используется ими как форма мышления.

Неомифологизм в литературе XX века основан на таких пропущенных через авторское сознание составляющих мифа, как синкретизм восприятия, бессознательный уровень мышления, слияние в определенных пропорциях реального, вещественного и идеального, тенденция к превращению мифологического образа в метафору. Основные свойства неомифологического искусства рождались в синтезе разнонаправленных

традиций, в слиянии мифа и различных искусств, что способствовало возникновению так называемых синкретичных жанров («роман-миф», «драма-миф», «поэма-миф»), а также возникновение различных музыкальных композиций на основе принципов мифологического мышления (оперы Вагнера).

Нередко традиционный миф, становясь «почвой» произведения в современной западноевропейской литературе, теряет первоначальный смысл, подчинившись интерпретации в контексте философско-идеологических позиций автора, эстетической системы его творчества, диктующих художнику неразрывную связь с актуальными проблемами эпохи, поэтому не всегда в мифологизирующих произведениях миф является художественной доминантой, что отражает основную специфику обращения к нему в искусстве XX века.

Поэтому, например, в таком романе современного французского мифотворца М. Турнье, как «Метеоры» даже не имеет места само наличие мифа (нет мифологического сюжета или реминесценции, на основе которого развивались бы события), но в целом автор использует мифосинкретические структуры мышления для создания текста.

Ведь существует несколько путей «вовлечения в миф». Буквальное следование букве мифа предполагает перенос пространственно-временных реалий романа либо в те хронологические рамки, когда имело место рождение легенды (М. Турнье «Каспар, Мельхиор и Бальтазар»), либо в другую эпоху (например, роман исследуемого нами писателя «Лесной Царь»). Это «классический» вариант неомифа, своего рода «миф ради мифа». Жанровым образованием в рамках такого неомифологического содержания можно назвать реалистический роман.

Но существует и так называемый «мозаичный миф», в котором актуальным становится не буквальное следование легенде, а сами «кирпичики» мышления, из которых может быть выстроена организация повествования, а также логические связи сюжета и -форматообразующих признаков текста. Так, в некоторых произведениях М. Турнье, Апдайка, Гарсиа Маркеса на первый план выходит само «дыхание мифа», создание специфической атмосферы, которая может быть расценена в качестве мифической.

«Метеоры», написанные в рамках реалистического романа, можно с равным успехом отнести к нескольким жанровым формам: семейной хронике, роману-путешествию, роману-дневнику с элементами исповеди. Несколько жанровых разновидностей сочетаются между собой в одном произведении, и это указывает на то, что жанровая структура

текста открытая, гибкая, незавершенная, склонная к вариативности и взаимопроникновению форм.

Жанровое своеобразие произведения состоит в том, что, являясь семейной хроникой с элементами романа-путешествия и романа-дневника, по своему идейному замыслу, в силу взаимопроникновения форм пространства и времени, оно отражает глубинную суть структуры мифосинкретического мышления, хотя в его основе нет мифа, к которому можно бы было апеллировать.

«Новому мифу» (течение, к которому можно отнести роман М. Турнье) присущ жанровый изоморфизм, и как следствие этого, сюжетное многообразие, полифонический принцип раскрытия проблематики текста (одна и та же ситуация преподносится с позиций различных рассказчиков, как например, дневниковые записи Жана, Поля, Александра и Софи), большое количество действующих лиц. Как правило, множество сюжетных разветвлений объединяет одна временная константа, единый указатель хронопного интервала.

Отсюда напрашивается некое логическое обобщение, приводящее к той мысли, что миф – это не только история, придуманная в прошлых веках и имеющая определенный сюжет-топос, так как за мифологический образ можно принять любое проявление действительности, будь то силы и стихии природы, метеорологические явления, либо отношения между людьми и влияние на них внешних факторов, развитие судеб персонажей. За мифологическую составляющую повествования можно также принять временные константы произведения и особенности хронопа.

Временные константы, индикаторы временного плана текста, стилистические фигуры, в основе которых лежат указатели времени, без чего немислима художественная структура произведения, органически вписываются в полотно романа, помогают создать присущий авторской манере описания текст-кинокадр, текст-фотокадр и выявляют основные признаки мифопоэтического сознания писателя, выражаемого в раскрытии нами понятия «новый миф».

В монографии М.М. Бахтина «Эстетика словесного творчества» описываются исторические типы романов, из которых сложились современные и известные нам эпические жанры: роман странствований, роман испытания, роман биографический (автобиографический) и роман воспитания.

К пятому типу следует отнести роман становления человека: «в противоположность статическому единству здесь дается динамическое единство образа героя. Сам герой, его характер становятся переменной

величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа. Время вносится вовнутрь человека, входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни. Такой тип романа можно обозначить в самом общем смысле как роман становления человека» [1, с. 189].

Все пять типов исторических жанров присущи в некоторой степени «Метеорам» М. Турнье, но больше всего угадываются в нем черты романа становления человека. В произведении близнецы Жан и Поль, о детстве которых и о годах юности и зрелости повествует автор, образуют некую клетку, тайное сообщество с его особым эоловым языком, куда не может быть доступен вход посторонним, или непарным, как называют главные герои тех, у кого нет брата двойника.

Арест их матери, смерть отца, появление невесты у одного из близнецов, взросление и разлука двух братьев – это факторы, которые разломали их ячейку, дали толчок для перерождения их мышления, вынудив приспособляться к миру одиноких: «Мы с Жаном образовали автономную ячейку, погруженную в мир «непарных», как мы их назвали, потому, что мир переполнен людьми, рожденными поодиночке. Но наша клетка была закрыта, запаяна, как ампула, и все излучения, эманации, излияния передавались другому, в точности повторялись другим, и поглощались. Мир непарных был отделен от нас, и мы от него. И только особые обстоятельства разрушили нашу клетку. Когда-то она имела основания быть герметичной. Но запаянную ампулу сломали» [3, с. 166].

Большую часть романа составляют дневниковые записи Поля, который, памятуя об играх в преследования в детстве, отправляется искать своего брата, с которым они расстались, таким образом он стремится воссоединиться с другой половинкой своей души, ощущая свою неполноценность в одиночестве, но при этом он начинает приобретать цельность, мужество самостоятельно принимать удары судьбы, учится мыслить как отдельный, зрелый индивид в сообществе себе подобных.

Его взросление и становление как человека, описанное в границах так называемого романа воспитания близнецов, сопровождает философская мысль Турнье о том, что каждому из нас приходится когда-то покидать уютно обжитый мир детства: «Если для Эдуарда арест Марии-Барбары с шестнадцатью работницами мастерских и приюта был началом старости, то для нас он означал конец детства, вхождение в юность. Зачатый в лоне матери, вынашиваемый в ее животе, родившись, ребенок попадает в ее объятия, принакает к ее груди. Но приходит день

разлуки, нужно рвать связь с родной землей, самому стать любовником, мужем, отцом, главой семьи» [3, с. 130].

Возмужание Жана и Поля происходит в атмосфере непрерывного обновления метеорологических ритмов: смен пор года, осадочных циклов, чередования солнечных и ненастных дней, круговорота ветра. И, если за основу мифосинкретического мышления, лежащего в основе романа, положен близнечный миф, то есть архетип близнецов, двойников (отсылающего к двуликости Януса), то он пронизывает все основные структуры произведения и выводит в область параллелей не только главных героев, но и всю систему их мироздания в целом.

Дело в том, что перед нами роман аналогий: Турнье проецирует круговорот вещей в природе на мыслительные процессы человека: «Между моим человеческим *tempo* и ритмом метеорологических событий – удивительное согласие. Тогда как физика, геология, астрономия нам рассказывают о весьма далеких для нас вещах, будь то по причине удивительно медленной эволюции или, наоборот, головокружительной стремительности своих проявлений, метеоры живут точно по нашим часам. Они управляются, как и человеческая жизнь, сменой дня и ночи, круговращением времен года. Облако так же зарождается в небе, как мысль в моем мозгу, ветер веет в ритме моего дыхания, радуга соединяет два горизонта за такое же время, какое необходимо моему сердцу, чтобы примириться с жизнью, лето проходит как большие каникулы» [3, с. 225].

Это тоже двойничество, но уже на основе глобальных параллелей: душевное состояние человека и окружающая действительность также своего рода близнецы, мыслительная деятельность может быть такой же хаотичной, уникальной картиной, подобно проплывающим облакам на фоне меняющегося неба. Поэтому, например, Жан и изобретает для себя новый календарь, в котором находит точки соприкосновения холодных и жарких месяцев и описывает их с точки зрения различных метеорологических событий. А Франц, мальчик из приюта, который находится неподалеку от усадьбы близнецов, и вовсе чувствует давление, гнет времени, заключенного в проплывающих над ним облаках. Его психологическое состояние находится в постоянной зависимости от атмосферных циклов и погоды.

Восприятие времени и аналогии между окружающей действительностью и душой человека М. Турнье запечатлевает в образе венецианского зеркала: «Эта огромная рама, непропорциональна настолько, что заставляет почти забыть зеркало, теряющееся в ней. Мы видим, что эта

рама составлена из большого количества зеркал, кривых во всех смыслах. Самолюбование здесь невозможно. Едва ваш взгляд сосредоточится в центре, на вашем лице, как он уже отброшен вправо, влево, вверх, вниз боковыми зеркалами, каждое из которых по-разному отражает ваш облик... Венецианские зеркала никогда не отражают никого в том виде, каков он в реальности. Это – кривые зеркала, и смотреть в них нужно немного сбоку. Конечно, в них есть притворство, шпионство, но они спасают вас от опасности угрюмого и стерильного созерцания самого себя. Если бы Нарцисс смотрелся в венецианское зеркало, он был бы спасен. Вместо того чтобы быть поглощенным своим отражением, он бы поднялся, затянул пояс и отправился бы гулять по миру. Мифы бы изменились: Нарцисс стал бы Улиссом, Вечным жидом, Марко Поло, Филиасом Фоггом...» [3, с. 155–156].

Человек, смотрящий на свое изображение, и само венецианское зеркало, искажающее образ, подобны также двойнической системе, как, например, элементы мироздания и отражающиеся в них мыслительные процессы человека, неизбежно трансформированные при передаче информации.

При этом все взаимосвязано друг с другом («Все – знак, диалог, сговор», [3, с. 225] пишет Турнье в «Метеорах»), все вещи «в труде» и отражаются друг на друге, ничто не проходит бесследно. В этом и есть особенность романов «нового мифа», во вскрытии всеобщих универсальных аналогий, воссоздающих порой мифопоэтическую реальность, даже когда в произведении нет мифического сюжета. Поэтому текст «Метеоров», имея в своей структуре черты многих жанровых разновидностей (роман-путешествие, семейная хроника, роман воспитания, роман становления человека, роман-дневник и др.), обогащается еще одной характеристикой жанра: это и роман аналогий, отражающий «дыхание мифа» в неомифологической литературе.

Літаратура

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://nanobukva.ru/b/wert/bakhtin_m_m_ehstetika_slovesnogo_tvorchestva.html – Дата доступа: 13.01.2014.
2. Методические рекомендации по курсу современной западноевропейской литературы / МГУ им. А.А. Кулешова; сост. Е.И. Бубенцова; под ред. Е.И. Бубенцовой. – Могилев, 2002. – Мифологизм в западноевропейской литературе XX века. – 56 с.
3. Турнье, М. Метеоры / М. Турнье. – СПб.: Амфора, 2001. – 435 с.

Анна Куликова

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

ФУТУРИСТИЧЕСКАЯ КНИГА КАК МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ОБЪЕКТ

Актуальным вопросом в развитии массовых коммуникаций всегда являлся вопрос о наиболее емкой передаче информации до реципиента. С развитием техники появляется все больше новых возможностей осуществить распространение различной по характеру информации в едином контексте. Появление мультимедийных объектов, особенностью которых является комбинирование разных форм подачи информации на одном носителе, – это вызов для автора и оформителя, которые должны тесно сотрудничать для создания готового продукта. История графического дизайна знает подобный пример: книги русских футуристов 1910–1930 гг. Исследования этого феномена посвящены труды Э. Кузнецова, Н. Харджиева, Е. Ковтуна, П. Родькина, О. Флоренской, А. Шемшурина и др. У этих исследователей не было общей картины на феномен футуристической книги, поскольку каждого интересовал свой аспект. Мы ставим задачу представить общий взгляд на данную проблему, обнаружив в русской футуристической книге феномен мультимедийности.

Материалом для анализа послужили следующие книги: «Танго с коровами», «Нагой среди одетых», «Железобетонные поэмы» (1914) В. Каменского; «Две поэмы» (1913), «Взорваль» (1913), «Помада» (1913) А. Крученых; «Тэ ли лэ» (1914), «Изборник» (1914) В. Хлебникова; «Для голоса» (1930) В. Маяковского.

Анализируя типографику футуристической книги, можно обнаружить и систематизировать следующие принципы оформления:

Принцип отрицания:

Отрицается постоянство формата книги. В книжный блок вшиваются страницы с иллюстрациями большего размера, чем страницы с текстом.

Отрицается прямоугольная форма книжного блока. Косо срезанный правый верхний угол в книгах В. Каменского делает их пятиугольными.

Отрицается постоянство пространственной ориентировки. Строки располагаются поперек страницы таким образом, что для чтения книгу приходится поворачивать боком.

Отрицается устойчивая иерархичность составных частей книги. Титульный лист «Двух поэм» А. Крученых (1913) по насыщенности превосходит обложку; композиционно они не соотносятся.

Принцип случайности. Создание текста было построено на игре в воплощении некоего образа. Текст был обличен в книжную форму посредством спонтанных идей, касающихся как выбора материала для создания книги, так и расположения элементов на книжной полосе. Буквы потеряли статичность, обрели динамику.

Принцип рукотворности в книге – сопровождается причастностью автора к созданию экземпляра. Шрифты, изготовленные литографским способом и с использованием литографического карандаша, иллюстрации, выполненные в технике линогравюр, а также создание книг в единственном экземпляре, иногда раскрашенных красками вручную – все это позволяло подчеркнуть абсолютизированность творческого акта.

Принцип примитивности заключается в том, что художник низводит книгу до первобытного состояния. О примитивности смело можно говорить, разбирая фактуру книг футуристов. Использование серой оберточной бумаги, картона, грубого холста, дешевых обоев характеризует книгу как примитивную, бедную, но в то же время эпатажную.

Принцип визуализации. Футуристическую книгу не только читают, но и созерцают, в нее играют, складывая из единиц текста и изображения произвольные комбинации. Такие книги воспитывают нового читателя, приучая его к «чтению-созерцанию». Шрифт теряет свою текстовую сущность, становясь иллюстрацией. Здесь можно говорить о синтетическом искусстве в книге, порождающем новое ее восприятие.

Общение читателя с книгой умышленно порождает принцип диалогичности: происходит непосредственный диалог читателя-зрителя и автора посредством книги. Принцип диалогизма футуристической книги – это принцип активного и равноправного участия читателя в конструировании смысла текста.

Принцип перформативности. Термин «перформативный» в традиционном понимании означает «действующий», то есть приводящий в движение систему, исходя из ее начального состояния. Другими словами, это свойство высказывания или целого текста оказывать действие. Это же относится и ко внешнему облику книги: «кричащие» названия, неровные страницы с такими же неровными буквами – все элементы книги, побуждающие к одному только действию, очерченному самими футуристами – «прочитай, разорви».

Принцип мобильности коммуникаций. Вовлекая читателя в диалог, книга футуристов заставляет человека почти мгновенно реагировать на разного рода информацию, представленную в ней, будь то текстовая или иллюстративная часть. И поэтому каналы человеческого восприятия

должны быстро переключаться от графической информации к текстовой, далее – к звуковой, когда стихотворение должно быть прочитано. Восприятие такого рода наглядно иллюстрирует данный принцип.

Принцип построения межнациональных коммуникаций. Перевоплощение книжного знака в иллюстрацию должно было расширить аудиторию читателей. Это значит, что даже не русскоговорящие смогли бы читать некоторые из футуристических книг. Таким образом, умышленно или нет, однако футуристы пытались сделать книгу не принадлежащей определенной языковой группе.

В современном медийном пространстве можно обнаружить некоторые из использованных футуристами типографических принципов. Так, например, гипертекстуальность, выраженная у футуристов в принципе случайности, составляет едва ли не основу управления той или иной информацией в сети Интернет.

Диалогичность выражается в умышленном общении реципиента и медиапродукта, который содержит различную по природе информацию. Вовлекая читателя, зрителя, слушателя в диалог, такие продукты способны обеспечить наибольшее обращение к содержащейся в них информации.

Принцип перформативности также сохранился и успешно используется для привлечения внимания реципиента, направленного на тот или иной медиапродукт, своей внешней формой.

Принцип мобильности коммуникации актуален в медиасреде, поскольку идея о том, что в процессе познания информации должна быть задействована как можно больше каналов восприятия, не нова по своей сути. Поэтому этот принцип успешно реализуется в медийном пространстве.

Визуализация также присутствует в обращении к медиапродуктам. Именно последние в силу своих особенностей управляют процессом познания информации, содержащейся в них.

Таким образом, схожесть принципов типографики русской футуристической книги и продуктов медиасреды позволяет сделать вывод о том, что книга футуристов являлась так называемым мультимедийным объектом. Исследование позволяет использовать выявленные принципы построения футуристической книги в медиaprостранстве, комбинируя их наряду с принципами подачи информации, ставшими уже классическими.

Святлана Мароз, Марына Ржавуцкая

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка

АСАБЛІВАСЦІ ЎЖЫВАННЯ ПАСЕСІЎНЫХ КАНСТРУКЦЫЙ У МАСТАЦКІХ ТЭКСТАХ

Сучаснае мовазнаўства, акрамя традыцыйных лінгвістычных катэгорый, аналіз якіх праводзіцца ў апісальнай граматыцы, вывучае катэгорыі, што ў навуковай літаратуры атрымалі назву «функцыянальна-семантычныя катэгорыі» (ФСК). Граматычны статус названых катэгорый і па сёння абсалютна дакладна не акрэслены. Аднак большасць сучасных даследчыкаў трактуюць ФСК толькі як катэгорыі моўныя, якія маюць моўны змест і моўнае выражэнне.

Да такіх катэгорый адносіцца і катэгорыя пасесіўнасці. Пасесіўнасць – гэта ўніверсальная моўная з’ява, што характарызуецца сістэмнасцю ў сваім выражэнні. Як функцыянальна-семантычная катэгорыя, пасесіўнасць у сучаснай беларускай літаратурнай мове мае багаты змест і разнастайныя сродкі выражэння. З семантычнага боку пасесіўнасць не з’яўляецца аднародным паняццем, а ўключае ў сябе два асноўныя значэнні – прыналежнасць і валоданне, г. зн. што ФСК пасесіўнасці ўключае ў свой зместавы склад дзве субкатэгорыі. Аднаводна кожная з субкатэгорый характарызуецца спецыфічным зместам і ўласным наборам сродкаў выражэння. Разнастайныя пасесіўныя сродкі ў тэксце ўтвараюць своеасаблівыя пасесіўныя канструкцыі. Значэнне прыналежнасці выражаюць, як правіла, двухкампанентныя канструкцыі, у якіх назва аб’екта-пасэсума (таго, што належыць пасэсару) з’яўляецца структурна галоўным кампанентам у словазлучэнні. Звычайна гэта атрыбутыўныя словаспалучэнні, у склад якіх уваходзяць прыналежныя і асобныя якасныя прыметнікі, прыналежныя і некаторыя іншыя (асабовыя, няпэўныя, адмоўныя) займеннікі, назоўнікі ў форме роднага і давальнага склонаў (Максімаў рукапіс, уласныя рэчы, сваё шчасце, яе рукі, нечы погляд, нічый сад, кнігі Скарыны і інш.), а таксама асобныя прыназоўнікава-склонавыя канструкцыі (вочы ў абодвух, цень ад Чарнова, хлопец без шапкі, ліст да бацькі і інш.), якія спалучаюць пасесіўную семантыку з непасесіўнай. У кампанентным складзе ўсіх атрыбутыўных канструкцый пэўная роля належыць і азначальным словам, аднак тут яны амаль заўсёды факультатыўны элемент, наяўнасць якога не парушае, а ўзбагачае іх структурна-семантычную цэласнасць (вядомы барадулінскі верш, мае сівыя скроні, голас старога Глушака і інш.). Значэнне валодання перадаюць трохкампанентныя канструкцыі, у структуры якіх галоўным кампанентам выступае назва суб’екта-пасэсара (таго, хто ва-

лодае пасэсумам). Да такіх структур адносяцца, як правіла, большасць прэдыкатыўных канструкцый з дзеясловамі пасесіўнай (статычнай і дынамічнай; пазітыўнай і негатыўнай) семантыкі, а таксама двухкампанентныя аб'ектныя канструкцыі з назоўнікамі ўласнік, уладальнік, гаспадар і пад. (Радзівілы валодалі велізарнымі землямі, Уладак характар меў скрыты; гаспадар гэтай будкі, уласнік пляца і інш.).

Значэнне прыналежнасці выяўляе разнастайныя семантычныя адценні [1, с. 9–10], якія абумоўлены значэннем структурных кампанентаў пасесіўнай канструкцыі, сярод іх – неадчужальная прыналежнасць – партытыўнасць (прыналежнасць часткі цэламу) (свае вочы, матчына жаласць, цельца дзіцяці), тэмпаральная прыналежнасць (Міцева жыццё, мой час, доля жабракоў), лакатыўная прыналежнасць (дэдава лаўка, маё месца, пакой Параскі), прыналежнасць сферы яе ўладальніку (яго дакументы, братаў пашпарт, адзенне дзяўчыны), аўтарская прыналежнасць (бацькаў рукапіс, свае вершы, вырабы майстроў), прыналежнасць па сваяцкай, сяброўскай і сацыяльнай агульнасці (Манін бацька, мой клас, сын Яраслава) – і адчужальная прыналежнасць – уласнапрыналежнасць (матчын пасаг, іх маёмасць, замак Сапегаў). Аналагічныя сэнсавыя адценні выяўляе і значэнне валодання: Усяслаў вочы мае шэрыя, людзі мелі мудрасць, бабка Параска не мела ні мужа, ні сям'і, хлопец не меў неабходных дакументаў, трымае піўнушку Максім Гулейка, фальварак Кушляны набылі продкі Францішка Багушэвіча; уладары гэтых насоў, гаспадар абходу, уладальнікі дыпламаў, аўтары даследаванняў, гаспадар сям'і, уласнік аўтамабіля. Як бачым, неадзначная семантыка ФСК пасесіўнасці выражаецца праз разнастайныя пасесіўныя канструкцыі – атрыбутыўныя, прэдыкатыўныя, аб'ектныя, – сфарміраваныя пасесіўнымі сродкамі.

Назіранні за фактычным матэрыялам сцвярджаюць, што ў межах аднаго выказвання (сказа, групы сказаў, абзаца) у творах мастацкай літаратуры сродкі выражэння пасесіўнасці, як правіла, камбінуюцца: спалучаюцца атрыбутыўныя, прэдыкатыўныя і аб'ектныя канструкцыі, якія перадаюць розныя семантычныя адценні як прыналежнасці, так і валодання. Напрыклад: Калі строга разбірацца ў фактах, то хата, аб якой была тут гутарка, не зусім дэдава хата. *За доўгі час прывыклі называць яе Талашоваю хатаю. А сапраўды ж яна належала дэдавай жонцы, цяпер бабуцы Настулі. Шэсцьдзесят гадоў таму назад прыстаў Талаш у прымы да Насці Бальгі.* Насця была адна дачка ў бацькоў. *Вось якім парадкам стаў Талаш уладаром гэтай хаты. А ўрэшце яно і не так важна, каму належала хата, тым болей, што дзед Талаш перасыпаў яе і можа на справядлівасці лічыцца яе гаспадаром. Важна было тое, што хата*

стаяла воддал ад сяла і трохі ў баку ад людскога вока. *Да таго ж, як прыстаць у прымы, Талаш быў у пана за пастуха. Іяшчэ, што можна адзначыць з мінулага дзеда Талаша, дык гэта тое, што ў яго бацькі было дванаццаць дзяцей. Васьмёра з іх паўміралі малымі, а жыць засталіся два сыны, у тым ліку і дзед Талаш, і дзве дачкі (Якуб Колас. «Дрыгва»).* Прыведзены кантэкст выяўляе ледзь не ўвесь спектр пасесіўных канструкцый: атрыбутыўныя словазлучэнні з прыметнікамі (дэдава хата, Талашова хата, дэдава жонка, людское вока), з займеннікамі (яго бацька), з назоўнікамі ў форме роднага склону (мінулае дзеда Талаша); прэдыкатыўныя дзеяслоўныя адзінкі (яна [хата] належала жонцы, каму належала хата, Насця была адна дачка ў бацькоў, Талаш быў у пана за пастуха, у бацькі было дванаццаць дзяцей); аб'ектныя пасесіўныя канструкцыі (яе [хаты] гаспадар, уладар хаты). З семантычнага боку ўрываек выражае разнастайныя адценні пасесіўнасці: адчужальную прыналежнасць (дэдава хата, Талашова хата; яна [хата] належала жонцы, каму належала хата; яе [хаты] гаспадар, уладар хаты), неадчужальную прыналежнасць – партытыўнасць (людское вока), тэмпаральную прыналежнасць (мінулае дзеда Талаша), прыналежнасць паводле сваяцкай, сяброўскай і сацыяльнай агульнасці (дэдава жонка, яго бацька, Насця была адна дачка ў бацькоў, Талаш быў у пана за пастуха, у бацькі было дванаццаць дзяцей). Прычым у адным сказе могуць арганічна спалучацца і ўдакладняць адна адну атрыбутыўная і прэдыкатыўная канструкцыя (яна [хата] належала дэдавай жонцы, у яго бацькі было дванаццаць дзяцей), у якіх асноўнае значэнне дапаўняецца дадатковым.

Адзначым, што тэрміны роднасці і сваяцтва (адусаўлёныя назоўнікі рэлятывнай семантыкі), як правіла патрабуюць указання на суб'екта-пасэсара, аднак «для іх ідэнтыфікацыі часта бывае дастаткова аднаго такога указання на протязенні большага отрезка тэкста» [2, с. 22]. У прыведзеным урывку лексема бацькі не суправаджаецца прыналежным займеннікам, паколькі назва суб'екта-пасэсара ўжываецца ў адным сказе з найменнем аб'екта (Насця была адна дачка ў бацькоў), а адзінка бацька ўдакладняецца займеннікам яго (у яго бацькі было дванаццаць дзяцей), бо асноўны сэнсавы акцэнт у кантэксте – на ўказанні розніцы паміж бацькамі Талашовай жонкі (Насці Бальгі) і бацькам Талаша: Насця была адна дачка ў бацькоў і ў яго бацькі было дванаццаць дзяцей.

Часам у кантэксте аддаецца перавага аднаму якому-небудзь тыпу пасесіўных канструкцый. Напрыклад:

– *Гэ-эх, брат, – тонам дарослага сказаў Павал.* – Тут ужо нічога не зробіш. Возьмуць у двор – і канцы. На тое яны паны. На тое мы мужыкі. Як аддалі яны цябе, так і возьмуць.

– А я ўцяку. Я не іхні. Я – ваш.
 – *Прывыкнеш, -- працягнуў Павал. Памятаеш, як шэсць год таму роў, калі цябе да нас прывезлі? І страшна ў нас, і чорна. Прывык жа ...*
 – *Куды гэта Алеся забяруць?* – *спытала дзяўчынка.*
 Стаяла перад імі, голенькая, круглая. Трымала ў роце палец.
 – *Ідзі ты, Янька, -- з прыкрасцю сказаў Павал. – Што ты ведаеш?*
 – *Куды яго забяруць?* Ён жа наш, – у голасе дзяўчынкі было неўразуменне.

– Наш, ды не зусім.
 І тут Алеся ускінуўся на калені.
 – *Як гэта не ваш? Як гэта? А чый жа я? Буслаў?! Арышкі-дурнічкі?!* (У. Караткевіч. «Каласы пад сярпом тваім»). Назіранні паказваюць, што ў прыведзеным урыўку пераважаюць двухкампанентныя прэдыкатыўныя займеннікавыя канструкцыі, прычым ўжываюцца і няпоўныя структуры з апушчаным найменнем аб'екта-пасэсума (наш, ды не зусім, як гэта не ваш, буслаў, Арышкі-дурнічкі), што ўвогуле характэрна для выказванняў з простага мовай.

Фактычны матэрыял пераконвае, што апускацца можа і назва суб'екта-пасэсара, калі ўказанне на яго ёсць у шырэйшым кантэксце. Напрыклад: Ноччу Глушак доўга не мог заснуць. Апаноўвалі ўспаміны – як год за годам, можна сказаць, усё жыццё гнуўся, выжываўся дзеля сваёй зямлі, якую прагавітая галота за нішто хоча парэзаць. Колькі уведаў гора, увабраў пакуты, каб адно, прыдбаць тую лапіну, што каля цагельні. Усё дабро сваё, пасаг увесь жончын перавёз на кірмаш, збіраючы грошы... Долю сваю, можна сказаць, знявечыў праз гэта: з-за пасагу ж пабраўся з няўдаліцай Лантуховай Кулінай. Гнілога Лантуха, бацьку яе, усцёг сабе на шыю, каб прылічыць да сваіх блішчастыя лантухоўскія залатоўкі. Яго ашукалі – залатовак аказалася многа менш, чым думалася. Толькі ўдала прадаўшы лантухоўскую палоску, змог, нарэшце, купіць тую прываблівую лапіну, што каля цагельні. Усё рабіў, жыў, можна сказаць, дзеля тае зямелькі, што каля цагельні, потым, крывёю ўрабіў усю!.. А тая, што каля сажалкі, ці лёгка дасталася! Адзін бог ведае, колькі паперадаў добра таму Свістуну, пакуль не стаў гаспадаром на яго палосцы. Колькі потым яшчэ плётка перанёс, колькі людской крывоты перанёс за нішто!... (Іван Мележ. «Людзі на балоце»). У сэнсавым змесце прыведзенага ўрыўку дамінуе значэнне ўласнавалодання, якое прадаецца пры дапамозе прэдыкатыўных канструкцый, сфарміраваных дзеясловамі з семантыкай дынамічных пасесіўных адносін (прыдбаць, перавезці [на кірмаш], прылічыць, прадаць, купіць, дастацца, паперадаць, стаць гаспадаром). Адсутнасць наймення суб'екта-пасэсара (Глу-

шак) у сказах, дзе ўжываюцца дзеясловы са значэннем пасесіўнасці, стварае неабходныя ўмовы для выкарыстання пры найменнях аб'ектаў-пасэсумаў азначэнняў (сваё дабро, увесь жончын пасаг, блішчастыя лантухоўскія залатоўкі, лантухоўская палоска, тая прываблівая лапіна, яго палоска), а таксама цэлых атрыбутыўных частак (лапіна, што каля цагельні; тая [зямля], што каля сажалкі), якія канкрэтызуюць, удакладняюць аб'ект пасесіўнасці.

Такім чынам, для ўжывання пасесіўных канструкцый у беларускіх мастацкіх тэкстах характэрна камбінацыя розных структур, якія перадаюць разнастайныя семантычныя адценні пасесіўнасці, адсутнасць указання на суб'екта-пасэсара пры некаторых назвах аб'ектаў (тэрмінаў роднасці і сваяцтва), а таксама ў сказах, дзе ўжываюцца дзеясловы са значэннем пасесіўнасці, стварае неабходныя ўмовы для выкарыстання пры найменнях аб'ектаў-пасэсумаў як азначэнняў, так і цэлых атрыбутыўных частак, якія характарызуюць, удакладняюць аб'ект пасесіўнасці.

Літаратура

1. Арефьева, Т.Л. Система и функционирование средств выражения принадлежности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01 / Т.Л. Арефьева; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина – М., 1986. – 224 с.
2. Головачёва, А.В. К вопросу о содержательном аспекте категории possessивности / А.В. Головачёва [и др.] // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: тезисы совещания; Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР; редкол.: В.В. Иванов [и др.]. – М.: Наука, 1983. – С. 19–25.

Елена Савельева

Московский государственный областной гуманитарный институт
(Россия)

ОБРАЗ АВТОРА В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЖАНРА АВТОБИОГРАФИИ (на материале творчества А. Жида)

Особый интерес и в лингвистике, и в литературоведении вызывает проблема автора или образа автора в художественном произведении. Так, С.В. Перевалова в своей докторской диссертации определяет литературоведческий статус «образа автора», формы выражения авторской интенции и способы проявления авторского сознания в различных типах повествования в русской литературе 1970–1980-х годов [11]. Из-

учению лингвистических средств реализации образа автора в текстах немецких романтических литературных сказок (В. Гауфф, Э.Т.А. Гофман, К. Брентано) посвящена диссертация О.Н. Гронской [6]. Выявление видов и способов реализации авторской интенции в драматических произведениях современных немецкоязычных швейцарских писателей (М. Фриш, Ф. Дюрренматт) стало предметом диссертационного исследования Е.И. Ерёмченко [7]. Вопросам исследования языковой реализации образа автора в англоязычном литературно-художественном тексте посвящена монография М.Г. Бахтиозиной [2]. В докторской диссертации О.С. Мельничук изучается роль композиционных и грамматических средств в выявлении авторского сознания в художественных произведениях с повествованием от первого лица на материале современной франкоязычной литературы [8]. В определенной степени проблема образа автора на материале французского языка затрагивается в диссертационном исследовании С.В. Михайловой о фемининной идентичности и способах её объективации в женской литературной сказке XVII века [9].

«Художественная коммуникация» при этом рассматривается как многовекторная диалогическая направленность художественного текста и выступает, прежде всего, как «демонстрация личности его создателя» [12, с. 25], автора произведения. «В художественных сочинениях мы видим референтную картину, высвечивающую самого автора. Образно говоря, в луче прожектора тенью мечется беспокойное сердце художника. Речь идет в таких случаях не об уточнении и живописании того, что записано в скрижалях, а в видении самого себя на фоне незыблемого» [15, с. 245].

Как справедливо отмечает Е.Г. Самарская, «...присутствие автора обусловлено необходимостью передать читательской аудитории свое личностное представление об особенностях внешнего мира, создавая целостные образы различных «внутренних миров» на основе собственной жизни и личного жизненного опыта. Создание автором жизненного пути описываемой личности осуществляется на основе системы происшедших в её жизни событий. Именно событие, являющееся значимым для личности, демонстрирует сложную систему всего её жизненного пути» [12, с. 25]. Несомненно, образ автора складывается из многоплановой системы моделей, проходящих по цепочке автор – текст – реципиент (читатель) [2, с. 17]. Следует особо подчеркнуть, что автор как дискурсивная личность уже в процессе порождения сообщения имеет четкий образ своего конкретного или социального адресата (читательскую аудиторию в случае художественного произведения) и может оста-

ваться «коммуникативной личностью даже после своей смерти, при условии, что созданный ею дискурс остается социально значимым» [9, с. 9].

Авторское присутствие в тексте имеет сложные и разнообразные формы, так как основывается и на отношении автора к реальной действительности, и на его понимании созданного им мира произведения. Характер и способы общения автора с читателем на протяжении всего повествования отражают процесс формирования образа автора, способствуют раскрытию его идентичности. Презентация самого себя может иметь самый разнообразный характер представления: от констатирующего, хронологически последовательно представляющего те или иные факты из жизни персонажа, до психологически-эмоционального, характеризующего эмоциональное состояние героя, его чувства и настроения. Это не автопортрет, это автоинтерпретация [12, с. 39] в процессе творческого самопознания, которое, по мнению Д.Г. Трунова, «есть творение своего *уникального жизненного мира*, который, в свою очередь, становится источником развития *всего* мира культуры. <...> В творческом самопознании жизненный мир – это средство расширения мира культуры, обогащение его новыми смыслами. Гений, пророк, мессия – это «сильный субъект», творящий культурную реальность посредством актуализации своего собственного жизненного мира. Теперь, созданные им знаки, знаки его жизненного мира, становятся достоянием других людей, через призму которых они познают свое бытие (экзистенцию)» [16, с. 118–119]. В этой связи интересна мысль норвежского философа Л. Свендсена: «Быть собой значит уметь объяснять себя, рассказывая о том, кем ты был, кем будешь и кем сейчас являешься. Рассказывать о себе значит *становиться* самим собой» [13, с. 227].

Таким образом, объективируя свои предметные знания, человек одновременно и интерпретирует мир, передавая личное отношение языковыми средствами [21, с. 75]. Он передает своё мироощущение и своё миропонимание того времени, о котором он пишет, создавая свое дискурсивное пространство, свой «референциальный мир» автобиографического текста в соответствии со своими представлениями о тех событиях его жизни, которые имели место в определенном времени и пространстве. Перечисленные представления о жизни позволяют отметить важную черту: с одной стороны, это описание жизни в рамках личного пространства и времени, поскольку говорящий описывает события своей жизни, свою биографию, а с другой – это выход за пределы личного пространства и включение своей личности в рамки объективного мира.

Рассматривая автобиографическую прозу не только как словесную конструкцию, но и как социальный поступок, Ф. Лёжён обращает внимание на желание писателя прежде всего искренне понять и прочувствовать свою жизнь, обещая при этом говорить только правду и свидетельствовать о реальности. Тем самым, пишущий невольно вмешивается в отношения между людьми [20, с. 14], прекрасно понимая вытекающие из этого последствия. Создавая свой собственный образ, автор автобиографического произведения представляет, прежде всего, уникальный опыт самоосознания и самопознания себя как отдельного человека, как личность. Представление самого себя – это не только факт самоидентификации, но и цепь самооценок.

Необходимо отметить, что в целом проблематика авторской идентичности во французской художественной литературе не являлась предметом монографических исследований в отечественной лингвистике.

При исследовании автобиографической прозы А. Жида наиболее приемлемой представляется позиция, согласно которой формирование образа автора в текстах подобного рода определяется тем, «насколько автор идентифицирует себя с рассказчиком или желает такого рода идентификации со стороны читателя, а также от того, какую роль и место писатель отводит повествователю» [2, с. 31].

Но *рассказчик находится внутри мира произведения; это «персонафицированный субъект изображения» – лицо, которому передана нарративная функция. «Он связан с определенной социально-культурной и языковой средой, с позиции которой и ведется изображение других персонажей». Движения рассказчика в пространстве и времени лимитированы. Поэтому его представления о происходящем не могут быть исчерпывающими (хотя и объёмнее, чем у других персонажей)* [14, с. 241]. «Рассказчик словно прикован к своему герою, не может отойти от него на должную дистанцию, чтобы дать резюмирующий и цельный образ его поступков и действий... Этой позиции нет у рассказчика, у него нет необходимой перспективы для художественно завершающего охвата образа героя и его поступков в целом. <...> Рассказчик находится в непосредственной близости к герою и к совершающемуся событию, и с этой максимально приближенной, бесперспективной точки зрения он и строит изображение их» [1, с. 387]. *Рассказчик может быть объектом изображения для других персонажей. В связи с этим и для автора/читателя он фигура не только изображающая, но и обязательно – изображенная. В случае с рассказчиком различия между «говорящим» и «действующим я» значительно меньше* [14, с. 241].

Раскрывая возможности авторского присутствия в тексте художественного произведения, О.С. Мельничук [8] дает подробный обзор имеющихся точек зрения по этому вопросу как в отечественной, так и в зарубежной науке. Не считая нужным повторяться, укажем лишь, что для настоящего исследования наиболее приемлемой является позиция, согласно которой точки зрения автора и повествующего в тексте субъекта (= рассказчика) максимально совпадают, что соответствует точке зрения В.В. Виноградова: «образ рассказчика < ... > колеблется, иногда расширяясь до образа автора» [5]. Он выступает как представитель автора в рамках данного текста и «имеет тот образ, который реальный автор пожелал ему придать» [10, с. 39–40].

В автобиографическом произведении «Если зерно не умрет...» [19] А. Жид не пытается отделить себя от рассказчика-персонажа, более того, он даёт возможность читателю понять это, указывая в тексте точную дату своего рождения, место проживания родителей и родственников (1), называя настоящие имена своих родственников, друзей и знакомых (6), (2), (3):

(1) *Cédait-elle à des objurations de ma tante Charles Gide qui s'obstinait volontiers à ce qu'elle estimait le préférable? ...* (p. 103);

(2) *Les Charles Gide occupaient alors à Montpellier, au bout en cul-de-sac de la rue Salle-l'Evêque, le second et dernier étage de l'hôtel particulier des Castelnau* (p. 103);

(3) *J'avais beaucoup fréquenté Wilde, à Paris; je l'avais rencontré à Florence; j'ai raconté déjà tout cela longuement; également ce qui va suivre, mais sans le détail que j'y veux apporter ici* (p. 327);

Вспоминая свои школьные годы, А. Жид показывает, как к нему обращались, то есть становится объектом изображения для других персонажей, (4), (5):

(4) *Tout à coup je m'entendis interpeller :*

– *Gide!* Il me semble que vous êtes bien rouge? Venez donc me dire deux mots.

Le sang me monta au visage plus encore, tandis que je gravissais les quatre marches de la chaire, et que mes camarades ricanaien (p. 65);

(5) *Et tout à coup, sans que j'eusse, me semblait-il, particulièrement mérité, à cette composition-là «Premier, Gide», commença Dietz, qui donnait le résultat du classement.*

<...> Je sentis se diriger vers moi tous les regards (p. 65).

Таким способом, не скрываясь за маской вымышленного имени, автор стремится лично представить свой мир, выделяет наиболее

значимые его фрагменты и придает им особую субстанцию и форму в зависимости от своего собственного видения, которое приходит, формируется его умом, а также его ощущениями и чувствами [18, с. 663].

Сам А. Жид отмечает, что свои воспоминания он излагает, не всегда соблюдая их хронологическую последовательность. Его воспоминания группируются скорее вокруг людей, которые окружали его, и тех мест, где все происходило, он не всегда точен в датах (6):

(6) *J'écirai mes souvenirs comme ils viennent, sans chercher à les ordonner. Tout au plus les puis-je grouper autour des lieux et des êtres; ma mémoire ne se trompe pas souvent de place; mais elle brouille les dates; je suis perdu si je m'astreins à de la chronologie. A reparcourir le passé, je suis comme quelqu'un dont le regard n'apprécierait pas bien les distances et parfois reculerait extrêmement ce que l'examen reconnaîtra beaucoup plus proche* (p. 24).

И это подтверждается многочисленными авторскими отступлениями. Например, описывая впечатления своей матери по поводу её поездки с отцом в город Юзес, он вдруг прерывает свой рассказ, вспомнив о каких-то событиях, но тут же замечает, что об этом он напишет позднее, правда, еще не знает, в каком месте. И напоминает, что он с большим удовольствием ассоциирует свои воспоминания о каких-либо событиях с местом, чем со временем их осуществления (7).

(7) *Aux abords du Gardon croissaient des asphodèles, et, dans le lit même du fleuve, presque partout à sec, une flore quasi tropicale... Ici je quitte un instant la guimbarde; il est des souvenirs qu'il faut que j'accroche au passage, que je ne saurais sinon où placer. Comme je le disais déjà, je les situe moins aisément dans le temps que dans l'espace, et par exemple ne saurais dire en quelle année Anna vint nous rejoindre à Uzès, que sans doute ma mère était heureuse de lui montrer; mais ce dont je me souviens avec précision c'est de l'excursion que nous fîmes du pont Saint-Nicolas à tel village non loin du Gardon, où nous devons retrouver la voiture* (p. 38).

Авторское присутствие характерно практически для подавляющего числа произведений писателя. Это позволяет сделать вывод, что пространство автора и рассказчика не разделяются: персонифицированный автор-повествователь, то есть названный именем рассказчик, выступающий заместителем аукториального повествователя [4, с. 102–105], является одним из действующих лиц художественного автобиографического произведения. В этом случае автор совершенно идентичен творческому процессу, «он сам и есть собственное творчество, весь целиком слился с ним и погружен в него со всеми своими намерениями и всем своим умением» [17, с. 221–222].

Літэратура

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского – М. 1972. – 470 с.
2. Бахтиозина М.Г. Семантические составляющие образа автора в литературно-художественном тексте: монография / М.Г. Бахтиозина. – М.: КДУ, 2009. – 144 с.
3. Блох М.Я. Язык обиходный, язык художественный и общество-язык-котворец // Язык. Культура. Речевое общение. – М.: Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, 2012. – № 1 – С. 7–13.
4. Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): учеб пособие. – 3-е изд., стереотип. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 224 с.
5. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 511 с.
6. Гронская О.Н. Лингвистические средства реализации образа автора в текстах немецких романтических литературных сказок (В. Гауфф, Э.Т.А. Гофман, К. Брентано): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 23 с.
7. Ерёмченко Е.И. Реализация категории образа автора в драматических произведениях макса Фриша и Фридриха Дюрренматта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1998. – 17 с.
8. Мельничук О.А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста (на материале современной франкоязычной литературы): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002. – 330 с.
9. Михайлова С.В. Фемининная идентичность и способы ее объективации в художественном дискурсе XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 24 с.
10. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 464 с.
11. Перевалова С.В. Проблема автора в русской литературе 1970–1980-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 1998. – 44 с.
12. Самарская Е.Г. Автобиографическое представление как репрезентант личности персонажа в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2008. – 137 с.
13. Свендсен Л. Философия моды – М.: Прогресс-Традиция, пер. с норв. А. Шипунов 2007. – 256 с.
14. Тамарченко Н.Д. Теоретическая поэтика: Хрестоматия-практикум: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – М.: ИЦ «Академия», 2004. – 400 с.
15. Тимашева О.В. Библейские сюжеты и евангельские мотивы у Андре Жида // О.В. Тимашева. От Рабле до Уэльбека. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 240–252.
16. Трунов Д.Г. Введение в феноменологию самопознания: монография. – Пермь, 2008. – 256 с.

17. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Тракаты, статьи, эссе. – М.: МГУ, 1987. – С. 214–231.

18. Charaudeau P. Grammaire du Sens et de l'Expression. – Paris: Hachette, 1992. – 928 p.

19. Gide A. Si le grain ne meurt, coll. Folio, Editions Gallimard, Paris, 1920–1924. – 373 p.

20. Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. – Paris: Seuil, 1975. – 381 p.

21. Pottier B. Semantique générale. – Paris: Presses Universitaires de France, 1992. – 241 p.

Виктория Сасина

Северо-Кавказский федеральный университет (Россия)

СЛОВО КАК СРЕДСТВО ГАРМОНИЗАЦИИ ЖИЗНИ В МЕТАПОЭТИКЕ Н.С. ГУМИЛЕВА

Авторская метапоэтика всегда обладает своими ключевыми особенностями. Поэт, писатель, художник вкладывают в свои произведения наработанные теоретические установки, и степень взаимодействия «авторской художественной теории» и «авторской художественной практики» может быть различной.

Важным элементом метапоэтики является слово. В творчестве Н.С. Гумилева слово обладает интересной особенностью: оно связывает, гармонизирует его художественный мир. Неслучайно одно из самых известных стихотворений Н.С. Гумилева называется «Слово». Но слово не является автору внезапно, и строчки не создаются по пришествию Музы, о чем неоднократно утверждал Н.С. Гумилев. Для произведения важна работа над словом, способность автора изменять и сопоставлять слова, создавать интереснейшие образы благодаря подбору текстового правильного слова. При этом автор должен пользоваться собственным впечатлением от слова. По словам Н.С. Гумилева, «чтобы выразить себя в слове, поэт в минуты творчества должен быть обладателем какого-нибудь ощущения, до него неосознанного и ценного. Это рождает в нем чувство катастрофичности...» [2, с. 602]. П.Фокин отмечает, что автор «любил звучные, «занятые» слова: конквистадор... акмеизм... Мадагаскар» [1, с. 14]. Несмотря на то, что эстетика слова в понимании акмеизма и символизма различна, тем не менее общие установки существуют. Например, можно говорить о централизованной роли слова в метапоэтике акмеизма и символизма.

В данной статье постараемся определить роль слова в мировоззренческой позиции Н.С. Гумилева. Материалом для данного исследования

послужили две статьи автора «Жизнь стиха» и «Анатомия стихотворения». В начале творческого пути автор тяготел к символизму (в частности, творчество В.Я. Брюсова), затем произошла смена литературных направлений, и Н.С. Гумилев стал вождем акмеизма. Сборник «Жемчуга» является переломным в творчестве автора. Об особенностях художественного языка поэта в этом сборнике Ю. Верховский писал: «Свое слово – в прямом смысле – он еще не всегда находит» [2, с. 525]. Но через некоторое время Ю. Верховский отзывается: «...с постепенным наполнением поэзии свое слово все более крепнет, тем одушевлением, которое мы назвали пафосом стремления» [2, с. 526]. Ю. Верховский – поэт-символист – большое внимание уделял специфике слова, и его отзыв, на наш взгляд, говорит о схожем отношении к роли слова символистами и акмеистами.

О связи эстетики слова символизма и акмеизма, в частности, в творчестве Н.С. Гумилева, писал Ю.И. Айхенвальд: «...как бы отчетливо он ни произносил, его слова не соответствуют образам и волнениям, переполняющим его душу, – его слова только приблизительны, и как ни явственен смысл стихотворений Гумилева, сам автор чуял за ним нечто другое, большее» [2, с. 502]. Роль слова в метапоэтике Н.С. Гумилева нельзя охарактеризовать однозначно и окончательно, поэтому можно говорить о следующих ключевых особенностях эстетики слова в метапоэтических текстах автора:

Из названий статей («Жизнь стиха» и «Анатомия стихотворения») очевидно, что стихотворение осмысливается автором не как законченный атрибут, а как живой организм. Об этом свидетельствует также ряд слов, характеризующих процесс рождения стихотворений: «чувства», «полет», «взоры», «кусочек», «темперамент».

Каждый человек занимает свое место и имеет свое предназначение. С определенным местом человек ассоциируется и связывается духовно. Роль слова состоит в определении назначения человека (пашет – значит крестьянин, строит – значит строитель, молится – значит священник и т.п.).

Автор опирается на точку зрения Оскара Уайльда о значении элемента «слова» в системе искусств. Слово – это совокупность музыки, живописи, скульптуры и мысли. Отметим, что Н.С. Гумилев довольно часто отмечал свое сходство с Оскаром Уайльдом: «Я, как Уайльд, – побеждаю все, кроме соблазна» [4, с. 79], «Сейчас я буду говорить только о стихах, помня слова Оскара Уайльда...» [3, с. 47].

Сходство происхождения стихотворения и живых организмов имеет синергетический характер. Слово в стихотворении, как клетка организ-

ма, выконняе сваю функцыю і несёт масу інфармацыі. Порядак следодвання слов/клеток вызначае весь жыццены строй: на ход развіцця жыцця і стиха вліяюць яўленія прыроды, працэсы в іскусстве і даже запахі.

Качество стихотворений, а, следовательно, и выбор слов зависит от состояния поэта: «Все действует на ход развития – и косою луч луны, и внезапно услышанная мелодия, и прочитанная книга, и запах цветка» [3, с. 47]. Сравнение поэта с пророком, глашатаем автор избегает, но вводит свой образ: «Древние уважали молчащего поэта, как уважают женщину, готовящуюся стать матерью» [3, с. 47].

Стихотворение должно обладать всем, чтобы получить статус «вечного». Но именно гармония – связующее звено всех характеристик стихотворения.

Акмеистская эстетика телесности неразрывно связана с процессом создания стихотворения и с самим пониманием слова: «Одним словом, стихотворение должно являться слепком прекрасного человеческого тела, этой высшей ступени представляемого совершенства» [3, с. 49].

Так как слово выполняет экспрессивную функцию, стихотворение может влиять на душевный мир человека и его поступки: «...стихи мучат, они наносят душе неисцелимые раны» [3, с. 51].

Изучение поэзии нужно начинать с общего и постепенно приближаться к частным вопросам фонетики, стилистики, композиции и эйдологии. Только при гармоническом сочетании данных отраслей возможно говорить о теории поэзии. Ключевой тезис теории поэзии для начинающих поэтов – «Поэтом является тот, кто учтет все законы, управляющие комплексом взятых им слов» [3, с. 65].

Слово рассматривается поэтом как самоценное явление и одновременно элемент поэтической системы – стихотворения. Восприятие стихотворения происходит посредством понимания слов в их совокупности. Н.С. Гумилев не просто работает над словом, он знает его свойства, поэтому верит: «...наступит время, когда поэты станут взвешивать каждое свое слово с той же тщательностью, как и творцы культовых песнопений» [3, с. 68]. Красивое и правильное слово помогает автору и читателю понять свою сопричастность к мироустройству, почувствовать гармонию с миром. Сама же гармонизация достигается на нескольких уровнях: авторская гармония, читательская гармония и гармония с природным миром.

Літэратура

1. Гумилев без глянца / Сост., вступ. ст. П.Фокин. – СПб: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 477 с.

2. Гумилев, Н.С.: pro et contra / Сост., вступ. ст. и прим. Ю.В. Зобнина. – СПб.: РХГИ, 2000. – 672 с.

3. Гумилев, Н.С. Письма о русской поэзии / Сост. Г.М. Фридлендер. – М.: Современник, 1990. – 338 с.

4. Одоевцева, И.В. На берегах Невы. – М.: Худож. лит., 1998.

Людміла Сінькова

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ЖАНРАВЯЯ ДЫНАМІКА Ў ДАКУМЕНТАЛЬНА-МАСТАЦКАЙ ПРОЗЕ

Сучасная дакументальна-мастацкая проза ўсё часцей непасрэдным чынам звязваецца з журналістыкай паводле стратэгічных падыходаў пісьменніка да аб'ектаў адлюстравання. Літаратурныя ўзоры, што пацвярджаюць гэты тэзіс, вельмі шматлікія; мы абмяжземся разглядаць выбраных твораў на тэму так званых лакальных узброеных канфліктаў – ваенных дзеянняў былых савецкіх і цяперашніх расійскіх войскаў у Афганістане і Чачні. Гэта творы А. Петрашкевіча (рэдактара і арганізатара працы над кнігай «Памяць. Афганістан», 1991), С. Алексіевіч («Цынкавыя хлопчыкі», 1989, 1991), апавяданні С. Дубовіка («Груз “200”», «Памінкі ў Сардобе», «Негры», «“Інтэрнацыянальнае” выхаванне», «Крываваыя цюльпаны», усе – 1992), С. Цюцюнніка (апавяданні 1993–2000-х гг.), М. Трошава («Мая вайна. Чачэнскі дзённік акапнага генерала», 2001).

Трэба сказаць, што кола тэкстаў і ў гэтай тэматычнай выбарцы істотна абмежаванае: напрыклад, «Мая вайна. Чачэнскі дзённік акапнага генерала» М. Трошава мае працяг («Чачэнскі рэцыдыў. Запіскі камандуючага», 2003; «Чачэнскі залом. Дзённікі і ўспаміны», 2008; у рускамоўным арыгінале – «Чеченский излом...»). С. Цюцюннік выдаў цэлы шэраг зборнікаў: «Як мы з дзедам паміралі», 1993; «Абломак Вавілонскай вежы», 2000; «Мая Мата Хары», 2004; «12 куль з чачэнскай абоймы», 2005; «Рыкашэт», 2008 (ёсць і пераклады: «Guerre et vodka», Paris, 2005), інш.; неаднаразова перавыдаваліся і перакладаліся таксама творы С. Алексіевіч.

Аднак названыя абмежаванні ў матэрыяле, у аб'екце даследавання ўсё ж дазваляюць зрабіць карэктныя высновы пра развіццё сучаснай дакументальна-мастацкай прозы, паколькі аналізуюмыя тэксты з'яўляюцца дастаткова прэцэдэнтнымі менавіта ў жанравым аспекце – паводле тых жанравых стратэгіяў, што паспяхова выкарыстаны іх аўтарамі.

Актуалізуючы паняцце пісьменніцкай стратэгіі, адразу падкрэслім: маюцца на ўвазе не тэрміналагічныя канвенцыі паводле неамарксісцка-структуралісцкага дыскурсу П. Бурдзье з яго ўвагай да літаратурных твораў як «сімвалічнага капіталу», які патрабуе стратэгічнага клопату пра сваю канвертацыю ў грамадстве, абмен на «несімвалічныя» грошы, славу, уладу; не выбар пісьменнікам найэфектыўнага спосабу самапрэзентацыі, маркетынг. Пад пісьменніцкай стратэгіяй мы будзем разумець уласна-мастацкі аўтарскі пошук у традыцыйным сэнсе, г. зн. выпрацоўку самых актуальных мастацкіх форм, жанравых і стылёвых, дзеля спраўджвання самых актуальных мастацкіх выказванняў. І толькі неверагодна размытая сённяшнім часам семантыка тэрміна *non fiction* змушае адмовіцца ў дадзеным выпадку ад выкарыстання гэтага вызначэння, якое магло б быць аператыўным у гаворцы пра дакументальна-мастацкую прозу, створаную на перасячэнні журналістыкі і традыцыйнага прыгожага пісьменства.

У беларускай літаратуры ваенная тэма – адна з самых распрацаваных, і спосабы выкарыстання ў ёй рэальных фактаў ілюструюцца наступнымі прыкладамі.

У прозе, дзе асноўным, першасным грунтам выступае дакумент, можна вылучыць некалькі варыянтаў дакументальна-мастацкага дыскурсу.

1. Дастаткова папулярныя ў савецкі час мемуары выбітных асоб, ваеначальнікаў, неардынарных дзяржаўных і партыйных дзеячоў, запісаныя прафесійнымі літаратарамі. Так, напрыклад, Васіль Іванавіч Казлоў, генерал-маёр і Герой Савецкага Саюза, адзін з арганізатараў партызанскага руху на Беларусі і кіраўнікоў урада БССР, у 1973 г. апублікаваў кнігу сваіх успамінаў «Людзі асобага складу» (у запісе Аляксея Кулакоўскага). У гэтым выданні выдавочная публіцыстычная скіраванасць, журналісцкі падыход А. Кулакоўскага да стварэння дакументальна-мастацкага тэксту, што абапіраецца як на матэрыялы асабістых гутарак з В.І. Казловым, так і на партыйныя, іншыя дакументы пра падзеі на Беларусі ў часы нямецка-фашысцкай акупацыі. Або звернемся да прыкладу іншага часу, але аналагічнай жанравай стратэгіі: гэта кніга «Грамадзянін свету», выдадзеная ў Мінску ў 2004 г., пра славу тага матэматыка і хіміка, буйнейшага вучонага ў галіне астранаўтыкі, грамадзяніна ЗША, беларуса Барыса Кіта, у якую ўключана дакументальна-мастацкая аповесць «Цярновы шлях» (з падзагалоўкам «Аповяды Барыса Кіта, запісаныя Васілём Быкавым улетку 2001 года ў Франкфурце-на-Майне»).

2. Факты, самастойна сабраныя аўтарам з розных крыніц і паслядоўна выкладзеныя ва ўласнай інтэрпрэтацыі (канцэптуальнай і мастацкай). Такія – дакументальныя аповесці журналіста і празаіка Івана Новікава з трохтомніка «Выбраныя творы», 1988 (пісаліся з 1959 па 1980-я гг.): «Руіны страляюць ва ўпор», «Дарогі скрыжаваліся ў Мінску», «Да світання блізка».

3. Кантамінацыі дакументальных матэрыялаў з мастацкай вобразнасцю ў межах аднаго тэксту – па-мастацку значны, красамоўны мантаж дакументальных і мастацкіх фрагментаў. Самы вядомы і паспяхоўны прыклад з беларускай прозы тут – «Хатынская аповесць» Алеся Адамовіча (1972), у якой ён, напрыклад, ужо ў тыя часы працываў дакументы пра тое, што Хатынь спалілі не ўласна немцы, а 118-ты ўкраінскі паліцэйскі батальён пад камандаваннем Дзірлевангера, які размяшчаўся пад Пleshчаніцамі, іншыя факты, безумоўна падцэнзурныя для тагачаснай савецкай літаратурнай прасторы.

4. Функцыянаванне дакумента ў ролі мастацкага вобраза: кнігі, створаныя мастакамі на аснове апрацоўкі мноства магнітафонных запісаў з успамінамі шараговых сведкаў маштабных трагічных падзей. Гэта сусветна вядомая кніга «Я з вогненнай вёскі...» А. Адамовіча, Я. Брыля, У. Калесніка, першае выданне якой датавана 1974 годам. Услед за ёю з'явілася «Блакадная кніга» (1977, 1981) А. Адамовіча і Д. Граніна, а затым – плён творчасці Святланы Алексіевіч: «У вайны не жаночае аблічча» (1984), «Апошнія сведкі» (1985), «Цынкавыя хлопчыкі» (1989), «Зачараваныя смерцю» (1993), «Чарнобыльская малітва» (1997), «Час сэканд хэнд» (2013).

5. Мае сэнс у асобным пункце спецыяльна пазначыць наступнае: уся традыцыйная мастацкая літаратура, прыгожае пісьменства, заснаванае на мастацкім, фантазійным мысленні, імпліцытна захоўвае генетычную сувязь з фактаграфіяй, таму што любы дыкурс, нават самы далёкі ад дакументальнасці, усё роўна так ці інакш расце з рэчаіснасці.

Такім чынам, гаворка пойдзе пра кнігі, якія ствараліся ў шырокім дыяпазоне выкарыстання дакументаў і рэальных фактаў у мастацкім тэксце. Важна і тое, што аўтары ўсіх выбраных намі тэкстаў з'яўляюцца прафесійнымі журналістамі або пэўным чынам выкарыстоўваюць менавіта журналісцкія практыкі ў адлюстраванні вайны. Гэта тая дакументальна-мастацкая проза, што створана на мяжы дакумента і мастацкага вымыслу; у ёй функцыі мастацкага вобраза часта выконвае самадастатковы факт, не апрацаваны мастацкай фантазіяй. Гэта можа быць факт, занатаваны ў дзённік, або матэрыял інтэрв'ю, гутаркі, запісанай на магнітафонную стужку. Гэта мастацтва журналіста, чыя прысут-

насьць у тэксьце за «чужым» словам выяўляецца апасродкавана: у самой канцэпцыі выкладу матэрыялаў, у расстаноўцы ідэйных акцэнтаў, у стварэнні эмацыянальнага, сугестыўнага кантэксту, падтэксту або сюжэтна-кампазіцыйнага кантрапункту; ва ўменні давесці сваю праўду «моваю фактаў».

Імя гісторыка, драматурга і сцэнарыста Алеся Лявонавіча Петрашкевіча (1930–2012, родам з Талачынскага раёна Віцебшчыны), звязана найперш з яго хрэстаматычнымі п'есамі на гістарычную тэматыку, але ж, бадай, не ў меншай ступені – і з яго грамадзянскім тэмпераментам і схільнасцю да публіцыстыкі: літаратурную дзейнасць ён пачынаў у 1955 г. з фельетонаў, нарысаў, памфлетаў. Да гэтых вайны ў Афганістане А. Петрашкевіч прыйшоў найперш як гісторык: кандыдат гістарычных навук, ён працаваў у «Беларускай Савецкай Энцыклапедыі», кіраваў цэнтрам па выданні гістарычна-дакументальных хронік «Памяць» у 1991–98 гг. Героямі важнага тома «Памяць. Афганістан» зрабіліся больш за 750 беларусаў (або прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей); яны служылі на Беларусі, з беларускай зямлі адпраўляліся ў Афганістан або тут былі пахаваныя. Алясь Петрашкевіч памкнуўся трансфармаваць, пашырыць фармат даведачнага выдання ў кірунку да мастацкай выразнасці: у кнізе спалучаюцца праз мантаж вельмі красамоўныя, па-мастацку актыўныя фрагменты. Гэта, з аднаго боку, афіцыйныя, архіўныя, дакументальныя звесткі пра забітых на той вайне, а з другога – сведчанні з іх прыватнага, «неафіцыйнага» жыцця, радыкальна набліжанага да чытача праз асабістыя лісты (той выпадак, калі чытаць чужую інтымную перапіску можна і трэба), праз успаміны блізкіх. Падобнае аўтарскае ўмяшальніцтва ў сухі стыль афіцыйных рапартаў і надае кнізе «Памяць. Афганістан» адзнакі мастацкасці, вагу адзінкавага, у многім унікальнага тэксту.

Прэзентацыйным аўтарам у пазначанай тэме з'яўляецца стваральнік белетрызаваных мемуараў Генадзь Мікалаевіч Трошаў (Трошев), генерал-палкоўнік, Герой Расійскай Федэрацыі, чье дзённікі (сваімі сааўтарамі ў падрыхтоўцы іх да друку генерал назваў журналістаў С. Цюцюнікі і Г. Алёхіна [5, с. 6]) выйшлі ў самых папулярных расійскіх выдавецтвах рэкорднымі тыражамі. Г. Трошаў нарадзіўся ў 1947 г. у г. Грозным (па некаторых іншых звестках – у г. Берліне, у Германіі, дзе скончыў ваяваць з нямецкім фашызмам яго бацька, ваенны лётчык, выпускнік Краснадарскага авіяцыйнага вучылішча; маці, Надзея Трошава – казачка...). Ва ўсякім разе вядома дакладна, што дзяцінства Г.М. Трошава прайшло ў Чачэна-Інгушкай АССР. Савецкае дзяцінства сярод казакоў, чачэнцаў і інгушоў... Гэты савецкі і расійскі

ваеначальнік камандаваў федэральнымі войскамі ў Чачні і Дагестане на працягу ўсіх 1990-х і пад час ваенных дзеянняў 1995–2002 гг.

Л. Аннінскі ў артыкуле «Мир, война, человек в русской прозе 90-х годов» пісаў пра Г. Трошава: «Нарадзіўшыся і вырашыў ў Грозным, ён не толькі ведае Каўказ, ён яшчэ зацікаўлены ў чалавечым боку драмы; партрэтныя характарыстыкі галоўных дзеючых асоб: ад Грачова да Хат-таба і ад Шаманава да Басаева – чытаюцца ў яго кнізе часам як адкрыцці (откровения). Адзін з гэтых чалавечых сюжэтаў мяне скалаваў. «... Масхадаў сказаў: няма сэнсу больш сустракацца, гэта ні да чаго не прывядзе, нам з табою пры ўсім жаданні праблему не вырашыць. Мы паціснулі адзін аднаму рукі, па традыцыі абняліся і раз'ехаліся... Пасля гэтага запалымнела першая чачэнская вайна». [2, с. 59–60].

У 2001 г. выйшла першае выданне «Маёй вайны...»; пазней гэты «Чачэнскі дзённік акупацыі генерала» перавыдаваўся чатыры разы (усяго – больш за 100 тысяч экзэмпляраў). У 2002 г. быў канфлікт генерала з прэзідэнтам У. Пуціным, Трошаў быў зняты са сваёй пасады камандуючага войскамі Паўночна-Каўказскай ваеннай акругі. Восенню 2003 г. ён публічна сцвярджаў, што ў Чачні, маўляў, вайны няма, а крычаць пра вайну толькі тыя, хто яшчэ не адмыў усе грошы. Былі іншыя пасады, іншыя драмы, ізноў шматтысячныя тыражы новых кніг – «Чачэнскі рэцыдыў. Запіскі камандуючага» і «Чачэнскі залом. Дзённікі і ўспаміны», і ўрэшце – гібель генерал-палкоўніка Г. Трошава і яшчэ 88 чалавек у 2008 г. у выніку катастрофы пасажырскага Боінга-737 кампаніі «Аэрафлот-Норд», які накіроўваўся з Масквы ў Перм.

Надзвычай паслядоўна раскрывае мастацкі патэнцыял дакументальных матэрыялаў беларуская пісьменніца, намінантка на Нобелеўскую прэмію Святлана Алексіевіч: у яе кнігах дакумент функцыянуе ў ролі мастацкага вобраза. Яна таксама атрымала журналісцкую адукацыю – у БДУ. Нарадзілася Святлана Алексіевіч у 1948 г. у Івана-Франкоўску, на Украіне, у сям'і вайскоўца. Яе бацька – беларус, а маці – украінка. Пазней сям'я пераехала ў Беларусь, на радзіму бацькі. Ці ж не тыповая савецкая сям'я... Пасля заканчэння ўніверсітэта Святлана Аляксандраўна працавала карэспандэнтам у рэдакцыях вядучых беларускіх газет і часопісаў («Сельская газета», «Нёман»). А потым была сустрэча з Аляксем Адамовічам, захапленне славытымі бестселерамі савецкіх часоў «Я з вогненнай вёскі...» і «Блакадная кніга». І хоць С. Алексіевіч прадстаўляе генерацыю, названую сямідзясятнікамі, вядома, што ў ідэйным плане яны засталіся салідарнымі з пакаленнем сваіх папярэднікаў, савецкіх шасцідзясятнікаў, чью справу працягнулі: найперш пафас праўды і гуманізму славурых аўтараў савецкай ваеннай прозы, сярод якіх бела-

русы Васіль Быкаў і Алесь Адамовіч – кожны па-свойму – вылучыліся безумоўна. С. Алексіевіч гаварыла ў адным са сваіх інтэрв’ю: «Я доўга шукала сябе, хацела знайсці нешта такое, што наблізіла б да рэальнасці. Ухапіць сапраўднасць – вось што хацелася. І гэты жанр [прозы на аснове магнітафонных запісаў, распрацаваны А. Адамовічам з сааўтарамі. – Л. С.] – жанр чалавечых галасоў, споведзяў, сведчанняў і дакументаў чалавечай душы імгненна быў мною прысвоены. Так, я зараз так бачу і чую свет: праз галасы, праз дэталі быту і быцця. Так пабудаваны мае зрок і слых. І ўсё, што ўва мне было, тут жа аказалася неабходным, таму што патрабавалася адначасова быць і пісьменнікам, журналістам, сацыёлагам, псіхааналітыкам, прапаведнікам...» [4, с. 217]. Дзеля кнігі «Цынкавыя хлопчыкі» С. Алексіевіч ездзіла ў Афганістан, дустракалася з былымі «афганцамі», з блізкімі тых, хто загінуў. Кніга выклікала ў савецкім грамадстве небывалае ўзрушэнне. Ужо ў 1992 годзе ў Мінску быў арганізаваны палітычны суд над творам і яго аўтарам. Аднак у абарону пісьменніцы і той праўды, якая была ў кнізе, выступіла грамадскасць не толькі Беларусі, але і замежжа. Суд спынілі. Па «Цынкавых хлопчыках» пачалі здымацца дакументальныя фільмы (рэжысёр – Сяргей Лук’янчык), ставіцца спектаклі...

Прозу ўласна-мастацкую, якая вырастае з экстрэмальнага асабістага вопыту, ствараюць беларус С.В. Дубовік і расійскі вайсковец з Заходняй Украіны С.П. Цюцённік. Яны пішуць на аснове тых фактаў, якія немагчыма выснаваць адно праз пісьменніцкую фантазію; абодва пераказваюць рэальную фактаграфію ў мастацкі дыскурс.

Сяргей Валянцінавіч Дубовік (нарадзіўся ў 1952 г. на Капыльшчыне) – журналіст, які прайшоў шлях ад яшчэ школьнага захаплення сваёй прафесіяй, публікацый у «раёнцы», да дзяржаўных пасадаў у Нацыянальным сходзе РБ (у Камісіі па правах чалавека, нацыянальных адносінах і сродках масавай інфармацыі), а таксама ў БДУ, на чале Інстытута журналістыкі. У аснове яго апавяданняў пра Афганістан – уласны вопыт службы ў часях «абмежаванага кантынгенту» ў 1981–1983 гг. Забіралі на журналісцкую працу ў дывізіённую газету, ды аказалася, што на перадавую, у сапёрную роту, нампалітам, дзе вакансіі, у тым ліку камандзірская, якую прыйшлося заняць беларускаму хлопцу, адкрываліся неўзабаве... Год непасрэдна камандаваў 120-цю жыццямі; штораніцы на бронетранспарты выязджаў са сваімі хлопцамі на заданні. Штодзень бачыў той вялікі бардак, якім назваў вайну яшчэ Хемінгуэй. Штохвіліны разумеў тую подласць на крыві, пра якую пісаў Быкаў як пра гвалт на вайне найперш сваіх над сваімі. Штораз ляцеў у «чорным цюльпане» з грузам «200», цынкавымі трунамі, на радзіму і назад – адзіным самалётам да

Кабула [3, с. 62]. У такой прозе, як «Памінкі ў Сардобе», «“Негры”», «“Інтэрнацыянальнае” выхаванне», «Груз “200”», «Крываваыя цюльпаны» гарантам яе мастацкай вартасці, асновай яе моцнага, незабыўнага, шокавага уздзеяння на чытача з’яўляецца менавіта яе дакументальнасць: веданне, што аўтар не выдумляе свае сюжэты, а надае вартасць мастацкага абагульнення, ідэйную глыбіню рэальным фактам, якія ён меў у асабістым вопыце і ўсвядоміў як агульназначныя, канцэптuallyныя; як такія, што фарміруюць у чытача новы светапогляд, паказваючы яму розніцу паміж сапраўдным жыццём і сацыяльнай міфалогіяй, прапагандысцкім міфам.

Сяргей Пятровіч Цюцённік – таксама прафесійны журналіст, але і прафесійны вайсковец. Нарадзіўся ў 1960 г. на Валыні. Факультэт журналістыкі скончыў у Львоўскім ваенна-палітычным вучылішчы. Працаваў у вайсковым друку; службыць жа даводзілася ў Латвіі, Узбекістане, Туркменістане, Германіі. Затым быў удзел у баях на Афганскай зямлі, у Асечіі, Абхазіі, Дагестане, Чачні, і – сталая прафесійная праца ў газеце Паўночна-Каўказскай ваеннай акругі «Ваенны веснік Поўдня Расіі». С. Цюцённік вучыўся ва ўкраінскай школе, дзе пачаў грунтоўна вывучаць рускую мову, на якой створаны яго кнігі. Пачынаў друкаваць свае апавяданні і аповесці ў часопісах «Змена», «Сельская моладзь» (альманах «Подзвіг»), «Дружба народаў», «Вясёлка» («Радуга», г. Кіеў), «Аганёк»... Погляд С. Цюцённіка на тыя самыя ваенныя канфлікты, з дзвюма чачэнскімі войнамі ўключна, гэтаксама, як і ў С. Алексіевіч, у вялікай ступені абапіраецца на традыцыі расійскай класікі і вопыт савецкіх, у тым ліку ўкраінскіх, пісьменнікаў-гуманістаў, аднак трактоўкі многіх ідэй рэзка адрозніваюцца. С. Цюцённік – палкоўнік Расійскай Арміі, які браў удзел у 6 вялікіх ваенных канфліктах. Гэтаксама, як і Святлана Алексіевіч, сёння ён – з самых вядомых і прызнаных у свеце постсавецкіх пісьменнікаў. Для беларускага чытача, знаёмага з айчынным ваеннай прозай, апавяданні С. Цюцённіка надзвычай блізкія: «Кишлак назывался Яхчаль. Этот кишлак не просто сожгли, а сожгли к чертовой матери, потому что не сжечь его было невозможно», – так, напрыклад, пачынаецца апавяданне «“Святой”» [6].

І А. Петрашкевіч, і С. Алексіевіч, і С. Дубовік, і С. Цюцённік, і М. Трошаў, народжаныя ў СССР, найбалюча сутыкнуліся з тым феноменам савецкага жыцця, пра які сказала адна з гераінь кнігі «Цынкавыя хлопчыкі»: «Мы ж даўно прывыклі жыць у двух вымярэннях: у газетах і кнігах адно, а ў жыцці – зусім іншае» [1, с. 168]. Страшна, калі гэтым іншым аказваецца, замест прапагандысцкага ўсеагульнага інтэрнацыянальнага братэрства, у якое вучылі верыць з дзяцінства (і

клікалі ж, адпраўлялі «выконваць інтэрнацыянальны абавязак») не штосьці бяскрыўднае, а незабыўны смурод спаленых калючак, энк ахвяр, пыл дызентэрыяных палатак, выгляд пагвалчаных, са знятай скурай, целаў мёртвых сяброў, нахабнае панаванне подлага зла над добром пасярод абсурду шалёнай, апантанай вайны не толькі з чужынцамі, але і з тымі, з кім рос у адным двары.

А паколькі, як пісаў Рэмарк, у чалавечай памяці з цягам часу крывавае выцвітае да ружовага, дакументальна-мастацкая проза пра вайну мае надзвычай вялікае значэнне: той, хто не вучыцца ў мінулых трагедый, будзе перажываць іх нанова. Так званыя лакальныя войны XXI стагоддзя, якія пачалі разгарацца ўсё часцей, красамоўна пацвярджаюць гэтую старую ісціну. Таму невыпадкова інтэлектуалы ва ўсім свеце імкнуча як мага ярчэй, эмацыянальнай, відавочнай данесці да сучаснага чалавека праўду фактаў, рэальнага бязлітаснага жыцця, у якім чалавечнасць супрацьстаіць азвярэнню.

Літаратура

1. Алексіевіч, С.А. Цынкавыя хлопчыкі / Пер. з рус. М.С. Гіля; Прадмова А.М. Адамовіча. – Мінск: Беларусь, 1991. – 176 с.
2. Аннинский, Л. Мир, война, человек в русской прозе 90-х годов // Польско-российский литературный семинар (Варшава – Хлевиска, 13–16 марта 2002 г.). – Варшава: «GRANT», 2002. – 124 с.
3. Дубовік, С. Груз «200» // Маладосць. – 1992, № 10. – С. 59–62.
4. Пра аўтара // Алексіевіч С.А. Чарнобыльская малітва. Хроніка прышласці: дак. аповесць. – Мінск: РГАЛМФ «Гронка», 1999. – С. 216–220.
5. Трошев, Г.Н. Моя война. Дневник окопного генерала. – М.: Варгиус, 2001. – 384 с.
6. Тютюнник Сергей Петрович [Электронный ресурс]: yandex.by/4itaem.com/book/svyatoy – 426529.

Олег Сичинава

Северо-Кавказский федеральный университет (Россия)

ОБРАЗ АВТОРА

В СТРУКТУРЕ МЕТАПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

(на материале автобиографии В.В. Маяковского «Я сам»)

В.В. Маяковский – поэт, в чьей жизни и творчестве соединяется множество особенностей и необъяснимых фактов. Неслучайно, что сам автор решил дать некоторые ответы на сложные вопросы, связанные с его жизненными взглядами. Это он сделал в автобиографии «Я сам», которая была написана в 1922 г. и постепенно дополнялась до 1928 г.

В.В. Маяковский определяет тему, ключевую для понимания его личности: «Я – поэт. Этим и интересен» [3, с. 23]. Так, казалось бы, сразу он ставит границу между своим творчеством и всем тем, что может быть связано с отношениями в обществе, взглядами на политику и т.п. «Свободно плавать по своей хронологии», автор рассказывает о своей семье, о своем первом, втором и третьем впечатлениях, учебе. Эти описания носят поверхностный, перечисляющий характер, пока не появляется упоминание о социализме: «Речи, газеты. Из всего – незнакомые понятия и слова. Требую у себя объяснений» [3, с. 27]. «На всю жизнь поразила способность социалистов распутывать факты, систематизировать мир» [3, с. 27], «Хочу делать социалистическое искусство. Сережа (Медведев) долго смеялся: кишка тонка. Думаю все-таки, что он недооценивает мои кишки» [3, с. 31]. Вера В.В. Маяковского в социализм и его стремление стать голосом социализма привели автора сначала к славе, а затем и к полному разочарованию в выбранном пути.

В описании своего становления поэтом автор немногословен: «Читаю строки Бурлюку. Прибавляю – это один мой знакомый. Давид оставил. Осмотрел меня. Рывкнул: «Да это же ж вы сами написали! Да вы же ж гениальный поэт!» Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом» [3, с. 33]. С одной стороны, В.В. Маяковский не умаляет свой талант, с другой – автор не считает себя лучшим поэтом, тем самым делает задел для своего совершенствования. И действительно, поэт совершенствовался: поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, читал немецких и французских авторов, экспериментировал с внешним видом, учился чертить авто. И только к 1914 г. В.В. Маяковский пишет: «Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную» [3, с. 34]. И с мастерством стиха приходит необходимость в публике, аудитории: «Окончил мистерию. Читал. Говорят много» [3, с. 37], «Езжу с мистерией и другими вещами моими и товарищей по заводам. Радостный прием. В Выборгском районе организуется комфут, издаем «Искусство коммуны». Академии трещат. Весной переезжаю в Москву. Голову охватила «150000000». Пошел в агитацию Роста» [1, с. 37].

Несмотря на то что В.В. Маяковский – крупный поэт своего времени, он постоянно участвовал во всяческих совместных собраниях, изданиях: «Организуем «Леф». «Леф» – это охват большой социальной темы всеми орудиями футуризма... Сплотились тесно: Брик, Асеев, Кушнер, Арватов, Третьяков, Родченко, Лавинский» [3, с. 38]. Совместные рабо-

ты В.В. Маяковского и А.М. Родченко в РОСТе, в «Леф» принесли не менее важные результаты, чем индивидуальные заслуги В.В. Маяковского.

Каждый писатель, поэт имеет свою аудиторию, своего читателя. В случае творчества В.В. Маяковского определить тип читателя довольно сложно. По словам Ю.А. Карабчевского, В.В. Маяковский – поэт, который принял для своего творчества решение не иметь читателя: «Маяковский вообще – поэт без читателя» [1, с. 34]. Став собственно советским писателем, который пренебрег индивидуальным читателем, В.В. Маяковский получает целую аудиторию, общество советских людей: «Избрав такой декларативный путь, он раз и навсегда отказался от читателя, от партнера по творчеству, от равного себе собеседника» [1, с. 34]. Но это всего одна сторона его творчества. Всё-таки неудовлетворенность сложившейся политической ситуацией и отсутствие желаемого в личной жизни делают его и искренним поэтом чувств и темперамента. Но темперамент у автора – это волевое усилие, собственно энергия, которая присутствует в обществе. Такая двойственность изображения чувств создает впечатление, когда «...одновременно с первым восхищением возникает и наше первое сомнение: ощущение постоянной, необходимой дистанции между тем, что сказано, и тем, что на самом деле» [1, с. 11].

К 1927 г. В.В. Маяковский определяет себя уже не частью социализма, а газетчиком и «продолжателем традиции трубадуrows и менестрелей». При этом роль газетчика устраивает его больше, так как «поэты улюлюкают – однако сами газетничать не могут, а больше печатаются в безответственных приложениях» [3, с. 39]. Такое движение в пользу газеты так же говорит о выборе автором публики, а не индивидуальных вкусов читателей.

В 1928 г. В.В. Маяковский заканчивает автобиографию «Я сам» и начинает поэму «Плохо». По словам автора, он планирует ее как «пьесу и литературную биографию» [3, с. 40]. Постоянную потребность в уточнении своих биографических данных В.В. Маяковский объясняет следующим образом: «Многие говорили: «Ваша автобиография не очень серьезна». Правильно. Я еще не заакадемичился и не привык нянчиться со своей персоной, да и дело мое меня не интересует, только если это весело» [1, с. 40]. Авторская интерпретация событий своей жизни и становления его личности носят метапоэтический характер и являются неотъемлемой частью для изучения творчества писателя. В.В. Маяковский – поэт крайностей, поэт, сочетавший в себе чувства и отреченность

от них, обращение к каждому и обращение к публике, газетную деятельность и поэтическую, признание себя великим поэтом, но поэтом, которому есть над чем работать. Все эти позиции можно рассмотреть, если проследить отношение автора к процессу творчества, к созданию слова.

Літаратура

1. Карабчиевский, Ю.А. Воскресение Маяковского. – М.: ЭНАС, 2008. – 320 с.
2. Маяковский, В.В. Сочинения в двух томах. – Т. 1 / Сост. Ал. Михайлова; вступ. ст. А. Метченко; прим. А. Ушакова. – М.: Правда, 1987. – 768 с.

Наталья Скворцова

Белорусский государственный университет

«ОТКАЗАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ УПОТРЕБЛЯТЬ», ИЛИ ПРИЧАСТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Причастные формы всегда представляли острый интерес не только для лингвистов, но и для писателей, литературоведов, критиков. Еще М.В. Ломоносов, определив причастие как «соединение имени и глагола в одно речение», отвел данным атрибутивным формам глагола особое место в ряду различных групп слов [9, с. 408]. Причастия, по словам ученого, «служат к сокращению человеческого слова, заключая в себе имени и глагола силу» [9, с. 407]. Таким образом, функциональная характеристика причастных форм складывается не только из их предназначенности, но и огромного потенциала. Грамматическое содержание причастий шире содержания образующих их глаголов, поскольку они (причастия) способны выражать временные, видовые, залоговые и модальные значения в объеме, не совпадающем с грамматическим содержанием причастий в языковой системе. В современном русском языке причастия выступают как переходные (гибридные, амбивалентные, etc.) формы, отличительными признаками которых являются свернутость, имплицитность, диффузность и контекстуальная обусловленность лексико-грамматического содержания [2, с. 118].

Будучи проблемной зоной грамматической теории, причастия стали своеобразным камнем преткновения и для художников слова, которые, отвергая или отстаивая «право» причастий быть в литературном произведении, не только не решали «причастный вопрос», но, напротив, его заостряли. И едва ли удастся оспорить утверждение, что причастие, пожалуй, единственная грамматическая форма, которая вызвала столь противоречивые оценки и замечания по поводу ее использования в

языке художественной литературы [6, с. 138]. Не случайно в контексте резкой критики, направленной против использования авторами причастий в художественном тексте, была поставлена задача «реабилитации» причастных форм и оборотов в художественной, в частности, поэтической речи [6]. Между тем грамматическая двойственность причастий, их семантическая емкость, книжно-письменная окраска, возможность позиционного варьирования, создаваемый с их помощью фоностилистический эффект – всё это сделало причастие не только особым, но и весьма востребованным изобразительно-выразительным средством.

Вопрос об уместности или неуместности причастий в литературных произведениях ставился еще в XVIII в., «Причастия, – писал М.В. Ломоносов, – имеют в себе некоторую высоту, и для того очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов» [9, с. 496].

Стало уже хрестоматийным высказывание А.С. Пушкина о «выразительной краткости» причастий: «<...> причастия и вообще множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метёт и пр., – заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом» [16, с. 249].

О целесообразности использования причастий в художественных текстах высказывались и лингвисты. Так, по меткому выражению А.М. Пешковского, там, где причастия действительно нужны, «сам глагол должен покорно опустить перед ними голову» [13, с. 110].

Известные слова А.С. Пушкина о причастиях имеют такое продолжение: «Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков» [15, с. 157]. Между тем далеко не все писатели были единодушны в оценке причастий.

Поэт К.Н. Батюшков, делая ряд замечаний, касающихся стихотворения П.А. Вяземского «К подруге», обращает внимание автора на причастие «числящихся» во фразе «безграмотных писцов, числящихся в поэтах». «Числящихся – очень нехорошо, холодно», – написал К.Н. Батюшков в письме к П.А. Вяземскому [14, с. 104]. К слову, П.А. Вяземский принял замечание, заменив критикуемые строки абсолютно другими.

Против использования причастий в литературных произведениях горячо высказывался М. Горький. Писатель довольно резко характеризовал слова с сочетаниями шипящих (к такому он относил и действительные причастия прошедшего времени) и призывал коллег по цеху всячески избегать подобных слов: «Язык наш <...> достаточно богат. Но

у него есть свои недостатки, и один из них – шипящие звукосочетания: вши, вша, вшу, ша, шей. На первой странице рассказа вши ползают в большом количестве: “прибывшую”, “проработавший”, “говоривших”. Вполне можно обойтись без насекомых» [4, с. 376]. В одном из писем М. Горький говорил о необходимости «понемножку вытравливать» из речи «все эти вши, щипящие и прочие свистящие и шипящие слоги». К.И. Чуковский по этому поводу резонно заметил: «Очевидно, народу, который создал эти звуки, они не противны, если он сохраняет их у себя в языке» [6, с. 139].

И. Бабель также считал причастия лишними в литературных текстах: «Я стараюсь изгнать из рукописи почти все причастия и деепричастия и оставляю только самые необходимые. Причастия <...> скрежещут, как будто танки переваливают на своих гусеницах через каменный завал» [6, с. 139]. И. Бабель был категоричен: «Три причастия в одной фразе – это убиение языка» [там же]. Словно в доказательство этого тезиса писатель-сатирик Серебряного века В.Е. Ардов в фельетоне «Суконный язык» высмеял опусы «товарищей ордена суконного языка»: «Люди, ходящие по траве, вырастающей за отделяющей решеткой, ломающейся и вырывающейся граблями, а также толкающиеся, приставающие к гуляющим, бросающиеся в пользующихся произрастающими растениями, подставляющие ноги посещающим, плюющие на проходящих и сидящих, пугающие имеющихся детей, едущие на велосипедах, заводящие животных, загрязняющих и кусающихся, вырывающие цветы и засоряющие, являются штрафующимися».

Как видим, отношение мастеров слова к причастиям далеко не однозначное. Вместе с тем, как верно отмечает Р.К. Кавецкая, «вопрос об уместности или неуместности причастий в художественных произведениях снимается самой практикой речи» [6, с. 139], и для того чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к прозе В. Набокова, к стихотворениям М. Цветаевой, к поэтической рефлексии Б. Слуцкого, Р. Рождественского и др.

То, что «три причастия в одной фразе» отнюдь не «убиение языка», а один из конститутивных признаков индивидуально-авторского стиля, убедительно доказывает художественная и мемуарная проза В. Набокова. В литературных произведениях писателя, отличающихся семиотической и лингвостилистической игрой, эстетизацией вещного мира, установкой на художественный обман, крайней индивидуализацией и общей ностальгической тональностью, причастные формы предельно функциональны и выразительны [18]. Русскоязычные тексты В. Набокова – различные по времени и обстоятельствам создания, по своим

жанрово-стилистическим, идейно-содержательным, композиционным характеристикам и художественным достоинствам – объединяет чрезвычайная насыщенность причастиями, причем автор использует не только регулярные, но и малоупотребительные причастные формы (например, действительные причастия могший, могущий, страдательные причастия настоящего времени выдаемый, ставимый; и др.). Малоупотребительные причастные формы органично вплетаются В. Набоковым в текстовую ткань, тем самым «обретают жизнь» и получают право быть в художественном тексте: «<...> он слушал спокойно, и, когда отец, старавшийся подбирать любопытнейшие, привлекательнейшие подробности, сказал, между прочим, что его, как взрослого, будут звать по фамилии, сын покраснел, заморгал, откинулся навзничь на подушку <...>, но не расплакался, а вместо этого весь как-то надулся, зарыл лицо в подушку <...>, и вдруг, быстро привстав, – трепанный, теплый, с блестящими глазами, – спросил скороговоркой, будут ли и дома звать его Лужиным» (В. Набоков, «Защита Лужина»); «Это был чистый, круглодонный звон стакана, ставимого обратно на стеклянную полочку; после чего хозяйская дочка откашливалась (В. Набоков, «Дар»)). О том, насколько значимыми для В. Набокова как для homo scribens являются причастные формы, свидетельствует не только количественный показатель («набоковские» предложения могут содержать 10 и более причастий-словоупотреблений), но и то, что писатель употребляет причастия и в своих русскоязычных интервью. Этот жанр, как известно, предполагает диалог и непосредственную реакцию на высказывания собеседника. В. Набоков же, предпочитавший не говорить экспромтом и называвший себя «скверным оратором» и «беспомощным собеседником» [11, с. 110–111], не только отбирал и часто перефразировал вопросы, но и многократно редактировал свои ответы. Так канонический журналистский жанр, характеризующийся непринужденной разговорностью и с трудом поддающийся художественной метаморфозе, преобразовывался В. Набоковым до неузнаваемости. Как замечает Н.Г. Мельников, «подняв до невообразимой высоты языковую и стилистическую планку в художественных произведениях, он [Набоков] не захотел опускать ее и здесь, в рамках маргинального для высокой литературы жанра» [11, с. 34]. Без сомнения, в определении критиками художественной прозы В. Набокова как «изысканной» и вместе с тем чрезмерно описательной, синтаксически насыщенной и даже перегруженной, требующей от читателя не только рациональных усилий, но и «лингвистического напряжения», причастные формы играют далеко не второстепенную роль. Сравните: «<...> всё ему [Ганину] вспомнилось сразу: мокрая трава, хлещущая по дви-

жущейся икре, по спицам колес, круг молочного света, *впивающий* и *растворяющий* тьму, из которой возникали то морщинистая лужа, то блестящий камешек, то навозом обитые доски моста, то, наконец, *вертящаяся* калитка <...>» (В. Набоков, «Машенька»); «Так полулежала она [Лолита], развалилась в правом от меня углу дивана, школьница в коротких белых носочках, пожирающая свой незапамятный плод, пьющая сквозь его сок, теряющая туфлю, потирающая пятку в сползающем со щиколотки носке о кипу старых журналов» (В. Набоков, «Лолита»); «Да, часть перевода сделана моим сыном Дмитрием, недавно кончившим Гарвардский университет и свободно владеющим обоими языками» (В. Набоков, из интервью радиостанции «Голос Америки», V, 1958). Причастные конструкции позволяют не только уплотнить языковую структуру и семантическое пространство текста, но и сделать последний грамматически усложненным, насыщенным, в некоторой степени «искусственным», тем самым увести читателя от легкости и «простоты» чтения литературных произведений к осознанию «радостей и тупиков труда» их автора [10, с. 478]. «Я работаю трудно, работаю долго над словом. <...> Если читателю, в свою очередь, приходится потрудиться – еще лучше. Искусство дается трудно», – говорил В. Набоков [11, с. 237].

Причастия играют немалую роль в грамматике текста, определяют своеобразие творческой манеры писателя, свидетельствуют об оригинальности авторского «потока сознания», преломленного в письменной языковой форме (в отличие, к примеру, от фразеологических единиц, привлекающих внимание исследователей прежде всего особенностями семантики и трансформациями структуры в идиостиле того или иного писателя).

Как известно, ценность синонимических синтаксических конструкций определяется их различиями, что проявляется в неспособности конструкций к взаимозамене в определенных контекстуальных условиях. Проведенное нами исследование позволило экспериментально доказать значимость причастий как строевых компонентов текста, определить их специализацию (конструктивно-текстовую) [18]. Так, из 6618 причастий-словоупотреблений, зафиксированных нами в романах В. Набокова «Машенька», «Защита Лужина», «Подвиг», «Дар», «Лолита», 2917 (или 44,1%) можно свободно, без смещения смысловых и/или стилистических акцентов исходных высказываний, заменить предикативными формами глаголов. Большую же часть (3701, или 55,9 %) составляют причастия-словоупотребления, не допускающие предикативной репрезентации действия, имеющие так называемый нулевой трансформационный потенциал. Выявление причин, ограничивающих такое синтак-

сическое варьирование, позволяет реконструировать мотивы выбора автором причастной конструкции при наличии грамматических синонимов и оценить сделанный автором выбор.

Таким образом, экспрессивно-стилистические характеристики, грамматические и семантические свойства причастий определяют столь пристальное внимание к ним художников слова, в особенности прозаиков, для которых поиск и выбор единственно верного – семантически точно и стилистически безупречного – языкового средства является одним из творческих императивов. Проанализированный фактический материал ([1], [3], [6], [7], [8], [12], [17; 18] и др.) опровергает устойчивое и весьма распространенное среди художников слова мнение о причастии как языковом средстве, которое «делает речь угловатой, громоздкой и разрушает мелодию языка» (выражение И. Бабеля). Нередко причастие оказывается для писателя не только одним из возможных вариантов «совершения мысли» и своеобразным способом стилистического маневра, но и единственно возможным, незаменимым языковым средством, выражающим особого рода атрибутивные отношения и «предназначенным служить тексту» [5].

Литература

1. Болгова, Е.Я. Причастные обороты и определительные придаточные предложения в прозе М.Ю. Лермонтова в сопоставлении с прозой его современников: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Е.Я. Болгова. – Красноярск, 1963. – 16 с.
2. Волинец, Т.Н. Грамматический феномен причастия / Т.Н. Волинец. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 138 с.
3. Вяльсова, А.П. Текстовые функции причастий и деепричастий / А.П. Вяльсова // Русская словесность. – 2005. – № 2. – С. 36–45.
4. Горький, М. О литературе / М. Горький. – М.: Сов. писатель, 1953. – 308 с.
5. Золотова, Г.А. Грамматика как наука о человеке / Г.А. Золотова // Грамматика как наука о человеке [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/zolotova-01.htm>. – Дата доступа: 02.12.2006.
6. Кавецкая, Р.К. Экспрессивно-стилистический потенциал причастных форм / Р.К. Кавецкая // Русский язык: сб. трудов; Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина; редкол.: Л.Ю. Максимов [и др.]. – М., 1975. – С. 138–150.
7. Коновалова, Л.И. Причастие в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина / Л.И. Коновалова, Г.Г. Ахметзянова // Русский глагол (функционирование и развитие): межвуз. сб. науч. тр. / Казанск. гос. пед. ин-т; редкол.: С.И. Снопкова (отв. ред.) [и др.]. – Казань, 1989. – С. 52–65.

8. Краснов, И.А. Употребительность причастий в современном русском языке / И.А. Краснов // Русский язык в школе. – 1968. – № 5. – С. 112–115.
9. Ломоносов, М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. / М.В. Ломоносов. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – Т. 7. Труды по филологии (1739–1758 гг.). – 996 с.
10. Набоков, В.В. Лекции по зарубежной литературе / В.В. Набоков; пер. с англ. под ред. В.А. Харитоновой. – М.: Независимая Газета, 1998. – 512 с.
11. Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе / сот. Н.Г. Мельников. – М.: Независимая газета, 2002. – 704 с.
12. Панкратович, Т.В. Экспрессивные синтаксические конструкции в поэзии Н.А. Заболоцкого: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Т.В. Панкратович; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1998. – 18 с.
13. Пешковский, А.М. Избранные труды / А.М. Пешковский; подг. к печ. И.А. Василенко, И.Р. Палей. – М.: Учпедгиз, 1959. – 252 с.
14. Писатели советуются, негодуют, благодарят: о чем думали и что переживали русские писатели XIX – нач. XX в. при издании своих произведений: по страницам переписки / сост. А.Э. Мильчин. – М.: Книга, 1990. – 416 с.
15. Розенталь, Д.Э. Секреты стилистики. Правила хорошей речи / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб. – 7-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 208 с.
16. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
17. Сковрцова, Н.Н. Особенности лексико-грамматического содержания причастий в художественном тексте (на материале романов В. Набокова и Г. Газданова) / Н.Н. Сковрцова // Русский язык и литература. – 2008. – № 9. – С. 58–64.
18. Сковрцова, Н.Н. Реализация функций и лексико-грамматического содержания причастий в разных типах контекста (на материале русскоязычных произведений В.В. Набокова): дис. ... канд. фил. наук: 10.01.02 / Н.Н. Сковрцова; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2008. – 150 с.

Надежда Смирнова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия)

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Отношение между именованными, осуществляющими отсылку к одному и тому же референту, определяется в лингвистике как кореферентность. Релевантность данного понятия для интерпретации такой высокоорганизованной структуры, как текст, обосновывается через

функциональную направленность кореферентности, которая выступает одним из ведущих способов обеспечения связности текста.

Выстраивание цепочек кореферентных номинаций подчиняется действию авторской интенции. Кореферентность именных выражений в подавляющем большинстве случаев является подразумеваемой, однако установление референциального тождества именованных может выводиться в содержательную структуру текста. При этом эксплицируется акт идентификации, который «устанавливает тождество объекта самому себе путем сопоставления свойств, признаков, фактов и т.п., данных в непосредственном наблюдении или поступающих по каналам информации, со сведениями и впечатлениями, вытекающими из прошлого опыта. Идентификация есть итог сличения результатов разного знания, прямого или опосредованного» [1, с. 284].

Номинативное (семантическое) тождество, состоящее в установлении эквивалентности имен, базируется на отношении именованного. Субстанциальное (онтологическое) тождество заключается в установлении идентичности объекта самому себе и непосредственно связано с функцией идентификации. Если номинативное тождество касается сферы употребления языка, то субстанциальное тождество направлено на предметную сторону окружающей действительности. В рамках художественного текста субстанциальное тождество предполагает идентификацию объекта в мыслимом мире произведения.

Рассмотрение случаев использования отношения тождества как конструктивного приема в рассказах В. Набокова позволило выделить различные типы идентификации.

1. Квазиидентификация. Данный тип идентификации состоит в установлении мнимого, ложного тождества, которое осуществляет либо один из персонажей, либо читатель. Цепочка кореферентных номинаций может быть построена таким образом, что воспринимающий текст читатель до определенного момента не в состоянии произвести идентификацию объекта. На основе имеющихся в его распоряжении именованных он способен осуществить лишь вероятностную идентификацию. В рассказе В. Набокова «Звонок» интересующая нас последовательность кореферентных именованных открывается анафорическим местоимением: «Семь лет прошло с тех пор, как он с нею расстался». Помещение анафора в состав инициального предложения формирует идентифицирующую валентность, требующую своего заполнения за счет последующих номинаций. Развитие референциальной истории продолжается в рамках несобственно-прямой речи, где заданный анафорическим место-

имением с нею персонаж занимает позицию обращения: «Ну вот, прощай, *моя хорошая*». В расположенном следом предложении читателю предоставляется набор физических свойств персонажа, как постоянных, так и временных: «Она пошла рядом, высокая, худощавая, в макинтоше, с черно-белым шарфом вокруг шеи».

Поскольку данный персонаж вводится в контекстной связке с анафором он, являющимся субъектом несобственно-прямой речи, возникает необходимость в релятивной номинации, которая позволила бы установить характер отношений между персонажами. Интродукция рассказа провоцирует читателя выбрать такую релятивную номинацию, как возлюбленная, наиболее соответствующую описываемым событиям. Однако дальнейшее текстовое развертывание опровергает вероятностную идентификацию за счет прямого включения подлинной релятивной номинации, оформленной как реплика персонажа, обозначающегося местоимением он: «Моя мать». Таким образом, отождествление, производимое читателем на основе инициального текстового фрагмента, следует расценить в качестве квазиидентификации.

Мнимая идентификация, осуществляемая персонажем, в рассказе В. Набокова «Пассажир» является сюжетобразующим приемом. Персонаж, введенный интродуктивной номинацией писатель, в диалоге с другим персонажем, обозначенным дескрипцией критик, излагает различие механизмов идентификации, реализуемых в действительности и в художественном произведении. Для демонстрации этой разницы им привлекается цепь событий, в которых прослеживается референциальная история индивида. Поскольку повествование построено как диалог, все номинации релятивизированы к говорящему субъекту (писателю), обозначенному местоимением я. Говорящий описывает, как он обнаружил в поезде неожиданно появившегося на верхней полке человека, о котором он не располагает какой бы то ни было информацией, в связи с чем именуется такими именными группами, как мой ночной спутник, мой неведомый пассажир. Невозможность идентифицировать находящегося в поле восприятия лица приводит к сосредоточению внимания на его действиях, что находит свое выражение в следующей фразе: «Человек на верхней койке рыдал».

Затем сообщение говорящего переключается на иную кореферентную цепочку, которая открывается репликой: «В поезде находится преступник». Номинация преступник вступает в отношения референциального тождества с именованном муж: «...муж застрелил жену и ее любовника». Далее говорящий производит вероятностную идентификацию, отождествляя незнакомого пассажира с преступником, однако дан-

ное отождествление не соответствует положению дел в описываемой действительности. Квазиидентификация преподносится как нереализованное желание говорящего: «А ведь казалось, как вышло бы великолепно, <...> если бы рыдающий пассажир с недобрыми ногами оказался убийцей». Собеседник писателя, критик, предлагает способ преодоления ложности идентификации за счет трансформации описываемых событий в мыслимом мире произведения: «Из данного случая, из данных случайностей вы могли бы сделать вполне законченный рассказ, если бы превратили вашего пассажира в убийцу». В рассказе на уровне содержательной структуры постулируется ведущая роль идентификации в организации текстового пространства.

2. Самоидентификация. Субстанциальное тождество личности утверждается в акте самоидентификации. Манифестация самотождественности индивида напрямую связана с полаганием себя в качестве говорящего субъекта посредством личного местоимения я.

Самоидентификация становится предметом описания в художественном произведении в случае умственного отчуждения. В рассказе В. Набокова «Ужас», построенном как перволичный нарратив, повествователь последовательно обозначается личным местоимением я. Распад самотождественности напрямую заявлен повествователем: «...я глядел на свое отражение в зеркале и не узнавал себя». Местоимения я и себя находятся в анафорическом отношении, содержанием которого с необходимостью должна быть кореферентность, то есть референциальное тождество. Однако предметом сообщения повествователя является именно невозможность установления субстанциального тождества.

Далее провал в акте самоидентификации констатируется еще более очевидно за счет привлечения логико-грамматического типа предложения, специально предназначенного для выражения тождества – предложения идентификации: «И чем пристальнее я рассматривал свое лицо, – чужие, немигающие глаза, блеск волосков на скуле, тень вдоль носа, – чем настойчивее я говорил себе: «вот это я, имярек, – тем непонятнее мне становилось, почему именно это – я, и тем труднее мне было отождествить с каким-то непонятным «я» лицо, отраженное в зеркале». Затруднения в акте самоидентификации связаны с разведением двух ипостасей индивида: внутренней, мыслимой сущности и физической субстанции, формируемой набором визуально воспринимаемых свойств.

Процесс раздвоения личности связан с поляризацией сфер своего и чужого, поскольку «в категории я моя наружность не может пережи-

ваться как объемлющая и завершающая меня ценность, так переживается она лишь в категории другого» [2, с. 33]. Воссоздание собственного внешнего облика является результатом самообъективации, состоящей в полагании себя не как субъекта, а как объекта. Повествователь в рассказе «Ужас» не в состоянии установить субстанциальное тождество между имманентным образом Эго, формируемым сознанием, и отчужденным комплексом внешних впечатлений, складывающихся в материальный образ индивида. Однако расслоение ипостасей индивида не доводится до критического предела, поскольку гарантом целостности личности повествователя выступает прослеживаемое на всем протяжении текста личное местоимение я, постулирующее неизменность говорящего субъекта.

Подлинная деперсонализация имеет место в рассказе (романе – в авторской трактовке) «Соглядатай». Рассказ открывается как перволичное повествование и, следовательно, должен подчиняться правилу сохранения местоимением первого лица тождества обозначения. Эта языковая закономерность отражает особый статус индивида в предметном мире и выступает материальным воплощением самотождественности личности.

Композиция рассказа состоит из трех частей, которые, помимо сюжетной самостоятельности и графической выделенности, формируются этапами развития референциальной истории актанта. В первой композиционной части повествователь последовательно обозначается личным местоимением я: «Я же, всегда обнаженный, всегда зрячий, даже во сне не переставал наблюдать за собой <...> Я был так одинок <...> Но мне было как-то беспокожно <...> До того, как покончить с собой, я хотел по традиции написать кое-какие письма». Событием, знаменующим переход ко второй части произведения, является самоубийство повествователя. Однако, вопреки очевидным ожиданиям читателя, повествование продолжается, причем его субъектом является тот же индивид, что и в первой части, описывающий некое подобие существования после физической смерти.

Во второй части рассказа наряду с личным местоимением я вводится антропоним Смуров, обозначающий персонажа, находящегося в центре внимания повествователя: «Но, если порой Смуров и чувствовал себя неловко, он во всяком случае не показывал этого. Признаюсь, в те первые вечера он на меня произвел довольно приятное впечатление». С момента появления персонажа, обозначенного собственным именем Смуров, повествователь ставит своей задачей произвести его полную

идентификацию. В результате «анкетирования» персонажей относительно личности Смурова повествователь получает набор дескрипций, вступающих между собой в явное противоречие: молодой головорез; мелкий враль; «сексуальный левша»; хороший, умный человек; авантюрист, Дон-Жуан, Казанова, негодяй и др. Представленные описательные выражения выполняют по отношению к персонажу предиктирующую функцию и направлены на установление концептуального тождества индивида. Несовместимость характеристик, приписываемых различными персонажами Смурову, не дает возможности повествователю определить подлинную сущность интересующего его персонажа.

В финальной части произведения развитие параллельных референциальных историй повествователя и Смурова завершается парадоксальной идентификацией: «...вдруг меня сзади окликнул голос: «Господин Смуров», – сказал он громко, но неуверенно. Я обернулся на звук моего имени». Установление кореферентности дейктического местоимения я и антропонима Смуров не может рассматриваться в качестве экспликации номинативного тождества, поскольку данные именованья не являются эквивалентными. Местоимение я в каждом новом акте речи осуществляет отсылку к уникальному субъекту и не может быть сведено к сумме описательных выражений. Собственное имя, напротив, ориентировано на объективированное представление индивида и, функционируя в речи, актуализирует пучок свойств, соотносимых с его носителем. Таким образом, говорящий, констатирующий свою субъективность посредством эгоцентрика я, не может использовать никакое другое именное выражение в качестве его эквивалента.

Финальный акт самоидентификации в рассказе «Соглядатай» устанавливает субстанциальное тождество повествователя, соединяющего внутреннее Эго, выразителем которого является местоимение я, с объективированным образом, которым он предстает для окружающих субъектов, именующих его Смуровым.

3. Трансидентификация. Данный тип идентификации состоит в отождествлении референтов номинаций, расположенных в разных текстах. Средством актуализации механизмов трансидентификации выступают личные имена собственные. При этом употребление антропонимов в художественном тексте уподобляется их функционированию в реальном речевом взаимодействии, предполагающем необходимость прослеживания референциальной истории индивида сквозь серию сообщений.

Трансидентификация предполагает размыкание текстовой границы и продолжение цепочки кореферентных именованья персонажа в рам-

ках другого произведения. Роль кореферентности в обеспечении связности текста возрастает за счет скрепления автономных текстовых пространств.

Примером объединения произведения на основе тождественности персонажа являются рассказы В. Набокова «Обида» и «Лебеда». Центральный персонаж в обоих текстах обозначается личным именем собственным Путя. Редкость антропонима, контактное расположение рассказов в сборнике и совпадение сущностных признаков индивидов позволяет рассматривать персонажей двух произведений как одно лицо, расширяя тем самым его референциальную историю.

Трансидентификация оказывает влияние на характер интродуктивных номинаций. В идущем первым в сборнике рассказе «Обида» ввод персонажа посредством антропонима сопровождается развернутой дескрипцией, позволяющей читателю произвести идентификацию референта: «Путя сидел на козлах рядом с кучером, <...> желтолицый, сероглазый мальчик в нарядной матроске». Расположенный непосредственно за «Обидой» рассказ «Лебеда» демонстрирует изолированное употребление имя собственного в инициальном фрагменте: «Просторнейшей комнатой в особняке была библиотека. Туда, перед отъездом в школу, Путя заходил поздороваться с отцом». Помещение антропонима в состав интродукции, приводящее к эффекту знакомства читателя с персонажем, в данном случае является оправданным. В качестве левого контекста для инициальной номинации выступает предшествующее произведение, и задача читателя сводится к осуществлению акта идентификации вводимого в инициальном фрагменте персонажа с лицом, фигурирующим в предыдущем рассказе.

Процесс трансидентификации может распространяться как на отдельного персонажа, так и на систему персонажей. Совпадение на уровне персонажной системы прослеживается между рассказом «Круг» и романом «Дар». Сосредоточим внимание на персонажах рассказа, предполагая предшествующее знакомство с персонажной моделью романа. Первым личным собственным именем, вступающим в отношения референциального тождества с персонажем романа, является антропоним, обозначающий второстепенного персонажа: «...медленно восстал, расправил плечи покойный его отец, Илья Ильич Бычков, le maître d'école chez nous au village» [школьный учитель у нас в деревне (франц.)]. В текст романа данный персонаж вводится эпизодически: «...пастор, сопровождавший их, был похож на лешинского сельского учителя Бычкова». Трансидентификации способствует дескрипция сельский учитель.

Дальнейшее развертывание рассказа демонстрирует включение в повествование целого ряда персонажей, задействованных в романе «Дар», с сохранением присущих им в тексте романа соотношений.

Установление корреспонденции между двумя произведениями, относящимися к разным жанрам, способствует реализации стереоскопического эффекта. Единый комплекс событий показан в представленных текстах с разных точек зрения. Сам В. Набоков отмечал в предисловии к английскому переводу рассказа, что «у читателя, знакомого с романом, рассказ создаст упоительное ощущение непрямого узнавания, смещенных теней, обогащенных новым смыслом – благодаря тому, что мир увиден не глазами Федора [центрального персонажа романа «Дар» – Н.С.], а взглядом постороннего человека» [3, с. 105].

Сложный механизм трансидентификации действует в случае антропонима Василий Иванович, которым обозначаются персонажи в рассказах «Набор» и «Облако, озеро, башня», расположенных дистантно в сборнике «Весна в Фиальте». Повествовательная структура рассказа «Набор» осложнена вводом дистанции автора-творца, приводящим к экспликации креативной рамки. Вторжение субъекта-создателя в мыслимый мир произведения обуславливает неопределенность статуса персонажа, собственное имя которого представлено как результат авторского произвола: «Почему я решил, что человека, с которым я сел рядом, зовут Василием Ивановичем? Да потому, что это сочетание имен, как кресло, а он был широк и мягок, с большим домашним лицом, и, положив руки на трость, сидел удобно, неподвижно; Василий Иванович (я упорствовал в этом названии) снял черную фетровую шляпу, как будто не с целью освежить голову, а затем именно, чтобы приветствовать мои мысли».

Недостоверность имени оговаривается и в рассказе «Облако, озеро, башня», где ввод антропонима сопровождается показателем персуазивности, выражающим неуверенное знание повествователя: «Я сейчас не могу вспомнить его имя и отчество. Кажется, Василий Иванович». Трансидентификации стоящих за антропонимами референтов содействует дескриптивная поддержка. Интродуктивный ввод персонажа в рассказе «Облако, озеро, башня» осуществляется посредством описательного выражения один из моих представителей, которое в дальнейшем вступает в отношения референциального тождества с собственным именем Василий Иванович. Дескрипция мой представитель употребляется и в рассказе «Набор»: «Мой представитель был теперь один на скамейке, и так как он передвинулся в тень, где только что сидел Василий

Иванович, то на лбу у него колебалась та же липовая прохлада, которая венчала ушедшего». Актантная структура данного предложения однозначно указывает на то, что именная группа мой представитель и антропоним Василий Иванович не являются кореферентными.

Именная группа осуществляет отсылку к «вставному автору» (термин Е.В. Падучевой), который до определенного этапа идентифицируется с создателем произведения, обозначаясь местоимением я, и выступает субъектом, нарекающим персонажа Василием Ивановичем. Однако в финале рассказа обнаруживается, что вставной автор не тождественен реальному создателю произведения, причем средством этого обнаружения и является дескрипция мой представитель. Воссоздание субъектной перспективы произведения позволяет рассматривать представленную именную группу как инвариантное обозначение субъекта, выступающего текстовой проекцией автора-творца. Экстенционал именного выражения мой представитель включает всех возможных субъектов художественного текста, и, следовательно, данная дескрипция осуществляет отсылку к персонажу, которому присвоен антропоним Василий Иванович.

Определение референциального статуса именной группы мой представитель в рамках рассказа «Набор» позволяет идентифицировать субъекта из рассказа «Облако, озеро, башня» в качестве проекции создателя произведения в мыслимом мире текста. Основой трансидентификации персонажей представленных рассказов служит общность их статуса в универсуме художественного произведения: они являются продуктами творческой воли автора.

Выстраивание кореферентных отношений между персонажами, фигурирующими в разных произведениях, намечает перспективу формирования глобального межтекстового универсума. Референциальная история персонажей, прослеживаемая от интродуктивной номинации, не исчерпывается финальным именованием, а находит свое продолжение в рамках другого текста автора.

Літаратура

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 384 с.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 7–180.
3. Набоков В.В. Предисловие к английскому переводу рассказа «Круг» («The Circle») // В.В. Набоков: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 1997. – С. 105–106.

Наталья Теслюк

Академия управления при президенте Республики Беларусь

Павел Михайлов

Беларуский государственный педагогический университет им. М. Танка

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БЕЛАРУСИ (1991–2013 гг.)

Научная востребованность исследований языка художественного произведения и стиля писателя обусловлена исключительной значимостью полученных в результате выводов для решения ряда общелингвистических задач, совершенствования методологии языкознания, поиска оптимальной концепции анализа отдельной стилистической системы. Белорусские лингвисты в последние два десятилетия также уделили этим вопросам значительное внимание. Основная цель нашего сообщения – сделать аннотированный обзор защищённых в Беларуси диссертационных работ по специальности 10.02.02 «Русский язык» после распада СССР (1991 – июнь 2013) по проблеме исследования языка русской художественной литературы.

В результате проведённого изучения диссертационной тематики нами было установлено, что в период с 1991 по июнь 2013 гг. в Республике Беларусь исследованию различных аспектов языка художественных произведений конкретных русских писателей посвящено 20 кандидатских диссертаций. При этом по несколько диссертационных работ написано по произведениям Анны Ахматовой (2), Бориса Пастернака (2) и Марины Цветаевой (3), в которых анализируются различные особенности языка их произведений. Так в работе Е.А. Болтовской «Имя прилагательное в поэтическом языке А. Ахматовой и М. Цветаевой (лексико-грамматический и лингвостилистический аспекты)» (2007; научн. рук. Т.Н. Вольнец) проанализированы художественно-образительные возможности имён прилагательных как единиц лексико-грамматической системы языка в поэтических текстах А. Ахматовой и М. Цветаевой. В результате проведённого исследования автор выявила наиболее типичные для идиолектов А. Ахматовой и М. Цветаевой приёмы реализации изобразительно-выразительных свойств полных форм качественных, относительных и притяжательных прилагательных; определила семантическое наполнение и способы актуализации кратких форм имён прилагательных в поэтических текстах; установила структурно-семантическую и функциональную значимость форм степе-

ней сравнения имён прилагательных в идиолектах поэтов; сопоставила особенности функционирования различных форм имён прилагательных в проанализированных поэтических текстах. В диссертации Е.В. Кожемяченко «Коннотации в поэзии Марины Цветаевой» (2005; научн. рук. И.П. Кудреватых) на материале поэтических текстов исследуются средства создания образности как результат эстетических коннотаций. Автор установила значимость коннотации в создании подтекста художественного произведения; определила пути возникновения окказиональных коннотативных значений на уровне системы; раскрыла особенности национально-культурного компонента в семантической структуре слова и своеобразие его отражения в лирике поэта; выявила закономерности функционирования морфем в поэтическом тексте. Основной целью в исследовании Н.В. Крицкой «Лингвистическая поэтика «русских» поэм Марины Цветаевой» (2008; научн. рук. В.А. Маслова) было определение специфики рече-языковых средств и приёмов “русских” поэм М. Цветаевой, новаторства и традиции в использовании языка, нахождение аналогии языкотворчества в белорусской поэзии этого периода и установление основных характеристик лингвокультурологической поэтики «русских» поэм. В диссертации установлены основные способы авторских образований; выявлена специфика ритма и рифмы “русских” поэм в их интертекстуальных связях; раскрыты фонетические, морфологические, синтаксические и пунктуационные особенности «русских» поэм; охарактеризованы тропы и фигуры речи, лежащие в основе лингвопоэтики М. Цветаевой и её идиостиля; сопоставлены инновационные языковые процессы в русской и белорусской поэзии 20-х гг. XX в.

Лингвистические аспекты творчества Б. Пастернака исследуются в работах Е.В. Котенко и Т.М. Лянцевич. В диссертации Е.В. Котенко «Сравнение в лирике Б. Пастернака: опыт системного лингвопоэтического анализа» (2000; научн. рук. Е.Г. Тарасевич) выявлены доминирующие типы структурно-грамматической организации сравнений в поэзии и соотношение основных типов сравнений в разные периоды творчества; определено качественное своеобразие сравнений в идиостиле поэта; выявлен фонд устойчивых сравнительных конструкций в поэзии Б. Пастернака; рассмотрены основные способы звуковой организации сравнительных конструкций и своеобразие мифопоэтического мышления Б. Пастернака. Работа Т.М. Лянцевич «Функционально-семантические поля и их системные отношения в поэтической речи Б. Пастернака (грамматико-стилистический аспект)» (2012; научн. рук. И.П. Кудреватых) посвящена выявлению доминантных грамматических средств,

участвующих в смысло- и текстообразовании, а также установлению их стилистических особенностей в структуре поэтических текстов Б. Пастернака. Автор описала грамматические доминанты идиостиля поэта; определила семантический и стилистический потенциал грамматических категорий, участвующих в выражении смысла поэтических текстов Б. Пастернака; установила типологические признаки функционально-семантических полей в стихотворениях, охарактеризовала особенности логико-синтаксических отношений между лексико-функционально-семантическими полями, репрезентирующими смысл поэтического текста; выявила выразительные особенности и стилистические функции грамматических средств в поэтической речи Б. Пастернака.

Сквозь призму концептов анализируется язык произведений И. Анненского и А. Ахматовой в работе О.В. Писецкой «Анализ поэтических текстов с опорой на теорию поля (И. Анненский – А. Ахматова)» (2002; научн. рук. С.М. Прохорова). Автор описала ключевые лексемы в идиостилях И. Анненского и А. Ахматовой и показала систему отношений между доминантами поэтического языка, которая обеспечивает связь стихотворных текстов и образование единого макротекста; на основе сопоставления доминантных концептов сделаны выводы о возможной преемственности концептуальных картин мира А. Ахматовой и И. Анненского, а также об их сходстве и различии; построена система ассоциативных и вертикальных синтаксических полей, сквозь призму которых рассмотрено творчество поэта как языковой личности, выявлена глубинная структура авторской концептуализации мира.

Остальные диссертационные исследования посвящены анализу языка произведений какого-либо одного русского писателя преимущественно XX в. Так, в работе Т.В. Арещенко «Повтор как экспрессивный приём поэтической речи О. Бергольц» (2000; научн. рук. Н.М. Пипченко) определена роль повтора в строении поэтического текста, охарактеризованы основные подходы к его изучению в современной лингвистике; раскрыта теоретическая сущность категории экспрессивности и повтора как экспрессивного приёма поэтической речи; дана общая характеристика и выявлена специфика функционирования повтора в структуре поэтической речи О. Бергольц; определены общие особенности индивидуального стиля поэта.

В русле когнитивной лингвистики выполнена и работа Т.В. Балущ «Лингво-концептуальный анализ художественной прозы В.М. Шукшина» (2001; научн. рук. Г.А. Гвоздович). В результате проведённого исследования выявлены доминантные концепты художественной прозы

В.М. Шукшина; спрофилированы ключевые для русского национального самосознания и для идиостиля В.М. Шукшина концепты воля, душа, правда; выявлена связь между доминантными концептами в идиостиле писателя.

Спектр различных художественных функций глаголов и причастий в произведениях русских писателей рассматривается в работах З.З. Сидорович и Н.Н. Скворцовой. Так, в диссертации З.З. Сидорович «Глагольное слово в аспекте текстообразования в новеллистическом нарративе А.П. Чехова» (2011; научн. рук. С.М. Антонова) установлен функционально-текстовый потенциал глагольного слова в структуре чеховской новеллы с учётом жанровой специфики рассматриваемых произведений; осуществлена лексико-семантическая классификация глаголов и определено частотное соотношение глаголов и их производных с другими лексемами, участвующими в текстообразовании; установлена роль глагольного слова в экспликации текстовых категорий информативности, модальности, пространственно-временного континуума, ретроспекции / проспекции, когезии; определены лексемы, ключевые для художественной специфики нарратива и чеховской картины мира; раскрыты взаимосвязи деривационных и семантических свойств глагола и его дериватов в тексте; выявлена и проанализирована связь текстообразования и словообразования в чеховском нарративе. В исследовании Н.Н. Скворцовой «Реализация функций и лексико-грамматического содержания причастий в разных типах контекста (на материале русскоязычных произведений В.В. Набокова)» (2009; научн. рук. Т.Н. Волынец) выявлен спектр художественных функций причастий; установлен характер зависимости между коммуникативными и художественными функциями причастий и содержательно-тематической доминантой контекста; описана специфика процессов сохранения и модификации лексико-грамматического содержания причастий в контекстах с различными содержательно-тематическими доминантами; показана зависимость характера лексико-грамматического содержания причастия (стандартное / нестандартное) от жанровых, композиционных и художественно-стилевых особенностей текстов.

Комплексный лингво-стилистический анализ художественных и публицистических текстов Ф.А. Абрамова как структурно-смыслового и эстетического единства языковых элементов осуществлён в работе В.В. Горнака «Система образных средств языка в творчестве Ф.А. Абрамова» (1992; научн. рук. М.Г. Булахов). Автор раскрыл художественно-языковую позицию Ф.А. Абрамова и исследовал творчество писателя

с точки зрения тенденции обновления и демократизации языка современной художественной литературы. В результате выявлены основные принципы в употреблении речевых средств и определена образно-эстетическая, идейно-тематическая мотивированность этих средств; охарактеризована авторская линия повествования и особенности её языкового воплощения.

Структурно-семантические типы единиц лексического уровня художественной прозы Е.И. Замятина исследуются в работе Г.А. Камлевич «Лексические и синтаксические особенности произведений Е.И. Замятина» (2004; научн. рук. А.А. Гируцкий). В результате проведённого исследования изучена функциональная значимость лексики художественной прозы писателя; определены различного рода авторские новообразования и основные приёмы окказионального словоупотребления; рассмотрена специфика антропонимического пространства; проанализированы синтаксические средства, которые Е.И. Замятин использует для актуализации внимания читателя и решения определённых стилистических задач.

Выявлению основных направлений, характерных способов и приёмов работы писателя со словом, в ходе которой оно превращается в инструмент суггестии, становясь носителем философско-эстетических установок и идей писателя посвящена диссертация В.В. Конон «Особенности языка художественных произведений Д.С. Мережковского (сравнения, цвето- и светообозначения)» (2002; научн. рук. А.А. Гируцкий). Автор показала обусловленность процесса организации системы сравнений базовыми принципами поэтики Д.С. Мережковского, идейной стилистической и контекстуальной заданностью произведения. В работе описаны и систематизированы приёмы организации и актуализации функционально-семантической структуры общезыковых сравнений; определён характер и формы участия системы сравнений в процессе выдвигания архетипов (образов, ситуаций и т.д.); проанализированы системы цвето- и светообозначений, сформулированы основные принципы организации систем и условия развития семантики цвето- и светообозначений в контексте; доказано, что результаты работы писателя со словом позволяют говорить о психологизме его прозы и “рационализме” его поэтики.

Особенности семантики, словообразовательной структуры, стилистических функций потенциальных и окказиональных дериватов и их отношение к узусу в художественном произведении рассматриваются в диссертации С.Д. Купрадзе «Потенциальные и окказиональные дериваты в языке произведений Е.А. Евтушенко» (2003; научн. рук.

А.А. Гируцкий). Автор выявила специфику и основные признаки потенциальных и окказиональных слов; проанализировала потенциальные и окказиональные дериваты – имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия, определила их семантику, словообразовательную структуру и стилистические функции.

Диалектизмы, просторечие, жаргонизмы и индивидуально-авторские неологизмы, образованные на внелитературной основе – объект исследования в работе Т.А. Михалкиной «Внелитературная лексика в языке произведений А.И. Солженицына» (2000; научн. рук. Е.И. Янович). В результате проведённого исследования выделены тематические группы внелитературной лексики и дана словообразовательная характеристика производных внелитературных слов; определены стилистические функции анализируемых слов в текстах произведений; установлена территориальная принадлежность диалектных слов в речи персонажей; определены факторы экспрессивности внелитературной лексики; выявлены приёмы включения внелитературной лексики в язык произведений А.И. Солженицына.

Комплексный анализ экспрессивных синтаксических средств поэзии Н.А. Заболоцкого в структурном, семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах осуществлён Т.В. Панкратович в диссертации «Экспрессивные синтаксические конструкции в поэзии Н.А. Заболоцкого» (1998; научн. рук. Н.М. Пипченко). Автор описала механизмы возникновения экспрессии; выявила и проанализировала средства, порождающие адгерентную экспрессивность поэтического языка Н.А. Заболоцкого; осуществила структурно-семантическую классификацию исследуемых единиц, рассмотрела их коммуникативные особенности, прагматическую направленность и интонацию.

Лексические способы реализации временных представлений в художественном тексте на примере творчества В. Хлебникова описаны в исследовании Т.В. Семирской «Темпоральные номинации в художественном тексте: системные отношения и функционирование (на материале творчества В. Хлебникова)» (2007; научн. рук. И.С. Ровдо). В работе выявлены различия структуры и лексического наполнения семантического поля времени поэтического языка В.Хлебникова и русского литературного языка; определены способы семантической трансформации узальной лексики в идиостиле В. Хлебникова; установлена системность в образовании метафор времени (используемые автором метафорические модели); обозначены наиболее эффективные способы перевода содержащих темпоральные номинации произведений В.Хлебникова на белорусский язык.

Выявлению и анализу соматических речений, отражающих эмоциональную экспрессию, посвящена работа Н.Г. Слыхаловой «Соматические речения со значением эмоций в русском языке (на материале произведений Михаила Булгакова)» (2002; научн. рук. И.С. Ровдо). В работе выделены тематические группы соматических речений со значением фундаментальных эмоций; изучены план содержания и план выражения соматических речений со значением эмоций; описано поверхностное лексическое значение соматических речений разных тематических групп лексики русского языка.

Установлению роли авторских новообразований в идиолекте писателя посвящена диссертация И.Г. Урбанович «Индивидуально-авторские лексические и фразеологические единицы в художественной прозе Фазиля Искандера (структурно-семантический и функциональный аспекты)» (2010; научн. рук. Г.А. Гвоздович). В результате исследования выявлены морфологические новообразования и определено их соотношение с различными частями речи, охарактеризованы способы образования и специфика употребления их в идиолекте; расклассифицированы семантические образования, прослежены особенности их функционирования и роль в создании смысловой и эмоциональной нагрузки произведений; установлены причины образования внетиповых единиц, выявлены их функции в художественных текстах писателя; показаны особенности использования и переосмысления заимствованной лексики, установлено её место в идиолекте Фазиля Искандера; проанализированы особенности фразеологической трансформации, выделены авторские фразеологические варианты и контекстуальные фразеологические синонимы.

Сквозь призму концептов анализируется творчество Иосифа Бродского в работе И.Ю. Самойловой «Динамическая картина мира И. Бродского (лингвистический аспект)» (2006; научн. рук. С.М. Прохорова). В результате проведённого исследования установлена специфика функционирования языкового знака глагол в поэтических текстах автора; выявлены и рассмотрены окказиональные глаголы поэтического языка И. Бродского; проанализированы случаи нарушения И. Бродским стандартного фрейма глаголов и показаны их результаты; рассмотрены фрагменты динамической картины мира поэта через описание самых частотных единиц ядра частотного словаря глаголов поэзии И. Бродского.

Таким образом, даже краткий обзор диссертационных работ, посвящённых анализу языка русской художественной литературы, свидетельствует о динамичном развитии этого направления в современной белорусистике наряду с изучением языка белорусской художественной литературы. Как свидетельствуют полученные отечественными лингви-

стами результаты, исследование этой проблемы существенно углубляет наши представления о взаимоотношениях различных стилистических пластов в произведении, об эволюции художественной речи, о причинах и путях проникновения элементов ненормативной речи в язык художественной литературы, способствует более глубокому пониманию особенностей взаимодействия языка и общества.

Літаратура

1. Арещенко, Т.В. Повтор как экспрессивный приём поэтической речи О. Бергольц: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Т.В. Арещенко; БГУ. – Минск, 2000. – 20 с.
2. Балущ, Т.В. Лингво-концептуальный анализ художественной прозы В.М. Шукшина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Т.В. Балущ; БГПУ. – Минск, 2001. – 20 с.; Балущ, Т.В. Лингво-концептуальный анализ художественной прозы В.М. Шукшина: монография / Т.В. Балущ. – Минск: БГПУ, 2005. – 113 с.
3. Болтовская, Е.А. Имя прилагательное в поэтическом языке А.Ахматовой и М.Цветаевой (лексико-грамматический и лингвостилистический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Е.А. Болтовская; БГУ. – Минск, 2007. – 24 с.
4. Горнак, В.В. Система образных средств языка в творчестве Ф.А. Абрамова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.В. Горнак; МГПИ. – Минск, 1991. – 16 с.
5. Камлевич, Г.А. Лексические и синтаксические особенности произведений Е.И. Замятина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Г.А. Камлевич; БГПУ. – Минск, 2004. – 20 с.
6. Кожемяченко, Е.В. Коннотации в поэзии Марины Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Е.В. Кожемяченко; БГПУ. – Минск, 2005. – 20 с.
7. Конон, В.В. Особенности языка художественных произведений Д.С. Мережковского (сравнения, цвето- и светообозначения): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Конон; БГПУ. – Минск, 2002. – 19 с.
8. Котенко, Е.В. Сравнение в лирике Б. Пастернака: опыт системного лингвопоэтического анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Е.В. Котенко; БГУ. – Минск, 2000. – 16 с.
9. Крицкая, Н.В. Лингвистическая поэтика “русских” поэм Марины Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Н.В. Крицкая; БДУ. – Минск, 2008. – 23 с.
10. Купрадзе, С.Д. Потенциальные и окказиональные дериваты в языке произведений Е.А. Евтушенко: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. / С.Д. Купрадзе; БГПУ. – Минск, 2003. – 21 с.
11. Лянцевич, Т.М. Функционально-семантические поля и их системные отношения в поэтической речи Б.Пастернака (грамматико-стилистический

аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Т.М. Лянцевич; ИЯЛ НАН Беларуси. – Минск, 2012. – 24 с.

12. Михалкина, Т.А. Внелитературная лексика в языке произведений А.И. Солженицына: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Т.А. Михалкина; БГУ. – Минск, 2000. – 19 с.

13. Панкратович, Т.В. Экспрессивные синтаксические конструкции в поэзии Н.А. Заболоцкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Т.В. Панкратович; БГУ. – Минск, 1998. – 19 с.

14. Писецкая, О.В. Анализ поэтических текстов с опорой на теорию поля (И.Анненский – А.Ахматова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / О.В. Писецкая; Калининград, 2002. – 26 с.

15. Самойлова, И.Ю. Динамическая картина мира И.Бродского (лингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.Ю. Самойлова; Калининград, 2006. – 24 с.; Самойлова, И.Ю. Динамическая картина мира И.Бродского: лингвистический аспект / И.Ю. Самойлова. – Гродно: ГрГУ, 2007. – 191 с.

16. Семирская, Т.В. Темпоральные номинации в художественном тексте: системные отношения и функционирование (на материале творчества В.Хлебникова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Т.В. Семирская; БГУ. – Минск, 2007. – 17 с.

17. Сидорович, З.З. Глагольное слово в аспекте текстообразования в новеллистическом нарративе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / З.З. Сидорович; БГУ. – Минск, 2011. – 24 с.

18. Скворцова, Н.Н. Реализация функций и лексико-грамматического содержания причастий в разных типах контекста (на материале русскоязычных произведений В.В. Набокова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Н.Н. Скворцова; БГУ. – Минск, 2009. – 24 с.

19. Слыхалова, Н.Г. Соматические речения со значением эмоций в русском языке (на материале произведений Михаила Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Н.Г. Слыхалова; БГУ. – Минск, 2002. – 20 с.

20. Урбанович, И.Г. Индивидуально-авторские лексические и фразеологические единицы в художественной прозе Фазила Искандера (структурно-семантический и функциональный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / И.Г. Урбанович; БГУ. – Минск, 2009. – 23 с.

Вікторыя Торра

Рэчыцкі дзяржаўны педагагічны каледж (Беларусь)

ЭЎФАНИЧНЫЯ АДМЕТНАСЦІ НИЗКІ ВЕРШАЎ «З ЗАСТРЭШША МАМІНАЕ ХАТЫ» Р. БАРАДУЛІНА

Адной з характэрных асаблівасцей ідыястылю Р. Барадуліна з’яўляецца своеасаблівая эўфаничная арганізацыя яго паэзіі, заснаваная на раз-

настайных паўторах, гукаперайманнях, ліпаграме, гукавой параніміі і інш. Кожны новы твор паэта можа разглядацца як асобны, непаўторны ўзор гукавой інструментальнасці. Не стала выключэннем і нізка вершаў «З застрэшша мамінае хаты» [1, с. 247–302] з кнігі «Ксты», узятая намі для аналізу. Вершы, змешчаныя ў кнізе, напісаны на мяжы ХХ–ХХІ стагоддзяў сталым, мудрым чалавекам, якога цяпер усе ўжо называюць *дзядзька Рыгор*. І эўфаниа, як гэта было ў асобных творах на пачатку яго творчасці, выкарыстоўваецца ім не з мэтай прадэманстраваць свае тэхнічныя магчымасці, паэксперыментаваць, а становіцца неад’емным натуральным кампанентам узнікаючых асацыяцый, вобразаў. У сучаснай барадулінскай паэзіі цесна знітаваны гук і сэнс, адбываецца збліжэнне слоў-паняццяў па гукавым падабенстве, што вядзе да пашырэння семантычнага аб’ёму кожнага з іх, на аснове чаго часта і ўзнікае паэтычны этымалагізм.

Алітэрацыйныя паўторы ў розных камбінацыях займаюць, як і раней, дамінуючае становішча ў гукавой арганізацыі вершаванай мовы паэта, у большасці выпадкаў з’яўляюцца тым стрыжнем, на якім засноўваецца мастацкі вобраз. Яны ў першую чаргу ўплываюць на мілагучнасць лірычнага твора, на яго сэнсавую выразнасць і своеасаблівасць інтанацыйнага малюнка. Інтанацыйна-гукавая арганізацыя паэтычнай мовы залежыць ад эмацыянальна-сэнсавай напоўненасці таго ці іншага твора, творчай індывідуальнасці паэта, фанетычных асаблівасцей нацыянальнай мовы. Л.Ц. Выгонная адзначае, што “агульную манеру, якой адрозніваецца выкананне вершаў Барадуліна ... можна акрэсліць як даверліва-лірычную, пераконваючую. З трох стыляў інтанацыйнай пабудовы верша, напеўнага, аратарскага і размоўнага, Р. Барадуліну найбольш блізкі апошні” [2, с. 34]. Безумоўна, гэта тлумачыцца перш за ўсё выключным уменнем творцы карыстацца спрадвечнымі багаццямі матчынай мовы, яго тонкім музычным слыхам, якія і дапамагаюць выклікаць давер у чытача, знайсці з ім паразуменне.

Анафарычныя кансанантныя паўтарэнні самыя распаўсюджаныя, прычым яны могуць размяшчацца ў пачатку, сярэдзіне і канцы вершаванага гукарада: *Званілі знікльы званы; Завяя згубіла ў полі ймя, // Падкова здраділа полазу; Забываецца, каіцца, // Зываецца, змяркаецца; Стаптаным слядам не хочацца // З зялёнай сцежкі сысці; Скарыцца сонцавым стрэлам; Палівала жвіру жменю; Ад нашага скарбу // Сагнутыя спіны; Што засталася ад залётных зім; Маркоту маміну ўспамінае; Схілілася нада мной святое, // Святам свяцонае // Маміна слова; Шаноўная шаша-шляхцянка; Над магілай мамінай гарыць // Вішня, // Быццам восеньская зорка; Пыл яшчэ негусты наўных грахоў і інш.*

Эпіфарычнымі кансанантнымі паўтарамі можна лічыць усе рыфмы, і, акрамя іх, сустракаюцца эпіфарычныя алітэрацыі, якія ўтвараюцца гукамі блізкімі, але нятоеснымі. Як і анафары, эпіфары ў эўфанічных адзінках размяшчаюцца ў розных частках вершаванага радка і бываюць сумежныя і раздзельныя. Пры сумежнай эпіфары сугучныя словы звычайна граматычна залежныя, у адрозненне ад раздзельнай: *То шчодрым сяўцом // З лазовай сявенькай, // То хадаком сівенькім // У белай даўгой кашулі, // Падперазанай нетутэйшай пашанай // Паясом з кутасамі; За мной цікавалі і грэх, і брэх; Ты дорыш святло, цішынё гаворыш; Свеціць цудам // Над брудам, // Над хлудам і інш.*

Асаблівую меладычнасць вершаванай мове надае анаэпіфара (спалучэнне анафарычных і эпіфарычных сістэм): *Я з белай барадой ці ты // З бялюткім падбародкам; І ўсе галовы гнем свае // Ніжэй над плыткім сподкам.*

Алітэрацыйны стык у вершах Барадуліна сустракаецца звычайна ў сярэдзіне вершаванага гукарада, калі непасрэдна сутыкаюцца зычныя гукі – канцавы адной эўфанічнай адзінкі і пачатковы другой: *Амаль вясковец, // Местачковец цьмяны; Ты любіш слухаць цішыню; Здарожаная думка мне звідна // І дацямна // Укленчыць раіць цуду; Лёс сцішвае ганца // Усіх тваіх памкненняў; І дзень надзённы // Стаў днём мінулым; У зімовых шапках халады; Зорнае млынар рассыпаў мліва; Сустракаемся ў ранішнім маміным садзе і інш.*

Кансанантнае кальцо можа прымаць разнастайныя формы: адным і тым жа гукам могуць пачынацца і заканчвацца асобныя словы ў радку ці сам вершаваны радок; сустракаюцца блізкія гукі ў пачатку і канцы двухрадкоўя або яшчэ ў пачатку слоў, што размяшчаюцца ў пачатку і канцы радка ці двухрадкоўя (анафарычнае кальцо): *Між чорнай ноччу і белым днём; Касец часовы, рупішся пра ўкос; Чысцінёю тваёй прычашчуся; Храм стыне з босай галавой // Пад чарапіцаю хмурынак; І матчына хата пільнуе з-пад даху; Град прайшоўся // Па могілках град; Мы позіркам чым // На свет глядзім?; Гукае ўспаміны ганак; Сарока скінуць хацела пуху і інш.*

Сістэмы алітэрацыйных паўтараў у прааналізаваным цыкле вершаў прадстаўлены, як і ва ўсёй творчасці Р. Барадуліна, вельмі багата і разнастайна: ёсць двух-, трох- і шматкансанантныя комплексы, якія размяшчаюцца ў сумежных эўфанічных адзінках і могуць быць раздзелены іншымі гукавымі комплексамі; заўважаецца таксама, што іншы раз асобныя віды гукавых паўтараў уваходзяць адначасова ў склад іншых алітэрацыйных сістэм або часткова прымаюць удзел у раскладанні іншых гукавых комплексаў. Прывядзём некаторыя са шматлікіх прыкла-

даў: *У неба зорнае зірні ўначы; А за пагоркамі згорбленымі; Прысніў аціхлы прашчур у пячоры; На кроснах крозаў // Ткала палатно; Не баяліся ногі босыя; Як не спяваў відущчы посах; Што сплыло, як вясло; Не дай нашым душам убогім загінуць; Ці прыхаджане, ці прыгнанцы; На сценках гронкі арабінак; Пасмуткуем, самота, з табою. // Ты адна, // Я таксама адзін; У зварушлівай вершаліне // Гнеў раз'юшаны стыне; Зорнага іржышча рабацінне... // Куфра змроку зорная іржа... // Зорнай лесаліўні пілавінне...; Упёршыся ў прышласць; Чысціня асцярожная, // Ціхая чысціня; Дзе неўміручая крыніца // Вясёла зазвініць на развітанне; За ўсімі ўслед бяследна цень ступае; Настылыя пліты падлогі, // Складзення праветраны лёх; Абнывае нябесная столь; –Ты шапку мне, спадар, прадай!; Сон, што сніцца анёлам вясной і інш.*

Р. Барадулін умела выкарыстоўвае і магчымасці асанансу пры стварэнні сваіх мастацкіх вобразаў. Паўторы галосных гукаў узмацняюць гукавую хвалю, робяць вершы больш напеўнымі, музычнымі, рытмічнымі: *У ноч калядную збяры // Усіх здарожаных, халодных // Усіх забытых і галодных // І раздары свае дары – // Усё, што даў табе Гасподзь, // Каб ты апошнім // Мог дзяліцца, // Бо ўдачы гладкая цяліца // Пасецца, каб аддаць стокроць; Марыў горы зварочваць, // А звярнуў галаву. // Чысцінёю сурочаны, // Толькі ў мроях жыву; Выпусціць птушку, // Апусціць галаву, // Выпусціць шчасце, // Вядро таксама... // Лічуся, // Пакуль тапчу мураву, // Выпускіком той школы, // Дзе навучала мама; Ад баразны гракі, // З руі ваўкі // Пакінулі маіх прысненняў межы. // І валуноў радзімыя знакі // Унеўзнаку сышлі / З іржышча, з араллі і інш.*

Пры аналізе гукавой арганізацыі паэтычнага тэксту трэба мець на ўвазе, што яна не ізаляваная ад моўных сродкаў іншых узроўняў. Паўторы гукаў могуць быць звязаны з лексічнымі, сінтаксічнымі, словаўтваральнымі паўтарамі. Лексічны паўтор з'яўляецца адным з найбольш яркіх прыёмаў паэтычнага маўлення Р. Барадуліна, ён адрозніваецца ад іншых відаў паўтору разнастайнасцю кампанентаў і тым, што як бы падкрэслена выдзяляецца з кантэксту. Сувязь лексічнага і фанетычнага паўтараў заключаецца ў тым, што паўтор любога слова – гэта паўтарэнне яго гукалітарнага афармлення. Эўфанічныя гукавыя паўторы могуць выходзіць за межы слоў, што паўтараюцца, пашыраючы сэнсавы і эмацыянальны кантэкст, і тым самым спрыяюць узнікненню аказіяналізмаў (*Да незабыту незабытая*).

Сувязь лексічнага і фанетычнага паўтараў выразна прасочваецца і пры выкарыстанні амонімаў, паронімаў. З'явы аманіміі знайшлі

шырокае адлюстраванне ў паэтычных творах Барадуліна; ужыванне аманімічных слоў заўсёды абумоўлена аўтарскай задумай, яно робіць маўленне больш экспрэсіўным: Дзён менш і менш, // І *любы* з іх *любы*; І *небыльніцы* й *былі* // *Былі*; Душа сабралася дамоў, // Ды ўсё-ткі затрымацца *мусіць*. // Душа трымацца хоча, // *Мусіць*, // Сваіх нязмушаных дамоў; Па незямных *мастах* // Свой цень *мастак* // У сваты пасылае да надзеі.

Р. Барадулін вельмі ашчадна абыходзіцца са словам, таму што ён тонка адчувае ўсе фанетычныя і сэнсавыя адценні роднай мовы, якую вучыў «не па падручніках, а беларуская літаратура [для яго] пачыналася з матчынай песні» [1, с. 6]. Таму блізкагучныя словы – паранімічныя атрантанты – набываюць у кантэксце яго твораў узуальныя і аказіянальныя этымалагічныя сувязі, становяцца важным стылістычным сродкам, які грунтуецца на сэнсавым збліжэнні блізкагучных слоў на аснове іх вобразнага пераасэнсавання. Паранамазія жывіць, падмацоўвае гукапіс, фанетычны склад слоў-паранімаў выяўляе іх паэтычную этымалогію: *Вушача* – // Гэта той *вушак*, // Які трымае тыя *дзверы*, // Што ў свет расчынены // Для *веры*; І дзёду ваяру *закляў* *заклён*, // Якую атрымаў ад непакоры; А *змок* // Дрыжэў пад нябачным замком, // Як *зарок*; Расце *імжа*, // Як *іржа*, рудая; Прасі на кут сваіх Дзядоў // Абнашчыцца куццёю *поснай*, // Каб не шукаць гадзіны *познай*; Пост адчаю з прыпамінам // Прыхавана *разгаўляе*. // І са смуткам *размаўляе*, // Як з сваім апошнім сынам; І чую, // Як *маркота* плача, // Пакуль *маркоўнік* не прычах; Не *заікайся* і *кайся*; Косіць час // Хісткіх дзён траву // І *стагуе стагі* ў тым // Сцюдзёным зарэччы і інш.

Створаныя на аснове эўфанічных гукавых спалучэнняў нечаканыя асацыяцыі і вобразы Р. Барадуліна яшчэ раз падкрэсліваюць значэнне адзінак фанетычнага ўзроўню ў яго паэзіі, указваюць на невычарпальныя магчымасці фанетычнага складу беларускай мовы. У паэта ўжо выпрацавана індывідуальная гукавая фактура верша, па якой мы з лёгкасцю адрозніваем яго творы і якая адпавядае гукавой фактуры размоўнага маўлення (пра што згадвалася ў пачатку артыкула). Але трэба адзначыць, што калі творы паэта і вызначаюцца адметнымі эўфанічнымі прыёмам, што выкарыстоўваюцца ім неаднаразова, аднак яны не ствараюць уражання аднастайнасці і тыповасці, а наадварот, паказваюць, наколькі разнастайна, па-новаму нечакана можа адна і тая ж гукавая інструментуўка «нарадзіць» новы мастацкі вобраз, выклікаць у чытача новыя пачуцці. Таму даследаванне гукавой арганізацыі паэтычнай мовы Р. Барадуліна з'яўляецца важным і дазваляе сцвярджаць, што

гуканісныя магчымасці беларускай мовы маюць значны патэнцыял для сістэматызацыі фанічных сродкаў, якія ўзаемазвязаны з усімі ўзроўнямі моўнай сістэмы.

Літаратура

1. Барадулін, Р. Ксты / Р. Барадулін. – Мінск: Рымска-каталіцкая парафія Святога Сымона і Святой Алены, 2006.
2. Выгонная, Л.Ц. Інтанацыйныя асаблівасці вершаў Р. Барадуліна / Л.Ц. Выгонная // Беларуская лінгвістыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – Вып. 20. – С. 28–34.

Марина Тригук

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ОБРАЗ АВТОРА» В АСПЕКТЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В рамках художественного текста происходит общение между автором и читателем, представляющее собой особый вид коммуникации – художественную коммуникацию. Художественная коммуникация начинается с авторского самовыражения, но способна реализоваться только через процесс понимания текста. Завершающим компонентом понимания художественного текста является интерпретация. В современном понимании в интерпретации видится творческий процесс, особое сотрудничество, сотворчество читателя и автора художественного текста. Однако данная точка зрения не отменяет условия адекватности полученной интерпретации художественному тексту. В качестве способов осуществления данного требования существуют различные методы анализа, в частности стилистический. При стилистическом анализе авторский идиостиль выступает как «система отношений», по В. Изеру, как «код автора и читателя», по Ю.М. Лотману, доступный участникам коммуникации. Стилль как категория целостности прозаического произведения является сложной системой взаимно опосредованных и зависимых элементов формы и содержания. В связи с этим обоснованным является стремление к определению единицы анализа, учитывающей авторский замысел и системность употребления различных языковых единиц в художественном тексте.

На наш взгляд, в качестве такой единицы анализа художественного текста можно рассматривать текстовую категорию «образ автора». В пользу такой точки зрения выступает то обстоятельство, что образ ав-

тора как категория был введен в связи с необходимостью комплексного подхода к изучению роли языковых единиц в художественном тексте. В 1929 г. в исследовании В.В. Виноградова «О художественной прозе» терминологически чётко были обозначены понятия «образ автора» и «образ рассказчика» [2, с. 75]. Особую значимость данная категория приобретает в художественном тексте, обладая в нём наибольшей степенью представления, по мысли А.И. Горшкова и М.Е. Тикоцкого. На сегодняшний день имеется большое число работ, посвященных исследованию категории «образ автора». Однако нет общепризнанной точки зрения относительно репрезентации данной категории в художественном тексте. Целью данного исследования является выявление различных подходов к репрезентации образа автора в аспекте стилистического анализа художественного текста.

Репрезентация образа автора тесным образом связана с её особым статусом в сравнении с другими категориями художественного текста. Образ автора связан с особым мироотношением, которым наполняется всё произведение. В образе автора отражается не только «творческая часть» личности писателя, но и в сжатом виде содержится информация обо всех компонентах структуры произведения, т.е. его концентрированная сущность. Каждый компонент текста оказывается соотношенным с этой сущностью и получает свою эстетическую значимость, дополнительное приращение смысла, функционируя как элемент реализации общего замысла. В результате данная категория обладает интегративным характером, подчиняя себе весь художественный текст и объединяя его в единое целое. Эта категория функционирует в художественном тексте как смысловой, формальный и стилистический центр восприятия художественного текста.

Исследование способов и средств выражения категории «образ автора» усложняется особой природой возникновения категории. М.М. Бахтин подчёркивал сотворённую природу образа автора, его изображённость в тексте: «Так называемый образ автора – это, правда, образ особого типа, отличный от других образов произведения, но это образ, а он имеет своего автора, создавшего его. ... Мы можем говорить о чистом авторе в отличие от автора частично изображённого, показанного, входящего в произведение как часть его» [1, с. 288]. Образ автора, с одной стороны, сближается с другими категориями художественного текста – образом повествователя, образом читателя, но, с другой – отличается от них. Так, образ повествователя – преднамеренно создаваемый автором образ, на котором при первичном восприятии текста фокусиру-

ется читатель, в то время как в образе автора может отражаться и нечто непреднамеренное, выходящее за рамки авторской интенции.

В существующем многообразии точек зрения на репрезентацию образа автора в художественном тексте выделяется своей комплексностью подход, изложенный в диссертации Г.В. Кручевской [6]. Автором выделяются идейно-тематический, сюжетно-образный, композиционный и языковой уровни реализации образа автора. Такое представление о структуре образа автора объединяет литературоведческий и собственно лингвистический подход к изучению данной категории в художественном тексте. Из перечисленных уровней для интерпретации в рамках стилистики художественного текста наибольшее значение имеют композиционный и языковой уровни, воплощающие стиль писателя в своей форме.

Композиционный уровень как способ внешнего оформления специфики художественного текста, непосредственно доступный читателю, участвует в оформлении смыслового содержания. Образ автора, обнаруживаемый в каждом художественном тексте, проявляется и в повествовании, оформленном от третьего лица, и в повествовании, оформленном от первого лица, выступая в различных сочетаниях с образами повествователя и персонажей. План выражения образа автора на уровне композиции сложнее в сравнении с образами персонажей, т.к. образ автора может быть скрытым в особенностях композиции и стиля. Однако в любом случае образ автора присутствует в художественном тексте, проявляясь в нём как константа, как данность. В прозе образ автора усматривается в нарративной специфике, в смене типов речи, в формах соотношенности монолога и диалога и других композиционных приемах. Образ автора непременно ощущается даже в случае косвенного выражения своих суждений, когда автор стремится остаться незамеченным. В этом раскрывается особенность образа автора как принципа художественного текста: в основе каждого образа художественной действительности лежит позиция автора, строящая образ изнутри и выходящая на уровень лингвистического воплощения образа в ткани произведения. В этом проявляется характер образа автора как величины не только текстовой, но и до-текстовой, под-текстовой, за-текстовой.

Наиболее значимым с точки зрения стилистического анализа является собственно языковой уровень реализации образа автора в художественном тексте. Как отмечал В.В. Виноградов, «язык всякого писателя рассчитан на понимание его в плане языка читателя» [2, с. 82], т.е. анализ языковых единиц как включенных в состав категории «образ

автора» даёт цэlostное прадстаўленне аб ідыостылі пісателя з улікам аўтарскай інтэнцыі і працэсаў камунікацыі ў рамках мастацкага тэкста. Даследаванне аўтара як індывідуальнай сістэмы рэчывых сродкаў накіравана на раскрыццё многаспектнасці данай катэгорыі з пункту гледжання яе праяўлення ў рэчывой ткані прадвыдання (М.П. Брандес, В.В. Адынцов, В.В. Краснянскі, Е.А. Гончарова і др.).

Арганізуючы тэкст, аўтар-творца праяўляе сябе ў выбары і ўжыванні языковых сродкаў, расставя іх па нужным пазіцыям ў тэксце. Мастацкі свет замацаваецца сістэмай вызначаных языковых сродкаў, пераважаных аўтарам як сродкаў для ствараемай ім рэальнасці і захаваных як непрынамальнае выражэнне індывідуальнага стыля. Найбольшым пэнцыялам, з пункту гледжання інтэрпрэтацыі, маюць арыгінальныя індывідуальна-аўтарскія языковыя сродкі і асабыя прыёмы іх стылістычнай арганізацыі. Данныя адзінцы, з аднаго боку, фарміруюць аўтарскі ідыостыль і, з другога – выражаюць адносіны аўтара да апісываемых падзеям. Стылістычная функцыя як выразіцельны пэнцыял узаемадзейства языковых сродкаў ў тэксце забяспечвае перадачу не толькі прадметна-логічнага зместу, але і экспрэсіўнай, эмацыянальнай, ацэнкавай і эстэтычнай інфармацыі. Аўтар, не яўляючыся языковым па сваёй прыродзе, ў значальнай меры рэалізаваны языковымі сродкамі і іх стылістычнымі асабнасцямі.

У наш час, нягледзячы на павышанае ўважанне са староны даследчыкаў да данай катэгорыі, аўтар недастаткова даследаваны ў стылістычным аспекце. У вызначаным ступені гэта звязана з унікальнасцю, асаблівасцям аўтара ў кожным мастацкім тэксце. А.В. Горшкова даследвае як аснову рэпрэзентацыі аўтара ацэнкавае, якая абумоўлівае «распаўсюджанне святла і цені», «пераходы ад аднаго стыля аправадання да другога» [4, с. 53]. У працы В.А. Эстрыной ў якасці сродкаў выражэння аўтара разглядаюцца наступныя: языковыя сродкі, несучыя ў сабе ацэнку (эмацыянальная, эмацыянальна-ацэнкавая, экспрэсіўная лексіка; эпітэты, параўнанні, метафары, іронія і г.д.) [11]. Як спосаб выражэння аўтара разглядаюцца таксама рамочныя кампаненты (заглавіе, эпіграф, пачатак і канцоўка тэкста, псеўданім), метаатэкс; эгацэнтрычныя словы (месцаімяны (я, ты, гэты), нареччы (здесь, сёння, тут, там), частыцы (вон, таг); паказальны суб'ектыўнай мадальнасці (па В.В. Ванограду, уводныя словы, высказыванні, мадальныя словы, падразумевальныя гаворачага) [10, с. 13–14]. Як сродкаў выражэння аб-

раза аўтара В.А. Кухаренка даследвае пераважаючыя тыпы прадвыдання, іх памер і сувязі паміж імі, структуру і даўжыню абзацаў [7]. Ён адзначае, што «... асноўнымі абласцям рэалізацыі аўтара застаюцца лексічны склад і сінтаксічная арганізацыя аўтарскага паведавання» [8, с. 34]. У дысертацыі Г.В. Кручэвскай аўтар на языковым узроўні даследваецца на прыкладзе заканамернасцей сінтаксічнага будавання, сувязі паміж прадвыданнямі і абзацамі, а таксама прынцыпаў адбору языковых сродкаў, ужывання тэматычных груп лексікі і тропав і др. [6, с. 10]. О.А. Захарова даследвае глаголы, уводзячы речь як характэрыстыку аўтара [5].

Ісходзячы з прааналізаваных матэрыялаў можна канстатіраваць, што даследаванне катэгорыі «аўтар» пераважна выконваецца на лексічным і сінтаксічным узроўнях. Данная тэндэнцыя ў даследаванні катэгорыі аб'ясняецца ўсталяваным прадвыданням аб безобразнасці граматыкі. Так, М.М. Міхайлаў адзначае: «Что кацаецца морфалогічных і фонетічных сродкаў языка, то іх не заўсёды абнараджаюць чётка выражаную сістэму стылістычных якасцяў, у адрозненне ад іх яркай выражанасці ў слоўна-фразаалогічным складзе языка і ў сінтаксічных адзінках – словасачыненняў і прадвыданняў» [9, с. 70]. Граматычныя адзінкі ўспрымаюцца толькі як неабходны канструкт для ствараання мастацкага тэкста. Аднак граматыка – гэта, пераважна, сістэма ўсталяваных універсальных значэнняў, неабходных для камунікацыі. Гэта набор граматычных катэгорыяў і граматычных значэнняў, існуючых як універсальны спосаб апісання сусвету, у тым ліку мастацкага. Граматычныя сродкі ўдзельнічаюць у будаванні сэнсавога аб'ёма мастацкага тэкста, перадаючы ў канцэнтраванай форме найбольш значную інфармацыю аб ім, ізначальна абобщаную ў языке пасредствам разгалінаванай сістэмы граматычных катэгорыяў і функцыянальна-сэмантычных палей. Следавальна, і на граматычным узроўні мастацкага тэкста маюцца сродкі, рэалізуючыя аўтара і яго рэчывыя стратэгіі: інфармацыйную, мадальную, рэгуляцыйную і фатычную. Уважанне да граматычным элементам як сродкам ствараання аўтара ў мастацкім тэксце прадвыдана і патрабаваннем складанасці аналізу ідыостыля, сінтэзуючага ў сабе асабнасці ўжывання элементаў усіх языковых узроўняў. Так, Е.А. Гончарова адзначае: «Лінгвістыстычны аналіз літэратурнага тэкста можа быць прадукцывым толькі ў тым выпадку, калі ўсе элементы стыля будуць даследвацца як прыроднае выражэнне зместу мастацка-

ного произведения, органического единства смысла и формы. Каждый отдельный языковой элемент или сочетание элементов в структуре художественного текста является средством для достижения определенной художественной смысловой цели» [3, с. 43].

Таким образом, категория «образ автора» как единица анализа художественного текста учитывает авторский замысел и системность употребления различных единиц в художественном тексте. Роль образа автора как смыслового центра обеспечивает необходимость использования данной категории в интерпретации художественного текста. Исходя из значимости грамматических категорий в целом и отдельных грамматических значений в частности в коммуникации, а также с учетом слабостью исследованности роли грамматических средств в художественном тексте, нам видится актуальным исследование стилистического потенциала грамматических средств в репрезентации образа автора.

Літаратура

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
2. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М., 1980. – 360 с.
3. Гончарова, Е.А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте / Е.А. Гончарова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 149 с.
4. Горшков, А.И. Лекции по русской стилистике / А.И. Горшков. – М.: Лит. ин-т., 2000. – 272 с.
5. Захарова, О.А. Глаголы, вводящие речь, как характеристика образа автора и образа ратора (на материале произведений Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и «Дневник писателя»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.А. Захарова. – М., 2006. – 161 с.
6. Кручевская, Г.В. «Образ автора» в творчестве К.Г. Паустовского (лингвостилистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г.В. Кручевская; Том. гос. ун-т им. В.Б. Куйбышева. – Томск, 1990. – 20 с.
7. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – Л.: Просвещение, 1979. – 327 с.
8. Кухаренко, В.А. Лингвистическое исследование английской речи / В.А. Кухаренко. – Одесса: Одесская гор. типография, 1973. – 60 с.
9. Михайлов, М.М. Стилистика русской речи / М.М. Михайлов. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1968. – 214 с.
10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева [и др.]; под общ. ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 694 с.

11. Эстрина, В.А. Образ автора как лингвостилистическая категория текста (на материале романов Диккенса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.А. Эстрина; Львов. гос. ун-т им. Ив. Франко. – Львов, 1980. – 20 с.

Грына Часнок

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ПІСЬМЕННІК – АЎТАР – АПАВЯДАЧ У РАМАНЕ М. ГАРЭЦКАГА «ВІЛЕНСКІЯ КАМУНАРЫ»

М. Гарэцкі пісаў раман «Віленскія камунары» (1931–1932), знаходзячыся ў складаных умовах, калі адкрыта выказваць думкі было небяспечна і амаль што немагчыма. Каб зразумець аўтарскую задуму, мы павінны ўспрымаць твор цэласна і ў той жа час звяртаць увагу на спецыфіку нарацыі ў ім.

У сувязі з разнастайнасцю поглядаў аўтарытэтных даследчыкаў на наратыўныя катэгорыі, каратка акрэслім прынятыя намі ў дадзенай працы азначэнні асноўных тэрэтычных паняццяў.

Пад нарацыяй будзем мець на ўвазе працэс расповеду пра якія-небудзь падзеі. Як вядома, у мастацкім тэксце «наратыўная інтэнцыянальнасць выказвання складаецца з дзвюх падзей – рэфэрэнтнай (пра якую паведамляецца) і камунікатыўнай (само паведамленне як падзея)» [8, с. 300].

Паняцце «аўтар» будзем разумець як унутрытэкставую інстанцыю, «канцэнтраванае ўвасабленне сутнасці твора, якое аб'ядноўвае ўсю сістэму маўленчых структур персанажаў у іх суадносінах з апавядальнікам, апавядачом ці апавядачамі і якое праз іх з'яўляецца ідэнастылістычным цэнтрам цэлага» [3, с. 118]. Важна размяжоўваць аўтара і пісьменніка – рэальную асобу: зыходзячы з прынятай намі канцэпцыі, гэта паняцці нятоесныя.

Таксама ў даследаванні ўжываецца тэрмін «наратар», пад якім разумею пасярэдніка паміж аўтарам і апавядальным светам (такое тлумачэнне наратара дае В. Шмід (W. Schmid) у «Нараталогіі» [9, с. 11]). Як сінонім да «наратара» ўжываем тэрмін «апавядач».

Варта сказаць, што ў беларускім літаратуразнаўстве тэрмін «апавядач» з'явіўся параўнальна нядаўна, і В. П. Рагойша прапаноўвае ўжываць яго незалежна ад таго, ад якой асобы вядзецца апавед [6, с. 10] (па аналогіі з заходнім – «наратар»). Але мы выкарыстоўваем гэты тэрмін толькі ў адносінах да наратара ад першай асобы, каб не блытаць паняцці, размежаваныя расійскімі наратолагамі: «рассказчик» і «повествователь».

У «Віленскіх камунарах» выкарыстоўваецца стылізацыя пад гутарковае маўленне – сказавае форма аповеду. Наратар валодае меншай кампетэнтнасцю ў параўнанні з аўтарам (на думку В. Шміда, гэта якраз з’яўляецца прыкметай сказавай формы [9]), мае своеасаблівую манеру аповеду. Наратарская і аўтарская ацэнкі падзей не супадаюць, што з’яўляецца звычайным, характэрным для формы сказа. Аднак гэта мадыфікаваная форма, а не «чысты» сказ. Бо і сам аповед цэнтральнага персанажа, Мацея Мышкі, вельмі часта выходзіць за межы як яго разумавага кругагляду, так і яго моўнай кампетэнцыі.

Мова Мышкі-наратора сакавітая і непасрэдная, яна па-народнаму жывая і дасціпная: «пазіраў на ўсіх воўкам» [4, с. 18], «выскачыў, як люты леў» [4, с. 19], «адштурхнуў ён гаспадара ад парабчанкі, што той, бедны, аж і ножкамі накрыўся» [4, с. 20], «а потым ужо – куды пабяжыш, калі пасыпаліся дзеткі: што год, то ўдод» [4, с. 22], «гнеў і распач перамяшаліся ў ім, як гарох з капустаю» [4, с. 31]. Манера аповеду ў творы ў той час, калі падзеі асвятляюцца праз прызму свядомасці самога Мацея Мышкі, характарызуецца простасцю, наіўнасцю, наяўнасцю гумару. Выкарыстоўваецца стылізацыя пад гутарковае маўленне. Можна сцвярджаць, што ў плане фразеалогіі Мацей Мышка застаецца гаспадаром у тэксце. Гэта надзвычай важна. Таму што, як вядома, літкансультант Ільінскі, які чытаў рукапіс, дасланы М. Гарэцкім з Вяткі, раіў пісьменніку «изложить добросовестно, исторически точно увиденное литературным языком» [1, с. 146]. Аднак М. Гарэцкі не пайшоў на такі крок, што яшчэ раз сведчыць пра ўсвядомлены выбар пісьменнікам апавядача ў «Віленскіх камунарах».

Часам будова сказаў у рамане, асабліва ў яго пачатку, стылізаваная пад апавядальную інтанацыю казак – яны ж некалі, ля вытокаў жанру, менавіта раскаваліся: «засталася бабуля з маленькім сынам адна, як былінка ў полі», «і служыла ў гаспадыні Махлярчыка парабчанка», «і аддала яна яго вучыцца ў школу» [4, с. 20–36], «людзі ў хмялю бываюць розныя: хто плача, а хто скача, хто смяецца, а хто б’ецца» [4, с. 26]. Як і ўсе дэталі твора, такія канструкцыі ўжываюцца з пэўнымі мэтамі. Яны настройваюць рэцыпіента на ўспрыняцце апавядача-Мышкі як простага чалавека, прадстаўніка народа. Менавіта таму ў мове Мацея столькі народных выслоўяў.

Нярэдка Мацей Мышка проста канстатуе факты. І ў гэтай канстатацыі ёсць непрывакая аўтарская ацэнка: «[...] і ў задачках былі польскія купцы, ехалі яны польскімі мілямі, прадавалі польскае сукно, на польскія злотыя. Апавядаў сёе-тое з гісторыі, і ўсе польскія круглі і гет-

маны білі і маскалёў, і казакаў, і туркаў, і татараў, і немцаў, а іх ніхто ніколі не біў...». Галоўны персанаж не робіць адкрыта высноў наконт уласнай вучобы ў студэнта, які жыў у Будзіловіча, не дае ніякіх ацэнак, але мы адчуваем іронію.

Змены ў нарацыі Мышкі адбываюцца адначасова са зменамі ў яго характары. У фрагментах, дзе вядзецца гаворка пра складаньня галодных часу ў Вільні, калі людзі паміралі ад голаду, Мацей Мышка паўстае перад намі іншым чалавекам, і гумар, што ўвесь час ішоў поруч з героем, знікае ў гэты момант з яго аповеду. Жыццё робіць Мышку сталым, сур’ёзным: «чалавек можа памерці з голаду проста ад слабасці, на хаду. І гэта мяне напалохала. Я пачаў баяцца, каб не здарылася так і з маёю маткаю» [4, с. 194]. Параўнаем гэта з тым, як Мышка распавядаў на пачатку твора пра смерць бабулі: «Яна там качалася, скорчылася, сцямнела, як зямля, і ўвечары, акуратна вытрымаўшы тэрмін, была гатова ісці рассыпацца прахам на новыя формы» [4, с. 33]. Калі ідзе расповед пра смерць маленькага Напалеона, Мышкавай маці, пра няшчасце з Яняй, трапныя народныя выслоўі знікаюць з мовы апавядача. Аднак гэта не з’яўляецца падставай назваць твор рэквіемам, як тое зрабіў А. Адамовіч [1, с. 156]. Усё ж у творы ў апаведзе Мышкі дамінуе аптымізм. Хоць, канешне, для кожнага асобнага эпизоду абіраецца найбольш прыдатны спосаб падачы інфармацыі пра падзеі, адпаведна пэўнай сітуацыі.

Важна адзначыць, што «ў класічнай спадчыне М. Гарэцкага смехавая культура пэўнага кшталту (варта назваць яе традыцыйнай смеху скрозь склэзы, сублімацыяй болю) выявілася надзвычай выразна – як адметная, сфарміраваная самой гісторыяй рыса беларускага нацыянальнага характару» [7, с. 51]. Увогуле, даследчыкамі неаднаразова падкрэсліваўся талент М. Гарэцкага-гумарыста.

У цэлым, у творы меркаванні Мышкі-апавядача часцей за ўсё суправаджаюцца якраз гумарам: «Папрасіла яна паказаць ёй Вільню і зацягнула на Замкавую гару, як д’ябал пана Езуса» [4, с. 119]; «Ой, як успомню яе грэцкую кашу з свежаю свінінаю, са скваркамі, што сала аж цякло [...] – дык і цяпер мне смачна робіцца! Я еў, нават без сораму многа еў, бо хацеў есці, але мужам яе быць так і не згадзіўся» [4, с. 122]; «А Болесь выцягнуўся па-кавалерску, узяў Юзіну ручку, як дарагую святыню, плаўна апісаў галавою дугу і цмокнуў з благавеннем, як ксёндз у абраз» [4, с. 292–293]; ці іроніяй: «Суд цягнуўся, як на тыя часы, не сказаць, каб доўга: так, прыблізна гадкоў восем...» [4, с. 25]; «Было ж гэта ў самым пачатку нямецкае акупацыі, калі вілянчане не паспелі яшчэ дысцыплінавацца на нямецкі лад» [4, с. 146]; «Дожджык павінен сыпац-

ца з січечка на галаву, а ён не сыплецца. А калі, нарэшце, пасыплецца, дык або такі гарачы, што і галава аблезе, або такі сцюдзёны, што і вар'ят апрытомнее. Але акуратны немец акуратна рэгулюе – хвілін 5-10» [4, с. 160]; «– Хутчэй, хутчэй, рускія свінні! – ласкава жартуючы, падганяе немец з гадзіннікам на руцэ» [4, с. 160]; «Кармілі нас вельмі далікатна: каваю з жалудоў» [4, с. 161]. У дадзеных прыкладах іронія бясспрэчная, і яе можа ўбачыць кожны чытач. Наяўнасць гэтага мастацкага прыёму ў дадзеных урыўках дае нам ключ да разумення ўсяго тэксту, дае падставу задумацца над многімі эпізодамі рамана, ці няма іроніі і там. Іронія як прыём заўсёды робіць больш аб'ёмнай свядомасць персанажа, яна ўводзіць у тэкст водгалас свядомасці аўтара.

Калі ідзе гаворка пра публічныя лекцыі, што чыталіся віленскай беларускай інтэлігенцыяй, Мацей Мышка дае такую характарыстыку Алаізе Пашкевіч: «Цётка (жонка Кейрыса) з аднаго боку – дужа моцна кранае струны рабочага сэрца, а з другога боку – і яна не-не ды і ўдарыцца ў нацыяналізм беларускі» [4, с. 149]. Мышка адмоўна ставіцца да нацыяналізму і так кажа пра яго: «Аднак жа нацыяналізм некаторых правадыроў знаходзіў тады свой водгук і ў некаторых рабочых, што бліжэй стаялі да гэтых правадыроў. Вядома, калі арганізм кволы, а ліпучая хвароба да яго блізка, дык яна ўжо прыліпне...» [4, с. 150]. Аднак у прыведзеных прыкладах няма ніякіх указанняў на тое, што пункт гледжання персанажа-апаведача, Мышкі, супадае з пунктам гледжання аўтара або, тым больш, М. Гарэцкага.

На нашу думку, нельга пагадзіцца са словамі Д. Бугаёва, быццам «Гарэцкі лічыць магчымым папракнуць яе (Цётку – І. Ч.) за беларускі нацыяналізм» [2, с. 169]. З выказвання даследчыка вынікае, што аўтар «Віленскіх камунараў» змяніў сваё стаўленне да дзейнасці Цёткі, што было «звязана з непасрэдным уздзеяннем на пісьменніка вульгарна-сацыялагічных канцэпцый тагачаснай крытыкі» [2, с. 169]. Але не М. Гарэцкі, а апавядач Мацей Мышка папракае ў творы Алаізу Пашкевіч.

Ідэалагічныя пункты гледжання аўтара і апаведача разыходзяцца ў кантэксте з выказваннем Ліцкевіча ў час рамовы з Цёткай: «Я – рабочы. Я – інтэрнацыяналіст. Дзе я працую – там маё ўсё». Тым больш, што гаворыць ён гэта «трошку жартаўліва, трошкі насмешліва, а трошку нібы і з нейкаю захаванаю крыўдаю» [4, с. 152].

Заўважым, што ўстаноўка на непрамае маўленне ў рамана выяўляецца таксама праз перадачу слоў іншых персанажаў. Невыпадкова ў той час, калі галоўны персанаж выбраў для сябе жыццёвую сцэжку камуніста, Болесь перадае яму словы свайго дзядзькі, які казаў: «Але падумай, –

кажа, – цёмныя рабочыя будуць нам кіраваць? Недарэчнасці!», «А ведаеш – што рабочым Польшча? За місу поліўкі яны трыкраты адракуцца ад яе» [4, с. 242]. Хоць сам Болесь так пракаментываў пачутае ад дзядзькі: «трэба дараваць старому яго апалітычнае невуцтва і слепату», – ён усё ж «паглядаў на мяне (Мацея Мышку – І. Ч.): як я адношуся да яго апавядання».

У пэўныя моманты мы бачым «чыстага» Мышку – без двухсэнсоўнасці-двухгаласасці, якую надаваў яму час ад часу – то больш, то менш – аўтар: «І чаго толькі не плёў ён на Савецкую Расію і на бальшавікоў!» [4, с. 246].

Аднак вось якія выказванні, што прагучалі на сходзе, успамінае Мацей Мышка: «Галоўнае, на што ён напіраў у канцы свае прамовы, – гэта што ўсё роўна бальшавізм у Расіі скончыцца агульнаю разнёю, тады ўмяшаюцца іншыя дзяржавы і навядуць парадак, а рускі мужык і рабочы павінен будзе заплаціць ім за тую «дапамогу» вялікую кантрыбуцыю» [4, с. 246–247]; «Нейкі прыезджы з Варшавы рэдактар нейкага хадэцкага «рабочага» журнальчыка, востранькі, як спіца, гаварыў павучоному і найбольш даводзіў, што бальшавікі зусім не інтэрнацыяналісты, а тыя ж маскалі, кацапы, і што пад іх уладаю можна будзе гаварыць толькі па-руску» [4, с. 247]; «Цэлы век маскаль быў маскалём, а то раптам абвесціўся збаўцаю чалавецтва!...» [4, с. 247]; «А бальшавікі хочуць, каб усе кветкі страцілі свой прыгожы прыродны колер, каб пабляклі ўсе ў адзін шэры, нудны, аднастайны тон...» [4, с. 248]. Мяркуем, што ў гэтых словах якраз выяўляецца ідэалагічны пункт гледжання аўтара. Такое смелае, катэгарычнае слова выразна вылучаецца ў агульнай моўнай плыні рамана.

Тут неабходна звярнуцца і да асобы самага пісьменніка, да яго біяграфіі. Вядома, мы не можам адназначна сцвярджаць, што ў вышэй прыведзеных словах выявілася пазіцыя М. Гарэцкага (а не толькі аўтара – унутрытэкставай інстанцыі). Тым не менш, варта ўзгадаць кнігу Радзіма Гарэцкага «Ахвярую сваім «Я»», дзе надрукаваны пратаколы допыту І. Мішуткіна і П. Першынай, якія сталіся асноўнай падставой для пакарання пісьменніка ў 30-я гг. У дакуменце пададзены наступныя словы І. Мішуткіна (сам І. Мішуткін пасля заявіў, што ніколі такіх паказанняў не даваў): «Советское правительство и партия сами чувствуют, что они будут свергнуты, но народу об этом сказать бояться», «Хотя коммунистическая партия и надеется на сознательность народа и заявляет, что народ предан партии, но это не верно. Я уверен, что большинство народов СССР против партии...» [5, с. 63] (гэтыя словы ў

дакуменце прыпісваюцца М. Гарэцкаму – І. Ч.). Апрача таго, галоўным доказам «віны» М. Гарэцкага паслужылі наступныя сведчанні П. Першынай (зноў жа адзначым, што П. Першына сцвярджала ў 50-я гг., што не была знаёмая з пісьменнікам і такіх паказанняў не давала): «...Горецкі заявіў: «Праздника для трудящихся нет, праздник для коммунистов и руководителей советской власти, которые живут за счёт трудящихся. Коммунисты обвиняют фашистов в терроре, а сами невинных людей расстреливают пачками, искусственно пришивают ярлык вредителей и шпионов» [5, с. 64]. Ніхто не можа зараз з упэўненасцю сказаць, што было на самай справе: ці давалі І. Мішуткін і П. Першына такія паказанні, ці прамаўляў М. Гарэцкі такія антысавецкія выказванні. У свой час дачка пісьменніка, Галіна Гарэцкая, імкнулася дабіцца пасмяротнай рэабілітацыі бацькі, даказаць, што ўсе абвінавачванні супраць яго былі сфальсіфікаваны. І. Мішуткін і П. Першына адмаўляліся ад паказанняў, якія ім прыпісваліся. Можна меркаваць, што менавіта жаданне паспрыяць рэабілітацыі М. Гарэцкага ў часы хрушчоўскай «адлігі» было матывацыяй для змены паказанняў з боку сведкаў абвінавачвання. Як бы там ні было, але мы зараз з упэўненасцю можам сцвярджаць толькі адно: калі М. Гарэцкі і прамаўляў прыведзеныя вышэй словы – гэта не «віна» яго, а наадварот – прарочы дар і прадбачлівасць чалавека-інтэлектуала.

У рамане «Віленскія камунары» пра ўсю недарэчнасць і камізм Мышкавага камуністычнага гарту сведчыць такі прыклад: калі ўсе чакалі, што адчыніцца Савет, у Мацея Мышкі дзядзька запытаў: «Добра?». Галоўны герой адказаў: «добра», хоць думаў так пра сябе ў той момант: «Я не ведаю, што «добра»: ці наогул справы нашы добрыя, ці зала добра прыбрана» [4, с. 259].

Прыгадаем словы з пратакола допыту П. Першынай: «Затем Горецкий в разговоре о выборах Верховного Совета в ноябре м-це сего года заявил мне: «Вы, коммунисты, ради только своего авторитета затеяли безцельные выборы (арфаграфічныя памылкі ў дакуменце – І. Ч.), все равно, кто был в правительстве, тот и останется»» [4, с. 259]. І хоць Р. Гарэцкі адзначае: «Як вядома, у ноч з 3 на 4 лістапада Максім Іванавіч быў арыштаваны. Калі ж гэта ён паспеў у гэтым жа месяцы мець гаворку з Першынай аб выбарах у Вярхоўны Савет?», тыя словы стасуюцца з наступнымі выказваннямі ў рамане: «Або нам большасць у прэзідыуме, або мы зусім не ўваходзім у прэзідыум!», «За папраўку былі ўсе, апрача камуністаў. [...] І заявіў, што кампартыя пашле тэлеграму без папраўкі», «Не толькі пра тарыбу ці пра якую там беларускую раду ніхто і не ўспамінаў, але нават і польская буржуазія нібы сцерла-

ся, зліняла перад магутнасцю рабочае сілы!» [4, с. 260–267]. Ужо ў тыя часы бальшавікі імкнуліся кіраваць усім, кантраляваць усё, і ў творы гэта падкрэсліваецца. Персанаж-апавядач адзначае: «Неўспадзеўкі для мяне, камфракцыя не згаджалася дапусціць у прэзідыум прадстаўнікоў іншых партый, апрача прадстаўнікоў Бунда і сацыял-дэмакратаў-інтэрнацыяналістаў... Мушу прызнацца, што пазіцыя камфракцыі здалася мне спярша як бы крыху нейкім гвалтам над правамі іншых партый – настолькі яшчэ быў я тады наіўны і палітычна слабаразвіты» [4, с. 260]. «Палітычная слабаразвітасць» успрымаецца намі як іронія, якой «змякчаецца» такі смелы погляд на рэчы.

У «Віленскіх камунарых» не застаецца па-за ўвагай нацыянальнае пытанне. Мышка канстатуе: «Адно што – на беларускай гутарцы камуністычнай літаратуры тады яшчэ не было, і гэта яго засмучала» [4, с. 232]. У творы сустракаецца шмат выказванняў, якія можна лічыць папярэджаннем: «Усе яны найбольш палохалі голадам, чразвычайкаю і ігралі на нацыянальным пытанні» [4, с. 248]. Мышка распавядае пра хударлявага панка, хату якога спалілі, дачку давялі да вар'яцтва толькі з-за таго, што ён паляк; таксама – пра эсэра з літоўскім акцэнтам, які «даводзіў штосьці аб незалежнасці Літвы» [4, с. 264] і крычаў, што «Чырвоная Армія – руская акупацыйная армія!..» [4, с. 263].

А якая відавочная іронія ў дыялогу Мышкі з бацькам, калі Мацей прыцягнуў дахаты круглячок, бо не было чым паліць у хаце, і апраўдваецца:

– Сам, – кажу, – не ведаю, як гэта здарылася: ішоў па вуліцы, ляжыць бярвянцо без прыгляду, я і панёс. Мусіць, – кажу, – гэта ўва мне спадчына буржуазных ці бацькаўскіх заган... [4, с. 291].

Мышкава змаганне, што ўжо адзначалася даследчыкамі, выглядае даволі камічна. Персанаж спачатку не ўсведамляе ўсёй сур'ёзнасці барацьбы: «Помню, абуяла мяне радасць, што вось, не думаўшы, не гадаўшы, трапіў я, крыварукі, на вайну... І на такую, дзе і галавы не шкода: калі трэба, дык трэба!» [4, с. 307]. А далей Мышкаў энтузіязм паступова згасае: «Страляў я таму, што трэба было страляць» [4, с. 308], «было мне трохі жудка, што іх многа, а нас мала» [4, с. 311].

З гумарам паказваецца змаганне Мышкавага знаёмага слесара Х., які схапіў жалезны лом і хацеў бегчы біцца з панамі. Ці знаёмы А., што пабег на патруль з адным толькі ножыкам ды лаянкай. Нам тут бачыцца пародыя на тагачасныя творы з гераізацыяй чырвоных рэвалюцыянераў.

У «Віленскіх камунарых» цудоўна паказана, як выбар людзьмі партыі і палітычнай пазіцыі часам залежаў ад таго, дзе даюць талоны на ежу

(напрыклад, Плахінскі, ці Юзя, гатовая запісацца да немцаў, каб атрымаць прадукты).

У манаграфіі Д. Бугаёва знаходзім словы: «У адным з нядаўніх выступленняў давялося пачуць, нібыта пісьменнік (і якраз у «Віленскіх камунарах») паказаў заганнасць камуністаў, надоўга апярэдзіўшы ў іх крытыцы самога А. Салжаніцына. Але гэта ўжо з галіны новых міфаў, у якіх М. Гарэцкі менш за ўсё мае патрэбу» [2, с. 217]. Аднак праведзены намі аналіз сведчыць пра тое, што міф можа аказацца самай сапраўднай рэальнасцю, а якраз тыя інтэрпрэтацыі, якім раней давалі веры, – міфам.

Сам Мышка пасля сваіх запісаў падкрэслівае: «Дый хіба ж у лістах напішаш тое, што думаеш? Каб нейкі пан прачытаў ды згроб за шкірку... Дудкі! Мы ўжо трохі вучаны...» [4, с. 350]. Хіба гэта не намёк, не падказка чытачу?

Фармальна наратар, суб'ект маўлення, на працягу твора застаецца адзін, аднак ім выяўляюцца два суб'екты свядомасцей. Устаноўка на непрамае маўленне ў «Віленскіх камунарах» рэалізуецца найперш праз складаную сістэму перадачы пунктаў гледжання. Асабліваю ўвагу на сябе звяртаюць ідэалагічныя пункты гледжання персанажа-апаведача і аўтара (як унутрытэкставай інстанцыі) – яны не супадаюць, і гэта выяўляецца ў творы найперш праз іронію. Складаная сістэма апаведных інстанцый выкарыстоўвалася пісьменнікам для «зашыфроўкі» ідэй рамана: дзеля гэтага М. Гарэцкі зрабіў галоўным героем неадудкаванага чалавека з масы. Менавіта апавядач расказвае чытачу пра барацьбу за савецкую ўладу ў Вільні ў поўнай адпаведнасці з лозунгамі часу, якія Мышка бярэ на веру і шчыра агучвае – у сваёй «наіўнай» інтэрпрэтацыі.

Адназначнае прачытанне «Віленскіх камунараў» як лінейнага тэксту з адзінай (Мышкавай) ідэйнай пазіцыяй было прычынай трактовак гэтага рамана як узора савецкай гісторыка-рэвалюцыйнай прозы. Аднак аналіз ускладненай наратывнай будовы «Віленскіх камунараў» сведчыць пра наяўнасць у ім яшчэ адной ідэйнай пазіцыі, не менш моцна і паслядоўна выяўленай праз катэгорыю аўтара. Гэта пазіцыя цесна звязана з пазіцыяй самога М. Гарэцкага, чья ацэнка савецкай улады на момант напісання твора ў ссыльцы была надзвычай крытычная.

Літаратура

1. Адамовіч, А. Брану скарбаў сваіх адчыняю... / А. Адамовіч. – Мінск: Выдавецтва БДУ, 1980. – 224 с.

2. Бугаёў, Дз. Максім Гарэцкі / Дз. Бугаёў. – 2-е выд., выпр., дап. – Мінск: Бел. навука, 2003. – 239 с.

3. Виноградов, В.В. Проблема автора в художественной литературе / В.В. Виноградов // О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – С. 105–211.

4. Гарэцкі, М. Віленскія камунары. Раман-хроніка / М. Гарэцкі. – Мінск: Беларусь, 1965. – 356 с.

5. Гарэцкі, Р. Ахвярую сваім “я” ... (Максім і Гаўрыла Гарэцкія). / Р. Гарэцкі; Навуковы рэдактар М.І. Мушыньскі. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – 287 с.

6. Рагойша, В.П. Слоўнік-мінімум па літаратуразнаўству. // В.П. Рагойша – Мінск: БДУ, 2000. – 123 с.

7. Сінькова, Л.Д. Смехавое як пазнака нацыянальнага ў творах Максіма Гарэцкага / Л.Д. Сінькова // Беларускае літаратуразнаўства: навукова-метадычны зборнік / гал. рэд. Л.Д. Сінькова. – Вып. 6. – Мінск: БДУ, 2008. – С. 47–51.

8. Тюпа, В. И. Нарратологический анализ / В.И. Тюпа // Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – 3-е изд., стер. – Москва: Издательский центр “Академия”, 2009. – С. 300–328.

9. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

РАЗДЕЛ 8

Мова і текст у діалозі культур

Ірина Высоцкая

Новосибірський національний дослідницький
державний університет (Росія)

КОНЦЕПТ НОВОСТЬ В МАССОВОМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

СМИ принято называть «четвертой властью», поскольку их роль в современном мире достаточно велика. Уделом СМИ становится не столько интерпретация действительности, сколько формирование особого когнитивного пространства – так называемой «информационной, или медийной, картины мира».

Уникальность журналистского сообщества – в его незамкнутости, открытости, в широте тематического диапазона, в массовости аудитории, с которой оно взаимодействует, и, следовательно, в возможности трансляции неких профессиональных ценностей, представлений, стереотипов и «штампов», свойственных любому сообществу.

Тем заманчивей видится нам возможность сопоставления универсального, массового сознания и профессионального журналистского. Поводом для этой работы послужила реакция студентки 3 курса факультета журналистики НГУ, изучавшей словарные толкования слова новость и особенности его функционирования в языке: «Оказывается, бывают и хорошие новости!». Эта реплика позволяет утверждать, что уже к третьему году обучения в сознании студентов-журналистов складывается представление о новости как о чем-то негативном. Подчеркнем, что коннотативный компонент значения оказывается значимее ядерного компонента лексического значения, реализуемого корнем слова. Кроме того, для журналиста новость – это прежде всего краткое информационное сообщение, отличающееся повышенной актуальностью, переданное с помощью определенного канала информации, т.е. журналистское произведение. Основным является вторичное, причем специальное, значение.

Остановимся на словарных толкованиях слова, отражающих представления носителей языка, т.е. массовое сознание членов определенного языкового коллектива, универсальную языковую картину мира.

Заметим, что в словаре В. И. Даля толкование слова новость приводится в рамках словообразовательного гнезда с вершиной новый – без дифференциации разных значений: «Новость – качество, свойство нового, всего, что ново; новый случай, приключение; весть о нем, первое известие о чем-либо. По новости рубля этого видно, что он лежалый, не ходил по рукам. А слышали вы новость? Какие у нас новости в газетах? Мы здесь по-новости, недавно» [2, с. 1070].

В словаре Д. Н. Ушакова слову *новость* посвящена словарная статья:

1. *только ед. ч.* Что-нибудь ранее не бывшее известным, не употребившееся; новое изобретение, открытие. *Удушливые газы были новостью во время войны 1914 г. Новость в науке, в технике.*

2. То же, что новинка во 2 знач. *Новость сезона. Книжные новости.*

3. Недавно полученное сведение или сообщение. *Последние политические новости.*

4. *Отвлеченное существительное* к новый, то же, что новизна (разг.) *Новость дела. Новость работы*

5. В соединении со словами: *вот, вот еще, что за*. Восклицание по поводу чего-нибудь неожиданного и вместе с тем неуместного, неприятного, странного (разг.) *Это еще что за новость? Вот новости!* [6, с. 588].

Весьма примечательно второе значение (совпадающее со значением слова *новинка*) «товар нового сорта, новая вещь, недавно поступившая на рынок» [6, с. 586], отражающее коммерческий потенциал информации задолго до появления маркетинговых стратегий в сфере коммуникации.

В словаре С. И. Ожегова представлены три значения:

1. Нечто новое *Новости в технике. Книжные новости.*

2. Недавно полученное известие. *Узнать много новостей. Последняя, свежая новость. Приятная новость.*

3. То же, что новизна (устар.) *Новость впечатлений* [3, с. 416].

Сопоставление словарных описаний демонстрирует изменения в иерархии значений (это позволяет сделать косвенный вывод об изменениях в языковом менталитете): значение ‘качество, свойство’ устаревает, а значение ‘сообщение, известие’ перемещается с третьего места на второе. Показательно, что в словаре начала XXI в. именно это значение фиксируется под номером один: «Новость – только что, недавно полученное сообщение, известие. *Приятная новость. Завтра эта новость будет опубликована. Слышали последнюю новость? Газетные новости.* Здесь же – если слово употребляется только в форме множественного

числа: новости. О программе радио и телевидения. *Последние новости. Слушайте сводку новостей*» [1, с. 654].

Строго говоря, эта на основе этой дефиниции могут быть разграничены новость т.н. «бытовая» и «журналистская»:

1) недавно полученное сообщение, известие, некое актуальное событие, передаваемое коммуникантами друг другу: *А Мария Петровна наша померла, – сообщил он главную новость.* (Б. Екимов. Фетисыч // Новый Мир, 1996);

2) продукт журналистского труда, произведение с особой формой подачи: *Первоапрельская выдумка журналистов стала, что редко бывает, реальным розыгрышем – новость перепечатывали, был читательский резонанс.* (М. Рожанский. Имперский воск. Семь историй из жизни иркутских памятников // Неприкосновенный запас, 2010).

Впрочем, неразграничение оправдано позицией реципиента, которому важнее сам факт новости, а не источник информации. Противопоставление бытовой и журналистской новости актуально не для массового, а для профессионального сознания, для создателей новостей, участников медиапроизводства.

С целью выявления универсального и специального в мыслительном содержании концепта *новость* в выпускной квалификационной работе бакалавра ФЖ НГУ М. А. Ерфиловой проведен ассоциативный контролируемый психолингвистический эксперимент с продолженной реакцией (март 2013 г.). По мнению исследователей, ассоциация представляет собой стык сознательного с бессознательным [4, с. 134]. Ассоциативный эксперимент позволяет эксплицировать опыт индивида по концептуализации действительности с лексически определенным носителем семантической проекции.

В эксперименте приняли участие две группы испытуемых. Первая состояла из 25 человек в возрасте от 20 до 40 лет, имеющих прямое отношение к сфере СМИ: студенты 4 курса факультета журналистики НГУ и новосибирские журналисты-практики, специалисты в сфере СМИ. Вторая группа состояла из 25 человек в возрасте от 20 до 40 лет, не имеющих специального образования и отношения к работе в СМИ, отделах по связям с общественностью и проч.

Эксперимент проходил в форме индивидуального опроса. Каждому испытуемому предлагалось в устной форме стимульное слово *новость*. Был определен оптимальный временной предел реагирования на стимул – одна минута, а также количество реакций: три. Было решено ограничить каждую из реакций отнесенностью к определенному морфологическому классу. В качестве первой реакции должно было выступать

существительное, с которым ассоциируется слово *новость*. В качестве второй – атрибут новости, т.е. прилагательное или причастие. В качестве третьей – глагол-предикат (с тем условием, что в данном случае новость выступает в качестве субъекта действия). В ответе допускалось использование соответствующих словосочетаний.

Задания формулировались следующим образом:

С чем ассоциируется слово *новость*? Назовите существительное.

Какая бывает новость? Назовите прилагательное / причастие.

Что делает новость? Назовите глагол.

Проанализируем результаты эксперимента.

1. Первая ассоциация.

Среди ответов журналистов (первая группа испытуемых) преобладают профессиональные реакции (*работа, газета*), включая «материал» для создания новости (*событие, информация*), названия конкретных средств массовой информации (*логотип РИА-новости, Сиб.фм*) и свойства, присущие журналистским текстам (*скорость, оперативность*) – 22 единицы, что составляет 88 % всех ответов. Среди реакций также были выделены негативные субъективные оценки (*ложь, суета*).

Отметим, что одна из испытуемых, давшая реакцию *работа*, по окончании эксперимента заметила, что у нее было ассоциативно-визуальное восприятие концепта: испытуемая представила графическое оформление новостного текста в ленте интернет-издания.

Участники второй группы испытуемых дали реакции, связанные с журналистикой (*информация, событие, сенсация, интернет, телевизор, газета, СМИ*) – 11 из 25, что составляет 44 %. Однако среди них не было конкретных названий СМИ и свойств, присущих журналистскому производству. Большая часть ответов относится к «бытовому» восприятию концепта *новость*, включая синонимы (*весть, известие, происшествие*), указание на источник информации (*«В контакте», соседка*) и эмотивные реакции (*радость, испуг, сплетня, знание*).

2. Атрибуты новости.

Участники первой группы испытуемых подбирали определения, относящиеся в большей степени к журналистской новости, описывали свойства текста, а именно: небольшой объем (*краткая*), скорость и частотность выхода публикаций (*оперативная, свежая, горячая, срочная, летящая на крыльях, очередная*), актуальность (*актуальная*), содержательность (*информативная, интересная*), отнесенность к определенной рубрике / тематике (*политическая*). Таких реакций – 18 из 25, что составляет 72 %. Отметим, что реакция *краткая* повторилась пять раз, а реакция *оперативная* – три раза, из чего можно сделать вывод, что в

сознании журналистов эти два свойства новости имеют наибольшую важность. Также заметим, что реакция *летящая на крыльях* вербализует отношение к новости как к одушевленному предмету. Оставшиеся ответы можно отнести к категории эмотивных реакций (*страшная, плохая, яркая, позитивная*), большинство из которых выражают негативную оценку.

Участники второй группы испытуемых в большей степени оценивали новость с точки зрения эмоционального восприятия события (*хорошая, приятная, неожиданная, сногшибательная, плохая, негативная*). Заметим, что в целом большинство оценок положительные – реакция *хорошая* повторилась 7 раз, *плохая* – 3 раза. Определения новости в журналистской трактовке также присутствуют и отражают содержательность (*интересная, полезная, занимательная, содержательная*), актуальность (*актуальная, сенсационная*), отнесенность к рубрике / тематике (*политическая, криминальная*) – 11 реакций из 25, что составляет 44 %. Отметим, что участники второй группы не называли определений, характеризующих небольшой объем, скорость и частотность выхода публикаций.

3. Новость как деятель.

Участники первой группы испытуемых в первую очередь обратили внимание на функции новости как текста для потребителя (*информирует, просвещает, помогает быть в курсе событий, формирует картину мира, оповещает*, здесь же – *отвлекает, развлекает*). Во второй категории оказались действия новости как текста для производителя (*приносит трафик, работает, выходит, появляется, висит*). Общий объем реакций на новость в журналистской трактовке составил 20 ответов из 25, что составляет 80 %. Только один из испытуемых дал ответ, относящийся к бытовой трактовке новости: *происходит*. Оставшиеся реакции – эмотивные, преимущественно негативные (*пугает, раздражает, бесит, вызывает эмоцию*).

Участники второй группы испытуемых также обращают внимание на функциональность новости (*информирует, рассказывает о событиях, просвещает, расширяет кругозор, повествует, сообщает, несет новое*) – 11 из 15, что составляет 44 %. Эмотивная палитра немного шире. Негативных оценок больше (*пугает, бьет по башке, раздражает, нервнует, бесит*), но есть и позитивные (*радует, веселит, удивляет, впечатляет, поднимает настроение*). Один из испытуемых отметил свойство новости как известия о происшествии (*разносит*). Среди ответов не было обнаружено действий новости как текста для производителя. И это – вполне ожидаемо в группе непрофессионалов.

Можно сделать вывод, что журналисты чаще делают акцент на профессиональной трактовке, воспринимают концепт *новость* в качестве текста, четко обрисовывая его функции, структуру, свойства. Опрошенные из первой группы имеют преимущественно нейтральное отношение к новостям, воспринимая их как «рабочий материал», продукт ежедневного труда. Большинство высказанных эмоций в адрес исследуемого концепта – отрицательные. В отличие от потребителей, производители оценивают *новость* как «нечто неприятное». Можно предположить, что такое положение вещей вызвано тем, что, во-первых, работа воспринимается журналистами как рутина, во-вторых, что специалисты в сфере СМИ имеют возможность наблюдать социальные процессы изнутри и не испытывать иллюзий. Совершенно непонятно, однако, каким образом реципиентам удается преодолеть негативизм создателей новостей. Неужели хорошие новости – только те, что не связаны с профессиональными СМИ? Не этим ли объясняется активность т.н. «народной» журналистики?

Интересно, что человеку подсознательно слово *новость* кажется позитивным, поскольку оно ассоциируется с периодом детства и связано с познанием мира. А потом благодаря негативному, как правило, жизненному опыту и СМИ, слово приобретает устойчивую негативную окраску. На это указывает израильский психиатр Ариель А. Став, цитируя Ламброзо – «лишь сумасшедшие и преступники ищут новостей» [5, с. 12].

Остается только предполагать, распространится профессиональная деформация на потребителя или же, пережив болезнь «чернухи», журналисты учтут право целевой аудитории на позитивный контент. И это чрезвычайно серьезная проблема. Конфликт между подсознательным и сознательно-подсознательным может привести к формированию болезненного состояния, по определению Ариеля А. Става, своеобразного «новостного невроза» [5, с. 18].

Интересно также, что среди испытуемых первой группы встречается отношение к новости как к одушевленному существу, хотя именно они – создатели новости. Видимо, отношения творца и творения многоплановы и неоднозначны (вспоминается история Пигмалиона и Галатеи).

Представляется перспективным изучение других ключевых концептов журналистики.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.

2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Т. 1: А – О. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 1280 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русск. яз, 1990. – 921 с.
4. Сигал, К.Я. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях / К. Я. Сигал, Н. М. Юрьева; отв. ред. В.А. Виноградов; Рос. Акад. Наук, ин-т языкознания. – М.: Ключ-С, 2009. – 240 с.
5. Став, А.А. Информационная структура новостного ядра / А. А. Став // Информационные технологии. – Цельмон: Цельмон, 2007. – С. 3–20.
6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: в 4-х т. – Т. II: Л – ОЯЛОВЕТЬ. М.: ОГИЗ, 1938. – 1040 с.

Жанна Глотова

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(Калининград, Россия)*

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО ФОНА ТЕКСТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В рамках переводоведения переводческий процесс осмысливается как многоаспектное явление, при котором сопоставляются не только языковые формы, но и языковое видение мира, ситуации общения, а также широкий круг экстралингвистических факторов, определяемых общим понятием культуры. В настоящее время проблемы перевода принято рассматривать «не только как билингвистичные, но и биокультурные» [4], так как в процессе перевода происходит взаимодействие представителей двух лингвокультурных общностей, обладающих разным мировосприятием и определенным фондом культурного наследия – фоновыми знаниями, морально-этическими нормами, речевыми привычками. С такой точки зрения, текст перевода можно назвать «репрезентантом оригинала в условиях другого языка и другой культуры» [5]. Соответственно, для реципиента удачным переводом будет считаться текст, который отличается от текста родной ему культуры и дает ему возможность ощутить уникальность двух культур.

Как известно, правила построения каждого текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает. Одна из его особенностей заключается в том, что он напрямую связан с культурой, так как насыщен множеством культурных кодов и хранит информацию обо всем, что составляет содержание культуры. Текст представляет собой «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, определенные ассоциации»

[2]. Поэтому применительно к процессу восприятия и интерпретации инокультурного текста следует иметь в виду, что затруднения при понимании свидетельствуют об ином его качестве для представителей другой культуры. Однако не культура сама по себе влияет на результат понимания инокультурного текста, а то ее проявление, которое реализовано в сознании читателя. Инокультурный текст требует знаний культурологического плана, соответствующих его неязыковой основе, так как за языковой сложностью текста нередко стоит сложность понимания образа мыслей другого народа.

В ходе сопоставительного анализа текстов, функционирующих в различных лингвокультурных общностях, можно обнаружить наличие в них культурно окрашенных единиц. Они по праву могут считаться национальным феноменом, так как их обычно называют «безэквивалентной лексикой». Такая лексика достаточно легко опознается, в ней нагляднее всего проявляется специфика расчленения действительности данным языком и специфика его культуры. К ней относятся единицы одного из языков, которые не имеют эквивалентов среди единиц другого языка, в том числе лакуны и реалии. В лингвистической науке существует большое количество определений лакун, позволяющих охарактеризовать это явление с разных сторон. Лакуна представляет собой «отсутствие единицы в одном языке при ее наличии в другом языке» [3]. Однако при лингвокультурном анализе текста лакуны необходимо понимать более широко, как «сигналы специфических реалий, специфических процессов и состояний, противоречащих узуальному опыту носителя того или иного языка (культуры)» [1]. От лакун нужно отличать реалии, основываясь на том принципе, что реалии наблюдаются в языке оригинала, а лакуны – в языке перевода.

Традиционно реалиями называются слова, «обозначающие предметы и явления действительности одной культуры, не имеющие соответствий либо обозначений в другой культуре» [4]. Реалии наглядно демонстрируют проникновение в язык элементов культуры, а их присутствие в тексте придает ему национальный колорит.

Основными трудностями, с которыми неизбежно сталкивается переводчик при передаче реалий, в научной литературе называют отсутствие в переводном языке соответствия реалии, а иногда и обозначаемого реалией объекта, и необходимость передать, наряду с предметным знанием реалии, ее национальную окраску. В практике перевода используются следующие способы передачи иностранных реалий на язык перевода: транскрипция и транслитерация, неологизм (калькирование, освоение,

семантичны неологізм), прыбліжаны пераход (родо-відовае саответствіе, функцыянальны аналог, апісальны пераход, кантэкстуальны пераход).

Каждый способ имеет свои достоинства и недостатки. Например, при транскрипции/транслитерации точно передается звуковая/графическая форма реалии, но не содержание, что не всегда позволяет раскрыть ее смысл. С одной стороны, данный недостаток всегда можно компенсировать с помощью сносок, раскрывающих значение реалии, а с другой стороны – частое обращение к сноскам может отрицательно сказаться на восприятии текста. Введение неологизма желательнее для сохранения содержания и колорита переводимой реалии, так как путем создания новой единицы иногда удается добиться почти такого же эффекта. Однако данный способ считается наименее употребительным по той причине, что творцом языка редко является отдельный автор. Путем приближенного перевода обычно удается передать предметное содержание реалии, но колорит почти всегда теряется, так как происходит замена ожидаемого коннотативного эквивалента нейтральным словом или словосочетанием.

Безусловно, применение того или иного приема на практике ограничивается различными факторами (необходимость или необязательность передачи колорита, ориентирование текста на определенный круг читателей/слушателей и т.д.), от которых в конечном итоге зависит выбор способа перевода.

Показательна также зависимость выбора приема перевода реалии от опыта переводчика и его знания о получателе текста. Это в большей степени касается перевода реалий, имеющих регулярные соответствия в языке перевода. Как правило, смысловое содержание реалий выступает на первый план, так как переводчику необходимо обеспечить предельную ясность текста перевода и его доступность читателю, сохранив определенную долю национально-культурной специфики.

Итак, знание особенностей культур и языков является важным условием перевода как акта межкультурной коммуникации. Особенности национальной культуры, представленные в языке в виде безэквивалентных единиц, являются специфическим компонентом знаний, необходимых для успешного перевода. Анализ данных единиц позволяет судить о способах поведения культур в процессе контакта между ними, а также сравнивать эти культуры и получить нужные сведения для понимания особенностей языковой картины мира, существующей в той или иной лингвокультурной общности.

Літаратура

1. Антипов, Г.А. Текст как явление культуры / Г.А. Антипов. – Новосибирск: Наука, 1989. – 194 с.
2. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
3. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Истоки, 2003. – 59 с.
4. Томахин, Г.Д. Перевод как межкультурная коммуникация / Г.Д. Томахин // Перевод и коммуникация. – М.: Ияз РАН, 1996.
5. Чернов, Г. В. Чем текст перевода отличается от оригинального текста / Г.В. Чернигов // Перевод и коммуникация. – М.: Ияз Ран, 1996.

Дзмітрый Дзятко

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка

ПРАФЕСАР С. Р. БАРХУДАРАЎ І БЕЛАРУСЬ

Другая сусветная вайна стала цяжкім выпрабаваннем для ўсёй сістэмы народнай адукацыі Беларусі. Падчас акупацыі многія вышэйшыя навучальныя ўстановы спынілі сваю дзейнасць, а асобныя працягвалі падрыхтоўку спецыялістаў у эвакуацыі. Так, у адпаведнасць з пастановай Саўнаркама СССР ад 15 мая 1943 года на станцыі Сходня пад Масквой пры актыўнай падтрымцы Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава аднавіў сваю працу Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.

Пасля вызвалення савецкімі войскамі тэрыторыі Беларусі адным з першых пачаў працаваць у сталіцы Мінскі дзяржаўны педагагічны інстытут імя А. М. Горкага. Першапачаткова ў яго склад уваходзілі факультэты мовы і літаратуры (рускае і беларускае аддзяленні), замежных моў, гістарычны, педагагічны, бібліятэчны факультэты і настаўніцкі інстытут. Перад БДУ, МДП і іншымі вышэйшымі навучальнымі ўстановамі была пастаўлена складаная задача ў спісільны тэрміны забяспечыць падрыхтоўку высокакваліфікаваных выкладчыцкіх і настаўніцкіх кадраў.

У канцы 1940-х – 1950-я гады значную ролю ў аднаўленні акадэмічных структур, а таксама вышэйшай філалагічнай адукацыі ў Беларусі адыгралі вядомыя лінгвісты і педагогі М. В. Бірыла, М. Г. Булахаў, Н. Т. Вайтовіч, М. І. Гурскі, А. І. Жураўскі, М. А. Жыдовіч, М. І. Жыркевіч, Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Наркевіч, Я. М. Рамановіч, М. Р. Суднік, М. Я. Цікоцкі, Л. М. Шакун, Ф. М. Янкоўскі і інш. Аднак адразу пасля вайны кваліфікаваных спецыялістаў, якія б маглі кіраваць падрыхтоўкай кандыдацкіх дысертацый і арганізоўваць навуковую дзейнасць, катастрофічна не хапала, таму нярэдка ў саюзныя рэспублікі запрашалі на пра-

цу аўтарытэтных вучоных з Масквы, Ленінграда, Кіева і іншых буйных гарадоў. У прыватнасці, у Мінскі дзяржаўны педагогічны інстытут былі запрошаны прафесар С. Р. Бархудараву (РСФСР) і – некалькі пазней – прафесар Я. В. Лоя (ЛатССР).

Імя выдатнага савецкага лінгвіста члена-карэспандэнта Акадэміі навук СССР Сцяпана Рыгоровіча Бархудараву добра вядомае не толькі прафесійным даследчыкам-мовазнаўцам. Звыш 35 гадоў менавіта «па Бархудараву» вывучалі рускую мову ў школах Расіі, на аснове яго падручніка ствараліся многія пакаленні падручнікаў для школьнікаў іншых савецкіх рэспублік.

Сцяпан Рыгоровіч нарадзіўся 7 сакавіка (па старым стылі) 1894 года ў армянскай сям’і ў Баку. Пасля заканчэння ў 1917 годзе славянскага аддзялення гісторыка-філалагічнага факультэта Петраградскага ўніверсітэта па прадстаўленні акадэміка А. А. Шахматава быў пакінуты пры кафедры рускай мовы для падрыхтоўкі да навуковай дзейнасці, пазней – у складаныя для навукі пастрэвалюцыйныя часы – выкладаў у камерцыйным вучылішчы пры Пуцілаўскім заводзе. З 1920 года С. Р. Бархудараву актыўна займаўся навукова-педагогічнай працай у вышэйшых навучальных установах і навукова-даследчых арганізацыях: ён выкладаў у Ленінградскім дзяржаўным універсітэце, Азербайджанскім дзяржаўным універсітэце, Маскоўскім дзяржаўным універсітэце, працаваў у Інстытуце рускай мовы Акадэміі навук СССР.

Навуковыя інтарэсы С. Р. Бархудараву адрозніваліся шырынёй і шматвектарнасцю: ён паспяхова распрацоўваў праблемы параўнальна-гістарычнага мовазнаўства і гісторыі рускай мовы, граматыкі, арфаграфіі, пунктуацыі, метадыкі выкладання рускай мовы як роднай і як другой мовы народаў СССР. Сцяпан Рыгоровіч рэдагаваў папулярныя ў навукова-педагогічным асяродку часопісы «Русский язык в школе» (1938–1946), «Русский язык в национальной школе» (1957–1960, 1964–1972). Акрамя таго, С.Р. Бархудараву – адзін з найбольш вядомых савецкіх лексіграфіаў-практыкаў: ён быў адным з кіраўнікоў манументальнага 17-томнага «Словаря современного русского литературного языка» (1948–1965), уганараванага ў 1970 годзе Ленінскай прэміяй, галоўным рэдактарам II тома і старшынёй рэдкалегіі III і IV тамоў, галоўным рэдактарам «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (выпускі 1–6, 1975–1979).

Пэўную навуковую цікавасць прафесар Бархудараву праяўляў да вывучэння беларускай культуры і беларускай мовы. Яшчэ падчас Другой сусветнай вайны ён кансультаваў аўтараў беларускай граматыкі, за што

быў узнагароджаны знакам «Выдатнік Наркамасветы». Відаць, менавіта гэтыя навукова-адміністрацыйныя кантакты паспрыялі таму, што ў красавіку 1946 года кіраўніцтва Мінскага дзяржаўнага педагогічнага інстытута імя А.М. Горкага даслала прафесару Бархудараву ліст за подпісам дырэктара М.В. Макарэвіча, у якім Сцяпан Рыгоровіч запрашаўся на пасаду прафесара кафедры рускай мовы. Ініцыятыва, верагодна, зыходзіла ад тагачаснага загадчыка кафедры Спрынцы Львоўны Рохкінд.

Адзначым, што ў пасляваенны час інстытут быў вельмі дрэнна ўкамплектаваны навукова-педагогічнымі кадрамі вышэйшай кваліфікацыі. Так, на кафедры рускай мовы ў 1944 годзе толькі адзін выкладчык меў кандыдацкую ступень, а на кафедры беларускай мовы кандыдатам навук (прычым, педагогічных) быў толькі загадчык А.С. Карзон.

Прафесару прапаноўвалі прыняць кіраўніцтва двума аспірантамі, кансультаваць 6 выкладчыкаў інстытута, якія рыхтаваліся да здачы кандыдацкага мінімуму і працавалі над дысертацыямі. Акрамя таго, С.Р. Бархудараву прасілі заняцца арганізацыяй навукова-даследчай працы кафедраў рускай і беларускай моў і прачытаць спецкурс па мове для студэнтаў-пераддыпломнікаў літаратурнага факультэта. У папярэднія гутарцы з С.Л. Рохкінд прафесар Бархудараву даў сваю прынцыповую згоду на перыядычныя прыезды ў Мінск для працы ў інстытуце [2, л. 3].

У зваротным лісце С. Р. Бархудараву пісаў: «Дырэктару Мінскага педынстытута тав. Макарэвічу. У адказ на Вашу зычлівую прапанову ад 18 красавіка гэтага года паведамляю, што я згодны прыняць кіраўніцтва аспірантамі кафедры рускай і беларускай моў, а таксама арганізацыю навукова-даследчай працы кафедры (кансультацыю выкладчыкаў, пастапоўку навукова-метадычных дакладаў на кафедры і г.д.).

Спадзяюся, што з наступнага навучальнага года ў мяне атрымаецца прачытаць спецкурс і кіраваць семінарам на IV курсе літфака. Застаюся са шчырай павагай, праф. С. Р. Бархудараву. М., 22/IV-46 г.» [2, л. 2].

З 1 мая 1946 г. Сцяпан Рыгоровіч пачаў працаваць на пасадзе прафесара кафедры рускай мовы на поўную стаўку з акладам у 4000 рублёў. Сваю фактычную дзейнасць у МДПІ прафесар Бархудараву пачаў на некалькі месяцаў раней – ён праводзіў кансультацыі з аспірантам М.Г. Булахавым.

Беларускія калегі давалі самыя высокія ацэнкі працы Сцяпана Рыгоровіча. Так, у сумеснай характарыстыцы навукова-педагогічнай работы запрошанага прафесара, падпісанай загадчыкам кафедры рускай мовы МДПІ С.Л. Рохкінд і загадчыкам кафедры беларускай мовы А.С. Карзонам, адзначаецца: «Пасля Айчыннай вайны, нягледзячы

на вялікую перагружанасць працай у Акадэміі навук СССР, прафесар Бархудараву С.Р. аказаў вялікую паслугу Мінскаму педагагічнаму інстытуту сваёй згодай кіраваць аспірантамі па мове і навукова-даследчай працай членаў кафедраў беларускай і рускай моў. Кіраўніцтва С.Р. Бархударова ажывіла працу кафедраў, не маючыя навуковай ступені рыхтуюць кандыдацкія дысертацыі або здаюць кандыдацкі мінімум.

Кожны прыезд С.Р. Бархударова ў Мінск прыносіць выключнае ажыўленне ў лінгвістычныя колы г. Мінска. На яго даклады сцякаюцца ўсе, хто цікавіцца пытаннямі сучаснай лінгвістыкі. Акрамя таго, С. Р. Бархудараву выступае з кіруючымі дакладамі па лінгвістыцы для работнікаў Інстытута літаратуры і мовы Акадэміі навук БССР. Вучоны-бальшавік, чалавек вялікай эрудыцыі, знаходзіць таксама час выступаць з вельмі важнымі метадычнымі і навуковымі дакладамі па мове для настаўніцтва г. Мінска» [2, л. 8].

Відаць, прафесар Бархудараву, і сапраўды быў нячастым госцем у Мінску. Пра гэта сведчыць асабовая справа яго аспіранта М. Г. Булахава, у якой захоўваецца некалькі заяў, датаваных 1946 і 1947 гадамі, з просьбамі аб прадастаўленні службовых камандзіровак у Маскву і Ленінград «да свайго навуковага кіраўніка прафесара Бархударова С.Р.» [1, л. 16, 28].

Кіраўніцтва інстытута з выключнай павагай аднеслася да піцёрскага гасця, які нягледзячы на ўсе аб'ектыўныя складанасці, відаць, імкнуўся працаваць адказна і з максімальнай аддачай. У выніку Вучоны савет МДПІ 5 чэрвеня 1947 года вылучыў кандыдатуру члена-карэспандэнта Акадэміі навук СССР намесніка дырэктара Інстытута рускай мовы АН СССР і дырэктара Ленінградскага філіяла гэтага ж інстытута С.Р. Бархударова ў склад дзеючых членаў Акадэміі навук Беларускай ССР. Папярэдне пытанне заслухоўвалася на пасяджэннях кафедраў рускай і беларускай моў, дзе таксама было вырашана станаўча. Пасля пратакольнага абмеркавання ўсе 23 члены Савета падтрымалі ініцыятыву кіраўніцтва. Падставай для гэтага сталі значныя навуковыя заслугі С.Р. Бархударова на ніве даследавання разнастайных праблем гісторыі і сучаснага стану рускай мовы, яго значная вучэбна-метадычная і грамадска-палітычная праца ў Беларусі, а таксама шчырая зацікаўленасць прафесара ў развіцці беларускай культуры і падрыхтоўцы нацыянальных лінгвістычных кадраў.

Аднак занятасць і неабходнасць частых паездак у Мінск вымусілі С. Р. Бархударова хадаінічаць аб змяншэнні вучэбнай нагрузкі па кафедры рускай мовы з 1 верасня 1947 г. на 1/2 стаўкі прафесара. З 1 верасня

1948 г. Сцяпан Рыгоравіч увогуле перайшоў на пагадзінную аплату, у хуткім часе актыўнае супрацоўніцтва спынілася.

Асноўным вынікам навукова-педагагічнай працы прафесара Бархударова ў Мінску стала падрыхтоўка ім некалькіх буйных спецыялістаў у галіне славістыкі.

Так, пад яго кіраўніцтвам у даволі сціслыя тэрміны завяршыў кваліфікацыйнае даследаванне М.Г. Булахаў. У водзыве навуковага кіраўніка адзначаецца: «Тав. М.Г. Булахаў выдатна закончыў увесь свой кандыдацкі мінімум, нягледзячы на яго даволі шырокі аб'ём. Напісаў амаль палову сваёй дысертацыі і заканчвае другую палову. Спадзяюся, дысертацыя будзе добрая. Паколькі тэрмін аспірантуры тав. Булахава сыходзіць у сакавіку месяцы, то, натуральна, ён зможа абараніць сваю дысертацыю на некалькі месяцаў пазней пасля заканчэння аспірантуры. 4/II-49 г.» [1, л. 51].

На пасяджэнні Вучонага савета Інстытута мовы, літаратуры і мастацтва АН БССР 7 чэрвеня 1950 года пры аднагалосным тайным галасаванні М.Г. Булахаву была прысуджана вучоная ступень кандыдата філалагічных навук за працу «Исследование лексики Д.И. Писарева («Реалисты»)». На гэтым жа пасяджэнні кандыдатам навук стаў і другі аспірант Бархударова М.І. Гурскі па выніках абароны даследавання «Сложные синтаксические конструкции с подчинительными союзами што и каб в современном белорусском литературном языке».

Увогуле хацелася б адзначыць, што ў сучасным грамадстве недаравальна мала ўвагі надаецца пытанням гісторыі навукі, у тым ліку і мовазнаўства. Разам з тым, даўно наспела патрэба канцэптуальнага асэнсавання існуючых навуковых кірункаў у іх рэтраспектыве – з улікам не толькі канкрэтных навуковых фактаў (праектаў, публікацый, дысертацыйных работ), але і прычын гэтых фактаў, а таксама іх вынікаў. Вырашыць гэтую складаную задачу можна выключна праз даследаванне канкрэтнага ўкладу ў тэорыю і практыку лінгвістыкі, зробленага найбольш аўтарытэтнымі айчыннымі і замежнымі вучонымі.

Літаратура

1. Архіў Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка. – Ф. 746. – Воп. 1. – Адз. зах. 14.
2. Архіў Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка. – Ф. 746. – Воп. 1. – Адз. зах. 19.

Ольга Заикина

Волгоградский филиал НОУ ВПО

«Институт профессиональных инноваций» (Россия)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА К. Г. ПАУСТОВСКОГО (на примере номинаций источников света)

Язык К. Г. Паустовского по праву можно назвать «алмазным». Так богато, ярко, образно и поэтично о русской природе писали немногие. В произведении «Далекие годы» Паустовский размышлял: «С русским языком можно творить чудеса. Нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, что нельзя было бы передать русским словом. Звучание музыки, спектральный блеск красок, игру света, шум и тень садов, неясность сна, тяжкое громоыханье грозы, детский шепот и шорох морского гравия. Нет таких звуков, красок, образов и мыслей – сложных и простых, – для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения». Рассмотрим особенности стиля и языка К. Г. Паустовского на примере языковой картины источников света в творчестве писателя.

Изучив способы номинации небесных светил, мы пришли к выводу, что излюбленным приемом К.Г. Паустовского являются сравнение и метафора, основанные на вторичной лексической номинации, то есть «использовании уже имеющихся в языке средств в новой для них функции наречения» [3, с. 129]. Формирование смысла нового наименования протекает либо под непосредственным воздействием смыслового содержания другого наименования, либо опосредовано через «предшествующее» значение слова, те или иные признаки которого играют роль внутренней формы, переходя в новое смысловое содержание. Связь с семантикой знаков первичной номинации поддерживается двойной референцией слова, употребленного в переносном значении. «Это выражается в том, что в языковом сознании большинства членов культурно-языкового сообщества такое слово соотносится с двумя предметами мысли: первичным, основанном на предметно-перцептивном познании действительности, и вторичным – продуктом ассоциативно-символического мышления» [1, с. 13]. При этом, как справедливо замечает ученый, «при вторичной номинации первичный предмет знакообозначения полностью не исчезает», а «остается как бы на втором плане и, создавая эффект «совмещенного видения двух картин», обеспечивает переносному словоупотреблению метафорическую образность».

Метафоры и сравнения принято классифицировать в соответствии с особенностями их содержания [2, с. 21]. Одним из направлений се-

мантической классификации метафор является описание способов выражения основного и вспомогательного субъектов сравнения. Проанализировав возможные способы выражения вспомогательного субъекта сравнения, мы пришли к выводу, что в основу сравнения кладется или сопоставление с самими источниками излучения, или со светом, отражаемым либо продуцируемым им. Семантические признаки, свойственные источникам света, и, соответственно, вспомогательному субъекту метафоры, образуют параметр сопоставления. К таким признакам можно отнести форму, цвет, блеск, движение и функцию.

По признаку формы, круглой или серповидной, луна, месяц и солнце в творчестве Паустовского сравниваются с плодами, головными уборам, шаром, орудиями труда. Например: «Над путями всходила луна – оранжевая и зрелая, как исполинский апельсин» («Приморские встречи»); луна по округлой форме и цвету сравнивается со зрелым апельсином), «Она [музыка] ... звала за собой в ту страну, где никакие горести не могли охладить любви..., где солнце горит, как корона в волосах сказочной доброй волшебницы» («Корзина с еловыми шишками»); солнце по круглой форме и блеску уподобляется короне волшебницы); «В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами» («Теплый хлеб»); венец – украшение округлой формы, которое носят на голове), «Раскаленный шар солнца опускался в редкий сосновый лес за рекой Саном» («Беспокойная юность»).

Вспомогательным субъектом сравнения при обозначении ночного светила серповидной формы очень часто выступают серп и рог: «... заброшенные дороги – в их колеях, налитых дождем, отражался в сумерках серп месяца, – этот удивительный воздух и всегда немного печальные русские закаты» («Повесть о лесах»), «Молодой нежный месяц, будто забытый жницей серп, лежал на синем пологе ночи» («Шиповник»); месяц в первой четверти, имеющий серповидную форму, сравнивается с серпом для жатвы); «Несмотря на ясное утро, в небе еще висел тонкий рог месяца» («Пробуждение моря»); месяц серповидной формы – рог животного). Заметим, что метафоры и сравнения с лексемами *рог* и *серп* являются общеязыковыми и самыми частотными в сфере наименований луны и месяца, например: серп поднебесный (лунный /Вяч. Иванов, М. Цветаева/, холодный, волшебный, серебристый /А. Ахматова, М. Цветаева/). Проиллюстрируем на примерах: «Вонзились шпоры в увлажненный мох: Лежат неподвижно, и месяца рог Над ними в блистанье кровавом» (А. Пушкин), «Тонкий рог луны купал свои стрелы в черной воде Тетерева» (И. Бабель).

В языковой картине мира К. Г. Паустовского лучи света уподобляются жидкости, которой может быть вода, мед. Проиллюстрируем данное утверждение: «Медуница пахла так сильно, что солнечный свет, затопивший рязанские дали, казался жидким медом» («Золотой лить»; солнечный свет по цвету, блеску и консистенции напоминает потоки меда), «Выцветшая ночь разливала по каюте свет, как бледную воду» («Озерный фронт»). По форме и характеру блеска с каплей воды в творчестве К.Г. Паустовского часто сравниваются звезды: «На золотеющем краю неба горела, как капля серебряной воды, последняя звезда» («Шиповник») или «Едва заметно, будто капли серебряной воды, блестили первые звезды» («Последний фронт»). Заметим, что сравнение с медом и с каплей являются типичными для русских поэтов и писателей. Сравним: «И серп поднебесный желтеет, чем липовый мёд» (А. Ахматова) или «и в черной чаще небосвода / как золотая капля мёда, / сверкает сладостно луна» (В. Набоков).

По характеру блеска, цвета и прозрачности источники света часто сопоставляются с драгоценными камнями, металлами и украшениями. Золото выступает вспомогательным субъектом сравнения в сопоставлениях с луной, месяцем, солнцем: «Они [косяки журавлей] уверенно и мерно шли на юг, где солнце играло трепещущим золотом в затонах Оки...» («Наедине с осенью»), «Сумрак ночи еще лежал над городом. Но в окнах слабой позолотой уже занимался северный рассвет» («Корзина с еловыми шишками») или «Над пустошами, над порубками и болотами поднималась заржавленная луна» («Озерный фронт»; луна по цвету сравнивается с ржавым железом).

Довольно частотным параметром сравнения выступает оценка. Например: «Ты как солнце, – говорил ей Григ. Ты – белая ночь с ее загадочным светом. Ты – счастье, ты – блеск зари» («Корзина с еловыми шишками»; женщина сравнивается со светом сразу нескольких источников излучения) или «В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами» («Теплый хлеб»; луна – невеста).

Достаточно часто в русском языке, особенно в творчестве отдельных художников слова, источники света (по ряду различных признаков) сравниваются с живым существом, которым может быть человек, птица, животное, насекомое, какое-либо мистическое существо. В творчестве Паустовского излюбленной анималистической метафорой является сравнение с насекомыми, а именно с пчелами. Например: «Первая звезда задрожала и остановилась в небе, как золотая пчела, растерявшаяся от зрелища осенней земли, плывущей под ней глубоко и тихо» («Черное море»), «Звезды медленно роились над головой» («Разливы рек»;

скопление звезд на небе напоминает писателю рой пчел), «Дым звезд роился над береговыми утесами» («Черное море»). Сравнение звезд с пчелами можно назвать традиционным в русском литературе, сравним: «Гляньте-ка, гляньте-ка, ребята, – раздался вдруг детский голос Вани, – гляньте-ка на божьи звездочки, – что пчелки роятся!» (И. Тургенев «Бежин луг»).

Нередко в языковой картине мира К. Г. Паустовского свет и блеск одних источников излучения передается через уподобление с другим. Мотивационный ряд выглядит следующим образом: луна, месяц сравниваются со звездами, лампой, лампадой, метеором, свечой, факелом; звезды – с лампадками, маяками, свечками; солнце – со свечками. Проиллюстрируем данное утверждение: «Низко в небе вздрагивал огонь звезды» («Разливы рек»), «День быстро угасал. На смену ему шла тишина ночи со слабым заревом звезд» («Разливы рек»), «Щербатова вошла в избу, оставила открытой скрипучую дверь, и звездный свет сиял за дверью, как синяя голубая заря» («Разливы рек»). Кроме того, перед глазами наблюдателя проходит медленный процесс возгорания: сначала звезды, зори, луна дымятся, потом разгораются, пылают и полыхают пожаром. Например: «Дым звезд роился над береговыми утесами» (метафорический процесс возгорания звезд) или «... звездный свет сиял за дверью, как синяя голубая заря».

Как многие явления языка, метафора может быть описана с точки зрения ее внешней структуры, характера составляющих ее элементов: слова-параметра (которое также именуется агентом, термином сравнения) и слова-аргумента (опорное слово, синтаксически ключевое слово, микроконтекст).

Известна структурная типология метафор по наличию/ отсутствию опорного слова, предложенная Ю. И. Левиным, и классификация по количеству единиц носителей метафорического образа или по степени развернутости знака-носителя образа В. П. Москвина [2, с. 71].

По наличию / отсутствию опорного слова различают метафору-сравнение или замкнутую метафору, то есть единицу, в которой присутствуют и слово-параметр, и слово-аргумент, и метафору-загадку (незамкнутую метафору, по Ю. И. Левину, или симфору, по А. П. Квятковскому), отличающуюся от первого типа отсутствием опорного слова, которое выполняет функцию «отгадки». Как правило, носитель языка довольно легко воспроизводит опущенное слово в метафоре-загадке благодаря широкому контексту, окружающему ее, однако в ряде случаев умение расшифровать метафору зависит от интеллектуального уровня развития, жизненного опыта носителя языка.

В языковой картине мира К.Г. Паустовского метафора-сравнение очень частотна, составляет 90% от общего числа метафорических обозначений света. К примеру: «Дым звезд роился над береговыми утесами» (слово-параметр – дым, слово-аргумент – звезд), «Раскаленный шар солнца опускался в редкий сосновый лес за рекой Саном» (слово-параметр – шар, слово-аргумент – солнце).

По степени устойчивости связей между компонентами замкнутой и незамкнутой метафоры в языковой картине мира К. Г. Паустовского выделяются только свободные метафоры: рог месяца, серп луны (месяца), шар солнца, золото луны / солнца, фразеологизированные же, устойчивые метафорические перифразы (царица ночи / небес (о луне), небесные лампы (звезды), серп поднебесный (о месяце), розовая лента (о заре), о солнце – золотая колесница), нами не выявлены.

По количеству единиц-носителей метафорического образа, или в зависимости от степени развернутости знака-носителя образа, различают метафору простую, в которой всего одно слово является носителем метафорического образа, и метафору развернутую (или цепочку метафор), в которых носителем одного метафорического образа является группа тематически связанных слов. Для творчества К.Г. Паустовского, как показывает наблюдение, характерны как простая метафора, так и развернутая. К примеру: «... заброшенные дороги – в их колеях, налитых дождем, отражался в сумерках серп месяца, – этот удивительный воздух и всегда немного печальные русские закаты» («Повесть о лесах»; простая метафора, знак-носитель образа представлен одним словом – серп), «Несмотря на ясное утро, в небе еще висел тонкий рог месяца» («Пробуждение моря»; простая метафора, знак-носитель образа реализован в одной лексеме – рог), «Молодой, нежный месяц, будто забытый жницей серп, лежал на синем пологие ночи» («Шиповник»; образ ночного светила серповидной формы передается группой слов). По числу лексем-«звеньев», образующих метафорическую цепочку, можно выделить двучленные, трехчленные и т. д. метафоры. Например: «Сумрак ночи еще лежал над городом. Но в окнах слабой позолотой уже занимался северный рассвет» («Корзина с еловыми шишками»; пятичленная метафора) или «Она [музыка] ... звала за собой в ту страну, где ... солнце горит, как корона в волосах сказочной доброй волшебницы» (восьмичленная развернутая метафора).

По функции все рассматриваемые нами средства вторичной номинации являются образными. Данная метафора описывалась еще древними ораторами как принадлежность художественной речи, ее целью явля-

ется образное отражение действительности, образная интерпретация знакомых, привычных объектов, подчеркивание их индивидуальности. В этом случае объект обретает два наименования: прямое (первичное) и образное (вторичное), приглашающее к особому, как бы «удвоенному» видению мира. Образная метафора всегда индивидуальна, и исследуемый материал постоянно доказывает данное утверждение. Стоит только сравнить метафоры двух разных поэтов (а иногда и одного), и каждый раз мы будем видеть новый образ, индивидуальный и неповторимый.

Прямое наименование предметов и явлений действительности, как правило, не вызывает осложнений в процессе коммуникации, поскольку прямая лексическая номинация «есть всегда процесс обращения факторов действительности в знаки и достояние людей путем обращения факторов действительности в факты системы языка, в значения и категории, отражающие общественный опыт носителей языка» [4, с. 8]. Первичная лексическая номинация всегда нейтральна и самостоятельна. К примеру: «Далеко в разрыве мягких туч светило широкими лучами солнце», «От мелодических волн на облаках появилась легкая рябь. Сквозь нее светили звезды», «Мутные звезды светились в небе над Сивашом...».

«Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли», – К.Г. Паустовский.

Обобщая сказанное выше, представляется важным заметить, что обучение русскому языку как родному, так и иностранному необходимо проводить на основе лучших образцов русской прозы, автором которых является тонкий знаток русского языка К. Г. Паустовский.

Літаратура

1. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 392 с.
2. Москвин, В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация / В.П. Москвин. – Волгоград: Перемена, 1997. – 92 с.
3. Телия, В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация: Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 129–169.
4. Уфимцева, А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А.А. Уфимцева // Языковая номинация: Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 8–79.

Уладзімір Куліковіч, Анастасія Качан
Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

ВЫДАВЕЦКАЯ ТЭРМІНАЛОГІЯ НА СТАРОНКАХ «НАШАЙ НІВЫ» (1910–1911 гг.)

Тэрміналагічная каштоўнасць «Нашай нівы». Роля «Нашай Нівы» (1906–1914; 1920 гг.) як выдання, што фармавала і захоўвала нацыянальную самасвядомасць, неаспрэчная. Аднак значэнне газеты для беларускага дыскурсу выходзіць далёка за межы адно толькі «натхняльніцы нацыі». Нават паверхневы аналіз зместавага блока дазваляе сцвярджаць, што надзвычайна шырокае кола тэмаў рабіла выданне першакрыніцай для розных накірункаў думкі – як навуковай, так і побытавай. Шматвектарнасць рэдакцыйна-выдавецкай палітыкі, а таксама сацыяльныя ды палітычныя акалічнасці вывелі газету на ўзровень вышэйшы за той, што звычайна адводзіцца друкаваным медыям. Паводле ўступнага слова да першага тома «Слоўніка мовы «Нашай Нівы» (1906–1915)», газета «падсумавала ўсё найбольш істотнае ў беларускай нацыянальнай традыцыі і заклала трывалы падмурак беларускай літаратурнай мовы на жывой народнай аснове, акрэсліла шэраг тэндэнцый, якія вызначылі перспектыву яе далейшага развіцця» [3, с. 5].

Менавіта таму на матэрыялах «Нашай Нівы» можна адсочваць і фармаванне тэрміналагічнае базы беларускай мовы. Відавочна, што наяўнасць/адсутнасць пэўных тэрмінаў, а таксама характар іх ужывання, у сваю чаргу, дазваляе казаць пра стан адпаведнай галіны дзейнасці.

Поліфункцыянальнасць «Нашай Нівы» акрэслілася насамперш у межах такога складніка медыйнай мадэлі выдання, як зместавы блок. Газета друкавала не толькі публіцыстыку, але і творы мастацкае літаратуры, крытычныя агляды, значнае месца адводзілася рэкламе. Рэкламны блок знаходзіцца на мяжы зместавага і маркетынгавага складнікаў; да таго ж газета не проста рэкламавала выданні, а займалася іх выданнем і рэалізацыяй. Такі накірунак рэдактарскай палітыкі «Нашай Нівы» дае магчымасць прааналізаваць стан выдавецкае справы ў Беларусі цягам першага і часткова другога дзесяцігоддзяў XX стагоддзя.

Задача артыкула – выявіць і класіфікаваць тэрміналагічную лексіку выдавецкай справы, якая выкарыстоўвалася на старонках выдання.

Матэрыялам для даследавання ў межах дадзенага артыкула абранае факсімільнае выданне «Нашай Нівы» за 1910–1911 гг. Аб'ектам ёсць зместавы складнік медыйнай мадэлі газеты. Прадметам – тэрміны выдавецкай справы.

Тэрміналогія выдавецкай галіны амаль не даследавана ў беларускім мовазнаўстве. У мінулым стагоддзі падчас актыўнае працы над беларускай тэрміналогіяй (насамперш даследаванні Інбелкульту (выпускі «Беларускай навуковай тэрміналогіі», «Практычны расійска-беларуска слоўнік» (М. Байкоў), «Слоўнік граматычна-лінгвістычны» (Я. Лёсік)) спецыфічная лексіка друкарскай галіны разглядалася адно ў кантэксце збораў агульнанавуковых моўных адзінак. На сёння выдадзены толькі два адмысловыя слоўнікі «Слоўнік выдавецкіх і паліграфічных тэрмінаў: ангельска-беларускі, беларуска-ангельскі» [2] і «Слоўнік выдавецкіх тэрмінаў» [1]. Але яны, на жаль, не могуць прэзентаваць на поўнае апісанне беларускамоўнай тэрміналагічнай лексікі і маюць шэраг неадкладнасьцяў, якія варта выправіць пры перавыданні. Напрыклад, складальніку першага даведніка варта звярнуць увагу на арфаграфічнае афармленне тэрмінаў. Замест *аўдыёвізуальны* трэба пісаць: *аўдыявізуальны*; *даследванні*, *даследваць* – трэба: *даследаванні*, *даследаваць*; *менеджэр* – трэба: *менеджар*, *принтэр* – трэба: *принтар*; *сканэр* – трэба: *сканер*; *транслітэраваць*, *транслітэрацыя* – трэба: *транслітараваць*, *транслітарацыя*; *упакоўка блістэрная* – трэба: *упакоўка блістарная*. Выдаўцам, рэцэнзентам другой лексікаграфічнай працы неабходна таксама быць уважлівымі да арфаграфіі тэрмінаў (*рэзюме* – трэба: *рэзюмэ*, *мітэль* – трэба *міталь*, *сааўтар*, *сааўтарства* – трэба *суаўтар*, *суаўтарства*) і да прынцыпаў адбору матэрыялаў. Напрыклад, сярод звестак пра выдаўцоў у слоўніку расказваецца толькі пра П. Мсціслаўца і Ф. Скарыну. А чаму б не ўключыць інфармацыю і пра Б. Ваявудку, С. Собаля, братаў Мамонічаў, М. Кухту, В. Цяпінскага, выдавецтва «Загляне сонца і ў наша аконца» і шмат іншых асобаў і ўстаноў, якія працавалі дзеля росквіту беларускага кнігадрукавання.

Мяркуем, што лексічная база «Нашай Нівы» можа паспрыяць больш грунтоўнаму аналізу ўжо існай тэрміналогіі і, магчыма, стацца асновай для ўвядзення ва ўжытак новых моўных адзінак слоўнага запasu выдаўца.

Спроба класіфікацыі тэрмінаў выдавецкай справы на матэрыялах «Нашай нівы». Улічваючы адсутнасць выразных крытэраў для класіфікацыі тэрмінаў выдавецкай тэматыкі, паспрабуем выбудаваць уласную сістэму размежавання тэрміналагічных адзінак: 1) асобы, звязаныя з стварэннем і распаўсюдам выданняў; 2) віды і тыпы выданняў; 3) знешнія і ўнутраныя элементы выдання; 4) тыпы і элементы тэксту; 5) адзінкі вымярэння друкарскай прадукцыі; 6) этапы выдавецкага працэсу; 7) друкарскае абсталяванне; 8) установы, звязаныя з выдавецкай справай.

Размежаванне тэрміналагічных адзінак, вылучаных з 104 нумароў газеты за 1910–1911 гг., акрэсленае ніжэй.

1. Назвы асобаў, звязаных з стварэннем і распаўсюдам выданняў. Група тэрмінаў, што абазначае асоб, звязаных з стварэннем і распаўсюдам выдавецкай прадукцыі, складаецца з 20 адзінак. Сярод іх: 1) асобы, што ставараюць тэксты (аўтары): *аўтор; бэлетрыст; журналіст; карэспандэнт; уласны карэспандэнт; літэратар; паэта і паэт; нясьняр; пісьменнік; рэпартэр*; 2) асобы, што спажываюць друкаваную прадукцыю: *чытацель і чытач; падпішчык; прыхільнік (газеты)*; 3) асобы, што ажыццяўляюць рэдакцыйна-выдавецкі працэс: *друкар; наборчык; рэдактар-выдавец; часовы рэдактар*; 4) асобы, што спрыяюць прасоўванню выдання: *скрэтар, агент*. Большасць тэрмінаў мае простую будову, адзін – складаную (*рэдактар-выдавец*), два – састаўную (*уласны карэспандэнт і часовы рэдактар*).

Насамперш звернем увагу на тэрмін, каторы абазначае так званых «агентаў». Продаж перыядычных выданняў, што не карыстаюцца падтрымкай дзяржавы, дзякуючы намаганням распаўсюднікаў з розных пунктаў краіны, стаўся традыцыйнай беларускай выдавецкай справы. А карані традыцыі можна пашукаць якраз у нашаніўскім перыядзе.

Яшчэ адна тэрміналагічная адзінка – «рэдактар-выдавец» – у беларускім дыскурсе ўпершыню таксама з’явілася на старонках газеты. Да сённяшняга часу дайшоў змест тэрміна, які ўкладаюць пераважна ў «выдаўца», а часам і ў «рэдактара» (паасобку).

Пра адкрытасць выдання замежнае публіцыстычнай практыцы сведчыць бытаванне трох сінанімічных на той час тэрмінаў: *карэспандэнт, журналіст, рэпартэр*. У звязку з уласнымі матэрыяламі нашаніўцы выкарыстоўвалі пераважна першае слова з шэрагу; тэрмін не быў выпадковым, ён акрэсліваў скіраванасць бальшыні публіцыстычных артыкулаў (самі матэрыялы часцяком называлі «карэспандэнцыяй»).

Што да мастацкай літаратуры, то тут «Наша Ніва», відаць, таксама запачаткавала традыцыю словаўжывання, дакладней, нават словаспалучэння. Але, на жаль, памылковага: карані ўсюдыісных «пісьменнікаў-і-паэтаў» варта, імаверна, шукаць тут. «Празаік» не сустраўся ні ў водным нумары за 1910 год, хоць «пісьменнікаў» было багата. Гэтаксама, як і «паэтаў» (далучым сюды і форму клічнага склона) ды «песняроў» (беларусы – нацыя паэтычная, як той казаў).

2. Назвы відаў і тыпаў выданняў. Група складаецца з 22 адзінак. Сярод іх: 1) адзінкі, што маюць дачыненне да ўсіх тыпаў і відаў прадукцыі: *выданне; штука; экзэмпляр*; 2) віды перыядычных выданняў: *газета;*

газета з рысункамі; казённая газета; гадавік; мясячнік; календар; сьценны календар; журнал; сатырычны журнал; альманах; нумэр; 3) кніжныя выданні: *кніжка і кніга; практычная кніжка; календар-кніжка; зборнічэк і зборнік; каталог*; 4) неперыядычныя ліставыя выданні: *брошура; лісток*. Паводле структуры большасць тэрмінаў мае простую будову; адзін – складаную (*календар-кніжка*); тры – састаўную (*газета з рысункамі; казённая газета; сатырычны журнал*).

Няцяжка паставіць побач тагачаснае «з рысункамі» і сённяшняе «ілюстраваны». Аднаведнікі навідавоку. А вось такі тып выдання, як «ілюстраваная газета», выклікае насамперш сумневы у правамернасці вызначэння, а пасля змушае задумацца: ці не страцілі мы нейкі самабытны тэрмін-гістарызм. Натуральна, на сёння газета без выяўленчага матэрыялу пазбаўленая канкурэнтаздольнасці. Але ў першым дзесяцігоддзі ХХ ст. тэрмін «газета з рысункамі» меў каштоўнасць і сэнс.

Звернемся да такой выразнай рысы тэрмінаў гэтай групы, як памяншальныя суфіксы: *кніжка, кніжачка, томік, зборнічэк*. Узнікае пытанне, ці варта акрэсліваць гэтыя словы як тэрміналагічныя адзінкі? Ці маюць яны адрознае ад «нязменшаных» тэрмінаў значэнне? Мяркуем, характар ужывання дазваляе вылучыць іх з кола «формаў» і перавесці ў сферу «самастойных лексемаў»: словы выражаюць не адценне замілаванасці ці іроніі, а сведчаць пра памер выданняў, шырэнню ахопленых тэм. Аднак у такім значэнні гэтыя тэрміны таксама маюць састарэлы характар (толькі тут ужо не гістарычны, а архаічны).

3. Назвы элементаў выдання. Група акрэсліваецца 13 адзінкамі. У гэтым ліку: 1) вонкавы элемент выдання: *акладка*; 2) унутраныя элементы выдання: а) складнікі блока ілюстрацыйнай інфармацыі: *рысункі; малюнкi*; б) элементы графічнай перадачы тэксту: *літэры; рускія літэры; лацінскія літэры; малыя літэры*; в) элементы структуравання тэкстаў у выданні: *прыдатак; addзел*; г) складнікі даведкавага апарату выдання: *прадмова; бібліографія*. Паводле структуры большасць тэрмінаў мае простую будову; тры – састаўную (*малыя літэры; рускія літэры; лацінскія літэры*).

4. Назвы відаў тэксту і яго элементаў. Група складаецца з 9 адзінак. Сярод іх: 1) элемент цела тэксту: *названне; заглавак*; 2) скіраванасць тэксту: *карэспандэнцыя і карэспандэнцыі; стацыя; перадавая стацыя і перэдавіца*; 3) стылёвая прыналежнасць тэксту: *публіцыстыка*; 4) від тэксту паводле знаходжання на пэўным этапе рэдакцыйна-выдавецкага працэсу: *рукапіс*; 5) від тэксту адносна моўнага афармлення: *арыгінальны; перакладны*. Паводле структуры большасць тэрмінаў мае простую будову; адзін – састаўную (*перадавая стацыя*).

5. Назвы адзінак вымярэння друкаванае прадукцыі. Група складаецца з 2 тэрмінаў. У гэтым ліку: *лінейка; запечатаны ліст*. Першы тэрмін мае простую структуру, другі – састаўную.

6. Назвы этапаў выдавецкага працэсу. Група акрэсліваецца 16 адзінкамі. У гэтым ліку: 1) этапы працы з выданнем на стадыі дадрукарскіх і друкарскіх працэсаў: *выходзіць; друкаваць; выйсці з друку; выдрукаваць; аддрукаваць; друкавацца; друкаванне; папраўка; у друку (быць); укладаньне*; 2) этапы працы з выданнем на паслядрукарскай стадыі: *прымаць падпіску; перэсылка; выпускаць (нумар)*; 3) этапы функцыянавання выдання: *закрыцца; аткрыцца*; 4) крыніцы паходжання матэрыялаў: *перэдрукавацца*. Паводле структуры большасць мае простую будову; два – састаўную (*выйсці з друку; прымаць падпіску*).

7. Назвы друкарскага абсталявання. Група мае адзін састаўны тэрмін: *друкарскі станок*.

8. Назвы устаноў і аб'яднанняў, звязаных з выдавецкай справай. Група мае 10 адзінак. Сярод іх: 1) прадпрыемствы для стварэння выдавецкай прадукцыі ды іх аддзелы: *выдавецтва і выдаўніцтва; рэдакцыя*; 2) установа друкарскага працэсу: *друкарня*; 3) установы, звязаныя з распаўсюдам выданняў: *кнігарня; агентура*; 4) установы, звязаныя з спажываннем выдавецкай прадукцыі: *бібліотэка і грамадзкая бібліотэка; чытальня*; 5) супольнасці, звязаныя з працаўладкаваннем літаратурных праектаў: *Беларуская Выдаўніцкая Суполка; літэратурны гурток і літэратурны кружок*. Большасць тэрмінаў мае простую будову, тры – састаўную.

9. Назвы аспектаў маркетынгававай палітыкі выдавецтва. Група мае 5 адзінак. Сярод іх: 1) назвы складнікаў эканамічнае дзейнасці выдавецтва: *кошт друку; газэтныя недахваты*; 2) назвы складнікаў распаўсюдніцкае дзейнасці выдавецтва: *шырыць (газету)*; 3) назвы перадумоў правядзення маркетынгававай палітыкі: *мэты (газеты); газетная практыка*. Большасць тэрмінаў мае простую будову, тры – састаўную.

10. Назвы навуковых дысцыплін, звязаных з выдавецкай галіной дзейнасці. Групу рэпрэзентуе адзін складнік, састаўны паводле будовы: *грамадзка-бібліотэчная справа*.

Выснова. Такім чынам, аналіз выдавецкай тэрміналогіі газеты “Наша Ніва” за 1910 год дазволіў вылучыць 10 груп. З іх найбольшую колькасць адзінак утрымліваюць наступныя групы: 1) назваў відаў і тыпаў выданняў; 2) назваў этапаў выдавецкага працэсу; 3) асобаў, звязаных з стварэннем і распаўсюдам выданняў. Найменшую колькасць ма-

юць групы: 1) назваў друкарскага абсталявання; 2) назваў навуковых дысцыплін; 3) назваў адзінак вымярэння друкарскае прадукцыі. Будова тэрмінаў пераважна простая.

Навідавоку наступнае: фармаванне беларускай выдавецкай справы ішло галоўным чынам за кошт руплівае працы энтузіястаў. Не маючы трывалай паліграфічнай базы, яны кшталтавалі беларускі выдаўніцкі рух, карыстаючы ўласныя, пераважна гуманітарна-філалагічныя веды. Асноўную ўвагу «нашаніўцы» надавалі стадыі дадрукарскай падрыхтоўкі выдання – тэрміналогія рэдакцыйна-выдавецкага працэсу выглядае найбольш развітай. Даволі шырокая палітра відавочнай класіфікацыі выданняў кажа пра тое, што «Наша Ніва» як асяродак беларускага адроджэння (а шмат у чым і нараджэння) не толькі давала імпульс з'яўленню новых мастацкіх жанраў, распаўсюджваючы беларускае паэтычнае дыялектнае слова, але і няспынна пашырала культуру выканання выданняў.

Далейшае даследаванне тэрміналогіі (паводле нумароў іншых гадоў выдання «Нашай Нівы») дазволіць з большай ступенню аб'ектыўнасці разглядаць фармаванне беларускамоўнай тэрміналагічнай базы выдавецкага накірунку.

Літаратура

1. Касцько, У. Слоўнік выдавецкіх тэрмінаў / У. Касцько. – Мінск: БДУ, 2012. – 130 с.
2. Слоўнік выдавецкіх і паліграфічных тэрмінаў: англ.-бел., бел.-англ. / Уклад. К. Санько; Навук. рэд. А. Зьмітровіч. – Мінск: Тэхналогія, 2003. – 93 с.
3. Слоўнік мовы «Нашай Нівы»: у 5 т. / Уклад. А.М. Анісім, І.Л. Капылоў, В.П. Лемцюгова, Г.К. Усціновіч; пад рэд. В.П. Лемцюговай. – Мінск: Тэхналогія, 2003. – Т. 1. : А–Д. – 624 с.

Евгения Лабыха

Белорусский государственный технологический университет

ПЕРЕВОДНЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ ЭМИЛИ ДИКИНСОН: СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА

Введение. Эмили Дикинсон, яркая представительница американского романтизма, оставила после себя большое поэтическое наследие, однако при жизни практически не печаталась. Об увлечении Эмили поэзией знал узкий круг ее друзей, но и они вряд ли догадывались о глубине этого увлечения. Можно без преувеличения сказать, что Э. Дикинсон в

поэзии существовала, даже ее письма – не проза, а стихотворения в прозе. Только после смерти поэтессы ее сестра Лавиния обнаружила в столе десятки переписанных набело стихотворений, скрепленных нитками в «тетради». К сожалению, тетради эти были разобраны, и сегодня невозможно установить, как Э. Дикинсон компоновала свои стихотворения.

Первый сборник стихотворений Эмили вышел в 1890 г., спустя четыре года после ее смерти. Изданием занимался Т. Хиггинсон, с которым Э. Дикинсон долгое время вела переписку, однако он отредактировал стихотворения, опасаясь, что публике не понравятся несовершенные рифмы и авторская пунктуация. Долгое время был неизвестен объем полного наследия поэтессы, пока, наконец, оно не было передано в Гарвардский университет, где его изучением и систематизацией занялся Томас Джонсон. Благодаря работе ученого была установлена датировка большинства стихотворений и с некоторой определенностью установлены варианты стихотворений, которые сегодня приняты в качестве основных текстов.

Первый сборник стихотворений Э. Дикинсон в переводе на русский язык вышел только в 1981 г., до этого отдельные стихотворения публиковались в сборниках переводчиков. В настоящее время известны переводы немногим более двухсот стихотворений (из почти 1800, написанных поэтессой).

Задача статьи – проанализировать содержание и структуру переводных поэтических сборников поэтессы американского романтизма Эмили Дикинсон.

Основная часть. Все анализируемые издания предназначены для массового читателя. В общем случае массовые издания помимо основного текста могут включать предисловие или вступительную статью, послесловие, примечания, комментарии. Все названные элементы входят в аппарат издания. Согласно СТБ 7.209–2008 аппарат издания – это совокупность элементов издания, призванных пояснить, растолковать основной текст, способствовать усвоению содержания вошедших в издание произведений, облегчить читателю пользование изданием, а также помогать его обработке в статистических, библиотечно-библиографических и информационных службах [7]. В. Степанов отмечает, что основная задача справочного аппарата массового издания – «познакомить читателя с произведением иноязычного автора» [8], откуда следует, что в таком издании отражение результатов фундаментального исследования будет излишним, главную роль получают комментарии. Тем не менее, историко-литературные реалии, имена, реминисценции

автора комментируются с большей полнотой в научно-массовых изданиях, чем в изданиях массового характера, что нелогично, поскольку читатель массового издания менее подготовлен, и для него нужны более полные объяснения.

Основной текст издания. В сборник издательства «Художественная литература» вошло 218 стихотворений в переводе В. Марковой. Внутри сборника стихотворения разделены по годам, однако в содержании это не отражено, что затрудняет поиск отдельных стихотворений. С другой стороны, это может быть свидетельством того, что составитель сборника В. Маркова предполагала его сплошное чтение.

Сборники издательства «Симпозиум» являются изданиями с параллельным текстом, т. е. содержат оригинальные тексты и переводы. В сборник 1997 г. вошло 95 стихотворений в переводах М. Бортковской, Л. Вагуриной, А. Глебовской, Г. Кружкова, Э. Линецкой, Н. Рябовой, Т. Стамовой, С. Степанова, Т. Чернышевской; в сборник 2000 г. – 157 стихотворений в переводах тех же авторов, что и в сборнике 1997 г., а также в переводах Н. Лебедевой и Т. Казаковой. В аннотации к изданию 1997 г. указано, что в сборник «вошли новые переводы, дающие адекватное представление о поэтике и философии Эмили Дикинсон» [2, с. 2]; в аннотации к изданию 2000 г. говорится, что «в настоящее второе издание... включено значительное количество переработанных и новых переводов» [3, с. 2]. Стихотворения в обоих сборниках не разделены на рубрики, в содержании указаны все стихотворения и их переводчики. Однако нигде не указано, по какому изданию печатаются оригиналы стихотворений, не указана их датировка.

В сборник издательства «ЭКСМО-пресс» вошли 210 стихотворений в переводах Л. Вагуриной, А. Величанского, А. Гаврилова, А. Голова, И. Грингольца, Т. Грингольц, М. Зенкевича, И. Кашкина, Г. Кружкова, А. Кудрявицкого, И. Лихачева, В. Марковой, И. Мизрахи, В. Прохорова, Т. Стамовой, В. Топорова, А. Шараповой. В аннотации отмечается: «В настоящем издании впервые собраны воедино лучшие переводы ее [Э. Дикинсон] стихотворений. Большая часть этих переводов хранилась в архивах и нигде не публиковалась» [1, с. 2]. Основной текст сборника состоит из разделов «Лирика» и «Приложения: Варианты переводов». Во второй раздел вошли 26 стихотворений, которые есть и в разделе «Лирика», но в других переводах. Также в сборник включены «Письма к Томасу Уэнтворту Хиггинсону», однако по непонятной причине они вошли в раздел «Лирика» и никак не выделены в содержании, что вероятно усложняет их поиск.

В сборник издательства «Радуга» вошли 189 стихотворений в переводе А. Гаврилова. Этот сборник также с параллельным текстом, стихотворения нумеруются по признанному каноничным собранию стихотворений Э. Дикинсон, подготовленному Т. Джонсоном в 1955 г. Источник оригинальных текстов и обоснование нумерации приводится в сноске под содержанием. В сборнике нет разделов, стихотворения следуют в хронологическом порядке.

Таким образом, в большинстве сборников отсутствует рубрикация, стихотворения располагаются в хронологическом порядке. Основным различием сборников является авторство переводов, а также наличие или отсутствие оригинальных текстов в изданиях.

Предисловие, вступительная статья. «Вступительная статья должна показывать творчество автора в контексте культуры. Она сообщает о мировоззрении автора, знакомит с его биографией, рассказывает об эволюции творчества, разъясняет его философские, эстетические и идейные истоки» [8]. «В предисловии отражаются цель и особенности данного издания, принципы его подготовки, структура, и т. п.» [4]. В случае переводного массового художественного издания в предисловии целесообразно рассказать об истории переводов конкретного автора, объяснить включение (или, наоборот, исключение) работ определенных переводчиков в издание. В некоторых случаях предисловие объединяет в себе элементы вступительной статьи и собственно предисловия, что можно считать допустимым для массового издания.

Сборник издательства «Художественная литература» открывается вступительной статьей авторства В. Марковой, которая является также составителем сборника и переводчиком всех вошедших в издание стихотворений. Вступительная статья ошибочно названа предисловием: на то, что это действительно вступительная статья, указывает тот факт, что в ней сделан упор на особенности поэтики Э. Дикинсон и судьбу ее творческого наследия, но ничего не сказано о структуре издания, принципах его подготовки и т. п.

Сборники издательства «Симпозиум» начинаются с предисловия «К читателю» А. Глебовской, которая принимала участие в составлении сборников, а также является переводчиком некоторых стихотворений. В предисловии кратко и образно дается картина жизни и творчества Э. Дикинсон, в предисловии ко второму изданию также обращается внимание на дополнения: «Со времени первого издания прошло три года. Все это время работа над переводами продолжалась, и состав книги значительно расширился. В частности, в нее вошли переводы Эльги Львовны Ли-

нецкой, найденные посмертно в ее архиве; чуткостью к Слову и трудолюбием души Эльга Львовна сравнима разве что с Эмили Дикинсон, и поэтому ее переводы нам особенно дороги» [3, с. 7].

Сборник издательства «ЭКСМО-пресс» открывается стихотворением А. Величанского «Белое платье Эмили Дикинсон», посвященным поэтессе, что сразу настраивает на лирический лад. Далее следует вступительная статья А. Кудрявицкого, составителя данного сборника, под заглавием «Посланье миру». В статье описывается творческий путь поэтессы и судьба ее стихотворений. Кроме того, указывается, по какому изданию принята нумерация стихотворений Э. Дикинсон, и сообщается, что данной нумерации придерживаются и в этом сборнике.

Сборник издательства «Радуга» начинается со вступительной статьи А. Гаврилова, чьи переводы составили русскоязычный основной текст издания, под заглавием «Эмили Дикинсон: Жизнь в творчестве». В статье переводчик и исследователь Э. Дикинсон обстоятельно описывает жизнь и творчество поэтессы, связывая их воедино.

Таким образом, в рассмотренных изданиях предисловия и вступительные статьи выполняют свои функции, хотя в сборнике издательства «Художественная литература» вступительная статья ошибочно названа предисловием. Также следует отметить, что во всех сборниках анализируемые элементы аппарата написаны людьми, тесно связанными с выпуском этих сборников (почти во всех случаях это составители).

Послесловие. «Послесловие – литературно-критическая статья или заметка, следующая непосредственно за произведением. Содержит пояснения к тексту, иногда сведения об авторе и истории создания» [5, с. 297]. Обычно в издание включают или предисловие (вступительную статью), или послесловие, но в некоторых случаях могут встречаться оба этих элемента справочного аппарата.

Из всех анализируемых изданий послесловие есть только в сборнике издательства «ЭКСМО-пресс». Это статья А. Кудрявицкого «Эмили Дикинсон в русских переводах», где кратко характеризуется история переводов стихотворений Э. Дикинсон на русский язык и указывается, чьи работы вошли в данный сборник.

Таким образом, данная статья вполне соответствует своему назначению. Размещение ее в конце издания объясняется наличием вступительной статьи, которую не стали перегружать сведениями о переводах.

Примечания и комментарии. «Примечания – краткие дополнения к основному тексту произведения, для его пояснения и уточнения. Принадлежат автору (авторские) или редактору, составителю, переводчику

(издательские)» [4]. «Комментарии – часть аппарата издания, в которой дается широкое толкование текста произведения в целом либо отдельных его фрагментов со стороны историко-литературной, историко-текстологической, издательской, когда необходимо помочь читателю понять текст во всем объеме и со всей глубиной, скрытой от обычного взгляда и требующей дополнительных знаний эпохи, исторических и литературных событий, литературы того времени» [6, с. 168]. Комментарии, относящиеся к фрагментам текста, как правило, идут рядом с примечаниями и не отделяются от них.

Из всех анализируемых изданий комментарии и примечания есть только в сборнике издательства «Художественная литература». Они объединены под общим заглавием «Комментарии». В общем комментарии к изданию объясняется авторская пунктуация, указано издание, по которому выполнены переводы. В примечаниях указывается первая строка стихотворения, к которому относится примечание (Э. Дикинсон не давала стихотворениям названий), страница, комментируемая фраза и само примечание. Если комментируется все стихотворение, строка не указывается. Пример примечания:

«Завидую волнам – несущим тебя...» (стр. 77). – *За все алмазы Писарро...* – Писарро Франсиско (ок. 1471–1541) – испанский конкистадор, завоевавший в 30-х годах XVI в. государство инков, находившееся на территории нынешней республики Перу в Южной Африке.

Таким образом, комментарии к сборнику издательства «Художественная литература» соответствуют требованиям и выполняют свои функции, поясняя текст в целом и объясняя фрагменты, которые могли быть непонятны читателю. Отсутствие комментариев в остальных изданиях следует отнести к недостаткам, поскольку в стихотворениях Э. Дикинсон встречаются слова и выражения, которые следует объяснить массовому читателю.

Заключение. Все исследуемые сборники определенным образом представляют творчество американской поэтессы Э. Дикинсон русскоязычному читателю. Однако, учитывая, что на русский язык переведена примерно 1/9 часть творческого наследия поэтессы, вряд ли пока можно говорить о полноте отображения ее творчества. Свою роль в этом сыграло и то, что стихотворения Эмили Дикинсон начали активно издавать только после ее смерти, что долгое время они были рассредоточены в разных местах, а полное собрание ее сочинений вышло только в 1955 году.

Следует отметить, что из всех исследуемых сборников комментарии разработаны только для одного издания. Составители остальных сбор-

ников ограничились вступительной статьей или предисловием, которые не могут в полной мере помочь читателю осмыслить творчество Э. Дикинсон, поскольку относятся ко всему сборнику в целом, а не к отдельным произведениям.

Наилучшим вариантом было бы включить в один сборник имеющиеся переводы стихотворений Э. Дикинсон или отобрать наиболее удачные варианты переводов и разработать комментарии и примечания, которые помогут читателю увидеть более полную картину творчества поэтессы американского романтизма.

Літаратура

1. Дикинсон, Э. Лирика / Эмили Дикинсон. – М.: ЭКСМО-пресс, 2001. – 381, [1] с.
2. Дикинсон, Э. Стихотворения = Poems / Эмили Дикинсон. – СПб.: Симпозиум, 1997. – 205 с.
3. Дикинсон, Э. Стихотворения = Poems / Эмили Дикинсон. – СПб.: Симпозиум, 2000. – 351 с.
4. Книга: энциклопедия / редкол.: И. Е. Баренбаум, А. А. Беловицкая, А. А. Говоров и др.; электрон. версия polygraphicbook.narod.ru. – М.: Большая Российская энциклопедия. – [Электронный ресурс]. 1998. – Режим доступа: <http://polygraphicbook.narod.ru>. – Дата доступа: 03.01.2014.
5. Литература и язык: современная иллюстрированная энциклопедия / гл. ред. проф. МГУ им. Ломоносова А. П. Горкин; науч. ред. чл.-кор. РАН П. А. Николаев, проф. М. В. Строганов. – Электрон. текстовые дан. (1 файл в формате DOC). – М.: РОСМЭН, 2006.
6. Мильчин, А. Э. Издательский словарь-справочник / А. Э. Мильчин. – М.: Юристъ, 1998. – 471 с.
7. СТБ 7.209–2008. Издания. Основные элементы. Термины и определения. – Введ. 2009–07–01. – Минск: Межгос. совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 2008. – 55 с. – (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу).
8. Степанов, В. Г. Теоретические основы редактирования переводной литературы: конспект лекций для студентов магистратуры по направлению 520700 «Книговедение» / В. Г. Степанов; Моск. гос. ун-т печати. – М.: МГУП – [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook114/01/title.htm>. – Дата доступа: 03.01.2014.

Антон Лавицкі

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
(Беларусь)

МЕДИАКОНЦЕПТЫ «СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР» И ВИТЕБСК В РЕГИОНАЛЬНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

В современной лингвистической науке заметно смещение исследовательских акцентов в сторону рассмотрения региональной специфики функционирования языкового пространства. В этой связи нам представляется актуальным изучение особенностей языковой репрезентации различных концептов в определенных территориальных границах. Особый интерес при этом вызывают концепты, имеющие региональное происхождение и являющиеся своего рода визитной карточкой отдельной территориальной общности. Для северного региона Беларуси с этой точки зрения хорошим примером можно считать концепт «Славянский базар», который связан с одноименным Международным фестивалем искусств, и концепт самого областного центра – Витебск.

Основываясь на теоретико-методологических исследованиях по лингвоконцептологии таких ученых, как Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин, А. Вежбицкая, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, В. А. Маслова, М. В. Пименова, И. А. Стерин и др., мы попытаемся в представленной работе верифицировать на практическом материале (крупнейшие печатные периодические издания Витебщины – «Витебский рабочий» (ВР), «Народное слово» (НС), а также «Витьбичи» (В)), гипотезу о том, что местные медиаиздания не только репрезентируют в своих материалах концепт, сформированный в языковом сознании региональной (территориально обусловленной) языковой личности, но и влияют на процесс приобретения концептом ценностно-значимых коннотаций.

В данной работе использовались следующие методы и приемы исследования: сравнительный, контекстуальный, структурно-смысловой, контент- и дискурс-анализы, метод сплошной выборки языкового материала, а также элементы математического анализа и моделирования, что позволяет в значительной степени продвинуться в вопросе рассмотрения общих принципов репрезентации концептосферы в системе функционирования журналистских стратегий и тактик воздействия региональных медиаизданий на массовую аудиторию.

Разработанный алгоритм научно-исследовательской деятельности на данной ступени изучения концептов «Славянский базар» и Витебск включает следующие этапы: 1) теоретическое определение основного

понятийного аппарата исследуемой проблемы; 2) изучение временных особенностей функционирования концептов в медиадискурсе региональных СМИ; 3) выделение ключевых коннотативных сегментов как структурных единиц смыслового контекста изучаемых концептов, представленных в публикациях местной прессы; 4) выявление важнейших лексем, репрезентирующих коннотативные сегменты.

Следуя намеченному плану, остановимся подробнее на основных категориях нашего исследования, требующих дополнительного разъяснения. К таковым следует отнести:

Региональная языковая личность (РЯЛ) как субъект исследовательского процесса. Вслед за А. С. Зубцовым РЯЛ понимается нами как «член территориально обособленного языкового коллектива, функционирующего в рамках данного дискурсивного пространства, обладающий регионально маркированными знаниями, представлениями, ценностными ориентирами и средствами их знаковой репрезентации, общими с другими членами данного общества» [1, с. 9]. С точки зрения вербально-семантической структуры речедеятельности РЯЛ характеризуется региональной маркированностью всех ресурсов языковой системы. «Регионализация» содержательного компонента языкового поведения в этом случае связана с естественными потребностями личности в установлении максимально комфортных коммуникативных условий жизнедеятельности в соответствии с общей социально-экономической, политической, духовной и т.д. обстановкой в конкретном регионе.

Следует понимать, что региональная специфика функционирования концептов выражается в языковой деятельности РЯЛ: во-первых, газетные тексты ориентированы на местного читателя, а во-вторых, их авторами являются региональные журналисты. То есть и автор, и адресат публицистического материала – это представители регионального языкового пространства. Отсюда следует, что формирование регионального концепта в массовом языковом сознании происходит в условиях речевой деятельности РЯЛ.

Медиаконцепт – это не просто модель соответствующего концепта, вербализованная в медийном пространстве, но и особый социокультурный феномен, сформированный во многом благодаря усиленному вниманию к нему со стороны СМИ. По нашим представлениям, существует два способа формирования концепта в сознании человека: естественный и целенаправленный, так как концептуализация представляет интегративный динамический процесс, соединяющий собственную активность психики субъекта, опирающуюся на индивидуальный опыт, имеющиеся

знания об объекте, и влияние целенаправленных внешних воздействий. Ключевым внешним фактором в многолетнем процессе приобретения культурно значимых коннотаций является воздействие периодических СМИ, чье влияние помогает концепту закрепиться в качестве отдельного сегмента коллективной концептосферы.

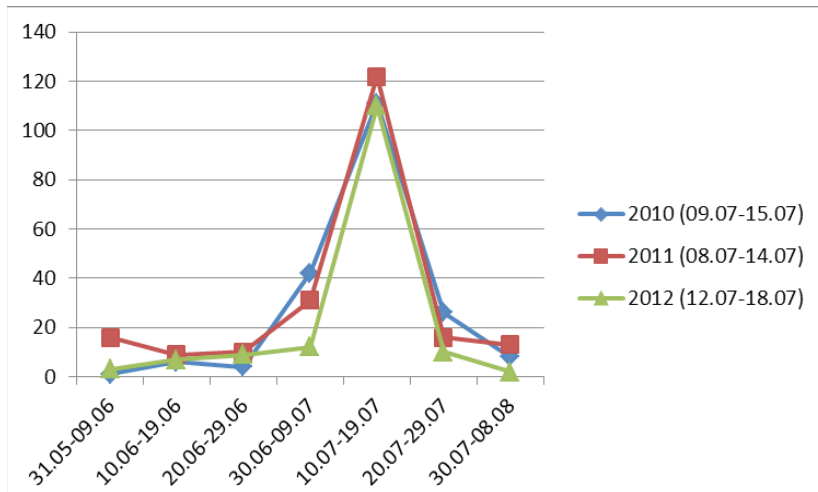
Сопоставительный анализ корпуса изученных медиаматериалов позволяет отметить, что синтез отдельных смысловых единиц концептов «Славянский базар» и Витебск в единый ментальный комплекс коммуникативного сознания РЯЛ генерировался именно в медиaprостранстве местных СМИ. Следовательно, представленные концепты можно рассматривать как отдельные единицы общей концептосферы публицистического дискурса.

Понимание концепта (медиаконцепта) личностью происходит на уровне отражения в его языковом сознании *коннотативных сегментов*, представляющих собой элементы, ассоциативно наполняющие содержательную структуру концепта. Коннотативные сегменты – это базовые элементы осмысления, возникающие у человека при обращении к определенному явлению (концепту). Так, например, в публикации в газете «Витьбичи»: на вопрос «Чем Вам запомнится фестиваль?» горожане отвечают: А) *...каждый год такое разнообразие мероприятий: концерты, «Город мастеров», выставки, праздничная торговля;* Б) *В этом году посетили «День молодежи», детский конкурс, «Сельские подворья». Сегодня планируем сходить на концерт «Танцуй до утра».* По нашему мнению, указанные мероприятия и события следует считать коннотативными сегментами концепта. Выделение коннотативных сегментов следует проводить по принципу частотности к их обращению в публикуемых материалах. В зависимости от личностного опыта, особенностей восприятия окружающей реальности коннотативные сегменты индивидуальны, однако в совокупности понимаются как единое и общее субстантивирование концепта в рамках определенной культурной и духовной общности.

В пространстве печатных СМИ значение коннотативных сегментов отражается в контекстуальной среде медиатекстов. При этом ключевое значение имеют *лексемы-репрезентанты*, составляющие общую полевую структуру коннотативной сегментации концепта. К таким элементам мы относим не только отдельные слова, имеющие ярко выраженное эмоционально-выразительное значение, но и словосочетания, крылатые выражения, фразеологизмы и другие языковые единицы, позволяющие определить чувственно-содержательное понимание коннотативно-

го сегмента, а соответственно и общее восприятие концепта в языковом сознании личности. Репрезентирующие лексемы создают особые интерпретационно-ассоциативные точки, формирующие для отдельных коннотативных сегментов содержательные стержни выражения личностных отношений к отдельным элементам окружающего мира. Функционально они способны не просто построить коммуникативно-ориентационную среду общего восприятия концепта в коллективном языковом сознании, но и указать на отдельные эмоционально-психологические особенности репрезентации концептосферы, так как включают в себя языковые единицы со значениями как положительной, так и отрицательной коннотации. Например, в материале интервью в газете «Народное слово», описывая впечатления об очередном культурном форуме, местные журналисты, работавшие на мероприятиях фестиваля, наряду с положительными отзывами (*вдохновение искусством, дружеские встречи, атмосфера творчества*), высказываются и негативно (*заорганизованный, идеологизированный, отсутствие экспромта и творческих проявлений*).

Одним из основных этапов нашего исследования стало рассмотрение временных особенностей обращения региональных СМИ к изучаемым концептам. Используя для этой части работы математические методы, установим частоту публикаций, содержательно связанных с выбранными концептами, в ведущих газетных изданиях Витебщины. В качестве рабочей гипотезы было принято предположение о наличии темпоральных рамок обращения печатных СМИ к изучаемым концептам. Рассмотренный практический материал позволяет считать исследовательское предположение правильным. В частности, обращение к «Славянскому базару» в местных печатных изданиях активизируется в летний период. Выборка практического материала позволяет уточнить этот временной интервал: тема фестиваля является актуальной для региональных газет в период с июня по начало августа. Для более удобного математического моделирования временной отрезок с 31.05 по 08.08 был поделен на десять частей по десять дней каждый. Дополнительным качественным показателем мониторинга временных особенностей функционирования концепта «Славянский базар» в региональном медиадискурсе стала синхронизация анализа корпуса газетных текстов за 2010-2012 гг. Результаты предпринятого анализа представлены в диаграмме (прим.: в скобках указано время проведения фестиваля):

Параболоидная структура диаграммы, получившейся в результате математического моделирования изученного корпуса медиатекстов, свидетельствует о явной темпоральной зависимости обращения к концепту «Славянский базар» в региональном газетном пространстве (резкое увеличение внимание журналистов к концепту в период проведения фестиваля).

В то же время на диаграмме анализа обращения региональных журналистов к концепту *Витебск* в отмеченный промежуток времени в течение трех лет видно незначительное колебание частотности публикаций, посвященных Витебску:

Кроме этого, следует отметить, что временные особенности обращения к концепту *Витебск* характеризуются отсутствием периодичности: теме города посвящены публикации каждого выпуска выбранных нами изданий.

Реализация следующего пункта выстроенного исследовательского алгоритма заключалась в выделении важнейших коннотативных сегментов медиаконцептов «Славянский базар» и *Витебск*, способных отразить особенности их смысло-содержательной репрезентации в сознании РЯЛ. Анализ практического материала исследования позволяет нам выделить более десяти коннотативных сегментов концепта «Славянский базар», ключевыми среди которых являются следующие: *Летний амфитеатр, конкурс молодых исполнителей эстрадной песни, детский музы-*

кальный конкурс, «Город мастеров», концертная программа, «Сельские подворья», «Театральные встречи», фестивальная инфраструктура и др.). Важнейшими коннотативными сегментами концепта *Витебск* стали социальная инфраструктура, жилищная инфраструктура, достопримечательности (культурно-исторические объекты), власть, события и мероприятия культурной жизни. Интересным является тот факт, что вопросы экономического развития города не имели в изучаемых изданиях приоритетного значения, поэтому не рассматриваются нами в числе важнейших коннотативных сегментов концепта *Витебск*.

Как отмечалось ранее, общее смысловое наполнение коннотативных элементов отражается в контекстуальной структуре публицистического материала, где ключевое значение имеют лексемы-репрезентанты. Рассмотрим это на примере следующего коннотативного сегмента концепта «Славянский базар»:

– *Конкурс исполнителей эстрадной песни* как главное событийное мероприятие культурного форума в региональной прессе контекстуально маркировано с точки зрения положительного восприятия, как журналистской публикой, так и жителями региона. Важность конкурса подчеркивается во многих публикациях: А) *...самое главное событие фестиваля «Славянский базар в Витебске» – Международный конкурс исполнителей эстрадной песни* (ВВ); Б) *Конкурс исполнителей один из самых крупных и интригующих проектов этого творческого форума* (НС); В) *Это важнейшее событие фестиваля <...> скорее не конкурс, а праздник дружбы и творчества* (В). Отрицательная коннотация рассматриваемого сегмента в медиаматериалах минимальна и встречается довольно редко: А) *...оценка жюри вызвала неоднозначное отношение и в зале, и за кулисами* (В); Б) *Музыкантовед <...> обвиняла жюри в необъективности* (НС); В) *Зрительный зал тоже выражал свое отношение шумом неодобрения низким оценкам некоторым конкурсантам и завышенных – другим* (НС). При этом стоит отметить, что эмоционально-отрицательное восприятие фестивального мероприятия в газетном тексте сглаживается журналистами: А) *...у каждого есть шанс завоевать публику и получить самые высокие баллы жюри* (НС); Б) *Несмотря ни на что, конкурс запомнится созвездием новых талантов* (В); В) *Витебские зрители бурными овациями наградили самых, по их мнению, достойных. А такое признание дороже любых призов* (НС).

Изучение лексем-репрезентантов, интерпретирующих смысловое наполнение рассматриваемого коннотативного сегмента, позволяет выделить несколько особенностей. В частности, в языковой палитре пре-

валируют лексика с положительной эмоциональной окраской. Это не только частотные для всех периодических изданий прилагательные: *интригующий, уникальный, престижный, чарующий* и др., но и различные авторские журналистские словосочетания и выражения: *оазис музыки и любви, сделано с душой, славянский калейдоскоп, культурный десант фестиваля, атмосфера славянского единства* и др. Кроме этого, в описании различных коннотативных сегментов концепта для дополнительной эмоционально-оценочной коннотации в журналистском тексте, заголовке используются и другие фигуры и тропы: восклицания (*Браво, фестиваль!*; *Будут аниаглы!*), эпитеты (*событие планетарного масштаба*), метафоры (*покорение искусством; «звездный» дождь; палитра эмоций*), сравнения (*пейзажи <...> напоминают виды Шотландии и Канады; Витебск – не Канны*), игра слов («поБазарили»), рифмы (*Базарное раздолье ищем на подворьях; Полная чаша в городе нашем*) и др.

Обратимся теперь к анализу такого коннотационного сегмента концепта *Витебск*, как **социальная инфраструктура**, который представлен в региональной прессе публикациям, тематически связанными с состоянием социальных объектов города, благоустройством территорий, работой объектов бытового обслуживания, транспортной системой и т.д. В исследуемом корпусе газетных материалов описание указанного сегмента имеет содержательно как положительную, так и отрицательную коннотацию: А) *Появились новые маршруты городских автобусов. Буквально через несколько месяцев будет открыт троллейбусный маршрут в микрорайон «Медцентр»* (НС); Б) *...были прекрасные асфальтированные дорожки с освещением, теперь кругом грязь, не предусмотрено даже малейшее освещения прохода около домов* (В); В) *Немало предстоит потрудиться на на реконструируемых объектах: Концертный зал «Витебск», библиотека им. М. Горького, детская поликлиника по ул. Чкалова, терапевтический корпус больницы скорой медицинской помощи* (ВР).

Стоит отметить, что положительный имидж города создается в журналистских текстах: А) *Витебск с каждым днем становится краше* (ВР); Б) *Теперь по качеству сервиса и технологиям железнодорожный вокзал ничем не уступает европейским аналогам. Строителям удалось сохранить примечательный облик здания, полностью модернизировав его изнутри* (НС); В) *<...> Витебск обретает новое лицо красивого, чистого, уютного города* (В). В то же время материалы, подготовленные на основе бесед и интервью с жителями города, содержательно более негативны: А) *С. Зверев обеспокоен санитарным состоянием улиц в Клиническом поселке: водоотводные каналы возле домов засыпаны*

мусором, сообщает витебчанин, возле дорог лежат строительные материалы, которые мешают проехать на автомобиле (В); Б) *...на работу приходится ехать в переполненных автобусах, интервалы между маршрутами очень большие. <...> Порой приходится с детьми мерзнуть на остановках часами* (НС).

Как отмечалось ранее, общее смысловое наполнение коннотативных элементов отражается в контекстуальной структуре публицистического материала, где ключевое значение имеют лексемы-репрезентанты. В описании коннотативного сегмента «социальная инфраструктура» они представлены широким спектром различных языковых единиц. К самым распространенным относятся существительные (*реконструкция, строительство, благоустройство, ремонт, дефицит, объект, план и др.*), в том числе специальные термины (*термореновация, конструкция, рельеф, изоляция и др.*), отглагольные существительные (*отсутствие, планирование, устройство, перепрофилирование, устранение*), а также краткие прилагательные и наречия (*красиво, удобно, уютно, современно, темно, сложно и т.д.*), конструкции с краткими страдательными причастиями (*решено провести, произведено обследование, выполнено решение, получено разрешение*) и др. Нами отмечена и большая частотность использования в публицистических текстах местных СМИ группы существительных, имеющих семантически подобное значение с отрицательной смысловой коннотацией: *жалоба, нарекание, недовольство, недостаток, ущерб*.

Таким образом, проведенный анализ дает возможность сделать несколько общих выводов:

- региональные концепты являются неотъемлемой частью концептосферы, сформированной в сознании РЯЛ;
- материалы региональных газетных изданий не только репрезентируют концепты, но и в значительной степени влияют на их восприятие, что делает возможным введение понятия медиаконцепта;
- изучение медиаконцептов требует дополнительного анализа временных особенностей их функционирования в пространстве периодических печатных СМИ, что позволяет выявить наличие временных ассоциаций концепта, а также дополнительные особенности и условия их функционирования в ментальном комплексе общей концептосферы.

К частным выводам, основанным на проведенном анализе восприятия и репрезентации концептов «Славянский базар» и *Витебск* в текстах региональных печатных СМИ, можно отнести следующее:

- в дискурсивном пространстве местных газетных изданий изучаемые медиаконцепты репрезентируются посредством различных конно-

тативных сегментов, выделение которых зависит от контекстуального наполнения публицистического материала. Коннотативные сегменты являются основными категориями концептов и способны отразить общую систему эмоционально-оценочного восприятия отдельных элементов окружающего мира;

– в содержательном наполнении публицистического материала прослеживается явное доминирование положительного описания коннотативных сегментов, создающих соответственный имидж культурного форума «Славянский базар», а также стремление журналистов к созданию позитивного образа города Витебска;

– формирование эмоционально-положительного восприятия концептов прослеживается и в детальном анализе репрезентирующих лексем, которые качественно не зависят от конкретного газетного издания.

Літаратура

1. Зубцов, А.С. Дискурсивное пространство Сочинского региона как объект лингвориторического исследования : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / А. С. Зубцов. – Сочи, 2006. – 268 с.

Тамар Ломтадзе

Кутаисский государственный университет им. А. Церетели (Грузия)

О ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЧИ ЕВРЕЕВ В ИНТЕРВЬЮ

«Евреи в Грузии живут уже более двух тысяч лет. На протяжении этого времени они сохранили святой язык – язык Библии, еврейский, как язык молитвы, который, однако, не выполнял функцию каждодневного разговорного языка, и эту роль взял на себя грузинский язык» [3, с. 173], – отмечает Р. Энох. Поэтому изучение речи грузинских евреев имеет большое значение как для грузинского, так и еврейского языков с исторической, диалектологической, социолингвистической и психолингвистической точек зрения.

Несмотря на многовековое сожительство в Грузии, языковой анализ речи этой диаспоры никогда не становился предметом исследования, более того, сохранилось мало записей образцов речи. Например, в советское время К. Церетели в Сачхере записал тексты, но они не были опубликованы и оставались недоступны. Р. Энох в Бандза записал новые тексты, но и они не были опубликованы. Как отмечает ученый, «народ прекрасно знал, что речь евреев отличалась от общегрузинской, но чем и почему – это не исследовано до сих пор, так как изучению этой речи не уделялось внимания, к сожалению, и в свое время» [3, с. 173].

В 1990-е годы нами впервые были записаны интервью с грузинскими евреями. Надо отметить, что многие из них не соглашались на запись. А соглашавшиеся изначально утверждали, что их речь нам не пригодится, что говорят по-грузински, и т.д. Несмотря на это, они начинали говорить о своих обычаях, традициях, о веровании, об истории, и сразу можно было выделить фонетические, грамматические и лексические явления, характерные для речи грузинских евреев. Среди особенностей выделялись следующие:

1. В фонетике и орфоэпии:

а) тоническое ударение и долгие гласные.

б) появление гласной -յ-, следующей после гласной перед паузой: დღეს;

в) диссимиляция гласной среди лабиальных согласных. Диссимиляция o® а среди согласных მ-მ (მომ-მამ); при столкновении приставки მო- и морфемы (также элемента корня) მ- первого объектного лица или наречия: მამკლა;

г) использование предлога -თვის, представленного в назализованной форме: ჩემთვის;

д) назализация знака темы -ავ, ხატამს;

е) субституция; ვ:ზ ვარცხნის- ბარცხნის;

ж) случаи утраты и развития согласной: მწყნარი, უმფროსი,

2. В грамматике:

а) окончание -ი в именах с основой на гласную: ბიგოლაი მოვიდა;

б) утрата -s в дательном падеже в имен с основой на согласную: საკმელ ჭამს;

в) использование -ი в качестве окончания именительного падежа при склонении антропонимов: რებეკაი სახშია;

г) использование эмфактичного гласного -յ- с местоимениями в ауслауте: შენ;

д) потеря каузативного ბ вместо ვ и корневого согласного: ვაკბეობი- ვაკბეობო;

3 В лексике: აგადა, აბელი, ადონაი, ბათ, ბარ, დადიანი, თალმუდი, თეფილინი, თორა, მეზუზა, რაბინი, ფესკა, ქაშერი, ქეთუბა, შომპინი და სხვა.

Надо отметить, что в этот период евреи создавали компактные населенные пункты почти во всех городах и районных центрах Грузии. Они жили в Тбилиси (столица, восточная Грузия), в Кутаиси (связывающий центр Западной Грузии), Сухуми (Абхазия), Они (Рача), в Цхинвали и Карели (Шида Картли), Батуми (Ачара), в Кварели (Кахетия), в Ахалци-

хе (Самцхе-Джавахе), Лаилаши (Лечхуми), Вани, Хони, Самтрედия, в Зестафони и Сачхере (Имерети), Сенаки, Бандза, в Суджуна и Поти (Самегрело), в Озургети (Гурия), также в переходных зонах: Сурами (граница Земо Имерети и Квемо Имерети), Кулаши (граница между Имерети и Самегрело).

Подтверждением того, что евреи во время интервью обильно использовали характерные для их речи формы, является текст «თავსილის», записанный Р. Энохом. «თავსილის» является традиционным устным переводом Торы, который, по мнению исследователя, создан в XI–XII вв. и передавался устным путем из поколения в поколение. Несмотря на то, что грузинские раввины старались не отрываться от переведенного текста, это было неизбежно. Об этом свидетельствует языковой анализ текста, который указывает на то, что тексты записаны евреями, которые уехали из Западной Грузии (Рубен Энох указывает, что тексты записал раввин Абрам Гагулашвили, который уехал в Израиль из Сенаки в 70-е годы XX в. и впоследствии стал раввином синагоги грузинских евреев в Бер-Шеве; именно у него записан весь текст *Sesaqme* (Бытие). Вторым рассказчиком был раввин грузинских евреев в Ашдоти, уехавший из Кулаши, третьим был кутаисец Шалом Хени, который был раввином грузинских евреев в Иерусалиме). Читаем тексты, и перед нами оживает речь грузинских евреев со всеми теми фонетическими явлениями, которые были присущи речи евреев, проживающих в Западной Грузии до 90-х годов, в частности, в Кутаиси, Сенаки или Рача. Подтвердим это на примерах соответствующих явлений [по 1]:

1. В фонетике и орфоэпии:

а) чередование согласных: ს-ზ: მზგავსიერობით [с. 262]; ც-ზ: ოზდაათი [с. 18]; ს-ც: მელქიციდეკი [с. 50], ვ:მ: მარსკვლავები [с. 84], ზ-ჯ: ვჯივარ [с. 94]; მ-ნ: ავანტყოფი [с. 228], ზ-ფ: ოსეფმა [с. 166];

ბ) ассимиляция-диссимиляция: შიმშილი [с. 10], სიმშილი [с. 44], შემჭამა [с. 104];

в) системный характер имеет назализация знака темы -ავ შეგებდამენ, მომკლამენ, შემოგფიცამ;

გ) случаи потери и развития согласных в тексте: უზანა [с. 16], შექნა [с. 16], თელ [с. 38];

დ) развитие: მცისასა [с. 32], მცებსა [с. 52], ენგრეთ [с. 62], უმფროსობა [с. 102];

2. В грамматике:

а) звуковые изменения в приставках глагола; და-დე: დეებადა, დეგებურები [с. 14, 16, 36, 38], მო-მე: მეგეცემათ; გა-გე: გამეეცხადა,

გეეცხადა [с. 105, 116, 172], გამო-გამე: გამეეყო, გამეეცხადა [с. 58, 62], შემო-შემე: შემეეყრება, შემეეხვია [с. 212], Semeexviagy [с. 146], მომ-მამ: მამკლამენ, მამგვარეთ, მამიტანე [с. 196];

ბ) имена с основой на гласную, подобно именам с основой на согласную, в именительном падеже принимают окончание -ო: სარაი [с. 196];

в) ослабление стяжения и усечения: გვარიშვილობები, შემცოდები [с. 46];

г) случаи частой паронимии: მოტაცებით მოუტაცნია, დაკვლით დაკალით, ჩასვლით ჩამოვედით [с. 206];

3. В лексике: თავსილი интересен и с этой точки зрения: მაზალი [с. 126], ხუნჯულობა-საყვარლობა [с. 148].

Эти примеры являются подтверждением того, что в 1990-е годы евреи активно использовали формы, характерные именно для грузинских евреев.

В 2006 году мы снова записали образцы речи грузинских евреев в границах проекта «Социолингвистическая ситуация в современной Грузии». Надо отметить, что в данных материалах мы уже не смогли зафиксировать многие подобные явления. После 1990 г. многие евреи вернулись на свою историческую родину, поэтому в Грузии они уже не создают компактные места проживания в населенных пунктах. В устной речи многих евреев еще сохранились старые формы, однако образованные евреи в интервью их не употребляли, и можно сказать, что их речь почти не отличалась от речи грузин [2]. Однако и те евреи, которые в быту употребляют характерные им формы, в интервью уже редко используют их. Малы случаи ассимиляции-диссимиляции и субституции, ограничены специфические формы образования глаголов, также каузатива, потери окончания -ს дательного падежа, добавления эмфатического -ე, добавления -ო- к именам с основой на гласную в именительном падеже, хотя благодаря интонации все-таки чувствовалось, что речь принадлежит евреям. Зато чаще стали употреблять в своей речи еврейзмы: если в текстах, записанных в 1990-е годы, нами зафиксировано до 40 еврейских лексем, то в материалах 2006 года это число увеличилось вдвое.

Литература

1. Ломтадзе, Т. Кутаисский грузинский / Т. Ломтадзе. – Кутаиси, 2005.
2. Ломтадзе, Т. Современные грузинские социолекты / Т. Ломтадзе. – Тбилиси, 2010.
3. Энох, Р. Обращение в литературном грузинском, имеретинском наречии и речи кутаисских евреев, то есть речь грузинских евреев на стыке языкознания и социолингвистики / Р. Энох // «Язык и культура» 2: Международная научная конференция. – Кутаиси, 2013.

Игорь Морозов

*Белорусский государственный университет***ЖИТИЕ ЯЗЫКА-СЛОВА**

Нам не дано предугадать,
 Как слово наше отзовется...
 Ф. Тютчев

Ныне, в стремнине времен-культур, в путине новояза, в круговороте пустых словес-словечек особо хочется-необходимо понять истоки-путь Человека словотворящего. И то, куда ведет-заводит наш Язык. И как отзывается в нас Слово, что предусмотрительно и заботливо было вначале всего сущего, словно предуготовляя наше истинно человеческое самопровозглашение, оглашаемое выказывание. Ведь «сказать» этимологически – то же самое, что и «показать», «указать» – дать увидеть, вывести в явленность, выставить на суд. Так что Слово, благодаря нашей способности различать-выбирать, позволило обнаружить-словить в неразделимой сплошности Нечто и, обусловив его таким образом, искони превращать во Что-то определенно-значащее и, следовательно, новаторски продуктивное. Не зря же ветхозаветный Господь, «всех животных полевых и всех птиц небесных» собрав, привел к человеку – «чтобы видеть, как он назовет, и чтобы как наречет Человек всякую душу живую, так и было имя ей». Дабы дать-наделить Именем-присущностью. И только после этого ответственного выпускного экзамена на ментальное при-знание сущностей-существительных Он с чистым сердцем и удовлетворенно благословил-выпустил Человек на самостоятельный путь мысли-творчества уже способного-охочего на создание собственного словоемкого мира, который в отличие от застывшего-свершившегося до-без них Эдема, преисполнена непрерывными изменениями-превращениями. И только они смогли, взяли на себя ответственность оплодотворить пространство-время, обретя в нем духовную ойкумену благодаря динамичным и вездесущим Глаголом. И с его помощь прокладывая жизнеутверждающий путь к языку – все вмещающему «дому бытия», из которого мы никогда не сможем выйти, дабы можно «обозреть его еще и как-нибудь со стороны» (М. Хайдеггер). Так что мы искони его и создатели-хозяева и... вечные узники-служители, ибо все более убеждаемся: не человек думает на каком-то языке, но язык мыслит себя в человеке и делает его таковым-многообразным (Э. Сепир, Б. Ли Уорф). Иными словами, в архетипическом смысле он имманентно предшествует-творит человека, «проговаривая» его, обнаруживая как самость, мотивируя все его интересы, поступки, творчество. Однако и из этого отнюдь не

следует, язык – некий внешний гегемон-диктатор. Кропотливо выстроенный нами же этот Дом создает пределы, которые не только даруют уверенность-покой, но и, благодаря искательскому геному перволюдей, провоцируют их творческое преодоление, выход на простор для самореализации, обогащения-благоустройства самого же Дома многообразием Слов-смыслосочетаний. А в итоге, точнее, прежде всего – самих себя.

Мы изродно обязаны (хотя далеко не всегда благодарны) родной речи «своему языку, который обеспечивает сознанию нематериальный остов, где сознание может воплотиться, и освобождает его, таким образом, от необходимости останавливаться исключительно на материальных телах, поток которых может вначале увлечь, а вскоре – поглотить». Однако не утопить в духовном роднике, ибо он «не дает заснуть посредственности, а лучших заставляет подниматься выше» (А. Бергсон). Отсюда-то подспудное желание окунуться вглубь, к первоистокам этого, кажется, бездонного кладезя. Причем, отнюдь не ради прихоти досужей. «От производных слов нужно добраться до первичных, раскрывая подлинную первоначальную форму каждого слова. Согласно этому принципу, этимология становится не только центром лингвистики, но и краеугольным камнем философии языка» (Э. Кассирер). А, по сути, философии Человека словесного, гомо логостикус, что стал-выстрадал себя таковым не по принципу биологического приспособленчества, но под увлеченностью «жизненным порывом», жадной собственного жития-судьбы, которую никакими словами точно не выразишь, что, кстати, только вдохновляет на поиск в бездонных глубинах мысли-языка, в «тонах словесной руды», заповедного «единственного», Слова.

Однако вот незадача: «чистым разумом» (И. Кант), здравым смыслом, могучим, казалось бы, но надменным интеллектом эту глубину не взять-достичь. «Наш интеллект ясно представляет себе только неподвижное... Интеллект характеризуется естественным непониманием жизни». Отсюда «сущность вещей ускользает от нас и будет ускользать всегда; мы движемся среди отношений, абсолютное нам недоступно, мы должны остановиться перед Непознаваемым» (А. Бергсон).

Аргумент, который не только не смущает-сдерживает словотворчество, а только опять-таки подзадоривает его своей жизнеутверждающей энергетикой окунание в непреходящую возможность возможностей. И подвигающий не придерживаться иступлено рациопозитивного, «механистического представления, которое всегда дает нам наш рассудок, представления неизбежно искусственного и символического, ибо оно сводит целостную активность жизни к форме определенной человеческой деятельности, являющейся только частичным и локальным

выражением жизни, только следствием жизненной работы, как бы ее осадком» (А. Бергсон).

Беззаветные Мастера-служители Слова подпитываются другим бесконечно плодородным «осадком», намытым за невесть какое простекание Культуры илом «осадка коллективного бессознательного» (К.Г. Юнг), плодородие которого только увеличивается с богатством интерпретаций перевозвуков-образов. Они как редкие, но бесконечно дорогие крупы золота. Поэтому для старателей на этих словоприисках «Непознаваемое» – штатная, как бы сказали летчики-космонавты, ситуация. Ибо она напоминает полет. Причем не над пространствами-территориями, но над временами-эпохами. Это полет неудержимой символичности. Им правит не механика-указ, но мгновенно-вечное вдохновение, которое в отличие от рукописи не продается. Да и не покупается тоже. А еще особое «лингвистическое чутьё», наитие, интуиция – «сама сущность духа, и в известном смысле сама жизнь» (А. Бергсон).

Поэтому исключительно беззаветным Поэтам (не штатным рифмоплетам), которые со Словом всегда взаимно на Вы, если и не подвластно, то открыто «Непознаваемое» как Абсолют, как Бог, у которого также вначале уже было Слово, обозначающее-обуславливающее Его самого. Недаром почитанием Поэтов славилась некогда наша культура, видя в них пророков истины, служителей поэзии – языка богов.

... До сих пор овеяно вуалью тайны, почему сокровенная поэтическая героиня Пушкина приняла столь простонародное имя – Татьяна. Да знал ли сам пиит, что подвигло его «впервые именем таким страницы нежного романа своевольно» освятить? Видимо, словесная архетипическая память здесь реально правила бал, ведь истая Тайна Татьяны коренится в протоязыках, в индоевропейском корне «тан», что означает «распространять», или устанавливать свое влияние на определенную территорию-племя, событие-время.. Искони это магия завораживала своей мирозданческой сущностью, порождала мифологему первоначальной жизненной энергии, представляющей великое «всепорождающее единство» – Тайи, которое в восточной традиции, сочетаясь с женским Ин как раз и погружает в неизбывную ТАЙНУ. Поэтому «она звалась Татьяной». То есть «учредительницей, устройтельницей», предстательницей всякого Начала. Вдохновительницей и покровительницей любого искательства-творчества. В том числе и в собственных духовно-чувственных просторах-глубинах. Так что с тотемических времен различные народы не зря нарекали-воспели своих мифологизированных Татьян. В Корее – Таниаму, духовную охранительницу местностей, к которой обращались с мольбой о счастье и благосостоянии. Японцы ис-

стари поклоняются Та-но ками («божество поля») охранительнице посевов и урожая, божеству воды-источников. Полинезийская мифология прославляет Тангароа, хтоническое, земное божество, которое владеет «темными» знаниями и «наукой» колдовства. Для вьетнамцев нет святее Тхэн, духов дома, очага, благодатного урожая. Тянь, как веровали древние китайцы, – верховное космогоническое существо, божественная сила, распределительница человеческих судеб, ниспосылающая на землю награды и кары. Сродни ему корейское божество Тантун, тотемическое родоначало, святыня пращуров... Так и пушкинская Татьяна – искони Хозяйка ойкумены, обжитых краев и девственной природы. Она спокойно наблюдает за ходом предустановленных ею событий и не бравирует сакральным правом-способностью влиять на происходящее, поскольку таинственно-сугубо ей «все предметы, провозглашали что-нибудь». И выстраивались вокруг нее в магический ТАНЕЦ бытия, ритуально уверяя, что все возвращается на круги своя. И, вовлекаясь в этот незримый хоровод, жизнь-судьба принимается и как предваряющая ДАНность, и как накопленное приДАНное. Здесь-тогда и обретают смысл-целесообразность все, казалось бы, невнятные деяния-поступки составляющие мирозДАНИЕ, гармоничный внепространственный вселенский Dance (англ. и нем. – танец). Не его ли фатализм настиг-преследовал гения-пиита прямо-таки одержимого роковым танцем на Черной речке в исполнении дуэлянтов Дантеса и секунданта Данзаса?...

Мудро-властное ДАН с достоинством несут в своих именах-предназначениях мифические персонажи. Дазна олицетворяет в иранской мифологии внутренний духовный мир человека, общины в целом. Ее влияние присуще благому и греховному сознанию в равной мере. Каждый человек после смерти встречал свою Дазну в женском облике: праведник – прекрасную юную деву, грешник – уродливую старуху. Древние кельты вождельно боготворили Дану – мать и прародительницу всех богов. Античная Греция почитала Данаю, Рим восславлял Диану, получившую эпитет-титул Тривия — богиня трех дорог. То есть она решала на судьбном перекрестке, куда снедаемому искательством «добр-молдцу» направить взор-поиск свой.

Так что не зря так звалась и Тоня, от которой опрометчиво бежал болеющий «страстью к перемене мест» большевик Павка Корчагин. Так же не зря, как и его партийная соратница Рита, ставшая «самым подходящим для него руководителем», и булгаковская Маргарита, магическая ведунья-наставительница Мастера, ведь из того же санскрита Марга – Путь, Рита - «порядок вещей».

...Слово-имя незримо-слышно примиряет не только времена, но и идеологии, не нуждаясь в ни научных, ни в политических транскрипциях, ни в территориальных прописках, ни в управдомах-орфоэпах. Словом, «не мне, но Логосу внимая мудро признать, что все едино» (Гераклит). Как полет вольной птицы-духа, что чудным образом объединяет материальную приземленность речи-голоса и небесно-духовную магию слова-смысла. «Слово, что воробей, вылетело – не поймашь». Искони легкое на подъем, крылатое Оно живет своей вольно-полетной жизнью, отправляясь, будучи не только доверным воробьем, в дальние страны-времена – других посмотреть-послушать, себя выказать-вымолвить. Дабы, вернувшись, свить гнезда над крышей родного Дома-языка. Будь то традиционная хижина, мазанка, хата, изба, где некогда искрилась-теплилась «ярчайшая, сверкающая переливами всех цветов» жизнь, обладающая бездонной «купелью словесного творчества» (Есенин),

Слаще пеня итальянской речи
Для меня родной язык,
Ибо в нём таинственно лепечет
Чужеземных арф родник.

О. Мандельштам

В каждом сучке-задоринке, прожилке-трещинке, культурных словах-кольцах этого мощного Дома-сруба, вдохновенно сотворенных-сложенных добровольной толокой-соборностью анонимных пращуров-глашатаев, которых «сильно беспокоила тайна мироздания. Они перепробовали почти все двери, ведущие к ней, и оставили нам много прекраснейших ключей и отмычек, которые мы бережно храним в музеех нашей словесной памяти» (С. Есенин). Чтобы увидеть «как лежит бревно на бревне образа», «как сочетаются звуки» да постичь бы тайну гласных и согласных...». Чтобы в итоге открылась бы «тайна, самая многозначная и тончайшая тайна той хижины, в которой крестьянин так нежно и любовно вычерчивает примитивными линиями явления пространства» (С. Есенин). И которую мистическими извивами явления времени преисполняет всегда животворный, как вешние воды, родник-источник звуков-переливов.

Слова – радасць, слова – чары, Вобраз вечна юных вёсен! Есць ты ўсюды: ў сонцы, ў мхары, Ты глядзіш праз неба просінь.	Могучее слово, родное ты слово! Со мной наяву и во сне; Ты душу пронзаешь мелодией новой, Звенишь, словно песня, во мне.
Якуб Колас	Янка Купала

Вот только времена для Слова, а точнее, для нас, предначертано словопоклонных нелегкие. За смогом-метаниями мегаполисов, в шуме-какофонии словес, в пробках-заторах нашего общения, в однотипных крупноблочных, индустриально-типовых действиях-выражения трудно, да и некогда-зачем искать в архетипических слоях памяти не то что нужного, «единственного», но вообще достойного слова. Отсюда нам не хватает Слов, а им – нас. Словом мы зачастую швыряемся, в карман за ним и то не лезем, в надежде откупиться-оправдаться своей тотальной занятостью и «жизнью такой» – безСловесным одичанием-безДомностью. Да и в меркантильном кармане том – зияющая дыра, за края которой зацепился разве что суррогат какой, злословие, хула.

...Рано или поздно рухнут, должны рухнуть (если, конечно в нас победит инстинкт духовного самосохранения и промысел словотворчества) эти глухонемые новоделы, оставшись в памяти разве что бездыханными чучелами. «Молчат гробницы, мумии и кости, – Лишь слову жизнь дана» (И. Бунин). Потому как в каждом Слове, геноме нашей культуры видимо-слышимо, отзывается некая вселенская закономерность-диалектика Духа-Мысли, которая подвигает не только чувствовать-верить, но и умом понять его символическую сущность, несмотря на всю ограниченность-ущербность интеллекта. Так, актуальной постклассической парадигмой язык предстает уже не замшелое-безлюдным сооружением, но самоорганизующимся процессом, когда «в нем все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся, это частный случай движения при условии минимальных изменений» (Б. де Куртэнэ). Отсюда вот какой креативный парадокс. Язык – одна из наиболее консервативных сил-устоев в человеческой культуре, без чего он не мог бы обеспечить выполнение своей главной задачи – общения. «Языковые символы и формы должны быть устойчивы и неизменны, чтобы сопротивляться разлагающему и разрушающему воздействию времени» (Э. Кассирер). Но он же, самодержавный язык и глоссарий-утес, неизбежно подтачиваются током событийности – во имя обеспечения всеобщности общения, естественной эстафеты-традиции между поколениями, которая «не может происходить путем простого воспроизведения неизменных устойчивых форм» (Э. Кассирер). Языком же синергетики это – гармоничная синхронность бытия-свершенности и перманентности-изменения. Единовременность сТАНа как исходного места странствия смысла-мысли и сТАНовления, обновления, как ТЕНДЕНЦИИ, ненавязчивой, но упорной «хозяйки бала», преисполненного эзотерическими сТАНсами, где всякая обосо-

бленность только расширяет всевозможность и отзывается в нас муками рождения человека-слова, в последующем житейском ТАНдеме мысли-поступка. Реальные ТАНталовы муки невозможности навсегда утолить жажду словосотворчества в токе вдохновения-интуиции, что «есть сама сущность духа, и в известном смысле сама жизнь» (А. Бергсон). Попросту говоря, у нас нет «иного достоянья», создателя-попечителя и одновременно творения-подопечного нежели «наш дар бессмертный – речь» (И. Бунин). «Бессмертное слово, родное ты слово!» (Янка Купала).

Оно настолько родное, что также преисполнено и нашим повседневным естеством, и сакральной духовностью, со всеми их спряжениями-склонениями, падежами-подъемами, треволениями-страстями, гонениями-торжеством, радостями-мучениями. Поэтому пониматься-чувствоваться располагает-должно оно не просто в контексте исторического времени-эпохи, и даже не в течение философской жизни-экзистенции, но в самопереживании Жития языка-человека, Культуры, в сонме уникальных универсалий словоначала. Пусть нам и не дано предугадать, как мы на Слово отзовемся, «как нам дается благодать...»

Елена Набиева

Тюменский государственный университет (Россия)

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ СЕРГЕЯ ГОЛУБИЦКОГО

Беспорно, что одним из наиболее эффективных способов обучения студентов-журналистов, а также повышения качества текстов уже работающих журналистов, является знакомство с произведениями других мастеров слова. Таких авторов, которых можно было бы считать выдающимися и обладающими индивидуальным стилем (под которым мы понимаем «совокупность доминирующих отличительных свойств речи индивида, проявляющихся в употреблении языковых единиц – как в качественном, так и в количественном отношении – в рамках данного функционального стиля, жанра, текстовой категории <...> соотносится <...> не с языковой личностью вообще, а с языковой личностью в определенной социальной роли субъекта речи» [12, с. 96]). В данной статье представлен анализ творчества Сергея Михайловича Голубицкого, как наиболее яркого представителя деловой журналистики. Приведем часть текста, опубликованного в рубрике «Знакомство» его авторского проекта «Старый Голубятник и его друзья»: «*филолог, кандидат филологических наук, писатель, журналист, специалист по интернет-трейдингу. Владеет английским, французским, немецким, португальским и румын-*

ским языками, изучает хинди и греческий. С 1984 по 1988 год – младший научный сотрудник Института мировой литературы Академии наук СССР, переводчик с английского, португальского и румынского языков в Союзе писателей СССР и Союзе кинематографистов СССР.... С 1996 г. автор колонок о бизнесе, экономике, финансах и информационных технологиях в российских журналах: «Компьютерра»...; «Бизнес-журнал» (первый главный редактор журнала; автор колонок «Apparebit» – 1999 год и 2004 год; «Великие аферы XX века» – 2003 год; «Чужие уроки» – с 2004 года по настоящее время; а также блога о бизнесе на портале издания с февраля 2013 года по настоящее время). В 1998 году автор музыкальных рецензий для портала CDRU.com. С сентября 2011 года по февраль 2013 года автор ежедневных комментариев по финансовой тематике в Национальной деловой сети. В разное время публиковался в журналах «Домашний компьютер», «Русский журнал», «Инфобизнес», «Cigar Clan», «Д-штрих» и др.» [1].

Кроме того, мы считаем нужным привести мнение экспертного сообщества ««Global Intellect Monitoring», которое в 2009 г. отдало ему тридцатое место в рейтинге «100 творцов постсоветского пространства». По мнению этого экспертного сообщества, «Сергей Голубицкий – один наиболее ярких российских интеллектуалов начала XXI века, аналитик, обладающий энциклопедическими знаниями в различных сферах жизнедеятельности человека, оригинальный мыслитель с уникальным видением мира... Благодаря многочисленным публикациям в сети Интернет Сергей Голубицкий известен не только как специалист по интернет-трейдингу, но и как автор статей, которые с завидным постоянством попадали в фокус экспертного внимания. Голубицкий – филолог по образованию, и именно базовое образование позволяет ему породить спектр уникальных интеллектуальных презентаций в рамках осмысления динамично изменяющейся реальности [10].

Необходимо сделать два важных уточнения. Во-первых, мы исследуем только аналитические статьи, извлеченные из печатной версии «Бизнес-журнала» (рубрика «Чужие уроки» за период 2011–2013 гг.), поэтому оцениваем их с позиции жанров рациональной журналистики (по типологии, разработанной А. В. Колесниченко [5, с. 8]). Общей сложности мы изучили 15 текстов с целью выявить наиболее характерные черты стиля С. М. Голубицкого, которые делают его статьи популярными и узнаваемыми. Во-вторых, результаты «препарирования текстов» в виде примеров индивидуального стиля С.М. Голубицкого могут быть использованы в качестве иллюстративного материала на занятиях по журналистскому мастерству.

В своих аналитических статьях С.М. Голубицкий активно использует термины из различных сфер деятельности, чаще всего экономической и компьютерной. Согласно исследователям деловой журналистики, «термины необходимо использовать только в том случае, если они будут *абсолютно понятны любому представителю целевой аудитории*. Любой термин, который может быть не понят, следует удалять из текста либо *расшифровывать сразу же при упоминании*» (курсив авторов издания) [2, с. 565]. В текстах анализируемого автора встречаются примеры экономического термина без расшифровки: «А как вам создание сложнейших *кредитно-дефолтных свопов*, выписанных на собственные же долговые обязательства и проведенных по балансу как активы для *оффета убытков?*» (Танцы Калисто Танци // БЖ. 2011. № 3. С. 11). Чаще всего автор дает определение термина в сноске: «...в 2006 году Blackstone возглавил консорциум, который произвел крупнейший на тот момент в истории *частный финансовый выкуп* компьютерной компании – Freescale Semiconductor – за 17,6 млрд. долларов», – и далее в сноске читаем: «До сих пор в русском языке нет адекватного перевода английского финансового термина *leverage buyout*, поэтому приходится пользоваться описательными конструкциями» (Цена свободы: \$13,65 // БЖ. 2013. № 8. С. 94).

Несмотря на то, что «Бизнес-журнал» имеет достаточно серьезную аудиторию (люди среднего возраста с высоким уровнем дохода, занимающие руководящие должности и т.д.) автор употребляет в текстах просторечные слова и выражения: «...он уже который год подряд создает не только высокотехнологичные, но и архимодные коммуникаторы на Windows Mobile и Android, и те разлетаются в Мюнхене, Лондоне, Париже и Москве как *горячие пирожки*» (Хон Хай // БЖ. 2011. № 2. С. 110); «Согласитесь, положение Танци в начале 2004 года выглядело *аховым*» (Танцы Калисто Танци // БЖ. 2011. №3. С. 107); «Именно такая версия представляется мне наиболее правдоподобной в истории группового *“наезда”* банкиров на поставщика информации, без которой, по их собственному признанию, они не мыслят существования» (Охота на Bloomberg // БЖ. 2013. №6. С. 95). Одновременно с разговорными выражениями автор использует латинские выражения и устаревшие слова, придающие текстам налет интеллектуальности: «И если в культурном и психологическом аспектах подобное представление о “норме” и может вызывать скепсис, то уж во всем, что относится к научному прогрессу и компьютерным технологиям, перифраз *“post hoc ergo melior hoc”* должен считаться нормой без всяких кавычек», которые поясняет в сноске:

«после этого – значит лучше этого» (Бунтарь на заработках // БЖ. 2013. № 11. 91); «Еще недавно 76-летний американец Давид Зигель слыл *авантажным* миллиардером» (Версаль для неимущих // БЖ. 2012. № 10. С. 90), где «авантажный» означает «представительный, видный, находящийся в выгодном положении» [11]; «Рискну предположить: гешефты, творимые 15 лет... в “Пармалате”, – традиционная работа итальянской *камарильи*: теснейшей спайки государственных чиновников и структур с частными банками, финансовыми консультантами и средствами (дез) информации» (Танцы Калисто Танци // БЖ. 2011. № 3. С. 111), где «камарилья» означает «обозначает группу придворных интригами, доносами и т.п. направляющих государственные дела в интересах своих и своих близких» [3, с. 329].

В текстах С. М. Голубицкого много варваризмов: «Одним словом, Bloomberg Terminal сегодня – это абсолютный *“маст-хэв”* для любого предпринимателя или структуры, оперирующих на финансовых рынках» (Охота на Bloomberg // БЖ. 2013. №6. С. 92); «Начну с главного, дабы избежать ненужного *саспенса* в статье, которую хотелось бы посвятить теме, отличной от набивших оскомину стонов по поводу наступления Нового мирового порядка на права и свободы граждан...» (Тектонический сдвиг // БЖ. 2013. № 2. С. 92); «История восхождения Терри Гу написана в лучших традициях *rags-to-riches*» (Хон Хай // БЖ. 2011. №2. С. 107). В первом предложении «маст-хэв» (must have) означает «должен быть», во втором предложении использован термин из кинематографа: «Саспенс – это момент, в *котором вовлечение в фильм аудитории проявляется наиболее полно...* Саспенс – это чисто английское слово. Знаатоки языка говорят, что “напряжение” – это неточный и неполный перевод. Точнее оно означает “напряженное невыносимое ожидание”. Саспенс возникает, когда опасность угрожает персонажу, которому аудитория сопереживает» [9, с. 37]. В последнем примере «rags-to-riches» – аналог русского выражения «из грязи в князи». К категории варваризмов мы отнесли и следующий пример: «Несколько лет спустя, уже после того, как взошла звезда Skipe и Ценнстрем с Фриисом стали миллиардерами, *“копирастическая”* братия все-таки принудила их выплатить отступные на астрономическую сумму...» (Бунтарь на заработках // БЖ. 2013. №11. С. 93), – снабженный таким пояснением: «копипаст – уничижительной сленговое название сторонников строгих мер по охране авторских и смежных прав».

С. М. Голубицкий использует «фигуру речи, представляющую собой стилистически значимое отклонение от графического стандарта и/или

орфографической нормы» [7, с. 145], которая называется графон. При этом он создает их разными способами, например, с помощью курсива: «...трагическая судьба Skire в значительной степени обусловлена противоречием, заложенным уже в самом замысле нового сервиса: демиурги программы хотели создать *продукт, анархический и нонконформистский по форме и содержанию, однако же с претензией на коммерческое его применение в сложившейся системе отношений, которую этот продукт сам же и пытался разрушить!*» (Бунтарь на заработках // БЖ. 2013. № 11. С. 95). Есть примеры написания с заглавной буквы слов, которые необходимо, по мысли автора, акцентировать: «Томас Уотсон – Продавец от Бога...» (Эликсир молодости // БЖ. 2011. № 10. С. 108); «Financial Times прямым текстом обозначила и Силы Добра, вынудившие миниатюрную Империю Зла, обосновавшуюся в Карибском море, пойти на уступки...» (Тектонический сдвиг // БЖ. 2013. № 2. С. 91). Один из подзаголовков в последней статье создан с помощью латиницы: «В оффшоре – *perestroika*».

Яркой чертой стиля С. М. Голубицкого являются индивидуальные метафоры, которые «содержат высокую степень художественной информативности, т.к. выводят предмет (и слово) из автоматизма восприятия» [8, с. 218]. Нами обнаружены более 19 метафор, но для примера мы процитируем следующие: «Спасение пришло в лице нового управляющего Луи Герстнера, которого сумели переманить из RJR Nabisco, *корпоративного меланжа* из папирос, чипсов, крекеров и соусов» (Эликсир молодости // БЖ. 2011. № 10. С. 107), где меланж – это «механическая смесь яичных белков и желтков, без соблюдения их точного соотношения, иногда замороженная и хранимая в брикетах» [6]; «Будем надеяться – уже в качестве символа краха безумной национальной мечты о материальном *паректазисе*» и далее в сноске пояснение «в анатомии и травматологии этим термином обозначают чрезмерное растяжение» (Версаль для неимущих// БЖ. 2012. № 10. С. 94). Благодаря тому, что «метафора – ведущее проявление стратегии наименования в публицистическом дискурсе. С помощью метафоры в текстовом континууме образуется оценочный подтекст, подчиненный ведущей идее» [4, с. 52], читатели могут легко понять авторское отношение к описываемому явлению. В обоих приведенных примерах авторская оценка события, безусловно, негативная.

Кроме того, отличительной особенностью статей С.М. Голубицкого являются и ссылки в тексте статьи на предыдущие материалы автора: «Читатели наверняка помнят историю разорения 168-летнего инвести-

ционного дома, чьи акции за день обвалились с 16 долларов до 20 центов (см. “Nebula Nebulogum” в “Бизнес-журнале” – 2008, № 18, или “Экстаз гламурного мужинки” в “Компьютерре” – 2008, № 36)» (Нам бы день простоять да ночь продержаться // БЖ. 2011. № 11. С. 109); «Флинт чем-то одновременно напоминает воровского барона с широкой душой Эндрю Карнеги и своего тезку – капитана пиратского корабля из романа Стивенсона “Остров сокровищ”. (О Великом Титане Америки читайте мою “Карнегиану” (Бизнес-журнал 2004. № 13)» (Эликсир молодости // БЖ. 2011. № 10. С. 108); «В прошлом номере “Бизнес-журнала” я уже рассказывал об американской “IPO-хондрии” – тревожной тенденции в экономике США, связанной с повальным отказом коммерческих структур выходить на биржу и расставаться с непубличным статусом» (Цена свободы: \$13,65 // БЖ. 2013. № 8. С. 90). Таким образом, во-первых, возникает идея взаимосвязанности всех текстов данного автора и увеличивается количество обращений к данному журналу (многие действительно находят эти тексты в электронном варианте). Во-вторых, у постоянных читателей появляется положительные эмоции, поскольку они уже знакомы с данными текстами (эффект узнавания).

Таким образом, на примере всего 15 текстов С.М. Голубицкого мы выделили следующие постоянно встречающиеся особенности его индивидуального стиля: создание метафор, использование терминов, варваризмов, графонов, а также ссылки на собственные материалы в предыдущих номерах издания. На наш взгляд, будет полезно проанализировать и синтаксические особенности его стиля, что является целью следующей статьи.

Литература

1. Авторский проект Сергея Голубицкого «Старый Голубятник и его друзья». <http://sgolub.ru/about-us>
2. Деловая журналистика / А. Афанасьева, М. Блинова, Д. Борисяк, В. Вайсберг, А. Вырковский, П. Силуянова, М. Ховратович, А. Ходоровский / Отв. ред. А. В. Вырковский. – М., 2012. – 728 с.
3. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. – М., 2007. – 960 с.
4. Клушина, Н. И. Стратегии именования в воздействующей речи / Н. И. Клушина // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2006. – № 5. – С. 49–65.
5. Колесниченко, А.В. Прикладная журналистика: учеб. пособие / А.В. Колесниченко. – М., 2008. – 180 с.
6. Кулинарный словарь В.В. Похлебкина, 2002. http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_culinary/

7. Культура русской речи: энциклопедическом словарь-справочник. – М., 2003. – 360 с.

8. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Коженикова и П. А. Николаева Ред. кол.: Л. Г. Киреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. – М., 1987. – 752 с.

9. Митта, А. Кино между адом і раем: кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Курасаве, Феллини, Хичкоку, Тарковскому... / А. Митта. – М., 2007. – 480 с.

10. Независимое аналитическое обозрение. <http://www.polit.nnov.ru/2010/03/03/thinker100creat2009/>

11. Словари и энциклопедии на Академике. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/736966>

12. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М., 2002. – 696 с.

Ніна Нямковіч

Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт

ЛІНГВІСТЫЧНАЕ ПРАЧЫТАННЕ «ЛІСТОЎ З ДАРОГІ» ЯДВІГІНА Ш.

І лінгвісты, і літаратары адзначаюць надзвычайную блізкасць паміж сучаснай беларускай прозай і публіцыстыкай. Гэта натуральна, калі прыгадаць асаблівасці нашага літаратурна-моўнага працэсу. Беларуская літаратурная мова ў многім паўтарала шлях рускай літаратурнай мовы, аднак у нас, у беларусаў, на гэты працэс гісторыя адвяла значна менш часу. Магчыма, фарсіраваныя тэмпы і сталі адной з прычын яўнай блізкасці паміж беларускай прозай і публіцыстыкай, асабліва ў пачатку станаўлення літаратуры новага часу. Наша публіцыстыка нібы «адгалінавалася» ад прозы, паставіўшы перад сабой іншыя задачы.

Беларускіх праявіўшы папярэднікаў у Ядвігіна Ш. было мала, яшчэ менш было публіцыстаў-папярэднікаў. Не кожнаму пісьменніку дадзена праявіць сябе ў публіцыстыцы: для гэтага патрэбны грамадзянская смеласць, чалавечае сумленне, актыўная жыццёвая пазіцыя. Гэтыя якасці былі ўласцівы Ядвігіну Ш.

Усе публіцыстычныя творы Ядвігіна Ш. упершыню надрукаваны ў газетах. Пісьменнік, улічваючы спецыфіку тагачаснай чытацкай аўдыторыі, падбірае адпаведныя формы для сваіх публіцыстычных твораў. Найбольш прыгоднымі аказаліся нарысы.

Нарыс «Лісты з дарогі» Антон Лявіцкі – Ядвігін Ш. упершыню надрукаваў у «Нашай ніве» ў 1910 годзе. Пісьменнік укладвае ў за-

галовак гэтага твора не толькі назву, а нібы вызначае так жанр твора. Прыгадаем радкі з яго «Думак з падарожы»: *Я скончыў свае «Лісты з дарогі». Скончыў лісты, але не скончыў выказаць усіх тых думак, якія паляцелі на мяне ў вялікай маёй дарозе: не ў лістах ім было месца* [1, с. 251]. Жанр жа, у сваю чаргу, абумоўлівае, прадвызначае літаратурныя і лінгвістычныя асаблівасці твора. Нарыс нібы пісьменнікава справаздача пра яго падарожжа па родным краі. Тут этнаграфічныя, краязнаўчыя, геаграфічныя, лінгвістычныя, агранамічныя заўвагі, назіранні Ядвігіна Ш. Але найперш – грамадзянская шчырасць нарысіста і вялікая заклапочанасць лёсам народа. Пісьменнік выяўляе і абнародуе сацыяльныя прычыны зла і несправядлівасці, па-народнаму востра, дасціпна называе іх віноўніка: *Апісваць дворную гаспадарку не буду: не дзіва, што ў караля жонка хараша. Дый і тут не далі б рады ніякія ўпраўляючыя, каб не мелі да помачы аднаго старога слугу. Але што нам з гэтага? Адмовіць яго – мы не патрапім, а сам ён не скоро яшчэ, бадай, прыйдзе на нашу старану. Магу толькі сказаць вам пад сакрэтам, як ён завецца: Капітал* [1, с. 231].

Ядвігін Ш. знаходзіць трапныя мастацкія акрэсленні з'яў, прадметаў, асоб, у іх, як правіла, і адносіны аўтара, і яго ацэнка: *І стаяць гэтыя **расаднікі «культуры» гарадской**, як на варце, як разінуўшаяся страшная зварыная лапа, каб не прапусціць, каб глынуць тую рэштку медзякоў падніўшага селяніна, каторую не здолеў у яго выціснуць горад і тую рэштку, на каторую дома – у сяле – чакае яго галодная сям'я...* [1, с. 204].

Перыфрастычна – *«расаднікамі «культуры» гарадской»* – Лявіцкі з горкай іроніяй называе шынкi, піўныя, якія, як даўней бярозы, ... *абсели дарогу...* [1, с. 203]. Пісьменнікавы вочы ўспрымаюць іх як злую істоту, пачвару: *яна пільнуе, каб не прапусціць, каб глынуць...* [1, с. 204]. Беручы ў двукоссе слова «культура», Ядвігін Ш. сігналізуе чытачам і пра свае адносіны да гэтых устаноў.

У антанімічным да папярэдняга значэнні нарысіст ужывае ўлюбены ім зварот у наступным кантэксце: *Можна напісаць, паслаць нават жменьку зямлі на пробу ў якую-коледы гаспадарскую газету, апісваючы ўсе мясцовыя варункі, а пэўна аніводная рэдакцыя не адкажацца даць сваю раду; можна выцісаць усе патрэбныя кніжкі, можна ўрэшце паехаць у бліжэйшы двор, дзе вядзецца культурная гаспадарка, і там пэўна не адкажуцца ад рады і помачы, – і вось гэтакім парадкам можна залажыць праўдзівы **расаднік культуры*** [1, с. 221].

Звычайна: перыфразы часцей ужываюцца ў мастацкай прозе. Аднак «Лісты з дарогі» Ядвігіна Ш. паказваюць надзвычайную эфектыўнасць

выкарыстання перыфрастычных акрэсленняў і ў публіцыстычных тэкстах: *Сотні коней, рагатай скаціны і свінней бадзяюцца на гэтых выганах. Я кажучу: бадзяюцца, а не пасуцца, бо і што ж іншага маюць рабіць яны на гэтых голых бубнах?* [1, с. 220]; *Не ў «Лістах» аб гэтым месца гаварыць, што і як трэба ўзяцца каля гэтага; але пакуль не будзе паміж сялян згоды, еднасці, хаўрусоў, пакуль не пазбудуцца яны няволі сваёй – шнуравой гаспадаркі, – датуль трудна што-коледчы і зрабіць* [1, с. 220]. Як бачым, Ядвігін Ш. заўсёды патлумачыць сваю перыфразу, называючы тое, што акрэсліваецца гэтай формулай: *Трапляецца часам госць з Нёмна – сом, але таго не прадасі: трэфны ён, дык тады не купляюць* [1, с. 225]. Разам са сваімі, індывідуальна-аўтарскімі перыфразамі пісьменнік выкарыстоўвае і традыцыйныя звароты: *Яшчэ і году не мінула, як праляцеў над гэтай вёскай чырвоны пятух* [1, с. 223].

Мастацкую яркасць і выразнасць «Лістам з дарогі» надае ўмелае выкарыстанне прыказак: *А трэба ведаць, што ўсіх душ у бакитанскай воласці тысяч з дзевяць, вось «з міру на нітачцы, а голаму сарочку» і шыюць...* [1, с. 218]; *«Як не еў – дык не мог, як пад'еў – дык ні рук, ні ног, – таксама і са мной; але цягнуся неяк к шчасцю лесам – халадок; будзе мне тут яго шэсць вёрст усцяж* [1, с. 222]; *Брахня, відаць, старая прыказка, што гора ды бяда ўсяму навуча* [1, с. 224].

Варта адзначыць, што тэкст «Лістоў...» неаднародны: тут чаргуюцца, дзе-нідзе пераплятаючыся, два віды аўтарскага апісання. У адных выпадках Ядвігін Ш. суха, афіцыйна, амаль у стылі справаздачы, канстатуе: *У Трабы папаў я на торжышча. Дзень быў святочны, але народу сабралася. Торг найбольш ішоў на скаціну: кароў і коней. Цэны на іх трымаліся добрыя: чуць што лепшая кароўка – 40–60 р.; конь добры – рублёў 80, а то і больш. Жыта, ячмень, авёс, можна сказаць, у адной цане – кап. 65 за пуд* [1, с. 215]. У іншых месцах ён па-мастацку, вобразна апісвае свае ўражання, развагі, дзеліцца сваімі меркаваннямі: *Я сам знаю слізкіх людзей і шмат на шляху сваёй дарогі чуў наракання ад спакойных людзей на гэтых уюноў і, праўду кажучы, добра не разбярэся, дзе тут віна: чы што гэтакі чалавек сам слізкі, чы тыя рукі, каторыя яго дзяржалі, слізкія? Бадай, што адзін варт грыўні, а другі – залатоўкі без дзясяткі...* [1, с. 244].

Бывае, што ацэнка з'явы ці чалавека выказваецца адкрыта (як у папярэднім кантэксте), іншы ж раз адносіны пісьменніка толькі прасвечваюцца, праглядаюцца ў спецыяльна аформленым апісанні. Так пісьменнік гаворыць пра «паравы тартак», іранічна назваўшы яго «культурай»: *Пройдзе колькі часу, – культура гэта павалочыцца ізноў далей*

пустошыць ваколіцы, а на яе месцы астануцца тырчэць толькі пянькі маладых, без пары пазрэзаных дрэў [1, с. 249]. Ядвігін Ш. графічна вылучае лексему «культура», звяртаючы такім чынам чытачову ўвагу менавіта на гэта слова. Выкарыстанне яго разам з размоўным дзеясловам **павалочыцца** і падкрэслівае аўтаравы адносіны да апісанага.

Нарысіст не называе імёны людзей, з якімі сустрэўся ў час вандроўкі. Але Лявіцкі знаходзіць для іх апісання такія словы, што дапамагаюць чытачу пазнаваць герояў «Лістоў з дарогі». Адзін з іх, *чалавек свядомы, чытае газеты, ведае, што на свеце робіцца, і кінуўся на сваю мазольную працу, прыгатаваны на ўсялякія неспадзёўкі... Гэты каваль патрапіць даць сабе раду: накуе ён сабе і суседзям дабра і прасветы. Другія шчыра спагадаюць беларускай справе; нільна слядзяць за яе ўзрастан і працуюць над беларускай граматыкай. Пілачка трэцяга выцацкала кусцікі ў розныя формы.*

Як этнаграфічныя замалёўкі чытаеш старонкі нарыса, дзе Ядвігін Ш. апісвае беларусаў з розных мясцін Беларусі: *Паміж усіх сялян зразу кідаюцца ў вочы шчарсунцы ў нацыянальных сваіх апратках: у мужчын беляя доўгія балахоны, паднярэзаныя шырокім тканым або ласіным поясам, і саламяныя шырокія капелюшы сваёй работы. Кабеты ў самадзялковых спадніцах, беляя з вышыўкамі кашулі, гарсэты паверх; на галаве крамная хустачка, да рагоў каторай папрычапляны сваёй работы кутасікі; хустачка гэта ўкруг твару прыстае гладка, але на вярхожку самай галавы падкладаюць паперу, дык выглядае начыпурыўшыся; на шыі паначапляны пацеркі* [1, с. 227].

Лявіцкі не проста апісвае сваіх герояў, ён выказвае іх думкі, нібы раіцца з імі, разважае, шукае рашэнні. Таму змяняецца інтанацыя (часта выкарыстоўваюцца рытарычныя пытанні, пыгальна-клічныя сказы), знікае апавядальніцкая плаўнасць апісання: *Дык каму ж, калі не той моладзі трэба шанаваць сваю бацькоўскую мову і шырыць свядомасць і пашанасць паміж сваіх братоў-беларусаў да свайго краю, да ўсяго блізкага, роднага?* [1, с. 217].

У цэнтры «Лістоў з дарогі» – занепакоенасць пісьменніка лёсам Айчыны і яе сыноў. Ядвігіна Ш. трывожыць не толькі сацыяльны статус беларуса. Нарысіст ставіць перад сабой яшчэ адну задачу – паказаць становішча і перспектывы мовы, на якой размаўляе беларус. Старонкі, абзацы Ядвігін Ш. прысвячае паказу фанетычных, марфалагічных асаблівасцей роднай мовы: *Ну і праўда: аж міла было слухаць: гутарка яе як вада плыве, словы зычныя, і мяккія, і плывучыя, і спеўныя; Тут не скажуць нідзе, пачынаючы, бадай, ад самай Вільні: адна вярста,*

дзе вярсты, а - адзін вёрст, два, тры вёрст і г.д. Тут захавалася яшчэ старадаўняя беларуская форма ў вымове некаторых слоў, не скажуць – валы, гады, сталы, але - валэ, гадэ, сталэ... [1, с. 215].

У «Лістах...» – развагі, клопат аўтара пра культуру нашай мовы. Тут праяўляецца і пазіцыя Ядвігіна Ш. адносна беларускай мовы. Яшчэ не было ні лексічных, ні фанетычных, ні марфалагічных нормаў, яны толькі акрэсліваліся, фарміраваліся, а пісьменніка ўжо хвалявала будучыня мовы, яе развіццё і нармаванне.

Ядвігін – нарысіст верны сваім прынцыпам: ён не толькі разважае пра патэнцыі беларускай мовы, але і стараецца памнажаць яе запасы, пашыраць рамкі выкарыстання. З клопатам пра роднае слова ўводзіць пісьменнік у нарыс запазычаную лексіку, памятаючы, аднак, што далёка не ўсім чытачам вядомы сэнс такіх адзінак. Таму і няма тут выпадкаў, каб аўтар паказаў такія лексемы без сваёй «семантычнай» увагі: *Агромністыя мураваныя пакоі, абсаджаныя лесам (паркам), і вялізная, таксама мураваная, стайня, дый усе будынкi вялікія, быццам цяжкія, як вялікая і цяжкая была праца тых дармовых рук, каторыя некалісь стаўлялі гэтыя будынкi...* [1, с. 205]; *Даўней, аблюбаваўшы каторы кавалак, прыйдзе наш брат купляць, то ўжо другі на карк яму не лезе, цаны не перабівае, не псуе; а цяпер усё пайшло іначай: паназначылі таргі – ліцытацыі...* [1, с. 224]. Аднак Ядвігін Ш., як бачым, не ставіць такія словы на першае месца, не спяшаецца назваць іх найбольш прыдатнымі, хоць цудоўна разумее і іншае: любая мова толькі сваімі запасамі не абыдзеца.

У Ядвігіна Ш. ёсць тэмы, якія хвалявалі яго найбольш. Адна з іх – тэма вернасці роднаму, свайму. Ёй Лявіцкі прысвячае сваю алегорыю «Падласенькі», яе матывы гучаць у рамане «Золата», падобнае і на старонках «Лістоў з дарогі»: *Але жаль, вялікі жаль я маю да тых, што як тья курчаты, выдупіўшыся пад саламянай страхой, за апошнія бацькоўскія крываваыя грошы прыждалі надзець модныя куртаты з бліскучымі гузікамі курткі дый цяпер чураюцца сваёй роднай мовы!* [1, с. 216]. І так актуальна гучаць поўныя аптымізму, веры і страсці публіцыстычныя радкі: *Але калі ўжо дагэтуль мова беларуская захавалася і жыве, то і жыць будзе; а мова – гэта душа нацыянальная, калі ёсць такая душа, то і гаспадар яе – гэта сам народ, а як не гіне народ з нацыянальная душой, так не загіне беларускі народ!* [1, с. 217]. Тут жа Ядвігін Ш. акрэслівае сынава, грамадзянскае крэда: *Дык не чурацца, не заракацца трэба гэтага народа, а ісці на сустрэчу яго жаданням, яго думкам. Хай кожны, каму дораг свой родны край,*

загляне хоць у бліжэйшыя вёскі, загляне пад надгніўшыя стрэхі хатак, хай дзеліцца сваімі думкамі, радамі, вестачкамі, а пэўна сустрэне там прыхільнасць... Хай святлейшы чалавек ідзе паміж гэтага народа і запальвае паміж яго свечач навукі, свядомасці, справядлівасці і гэтым парадкам сплывае хоць частку таго доўгу, які ён зацягнуў перад роднай сваёй старонкай, каторая ўскалыхала і ўздавала яго! [1, с. 217].

Ядвігіна Ш. непакоіць лёс народа, яго будучыня. Адсюль афарыстычна ёмка думкі, развагі, упэўненасць і вера: *Трэба, каб жаданне грамады было і маім жаданнем, яе доля – маёй доляй, яе шчасце – маім шчасцем, яе думкі – маімі думкамі, яе святло – маім святлом* [1, с. 230]; *Сілу родзіць толькі аднасць і згода* [1, с. 231]. Галоўная вартасць, каштоўнасць афарызмаў Ядвігіна – у іх сацыяльным змесце, у актыўнай пазіцыі аўтара, у яго аптымізме. Створаны больш за 100 гадоў назад, гэтыя яркія кантэксты і сёння гучаць надзённа.

Такім чынам, уздымаючы надзвычай важныя сацыяльныя, нацыянальныя пытанні, Ядвігін Ш. – Антон Лявіцкі – шукае і знаходзіць свой шлях у тагачаснай публіцыстыцы. Арыентацыя на сваіх чытачоў, нераспрацаванасць публіцыстычнага стылю тлумачаць лінгвістычныя асаблівасці публіцыстычных тэкстаў Ядвігіна Ш., у прыватнасці, нарыса «Лісты з дарогі».

Літаратура

1. Ядвігін, Ш. Выбраныя творы / Ядвігін Ш. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1976. – 410 с.

Марія Панкевіч

Белорусский государственный технологический университет

ДИНАМИКА ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ТЕРМИНА «ЖУРНАЛ» В ОФИЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Введение. В сфере научных исследований вопросу дефиниций уделяется пристальное внимание. Логическая процедура придания строгого фиксированного смысла терминам языка предотвращает двусмысленное понимание изучаемых предметов, а хронологическое исследование меняющихся со временем терминов отражает динамику представления о предмете в обывательской, общественной, профессиональной и научно-исследовательской среде.

Термин «журнал» – французского происхождения (journal от ср.-лат. diurnalis, diurnal) – «ежедневное известие, весть» [16, с. 144]. У исследователей нет единого мнения о конкретной дате возникновения

журнала. В большинстве источников указывается дата 5 января 1665 г., когда был издан журнал «La Journal des Scavants» («Журнал ученых») [6, с. 180]. Д. Морриш в своем исследовании первым журналом в мире считает немецкое издание *Erbauliche Monats-Unterredungen* («Ежемесячные поучительные беседы») 1663 г. [10, с. 16]. За это время журналы существенно эволюционировали, в том числе изменялся объем этого понятия, состоящий из типологических признаков, под которыми мы будем понимать совокупность характерных черт, которые раскрывают сущность этого общественного явления.

Задача исследования – проанализировать дефиниции термина «журнал» в нормативных и ключевых научных, практических, учебных, справочных изданиях.

Материалом для исследования послужили 4 нормативных документа, устанавливающих обязательные в применении термины и определения в области книгоиздания: ГОСТ 7.60-90 и введенный взамен ему ГОСТ 7.60-2003, действующий на территории России, а также СТБ 7.60-93 и, в свою очередь, введенный взамен ему СТБ ГОСТ 7.60-2005, действующий на территории Беларуси, а также 12 наиболее значимых учебных пособий и справочных изданий.

Основная часть. Наиболее старый из проанализированных источников, содержащих определение понятия «журнал» – «Словарь библиофила» Е. И. Аркадьева (1890) – дает следующее определение понятия. «Журналъ – періодическое издание, выходящее въ несколько листовъ или книгами» [1, с. 39] (далее дан небольшой обзор выпускаемых на тот момент Российских журналов «по часті бібліографіи»). Из этого определения видно, что главным строго обозначенным образующим признаком журнала является периодичность. Также даются некоторые общие требования к материальной конструкции и (почти неограниченному) объему издания – «въ несколько листовъ или книгами».

Энциклопедический словарь «Книговедение» под редакцией Н. М. Сикорского 1982 г. определяет журнал как «... (франц. *journal* – дневник, газета) периодическое текстовое сброшюрованное печатное издание, содержащее статьи и рефераты по различным общественно-политич. и науч. вопросам, лит. произведения, иллюстративный и др. материал» (далее справка о журналах) [6, с. 180]. То есть круг признаков журнала по энциклопедическому словарю ограничивается: знаковой природой информации (текстовое); материальной конструкцией (сброшюрованное); способом воспроизведения (печатное); тематическим кругом (общественно-политич. и науч. вопросы, лит. произведения);

жанровым составом (статьи и рефераты, лит. произведения, иллюстративный и др. материал).

Последующие авторы дефиниций способ воспроизведения (печать) и такой признак материальной конструкции, как брошюровка, не упоминают, т. к. они входят в определение «журнальное издание», с которого начинают определение понятия журнала.

Определение в словаре под редакцией А. Э. Мильчина в 1983 г. – «D. Zeitschrift, Magazin. E/ Journal, Magazine, Periodical. F. Magazine, Periodique, Revue. Периодическое текстовое журнальное издание, содержащее статьи или рефераты по различным общественно-политическим, научным, производственным и др. вопросам, литературные произведения, иллюстрации и фотографии, официально утвержденное в качестве данного вида издания» [12, с. 41–42] – в подтверждение упоминает понятие «журнальное издание» и расширяет тематический круг публикаций «производственными вопросами», отмечает возможность фотографий наряду с иллюстрациями и, что самое важное, официальное утверждение в качестве данного вида издания.

Вышедший в России ГОСТ 7.60-90 «Издания. Основные виды. Термины и определения», обязательный «для организаций и предприятий, выпускающих издательскую продукцию» [4, с. 15], устанавливает следующее нормативное определение понятия: «95. Журнал D. Zeitschrift E. Magazine Journal F. Revue Magazine – Периодическое журнальное издание, содержащее статьи или рефераты по различным общественно-политическим, научным, производственным и др. вопросам, литературно-художественные произведения, имеющее постоянную рубрику, официально утвержденное в качестве данного вида издания. Примечания: 1. В зависимости от принадлежности различают партийные, профсоюзные, комсомольские, пионерские и др. журналы. 2. Журнал может иметь приложение (приложения)» [4, с. 15]. Определение опускает признак знаковой природы информации (не упоминается признак «текстовое» и наличие иллюстративного материала) и отмечает постоянную рубрику, а также, вслед за Н. М. Сикорским [6] и А. Э. Мильчиным [12], как нормативный документ устанавливает для журналов обязательное официальное утверждение в качестве данного вида издания. Понятие «журнальное издание», которое есть в определении, объясняется в ГОСТе: «23. Журнальное издание – D. Zeitschriftenausgabe, E Journal type edition Magazine – Издание в виде блока скрепленных в корешке листов печатного материала установленного формата, издательски приспособленное к специфике данного периодического издания, в обложке или переплете. При-

мечание. Под установленным форматом понимаются принятые для определенного вида издания (газеты, журнала) размеры, регламентированные нормативными документами [4, с. 5]».

Несколько лет спустя разработанный взамен данного ГОСТа на территории Беларуси СТБ 7.60-93, обязательный «для ўсіх арганізацый, прадпрыемстваў, устаноў і іншых юрыдычных асоб, якія займаюцца выдавецкай дзейнасцю» (распространяется, в отличие от российского стандарта, еще и на учреждения и другие юридические лица, которые занимаются издательской деятельностью), определяет журнал следующим образом. «99. Часопіс Р. Журнал. D. Zeitschrift. E. Magazine, Journal. F. Revue Magazine. – Перыядычнае тэкставае выданне, якое змяшчае артыкулы або рэфераты па грамадска-палітычных, навуковых, вытворчых і іншых пытаннях, літаратурна-мастацкія творы, мае пастаянную рубрыкацыю і афіцыйна зацверджана ў якасці дадзенага віду выдання. Заўвага – Часопіс можа мець дадатак (дадаткі), «бібліятэчку» [2, с. 21]. Оригинальность белорусского нормативного документа состоит в наличии признака знаковой природы информации (текстовое), несколько меньшей политичности (отсутствует признак принадлежности к партийным и пр. организациям), упоминании возможности наличия «библиотечки» (наряду с приложениями, а не как вид приложения) и отсутствием признака «журнальное издание», хотя оно присутствует в стандарте: «23. Часопіснае выданне – Р. Журнальное издание, D. Zeitschriftenausgabe, E. Journal type edition Magazine, F. Edition periodique – Выданне ў выглядзе блока змацаваных у карашку аркушаў друкаванага матэрыялу ўстаноўленага фармату, у вокладцы альбо пераплёце, па-выдавецку прыстасаванае да спецыфікі дадзенага перыядычнага выдання» [2, с. 6] – тем самым опуская признаки способа воспроизведения (то есть он может быть и непечатным, а, к примеру, рукописным или электронным) и материальной конструкции.

В. И. Соловьев и Н. З. Рябинина в учебном пособии «Редакторская подготовка периодических изданий» 1993 г. ссылаются на определение из ГОСТ 7.60-90: «Журналом называется периодическое журнальное издание, которое содержит статьи или рефераты по различным общественно-политическим, научным, производственным и другим вопросам, а также литературные произведения и рекламу. Ниже о журнале будет сказано особо...» [13, с. 8], однако серьезно корректируют указанное определение: указывают на наличие рекламы в журнале, вместо литературно-художественных произведений говорят о литературных, опускают признаки постоянной рубрикации и официальное утверждение в качестве данного вида издания.

«Терминологический словарь по библиотечному делу и смежным отраслям знания» (М., 1995 г.) в аннотации ссылается на следующие источники: «Стандарты по библиотечному делу и библиографии: изд. офиц. / сост.: В. М. Владимирова, А. С. Воронина, И. М. Панферова; ред. А. С. Воронина. – М.: Изд-во стандартов, 1985. – 279 с.» [15, с. 4], а также «ряд проектов российских ГОСТов системы СИ-БИД» [15, с. 5], однако в определениях есть некоторые отступления от действующего на тот момент в России СТБ ГОСТ 7.60-90. В издании дано следующее определение терминов: «Журнал – периодическое текстовое сброшюрованное издание, содержащее статьи и (или) рефераты по различным общественно-политическим, научным, производственным и другим вопросам, литературные произведения, иллюстративный материал, официально утвержденное в качестве данного вида издания» [15, с. 63]. Таким образом, термин комбинирует понятия «журнал» и «журнальное издание» (последнее также дается: «Журнальное издание – издание в виде блока скрепленных в корешке листов печатного материала установленного формата, в обложке или переплете, издательски приспособленное к специфике данного периодического издания: журналы, периодические сборники, бюллетени» [15, с. 63]).

«Издательский словарь-справочник» А. Э. Мильчина (М., 1998), адресованный «авторам книг, издательским работникам всех специальностей», дает новое определение понятия: «Журнал – периодич. издание, включающее некоторое число произведений разных авторов, рефератов, документов, объединенных общей программой, с листами, скрепленными в корешке, покрытое, как правило, обложкой (реже – переплетом). Определение Ж. в ГОСТ 7.60-90, где, в сущности, осн. признаками названы периодичность, официальное утверждение издания в качестве Ж., наличие в составе разных произведений и принадлежность к журнальным изданиям, уже устарело, т. к. в новых условиях не требуется никакого утверждения, чтобы издание могло называться Ж. Библиогр. описание произведений, опубликованных в Ж., составляется по схеме, где в 1-й части приводится краткое описание произведения, а во 2-й – заглавие, год и номер или номера Ж., причем в заглавии Ж. сокращают отд. слова по нормам стандарта (ГОСТ 7.12-93 и ГОСТ 7.11-78)» [8, с. 114–115]. Таким образом, А. Э. Мильчин опускает признаки официального утверждения и принадлежность к журнальным изданиям, о последнем вновь упоминает в определении термина «журнальное издание»: «Журнальное издание – периодич. издание кодексного типа (со скрепленными в корешке листами), обычно в обложке, содержащее не-

которое число произведений, рефератов, документов. В сущности, этот термин (ГОСТ 7.60-90) представляется излишним, т. к. виды журнальных изданий – это подвиды журналов. Напр., бюллетень в виде периодич. издания кодексного типа – это журнал с официальными, справ. и иными материалами издающей его организации, периодич. сборник рефератов – это реферативный журнал и т. д.» [8, с. 115].

В свою очередь, сборник «Стандарты по издательскому делу» (сост.: А. А. Джиго, С. Ю. Калинин, М., 1998 г.) [14], содержащий тексты важнейших нормативно-технических документов, определяющих правила подготовки изданий к выпуску, дает ссылку на определение данного понятия из ГОСТ 7.60-90: «2.10 Виды периодических и продолжающихся изданий»: «2.10.2 Журнал – По ГОСТ 7.60-90» [14, с. 283].

Новый российский нормативный документ СИБИД ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды, термины и определения» дает следующее определение: «Журнал – периодическое журнальное издание, имеющее постоянную рубрикацию и содержащее статьи или рефераты по различным общественно-политическим, научным, производственным и другим вопросам, литературно-художественные произведения. D. Zeitschrift, E. magazine, journal, F. revue, magazine» [5, с. 15], опуская признак официального утверждения в качестве данного вида издания.

«Краткий терминологический словарь-справочник по курсам «Книговедение», «Библиография». Для студентов специальности 1-47 01 01 «Издательское дело»» (авт.-сост. Л. И. Петровичева, З. М. Клецкая, Минск, 2004) в предисловии ссылается на нормативные документы по издательскому делу, в том числе: «ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды, термины и определения», СТБ 7.60-2004 «Выданні. Асноўныя віды. Тэрміны і азначэнні» [7, с. 4]. На самом деле разработанный в Беларуси стандарт выйдет годом позже под другим названием: СТБ ГОСТ 7.60-2005 «Выданні. Асноўныя віды. Тэрміны і азначэнні». Авторы-составители словаря-справочника дают определение, практически совпадающее с определением из «Терминологического словаря по библиотечному делу и смежным отраслям знания» (М., 1995 г.) [15]: оно содержит признаки официального утверждения в качестве данного вида издания и знаковой природы информации (текстовое), которые действующий на тот момент СИБИД ГОСТ 7.60-2003 исключает.

Термин «журнал» отсутствует в справочном издании «Настольная книга издателя» (Е. В. Малышкин, А. Э. Мильчин и др., М., 2004) [11], но здесь есть термин «журнальное издание», который в «Издательском словаре-справочнике» (М., 1998) А. Э. Мильчину представлялся излишним ([8, с. 115]): «Журнальное издание – издание в виде блока скреплен-

ных в корешке листов печатного материала установленного формата, издательски приспособленное к специфике данного периодического издания, в обложке или переплете» [11, с. 17].

Белорусский стандарт СТБ ГОСТ 7.60-2005 «Выданні. Асноўныя віды. Тэрміны і азначэнні», введенный взамен СТБ 7.60-93 1.08.05, устанавливает термины и определения, которые применяются в области книгоиздания. Здесь дается следующее определение: «Журнал: Периодическое журнальное издание, имеющее постоянную рубрикацию и содержащее статьи или рефераты по различным вопросам и литературно-художественные произведения. Примечание – Журнал может иметь приложение» [3, с. 22]. По сравнению с предшествовавшим СТБ 7.60-2003 добавляется признак материальной конструкции (журнальное издание) и отменяются следующие признаки: знаковой природы информации (может быть не только текстовым), ограничение тематического круга (теперь он может быть самым различным); официального утверждения; возможности наличия «библиотеки» (которая как особый вид приложения теряет свою актуальность).

«Издательский словарь-справочник» А. Э. Мильчина (М., 2006) в дефиниции журнала продолжает мысль об излишестве понятия «журнальное издание»: в термине опущено слово «журнальное», заключающее в себе признак материальной конструкции, поэтому описание элементов последней охвачено в термине: «Журнал – периодич. издание, включающее некоторое число произведений разных авторов, рефератов, других документов, объединенных общей программой, с листами, скрепленными в корешке, покрытое, как правило, обложкой (реже – переплетом)» [9, Ж]. Кроме характеристики «журнальное», отсутствуют также признаки постоянной рубрикации, официального утверждения в качестве данного вида издания (об излишестве этого параметра А. Э. Мильчин говорил еще в 1998 г. [8, с. 115] тематического содержания, однако упоминаются общая программа издания и различные авторы.

Заключение. Таким образом, единственным неизменным типобразующим признаком журнала, называемом в рассмотренных изданиях, выпуск которых датируется с 1890 года, является периодичность. Все еще актуальны признаки: периодичность (во всех рассмотренных источниках); наличие постоянной рубрикации [4], [2], [5], [3] (признак указывается во всех нормативных стандартах, однако неизменно опускается авторами всех остальных рассмотренных изданий); материальная конструкция журнала (хотя актуальность употребление понятия «журнальное издание» спорно [8, с. 115]), главным образом подразуме-

вается соблюдение установленного формата издания («Под установленным форматом понимаются принятые для определенного вида издания (газеты, журнала) размеры, регламентированные нормативными документами» [4, с. 5]) – этот признак включен в термин «журнальное издание» [4], [2], [5], [3].

Утратили актуальность (об этом свидетельствуют ГОСТы) признаки: знаковая природа информации; официальное утверждение в качестве данного вида издания; тематический круг материалов; жанровый состав публикаций; способ воспроизведения (нормативное определение подразумевает печать, однако в наше время существуют электронные издания).

Не утвержденные официально в стандартах, имеют право на существование следующие признаки журнала: общая программа издания (тематическое единство) [9]; различные авторы материалов, публикуемых в издании [8], [9].

С учетом проанализированного материала можно сделать вывод о том, что основными факторами вариаций и эволюции предмета, а следовательно, и дефиниции термина были: динамическое развитие в сферах издательского дела и информационных технологий; изменения в политической жизни общества; отдельной причиной изменения дефиниции без эволюции предмета является человеческий фактор (невнимательность авторов, предлагающих дефиниции в пособиях). Общей тенденцией унификации дефиниции является стремление авторов к меньшей конкретизации параметров термина и снятию строгих ограничений количественного и качественного состава типологических признаков данного вида издания.

Літаратура

1. Аркадьев, Е. И. Словарь библиофила т. е. слов, касающихся книжного и печатного дела / Е. И. Аркадьев. – М., 1890. – 82, [6] с.
2. Выданні. Асноўныя віды. Тэрміны і азначэнні: СТБ 7.60-93. – Узамен ГОСТ 7.60-90; уведз. 10.01.93. – Мінск: Белстандарт, Б. г. (1994?). – 44 с. – (Сістэма стандартаў па інфармацыі, бібліятэчнай і выдавецкай справе).
3. Выданні. Асноўныя віды. Тэрміны і азначэнні: СТБ ГОСТ 7.60-2005. – Узамен СТБ 7.60-93; уведз. 1.08.05. – Мінск: Белстандарт. – 54 с. – (Сістэма стандартаў па інфармацыі, бібліятэчнай і выдавецкай справе).
4. Издания. Основные виды. Термины и определения: ГОСТ. 7.60-90. Издание официальное. – М.: Государственный комитет СССР по управлению качеством продукции и стандартам, 1990. – 29 с., включая обложку. – (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу). – Дата введ.: 01.01.91.

5. Издания. Основные виды, термины и определения: СИБИД ГОСТ 7.60-2003. – Взамен ГОСТ 7.60-90; введ. 1.07.2004. – ИПК «Издательство стандартов», 2004. – 40 с.

6. Книговедение: энциклопедический словарь / ред. Коллегия: Н. М. Сикорский (гл. ред.) и др. – М.: Сов. Энциклопедия, 1982, – 664 с.: илл.

7. Краткий терминологический словарь-справочник по курсам «Книговедение», «Библиография». Для студентов специальности 1-47 01 01 «Издательское дело» / авт.-сост. Л. И. Петровичева, З. М. Клецакая. – Минск: БГТУ, 2004. – 225 с.

8. Мильчин, А. Э. Издательский словарь-справочник / А. Э. Мильчин. – М.: Юристъ, 1998. – 472 с.

9. Мильчин, А. Э. Издательский словарь-справочник: [электронное издание] / А. Э. Мильчин. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ОЛМА-Пресс, 2006. – Режим доступа: http://slovari.yandex.by/~книги/Издательский_словарь/.

10. Морриш, Дж. Издание журнала: от идеи до воплощения / Дж. Морриш. – М.: Университетская книга, 2008. – 297 с.

11. Настольная книга издателя / Е. В. Малышкин, А. Э. Мильчин, А. А. Павлов, А. Е. Шадрин. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Агентство «КРПА Олимп»», 2004. – 811, [5] с.: ил., 24 л. ил.

12. Словарь издательских терминов / сост.: Ф. С. Сонкина, А. К. Багинин, Н. И. Волкова, В. П. Смирнова; под ред. А. Э. Мильчина. – М.: Книга, 1983. – Всесоюз. ордена «Знак почета» Кн. палата.

13. Соловьев, В. И. Редакторская подготовка периодических изданий: учеб. пособие / В. И. Соловьев, Н. З. Рябинина. – М.: Мир книги, 1993.

14. Стандарты по издательскому делу / сост.: А. А. Джиги, С. Ю. Калинин. – М.: Юристъ, 1998. – 376 с.

15. Терминологический словарь по библиотечному делу и смежным отраслям знания / сост.: З. Г. Высоцкая (отв. ред.), В. А. Врубель, А. Б. Маслов, Л. К. Розеншильд; РАН. Б-ка по естественным наукам. – М., 1995. – 268 с.

16. Энциклопедия для школьников и студентов: в 12 т. / под общ. ред. В. И. Стражева. – Т. 1. – Минск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – 528 с.

Асият Амирасланова, Людмила Пренко
Дагестанский государственный университет (Россия)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЦВЕТОЛЕКСЕМ BLANC «БЕЛЫЙ» И ROUGE «КРАСНЫЙ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье делается попытка анализа коннотаций некоторых цветковых прилагательных во французском политическом дискурсе на материале статей из авторитетных французских газет «Le Figaro», «Le Monde» и

«Le Canard enchaîné». Выбор в качестве материала исследования именно газетно-публицистического стиля обусловлен все возрастающей ролью СМИ в формировании языковой нормы.

В современной науке проблемам цветового восприятия, цветового зрения и цветообозначения уделяется одно из главных мест. Наиболее весомый вклад в исследование цвета и цветовой семантики внесли ученые-лингвисты. В лингвистике понятие цвета ассоциируют, прежде всего, с прилагательным, его семантикой и грамматикой. Цветонаименования, к которым прибегает социум, обеспечиваются исчислимым набором прилагательных в рамках словосочетаний, состоящих, как правило, из двух лексически полноценных слов, колористические атрибуты которых дифференцируют значение определяемого слова [1, с. 134].

Цвет и цветовые лексемы являются одними из самых «говорящих» политических символов, что объясняет их постоянное наличие в медийном языке, а также неослабевающий интерес к ним со стороны исследователей.

Цветовые номинации являются типичным примером той области лексикологии, где лексикологический анализ должен непременно проводиться в рамках исследования дискурса. Анализируемый материал языка французского политического дискурса позволил выявить закрепившиеся во французской политической традиции и актуальные на современном этапе значения цветовых прилагательных. В языке публицистики они выступают с разнообразными коннотациями и представляют собой особую трудность при восприятии их инокультурным реципиентом, так как для их понимания необходимо владеть целым пластом экстралингвистической информации. Как отмечает М. Э. Рящина, «семантические изменения, происходящие в слове, обусловлены лингвистическими и экстралингвистическими факторами и не всегда совпадают в различных культурах. Они появляются на основе метафорических и метонимических переносов, ассоциаций, фразеологически связанных значений» [2, с. 221].

Изучение таких лексем предполагает широкое привлечение данных о культурных и социальных ценностях, присущих данному социуму, а также о событиях в истории данной страны. Так, например, цвета французского флага – bleu-blanc-rouge «синий-белый-красный», помимо религиозной и морально-нравственной символики, содержащейся в них, являются своеобразной матрицей нации, представляя собой лингвокультурологические феномены, необходимые и для понимания современной общественно-политической жизни Франции. Но эта цветовая структурная триада трансформируется в двухцветность, когда речь идет о политических партиях. Однако в настоящее время французские поли-

тические партии, движения и группировки практически не используют цветное прилагательное blanc «белый», исторически цвет королевского дома Франции, для характеристики своих организаций. В современном языке blanc (и à blanc) часто значит «безрезультатный»: *élection blanche* «безрезультатное голосование»; *examen blanc* «пробный экзамен»; *appel téléphonique blanc* «телефонный звонок без ответа»; *coup d'état à blanc* «неудавшийся переворот» и др.

В нашей выборке данная цветовая лексема отмечена лишь в одном значении – *marche blanche* «белый марш». Сам термин впервые появился в политической жизни и, соответственно, в прессе в октябре 1996 года, когда прошла крупнейшая демонстрация протеста в истории Бельгии, в которой приняло участие до 350 тыс. человек. Этот марш символизировал скорбь по жертвам бельгийского серийного убийцы – Марка Дютру. Данное выражение получило в дальнейшем распространение и в других странах, в частности, во Франции, для обозначения аналогичных явлений, как например, «белый марш», устроенный в честь семи жертв, погибших от руки «тулузского стрелка» Мохаммеда Мера: *Merah: marche blanche le 17 mars [...] Une marche blanche sera organisée le dimanche 17 mars à Toulouse en mémoire des sept victimes de Mohamed Merah, un an après les faits, annonce la mairie de Toulouse qui organise cette commémoration (Le Figaro, 07.03.2013)*.

Нами зарегистрирован пример реализации в одном предложении двух основных значений цветовой лексемы blanc «белый» – и прямое, и переносное: *Une marche blanche, à l'initiative des camarades de la jeune fille de 17 ans [...] vêtus de t-shirts blancs (Le Figaro, 22.06.2011)*. Выражение *une marche blanche* «белый марш» образовано путем метонимического переноса по модели «цвет» → (такой, который имеют атрибуты данного цвета, в нашем случае – белый) о представителях данного (народного) движения, которое актуализировано в данном контексте и невербальными средствами – белыми футболками его участников (*des camarades de la jeune fille, vêtus de t-shirts blancs*).

В ходе нашего исследования отмечено всего три примера на употребление словосочетания «*une marche blanche*», два из которых выявлены в газете «Le Figaro» и приведены нами выше, и один – в газете «Le monde», в статье, также посвященной жертвам «тулузского стрелка»: *Quelque 500 personnes, selon la gendarmerie, ont participé ce matin à une marche blanche en hommage (Le Monde, 07.03.2013)*.

Белый цвет обычно символизирует мир, социальную сплоченность. С белизной в общественном сознании связаны представления о явном,

общепринятом, истинном и законном. Этот цвет несет в себе значение чего-то светлого, непорочного. Однако цветолексема blanc(he) «белый», может выражать и презрительно-ироническое отношение, что наглядно отражено в следующем примере: *Elle en arrive à faire pleurer la toute gentille Noémie Dujardin, qui, loin d'être une oie blanche, est entrée dans les ordres par vocation et met toute sa générosité dans sa mission (Le Canard enchaîné, 23.02.2000)*. Выражение une oie blanche «наивная девушка, простушка», в данном контексте выступает в противоположном, анти-титичном значении.

Политическая метонимия цветowych прилагательных занимает особое место среди метонимических переносов и формируется на основе цветowych символов. Для метонимии, в отличие от метафоры, символика имеет вполне материальный характер: цвет знамени (одежды, каких-либо объектов) становится символом определенной партии, политического движения. При дальнейшем расширении сочетаемости цветowych прилагательные перемещаются на имена разнообразных объектов и явлений, так или иначе связанных с данной партией или с определенным движением. Цветовое прилагательное, исходно определяющее названия этих атрибутов, перемещается на лицо/совокупность лиц, представляющих соответствующие партии.

Указание на политическую партию при помощи ее символического цвета является обычной практикой в политическом и журналистском дискурсах. Цветовые прилагательные (*Brigades rouges* «красные бригады»), существительные (*les Verts* «Зеленые») или наречия (*voter rouge – голосовать за представителей левых партий*) встречаются на протяжении всей послереволюционной политической истории Франции до наших дней. Это относится и к зарубежным реалиям. Можно проиллюстрировать это на примере политической жизни Таиланда: *Les “chemises rouges”, opposants au gouvernement thaïlandais, manifestent devant le Monument à la démocratie à Bangkok (Le Figaro, 23.01.2011)*. Способ образования данного словосочетания «краснорубашечники» аналогичен хорошо известной из мировой политической истории XX-го века лексической единице, перешедшей из итальянского языка во многие европейские языки, в том числе и во французский, «чернорубашечники» (*chemises noires*), а также немецкому выражению «коричневорубашечники» (*chemises brunes*), цвет которых символизировал отношение к политическим партиям фашистов (из итальянского - *samicianera*, по цвету черных рубашек первых фашистских групп Муссолини, созданных в 1922 г. [3, с. 191]). “Chemises rouges”, в отличие от двух первых лексем не зарегистрированное современными словарями, строится

по той же словообразовательной схеме: N + Adj (de couleur), в которой реализуется метонимический перенос по модели «цвет одежды» → цвет партии. Цветовое прилагательное rouge в данной функции отмечено в нашей выборке фактического материала всего лишь два раза. Но второй случай представляет собой иную разновидность метонимии – синекдоху, т.е. часть заменяет целое (*pars pro totis*). В нашем случае – это метонимическая транспозиция цвета головного убора rouge – «красный» в составе выражения *bérets rouges* «красные береты» – для обозначения десантников морского флота Франции, для которых характерно ношение красных беретов: *Des «bérets rouges», les troupes loyalistes du président renversé Amadou Toumani Touré (dit «ATT», qui a réussi à échapper aux putschistes et se trouve caché quelque part), semblent avoir lancé une contre offensive vendredi soir (Le monde, 16.01.2013)*. В данном контексте речь идет о непростом положении, в котором оказалось правительство Мали после военного переворота в апреле 2012 года, в ходе которого пришедшая к власти хунта свергла бывшего президента Амаду Тумани Туре и его правительство. Воспользовавшись ослаблением власти из-за военного переворота, кочевники-туареги захватили несколько крупных городов, а к концу 2012 года почти достигли столицы. Туре обратился с просьбой о помощи к секретарю Совета безопасности ООН и президенту Франции. В январе Франция ввела в Мали свои войска, и к февралю объединенным французским и малийским войскам удалось отбить у туарегов многие города.

Сочетаемость головного убора «берет» с цветowymi прилагательными довольно широка. По аналогии образованы *bérets verts* «зеленые береты» (для обозначения военнослужащих французского иностранного легиона) и *bérets bleus* «голубые береты» (для обозначения военнослужащих, входящих в состав миротворческого контингента Временных сил ООН, а также цвет флага ООН, который позволяет всем конфликтующим сторонам сразу же распознать ооновских миротворцев).

Интересно и использование в политическом дискурсе фразеологических выражений из области спортивной терминологии. Общеизвестно, что красную карточку во многих видах спорта показывает арбитр игрокам с целью удаления проштрафившегося игрока с поля. Пример, приводимый ниже, являются аллюзией на то, что президент Йемена должен покинуть свой пост: *Carton rouge, manifestation au Yémen contre le président Ali Abdullah Saleh (Le Figaro, 25.05.2011)*. Следующий пример построен по аналогии с первым, но носит несколько ироничный характер: *Pas question, bien sûr, de contester aux confrères de “France soir” le droit de s’opposer aux ukases du nouveau proprio Jean-Pierre Brunois,*

promoteur aux intentions brumeuses escorté d'un journaliste sportif, Olivier Key, qui sort son carton rouge dès qu'il entend le mot "culture" (Le Canard enchaîné, 24.04.2002).

Красный цвет часто применяют в политических и агитационных целях, так как он побуждает к действию, настраивает человека на решительность, но в то же время красный цвет может расцениваться как сигнал опасности, именно с этой коннотацией и выступает прилагательное rouge «красный» в таких словосочетаниях, как *ligne rouge*, être dans le rouge, отмеченные в нижеследующих примерах:

1. *Syrie : «ligne rouge franchie» (Turquie) (Le Figaro, 10.05.2013);*

2. *Armes chimiques : ligne rouge pour l'Iran [...]. L'usage supposé d'armes chimiques dans les affrontements en Syrie marque une «ligne rouge» [...] «Nous avons toujours souligné que l'usage d'armes chimiques par quiconque est notre ligne rouge», a déclaré le ministre iranien des Affaires étrangères, Ali Akbar Salehi (Le Figaro, 30.04.2013).*

В приведенных примерах мы видим отражение конфликта между Сирией и Турцией, причиной которого стало применение, по мнению западных СМИ, в том числе и французских, президентом Сирии Башар аль-Асадом химического оружия против собственного населения; таким образом, по мнению журналиста, Дамаск перешел так называемую «красную черту» (*ligne rouge*).

Данная цветовая лексема используется во французских СМИ как при освещении международных событий, так и при характеристике внутренних социально-политических проблем, как, например, в статье о положении в системе социального страхования во Франции: *Ainsi, c'est seulement en septembre 1999 qu'on a découvert que la Sécu avait été dans le rouge de 10 milliards en 1998... (Le Canard enchaîné, 19.07.2000).* Слово сочетание être dans le rouge употреблено в данном контексте с целью показать, что социальное обеспечение страны в 1998 году испытывало большие затруднения, о чем стало известно лишь в сентябре 1999 года.

Цветовое прилагательное rouge «красный» отличается широкой сочетаемостью, оно также может встречаться в составе фразеологизмов, как, например, в статье об улучшении турецко-японских экономических отношений, описываемых, в первую очередь, при помощи цветового компонента FE dérouler le tapis rouge «принимать со всеми почестями, с помпой»: *Les relations économiques franco-turques pâtissent des crises diplomatiques [...]. La Turquie déroule le tapis rouge au premier ministre japonais (Le Figaro, 02.05.2013).* Словарным эквивалентом данного выражения является «почетно приветствовать, оказывать почести». В кон-

тексте статьи актуализировано метафорическое значение фразеологизма, показывающее перелом в турецко-японских отношениях.

Прилагательные цвета могут употребляться с целью обозначения реалий других стран, например: *La Maison Blanche*:

1. *... la Maison Blanche veut obtenir un accord de la France et de quelques Européens pour punir Téhéran... (Le Canard enchaîné, 17.04.2002);*

2. *En évitant d'énoncer, lors de sa visite à Washington, des propositions concrètes pour relancer le processus de paix, Benjamin Netanyahu poursuit son bras de fer avec la Maison Blanche (Le Monde, 21.07.2010);*

3. *La Place Rouge, Russie: la Place Rouge avait été visitée par une tentative d'attentat au Nouvel An (Le Figaro, 23.12.2010).*

Хроматическое отклонение также может иметь место в некоторых контекстах, как в следующем примере: *Le Moulin Rouge, Pour fêter la Saint-Patrick, Saint Patron de l'Irlande, le Moulin Rouge de Paris, temple du french-cancan, est devenu le Moulin ... Vert, mercredi soir, pour deux nuits, grâce à de puissants projecteurs, sur une idée originale de l'office de tourisme irlandais (Le Monde, 06.10.2010).* Как видим, цветовое прилагательное rouge в составе хорошо известного во всем мире названия парижского кабаре Moulin Rouge «Красная Мельница», использованное автором в начале статьи с целью обозначения реалий своей страны, изменено на vert «зеленый» и служит уже для обозначения ирландской реалии.

В нашей выборке встречаются случаи употребления в одном предложении двух цветовых прилагательных:

1. *Rouge et blanc, des Chiliennes manifestent à Santiago contre les violences domestiques et sexuelles faites aux femmes (Le Monde, 24.10.2010);*

2. *Le Rouge et le Noir, des opposants au gouvernement affrontent la police dans le centre de Bangkok (Le Figaro, 17.07.2011).*

Синтаксическое выделение цветолексем за счет перенесения их в начальную позицию и их интертекстуальность для французского читателя (романы Стендаля «Le Rouge et le Blanc» («Красное и белое») и «Le Rouge et le Noir» (Красное и черное) повышают эффект воздействия газеты на читателя.

Итак, анализ фактического материала показал, что для французского политического дискурса характерно появление новых коннотаций и дополнительных вторичных номинативных значений у цветолексем, обозначающих белый и красный цвета, а также номинативных метонимических сочетаний с существительными, употребляемых для обозначения политических и общественных движений и различных социальных группировок.

Літаратура

1. Кравченко, А. В. Язык и восприятие / А. В. Кравченко. – Иркутск, 2007.
2. Рящина, М. Э. Новые значения в семантике прилагательных цвета в современном английском и русском языках / М. Э. Рящина // Языки народов мира и Российской Федерации. – Махачкала, 2003. – С. 221–225.
3. Cortelazzo & Zolli. Dizionario Etimologico della Lingua Italiana. T. 1. a. – Bologna, 1979.

Аліна Сабуць

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы (Беларусь)

АЎТАРСКАЕ «Я»

Ў МАСТАЦКАЙ ПУБЛІЦЫСТЫЦЫ Р. БАРАДУЛІНА

Жыццё ў мастацтве і мастацтва ў жыцці – такая цана і плата, такі смак МАСТАЦТВА, супярэчлівага і суролага, ахвярнага, дзе, кажучы па-барадулінску, «паэт будзе сам сябе, як храм» [2, с. 228]. Народны паэт Беларусі Рыгор Барадулін – лірык і публіцыст, гумарыст і сатырык, перакладчык і крытык, эсэіст і аўтар шматлікіх дзіцячых паэтычных кніг. Гэта трэба ўмець напісаць «некананізаваныя ўспаміны» і кнігі вясёлых вершаў, казак-пераказак для дзяцей, спавядальна-ачышчальную кнігу «Ксты» і кызытліва-гарэзліваю блазенскую «Дуліну ад Барадуліна», умець перакладаць і ўмець ліставацца. Кажучы словамі самога паэта, «асацыяцый караваны па ўсіх радках накіраваны».

Р. Барадулін – адзін з тых, хто не паскупіўся сваё «пяро аскароміць прозай»: эсэістычнай, крытычнай («Парастак радка, галінка верша: артыкулы, эсэ» (1987), «Аратай, які пасвіць аблокі: сяброўскае слова, эсэ і некананізаваныя ўспаміны» (1995)), аўтабіяграфічнай («На таку майго веку» (1994)), эпістальнай («Дажыць да зялёнай травы...: ліставанне і аўтографы Васіля Быкава і Рыгора Барадуліна (1960–2003)» (2008), «Паслаў бы табе душу...: ліставанне Рыгора Барадуліна з мамай (1954–1971)» (2009)). Усё з роду нязводнага – з паэтавага Дрэва пазнання («расток радка, галінка верша»), якое сёння па-барадулінску *рунеецца, красуецца, наліваецца*. Бо той, хто арэ зямлю, на думку паэта, павінен *пасвіць аблокі вачыма*. Душа паэта паглыбляецца аратайскай стыхіяй «патаемнага, пераемнага» [1, с. 4].

Як сапраўдны талент, Барадулін адчувае сябе сваім у шумнацечнай плыні крытычнага і публіцыстычнага слова. Паэтава муза жывіцца з уласна перажытага, з плёну асэнсаванага і ацэненага. *У мяне паўваходзілі ўсе, / Праз мяне навыходзілі моўчкі* [1, с. 114]. Думаецца, у мастацкай

публіцыстыцы Барадулін не менш цікавы і неардынарны, чым у паэзіі – «хваробе ўсіх вякоў, ... служанцы й каралева».

У мастацкай публіцыстыцы (найперш нарысавага і эсэістычнага парадку) «паства» для Барадуліна-аратая, «пастыра душаў людскіх і пастуха родных слоў» [1, с. 42], надзвычай шырокая і разгоністая. Аўтарскае «я» – у ягоных эсэ, «сяброўскім слове» і «некананізаваных успамінах» – душэўна ўтрапёных і хвалюючых, самабытных і неардынарных. Нестандартныя барадулінскія жанравыя фарматы «сяброўскага слова» і «некананізаваных успамінаў» – гэта праўдзіва напісаныя партрэтныя нарысы, у якіх агульная культурная (найперш – літаратурная) панарама раскрываецца праз індывідуальнае, асобнае з абавязковай аўтарскай ацэнкай і каментарыямі фактаў, падзей. Менавіта ў партрэтных нарысах барадулінскае «я» выяўляецца адкрыта, аналітычна-разважліва, абгрунтавана, што мае пераканаўчае псіхалагічнае ўздзеянне на чытача (у параўнанні нават з уласнымі аналітычнымі тэкстамі).

«Як сапраўдны паэт, Р.Барадулін гаварыў пра тое, што было для яго святым і дарагім, пазбягаючы ментарства, карыслівасці, утылітарызму» [4, с. 6], – мае рацыю літаратуразнаўца У. Гніламедаў. Бо Барадулін як творца самазванна не напрошваўся ў вестуны, у прарокі. Ведаў, што паэтаў судны дзень мусіць адбыцца тут, на гэтай грэшнай зямлі. Імкнуўся, каб сказаць людскае, неказённае, небарабаннае.

Так, паэту «самому ў сабе цесна». У эсэ і партрэтных нарысах (па-барадулінску – «сяброўскім слове» і «некананізаваных успамінах») «пройдзе» ледзь не ўвесь былы саюз пісьменнікаў за трыццаць гадоў па часе напісання. Гэта слова пра слынных дзеячаў культуры, землякоў, сяброў, з кім аўтар дзяліў радасць і горыч. Барадулінскае мастацка-публіцыстычнае слова – і пра апосталаў нацыі, якімі нацыя дасюль жывая: пра Адамава сына, «першага еўрапейца ў новай беларускай літаратуры» [1, с. 9] М. Багдановіча і пра прарока-вешчуну, «сівабародага мудраца» У. Дубоўку, пра святую пакутніцу, унучку Ф. Скарыны, няскораную крывічанку Л. Геніюш і пра «васілька ў жыцце Беларускай» [1, с. 73], «светлага апостала нацыі» В. Быкава, пра купалаўскі ліпень і панчанкаўскі жнівень, пра апошнюю палескую язычніцу, якая пакланялася беларускаму слову, Я. Янішчыц і пра «новага звестуна Адраджэння» [1, с. 179], «нашага Уладзіміра Вялікага», «талісманнага каменя крывіцкае душы» [1, с. 201] У. Караткевіча, з якім шмат пройдзенага, перажытага, недасказанага... Няўлоўна-таямнічы сэнс бачыцца Барадуліну-эсэісту ў загадцы М. Багдановіча, загадцы У. Караткевіча, загадцы М. Стральцова... Ва ўсім – непадробная пячатка

майстра, дзе годна бруіць пачуццё нацыянальнага генетычнага кода, дзе паразумеліся шанаванне ўсяго беларускага, крывіцкага і талент.

Што знітоўвае старонкі барадулінскіх эсэ і партрэтных нарысаў? Найперш святое пачуццё крэўнасці, еднасці, любові, назва якому – памяць. Сяброўства даўжынёю ў жыццё. Памяць агульначалавечага зместу, падсілкаваная характэрнай для барадулінскай мастакоўскай асобы рысай гістарычнай памяці: *Бо ў дзяжы гісторыі вякі пакідаюць на завод рашчыну* [2, с. 79]. Створаныя партрэтныя нарысы – гэта плён асэнсаванага і ацэненага, бо вялікае бачыцца на адлегласці. Заўважым, барадулінская муза жывіцца з уласна перажытага, у бальшыні сваёй з прывязанасці да канкрэтных рэалій «біяграфіі часу». Імпануе аўтарская суб'ектыўнасць створаных партрэтаў, на якія «працуюць» барадулінскі артыстызм і вокалгенная рэакцыя. Барадулінскія «чорцікі» гарэзліва, часам зусім з'едліва і іранічна не толькі фіксуюць, але і ствараюць-каменціруюць карціны вясёлых і недарэчных эпізодаў пакалення «малых літвараб'ёў», іх настаўнікаў. І ў праве на гэта аўтару нельга адмовіць, бо ён – непасрэдна сведка і суддзя.

Барадулін застаецца Барадуліным у сваім катэгарычным імператыве, абгрунтаваным самасцвярджэнні. У гэтым – яго неардынарнасць, знакаваць, вагомаць. Аўтарскае «сяброўскае слова» адкрываецца расповедам пра апосталаў Адраджэння: *Нашымі прэзідэнтамі, міністрамі замежных спраў, паўпрэдамі нашымі праз усе вякі былі Францыск Скарына і Ефрасіння Полацкая, Мікола Гусоўскі і Кастусь Каліноўскі, Янка Купала і Максім Багдановіч* [1, с. 13]. І далей: *Нацыя датуль жывая, пакуль жывуць яе апосталы!* [1, с. 65].

У літаратурным партрэце, прысвечаным Максіму Багдановічу («Не разбіць, не спыніць, не стрымаць...»), прасочваецца ягоная фанатычная любоў да ўсяго беларускага, крывіцкага. Аб'ектыўна намаляваны **вобраз часу, паслядоўная сістэма аргументаваных фактаў, адназначнасць высноў-абагульненняў** выразна падкрэсліваюць **яснасць аўтарскай пазіцыі**, падсілкаваную **максімальнай эмацыйнай шчырасцю**: *Гэта Максім Багдановіч прынёс у беларускую паэзію горад, гэта Максім Багдановіч прынёс у яе космас, гэта Максім Багдановіч убачыў і паказаў нам, як “у небе ціха зоркі расцвілі”... Максім Багдановіч ратаваў нацыю, ратаваў мову на краі адчаю... Гэта Максім Багдановіч запрасіў беларускае, крывіцкае слова прапусціць праз душу сваю сусветную культуру, не разгубіўшыся, не згубіўшыся, не збедніўшыся. Гэта Максім Багдановіч разварушыў беларускую думку... Космасу пра беларуса раскажаў* [1, с. 10, 12]. **Інтымізацыя** (калі аўтар уваходзіць у кантакт з чытачом) і **эскізнасць** падачы матэрыялу сведчаць пра шырокую эрудыцыю і вы-

сокую творчую культуру Барадуліна-нарысіста, які, у прыватнасці, запэўнівае, што Багдановіч *«умеў чужое роднае мове слова ... асвойчыць, зрабіць хатнім, абеларусіць»*, таму неславянскае слова «Венера» стала родным і жаданым: *У нас маецца слова славянскага гучання: замест Венеры – Мілавіца. Але пастаўце ў радок* (тут і далей вылучана намі. – А.С.) *Мілавіцу – знікне холад, адлегласць, вера, нервы, усё тое, што гучыць у неславянскім свеце, ды воляю паэта яно стала родным у нашае мове. Атрымала грамадзянства ад Максіма Багдановіча* [1, с. 9]. Аўтарскія **вобразная экспрэсія і метафарычная арыгінальнасць** ацэнана ўзбагачаюць літаратурны партрэт Максіма Багдановіча, якога Барадулін заслужана называе «адзіным акном у Еўропу», «першым еўрапейцам у новай беларускай літаратуры» [1, с. 12]. *Паэт ідзе ў свет, і свет прымае паэта* [1, с. 13], – да такой сумарнай высновы прыходзіць Барадулін у сваім нарысе. Непадрабнай пячаткай Барадуліна-майстра выступае **філасофскае абагульненне** падвоенай (*Богам дадзены / па-багдановічаўску*) **анафарычнай канструкцыі**, што падкрэслівае нацыянальнасць талента вялікага класіка, а таксама актуалізуе **прагнастычнасць** публіцыстычнага тэксту: *Максім Багдановіч сапраўды Богам дадзены нашай нацыі, народу беларускаму, дадзены на вырост... Богам дадзены, каб людзьмі заставаліся, звяраючы свае думкі і памкненні з тым, хто з зорамі гаварыў як роўны з роўнымі. Богам дадзены, каб мы па-багдановічаўску любілі сваю святую зямлю, імя якой Беларусь, па-багдановічаўску баранілі Бацькаўшчыну сваю ад рознае набрыдзі, нарасці, навалачы. Богам дадзены, каб Бога свайго помнілі, каб Бога свайго шанавалі, каб чужым багам не маліліся, бо мы – беларусы, бо мы – крывічы* [1, с. 12].

Барадулінская душа чуйная да праўдзіва прамоўленага, бо паэт любіць саму плоць слова, цешыцца-гуляе з найдалікатнейшымі яго гранямі, наталяецца яго гучаннем, сэнсам. У нарысе «Не разбіць, не спыніць, не стрымаць...» Барадулін-творца спрабуе ўласна расшыфраваць-раскадзіраваць унікальнасць, веліч, «глыбінную прастату» *Багдановіча* – «Богам дадзенага» беларусам. Каб беларусы дачакаліся прарокага багдановічавага «залацістага, яснага дня».

Асобнае слова Барадуліна-нарысіста – пра Васіля Быкава, якому прысвечаны «Трыпціх» («Апостал нацыі», «Космас Васіля Быкава», «Як васілёк у жыцце Беларускай»). Мэта нарыса – пераканаць чытача, што Быкаў – «пароль сумлення і мужнасці, ... пароль нашае шматпакутнае Беларусі» [1, с. 61]. Вылучэнне самага **тыповага** (*Беларусь, беларускую літаратуру і культуру ведаюць у свеце па Васілю Быкаву* [1, с. 64]), **дакументальнасць** рознай танальнасці (*Нарадзіўся Васіль Быкаў на Сёмуху*

Свята, калі зямля з небам гаворыць [1, с. 67], Быкаў прайшоў вайну не з карэспандэнцікам блакноцікам ці палітрукоўскай сумкай [1, с. 63]), **злабэдзённасць** (Быкаў першы, хто сказаў непажаданую савецкай імперыі праўду пра ваўну [1, с. 63]) публіцыстычнага радка падштурхоўваюць барадулінскае «я» да гіпербалізаванага ў пэўным сэнсе домысла: «Бо ён, як ніхто, – Беларусь» [1, с. 62], «светлы апостал нацыі» [1, с. 63], таму чытаць і думаць пра Быкава, па меркаванні аўтара, трэба *нашча*:

Нашча трэба чытаць Васіля Быкава.

Нашча трэба думаць пра Васіля Быкава.

Нашча трэба хінуцца душой да святла слова ягонага [1, с. 61].

Адразу ж адчуваецца, што ягоны змяляк, старэйшы творчы крэўнік па пры, стаў прыкладам і ўзорам для Барадуліна. Праз цэлы комплекс барадулінскіх думак і пачуццяў сцвярджаецца, што менавіта з *Васіля Быкава* пачалася сталасць *нашае літаратуры* [1, с. 62], бо Быкаў *увасобіў сабою сумленне і інтэлект Беларусі* [1, с. 65]. Аўтар з правам ганарыцца тым, што два словы – Васіль Быкаў – заяўляюць пра нашу літаратуру ў свеце. Гучна (Васіль Быкаў – «светлы апостал нацыі» [1, с. 63]) і замілавана-метафарызавана (Быкаў – «васілёк у жыцце Беларуска-рушчыны» [1, с. 73]), апантана-сцвярджальна і разам з тым рахмана, вобразна-асацыятыўна знітоўваюцца радкі пра тытул «светлага апостала нацыі»: *Тытул у Васіля Быкава адзін, і ён ад Бога – сумленны пісьменнік* [1, с. 64].

Надзвычай арганічна, нязмушана, нават сузіральна-сцвярджальна гучаць барадулінскія радкі ў эсе «Існасць» (Да абрысаў беларускае душы). Найперш гэта пазнавальна-эстэтычная эсе-замалёўка, дзе Барадулін-чараўнік умее ўразіць, спакусіць агульнавядомым, ускалыхнуць патаемы душы да святасці. **Філасофска-публіцыстычны пачатак** (*Існасць, менталітэт, душа народа... Душа сама па сабе – касмічная цыганка, вандроўніца, яна вечная, яна – нязменная. ... Душа народа, нацыі... у нейкае ступені паддаецца наваколлю, асяродку, калі хочаце, нават паветру. Падпадае пад уплыў* [1, с. 130]) надае **свабодную, раскаваную манеру аповеду**. Напрыклад: *Адна з легендаў – адкуль пайшлі беларусы – па-свойму перагукваецца з Бібліяй, усё ж натурай сваёй паганская. Я дазволіў сабе вольнасць крыху падрыфмаваць, падрытмізаваць легенду* [1, с. 131]. *Душа – валадарка над чалавекам... Пра лядашчага чалавека, у якім ледзь ліпіць душа ў целе, нязлосна пакепліваюць: “Толькі дух ды пятух”. Бо дух, дыхаць, тхнуць, тхло, натхненне, задуха, задушыць, душа – словы аднаго кораня* [1, с. 130], – перакаўча, асацыятыўна разважае Р. Барадулін. Спакушае чытача і **эмацыянальнасць аўтарскага маналага**:

«Бадай жа беларуская душа будзе здаровай і вясёлай. Душа няўлоўная і нечаканая, душа бунтоўная і рахманая. Пачаткова ж слова “бадай” гучала як Бог дай...»

Дай жа Божа! Бог дай!» [1, с. 135].

Барадулінскае эсэістычнае слова – вобразна-экспрэсіўнае, аплодненае творчым духам, існасцю, пэўнай неўтаймаванай непасрэднасцю, а не проста скрупулёзным веданнем законаў мастацкай творчасці.

«Асоба публіцыста як аўтара, вядомага аўдыторыі па сваёй літаратурнай творчасці, з’яўляецца тым дадатковым фактарам, які здольны прыцягнуць увагу чытача да публіцыстычнага слова. Вядомы пісьменнік мае большыя магчымасці ўплыву на грамадскую свядомасць за кошт папулярнасці свайго імя» [5, с. 61], – слухна сцвярджае даследчыца публіцыстычнага тэксту Наталля Туміловіч. Думаецца, публіцыстычнае слова народнага паэта Беларусі Рыгора Барадуліна мае сваю аўдыторыю. У мастацкай публіцыстыцы Барадулін-творца вястует за гаспадаранне ў крывіцкім беларускім доме. Гэта сапраўдная інтэлектуальная мастацкая публіцыстыка, якая пранізана ўлюбёнасцю ў беларускую Святасць і Светласць, у «святам свяцонае беларускае слова».

Літаратура

1. Барадулін, Р. Аратай, які пасвіць аблокі: Сяброўскае слова, эсэ і некананізаваныя ўспаміны / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1995. – 350 с.
2. Барадулін, Р. Выбраныя творы / Рыгор Барадулін; уклад., прадм., камент. М. Скоблы. – Мінск: Кнігазбор, 2008. – 600 с.
3. Барадулін, Р. Руны Перуновы: выбр. тв. / Р. Барадулін; уклад. А. Камоцкі, Ул. Сіўчыкаў; прадм. Ул. Някляева. – Мінск: “Радыёла-плюс”, 2006. – 496 с.
4. Гніламёдаў, У. Усё – жывое: развагі пра паэзію Рыгора Барадуліна / У. Гніламёдаў // Роднае слова. – 1999. – № 4. – С. 6–17.
5. Туміловіч, Н.В. Выпрабаванне часам: публіцыстычнае асэнсаванне рэчаіснасці / Н. В. Туміловіч. – Мінск: БДУ, 2012. – 104 с.

Таццяна Старасценка, Вікторыя Габрусевіч

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка

ДЫЯЛАГІЧНЫЯ МАРКЁРЫ Ў ПУБЛІЦЫСТЫЦЫ ЯНКІ СІПАКОВА

На сёння асаблівую актуальнасць набывае дыскурсны падыход да разгляду тэксту, пры якім улічваецца рэцэптыўная «інтэнцыя быць пачутым» [4, с. 65]. Устаноўка на дыялог з патэнцыйным сумоўцам прадуладжвае не толькі аўтарскі пошук адметных моўных сродкаў, але і

пэўную іх інтэрпрэтацыю. Задачай даследчыка становіцца выяўленне прэзентацыі аўтарскіх інтэнцый, бо важна правільна акрэсліць канкрэтныя моўныя факты – маркеры дыялагічных узаемаадносін паміж адрасантам і адрасатам. Як справядліва заўважае Т. Ф. Пляханавы, «і лінгвістыка тэксту, і стылістыка пашыраюць межы тэксту» [2, с. 18]. Такое пашырэнне ўлічвае П. П. Жаўняровіч у манаграфіі «Публіцыстычны дыскурс Уладзіміра Караткевіча» [1].

Мэтай гэтага артыкула з’яўляецца характарыстыка тых моўных сродкаў дарожнага нарыса «Ціхая Акіянія» Янкі Сіпакова, якія садзейнічаюць усталяванню кантакту паміж аўтарам і чытачом.

Дыялагічнасць дыскурсу пацвярджаецца наяўнасцю дэяктычных сродкаў маркіроўкі суб’екта і адрасата. Сярод такіх сродкаў найбольшае ўздзеянне аказваюць займеннікі *нашы, наша, мы, ты*:

Чалавечы жыццё, нашы звычкі і ўяўленні, нашы лёгкія ўзлёт і цяжкія падзенні – усё гэта адносна. Шкада, што наша сэрца – маленькая, працавітая і такая чуллівая птушка – штодзень б’ецца між адноснай радасцю і засмучэннем. І якія толькі ўмоўнасці не прымушаюць яго паслухмяна склацаць крыльцы і ўстрывожана прыслухоўвацца – што там робіцца! Мы прывыкаем да нейкай стабільнасці, і кожнае, нават нязначнае, змяшчэнне жыццёвага калейдаскопа насцярожвае («Навела дзясятая»); Мы жывём сярод садоў, механічна адшчыкваем вішню ці сліву і кідаем яе ў рот; абьякава, не заўважаючы, глядзім на спелыя празрыстыя яблыкі, у якім, нібы ў расіне, адбіваецца сонца. Цяпер сады побач з табою, і ты не заўважаеш гэтага. Але варта толькі ад’ехацца, як ты засумуеш на іх («Навела дзясятая»).

Словы-дэяктыкі *нашы, наша, мы* – паказчыкі суб’екта дыскурсу – у адрозненне ад мастацкага тэксту, не выяўляюць стылізацыі, а рэалізуюць адкрытую пазіцыю стваральніка тэксту. *Мы* – гэта і я, публіцыст, і ты, чытач. Больш выразны кантакт наладжваецца пры ўжыванні слова-дэяктыка *ты* – паказчыка адрасата дыскурсу. Апрача гэтых моўных сродкаў, Я. Сіпакоў звяртаецца да індывідуальна-аўтарскіх вобразаў. Дзякуючы адухаўленню сэрца ўспрымаецца як надзвычай чуллівая жывая істота. Параўнанне, выражанае развітым прыдаткам, і метафары ўзмацняюць эмацыянальнае ўздзеянне на чытача, які разам з пісьменнікам пафіласофску асэнсоўвае жыццё. Антытэзы *лёгкія ўзлёт – цяжкія падзенні, адносна радасць – засмучэнне* адлюстроўваюць спрадвечны закон адзінства і барацьбы супрацьлегласцей. І чытач выразна ўяўляе, што радасць – суб’ектыўнае адчуванне (гэта пацвярджае прыметнік *адносна*), як і засмучэнне (яно можа ўзнікаць нават ад звычайных умоўнасцей).

Адзін з важных сродкаў выражэння суб’ектыўнай мадальнасці, які кваліфікуе інфармацыю з аўтарскіх пазіцый, – персуазыўнасць:

Аклян дыхае ціха, раўнамерна – ён засынае. Хвалі ўздымаюцца і апускаюцца, як грудзі казачнага волата. Здаецца, нават адчуваеш яго дыханне («Навела чацвёртая»); Здавалася, што першымі заўсёды засыналі крокі. А потым ужо – людзі... («Навела дзясятая»); Мусіць, якраз так дзівіліся мае аднавяскоўцы, калі хто-небудзь з вёскі, працаваўшы ў Петраградзе, прывозіў адтуль новыя боты, белую крамную сарочку і незнаёмыя дзіўныя словы – “мол”, “ежели”, “совсем” («Навела дзясятая»).

Лексемы *здаецца, здавалася, мусіць* – паказчыкі функцыі ілакутыўнага акта – эквівалентныя выразу “я мяркую, што”. Праз ужыванне пабочных слоў аўтар не навязвае чытачу катэгарычна свайго пункту гледжання, а, наадварот, выказвае сумнеў, запрашаючы такім чынам да дыялогу, да сумеснага назірання і адпаведных высноў.

У нарысе «Ціхая Акіянія» Я. Сіпакоў часта выкарыстоўвае прыём увасаблення, калі неадушаўленыя аб’екты ўспрымаюцца як асобы:

І кветкі... Іх Уладзівасток прадае амаль на кожным рагу. Кветкі ён звязвае ў снапы і носіць іх на каромыслах... Як у нас носяць ваду. За кветкамі ва Уладзівастоку стаяць даўжэзныя чэргі... Кветкі ў руках Уладзівастока – гэта сімвал спрадвечнай ростані і сустрэч. Забярэце іх – і ён адразу ж засумуе, углядаючыся ў зашэрхлую далячыню Ціхага акіяна («Навела другая»); Паціху накрэктаюць караблі. Тыя, над якімі нахіліліся краны, загрузаючы апошнія тоны, крэкчуць незадаволена. Іншыя, што толькі-толькі вызваліліся ад грузу, крэкчуць з асалодаю, нібы стомлены чалавек («Навела пятая»); А над бухтаю, нібы над круглым сталом, мірна, па-суседску размаўляюць разнамоўныя сцягі («Навела пятая»); Кожны незнаёмы горад, дзе ты доўга жывеш, як чалавек, разумее твой маленечкі сум. Разумее і стараецца хоць чым памагчы табе: ён шукае тваіх землякоў, з якімі ты можаш успомніць знаёмыя вуліцы, зялёныя вёскі, грыбныя лясы... («Навела сёмая»); На адным з прыпынкаў аўтобус, які спяшаўся на мыс Святой Анны, неяк адразу ж навесялеў – у яго набілася паўнютка піянераў («Навела дзясятая»).

Выкарыстаны прыём увасаблення набліжае апісваемыя аб’екты да чытача: яны ўспрымаюцца як знаёмыя, сябры, здольныя бачыць, чуць, суперажываць.

Трапеічныя сродкі, ужытыя Я. Сіпаковым у дарожным нарысе, таксама ствараюць адметны дыялог з чытачом. Мастацкая публіцыстыка набывае выразныя рысы мастацкага твора, асноўная функцыя якога эстэтычная. Для публіцыстыкі самае галоўнае – уздзеянне. Пісьменніку

ўдалося спалучыць дзве гэтыя функцыі, што з'яўляецца спецыфікай яго стылю і прыцягвае ўвагу да функцыянавання публіцыстычнага слова. Я. Сіпакоў нечаканы ў перадачы асабістага ўражання, ён быццам запрашае свайго чытача творча і арыгінальна асэнсаваць прадмет, з'яву, дзеянне. У выніку ўяўны сумоўца ўзбагачае свой унутраны свет:

Здавалася, увесь Амурскі заліў, нібы расплаўленае золата, нехта пералівае ў бухту Залаты Рог. Золата пеніцца. Кроплі – шматлікія электрычныя агні – абселяюць бухту з усіх бакоў. І ў кожнай кроплі – асветленым акне – свае клопаты: у адной – сяброўская вячэра, у другой – ростань перад адыходам гаспадара ў мора, у трэцяй – сарамлівы пачатак каханьня («Навела другая»); Вада, што зрываецца з вёсел, бубніць, як на лопухах дождж, на лісцях лотасніку – вялікіх, круглых, хоць ты пячы хлеб на іх; кожная кропля разбіваецца на мноства маленькіх, і ўсе гэтыя пацеркі доўга катаюцца на прожылках лісцяў – як жывое срэбра на шурпатай далоні («Навела сёмая»); На вялікіх дарогах і на ледзь прапаных сцяжынах, у мяккіх промнях восені трапечуць маленькія ветразі – белыя фартушкі школьніц. У гэты дзень весялее школа, якая пахне яшчэ летам, каникулам, рамонтам... Яна становіцца падобная на чысты звонкі букет кветак («Навела дзевятая»).

Як відаць з прыведзеных прыкладаў, асноўнымі дыялагічнымі маркёрамі публіцыстыкі Я. Сіпакова з'яўляюцца словы-дэйктыкі, сродкі персуазыўнасці і трапеічнасці. Яны індывідуалізуюць стыль публіцыста, ствараючы адметную сутворчасць з чытачом.

Літаратура

1. Жаўняровіч, П.П. Публіцыстычны дыскурс Уладзіміра Караткевіча / П.П. Жаўняровіч; навук. рэд. В.І. Іўчанкаў. – Мінск: РІВШ, 2011. – 244 с.
2. Плеханова, Т.Ф. Стилистика и дискурс-анализ художественного текста / Т.Ф. Плеханова // Постклассическая стилистика и дискурсивный анализ текста: материалы межвузовского круглого стола (кафедра стилистики английского языка), 11 декабря 2008г. (МГЛУ; редкол.: С.Е. Кунцевич (отв. ред.) и др.). – Минск, 2010. – Вып.2. – С. 17–22.
3. Сіпакоў, Я. Пяць струн: Кніга настройў / Я. Сіпакоў. – Мінск: Юнацтва, 1984. – С. 26–82.
4. Тюпа, В.И. Новая риторика как учение о коммуникативном событии / В.И. Тюпа // Дискурс: коммуникативные стратегии культуры и образования. – 1998. – № 7. – С. 64–67.

Евгения Степашкина

Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт (Россия)

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Одним из ярких образцов публицистики второй половины XX – начала XXI веков являются статьи и речи А. И. Солженицына. Накопленные в современной науке знания отражают многочисленные литературоведческие и лингвистические проблемы, касающиеся творчества А. И. Солженицына (см. работы В. Карпович [3], Д. Штурман [15], Ж. Нива [7], Р. Темпеста [13], В. В. Кузьмина [5], А. В. Урманова [14] и др.). Тем не менее язык публицистики писателя и, в частности, окказиональное словообразование остаются малоизученными.

Руководствуясь тезисом Г. Я. Солганика о необходимости рассмотрения экспрессивных ресурсов языка публицистики по его ярусам (в результате чего определяется вклад каждой из составляющих языка в конечный эстетический результат публицистического произведения [9, с. 9.]), считаем важным обращение к полиаспектному анализу окказионализмов, являющихся по своей природе наглядными выразителями авторского «я».

В работе под окказионализмом понимается слово как единица речи, созданная в процессе индивидуального творческого акта по деривационным типам разной степени продуктивности (потенциализм), а также с нарушением этих типов или с помощью специфических способов и приемов (собственно окказионализм) и не зафиксированная в лексикографических источниках (по Р. Ю. Намитоковой [6, с. 13], Е. А. Земской [2, с. 186]). Обобщающий термин «неузвальное слово» («неузвал») употребляется в обоих случаях как маркер невключенности явлений в язык (узус).

Цель настоящей статьи – представить на основе проведенного нами исследования разноаспектную характеристику окказионализмов-прилагательных, извлеченных методом сплошной выборки из публицистических текстов А. И. Солженицына. Выбор части речи обусловлен традиционной продуктивностью адъективов при окказиональном словотворчестве [6, с. 76].

В публицистике А. И. Солженицына окказионализмы-прилагательные (71 ед.) образуются всеми существующими в языке способами деривации адъективов: способом чистого сложения (49 %) («Попытки

принять, установить понятие *слитно-единой* глобальной культуры создают угрозу подавления для крупных самобытных культур на нашей Земле ...» [12, с. 429] (слитн-(ый) + -о- + единый → слитн-о-единый), суффиксацией (18 %) («Измельчание культуры истекло и от *захлебной* торопливости мирового процесса, и от финансовых мотивов, толкающих его» [12, с. 426] (захлеб-(ыва-ть-ся) + -н- → захлеб-н-ый)), префиксацией (10 %) («При центральном плане, которым мы гордимся, уж у нас-то была, кажется, возможность не испортить русской природы, не создавать *противочеловеческих* многомиллионных скоплений. Мы же сделали все наоборот...» [11, с. 73] (противо- + человеческий → противочеловеческий)), сращением (8,5 %) («... береженьем столь *многобереженого* сына Николай толкнул монархию упасть» [11, с. 405] (много + береженный → многобереженный)), сложносуффиксальным (8,5 %) («Помню, как на фронте солдаты все сплошь отличали чудо *чистозвонного* “Тёркина” от прочих военных книг» [11, с. 15] (чист-(ый) + -о- + звон + -н- → чист-о-звон-н-ый)) и префиксально-суффиксальным (6 %) («Не расхлебывать нам сейчас тут заново *неразмерную* кашу декабризма» [11, с. 433] (не- + размеш-(ива-ть) + -н- → не-размес-н-ый)) способами.

Количественное преимущество закреплено за общностью способов, имеющих более чем одну мотивирующую основу. Чистое сложение, сращение и сложносуффиксальный способ вместе составляют 66 % от общего числа словообразовательных окказиональных адъективов. Особое положение структурно составных незуальных имен прилагательных типично для художественной речи [6, с. 76] в целом, а также для языка художественных произведений А. И. Солженицына [3, с. 259; 1, с. 83] в частности. При этом, как отмечают исследователи [6, с. 77; 3, с. 259], основными мотивами введения подобных образований в текст являются создание экспрессии и стремление к экономии (лаконичности).

Ведущим способом производства адъективных окказионализмов является чистое сложение (35 ед.). На продуктивность этого способа при образовании окказиональных имен прилагательных в художественном творчестве А. И. Солженицына указывали И. Г. Горвая [1, с. 84], В. С. Князькова [4, с. 6]. Все созданные этим способом адъективы состоят из двух основ. Более чем две трети сложных окказиональных имен прилагательных мотивируются основами с нейтральной окраской (25 ед.) (*алмазно-светлый* луч, *устало-теплый* голос, *издевательски-надрывная* добровольность), остальные единицы имеют книжные (*детски-озаренная* доверчивость) и разговорные (*запоздало-остерве-*

нелый атеизм) производящие базы. Компоненты композитов соединены подчинительными (23 ед.) и сочинительными отношениями (12 ед.). В первом случае начальный компонент уточняет последующий (*самоявленный* центр), при этом в отдельных случаях на основе производного слова рождается сравнение (*алмазно-твердый* луч) или эпитет (*кровеобильная* война). Во втором случае элементы сложения могут быть однородными по значению (*скудно-мелкий* ум), причем в некоторых случаях семантическая гомогенность осложняется образностью (*поверхностно-пленочное* убеждение), и разнородными по значению (*желанно-горькие* тяготы). Среди начальных компонентов подчинительных композитов зафиксированы основы местоимений (*самовозникший* мир), имен прилагательных (*новоэмигрантская* газета), имен существительных (*людовраждебная* сила) и причастий (*сгущенно-живая* истина). Первые элементы сочинительных сложений в подавляющем большинстве адъективны (*бесправонищнее* сословие), субстантивная основа встречается единично (*кнуто-расстрельная* коллективизация). Самым объемным по числу представленных в публицистике окказионализмов является словообразовательный тип с начальным компонентом «само-» (9 ед.). Местоименный элемент реализует значения «предмет как источник действия» (*саможивущая* часть) или возвратную семантику (*самоублаженные* люди).

Анализ формальной стороны словотворчества выявил следующее соотношение потенциальных и собственно окказиональных адъективов на страницах публицистики А. И. Солженицына: 38 ед. (54 %) к 33 ед. (46 %) соответственно. Количество авторских адъективных единиц, созданных по законам словообразования, незначительно отличается от числа лексем, демонстрирующих отступление от нормы. Частотными приемами при создании собственно окказиональных имен прилагательных являются использование первого компонента композита, незафиксированного словарями в качестве начального (*запоздало-остервенелый* атеизм), нарушение морфологических и/или семантических характеристик производящей основы (*новоэмигрантская* газета: используемая А. И. Солженицыным схема близка к упомянутой в Русской грамматике – 80 узуальной «новый + -о- + имя прилагательное с суффиксом -т-» [8, с. 319], но нарушает ее как на уровне опорного компонента (автор употребляет имя прилагательное с суффиксом -ск-), так и на уровне семантики (первый компонент «ново-» не равнозначен сочетанию «только что», как того требует языковая заданность (ср.: *новоприбывший*)), несоблюдение стилевой принадлежности словообразовательного типа

(самомыслящий центр: свойственная для схемы «сам + -о- + действительное причастие» стилистическая окраска «техническая терминология» не реализуется в контексте (ср. с узуальными «самотвердеющий», «самопишущий»)).

Анализ семантики окказиональных имен прилагательных позволил осуществить группировку авторских адективов в соответствии со значением определяемого слова. Наиболее объемной (36 %) является группа незуалов, характеризующая человека (*трудоохотливая* семья, *мертво-обрюзгие* те [Секретариат], *захлебчивый* оратор, *светлоумый* либерал), его чувства и качества (*огненно-революционное* нетерпение, *легкохватчивый* юмор, *детски-озаренная* доверчивость), деятельность (*желанно-горькие* тяготы, *неподымная* работа). Вторая по численности группа адективов, определяющих различные компоненты социальной жизни (29 %): общественные события, явления, ситуации (*безмыслое* преследование, *кровеобильная* война, *кнуто-расстрельная* коллективизация, *содрогновенный* акт), организации и образования (*самоявленный* центр, *суетно-социалистическая* Рада, *раздемократическая* Англия), политические течения (*людовраждебная* сила, *угодно-заданное* направление). Остальные 35 % окказионализмов описывают составляющие культуры как совокупности человеческих достижений в области общественно-интеллектуальных отношений (*слитно-единая* культура, *преградная* система, *оскудительный* процесс, *печалославная* энциклопедия), определяют когнитивные (*самоясное* выражение, *поверхностно-плёночное* убеждение) и религиозные (*горькокоренное* разрознение, *доброискреннее* священство) понятия.

28 ед. (39 %) адективных окказионализмов А. И. Солженицына актуализируются в тексте. Наиболее частотными приемами актуализации являются 1) включение незуала в антонимические отношения («... больно видеть, как может он [художник], уходя в *своесозданные* миры или в пространства субъективных капризов, отдавать реальный мир в руки людей корыстных ...» [10, с. 406]: «...своесозданные миры <...>, реальный мир ...»), в ряд однородных членов («... русская литература до сих пор недостаточно усвоила Пушкина – и предложенную им широту <...>, и его *легкохватчивый*, попутный, скользящий беззлбный юмор ...» [11, с. 452]: «...*легкохватчивый*, попутный, скользящий <...> юмор...») или пояснение его значения в ближнем контексте («Взошел на русский трон ее [Елизаветы] племянник – ничтожный человек, *скудно-мелкий* ум, остановившийся в развитии на ребячем уровне ...» [12, с. 139]: «...*скудно-мелкий* ум, остановившийся в развитии на ребя-

чем уровне ...»), актуализирующие семантику окказионализма; 2) сопровождение новообразования одноструктурной единицей (узуальной или незуальной), имеющей в своем составе тождественную морфему («Не надо <...> игнорировать, обходить умозаключением – *самовозникший* и *самокрепнувший* в нашей стране православный мир» [11, с. 158]: «... *самовозникший* и *самокрепнувший* <...> мир...»; «...земство должно быть: *внеполитичным*, *внепартийным* и *вненациональным* ...» [12, с. 310]: «... *внеполитичным*, *внепартийным* и *вненациональным* ...»), подчеркивающее деривационный строй и значение авторского адектива. Как правило, писатель актуализирует семантику и структуру сложных образований путем введения их в ряды синонимов, антонимов или однокоренных слов, что может свидетельствовать о стремлении автора как можно более точно и емко передать свою мысль.

Функциональный анализ окказионализмов-глаголов выявил ряд особенностей. 69 % авторских незуалов полифункциональны (выполняют от двух до четырех функций одновременно), 31 % новообразований реализуют одну функцию. Соотношение авторских интенций при создании окказионализмов-глаголов следующее: экспрессия – 32 %, решение художественных задач – 27 %, номинация – 18 % и изменение структуры речи – 12 %. Остальные 11 % распределены между апелляцией, компрессией, стилистическими замыслами.

Было установлено, что экспрессия глагольных окказионализмов обусловлена потребностью:

– выразить авторскую оценку («Помню, как на фронте солдаты все сплошь отличали чудо *чистозвонного* “Тёркина” от прочих военных книг» [11, с. 15]. В качестве производящей базы используется фразеологическое выражение «чистый звон» со значением «настоящий, истинный, подлинный», с помощью которого создается эпитет, передающий высокую оценку произведения А. Т. Твардовского), отношение («... 5 миллионов *трудоохотливых* здоровых семей вместе с грудными детьми посланы умирать в зимней дороге или по прибытии в тундру» [10, с. 503]. Индивидуальная номинация признака осложняется экспрессией: негативное отношение автора к политическим процессам 30-х годов XX века передается с помощью контраста («трудоохотливые» (ср.: трудолюбивые), «здравые» семьи обречены на гибель)), в том числе иронию («Странно, вот уже несколько лет ширяет крыльями на Западе наш ничем не стесненный плюрализм <...> – и где же вереница его освежающих спасительных открытий? Всего лишь несколько *поверхностно-плёночных*, да еще и наследованных, убеждений» [11, с. 287]. В единице «поверхностно-плёночный» первый компонент реализует два

значения одновременно – относительное прямое, на базе которого создается авторское сравнение убеждений с пленкой, как с чем-то тонким, непрочным, и качественное переносное – «не затрагивающий существа дела; несерьезный». Создается наглядный эпитет-антоним («...вереница <...> освежающих, спасительных открытий» ↔ «поверхностно-плёночные убеждения»), передающий авторскую иронию по отношению к плюралистам);

– усилить общую тональность высказывания («Шалопутные “реформы” Ельцина раскололи население России на сословия преуспевающее и бесправнонищее <...>. Эти *допоследние*, сокрушительные удары – еще жестче, чем по государству, пришлось по народному сознанию. Они взломали последнюю нравственную опору, <...> они еще опоздали и завершили крушение народного сознания» [12, с. 199]. Префикс приобретает значение наивысшей степени градации признака: «допоследний удар» – самый последний удар. Семантика авторского адъектива актуализируется однородным определением «сокрушительный»);

– раскрыть авторское видение/понимание конкретных явлений («И сугубо не мог он [Николай II] отречься еще и за наследника. Где, кто, по какому вообще закону может отречься от каких-либо прав за несовершеннолетнего? <...> И Родзянке и думскому Комитету не оставалось наотрез ничего другого, как поддерживать наследника. А так как Совет депутатов не был готов к революционной атаке, то монархия бы и сохранилась... Но береженьем столь *многобереженого* сына Николай толкнул монархию упасть» [11, с. 405]. Повторение в пределах одного предложения однокорневых структур «береженье», «многобереженный» актуализирует деривационный строй и семантику новообразования, открывает авторское понимание истоков крушения российской монархии: вставшая перед царем роковая дилемма «кто же выше – сын или русская судьба? сын или престол?» [11, с. 405] решила им в пользу сохранения первого (ср.: «Николай II не понимал закона, он знал только свое отцовское чувство» [11, с. 405]). Неузвал передает субъективное понимание исторической эпохи).

Реализация эстетической функции предполагает создание эпитетов («Боже мой, с какой жадностью мы, каторжане <...>, ринулись к витрине, где вывешивалась центральная большевистская газета: вот сейчас и в наше подземное царство ворвется *алмазно-светлый* и алмазно-твердый луч истины и надежды» [11, с. 186]), метафор («Не расхлебывать нам сейчас тут заново *неразмесную кашу декабризма*» [11, с. 433]), антитезы («... где катятся у одних *неотирные* слезы, там другие приплясывают беспечному мюзиклу» [10, с. 400]), сравнений («... правительство <...>

весь офицерский корпус зачем-то оберегало *девственно-невежественным* в государственном мышлении» [11, с. 390]). Заметим, что состав приемов, с помощью которых осуществляются эстетические интенции на базе адъективных образований, в публицистике и художественной прозе А. И. Солженицына различны. Так, И. Г. Горвая среди семантических приращений у сложных неузвальных имен прилагательных из романа «Красное колесо» выделяет также случаи метонимического переноса [1, с. 183].

В заключение отметим, что преобладание структурно сложных адъективных окказионализмов, реализующих преимущественно экспрессивные и эстетические задачи, свидетельствует, на наш взгляд, о стремлении А. И. Солженицына за счет введения подобных новообразований в публицистические тексты емко, точно и наглядно выразить свою мысль.

Літаратура

1. Горвая, И. Г. Авторские окказионализмы в романе А. И. Солженицына «Красное Колесо» / «Август четырнадцатого»: на материале сложных прилагательных: дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2009. 240 с.
2. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
3. Карпович, В. Исследование новообразований и далевских слов у Солженицына / В. Карпович // Грани. 1974. – № 94. – С. 236–266.
4. Князькова, В.С. Отражение лексического своеобразия прозы А.И. Солженицына в словацких переводах: на материале рассказа «Один день Ивана Денисовича»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.С. Князькова. – СПб, 2009. 22 с.
5. Кузьмин, В. В. Поэтика рассказов А. И. Солженицына / В. В. Кузьмин. – Тверь, 1998. – 160 с.
6. Намитокова, Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитокова / Отв. ред. И. А. Ширшов. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1986. – 160 с.
7. Нива, Ж. Солженицын / Ж. Нива / Пер. с фр. Симона Маркиша в сотрудничестве с автором; Предисл. И. Виноградова. – М.: Художественная литература, 1992. – 191 с.
8. Русская грамматика: научные труды / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова и др. М., 2005. Т.1. 784 с.
9. Солганик, Г. Я. Публицистика как искусство слова / Г. Я. Солганик // Поэтика публицистики: сборник / Под ред. Г. Я. Солганика. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 3–9.

10. Солженицын, А. И. На изломах: Рассказы. Крохотки. Публицистика / А. И. Солженицын; Краткие пояснения Н. Д. Солженицыной. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 640 с.
11. Солженицын, А. И. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. 7: В Советском Союзе. 1967-1974; На Западе. 1974–1989. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. 512 с.
12. Солженицын, А. И. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. 8: Публицистика: На западе. 1990-1994; В России. 1994–2003. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. 576 с.
13. Темпест, Р. К проблеме героического мировоззрения (Солженицын и Ницше) / Р. Темпест, // Звезда. 1994. № 6. – С. 93–108.
14. Урманов, А. В. Поэтика прозы А. Солженицына / А. В. Урманов. – М.: Прометей, 2000. – 231 с.
15. Штурман, Д. М. Городу и миру = To the city and the world: О публицистике А. И. Солженицына / Д. Штурман. – Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988. – 432 с.

РАЗДЕЛ 9

Гісторыя, тэорыя і метадалогія журналістыкі

Николай Васык

Киевский университет имени Бориса Гринченко (Украина)

ОСОБЕННОСТИ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ РАДИОЖУРНАЛИСТИКИ 1930-х ГОДОВ (на примере двух радиопередач)

С момента выхода первых выпусков Украинского радио наблюдалась очень тесная связь радиовещания с печатной журналистикой. Так, выпуски эфирного вещания долгое время назывались радиогазетами (рабочая, крестьянская, комсомольская, пионерская, еврейская и эсперантогазета), а со временем более объемные – радиожурналами. К работе в радиоучреждениях разного уровня и непосредственной журналистской деятельности в эфире привлекались лучшие литературные таланты (Г. Косынка, В. Полищук, М. Семенко и др.), что обеспечивало высокий речевой художественный уровень выпусков, образность и точность выражений и – публицистичность программ, иногда чрезмерную.

Изучать историю Украинского радио 1920–30-х годов (как и всей мировой радиожурналистики) достаточно сложно. Ведь вещание велось в прямоэфирном режиме, технологии аудиозаписи тогда еще не было, поэтому о содержании и формальных особенностях передач можно узнать только из печатных источников (воспоминаний, реферативных материалов, обсуждений в прессе и т. п.). Поэтому, например, в «Основах радиожурналистики и радиоменеджмента» О. Гоян совсем не упоминает этот период [1], В. Лизанчук ограничивается несколькими абзацами о нем в фундаментальных «Основах радиожурналистики» [4, с. 17]. Неожиданно на помощь историкам отечественного радиовещания приходит как раз уже упоминавшаяся тесная связь радио с прессой и государственный контроль над массовым информированием.

Одни и те же люди создавали радиопрограммы, печатные издания и художественные тексты, поэтому пытались продублировать их в эфире или в печати (руководствовались заодно как популяризацией себя, так и финансовой прибылью). В свою очередь, власть заботилась о том, чтобы особенно важные в идеологическом аспекте материалы получили широ-

кий, многоканальный доступ к реципиенту («В тех странах, где оно (радио. – В.Н.) находилось под правительственным контролем, его влияние было колоссальным. Властители и политики получили возможность обращаться к своим народам и даже к другим странам при посредстве этой новинки. В тоталитарных обществах изобретение Маркони стало одним из главных рупоров партийной и правительственной пропаганды, а контроль над радиопространством определяли как одно из приоритетных направлений гарантирования госбезопасности...» [7]). Это приводило к тому, что определенная часть радиопрограмм полностью или частично попадали в печать, отдельными изданиями или частями изданий. Именно так вышли в свет «Радиовыступление» В. Кузьмича [3] и один из первых «радиомостов» между Киевом и Дальним Востоком в книге очерков Л. Плескачевского «Поезд идет на Восток» [5, с. 37–47].

Владимир Кузьмич (Кузьмыч) был известным литератором того времени (хотя и не первоядным), создателем так называемых производственных романов («Крылья»), среди них и о строительстве Днепрогеса («Турбины»), который тогда преимущественно называли Днепрэльстаном (Днепровская электрическая станция). Возведение Днепровской плотины было на то время весомым индустриальным прорывом советского государства, поэтому власть придавала ему особое пропагандистское значение. Как следствие, постоянно публиковались книги очерков, художественных текстов о ходе строительства, их переводили для союзного и зарубежного читателя, задачей отдельных литераторов стало постоянное освещение днепрэльстановских событий. К таким литераторам попал и уроженец Запорожья Владимир Кузьмич, который не только переводил в печать свои впечатления и наблюдения, но и готовил радиоматериалы. Одной из ключевых среди них была передача от 28 апреля 1932 г. (началом выхода указывается 19.00), которая не только транслировалась общесоюзными радиостанциями, но и передавалась за границу «станцией Коминтерна».

С. Трымбач указывал, что «теория кинематографического монтажа не случайно возникает в России... Оказалось, что из отдельных фрагментов зафиксированной киноплёнки реальности можно создать принципиально новый образ действительности. Поэтому автор почувствовал себя творцом мира, революционером, который из обломков старого сооружал невиданные доселе образы, своеобразные “сны о будущем”. Таким образом искусство доказывало свою способность овладевать действительностью, революционизировать ее сквозь проекцию на сознание зрительских масс. Именно это и было необходимо руководителям большевистской России, которые принялись “перемонтировать” весь мир.

Открытие широких возможностей манипулировать сознанием масс было быстро и соответственным образом оценено политиками и державотворцами» [6, с. 57]. Может показаться парадоксальным перенесение этого тезиса на радио 20–30-х годов: ведь прямой эфир не предусматривал никакого непосредственного монтажа аудиопленки. И все-таки... Более-менее значительная по объему передача не могла выходить в эфир без непосредственного сценария, и вот тогда принципы монтажа – гиперболизация «нужного», идеологически правильного, соответственное комбинирование фрагментов для усиления эффекта и уменьшения или умалчивания того, что в авторскую и партийную, общегосударственную политику не вписывается, – начинают активно применяться. На радио он часто применялся и при выходе передач в эфир. Пользовались тем, что слушатель не может видеть участников передачи, которые поэтому огромными кусками или полностью зачитывали заранее заготовленный (собственными силами, а чаще – усилиями журналистов) текст.

Именно такой подход активно использовался В. Кузьмичем в его «Радиовыступлении» с Днепровской плотины. Участие в сценарном монтаже принимают не только журналист, режиссер, техники, но и ударники Днепрэльстана, которые ждут в надлежащих местах своего времени, чтобы выступить с отчетом-речью. Итак, днепрэльстановцы заранее готовятся к выступлению. Из текста «Радиовыступления» можно сделать закономерный вывод, что монологи ударников были репродукцией заготовленных материалов (все равно слушатель не мог видеть, как они читают по бумажке). Так, в выступлениях передовиков производства очень большое количество точных цифр, патетических публицистических заявлений, трафаретных сравнений упадка «мира капитала» и расцвета советского общества, величаний деятелей партии и правительства, прежде всего Сталина, каждое из них завершается лозунговым восклицанием. Собственно, таких «обязательных» мест немало и в речи самого журналиста-ведущего В. Кузьмича, хотя он пытается придать им оригинальное, неповторное речевое оформление.

Чего стоят хотя бы такие фразы журналиста: «Это радуга под ногами. Это – растоптанная радуга, подчиненная большевиками, как и другие силы природных стихий»; «Этот досрочный пуск первых турбин свидетельствует, что ударный труд на базе соцсоревнования, на базе глубокого овладения ударниками марксизмом-ленинизмом дал невиданные последствия»; «Это следствие хорошего хозяйствования при нашей социалистической системе вопреки капиталистической, которая сейчас пребывает в состоянии мирового экономического кризиса и ищет выход в войнах, направленных против победного пролетариата,

против СССР»; «Теперь Днепр поднялся, стал и вот задышит шлюзом Днепрэльстана. Он теперь единый, монолитный, как большевики» [3, с. 6, 7, 11, 46]. Удивление вызывает и вычурный полет журналистской фантазии, и то, какое отношение к производственным успехам имеет теория марксизма-ленинизма (почему-то ею овладели только ударники), и то, как неожиданно всплывает «капиталистическая система» при рассказе о возведении плотины.

Не отстают от журналиста ударники. Уже с первых слов прораб Голтелов упоминает и «генеральную линию Ленина», и «загнивающий капитализм», и «под проводом ленинского большевистского ЦК во главе с т. Сталиным», и «оппортунистов, малOVERов» и т. д. [3, с. 16–17]. И этот прораб, и другие передовики постоянно вспоминают о «пятилетке за четыре года». К концу 1932 года экономистам уже было понятно, что это нереальный призыв, но можно понять рабочих, которым никто об этом ничего не говорил, а они или свято верили в такой лозунг, или бездумно, по инерции его повторяли. Зато были фразы и абсолютно абсурдные. После неудач из возведения «гребенки» «передовая часть технических командиров нашла выход в шести указаниях т. Сталина, на основе которых перестроили всю работу... На основе шести указаний т. Сталина гребенку закончили до начала паводка» [3, с. 18, 19]. Очевидно, что был найден какой-то технический выход, но уже в подсознании заложена потребность к месту и не к месту все объяснять «историческими» тезисами вождей и партийных документов, на смену которым через короткое время приходили не менее «исторические» заявления, чтобы так же быстро уйти в небытие.

«Да здравствует ленинский ЦК во главе с т. Сталиным, ведущим армию ударников на построение социализма во всем мире!» – такое и подобные завершения выступлений уже ни у кого не вызывают удивление. Воочию убеждаемся, что призывы-штампы, противопоставления прогрессивного социализма и загнивающего капитализма, ритуальные обращения к партии и ее вождю и т. п. утвердились в советском обществе, журналистике, художественной литературе еще до начала массовых репрессий 1933–35 гг. и 1937 г. Сплошная пропаганда, агитация становятся основой всех произведений разных жанров в литературе, прессе, на радио. Поэтому рассказы Голтелова, Романько, Лановенко, Захарченко, даже когда речь идет о каких-то конкретных ситуациях, смахивают на речи абстрактного характера из уст профессионального публициста или партийного руководителя.

На фоне «Радиовыступлений» за 1932 год россыпи политических штампов и призывов в монологах крестьян Киевщины и украинцев

дальневосточных колхозов, которые сплошь встречаем в книге «Поезд идет на Восток» Леонида Плескачевского за 1940 год, уже воспринимаются вполне привычно. Тема украинского освоения Дальнего Востока очень интересна, но проблемы экономического, бытового обустройства, сохранения национально-культурной идентичности находят освещение разве что в очерках Н. Пичугина «Утро над Уссури» и частично в «По прериям и джунглям Биробиджана» И. Багмута. В 1940 году об этом писать уже было опасно, поэтому Л. Плескачевский с энтузиазмом воспевае освоение дальневосточных земель и недр, частично упоминает о трудностях, но называет их исключительно временными. Главное же его задание – любыми способами убедить жителей Украины ехать на Дальний Восток, обещая им небывалое материальное и культурное благосостояние. Именно с такой целью проводился один из первых прямых радиомостов между Киевом и Хабаровском (при помощи телефонной связи с выходом в республиканский радиоэфир жители Киевщины общались с родственниками, выехавшими в Приамурье), а потом его текстовое воспроизведение появилось на страницах книги Плескачевского. Агитационно-пропагандистский характер в этой радиопередаче уже традиционно был доминирующим.

Как следствие, привычными кажутся слова из уст 25-летнего председателя сельсовета о том, что «наши колхозы под руководством партии, Советского правительства и лично товарища Сталина достигли огромных успехов, а рассказы о дальневосточных проблемах «специально выдумали и пустили враги для того, чтобы отпугнуть от переселения людей» [5, с. 38]. Для колхозников «главная радость – то, что мне дано право быть участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки» [5, с. 40], они приводят многочисленные цифры, свидетельствующие о процветании колхозов с точностью до полуцентнера и до гектара, значительно меньше – о заработках, но тоже до рубля и килограмма зерна на трудовни. Также ведется речь в их монологах-диалогах о том, что «трудовая дисциплина в колхозах сейчас укрепляется. В этом помогло нам постановление партии и правительства о мерах охраны колхозной земли от разбазаривания» [5, с. 40], о борьбе с лодырями. Абстрактной политической риторикой, понятно, переполнено выступление секретаря Хабаровского горкома ВКП (б) Р. Назарова, фактически оно состоит из одних агитационно-пропагандистских общих мест.

Вроде как случайно спрашивают «материковые» украинцы, как дела на границе, какой уровень военной подготовки среди колхозников (!). Но все тот же Назаров как неоспоримые общепонятные вещи изрекает тезисы, что «жить и работать на землях Дальнего Востока для каждого

гражданина нашей страны – высокая честь, ведь мы живем на границе с капиталистическим миром и охранять эти земли не каждому дано» [5, с. 46]. Зато совсем кратко сообщают крестьяне родственникам то, что должно бы их больше всего интересовало: как живут те или другие члены семей, как их здоровье, кто женился-родился, какие бытовые условия, личная жизнь, досуг и т. д. Неизменным рефреном в противовес звучит: «Товарищи, мы приглашаем вас к себе. У нас земли много, приезжайте осваивать богатства нашего края – огромные и неисчерпаемые! Ждем от вас сообщений о приезде, дорогие земляки»; «Переселяйтесь, товарищи колхозники, на наши свободные плодородные земли, мы окажем вам огромную помощь»; «Итак, товарищи земляки, переселяйтесь к нам, на Дальний Восток, строить еще лучшую жизнь»; «Приезжайте, товарищи, жить и работать в наших колхозах! Мы надеемся, что колхозники Советской Украины горячо откликнутся на наш призыв и приедут работать к нам» [5, с. 39, 40, 42, 43, 46]. Становится понятно, что реплики крестьян были не спонтанными, а заранее заготовленными (и никоим образом не ими самими, а «ответственными» работниками) и адресовались не только родственникам и односельчанам – всем жителям Украины.

Сосредоточенность на агитационно-пропагандистских заданиях не отрицает тот факт, что обе передачи отличаются и информационной насыщенностью. «Радиожурналистика (даже подвергаясь идеологическим указаниям, пребывая в зависимости от тоталитарной системы) пыталась документально отражать бытие страны; часто радио оставалось единственным информатором, средством связи людей с миром» [2, с. 5]. Самой объективной информацией могут казаться бесконечные ряды цифр, статистические производственные ведомости и т. п. Тексты «Радиовыступления» и радиомоста из книги Плескачевского переполнены цифровой информацией, которую на слух воспринять и, тем более, запомнить нереально. Правда, даже статистика выборочна: фиксируются завоевания, рекорды, рост темпов, преимущества над западными технологиями и полностью игнорируются потери, просчеты, существенное отставание от «капиталистического» производства и пр. В. Кузьмич скрупулезно фиксирует даты и даже время этапов строительства плотин, пуска турбин.

«Радиовыступление» фиксирует зарожденную тогда традицию хвастаться всем, что «самое-самое-самое» («Огром-турбогенератор, каких еще нигде не пущено в мире...» [3, с. 8]), сравнивать отдаленные цифры и явления ради внешнего эффекта и наглядности огромных объемов работ, средств, материалов и пр.: «...сегодня первая турбина дала ток для

местных нужд. А это энергия целого Волховстроя! Это значит, что 10 цистерн нефти... вернутся на другие потребности...» [3, с. 10–11]. Радиомост, воспроизведенный Л. Плескачевским, в каждом рассказе участников содержит похожий набор цифр типа: «За колхозом закреплено 4403 гектара земли. Зерновых культур имеем 400 гектаров, сенокоса у нас – 500 гектаров, выгона – 300 гектаров, 90 гектаров картофеля, 146 гектаров овощей, 28 гектаров бахчевых, 33 гектара разных других культур. В 1938 году колхоз собрал: 101 центнер картофеля с гектара, 138,5 центнера помидор с гектара, 180,5 центнера капусты и по 100 центнеров других овощей» [5, 41]. Даже рассказчик не может без бумажки помнить эту статистику с очень точными цифрами. Закономерно, что печатный вариант значительно более приемлемый для реципиента.

В плане профессиональности материал В. Кузьмича отличается значительно более высоким уровнем. И дело совсем не в том, что, как у литератора, у него значительно образнее, ярче язык. Владимир Кузьмич оказывается умелым модератором: он дает много важной информации о прошлом, настоящем и будущем строительства Днепрэльстана, творит при помощи слов зрительные образы, знакомит слушателей с каждым участником передачи, перекидывает «мостики» от собственной речи к речи ударников и наоборот. А телефонный радиомост Киев – Хабаровск является простым воспроизведением монологов-диалогов и реплик крестьян и партработников. Невидимый руководитель «за микрофоном», очевидно, существует, передавая поочередно слово каждому из участников, но в эфире он никоим образом не проявляется. Кем являются рассказчики, почему именно они стали участниками радиомоста – можем догадываться только из их сообщений о себе.

В. Кузьмич и радиотехники пытаются максимально использовать возможности звука. В печатном виде «Радиовыступления» это находит проявление в ремарках, которые подаются курсивом: «(в микрофон врываються гудки заводов)»; «(микрофон реагирует на плеск волн)»; «(в микрофон влетают звуки рожка и глухого взрыва)» и др. [3, с. 4, 11, 21], или же в авторских словах: «Мы включаем микрофон внизу возле самой воды... Слышите широкий рев великана? Он гудит за километры по нижнему бьефу» [3, с. 5]. К этому добавляются авторские ремарки типа: «Вот пята водопада»; «Посмотрим на север... Слышите плеск воды? <...> Это раскинулось перед нами вдоль и ширишь новое озеро – озеро Ленина» [3, с. 5, 11] и много других подобных фраз. К этому прибавляются характерные для репортажа субъективные эмоциональные риторические восклицания, вопросы, впечатления и т. д.

Печатные варианты двух передач свидетельствуют об их разном профессиональном уровне («Радиовыступление» В. Кузьмича является одним из лучших примеров объемного радиорепортажа, радиомост был простой репродукцией реплик), но объединяются идеологизированностью, заангажированностью. В их защиту можно было бы сказать то, что профессиональные журналистские стандарты объективности, непредвзятости, сбалансированности подачи информации еще не были выработаны. Однако проблема состоит в том, что в советской журналистике они так и не были усвоены и никогда позже, а приведенные в книгах материалы свидетельствуют, что публицистическая риторика, односторонность, уместные и неуместные выпады против «мира капитала» утвердились в советской журналистике еще в 1920–30-е годы.

Літаратура

1. Гоян, О.Я. Становлення радіоринку в Україні / О.Я. Гоян // Основи радіожурналістики і радіоменеджменту: підручник / О.Я. Гоян. – Київ: ВПЦ «Київський університет», 2004. – С. 39–60.
2. Історія національного радіофіру: архівні матеріали (1942–1969) / Упор. Н. Сидоренко. – Київ: Ін-т журналістики, 2004. – 115 с.
3. Кузьміч, В. Радіовиступ / В. Кузьміч. – Харків: Видавництво письменників «Гарт», 1933. – 46 с.
4. Лизанчук, В.В. Основи радіожурналістики: підручник / В.В. Лизанчук. – Київ: Знання, 2006. – 628 с.
5. Плєскачєвський, Л. Поїзд іде на схід / Л. Плєскачєвський. – Київ: Державне в-во політичної літератури при РНК УРСР, 1940. – 63 с.
6. Тримбач, С. Українське кіно 1920-х років / С. Тримбач // Нариси з історії кіномистецтва України. – Київ: Інтертехнологія, 2006. – С. 53–75.
7. Цюпин Б. Ера радіо [Електронний ресурс] / Б. Цюпин. – 2013. – Режим доступу: <http://tyzhden.ua/History/70601>. – Дата доступу: 30.01.2014.

Людмила Грамович

Газета «Зорька» (Беларусь)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, ПРИОРИТЕТНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПЕЧАТНЫХ СМИ ДЛЯ ДЕТСКО-МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ

Особую, не только информационно-просветительскую и познавательно-обучающую, а именно человекоформирующую миссию выполняют в современном обществе адресованные подрастающей смене издания с многолетней историей, традициями и безупречным авторитетом. В условиях глобализации и масштабной интернет-оккупации мирового

медийного пространства выживать печатным СМИ для юных граждан довольно сложно без действенной поддержки со стороны государства. И очень отраднo, что Республика Беларусь – одна из немногих стран, где первостепенное внимание уделяется высокопрофессионально издаваемым еженедельным газетам для детей, подростков, молодежи («Зорька», «Переходный возраст» и «Раніца», «Знамя юности»). Редакции не просто освещают происходящие события, сеют в юных душах «разумное, доброе, вечное», а и непосредственно содействуют в реализации социальной политики в интересах подрастающего поколения, всесторонней реализации прав детей, подростков на здоровье, развитие талантов и инициатив, самовыражение как полноправных членов в обществе. Формирование активной гражданской позиции осуществляется через включение читателей в социально значимую деятельность, через миротворчество, участие в работе детской редколлегии газетного издания, через постижение основ информационной и коммуникационной культуры. К примеру, предлагаемые редакцией газеты «Зорька» творческо-воспитательные проекты способствуют укреплению «мостов взаимодействия», плодотворному партнерству между молодежью и представителями госструктур, общественных объединений, ответственных за реализацию молодежной политики в стране; популяризации общепризнанных человеческих ценностей, сохранению национальных культурно-исторических традиций; реализации потребностей детей, подростков, молодых людей в непосредственном общении со сверстниками; действенной поддержке юных в самоутверждении в обществе как полноправных граждан; популяризации инновационных проектов для совместного культурно-просветительского времяпрепровождения юных и взрослых; продвижению перспективных форм и методов работы с одаренными детьми и подростками; обучению практическим навыкам журналистского мастерства и действенной помощи начинающим журналистам в дальнейшей самореализации; привлечению внимания общественности к социально значимой деятельности юнкоров; мониторингу мнений детей, молодежи по вопросам современности с целью поддержки креативных идей и предоставления возможности участвовать в социально значимых программах.

Опираясь на накопленный за 69 лет существования газеты «Зорька» положительный опыт предшественников, редакция вполне успешно реализует белорусско-российские творческие проекты (конкурсы и детские праздники под эгидой Союзного государства в рамках Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске»), совместные пле-

нэры для юных художников и издание спецвыпусков с редакцией детской газеты Союзного государства «Друзья – Сябры» и другими изданиями Российской Федерации), организует пресс-туры для белорусских и российских юнкоров по Союзному государству, выпускает печатную продукцию детско-юношеской тематики. «Зорька» не просто информационно-аналитический, издательский центр, где аккумулируются креативная энергия начинающих журналистов и опыт уже состоявшихся в профессии специалистов, а штаб добрых начинаний с многочисленной командой организаторов-единомышленников. Проведение круглых столов, пресс-туров и конференций, мастер-классов и встреч с интересными людьми способствует повышению информационно-образовательного уровня детей, подростков, приобретению ими полезного опыта участия в открытых публичных и через интернет-сайты обсуждениях молодежных проблем, возможности непосредственно участвовать в процессе становления единого информационного пространства Союзного государства. Благодаря активной деятельности редакции «Зорьки» расширяются дружественные связи между молодежными, детскими организациями Беларуси и других стран, объединяется творческий потенциал молодых в области детско-молодежных СМИ.

Среди запланированных на 2014 год творческих проектов основные следующие: образовательно-познавательные для юнкоров Беларуси и России «Энергетика будущего в представлении юных», «Союзное государство – наш общий дом», «Права детей: от А до Я», а также творческо-спортивные «Олимпийская радуга», «Хоккей – любимая игра», «Олимпийцами растем» (посвященные XXII Олимпийским и XI Паралимпийским зимним играм 2014 года в г. Сочи, чемпионату мира по хоккею 2014 года в г. Минске). Традиционно печатную форму подачи информационного и фотоматериалов на газетных полосах существенно дополняют предоставляемые Интернетом возможности веб-сайта www.zorika.by.

В народе мудро подмечено: залог успешного движения вперед – в неразрывной преемственности поколений. В умении дорожить прошлым заключается неисчерпаемая нравственная сила, позволяющая достигать новых высот. Однако, чтобы не утратить интерес нынешних детей и подростков, нужно жить и их сегодняшними интересами, использовать передовые технологии и умело вести за собой, будучи рядом и на шаг впереди.

Пётр Дарашчонок

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ПУБЛІЦЫСТЫ «ЗВЕЗДЫ» АБ ДЗЯРЖАЎНЫМ САМАВЫЗНАЧЭННІ БЕЛАРУСІ (1917–1921 ГГ.)

Напярэдадні Кастрычніка 1917 г. у Беларусі партыйная барацьба бальшавікоў за лідарства ў Саветах прывяла да іх выхаду з «аб'яднанкі», дзе РСДРП(б) супрацоўнічала з меншавікамі і бундаўцамі, пасля чаго былі сфарміраваны самастойныя арганізацыі ў Гомелі, Мінску, Віцебску, Полацку, Оршы, Бабруйску, Слуцку і іншых гарадах. Са згуртаваннем усіх бальшавіцкіх сіл Беларусі ў адзіную арганізацыю ў чэрвені-верасні 1917 г. самым цесным чынам звязана і стварэнне друкаванага органа Паўночна-Заходняй арганізацыі – газеты «Звезда». Яна стала правадніком у жыццё ідэй арганізацыі бальшавікоў Беларусі, якая ў верасні налічвала 9190 членаў партыі і спачуваючых [5, с. 258]. Галоўнай задачай бальшавіцкай арганізацыі ў краі стала барацьба за ўладу.

Паколькі рэфармісцкі шлях развіцця Расіі страчваў свае перспектывы, бальшавікі яшчэ напярэдадні выбараў ва Устаноўчы сход заклікалі байкатаваць кандыдатаў ад партыі кадэтаў – галоўнай сілы буржуазна-ліберальнага лагера. У артыкуле «О политических партиях в России», змешчаным у «Звезде» 4 лістапада 1917 г., А. Мяснікоў называў яе «партыяй народнай няволі». Аўтар адзначаў, што «...кадэцкія справы накіраваны якраз супраць народа і рэвалюцыі, супраць свабоды, міру і зямлі. Гэта кадэты зацягваюць вайну, гэта яны ўстаўляюць палкі ў колы рэвалюцыі, стараюцца, каб народ [не] меў сваёй свабоднай рэвалюцыйнай улады. Кадэты паступаюць так таму, што гэтую партыю складаюць буржуа-капіталісты, г. зн. фабрыканты, заводчыкі і памешчыкі. Народу няма чаго рабіць з гэтай партыяй, працоўныя не могуць і не павінны давяраць свае інтарэсы гэтай партыі таўстасумаў і прыгнятальнікаў». У гэтай жа публікацыі аўтар рэзка крытычна ацэньваў палітычныя праграмы эсэраў і меншавікоў.

На першым этапе рэвалюцыі публіцысты «Звезды» асноўную ўвагу ўдзялялі пытанням палітычнай барацьбы за масы з эсэрамі, меншавікамі і іншымі дробнабуржуазнымі рэвалюцыйнымі партыямі. Супярэчнасці паміж эвалюцыйным і рэвалюцыйным шляхамі развіцця, іх несумяшчальнасць праявіліся ўжо у кастрычніку-лістападзе 1917 г., калі да ўлады ў краіне прыйшла кааліцыя левых сіл, у якой аб'ядналіся бальшавікі, левыя эсэры, анархісты. Што ж датычыцца пытання аб нацыянальным самавызначэнні Беларусі, то кіраўнікі Паўночна-Заходняй

абласной арганізацыі РКП(б) і Аблвыкамзаха прытрымліваліся пазіцыі абласніцтва, г. зн. былі прыхільнікамі стварэння Заходняй вобласці як адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі без уліку нацыянальна-этнаграфічных граніц пражывання тытульнай нацыі краю.

Будучую перамогу пралетарскай рэвалюцыі ў сусветным маштабе бальшавікі лічылі пачаткам адмірання дзяржаўнасці. Гэты глабальны праект лічыўся справай першачарговай важнасці, а стварэнне новых новых дзяржаў расцэньвалася як перашкода гэтаму. Таму дзейнасць леварадыкальнага (сацыялістычнага) крыла па каардынацыі працы беларускіх нацыянальных сіл, пазней арганізацыйна аформленага ў Белнацкам, выклікаў у А. Мяснікова і іншых кіраўнікоў Аблвыкамзаха адмоўную рэакцыю. З лютага па лістапад 1918 г. «Звезда», адлюстроўваючы пазіцыю смаленскіх камуністаў, не падтрымала ніводнай ініцыятывы Белнацкама па ажыўленні беларускай работы ў Заходняй вобласці.

З вызваленнем Беларусі ад нямецкай акупацыі Аблвыкамзах спадзяваўся канчаткова ўзаконіць Заходнюю вобласць актам УЦВК. На яго пасяджэнні неўзабаве і быў прыняты праект пастановы аб абласных аб'яднаннях, які прадугледжваў захаванне Заходняй вобласці ў складзе Мінскай, Гродзенскай, Магілёўскай, Віцебскай і Смаленскай губерняў, але межы вобласці вызначаліся пераважна па нацыянальна-тэрытарыяльным прынцыпе. Дакумент 15 снежня 1918 г. апублікавала «Звезда». Крыху пазней лідар смаленскіх камуністаў А. Мяснікоў, які ўжо палічыў справу закончанай, аддаў указанне газетам больш не друкаваць матэрыялы аб «беларуска-рэспубліканскай хімеры» [8, с. 67].

Але ўжо 25 снежня І. Сталін паведаміў па тэлефоне А. Мяснікову ў Смаленск: «ЦК партыі вырашыў па многіх меркаваннях, аб якіх цяпер гаварыць не прыходзіцца, згадзіцца з беларускімі таварышамі на ўтварэнне Беларускага савецкага ўрада. Пытанне гэта вырашана і абмяркоўваць ужо не прыходзіцца, неабходна толькі зрабіць некаторыя змены ў канструкцыі Аблвыкамзаха» [8, с. 71]. Смаленскія кіраўнікі былі вымушаны пагадзіцца на абвешчэнне дзяржаўнасці Беларусі на савецкай аснове ў Смаленску з удзелам Белнацкама. Галоўную ролю ў такім тэрміновым абвешчэнні беларускай дзяржаўнасці адыграў знешнепалітычны фактар: абвастраліся адносіны з Польшчай, а заходнія дзяржавы планавалі ліквідаваць бальшавіцкую ўладу.

У дакументах першага з'езда кампартыі бальшавікоў Беларусі, апублікаваных ў «Звезде», значылася, што самастойнасць рэспубліка атрымала, каб «супрацьстаяць націску цесным колам акружаючых нас наёмных банд і цёмных полчышчаў імперыялізму». Па-сутнасці,

гэта быў апераджальны манёўр, накіраваны супраць магчымых спроб лідараў нацыянальна-дэмакратычнага руху па ўстанавленню «фактычнага буржуазнага самавызначэння народаў» і «разгулу капітала» [13].

Аб'яўленне 30 снежня 1918 г. VI абласной партканферэнцыяй самастойнай ССРБ у межах Гродзенскай, Мінскай, Магілёўскай, Віцебскай і Смаленскай губерняў паўплывала і на статус «Звезды», якая становілася выдучай партыйна-савецкай газетай маладой рэспублікі.

З гэтага часу падлягалі ліквідацыі Аблвыкамзах і Белнацкам, а смаленскія «абкамаўцы» на чале з А. Мясніковым аказаліся ў адной камандзе са сваімі ўчарашнімі апанентамі – Цэнтральным Бюро беларускіх секцый пад кіраўніцтвам Д. Жылуновіча і лідарамі Маскоўскай беларускай секцыі РКП(б). Абнародаваны ў ноч з 1 на 2 студзеня «Маніфест Часовага Рабоча-Сялянскага Савецкага ўрада Беларусі» дэклараваў «поўны суверэнітэт» Беларускай рэспублікі. Але пры будаўніцтве беларускай рэспублікі на савецкай аснове партыйная «вертыкаль» была больш важнай «нясухай канструкцыяй», чым нацыянальнае самвызначэнне.

А. Мяснікоў бачыў небяспеку для бальшавіцкай рэспублікі ўжо ў самым факце прысутнасці беларусаў у вышэйшых органах улады: «Наконт сепаратызму. Мы казалі, што для рэспублікі няма глебы, але для нацыяналізму яна знойдзеца. Але тут мы пазбеглі гэтага, таму што ва ўрадзе былі камуністы-небеларусы. Але паколькі ЦК хоча стварыць урад з чыста беларусаў – зыйдуць лепшыя таварышы, застануцца камуністы-нацыяналісты, і тады Беларусь стане нацыяналістычнай рэспублікай» [1]. У выніку з кіраўніцтва Беларускай рэспублікі выйшлі тры наркмы – Ф. Шантыр, У. Фальскі і Я. Дыла.

У сваёй прамове на аб'яднаўчым з'ездзе Камуністычных партый Літвы і Беларусі В. Кнорын больш падрабязна спыніўся на прычынах разыходжання смаленскай групы з белнацкамаўцамі пры вызначэнні стратэгіі нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва ССРБ: «пасля таго, як мы аб'явілі Беларускаю рэспубліку і ўтварылі Камуністычную партыю Беларусі, фармальна зусім самастойныя, мы на справе і засталіся так жа залежнымі ад ЦК РКП(б) і падпарадкоўваліся ўсім яго ўказанням і рашэнням. Выбранае на з'ездзе Камуністычных арганізацый Цэнтральнае бюро павінна было кіраваць Беларускай рэспублікай. Але некаторыя асобы, якія незалежна ад нашай волі ўдзельнічалі ў стварэнні Беларускай рэспублікі і ўвайшлі ва ўрад, надзвычай ўскладнілі работу ЦБ. Цяжка было гаварыць з імі, бо яны ўнеслі зусім іншы струмень, падчас далёкі ад камуністычнага цяжэння. І толькі на з'ездзе Саветаў у Мінску

мы вырашылі пытанне, ачысціўшы свае рады ад асобных непажаданых элементаў» [9].

Калі 16 студзеня 1919 г. ЦК РКП(б) з улікам неспрыяльнай знешнепалітычнай сітуацыі прыняў рашэнне аб выключэнні Смаленскай, Віцебскай і Магілёўскай губерняў са складу ССРБ і аб'яднанні Мінскай і Гродзенскай губерняў з Літоўскай ССР, то з гэтым рашэннем не пагадзіліся ўжо А. Ф. Мяснікоў, В. Г. Кнорын, І. Рэйнгольд. Прыхільнікі абласніцтва ўбачылі у гэтым не столькі пагрозу існаванню Беларускай рэспублікі, колькі небяспеку для Заходняй вобласці як адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі, што вяло да разбурэння адзінага эканаміка-прамысловага раёна. А. Мяснікоў пад пагрозай партыйнага суда быў вымушаны згадзіцца з рашэннем цэнтра, яго тут жа адклікалі на партыйную работу ў Маскву. Лідара беларусаў-камуністаў Д. Жылуновіча накіравалі на журналісцкую працу ў Харкаў. Іншыя члены ЦБ КП(б)Б атрымалі толькі другарадныя пасады ва ўрадавых структурах Літоўска-Беларускай ССР. «Звязда» ўжо як орган Літоўска-Беларускай ССР пераехала ў Вільню, паколькі БССР праз два месяцы пасля яе абвяшчэння аказалася фактычна ліквідаванай.

Падчас нямецкай (1918 г.) і польскай акупацыі (1919–1920 гг.) вызначыліся больш-менш выразныя арыенціры ў супрацоўніцтве беларускіх бальшавікоў з мясцовымі палітычнымі партыямі і арганізацыямі. Эсэры і БСГ, здаецца, канчаткова дыскрэдытавалі сябе ў вачах бальшавікоў супрацоўніцтвам з урадавымі коламі БНР. В. Кнорын у артыкуле «Восемь месяцев Советской Белоруссии» адзначаў, што яны «былі ўшчэнт разбіты ў кастрычніку і пасля таго, звязаўшыся са зласчаснай беларускай радай у лютым 1918 г., што на некалькі дзён захапіла ўладу, ганебна здаліся на літасць польскага генерала Доўбар-Мусніцкага, а пазней нямецкага каменданта, яны канчатковы страцілі свой крэдыт у масах» [7].

Але асобныя мясцовыя рэвалюцыйныя партыі ўсё яшчэ карысталіся значнай падтрымкай насельніцтва, таму бальшавікі імкнуліся прыцягнуць іх кіраўнікоў да нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва. Будучаму старшыні Мінскага рэўкома І. Рэйнгольду было даручана «аднесціся беражліва да яўрэйскіх сацыял-дэмакратычных арганізацый, Бунду і «Паалей-Цыён», шанаваць і далучаць да савецкай працы бундаўскія культурныя сілы і пры закрыцці існуючых у Мінску буржуазных і псеўдасацыялістычных газет зусім не закранаць органа Бунда «Дер Векер», а садзейнічаць яго выхаду, калі ён зойме савецкую пазіцыю» [7].

Работу з яўрэйскімі сацыял-дэмакратычнымі сіламі беларускія ўлады разгарнулі ў некалькіх напрамках – прызначалі кіраўнікоў гэтых партый

на адказныя пасады, мабілізавалі разам з камуністамі членаў яўрэйскіх партый у рады Чырвонай арміі і на франтавую працу, далучалі абуджаныя рэвалюцыйнай стракатай дробнабуржуазныя масы да савецкага будаўніцтва.

Найважнейшым пытаннем «Звезда» лічыла кансалідацыю ўсіх народаў Беларусі вакол ідэі будаўніцтва самастойнай рэспублікі на савецкай аснове, дасягненне фактычнай роўнасці нацыянальных меншасцей на беларускай зямлі. Газета востра крытыкавала мясцовыя органы ўлады, патрабавала больш рашучасці ў барацьбе з антысемітызмам, распальваннем міжнацыянальных канфліктаў: «Саветы не ведаюць ні яўрэя, ні магаметаніна, ні праваслаўнага. Яны клапоцяцца аб усіх працоўных, аб усіх сумленных людзях, якія жадаюць дапамагаць уладзе рабочых і сялян. І Саветы жалезнай рукою раздавяць усялякую спробу, накіраваную ў бок размыкання радоў пралетарыяту і парушэння мірнага суіснавання народаў» [4].

Адсутнасць палітычнага адзінства нацыі (частка беларусаў удзельнічала ў структурах БНР, бальшавікі стварылі беларускую рэспубліку на савецкай аснове) і складанасць знешнепалітычнай абстаноўкі пэўны час давалі нацыянальна-дэмакратычнай і камуністычнай плыням рэальныя шансы на рэалізацыю ўласнага варыянту дзяржаўнасці. «Звезда» ў публікацыях аб дзейнасці нацыянальных урадаў БНР, Літоўскай Тарыбы, суседняй Украіны, імкнулася паказаць перавагі нацыянальнага развіцця на савецкай аснове. У артыкуле «Крах самостийности» падводзіліся першыя вынікі аб'яўленай на Украіне незалежнасці пад сцягам нацыянальна-дэмакратычных сіл. Ананімны аўтар газеты пісаў: «Адраджэнне, якое адразу не стала на шлях камунізму, аддало Украіну на паток і разграбленне» [11]. Змешчаны на старонках «Звезды» артыкул В. Астрава «Зло национализма» перасцярагаў ад празмернага захаплення «нацыяналізмам» і «шавінізмам» і саміх беларусаў: «Пад Савецкую ўладу ў Заходняй вобласці дакладна падкапваліся, стараючыся класавае абласное аб'яднанне замяніць нацыянальным» [3]. Гэтыя радкі – сведчанне таго, што пасля нядаўняга абвяшчэння ССРБ былыя кіраўнікі Аблвыкамзаха на чале з В. Кнорыным зноў адкатваліся на пазіцыі абласніцтва.

«Звезда» рашуча выступала супраць спроб ўрадавых колаў Польшчы прад'явіць свае правы на беларуска-літоўскі край. У артыкуле «Непрошенные защитники» крытыкавалася пазіцыя міністра замежных спраў, які сцвярджаў, што рускія войскі «навадняюць Літву і Беларусь, тым самым уводзячы савецкую адміністрацыю ў чужых для яе краінах і

прыгнечваючы народы тым, што адмаўляюць ім у праве кіраваць сваім лёсам» [12]. Беларусь і савецкі лад, па меркаванні публіцыста «Звезды», не чужыя адзін аднаму, і толькі пры савецкім ладзе гэты буйны нацыянальны рэгіён можа вольна ўздыхнуць, пазбавіцца ад шматвяковага прыгнёту польскіх паноў і самастойна вырашыць свой лёс.

На нейкі час тэма супрацоўніцтва з міжнародным пралетарыятам стала дамінуючай у публікацыях «Звезды». Газета лічыла нерэальнай магчымасць польскай агрэсіі на Усход «для аднаўлення межаў старой Польшчы» [2]. Публіцысты выказвалі надзеі, што ў хуткім часе «полымя сацыяльнай рэвалюцыі ахопіць усю Польшчу і дабавіць да федэрацыі яшчэ адну Савецкую Рэспубліку» [10].

Але варта было Ю. Пілсудскаму распачаць наступленне легіёнаў на мінска-маладзечанскім напрамку, як бальшавікі пачалі шукаць шляхі выратавання сваёй улады ў скасаванні савецкіх нацыянальных дзяржаўных утварэнняў. «Існаванне асобных рэспублік... падчас стрымлівае гэту вялікую справу барацьбы супраць сусветнай контррэвалюцыі, стварае сепаратныя дзеянні і вузкі правінцыялізм, часам разглядаючы пытанні першачарговай важнасці для сукупнасці ўсіх савецкіх рэспублік з уласнага пункту гледжання», – пісаў адзін з аўтараў «Звезды» ў маі 1919 г. [6]. Ён рабіў выснову, што стварэнне невялікіх самастойных рэспублік у перыяд панавання буйнога капіталу з'яўляецца справай абсалютна немагчымай.

Восенню 1919 г. Літоўска-Беларуская савецкая рэспубліка спыніла сваё існаванне ў выніку замежнай ваеннай інтэрвенцыі («Звезда» яшчэ 19 ліпеня 1919 г. паведаміла аб фактычнай ліквідацыі яе ўрада), але бальшавікі не адмаўляліся ад барацьбы за часова акупіраваныя тэрыторыі, мяркуючы аднавіць у беларуска-літоўскім краі дзяржаўнасць ў той або іншай форме. Гэту пазіцыю адлюстроўвалі і публікацыі газеты (*Меницкий И.* Беларуссия была и будет советской. «Звезда», 1920, № 77; *Каган Я.* Беларуссия оживет. «Звезда», 1920, № 84; *Рейнгольд И.* Происхождение Советской власти в Белоруссии. «Звезда», 1920, № 1).

Як партыйны орган ЦК ЛітБел, «Звезда» працягвала свой выхад у Смаленску. За час ад жніўня 1919 г. да ліпеня 1920 г. погляды кіраўнікоў ЛітБел на нацыянальнае пытанне істотна змяніліся. На гэта моцна паўплывала палітычная сітуацыя ў Беларусі – актывізаваліся сілы, што рашуча супраціўляліся польскім уладам (беларускія камуністы, эсэры, арганізацыя «Маладая Беларусь» і інш.). Цеснае супрацоўніцтва ў перыяд польскай акупацыі краю бальшавікоў і эсэраў зрабіла магчымым стварэнне кааліцыйнага беларускага ўрада пры другім абвешчэнні БССР 31 ліпеня 1920 г. Але непрымірымасць эсэраў з пазіцыяй цэн-

тра, які патрабаваў абвешчэння «карлікавай» Беларусі у межах былой Мінскай губерні без уліку граніц этнічнага пражывання беларускага народа, перакрэсліла рэальную магчымасць далейшага супрацоўніцтва. Далей па шляху да самастойнасці Беларусі бальшавікі пайшлі ўжо без «спадарожнікаў» з іншых рэвалюцыйных партый, але з багажом, напрацаваным прадстаўнікамі беларускага і яўрэйскага рухаў, якія сталі актыўнымі ўдзельнікамі дзяржаўнага будаўніцтва на савецкай аснове.

Такім чынам, адным з уплывовых цэнтраў, што ажыццяўлялі ідэйнае кіраўніцтва падчас станаўлення беларускай рэспублікі ў 1919–1920 гг., стала газета «Звезда». У друкаваным органе ЦБ КП(б)Б вызначаліся шляхі будаўніцтва савецкай улады ў краі, ставіліся праблемы раўнапраўя нацыянальных меншасцей, абмяркоўваліся пытанні знешняй палітыкі і інш. «Звезда», з'яўляючыся друкаваным органам мясцовага партыйнага цэнтра, адначасова стала выразніцай памкненняў шырокіх працоўных мас. У гады грамадзянскай вайны і замежнай ваеннай інтэрвенцыі публіцысты газеты не толькі многае зрабілі ў справе далучэння кіраўнікоў і членаў дробнабуржуазных рэвалюцыйных партый да актыўнай савецкай работы, але і прынялі актыўны ўдзел ў распрацоўцы і тэрэтычным абгрунтаванні шляхоў нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва Беларусі на савецкай аснове.

Літаратура

1. 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское правительство Белоруссии: Док. и материалы / Сост. В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]; науч. ред. М.Ф. Шумейко. – Минск: Лимариус, 2005.
2. Альфа-Бета. На тему дня / Альфа-Бета // Звезда. – 1919. – 14 февр.
3. Астров, В. Зло национализма (К оздоровлению Советской Белоруссии) / В. Астров // Звезда. – 1919. – 18 февр.
4. Борьба с антисемитизмом // Звезда. – 1919. – 31 янв.
5. Гісторыя Беларусі: у 2 ч. – Ч. 2. XIX–XX стагоддзі: курс лекцый / П.І. Брыгадзін, У.Ф. Ладыеў, П.І. Зялінскі і інш. – Мінск: РІВШ БДУ, 2002. – 656 с.
6. Дзяркач. Мینیны новейшего образца / Дзяркач // Звезда. – 1919. – 1 февр.
7. Кнорин, В. Восемь месяцев Советской Белоруссии / В. Кнорин // Звезда. – 1919. – 17 сент.
8. Круталевич В.А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.). / Круталевич В.А. – Серия: «История Отечества», приложение к журналу «Право и экономика». – Минск, 1999.
9. Объединительный съезд Коммунистических партий Литвы и Белоруссии // Звезда. – 1919. – 9 марта.

10. Октябрин, Н. «Большевицские микробы» и польский карантин / Н. Октябрин // Звезда. – 1919. – 16 февр.

11. П. Б. Крах самостийности / П. Б. // Звезда. – 1919. – 17 янв.

12. П. К. Непрошенные защитники / П. К. // Звезда. – 1919. – 28 янв.

13. Протокол 1-го Съезда Коммунистической Партии (большевиков) Белоруссии. Первый день (30/ХІІ.1918 г.) // Звезда. – 1919. – 17 студз.

Сяргей Дубовік

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

РАСІЙСКІЯ ГАЗЕТЫ НА ІНФАРМАЦЫЙНЫМ РЫНКУ БЕЛАРУСІ: ВОПЫТ АДАПТАЦЫІ

Канстатууючы змяншэнне беларускай аўдыторыі большасці расійскіх газет, трэба адзначыць, што для грамадзян нашай краіны чытанне перыёдыкі як форма правядзення вольнага часу не можа параўнацца з іншымі відамі СМІ, перш за ўсё тэлебачаннем. Аднак, як і раней, для актыўнага, зацікаўленага грамадзяніна газеты з'яўляюцца натуральным рэферэнтным асяроддзем. Газета адраджаецца як сродак сур'ёзнай інфармацыі і палітыка-эканамічнага аналізу, адрасаваных таму сацыяльнаму асяроддзю, што знаходзіцца на больш высокім узроўні адукацыі і мае большы прыбытак. Расійскія агульнаацыянальныя газеты нясуць беларускаму чытачу інфармацыю, што стала звыклай за гады існавання адзінай дзяржавы.

У гэтых умовах адбываецца адаптацыя газет суседняй дзяржавы на беларускім медыярынку, якая праяўляецца перш за ўсё ў выпуску беларускіх дадаткаў. Сёння іх маюць «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» і інш. Дзякуючы размяшчэнню пад традыцыйнымі лагатыпамі беларускай інфармацыі, гэтыя газеты прываблілі да масавых расійскіх выданняў частку мясцовай аўдыторыі. Паспех жа «Аргументов и фактов» з іх вядомай накіраванасцю нельга растлумачыць інакш, як актыўным выкарыстаннем прыёмаў інфармацыйнай журналістыкі, уключанай у кантэкст палітычнага аналізу, а таксама прыёмаў палемічнай журналістыкі.

Арыентацыя на новыя варыянты газет патрабавала ад расійскіх журналістаў выпрацоўкі своеасаблівых канцэпцый беларускіх дадаткаў. Схематычна яны могуць выглядаць наступным чынам:

– тэматычны напрамак: 1) характарыстыка беларускай аўдыторыі газеты і сацыяльная адраснасць публікацый яе асноўнаму сегменту; 2) тэматычная характарыстыка зместу; 3) аб'ём, перыядычнасць і ты-

раж выпуску, спосаб распаўсюджвання; 4) жанравая характарыстыка; 5) стратэгічны і тактычны прафесійны арсенал дадатку: кампаніі, рубрыкі і г.д.; 6) аўтарскі актыў;

– графічны напрамак: 1) тэматычная структура (размеркаванне зместу па палосах); 2) захаванне графічнай кампазіцыі мацярынскай газеты і асобных яе старонак; 3) традыцыйнае шрыфтавае афармленне і захаванне структуры загаловаў; 4) традыцыйнае шрыфтавае выкананне тэксту і ўнутранага афармлення матэрыялаў; 5) традыцыйнае афармленне ілюстрацый; 6) традыцыйнае афармленне графічных дэталей і спецыфічных для канкрэтнай газеты публікацый (інфармацыйных блокаў, рэкламы і г.д.);

– арганізацыйны напрамак: 1) структура і штат беларускага дадатку; 2) адносіны з маскоўскай рэдакцыяй і іншымі кіруючымі органамі; 3) эканоміка і ганарарная палітыка выпуску; 4) апрацоўка і захоўванне пошты беларускіх падпісчыкаў, масавая работа з чытачамі; 5) сістэма вывучэння эфектыўнасці расійскай газеты, адаптаванай на беларускую аўдыторыю.

Аналіз беларускіх выпускаў расійскіх газет, якія дзейнічаюць на беларускім інфармацыйным рынку, сведчыць, што па шэрагу рыс беларускія варыянты захоўваюць прыкметы «мацярынскіх» выданняў, толькі па некаторых адрозніваюцца ад іх. Асноўнымі тэмамі, якія павінны былі зацікавіць беларускага чытача, сталі мясцовыя праграмы тэлебачання, мясцовая рэклама і інфармацыя. Вопыт адаптацыі беларускіх выпускаў да ўмоў нашай краіны паказвае, што яшчэ і сёння яны часта не адпавядаюць узроўню матэрыялаў «мацярынскага» выдання. У выніку рэдакцыі расійскіх газет сутыкнуліся з тым, што нізкая якасць беларускіх дадаткаў іх можа проста дыскрэдытаваць [1]. Вось чаму ў рэдакцыях-прадстаўніцтвах палітыка адбору беларускіх партнёраў і кантроль за якасцю іх работы ў апошнія гады сталі больш жорсткімі.

Дынамічнае развіццё рынку беларускіх СМІ, у прыватнасці друкаваных, прывяло да жорсткай канкурэнцыі сярод айчынных і расійскіх газет. У выніку ўзрасла цікавасць да сучасных тэхналогій рыначных паводзін СМІ як камерцыйных структур. Кіраўнікі беларускіх сродкаў масавай інфармацыі, вучоныя ў галіне журналістыкі актыўна вывучаюць фактары канкурэнтаздольнасці гэтага спецыфічнага тавару, якія закладваюць аснову камерцыйнага поспеху выдання.

Аналіз айчыннага і замежнага вопыту, вывучэнне расійскай прэсы, што распаўсюджваецца на тэрыторыі Беларусі, дазваляюць сфармуля-

ваць пяць асноўных якасных фактараў канкурэнтаздольнасці друкаваных СМІ на інфармацыйным рынку Рэспублікі Беларусь.

Змест. Гэты фактар з пункту гледжання маркетынгу вызначае адпаведнасць публікуемых інфармацыйных матэрыялаў інфармацыйным чаканням аўдыторыі, а таксама яе бягучым тэматычным інтарэсам. Інфармацыйныя патрабаванні абумоўлены, у першую чаргу, характарам і зместам дзейнасці чалавека, уключаючы аб'ектыўныя характарыстыкі яго прафесійнай і грамадскай дзейнасці.

Агульнарасійскія газеты ўлічваюць інтарэсы мясцовых чытачоў, у тым ліку і ў краінах СНД, актыўна выкарыстоўваюць заніраванне, гэта значыць выпуск рэгіянальных выданняў. Такім чынам, аўдыторыя газеты не з'яўляецца пасіўным аб'ектам уздзеяння СМІ. Наадварот, улік яе інфармацыйных запатрабаванняў і тэматычных інтарэсаў выступае галоўным фактарам маркетынгавай палітыкі выдання.

Важнымі складнікамі фактара «змест» ўяўляюцца інфармацыйнасць газеты або аб'ём неабходнай канкрэтнаму чалавеку ў канкрэтны момант часу інфармацыі, прыватнай рысай якой можа быць аб'ектыўнасць, пад чым, як правіла, разумеецца публікацыя розных меркаванняў наконт падзеі ці праблемы.

Праўдзівасць інфармацыі. Гэты фактар вызначае адпаведнасць інфармацыі, што публікуецца, сапраўднасці. Адначасова з аб'ектыўнасцю падачы інфармацыі і іміджам выдання ён аказвае ўплыў на давер чытачоў да канкрэтнай газеты або часопіса. Фактар асабліва важны для спецыялізаваных (галіновых) выданняў. Менш – для забаўляльнай прэсы.

Аператыўнасць. Гэты фактар можа быць вызначаны як адрэзак часу (выражаны ў адзінках вымярэння часу) паміж момантам падзеі і момантам атрымання інфармацыі. Аператыўнасць выдання на інфармацыйным рынку залежыць ад:

- аператыўнасці атрымання інфармацыі;
- часу апрацоўкі інфармацыі;
- часу, які неабходны на ажыццяўленне тэхналагічнага працэсу друкавання выдання;
- часу распаўсюджвання выдання.

Накіраванасць і стылістыка. Уплыў гэтага фактара адбіваецца на фарміраванні прыхільнасці да канкрэтнага выдання. Гэта тлумачыцца тым, што спажывец (чытач) выбірае тое выданне, якое, па-першае, апісвае падзеі з тых жа пазіцый, якія ўласцівы чытачу, і, па-другое, з выкарыстаннем той жа лексікі і граматычных форм, якія ён выкарыстоўвае і якія яму зразумелыя.

Афармленне, або дызайн, вызначае як знешні выгляд выдання, так і зручнасць чытання.

У канкурэнцыі, якая у першую чаргу мае на мэце пашырэнне беларускай аўдыторыі замежнымі газетамі, а гэта значыць і рэкламы, ёсць, на наш погляд, і станоўчыя моманты. Значае паляпшэнне зместу беларускіх дадаткаў і ўзняцце іх якасці да ўзроўню стандартаў маскоўскай газетнай журналістыкі могуць станоўча паўплываць на ўзровень нацыянальных і рэгіянальных беларускіх газет.

Літаратура

1. Пугачев, В. В. Эволюция федеральных газет в условиях становления информационного рынка / В.В. Пугачев // Журналистика переходного периода. – М., 1997. – Ч. IV. – С. 5–6.

Ольга Дубровская

Белорусский государственный университет

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Глобализация представляет собой непрерывный процесс воздействия различных факторов на социальную действительность. Средства массовой информации в данном процессе являются как фактором, влияющим на него, так и основным каналом, по которому передаются информационные потоки, формирующие систему взаимосвязанности всего мира.

Новые условия ставят иные, чем прежде, задачи перед СМИ, поэтому осознание журналистским сообществом стремительных трансформаций СМИ в системе глобального мира приобретают особую актуальность в начале второго десятилетия XXI века. Это одна из основных проблем, требующих детального и в то же время оперативного осмысления, потому что это позволит выстроить алгоритм развития медиасферы.

Рождение глобального мира неизбежно привело и к появлению глобальных СМИ, в том числе печатных. Их мало, но зато они играют важную роль в медиасообществе. Wall Street Journal, Financial Times, USA Today, International Herald Tribune – это не просто газеты-гиганты, это мировые бренды. Они говорят с миром на английском языке. На других языках газет «глобального масштаба» нет, и пока их появление не предвидится. Нет такой газеты и на русском языке [1, с. 24].

В этой связи одна из положительных особенностей глобализации в том, что она влияет на усиление позиций местной малотиражной прес-

сы, повышая ее востребованность, а иногда и влияние в небольших городах, районных центрах. По популярности региональная пресса занимает ведущее место в стране, разовый тираж региональных газет (991 тыс.) превысил тираж республиканских. А по совокупному рейтингу районки соперничают с газетой «Советская Белоруссия». Из более чем 130 редакций областных, городских и районных газет 90 – самокупаемые издания.

Набирает силу и журнальный сегмент: специализированные издания заполняют мир. На витринах газетных киосков даже провинциальных городов полным-полно журналов на любой вкус. Глобализация трансформировала и конфигурацию радиовещания. Появление цифрового радиосигнала позволило сделать некий «микс»: сегодня без проблем соединяются глобальное вещание и местное. Тенденция такого быстрого роста и распространения местного радио объясняется появлением новых условий – удешевлением распространения сигнала, скоростью его передачи через Интернет или спутники связи. Поэтому легко объяснима и метаморфоза радиотипологии. В сегменте происходит заметное уменьшение доли национальных радиовещательных компаний и растет доля местных станций – в диапазоне FM. Радиоканалы сегодня есть во всех областных и во многих районных центрах. Всего же в республике сегодня вещает 168 радиопрограмм.

В типологии телевидения тоже произошли перемены. Правда, разного рода трансформации можно наблюдать, как правило, вне пределов белорусского телепространства. В условиях возникновения новых точек на медиакarte мира неизбежно должно было возникнуть распределение функций, ролей, сфер влияния. Так оно и произошло: обозначилась более четкая разница между кабельным ТВ (КабТВ) и эфирным.

Печатная пресса утратила свои общенациональные параметры. Популярность «больших» газет упала очень резко, и влияние их на массы сегодня крайне низко. Сфера интересов аудитории переместилась в телеэфир. Это объяснимо: не каждый белорус, живущий, допустим, в далекой деревеньке может выписать даже одну газету: подписка дорогая. Купить в своем селе газету и журнал он тоже не может: до глубинки пресса попросту не доходит. Да и необходимости такой уже нет у абсолютного большинства жителей сельских регионов. А вот телепродукт доставляется в любую точку страны без промедления. К тому же бесплатно. Поэтому ТВ играет главную роль распространителя информации. Но доставляемый в провинцию телеконтент касается, в основном, событий государственного и мирового значения (бывают репортажи и

из глубинки, но в общем потоке это ничтожно мало). Именно этот недостаток и играет свою положительную роль в развитии и популярности регионального телевидения. В областях местные телеканалы чувствуют себя достаточно уверенно: дефицита востребованности нет. То же самое касается и маленьких районных телестудий: именно от них люди получают информацию (да еще с «картинкой»), которая касается их территории, они обращают внимание на проблемы, которые республиканское ТВ никогда не будет освещать, ссылаясь на их исключительно локальную значимость.

У Европы сложилась своя – пока достаточно устойчивая – «телемодель». Что будет дальше, покажет время. В распоряжении французской аудитории телезрителей общественно-правовое и частное эфирное ТВ. То же самое можно сказать и о Великобритании. В Германии все эфирное ТВ относится к категории общественно-правового, в то время как спутниковое и кабельное ТВ, в большинстве своем, находится в частном сегменте. Сформировалось четкое распределение: общественно-правовое телевидение закрепило за собой освещение политики, в его программах важную роль играют новостные блоки. Под «патронажем» частного телевидения – поп-культура, спортивная жизнь во всем ее разнообразии и обилие рекламы как основного источника существования. В Беларуси ситуация другая: общественно-правового телевидения в стране не было. Еще одно отличие нашей страны от всего мира в том, что на Западе достаточно широко развито не только эфирное ТВ, но также и спутниковое.

Роль Интернета в процессе мировой глобализации совершенно особая и переоценить ее трудно: она всеобъемлюща и касается всех сфер жизнедеятельности общества. Влияет она и на типологию, структурные элементы и формы существования СМИ. Интернет, по сути, открыл для любого средства массовой информации, даже самого маленького и удаленного от мегаполисов на огромные расстояния, широкие возможности обращения к глобальной аудитории. Место издания СМИ перестало играть роль для завоевания аудитории. Играет роль совсем другое – способность создать оригинальный контент и умение грамотно распространить его. Именно это и позволяет превратиться при «посредничестве» Интернета из местной газеты в широко востребованный канал передачи информации – новостной или аналитической.

Многие исследователи сходятся во мнении, что традиционные СМИ, приходя в Интернет в середине девяностых годов XX столетия, не совсем осознавали, зачем им это надо, то есть не задавались вопросом о

целесообразности, не думали об экономической модели, целевой аудитории запущенного интернет-проекта. В результате большинство онлайн-версий работало, по сути, вхолостую. Медиаменеджеры, открывая представительства СМИ в Интернете, не сразу смогли оценить возможности Сети и использовать ее потенциал. С.А. Лукина выделяет следующие типы интернет-СМИ [2, с. 87–92]: он-лайн-издания, работающие исключительно в Сети; электронные версии уже существующих бумажных изданий журналов и газет, газетный формат которых выдерживается лишь отчасти, «ввиду того факта, что период выхода газет, в лучшем случае, составляет один раз в день, а обновление информации на новостных ресурсах происходит постоянно по мере поступления свежих новостей»; сайты телевизионных каналов.

И.Д. Фомичева к интернет-СМИ относит лишь ту группу веб-сайтов, которая занимается периодическим освещением общественных событий, жизни социума, и подразделяет входящие в эту группу информационные ресурсы на текстовые сайты (новостные ленты, газеты, журналы), радио и телевидение [5, с. 82–87].

В.Н. Монахов предлагает различать среди медийных ресурсов, представленных в Рунете, прежде всего, собственно сетевые издания и сетевые версии традиционных СМИ [3, с. 8]. Далее по типу представленного контента исследователь подразделяет онлайн-СМИ на две группы, составленные из нескольких подгрупп. Новостные – комментарийные и смешанные. Авторские – редакционные, смешанные.

Немало дискуссий было по поводу того, можно ли интернет-издания называть СМИ. Но все споры рано или поздно кончаются... Согласно законодательству РФ, регистрация интернет-издания добровольная и необязательная. А вот чтобы обрести статус интернет-СМИ (именно средства массовой информации, а не просто издания), необходимо пройти официальную регистрацию. Сайты, на которых публикуются новости (комментарии, репортажи, рецензии и т. д.), но которые не зарегистрированы соответствующим органом Роскомнадзора, де-юре не являются средствами массовой информации, что, впрочем, не мешает им работать в режиме СМИ.

Новые обстоятельства сформировали и свою специфику взаимодействия интернет-СМИ и социальных сетей. Интернет продолжает наступать. За 2010 год аудитория большинства ведущих телеканалов РФ сократилась, в то время как аудитория ведущих сайтов Рунета получила солидное пополнение [3, с. 12]. Социальные сети, новостные порталы, поисковые системы, агрегаторы новостей обладают особой силой при-

тяжения. Популярность агрегаторов легко объяснима: человек заходит на главную страницу любого поискового портала и сразу видит новостной блок – интригующую аннотацию топ-новостей. Это притягивает читателя. Психологический расчет «поисковиков» оказался верным, но такие порталы не создают собственные новости, они пользуются готовыми заметками, заимствуя их из разных информационных источников. Поэтому поневоле они должны искать союзников среди интернет-СМИ. А те, в свою очередь, понимают, что такой соратник, как социальные сети, поможет им привлечь на свою сторону достаточно большое количество аудитории.

Многие интернет-СМИ уже успели обзавестись собственными страницами в наиболее популярных социальных сетях. Но в рейтинге новостных интернет-СМИ в первую десятку Facebook попали страницы РИА Новости и Вести.ру. В Twitter эти порталы тоже лидируют – занимают 4-е и 1-е места соответственно. Скорее всего, популярность зиждется не на особом интересе пользователей, а на натиске интернет-СМИ, которые предугадывают перспективы этого сотрудничества. Конечно же, активный процесс развития медиа без интеграции представить невозможно, тем более что, умело выстроенная, она является залогом успешности. Партнерство социальных сетей и интернет-СМИ выгодно обеим сторонам, вступившим, как и все мировое сообщество, в новый этап информационной эпохи.

Говоря об интеграции, нельзя не отметить еще одну особенность – появление так называемой социальной (гражданской) журналистики, или журналистики участия. Никогда прежде в создании текстов, фотографий, видеосюжетов для профессиональных СМИ не принимало участия такое огромное количество непрофессионалов. Этих людей даже любителями или внештатными корреспондентами нельзя назвать. Они просто читатели и зрители, оказавшиеся свидетелями того или иного события, запечатлевшие его, а потом передавшие в редакцию. И такие «внезапные» авторы бывают зачастую оперативнее репортеров: последние еще только-только узнали о факте, а очевидец уже зафиксировал его. Показательна ситуация со взрывом в столичном метро, когда первыми информацию, значительно опередив СМИ, предоставили гражданам именно социальные сети. Правда, доверять социальным сетям можно не всегда. На их просторах циркулирует немало непроверенной информации – имеет место синдром «сарафанного радио». Несмотря на это, сегодня мы не можем отрицать наличие «осознанной стратегии захвата влияния на новом поле – в социальных медиа», как отмечает в своем

исследования об интеграции интернет-СМИ и социальных сетей Егор Панченко. «Идея новых отношений Интернет-СМИ и пользователя в том, что не читатель приходит в СМИ, а медиа стремится попасть в «близкий круг» пользователя в социальной сети. Благодаря этому взаимодействию происходит расширение аудитории читателей, увеличивается доля лояльных пользователей, которых легче удерживать «рядом с брендом» [4, с. 117–118]. Кроме того, расширяется количество источников контента. И это в том числе помогает СМИ удерживать аудиторию и некоторым образом управлять ею.

Можно смело предположить, что интеграция интернет-СМИ и социальных сетей будет расширяться и совершенствоваться по всем направлениям. Но уже сейчас можно констатировать: глобализация породила совершенно новое информационное пространство – интерактивные конвергированные социальные медиа, которые оказывают конкретное влияние на солидные традиционные и интернет-СМИ, так как могут дополнять и корректировать информацию, выпускаемую в свет крупнейшими изданиями. И это пространство еще предстоит осваивать журналистскому сообществу в партнерстве с многочисленной армией гражданских журналистов.

Літаратура

1. Дубин, Б.В. Масс-медиа и коммуникативный мир жителей России / Б.В. Дубинин // Вестник общественного мнения. – 2009. – № 3. – С. 24.
2. Лукина, М.М. СМИ Рунета: штрихи к типологическому портрету (по результатам мониторинга интернет-СМИ) / М.М. Лукина. – М.: Новое Просвещение, 2008. – С. 87–92.
3. Мартынов, М.Ю. О предмете социологии массовой коммуникации / М.Ю. Мартынов // Социологические исследования. – 2009. – С. 12.
4. Панченко, Е.И. Интеграция Интернет-СМИ и социальных сетей в Рунете: новая публичная сфера или пространство контроля? / Е.И. Панченко // New Media [Электронный ресурс]. – 2011. – № 6. – Режим доступа: <http://www.digitalicons.org/issue05/files/2011/05/Panchenko-5.6.pdf>. – Дата доступа: 30.01.2014.
5. Фомичева, И.Д. СМИ среди социальных коммуникаций в Интернете / И.Д. Фомичева. – М.: Журналист, 2010. – С. 82–97.

Віталь Еўмянькоў

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова (Беларусь)

НЕПЕРЫЯДЫЧНЫЯ ВЫДАННІ НА ТЭРЫТОРЫІ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У СЯРЭДЗІНЕ XVI–XVII ст.: СПЕЦЫФІКА ПАДРЫХОТЭКІ І РАСПАЎСЮДЖВАННЯ ІНФАРМАЦЫІ

З сярэдзіны XVI ст. па тэрыторыі Рэчы Паспалітай распаўсюджваліся ананімныя лісткі, якія выконвалі інфармацыйную і прапагандысцкую функцыі. Называліся яны па-рознаму: «Навіны», «Навінкі», «Рэляцыі», «Легацыі»; з сярэдзіны XVII ст. – «Авізы». Вядомы польскі навуковец М. Вішнеўскі ў сувязі з гэтым згадвае: «Калі бяда якая здарыцца, то найхутчэй пра яе паведамаць “навінкі”, хоць, часам, і схлусяць». Некаторыя з «Навінак» / «Навін» мелі непасрэднае дачыненне да Беларусі.

Так, у «Люблінскіх навінах» ад 1567 г. невядомы «грамадзянін Каралеўства» даводзіць тое, што «аб’яднанне з Польшчай Літва павінна лічыць вялікім для сябе шчасцем». «Узялі мы мужыка простага Ягайлу і зрабілі з яго караля, далі яму высакародную каралеву. <...> Падаравалі продкі нашы Літве свабоду, бо касілі літвіны сена і былі рабамі ў паноў сваіх». У «Навінах праўдзівых» ад 1579 г. (Прага, друкарня Міхала Петра) паведамляецца пра тое, што «ўжо ўзяты знакаміты замак Полацк, які знаходзіцца на літоўскім памежжы». Крыху раней, у 1563 г. (Прага, Стары горад, у друкара Себасцяна Окса), з’явіліся «навіны грозныя, жахлівыя і жалобныя». У іх распавядалася пра тое, як «Вялікі Князь Маскоўскі са зброяй на зямлю літоўскую падступна ўварваўся; палячы ўсё на сваім шляху і забіваючы людзей, бессаромна і не зважаючы на хрысціянскую міласэрнасць гарады і замкі здабыў і вялікую шкоду ўчыніў» [6, с. 46]. У пражскім Старым горадзе друкуюцца навіны і ў наступным, 1564 г. Называюцца яны «важныя навіны з зямлі Літоўскай».

Першыя «Навіны» перыяду панавання караля Жыгімонта III былі нямецкамоўнымі. Падчас элекцыі выйшлі брашуры: «Zeitung von der Wahl und Krönung des Königs Sigismund III», «Neue Zeitung aus Pohlen». Невядомыя аўтары распавядалі пра «нямільнасць» караля да шляхты. Вялікая колькасць навін датычыцца гетмана Вялікага Княства Літоўскага Яна Караля Хадкевіча. Згадаем шэраг так званых «Навін з Інфлянты». Напрыклад, у 1602 г. паўстае лацінамоўны тэкст «Nova ex Livoniae», у якім распавядаецца пра «новую і слаўную перамогу Хадкевіча над шведам». У 1605 г. паўстаюць яшчэ адны «Навіны з Інфлянты». На гэты раз гутарка пра перамогу Хадкевіча пад Кірхгольмам (тэкст захаваны).

У 1608 г. выйшаў не зусім звычайны інфармацыйны бюлетэнь – невядомы аўтар у вершаванай форме расказаў пра тое, «што адбываецца ў Маскве з каралеўскім войскам». Называўся гэты бюлетэнь «Пасол з Масквы». У тым самым, 1608 г., а таксама ў 1609 г. з’яўляюцца «Навіны з Масквы, а менавіта пра тое, як найяснейшы і непераможаны Яго Міласць Кароль, будучы з войскам у Маскве, не жадаючы, каб кроў хрысціянская па-тыранску лілася, маючы намеры выключна добрыя і нават ласкавыя, паслоў сваіх дасылае. Найперш да верных падданных абодвух народаў – як польскага, так і літоўскага, – якія спыніліся ў абозе пад Масквой. Па-другое, да масквічоў, абяцаючы захаваць ім усе іх правы, свабоды і рэлігійныя абрады, калі яны яго добраахвотна панам і абаронцам прызнаюць» [6, с. 49].

Праз некалькі месяцаў пасля гэтага паведамлення ў віленскай друкарні Яна Карцана рыхтуецца іншая рэліяцыя «аб ваеннай выправе Каралю Яго Мосці ў Маскву». Сімптаматычна тут тое, што да дзяржаўна значнай інфармацыі друкаром дадавалася: «Каб толькі тая выправа з Боскай дапамогай была шчаслівая і для Рэчы Паспалітай нашай карысная». У 1611 г. спачатку віленская (Ян Карцан), а потым і кракаўская друкарні паведамляюць аб узяцці Смаленска войскам Жыгімонта III («Трыумф радасны з прычыны ўзяцця Смаленска Жыгімонтам III»).

Тэматыка далейшых навін непасрэдна звязана са справамі рэлігійнымі. Так, у 1616 г. з’яўляюцца «навіны, або Двухгадовыя падзеі (1606–1607), што мелі адбыцца ў Японіі і Кітаі, краінах язычніцкіх, Новага свету». Адрасаваны гэты дакумент аднаму з кіраўнікоў езуітаў. Матэрыял ўяўляе сабой справаздачу аб місіянерскай дзейнасці двух езуіцкіх прапаведнікаў. Яшчэ адна навіна з Японіі датуецца 1625 г.: «118 пакутнікаў жакліва закатаваныя ў імя Ісуса Хрыста; забітыя мячом, агнём і вадой. Хвалы вечнай праз пакуты свае яны дасягнулі» [6, с. 52].

Чым далей ад XVI ст., тым больш матэрыялаў, надрукаваных у навінах, маюць аўтарства. Пры гэтым нярэдка навіны (па сутнасці, карэспандэнцыі з месцаў) змяшчаюць інфармацыю сенсацыйнага характару. Так, у 1632 г. украінскі шляхціц Станіслаў Рашыньскі дасылае не зусім звычайнае паведамленне, якое друкуе каралеўскі тыпограф Ю. Расоўскі: «Запарожскія казакі, едучы недалёка ад Белай Царквы, пачулі на гары крыкі і поклічы, чым былі вельмі занепакоены, і наблізіцца да таго месца не адважваліся. Ажно некаторыя з іх насмеліліся, пад’ехалі пад гару, якая зараз жа расступілася, і струмень крыві з вадой выплыў з яе і куль нямала вывалілася. У якасці доказу гэтага здарэння ёсць адна куля, вылітая з нейкага клейкаватага матэрыялу, да смалы падобнага, з пахам серы. Калі па кулі ўдарыць жалезам – іскры сыпяцца» [6, с. 53].

У 1620–1621 гг. падчас Хоцімскай вайны паўстаюць «Навіны абноўлення», «Размовы свежыя аб навінах з Украіны» і «Навіны з Турцыі». Цікавая па змесце брашура «Шпіён польскі ў Турцыі, які шмат чаго бачыў і сваім дзеля перасцярогі паведамляе». Аўтар падае звесткі пра нібыта грознае войска султана Асмана. Надзвычай камічна «польскі шпіён» распавядае пра тое, як да Рэчы Паспалітай цягнуцца натоўп пігмеяў: «Яны да таго з журавамі біліся, а зараз вырашылі пабіцца з намі». Таксама не без іроніі паведамляецца пра тое, што ў войску Асмана «12 пар сланоў, 8 пар грыфаў, 14 пар ільвоў і 18 пар цмокаў» [2, с. 171].

«Навіны з Украіны» (1620 г.) распавядалі пра незадаволенасць казакаў разбурэннем праваслаўнай царквы ў Вільні. Аднак нехта ўплывоў (яго імя аўтар не называе) здолеў накіраваць энергію запарожцаў у бок Турцыі. «Разам са сваім гетманам Сагайдачным пачалі яны нападаць на турэцкія галеры. Ды так зухвала, што двух “царыкаў” татарскіх злавлі. Напэўна, будуць выкуп за іх патрабаваць, а можа і на сваіх палонных абмяняюць. Божа Усемагутны, зрабі так, каб чым далей – тым лепшыя навіны» [4, с. 182].

Пэўную навуковую каштоўнасць маюць «навіны з-за мяжы», якія паступалі ў асноўным па лініі дыпламатычнай службы Рэчы Паспалітай (напрыклад, «Навіны з Францыі аб вызваленні горада Парыжа ад аблогі Наварскага караля», Кракаў, 1590 г.). У якасці карэспандэнтаў выступалі езуіты або піяры. «За гэта ад свайго кіраўніцтва атрымлівалі яны ўзнагароду. Піярам, напрыклад, якія паведамлялі навіны, звычайна штогод сплочвалі 100 дукатаў. Быў гэта немалы прыбытак, да таго ж справа не вымагала вялікай працы, асабліва калі існавалі гатовыя крыніцы інфармацыі» [1]. У 1631 г. езуіты дастаўляюць навіны з Неапалітанскай. Грамадзяне Рэчы Паспалітай чыталі таксама свецкія навіны (напрыклад, «Пра цырымонію каранавання Марыі Медзічы», «Пра смерць Генрыка IV» – Вільня, 1610 г.)

Асобны від інфармацыйных дакументаў – так званыя «легацыі» або справаздачы паслоў з іх падарожжаў у замежжа. У краіне, дзе ўсё выршала шляхта, пасол меўся рабіць справаздачу, выступаць на сойме або соймаку, часта яго прамову друкавалі, распаўсюджвалі. Напрыклад, пасол Рэчы Паспалітай Павел Дзялыньскі рабіў справаздачу аб побыце ў Бельгіі і Англіі. Войцех Мяскоўскі распавёў пра свае дзеянні пры двары султанаў Амурата і Ібрагіма (1640 г.). «Навіны такога роду надзвычай цікавілі грамадства. Кароль і сенатары даведваліся пра палітычную сітуацыю за мяжой, ацэньвалі стаўленне пэўных манархаў да іх дзяр-

жавы. Дробная шляхта атрымлівала звесткі пра чужыя краіны наогул – пра звычаі, норавы, кошты, рознага роду нюансы побытавага жыцця» [2, с. 177].

Падчас казацкіх бунтаў і да моманту замежнай інтэрвенцыі (1648–1655 гг.) на тэрыторыі Рэчы Паспалітай выходзілі так званыя «Авізы». «Набліжаныя да сучасных газет, яны паўставалі ў вялікіх гарадах або ў тыпаграфіях пры каралеўскім ці літоўскім войску». Друкавалі іх на адным ці некалькіх аркушах таннай паперы. Утрымлівалі «Авізы» звычайна «навіны адусюль», размешчаныя без якога б там ні было парадку і сістэмы. Паколькі «Авізы» не прызначаліся для працяглага захоўвання, ужо ў сярэдзіне XIX ст. іх заставалася некалькі дзясяткаў (у асноўным, з 1696–1702 гг.). Выдаваць гэтыя своеасаблівыя СМІ дазволена было толькі тым, хто меў адпаведны каралеўскі прывілей. Вядома, напрыклад, пра тое, што ў Кракаве ў 1680-я гг. выдаваў і рэдагаваў «Авізы» прафесар езуіцкай акадэміі, прозвішча якога гісторыя, на жаль, не захавала.

Не мелі тыя «газеты» ні нумароў, ні нават пранумараваных старонак. Паводле Л. Рагальскага, складаліся з дзвюх традыцыйных рубрык – «навіны з-за мяжы» і «навіны айчынныя». Калі ж замежных навін не хапала, рэдактар паведамляў чытачу: «Нічога цікавага за мяжой не здарылася». Затое месца для навін айчынных знаходзілася заўжды, і рэдактар выбіраў, апрацоўваў іх надзвычай старанна. «Не толькі браліся пад увагу палітычныя падзеі, але і самыя дробныя акалічнасці – такія, як надвор’е, прыродныя з’явы, шлюбы, нараджэнні, пахаванні, прыбыццё і ад’езд вядомых асобаў, не абміналі рэдактары касцельныя і свецкія ўрачыстасці» [5, с. 131]. Каля 1700 г. «Авізы» пачалі называцца «газетамі». Праўда, гэта не пайшло на карысць выданням – яны зрабіліся меншымі фарматам і змяшчалі меней навін. Хутчэй за ўсё, гэта звязана з акалічнасцямі чарговай шведскай вайны і шматлікіх «хатніх непрыемнасцей».

Першыя вядомыя нам «Авізы», звязаныя з тэрыторыяй сучаснай Беларусі, датуюцца вераснем 1648 г. Змяшчаюць яны навіны пра казакаў Б. Хмяльніцкага. Ёсць у іх аўтар – віленскі ваявода Крыштоф Хадкевіч. Ён паведамляе пра тое, што «гультайства падышло пад Слуцк». «Жадалі казакі атрымаць 10 тысяч залатых, палатна 6 тысяч локцяў і коней – кожнаму па адным: гетману, сотнікам і есаўлам». Аднак Слуцк прыняў бой. Хадкевіч інфармуе: «Пан Бог нас блаславіў. Пасля першага штурму засталася 60 забітых мужыкоў, столькі ж – пасля другога. Нічога не дапяўшы, павярнулі казакі назад». Слуцк выправіў пагоню. «Як селі мы казакам на карак, як пачалі іх секчы, біць, гналі мілі з тры – ажно

да Пагоста. І там каля моста распачалі яны з намі бітву, бо ўцякаць ім не было куды. Адны плысці спрабавалі, другія, з моста скочыўшы, тапіліся. <...> Пабілі мы іх багата – болей за 2 тысячы. Але і нашых багата загінула. Пайшлі харугвы нашыя ўслед за імі – ажно да Турава. Падстрэлілі іх гетмана, які зваўся Сакоўскім. Сумняваюся, што застаўся ён жывым. Забілі і пісара іх вайсковага, які называў сябе Турчыновічам. Злавлі шмат палонных. Адных трымаем каля Слуцка, а шэсць значных выправім у Вільню. Але на гэтым не “амэн”, бо войска іх немалое стаіць пад Мазыром – блізу 20 тысяч таго гультайства» [3, с. 179].

13 ліпеня 1649 г. з’яўляюцца другія вядомыя нам «Навіны з літоўскага абозу» (ад 8 ліпеня 1649 г.). Паведамляецца пра тое, што «7 чэрвеня адбылася генеральная бітва з казакамі паміж багнамі на беразе рэчкі Прыпяць». Невядомы карэспандэнт даводзіць: «Пан Тызенгаўз з пяхотай і драгунамі разам з ротмістрам панам Тэафілам Раецкім і з яго міласцю панам Ропам расцерашылі казакаў: 15 тысяч ех пунс забілі. Пан Роп забіты і шмат немцаў палягло. Казакі блізу 2 тысяч на харугву пана Раецкага наскочылі, з імі ён біўся мужна; не зважаючы ні на што, калолі мы іх, капытамі тапталі, шмат хто з казакаў у рэчцы патануў». Згадваюцца ў «навінах» таксама імёны загінуўшых літвінаў. Карэспандэнт паведамляе пра тое, што адыходзячых казакаў лавілі ў лесе і без шкадавання забівалі. «Голад таксама ў нашым лагеры. Коней ямо» [3, с. 413].

20 ліпеня з’яўляюцца трэція навіны з «літоўскага абозу». «Некалькі тысяч казакаў, – даводзіць неведомы аўтар, – раптоўна наскочылі на харугву пана Фалецкага з адзела пісара ВКЛ пана Валовіча. Многіх нашых пасеклі. Але мы ўзяліся за справу. Пан Донавай з пяхотай добра сябе паказаў. Выйшаў у поле і ўзяўся з казакамі на шаблі: было ж таго гультайства каля 2 тысяч. Адступілі і пачалі яны акупвацца. Нашы штурмам тыя аконы здабывалі. Ажно казакі мусілі з акупаў уцякаць на балота, адкуль іх ледзьве з палову выратавалася. Два старшыні было ў таго гультайства: Галота (Hołota) і Кісель. Галота забіты, а Кісель уцёк». Паведамляецца таксама пра тое, што «другі полк казакаў на чале з Главацкім (Głowacki) пайшоў пад Рэчыцу, але так Бог даў, што з тых здраднікаў ніхто не ўцёк, а Главацкага жывым узялі і на кол пасадзілі (і на pal wbito)».

Нягледзячы на агульны пераможны тон навін, аўтар не хавае сваёй насцярожанасці. Прычына гэтаму – незлічоная, як здаецца, колькасць казакаў. “Праз Прыпяць яшчэ адно немалое войска перапраўляецца. Падзяліліся яны на тры часткі. Даведаўшыся пра гэта, князь [Януш Радзівіл] яго міласць 6 тысяч нашых даслаў супраць іх і сам на дапамогу мусіў пайсці” [3, с. 416].

Віленскі ваявода Крыштоф Хадкевіч 26 ліпеня ў рэляцыі паведамляў: «Пан Бог наша войска літоўскае блаславіў: 28 тысяч казакаў пад Пятркоўцамі (Piotrkowcami) нашы разбілі і шмат патапілі ў Прыпяці. Каля 5 тысяч уцяклі на востраў прыпяцкі і там “адсекліся”. Нашы іх акружылі. Ёсць надзея, што з дапамогай Пана Бога, мы іх голадам зморам і зброяй выб’ем. Нашых загінула каля 2 тысяч» [3, с. 423].

Пра спосаб распаўсюджвання «Авізаў» можна меркаваць з ліста кракаўскага скарбніка Велявейскага. Пачынаецца ён наступным чынам: «Пошта сённяшняя прынесла колькі лістоў з абозу, ёсць і некалькі “Авізаў”. Паведамляюць яны, што хан меўся арду Хмяльніцкаму на дапамогу выправіць» [3, с. 680]. З гэтага вынікае, па-першае, тое, што гетманская пошта ўсё ж працавала, па-другое, ва ўсе бакі дасылаліся «Авізы», якія не толькі паведамлялі апошнія навіны, але і падавалі іх афіцыйную версію. Значыць, у абозе караля Яна Казіміра існавала своеасаблівая прэс-служба, якая сартавала і пэўным чынам рэдагавала інфармацыю.

Заўважым, што нягледзячы на частыя няўдачы Рэчы Паспалітай змест «Авізаў» збольшага насіў аптымістычны характар. Так, у «Авізах» ні слова пра тое, што «ў Львове войска бунтуецца, бо даўно не атрымлівае заробкаў», што «ў Кракаве – хвароба лютуе» [3, с. 681]. Відавочна, рэдактары / аўтары «Авізаў» імкнуліся ўзняць дух грамадзян Рэчы Паспалітай. Дзеля гэтага старанна адбіралі навіны для друку, які ажыццяўляла паходная тыпаграфія пры каралеўскім войску.

У сярэдзіне лістапада распаўсюджваюцца так званыя «Авізы непраўдзівыя». 11 лістапада з’яўляецца інфармацыя аб тым, што «Хмяльніцкі забіты. Казакаў разам з Ардой палягло блізу 80 тысяч». Аўтар спасылаецца на нейкага шляхціца, які днём і ноччу скакаў, каб перадаць пану ваяводзе сандамірскаму загад караля «Te Deum laudamus па ўсіх касцёлах спяваць» [3, с. 707]. Наўздагон «непраўдзівым» «Авізам» з’яўляюцца праўдзівыя, у якіх ні слова пра смерць Хмяльніцкага. Затое ёсць інфармацыя пра перамовы паміж Янам Казімірам і крымскім ханам.

У асноўным паведамленні «Авізаў» і «Навін» перыяду 1648–1654 гг. датычыліся тэрыторыі Украіны. Вайна з Хмяльніцкім цяжкім крыжам лягла на плечы Каралеўства. У Вялікім Княстве Літоўскім панаваў адносны спакой. Першыя трывожныя «навіны з Літвы» пачынаюць паступаць у ліпені 1654 г.

На пачатку ліпеня з-пад Оршы з’яўляюцца «Авізы» з падзаголоўкам «пра Маскоўскую вайну». Ананімны аўтар паведамляе пра тое, што «Масква на святога Яна ўбок Смаленска рушыць». 7 ліпеня выходзіць другі нумар аршанскіх «Авізаў», які змяшчае рэляцыю літвінскіх па-

межнікаў. Калі верыць гэтаму дакументу, у першыя дні маскоўскай вайны, літвіны ўзялі вялікі палон і знішчылі варожы абоз. Працывуем урывак з аршанскіх «Авізаў»: «Знайшлі мы іх [маскоўцаў] соннымі і дужа п’янымі, бо ваявода іх перад тым на Св. Яна моцна частаваў. Ды так пачаставаў, што нашы ў цэнтр іх абоза спачатку 4-ма коньмі заехалі, потым – 10, а потым і 30, ажно ўвесь майдан іх занялі. Толькі тады стражнікі закрычалі: “Літва! Літва!”. За зброю схапіліся і трывогу ўзнялі. Але запозна было. Білі мы іх, секлі цэлы дзень, здабычу ўзялі багатую – срэбра, грошы. Ваяводу ў намёце забілі» [3, с. 723].

З пачатку 1655 г. захаваліся так званыя «Авізы няпэўныя» (ад 5 студзеня). Канстанты Любамірскі даносіць, што «пад Уманню багата казакаў пабіта». 7 лютага абозны каронны Стэфан Чарнецкі паведамляе пра доўгачаканую перамогу над Хмяльніцкім і Масквой: «29 студзеня ўляцелі мы ў іх лагер, гарматы захапілі, а Масквы пабілі – не палічыць, казакаў паклалі багата. Сваяка царскага паранілі. Масква дужа згубіла – адных дваран 40 забітымі засталася» [3, с. 746]. Гэта, напэўна, апошняя для Рэчы Паспалітай шчаслівая навіна, датуемая 1655 г. Услед за казацкімі бунтамі і маскоўскай інтэрвенцыяй адбыўся шведскі «папоп». Шматлікія рэляцыі з гэтай нагоды маюць прыватны характар і датычацца ў асноўным Каралеўства Польскага.

Наступныя, вядомыя нам, «Авізы» («з Варшавы») датуюцца 1673 г. Тэкст захаваўся толькі ў рукапісным выглядзе. Цяжка сказаць, ці быў ён надрукаваны. Невядомы аўтар спачатку перапрашае чытача за тое, што не можа паведаміць апошнія навіны: «...ні кракаўская, ні львоўская рэгулярная пошта сёння яшчэ не прыйшла, а наступная гетманская надзвычайная – толькі ў пятніцу прыходзіць¹. Праўда, мінулая гетманская пошта ўсё ж паведаміла пра тое, што яго міласць пан маршалак каронны атрымаў слаўную перамогу».

Гутарка пра Яна Сабескага, які ў 1673 г. атрымаў перамогу ў бітве пад Хоцімам. Невядомы карэспандэнт падае наступнае апісанне бітвы:

¹ У 1620 г. Жыгімонт III устанавіў парадак функцыянавання пошты ў Літве і Кароне. Прызначыў адміністрацыі паштовых станцый і адказных за дастаўку пошты ва ўсе гарады Рэчы Паспалітай. Інтэнсіўнасць дастаўкі пошты вызначалася наступным чынам: не радзей за раз на тыдзень. Уладзіслаў IV і Ян Казімір гэты парадак таксама замацавалі сваімі эдыктамі – у 1647 і 1659 гг. адпаведна. Акрамя гэтай рэгулярнай пошты, была яшчэ пошта надзвычайная або гетманская, якая дастаўляла важныя ваенныя і палітычныя навіны з абозу войска ў каралеўскую адміністрацыю і, па магчымасці, у адміністрацыі ваяводстваў.

«З раніцы да паўдня нашы штурмавалі дваіныя валы, апаясаныя частаколам, выбілі з іх 26 тысяч адборных турак і ўзялі зналеў Хоцім. Адбывалася так: туркі ўгледзелі, што іх штурмаваць пачынаюць – і вывесілі белы сцяг, атрымалі за гэта “пардон”». Не ўсё, праўда, калі верыць навінам, было гладка з войскам Вялікага Княства Літоўскага. Літвіны не жадалі заставацца ў абозе Сабескага і адмаўляліся выконваць яго загады. «Ледзь упрасілі гетманаў літоўскіх, каб яны хоць траціну людзей пакінулі. Пагадзіліся на 24 харугвы і 4 аддзелы драгунаў». Аўтар спадзяецца на тое, «што ўсім ужо надакучылі хатнія сваркі і нарэшце ў Айчне нашай усталюецца цішыня» [3, с. 269].

Далей «Авізы» 1673 г. паведамляюць: «Тут у нас [Варшаве] завяршыўся Consilium Senatus (нарада сенатараў), які доўжыўся 4 дні. Паставілі ягамосці 2-га студзеня соймакі зладзіць, а 22 студзеня сойм склікаць». Трэцяя навіна прыйшла з доўгачаканай гетманскай поштай. Зноў – весткі з вайны. Туркі, адступаючы з-пад Хоціма, «папалілі ўсё сена і правіант, які нашым службыць мусіў». Уцякаючы пад Камянец, у крэпасці Язловец «пакінулі яны пад мурамі “петарды”, пра што нашых папярэдзіў адзін кухар перабержчык». Яшчэ адна навіна «з вайны»: «Туркі ўсіх католікаў з Камянца павыганялі». У апошнюю чаргу «Авізы» паведамлялі пра тое, што «яе міласці каралева, падаруй яе Божа здароўем, прызначана сума на правізію і ўпрыгожанні» [3, с. 269].

Са зместу «навін» і «Авізаў» перыяду другой паловы XVI–XVII ст. магчыма зрабіць наступныя высновы. Па-першае, з сярэдзіны XVI ст. у канцылярыях Вялікага Княства і Каралеўства пачынаюць выкарыстоўваць магчымасці друкарскага станка з мэтай інфармавання насельніцтва аб важных падзеях у Рэчы Паспалітай і за яе межамі. Па-другое, інфармацыйная лесвіца ад крыніцы атрымання актуальных «навін» да іх спажывання мела, хутчэй за ўсё, наступныя прыступкі: а) карэспандэнты, якія непасрэдна здабываюць інфармацыю (звычайна, шляхціцы і людзі «дворскія» з польскіх і літоўскіх правінцый, падарожныя, прадстаўнікі дыпламатычных службаў Рэчы Паспалітай у краінах Заходняй Еўропы, Азіі); б) канцыляры, якія выступаюць у ролі пасрэдніка паміж карэспандэнтам і чытачом (матэрыялы ў іх сартыруюцца і рэдагуюцца ў адпаведнасці з патрабаваннямі «парадку дня»: палітычнымі і вайсковымі рэаліямі, рэлігійнай і гуманітарнай сітуацыяй у Еўропе, Азіі і Рэчы Паспалітай); в) з канцылярыі ўжо адрэдагаваныя матэрыялы трапляюць у друкарню, дзе адбываецца набор і вёрстка. Геаграфічна – гэта Прага (сярэдзіна XVI ст.), Кракаў, Вільня. У перыяд панавання Стэфана Баторыя і дынастыі Вазаў навіны вы-

ходзяць дзякуючы перасоўнай друкарні, якая параязджала з месца на месца разам з каралём; г) надрукаваныя «навіны» чытаюцца з амбонаў касцёлаў Рэчы Паспалітай. Ксяндзы ў гэтым выпадку выступаюць у ролі транслятараў актуальнай інфармацыі. Па-трэцяе, у ролі рэдактараў часцей за ўсё выступалі службовыя асобы дзвюх канцылярыяў (канцлеры, пісары вялікія і малыя). Ёсць выпадкі, калі ў адрэдагаваныя і зацверджаныя тэксты ўносілася праўка падчас набору (Ян Карцан). На пачатку XVII ст. у ролі своеасаблівых «інфармацыйных фільтраў» і літаратурных рэдактараў інфармацыі выступілі езуіты (напрыклад, дакладна вядома тое, што «Навіны з Інфлянтаў» 1605 г. рэдагаваў Віленскі біскуп і спавядальнік Жыгімонта III Пётр Скарга).

Літаратура

1. Encyklopedyja powszechna / Przez S. Orgelbranda. – Warszawa: nakład, druk i własność S. Orgelbranda Księgarza i Typografa, 1861. – Т. 6 (Cul. – Den.). – 983 s.
2. Kondratowicz, L. Dzieje literatury w Polsce od pierwiastkowych czasów do XVII wieku / L. Kondratowicz. – Warszawa: nakładem Gebethnera i Wolffa, 1875. – Т. III. – 369 s.
3. Michałowski, J. Księga pamiętnicza z dawnego rękopisma, będącego własnością Ludwika Hr. Morsztyna / J. Michałowski (wojski lubelski, kasztelan biecki) / Nakładem Towarzystwa naukowego Krakowskiego. – Kraków: w drukarni C. K. uniwersytetu, 1864. – 856 s.
4. Obraz wieku panowania Zygmunta III. Króla polskiego i szwedzkiego, czyli Obraz stanu, narodu i kraju / Przez X. Franciszka Siarczyńskiego. – Poznań: nakładem i drukiem Nowej Księgarni, 1843. – Т. 1. – 337 s.
5. Rogalski, L. Historia literatury polskiej / L. Rogalski. – Warszawa: nakładem Michała Glücksberga księgarza, 1871. – Т. 2. – 814 s.
6. Wiszniewski, M. Historia literatury polskiej: w 8 t. / M. Wiszniewski. – Kraków: w drukarni uniwersyteckiej, 1851. – Т. 8. – 503 s.

В’ячеслав Левицкий

Генеральна прокуратура Украіны

СПАДЩИНА ТАРАСА ШЕВЧЕНКА І РОЗВАЖАЛЬНА ПЕРІОДИКА 1900-Х РОКІВ (на матэрыялі публікацый в украінскаму журналі «Шершень»)

Дзевім для літаратуразнаўства ё аналіз усіх типів эмоцыйнасці, за дапамогаю якіх у різні перыяды осмыслюваліся творы пісьменніків-класіків. Зокрема, актуальным выдаецься вивчення комічної рецеп-

ці доробку Т. Шевченка. Такий аб'ект досліdження вимагае врахування трактувань, спрямованих на винятково тактовне оригінальнае тлумачення постаці митця. Чимало з них засвідчено в дописах до періодичних видань пачатку ХХ ст. У згаданий період усталюваліся нові розуміння Шевченковага внеску у словеснасць. Серед адпавідных бачень – ідэі про Т. Шевченка як літэратара, чый доробок зумовляваў модернісцкае сьвітовідчуття й водночас спрыяў падальшаму пднесенню грамадзянскых рухив. Варта прыпусціці, що важлівым чынніком у пожаваленому акресленні та папулярызаці іпостасей Шевченка-эксперыментатара й народнага паэта выявлялася тажож комічна тональнасць.

Мета запропоновааной работы – розглянуці асновні спосабы трактування спадшчыны Т. Шевченка в дописах до українскага журналу «Шершень».

Слід уточніці: «Шершень» – ілюстраваный сатырычна-гумарыстычны тижневік. Выходів у Кіеві протягом січня – ліпеня 1906 р. Выдавец і рэдактар – В. Лозінскый. Із часопісам співпрацавалі С. Бердзяев, М. Вороній, І. Ліпа, Олександр Олесь, О. Сластіон, В. Стефанік, В. Тіхачек та ін. Ідэя «Шершня» зберегла актуальнасць: упродовж березня 1908 р. – чэрвеня 1911 р. аднойменны журнал публікаваўся у Нью-Йорку та Скрантоні (США).

У час, калі друкуваўся кіўскый часопіс, асягнення Шевченковага доробку з пазіцій комізму належала до незвычайных, выклічных, практык. Ця тенденція зберігалася в українскай періодыці навіць після прыпынення выходу «Шершня». Чі не найпашыренішым было задіяння прямых розгорнутых пасілань на сатырычны чі саркастычны абразы з творів митця. Напрыклад, М. Садовскый, распавідаючы в лісті до рэдакціі газеты «Рада» (1908. – 25 березня / 7 квітня) про атрымане пасланья від анонімна-недоброзічлівца, навів урывок із паэмы «Юродывый». Завдякі віразній цытаті про рабів актар співвідніс свого апонента з «катэгорыяю» «чухочубів» [7, с. 3].

Шчо до «Шершня», Т. Шевченкові прыдзілено увагу в радзі публікаціі, умішчєных на сторінках журналу. За тематычным крытэрыєм можна вірзініці тры асновні групы такіх матэрыялів. Це статті про рэцэпцію спадшчыны Т. Шевченка; допісы, чэрэз котры Т. Шевченко актуалізуваўся в місцєвкых дыскурсах «Шершня»; рэклама. Майжє всі іх было найдокладнішє прадставлєно у спэціальных выпусках із нагады 45-рїччя від дня смерці паэта (1906. – № 8–9).

У першій групі публікаціі – рэцэпція спадшчыны Т. Шевченка – дорэчна віокрєміці дві пдрупы статей, а саме допісы про спрыіняття творів Шевченка та постаць Т. Шевченка в калектыўнай свідомасці.

Із першою пдгрупою асоціюецься стаття «Сорок п'яті роковіны смерці Тараса Шевченка» І. Нечуя-Левіцкага (1906. – № 8). У допісі наголошєно на ретрансляціі пднесєной художняой дїйснасці митця і всєсвітньому маштабі шєвчєнківскага доробку. Автор развідкі досіць чітко відмєжовуецься від комічнай эмоційнасці, аджє пдкрєслєно «ввінятковый трагізм історыі» [4, с. 3], прытаманный творам папєредніка. Відмінным за інтанацію був фєйлетон «Павелікодні размовы» (за пдпісам Чміль: 1906. – № 14). У ньому гротэскано вівітлюваліся перемішчєння «романчуківскага выдання Шевченка» [9, с. 2] (очевідно, кнжыкы «Поезіі», выданаой у Львові 1902 р.) із Австро-Угоршчыны. Ці події змалювана на порубіжжы світів: фантастычнаго й рэальнаго, сповнєнаго політычнаго фактажу. Так, расійскы прыкордонныкі вівлучылі выдання українскага романтика у Весні, яка пролітала над Європою, і перєслалы збірку до Міністра ввутрышніх справ.

У другій пдгрупі публікаціі тєж прєважало сєрыознае, просвітєльскае, прочытання. Його яскрава рєпрєзєнтує стаття І. Стєшєнка «Пам'яті Т. Г. Шевченка» (за пдпісам І. С-ко: 1906. – № 8). Як зазначєно в нарысі, покращєння абстаывн для вжытку українскаой мовы в прєсі дало псымєнныкам змогу актывно відзначыці роковіны класыка. Сам жє Т. Шевченко ототожнюецься з учытєлєм і асобыстїсцю, котра істотна вплывула на націєтворчі процєсы. У зазначєнаму спосабі трактування варто віокрєміці двя пдходы. Прымірэм, В. Лозінскый тязів до сакралізаціі митця. У нарысі «Могыла Т. Г. Шевченка» рэдактар журналу розгядав похавання як «св'ящєннє мїсцє» [1, с. 7]. Навпакы, тачку відліку для Олєны Пчілки становыла докумєнтальна фіксація відомостєй. Цыкл публікаціі псымєнныці «Пєрєказы про Шевченка» (1906. – № 8–9) мав на мєті з'ясуваты співвідношєння правды й вмыслу у спогадах і фольклорній епіці про паэта.

До другої групы – Т. Шевченко в місцєвкых дыскурсах «Шершня» – належаты публікаціі творів літэратуры та кнжыковай графікы.

У першій пдгрупі прывертгає увагу художня шєвчєнкяна та пасіланья на Шевченкові паэзіі в рїзножанровых дописах. Самє в художніх творах было найповнішєю мїрою відображєно профіль журналу. Більшысць літэратурных тєкстів на шєвчєнківска тєматыку мала комічну эмоційнасць. Цьому спрыяла і іхня інтєртєкстэуальна структура. Спадшчына автора трактувалася у зв'язку з подыямы пачатку ХХ ст., лягаючы в аснову саціальных або політычных пародій. Памфлєт «На Вєлікдєнь на соламі» Л. Старыцкаой-Чєрныхівскаой (пд крптонімэм Л. С-ка: 1906. – № 8) грунтуваўся на пародійному парафразі аднойменнаго Шевчєнковаго вірша. Лірычны суб'єкт саркастычна візнас: «Одним к св'яту по-

ставили // Гойдалки високі, // Другим хатки – вікна в гратки, // Темні та глибокі» [6, с. 6]. Пародія «На мотив Шевченка» (за підписом Чміль: 1906. – № 9), орієнтована на Шевченків вірш «Якби ви знали, паничі...», означається й бурлеском. Співчуваючи незаможним співвітчизникам, ліричний суб'єкт ставить риторичне питання: «І нащо звать ту хату раєм, // Що у Тавричеськім садку?» [8, с. 3]. Прирівнюючись до вбогого житла, образ петербурзького палацу зі згаданого саду трактується в низькому стилі.

Прототекстом пародії «Вечір» (1906. – № 8) була поезія Т. Шевченка «Садок вишневий коло хати». При осмисленні цього твору автор із псевдонімом «Полтавський Шершень» сполучив сатиру з елементами гротеску. На форму ідилії з життя сільської родини проектувалися міркування про захищеність проросійськи налаштованих діячів. Ідеться про полеміку з Д. Піхном – українським і російським громадським та державним діячем, прибічником організації «Чорної сотні», одним із постійних опонентів «Шершня». У вірші змальовано «піхновський», а не вишневий садок. За сюжетом, з роботи йдуть не плугатарі (пор.: [10, с. 17]), а «чорні сотні», яких «стривають гімном <...> Піхнята // І до Піхна вечерять звать» [5, с. 6].

Як слід уточнити, до інших політиків, із котрими найактивніше сперечалися дописувачі до журналу, належав С. Вітте. Підстави для досить вигадливого закиду на його адресу дала саме шевченківська тематика. Сатирики оприлюднили кілька віршів, у яких мова велася від особи такого російського урядовця. Понад те, у назвах творів указувалося на схильність С. Вітте до містифікаторства чи навіть плагіату. Ідеться про пародійну медитацію «Думи мої...: (підробка С. Вітте під Т. Шевченка)» (за підписом Не-Тарас: 1906. – № 13), побудовану на основі Шевченкового вірша «Думи мої, думи мої...», та пародійний шкід «Вітте до Дурново: (підробка під Т. Шевченка)» (за підписом Бджола: 1906. – № 14), інтертекстуального щодо поезії Т. Шевченка «Доля».

Осучаснення сюжетів не завжди полягало в їх політизації. Яскраве свідчення цього – вірш О. Маковея «У тієї Катерини...: (Пародія з Шевченка)» (1906. – № 8), базований на однойменній Шевченковій баладі. Письменник-модерніст, зосередившись на тематиці оригінального зачину, применшив гостроту конфлікту. Подібно до твору XIX ст., центральною проблемою пародії є вибір Катериною свого майбутнього чоловіка. Тепер дівчина постає ще прагматичнішою. Героїня приділяє виняткову увагу такій рисі потенційних наречених, як освіченість: «Вийду замуж я за того, // Хто диплом покаже» [2, с. 7].

Єдиним твором, у котрому зміст вірша Шевченка жартівливо обігрувався за послабленого зв'язку з новітніми реаліями, виявилася пародія «І день іде, і ніч іде...» (за підписом Не-Тарас: 1906. – № 10). Дописувач прагнув запропонувати бачення класика, позбавлене як ідеологічних акцентів, так і надмірної патетичності. При цьому пародія, уміщена до журналу, претендувала на роль сформульованої поетики. Якщо Шевченків вірш «І день іде, і ніч іде...» є медитацією, автор XX ст. осміяв правдоподібність поетичного роздуму. Ліричний суб'єкт Не-Тараса зауважує: «<...> голову схопивши в руки, // Дивуюсь, чом не одпаде // Та голова мені од муки?» [3, с. 7]. Імовірно, сама частка «не» у псевдонімі дописувача засвідчила сумнів, якому піддано естетичний канон митця-попередника.

Памфлетний диптих «Подольськ. пом. пристава Пирожков» і «Київський поліційм. Цихоцький» Л. Старицької-Черняхівської (за підписом Л. С.: 1906. – № 5; елементи авторського правопису зберігаємо. – В. Л.) побудовано як колаж із уривків вступу до поеми Т. Шевченка «Чернець». Уславлення минувшини, притаманне романтикові, набуває іронічного відтінку. Згідно з задумом письменниці, ностальгії за бурхливими подіями в Києві віддаються винятково правоохоронці. Вони мисляться своєрідною антитезою до козаків – героїв інтертекстуалізованого Шевченкового твору. Симптоматично, що обидва памфлети наведено під спільним заголовком «З часів погромних».

Сатиричну сутність мала добірка «З коментарів та уваг офіційної особи до творів Шевченка» (за підписом Шершень з Миргороду: 1906. – № 9). Інтерпретатор, від імені якого складено зауваги, співвідносив шевченківську художню дійсність, із повсякденністю XX ст. У ході його роздумів унаочнювалися обивательські стереотипи. Наприклад, «офіційну особу» обурювало те, що, за сюжетом поеми «Тарасова ніч», на кобзаря, котрий грає на розпутті, не реагує поліція. Навпаки, цінуючи міські розважальні заклади, коментатор погоджувався з висловом «Аж страх погано // У тім хорошому селі» із Шевченкового вірша «І виріс я на чужині...» ([11, с. 6]; пор.: [10, с. 119]).

Центральним образом у віршах, не базованих на комізмі, була могила митця: «Рідна легенда про співця і його могилу» І. Стешенка, «Шевченкова могила» О. Коваленка (обидва – 1906. – № 8). Художньо осмислювалось і воскресіння (вірш «Якби тепер устав Тарас» В. Самійленка: за підписом В. Сивенький), геніальність Т. Шевченка (вірш «Вічні згуки» І. Федорченка; обидва – там само).

У дописах різних жанрів простежуються також менш інтенсивні міжтекстові відношення. Справді, епіграф із присвяти Т. Шевченка

«Н. Костомарову» ужито в гуморесці «Чим odrізняються, – хто знае...» (за підписом Сліпень: 1906. – № 14), а з вірша «Як умру, то поховайте» – у нарисі В. Різниченка без назви («[Вона вже йде, тая велична сім'я]») (за підписом Валентій: 1906. – № 9). У памфлеті «Бюрократи від науки» (за підписом Академічний Шершень: 1906. – № 5) наявна ремінісценція з Шевченкової поезії «Во Іудеї во дні они...», а в памфлеті «Горе України, або Пани Шашкевич та Бидловський» (за підписом Польський Шершень: 1906. – № 4) – алюзія на містерію Т. Шевченка «Великий льох». В оформленні обкладинки № 22/23 задіяно цитату з Шевченкового послання «До Основ'яненка».

Стосовно другої підгрупи матеріалів, у «Шершні» було надруковано серію робіт «Ілюстрації до “Кобзаря”», зокрема до поеми «Кавказ», віршів «Як умру, то поховайте...», «Якби ви знали, паничі...», «Буває, в неволі іноді згадаю...» (1906. – № 9–10, № 12). Автори зображень при публікаціях не зазначалися. Кілька портретів митця («Т. Г. Шевченко: 1814–1861» Ф. Красицького; рисунок без назви В. Різниченка) уміщено в № 8.

Третя група – реклама – охоплювала оголошення про видання, у яких детально розглядався доробок митця. Маються на увазі, насамперед, «Записки Наукового товариства імені Шевченка», анонсовані в анонімних повідомленнях (1906. – № 12, № 14).

Отже, літературний доробок Т. Шевченка мав істотне значення для діяльності сатирично-гумористичного часопису «Шершень». Через сприйняття спадщини поета увиразнювалося кілька аспектів контркультурного статусу журналу. Уміщуючи пародії на вірші митця, видання відмежовувалося від інформаційно-аналітичної періодики, що тяжіла до менш ігрового бачення канонізованих творів. У такий спосіб «Шершень» засвідчував і тенденцію до експериментального переосмислення класики, притаманну модерністському світогляду. Водночас часте цитування Т. Шевченка, взаємодоповнення комічних і некомічних, просвітительських, публікацій скеровувалося на загальне посилення позицій української культури в Російській імперії.

Література

1. Лозинський, В. Могила Т. Г. Шевченка / В. Лозинський // Шершень. – 1906. – № 8. – С. 7.
2. Маковей, О. У тієї Катерини...: (Пародія з Шевченка) / О. Маковей // Шершень. – 1906. – № 8. – С. 7.
3. Не-Тарас. І день іде, і ніч іде... / Не-Тарас // Шершень. – 1906. – № 10. – С. 7.

4. Нечуй-Левицький, І. Сорок п'яти роковини смерті Тараса Шевченка / І. Нечуй-Левицький // Шершень. – 1906. – № 8. – С. 3.

5. Полтавський Шершень. Вечір / Полтавський Шершень // Шершень. – 1906. – № 8. – С. 6.

6. С-ка, Л. На Великдень на соломі / Л. С-ка // Шершень. 1906. – № 8. – С. 6–7.

7. Садовський, М. Лист до редакції / М. Садовський // Рада. – 1908. – 25 березня / 7 квітня. – С. 3–4.

8. Чміль. На мотив Шевченка / Чміль // Шершень. – 1906. – № 9. – С. 3.

9. Чміль. Повеликодні розмови / Чміль // Шершень. – 1906. – № 14. – С. 2.

10. Шевченко, Т. Повне зібрання творів : у 12 т. / Т. Шевченко. – Київ: Наук. думка, 2003. – Т. 2. – 784 с.

11. Шершень з Миргороду. 3 коментарів та уваг офіційної особи до творів Шевченка / Шершень з Миргороду // Шершень. – 1906. – № 9. – С. 6.

Елена Овчаренко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Россия)

СЛОВО В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ: ИЗ ИСТОРИИ ПЕЧАТНЫХ СМИ КВЕБЕКА

На постсоветском пространстве исследователи крайне редко обращаются к изучению СМИ Канады в целом, и тем более – СМИ ее отдельных провинций. В 2014 году печать Квебека, или Французской Канады, как еще называют единственную франкоговорящую провинцию страны, отмечает свое 250-летие, и вся ее история отмечена борьбой посредством слова за сохранение самобытности этого региона. В нашем небольшом исследовании мы представим три наиболее яркие, на наш взгляд, исторические страницы печати Квебека, связанные с событиями XVIII, XIX и XX веков.

С первых же дней существования Французской Канады слову в ней принадлежала особая роль. «Новая Франция была вначале страной миссий», – отмечал выдающийся национальный историк Квебека Франсуа-Ксавье Гарно (1809–1866) [14, р. 221]. Монахи-миссионеры со «словом Божьим» на устах продвигались вглубь континента, однако на все их просьбы открыть в колонии типографию Париж отвечал неизменным отказом, рассматривая Новую Францию лишь как сырьевой придаток. Слово печатное появилось в бывшей французской колонии после того, как она по итогам Семилетней войны отошла к Британской короне, и это

событие было связано с именем одного из самых выдающихся людей XVIII столетия – Бенджамина Франклина (1706–1790).

Седьмого октября 1763 года Королевской прокламацией английского монарха Георга III в Северной Америке была образована новая британская колония – Квебек. Несмотря на то что 99 % населения Квебека составляли франкоговорящие католики, потомки французских переселенцев, официальным языком был объявлен английский, на Квебек распространено действие английских законов и судебной системы, а на выборные должности могли назначаться только протестанты [2, с. 12–13]. Именно тогда возник до сих пор не дающий покоя Канадской конфедерации франкоканадский национальный вопрос, именно тогда у франкоязычного населения Квебека появилась острая необходимость в собственном печатном слове для защиты своих национальных интересов. Но самому первому колониальному изданию такая миссия оказалась не по силам из-за ряда причин. Молодой шотландец Уильям Браун, прибывший из Филадельфии со своим компаньоном Томасом Гилмором для открытия собственного дела в новой колонии по совету Франклина, основал там в 1764 г. «Квебекскую газету» / «*Quebec Gazette*» / «*Gazette de Québec*» (г. Квебек был центром одноименной новой британской колонии), ставшую первым печатным изданием на территории бывшей Новой Франции. Он помнил рекомендацию Франклина – печатать газету сразу на двух языках, с учетом национального состава колонии. Но франкоговорящее население отнеслось к газете сдержанно: Браун и Гилмор, не говоря по-французски, вынуждены были искать тех, кто знал оба языка, часто это оказывались случайные люди, и переводы получались нескладными. Нужного количества подписчиков не набралось, и чтобы издание могло выжить, им пришлось обратиться за денежной помощью к английскому губернатору Мюррею, что еще больше отдалило от них франкоязычную аудиторию [16, р. 19]. Однако разделявшие демократические взгляды Франклина молодые издатели все же старались по возможности отмежеваться от колониальной администрации. Канадский ученый А. Берт так охарактеризовал редакционную политику «Квебекской газеты»: «Это был лишь официальный посредник [между губернатором и населением] для публикации официальных документов и объявлений. В других отношениях она не была правительственным органом. Она не выражала его мнения, разве что если молчание можно считать за мнение» [7, р. 504]. Рождение же подлинно демократического печатного издания, которого так ждал Квебек, оказалось непосредственно связано с событиями американской революции. Друг Франклина, типограф-француз Флери Мепле в

1776 г. был направлен Континентальным конгрессом в составе делегации Б. Франклина в Квебек для издания и распространения там антибританской литературы – с целью привлечь новую английскую колонию к борьбе за независимость. Не успев вернуться в Филадельфию вместе с Франклином из-за своего громоздкого типографского оборудования, Ф. Мепле был арестован британскими солдатами сразу же после взятия Монреаля. Однако за недостатком улики (он даже не успел запустить свой пресс) вскоре вышел на свободу – с разрешением издавать газету на французском языке во втором крупном городе колонии – Монреале. Правда, в своем прошении Мепле пришлось пообещать не затрагивать темы, «которые могли бы вызвать подозрение у правительства и у церкви» [16, р. 52], но именно его «Коммерческая и литературная газета для Монреаля и его окрестностей» («*La Gazette de commerce et littéraire pour la ville et le district de Montréal*», начала выходить 3 июня 1778 г.) стала первым прогрессивным изданием колонии. С ее страниц впервые звучали обвинения в адрес британской колониальной администрации, проповедовались идеи Вольтера и американской революции. У Флери Мепле появился единомышленник – молодой француз-публицист Валантэн Жотар. Под различными псевдонимами два сотрудника редакции умудрялись под носом у губернатора публиковать отрывки из работ французских философов-просветителей, снабжая их собственными «вольнодумными» комментариями, требовать свободу слова и печати, реформы школьного образования, а также завоевывать читателей даже в г. Квебеке, успешно соревнуясь за их внимание с местной «Квебекской газетой». Ее основатель Уильям Браун, наблюдая растущую популярность смелого конкурента, в одном из частных писем с грустью так высказался о характере своей «Квебекской газеты»: «...она больше заслужила название более невинное – “Газеты британского владычества”...» [17, р. 26–27]. Неудивительно, что издание Флери Мепле и Валантэна Жотара сразу же пришлось не по вкусу губернатору, но ни он, ни его окружение не владели достаточно французским языком, чтобы быстро оценить смелость публикаций. Сначала выпуск газеты был приостановлен, а в 1779 г. она была закрыта, причем Мепле и Жотар оказались в тюрьме. Флери Мепле смог возобновить свое издание под названием «Газетт де Монреаль» лишь в 1785 г., но за это время произошли важные политические события, и о старом вольнодумстве не могло быть и речи. Первым делом «Газетт де Монреаль» обязали быть двуязычной (переводы делались с французского на английский), чтобы колониальные власти могли следить за ее содержанием. Кроме того, Парижский договор 1783 г. официально закрепил рождение нового государства – Соединен-

ных Штатов Америки, и в Квебек стали перебираться враги американской революции – сторонники короля, лоялисты. Британский парламент откликнулся на эти события Конституционным актом (1791), разделив Квебек на Верхнюю (с преобладанием англоговорящего населения) и Нижнюю Канаду (с преобладанием франкоговорящих жителей). И хотя в обеих частях колонии учреждался парламент, реальная власть в Нижней Канаде снова оказалась в руках английского меньшинства. Бывший в то время губернатором Канады англичанин Х. Финли разъяснил такое положение дел в одном из частных писем: «Мы должны превратить народ полностью в англичан. Это должно быть сделано путем введения обязательного английского языка, бесплатных школ и судопроизводства в колонии только на английском языке» [5, с. 102].

Конституционный акт 1791 г. сделал лишь одну уступку франкоговорящему большинству жителей Нижней Канады – предоставил право выбирать своих представителей в провинциальную Ассамблею, нижнюю палату парламента, но английский язык по-прежнему господствовал безраздельно, и даже парламентские дебаты допускались только на английском. Поэтому истинной «парламентской трибуной» для Нижней Канады стали страницы первого оппозиционного франкоязычного демократического издания, основанного в 1806 г. Пьером Бедаром для защиты интересов франкоканадцев, – газеты «Канадъен» («Канадец» / «Canadien»). Пьер Бедар (1762–1829) был одной из самых ярких фигур Ассамблеи Нижней Канады и идеологом кружка оппозиционно настроенных немногочисленных депутатов-франкоканадцев, представителей интеллигенции – главным образом, из адвокатов и нотариусов. Отметим, что эти две профессии, к которым можно добавить врачей и богословов, еще долго оставались единственно возможными жизненными путями для молодых франкоканадцев, стремящихся продолжить образование. Даже значительно позднее, в середине XIX века, в своем романе «Шарль Герен» (1846–1853) франкоканадский писатель Оливье Шово говорил о некоей «социальной болезни» Французской Канады, развившейся из-за английского угнетения, скудости профессионального выбора и невозможности получить приличную должность для франкофонов. Эта «болезнь» приводила к тому, что, завершив школьное образование, молодые франкоканадцы были обречены «на праздность, если они были богаты, на голодную смерть или эмиграцию, если они бедны» [1, с. 585–586]. Поэтому неудивительно, что редакционная политика газеты «Канадъен» была крайне антибританской, а ее девизом позднее стал лозунг: «Наш язык, наши законы, наши институты!». Была в редакционном курсе и некоторая доля национализма (мирные канадцы, «les enfants du sol»),

противопоставлялись соседям – «алчным торговцам», американцам и англичанам, стремящимся совместными усилиями «расфранцузивать» жителей Нижней Канады), но отметим, что начальный период издания «Канадъен» совпал с губернаторством Джеймса Крэйга (1807–1811), который открыто называл франкоканадцев «людьми второго сорта» и вел с раздражавшим его изданием настоящую войну [3, с. 385–386]. Главной же темой газеты стала критика существующего в колонии политического режима. Со страниц «Канадъен» Бедар и его сторонники позволяли себе высказывать весьма крамольные мысли, заявляя, что английский король злоупотребил своими правами, установив в Нижней Канаде Конституционным актом 1791 г. форму правления, лишь внешне соответствующую британской конституции, а на деле обернувшуюся сговором английской колониальной администрации и франкоканадских крупных сеньоров-землевладельцев против простых жителей, причем власть их в колонии ничем не ограничивается. Поэтому Бедар с коллегами-журналистами настойчиво проводил на страницах «Канадъен» идею установления в Канаде министерского правления, ответственного перед выборной Ассамблеей, т. н. «ответственного правительства» [4, с. 7–8]. Газета быстро стала очень популярной в Нижней Канаде, а губернатор Крэйг уже в 1808 г. сообщал в Лондон о «провокационных настроениях» редакции. Через два года он счел, что пора изгнать оппозиционных депутатов из Ассамблеи, а газету, которая стала настоящей «политической трибуной» франкоканадцев, закрыть. В марте 1810 г. посланные им войска совершили налет на типографию «Канадъен»: оборудование было конфисковано, а редактора газеты Пьера Бедара и троих его компаньонов арестовали. Но влияние «Канадъен» оказалось сильнее властных инициатив всесильного губернатора: очередные выборы в Ассамблею вновь вернули в строй депутатов-демократов старого созыва, в том числе тех, кого Крэйг упрятал в тюрьму. «Удивительно, как этой полудюжине людей, владевших дешевой и маленькой типографией и выпускавших еженедельную газету... удавалось проникать в самые отдаленные части провинции и оказывать влияние на исход выборов в Ассамблею», – с некоторым недоумением отметит уже в XX веке американская исследовательница Э. Мэннинг [5, с. 199].

Подчеркнем, что именно тогда во Французской Канаде наметилась долговременная и вполне объяснимая тенденция: большинство видных политических деятелей, защищавших национальные интересы, обязательно отдавали дань журналистике, печатному слову – или основывали газету, или активно сотрудничали в редакциях изданий. Этьен Паран (1802–1874), преемник Пьера Бедара на посту главного редактора

«Канадъен» с 1831 г. – выдающийся журналист и социолог. По мнению аббата Лионеля Гру, авторитетного квебекского историка, Этьен Паран, вооруженный в своих словесных баталиях девизом газеты «Наш язык, наши законы, наши институты!», «из своей газеты “Канадъен” сделал подобие национального института» [15, р. 141]. Крупнейшими франкоканадскими публицистами XIX века стали Луи-Жозеф Папино (1786–1871), многолетний спикер Ассамблеи и один из руководителей антиколониального «Восстания Патриотов» 1837–38 гг., Луи-Ипполит Лафонтен (1807–1864), лидер большинства в Ассамблее, – именно он, при активной поддержке франкоязычных газет, печатавших его яркие речи в Нижней палате парламента, добился в 1848 г. отмены запрета на употребление французского языка. Упомянутый нами выше писатель Оливье Шово (1820–1890) тоже был публицистом, деятельно защищавшим интересы франкоканадцев [3, с. 413], и политическим деятелем – в 1867 г., когда был образован Доминион Канада, он находился на посту премьер-министра провинции Квебек. Эта тенденция сохранилась и в XX веке, назовем самые известные имена: Анри Бурасса – политический деятель, основавший в 1910 г. газету «Девуар» («Долг» / «Devoir»), «квебекскую “Монд”», являющуюся сегодня самым авторитетным изданием Канады на французском языке и единственную независимую в провинции Квебек (она не принадлежит ни конгломератам, ни частным лицам, издается Народной типографией); Пьер-Эллиот Трюдо – в молодости член редакции и идеолог журнала «Сите либр» («Cité libre»), впоследствии – премьер-министр Канады; Рене Левек, основатель суверенистской Квебекской партии, сторонник независимости Квебека, по профессии журналист, работавший телекомментатором в государственной компании «Радио-Канада».

Не прерывалась на протяжении 250-летней истории прессы Квебека и традиция активного ее участия в защите подлинных национальных интересов жителей провинции, их прав и свобод. В XX веке демократической печатью Французской Канады была также одержана значительная победа, достойная ее славной истории: благодаря журналистам двух франкоязычных изданий – газеты «Девуар» и журнала «Сите либр» – была свергнута диктатура Мориса Дюплесси (1890–1959), долгие годы которой квебекские историки окрестили «Великим затмением». Уроженец Квебека, заурядный провинциальный адвокат из г. Труа-Ривьера, Дюплесси взлетел на вершину власти, избираясь премьер-министром провинции в 1936–39 и в 1944–59 гг. Дело в том, что, будучи лидером реакционнейшей партии Национальный союз, он воспользовался поддержкой немалой части населения Квебека, успешно играя на патрио-

тических чувствах франкоканадцев. Идеологию Национального союза можно определить как профашистско-католическую: Дюплесси умело разжигал национализм, ненависть не только к англоканадцам, но и ко всем иным нациям (в Квебеке 1930–40-х гг. процветал антисемитизм [6, с. 101]), навязывал франкоканадцам крайне опасную мысль об их «особой миссии на североамериканском континенте», идею «мессианства» и призывал к созданию особой Квебекской католической республики – Лоренции. Понимая силу печатного слова, Дюплесси жестко контролировал прессу, всегда лично решал вопросы о публикации идеологически важных документов на страницах газет провинции и не гнушался прямым подкупом журналистов – за воплощение на бумаге его идей. Вообще же журналистов он не жаловал. Пьер Лапорт, в те времена сотрудник независимой газеты «Девуар», отмечал, что для Дюплесси «интеллигент, литератор, вообще работник умственного труда – они в его глазах были мечтатели, которые витают в облаках, но владеют одной опасной вещью, имя которой мысль» [18]. Тем не менее уникальной особенностью этой мрачной эпохи стало следующее обстоятельство: силы сопротивления режиму Дюплесси в послевоенные годы стали постепенно объединяться вокруг двух оппозиционных монреальских франкоязычных изданий – газеты «Девуар» и журнала «Сите либр», и именно их последовательная редакционная политика подготовила падение авторитета партии Национальный союз, что привело к ее поражению на выборах. Орган интеллектуальной элиты Квебека газета «Девуар» не сразу оказалась в оппозиции к режиму Дюплесси: в 1940-е гг. она предпочитала находиться «над схваткой», освещая проблемы языка и культуры, но уже с начала 1950-х гг. пришла к выводу: «Автономия, которую мы защищаем [голосуя за Дюплесси], – это автономия бедности и нищеты» [12] и начала публиковать разоблачительные статьи. Она смело называла «главными избирателями» Дюплесси американские монополии: в благодарность за предоставленные за бесценок природные ресурсы Квебека они оплачивали избирательные кампании Дюплесси. Приводились и весьма красноречивые примеры: так, в обмен на 5 млн долларов, внесенных компанией «Айрон ор оф Кэнада» в избирательную кассу Национального союза, она получила право платить один цент (!) за каждую тонну добываемой в Канаде железной руды [9]. И даже крах режима Дюплесси начался с обвинения группы министров его правительства на страницах «Девуар» в спекуляциях акциями одной частной компании, которой, как оказалось, была продана провинциальная газовая сеть [13]. Не меньшим был вклад в победу над «Великим затмением» Дюплесси и журнала «Сите либр», который начал выходить в Монреале с 1950 г. На его стра-

ницах регулярно выступали известный социолог М. Риу, руководитель католических профсоюзов Ж. Маршан, юрист П.-Э. Трюдо – выходец из обеспеченной семьи, будущий премьер-министр Канады в 1968–1984 гг. Программа редакции «Сите либр» была более последовательной, чем у журналистов «Девуар». Если газета в чем-то продолжала поддерживать националистическую линию Дюплесси, то на страницах «Сите либр» подчеркивалось: «Национализм слишком долго маскировал проблемы, поставленные социальным неравенством» [10, р. 28]. Кроме того, в редакции «Сите либр» считали, что в Квебеке существует острый «кризис сознания» – кризис между отжившей клерикально-националистической идеологией и повседневным «безвременьем» провинции, давно требующей движения вперед. Статья квебекского социолога М. Риу об этом так и называлась: «Идеология и кризис сознания во Французской Канаде» [8]. И хотя в редакции «Сите либр» не было выработано четкой концепции будущего Квебека, зато ставилась ближайшая задача: завоевание демократии в борьбе против «дюплессистской диктатуры» – такое определение было дано режиму Дюплесси в программном документе редакции «Сите либр» – «Демократическом манифесте», подготовленном П.-Э. Трюдо в октябре 1958 г. [11]. Скоропостижная смерть М. Дюплесси в сентябре 1959 г. лишь ускорила падение Национального союза – в июне 1960 г. к власти в Квебеке после очередных выборов пришли либералы, началась индустриализация провинции и долгожданные реформы, получившие название «Тихой революции». Так впервые в истории печати Французской Канады оппозиционная демократическая пресса сумела добиться столь значительной победы, открыв Квебеку путь к социальным переменам.

Печати Французской Канады выпал жребий родиться одновременно с франкоканадским национальным вопросом и пройти через два с половиной века борьбы за сохранение самобытности своего народа до того момента, когда в ноябре 2006 года нынешний премьер-министр Канады Стивен Харпер выступил в парламенте Канады с «признанием квебекской нации». Две нации-основательницы стояли у истоков современной Канады, и понадобилось почти 250 лет, чтобы это осознать. Вот самое знаменательное для Квебека событие XXI века, а перелистав некоторые страницы истории печати Французской Канады, мы убедились, сколь действенным может быть печатное слово в контексте времени.

Литература

1. Ванникова, Н.И. Канадская литература. Литература на французском языке. XIX век / Н.И. Ванникова // История всемирной литературы: в 9 т. – М.: Наука, 1989. – Том 6. – С. 585–586.

2. Симаева, Е.П. Становление канадской государственности / Е.П. Симаева. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2008.
3. Соков, И.А. История стран изучаемого региона стран Северной Америки. Канада / И.А. Соков. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012.
4. Соков, И.А. Социально-политическая система изучаемого региона стран Северной Америки. – Ч. II. Канада / И.А. Соков, Е.П. Симаева. – М.: РИОР, 2011. – С. 7–8.
5. Тишков, В.А. Освободительное движение в колониальной Канаде / В.А. Тишков. – М.: Наука, 1978.
6. Чонка, А. Трансформация иммиграционной политики Канады XIX–XX веков и ее последствия / А. Чонка // Современная Канада глазами молодых ученых. – М.: Российское общество изучения Канады, 2004. – С. 101.
7. Burt, A.L. The Old Province of Quebec / A.L. Burt. – Toronto, 1933.
8. Cité libre. – 1955. – décembre, № 14.
9. Le Devoir. – 1956. – 8 août.
10. Cité libre. – 1958. – janvier, № 19.
11. Cité libre. – 1958. – octobre, № 22.
12. Le Devoir. – 1953. – 3 décembre.
13. Le Devoir. – 1958. – 13 juin.
14. Garneau, F.-X. Histoire du Canada / F.-X. Garneau. – 5-me édition. – Paris, Librairie Félix Alcan, 1913. – Т. I.
15. Groulx, L. Notre maître le passé / L. Groulx. – Montréal, 1977. – Т. 2.
16. Lagrave, de J.-P. Les origines de la presse au Québec (1760–1791) / J.-P. de Lagrave. – Montréal, 1975.
17. Roy, C. Histoire de la littérature canadienne / C. Roy. – Québec, 1930.
18. Miscellanées [Electronic resource]. – 2007. – Mode of access: <http://embruns.net/carnet/quebec/culture-amere-au-quebec.html>. – Date of access: 30.01.2014.

Тацяна Падаляк

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

КАШТОЎНАСЦЬ ПУБЛІЦЫСТЫЧНАГА СЛОВА ЯК ЭМПІРЫЧНЫ ФАКТ

Доктар філалагічных навук прафесар Аркадзь Іосіфавіч Наркевіч – выдатны навуковец-энцыклапедыст, прадстаўнік класічнай акадэмічнай школы мовазнаўства. Гэта і таленавіты, адметны педагог, адрознівала незвычайнае абаянне, дабрыня і спагадлівасць – невыпадкова вучні яго шчыра любілі і глыбока паважалі.

Аркадзь Іосіфавіч вучыў маладых журналістаў, апрача ўсіх тонкасцяў, нюансаў і таямніц роднай мовы, яшчэ і майстэрству дакладнасці

словаўжывання. У нашай прафесіі гэта, несумненна, мае надзвычай важнае значэнне

Прафесар А. Наркевіч часта заходзіў у рэдакцыю найстарэйшай беларускай газеты «Звязда» да нас, сваіх вучняў. І гэта ў многім сімвалічна. Таму што вялікая гісторыя газеты сведчыць, што ў экстрэмальных абставінах «пагранічнай сітуацыі» публіцыстычнае слова было не тое што на вагу золата, а літаральна на вагу жыцця. І гэта не прыгожая метафара, а эмпірычны факт. Журналісты ўласнымі жыццямі плацілі за магчымасць данесці да народа дакладнае слова праўды.

У год 70-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў урокі ваеннай «Звязды» і ўрокі прафесара Наркевіча асабліва актуальныя.

З першых дзён Вялікай Айчыннай «набатным заклікам гучала палымнае слова “Звязды”» [2, с. 20]. 23 чэрвеня 1941 г. газета выйшла на дзвюх старонках: заява Савецкага ўрада, баявыя зводкі, першыя законы ваеннага часу. Ужо ў нумары за 24 чэрвеня былі змешчаны першыя ваенныя вершы Якуба Коласа, Пятра Глебкі, Антона Бялевіча. Паэтычнае слова ўзмацняла, рабіла больш дзейсным і эфектыўным слова публіцыстычнае. Напрыклад, Якуб Колас у вершы «Шалёнага пса – на ланцуг» пісаў:

Дык так, пачалося. Забойца ў паходзе,
І спущаны псы з ланцугоў.
У грознай навале, у цяжкай прыгодзе
Больш мірных няма берагоў.
Да зброі, народы раскутай краіны:
Разбойнік штурмуе наш дом!
Магутнаю раццю, патокам адзіным
Абрушым на ворага гром!
.....
Дык чуйце, народы: ў паход на бандыта,
На меч перакуйце ваш плуг.
Захочам – і Гітлер, як пёс, будзе біты:
Шалёнага пса – на ланцуг!

23 чэрвеня, другі дзень Вялікай Айчыннай вайны: Мінск у агні, бамбёжкі не спыняліся, а рэдакцыя рыхтавала чарговы нумар газеты. Письменнік Павел Кавалёў, які працаваў у той час у «Звяздзе», успамінаў, што ў набор здавалася і публіцыстычнае выступленне Янкі Купалы, у якім «была фраза аб тым, што “вораг знойдзе сабе магілу на нашай зямлі”. Некаторыя з адказных супрацоўнікаў “Звязды” палічылі,

што гэта месца трэба выправіць – бо ў даваенны час была думка, што мы ворага разгромім на яго ўласнай тэрыторыі» [3, с. 198]. Менавіта Кавалёву было даручана патэлефанаваць паэту і ўзгадніць праўку. Иван Дамінікавіч падрабязна раскажаў маладому журналісту, што ён «укладвае вялікі сэнс у гэту сваю фразу: “вораг знойдзе сабе магілу на нашай зямлі”. Гаварыў, што вайна будзе цяжкаю, што бітва будзе зацятаю. Паэт прасіў перадаць таварышам з рэдакцыі, што ён, нягледзячы на “заўвагу”, перакананы ў правільнасці сваёй думкі» [3, с. 198].

Янка Купала не памыліўся. Апошні легальны нумар «Звязды» ў вайну выйшаў 13 жніўня 1941 года ў Гомелі. А праз 9 месяцаў, ва ўмовах жорсткага фашысцкага тэрору, мінскія падпольшчыкі аднавілі выпуск газеты, якая напярэдадні Вялікай Айчыннай мела высокі аўтарытэт у чытачоў і была надзвычай папулярным выданнем, да голасу якога ўсе ўважліва прыслухоўваліся.

Першым рэдактарам падпольнай «Звязды» стаў Уладзімір Амелянюк. Вайна застала маладога журналіста ў Беластоку, дзе ён, студэнт Камуністычнага інстытута журналістыкі (КІЖа), праходзіў вытворчую практыку ў газеце. Шмат дзён прабіраўся ў Мінск, дзе адразу ўключыўся ў падпольную барацьбу. Яго найлепшы сябар Генадзь Будаў, разам з якім працавалі ў дзяржынскай раённай газеце, потым у 1938-м сталі студэнтамі КІЖа, а летам 1941-га стваралі патрыятычнае падполле, успамінаў, што Валодзя валодаў «уменнем за нязначным, здавалася б, фактам, разгледзець важныя з’явы» [2, с. 20].

Уладзімір Амелянюк устанавіў сувязь з рабочымі друкарні Дома друку. Там стварылася адна з першых падпольных груп: бацька і сын Воранавы, наборшчыкі Барыс Пупко і Міхаіл Свірыдаў і прыбіральшчыца, былая настаўніца Броня Гофман. «Барыс Пупко ўсяляк імкнуўся зававажаць давер у самога нямецкага шэфа друкарні. І дабіўся свайго. Шэф, праходзячы па друкарні, часта падыходзіў да Барыса, размаўляў з ім, а іншы раз і паціскаў руку. Гэта значна аблегчыла работу адважнага камсамольца. Многія, лічачы Барыса Пупко любімчыкам шэфа, не маглі нават падумаць, што Барыс тут жа, стоячы ля сваёй касы, набіраў лістоўкі Мінскага падпольнага гаркама», – успамінаў Уладзімір Казачонак, адзін з удзельнікаў выдання падпольнай «Звязды» [4, с. 104]. Гэта не проста мужнасць – сапраўдны гераізм: літаральна пад носам у ворага набіраць словы змагання і барацьбы: «Нямецкія паліцэйскія сабакі... заклікаюць вас выдаваць у іх крываваыя лапы ўсіх верных свайму народу і Радзіме людзей... Не слухайце гэтых ганебных заклікаў акупантаў і іх памагатых. Уключайцеся ў актыўную барацьбу супраць нямецкіх захопнікаў.

Паведамляйце блізім аб прысутнасці шпіёнаў і правакатараў... Ідзіце ў лясы, далучайцеся да атрадаў народных месціцаў – чырвоных партызанаў!» [4, с. 105].

Першы нумар «Звязды» падпольшчыкі вырашылі набіраць... непасрэдна ў друкарні Дома друку. Барыс Пупко займаўся наборам, бацька і сын Воранавы вынеслі з друкарні на сваю кватэру на тагачаснай Рымарнай вуліцы гранкі для версткі газеты, прабельны матэрыял, вярстаткі, фарбу, валікі, паперу і іншыя матэрыялы, неабходныя для выпуску газеты. Яны ж па частках вынеслі і набор. Менавіта ў доме Воранавых 18 мая 1942 года быў аддрукаваны першы нумар падпольнай «Звязды» тыражом 2 500 экзэмпляраў. Ён адкрываўся наступным зваротам да чытачоў: «Таварышы! З сённяшняга дня Мінскі Гарком КП(б)Б аднаўляе выданне свайго органа – газеты «Звязда». Пішыце ў газету аб жыцці партызанскіх атрадаў, аб баявой іх дзейнасці, аб паасобных партызанах, праявіўшых сябе ў барацьбе з нямецка-фашысцкімі акупантамі. Рэдкалегія». Газета-патрыётка яднала народ у імя Перамогі, заклікаючы: «Паднімайцеся ўсе, каму дорага наша Радзіма, на ўсенародную барацьбу супраць нямецка-фашысцкіх акупантаў!» Кожнаму падпольшчыку было зразумела, што чакае ў выпадку правалу. Ніякіх ілюзій не было, людзі свядома рабілі свой выбар. Уладзімір Амелянюк пісаў: http://zvyazda.minsk.by/attachments/258/9-16_1.jpg «Партызан! Ты бачыш, на фронт цягнуцца нямецкія эшалоны, грузаныя салдатамі, боепрыпасамі і тэхнікай! Узрывавай чыгуначнае палатно, масты, пушчай пад адкос саставы – гэтым ты палегчыш наступленне Чырвонай Арміі. Бачыш тэлефонны кабель – рві яго, гэтым перарэжаш сувязь і ўнясеш замяшанне ў асяроддзе ворага. Ты чуеш, па тваёй краіне крычаць салдаты і афіцэры гітлераўскай грабарміі! Знішчай іх як шалёных сабак! Радзіма толькі тады ўздыхне свабодна, калі на яе зямлі не застанеца ніводнага акупанта» (Звязда, 1942, № 1).

Для гітлераўцаў выхад падпольнай газеты «Звязда» быў падобны да выбуху магутнай бомбы.

Слова было – на вагу золата. «Невялікая па памеру газетная плошча прымушала пісаць вельмі лаканічна, і ўсё ж звяздоўцы-падпольшчыкі імкнуліся зрабіць кожны нумар цікавым, змястоўным, выкарыстоўвалі розныя газетныя жанры», – справядліва адзначаў М. Дастанка [2, с. 167]. У час вайны даследчык рэдагаваў слуцкую падпольную газету «Народны месцівец»: ён выдатна ведаў, што журналістам-падпольшчыкам даводзілася працаваць у вельмі складаных умовах, рыхтаваць матэрыялы «на хаду».

Генадзь Будай у кнізе «Свінцом і словам», якая вытрымала не адно выданне, пісаў: «Час сцірае вастрывіны ўспрымання фактаў, падзей. Гледзячы на пажоўклы газетны лісток, не ўсе сёння ўяўляюць, які подзвіг здзяйснялі людзі, выпускаўшы газету ў горадзе, дзе ўладарыў жорсткі фашысцкі тэрор» [1, с. 97].

Красамоўная дэталь, на якую звяртаецца ўвага: Уладзімір Амелянюк спяшаўся, рыхтуючы матэрыялы для першага нумара падпольнай «Звязды». А як працаваў над фактам і словам: «Яго блакнот папаўняўся фактамі аб баявых дзеяннях народных месціцаў, аб зверствах фашыстаў. Скрупулёзна адбіраў ён найбольш важныя паведамленні Маскоўскага радыё... Шмат якую інфармацыю хацелася змясціць у маленькім газетным лістку. Але трэба было «сціскаць», і Амелянюк па некалькі разоў перапісваў матэрыялы, стараўся ўдыхнуць у іх жар свайго сэрца, усю нянавісць да ворага» [1, с. 78].

За кожнае слова праўды патрыёты плацілі сваімі жыццямі: Барыс Пупко, Міхаіл Пятровіч Воранаў і яго сын Міхаіл закатаваныя гітлераўцамі. Нацыстам, пры дапамозе правакатара, удалося высачыць Уладзіміра Амелянюка. Ён загінуў 26 мая 1942 года, было яму ўсяго 25.

Патрыёты гінулі – але кожнае слова «Звязды» сапраўды страляла ва ўпор. Па злачынцах-акупантах. Па халуях-здрадніках...

Пасля гібелі Амелянюка ўсе абавязкі па далейшым выданні газеты ўзялі на сябе Вячаслаў Нікіфараў, Ядвіга Савіцкая і Уладзімір Казачонак. У чэрвені 1942-га быў выпушчаны дадатковы тыраж першага нумара, каля 5 000 экзэмпляраў; падпольшчыкі абнавілі толькі зводку Савінфармбюро. Другі нумар газеты выйшаў толькі ў жніўні (а не ў ліпені, як намячалася): не хапала асобных літар, фарбы, прабельнага матэрыялу. Спатрэбілася шмат часу, каб здабыць усё неабходнае. Трэці нумар (6 верасня 1942 г.) быў прысвечаны ўсенароднай партызанскай вайне супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Са старонак «Звязды» гучалі баявыя заклікі: «Настаў час свяшчэннай і бязлітаснай расплаты з крывавым ворагам. Да зброі кліча нас маці-Радзіма, кліча наша бальшавіцкая партыя!»

Падпольная «Звязда» шырока не толькі распаўсюджвалася ў Мінску і партызанскіх атрадах Міншчыны, але пры дапамозе чыгуначнікаў накіроўвалася ў іншыя гарады і вёскі Беларусі. Падпольшчыкі планавалі выпускаць газету тры-чатыры разы ў месяц, па нядзелях. Менавіта ў нядзелю, 20 верасня, выйшаў чацьвёрты нумар «Звязды».

Гітлераўцы ўсе сілы кінулі на пошук рэдакцыі і падпольнай друкарні, прычым за гэтую інфармацыю была ўстаноўлена ўзнагарода ў паме-

ры 50 000 акупацыйных марак. Было задзейнічана мноства агентаў і правакатараў, аднаму з іх усё ж удалося высачыць патрыётаў. Пяты нумар «Звязды» планавалася выдаць 27 верасня 1942 года. Ужо ў пятніцу 25 верасня нумар быў набраны і зварстаны, пакінулі месца толькі для зводкі Інфармбюро аб становішчы на франтах, яе павінен быў запісаць па радыёпрыёмніку Вячаслаў Нікіфараў і ўвечары даставіць у друкарню. Але ў ноч на 26 верасня 1942 года гестапаўцы схалілі патрыёта, ён загінуў у Трасцянецкім лагеры смерці.

Журналіст Анатоль Мяснікоў сустракаўся з колішняй звяздоўкай-падпольшчыцай Ядвігай Савіцкай. У публікацыі «Слова клікала на барацьбу» прыведзены яе аповед: «У ноч на 26 верасня 1942 года нямецка-фашысцкія захопнікі арыштавалі 21 падпольшчыка, і сярод іх – усіх членаў падпольнага гаркама і сакратароў сталічных райкамаў партыі. Уладзімір Казачонак спачатку схаваў усе матэрыялы ў хляве ў двары дома, у якім я жыла, а потым іх вынеслі ў партызанскі атрад і пераправілі ў Маскву» [5].

Доўга лічылася, што ніякіх рукапісаў, па якіх набірлася падпольная «Звязда», не захавалася. У зборніку «Наша “Звязда”» (1968) гісторыкі С. Пачанін і В. Давыдава паведамлілі, што пры грунтоўным вывучэнні Мінскага падполля ў партархіве Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ былі знойдзены арыгіналы рукапісаў двух нумароў – чацвёртага і пятага, падрыхтаванага, але не выпушчанага ў сувязі з арыштам падпольшчыкаў. «Гэтыя рукапісы пацвердзілі, што непасрэдна рыхтавалі газету, пісалі артыкулы, апрацоўвалі матэрыялы камуністы-падпольшчыкі В.С.Казачонак, А.А. Карпусенка і Я.М. Савіцкая» [6, с. 114].

Многія ўдзельнікі выпуску падпольнай «Звязды» загінулі ў страшэнных пакутах у душагубках, на шыбеніцах або ад варожай кулі ля турэмнай сцяны. У канцы 1942 г. было прынята рашэнне аднавіць выпуск газеты ў раёне размяшчэння камандавання Мінскага партызанскага злучэння на Загальскіх балотах, ва ўрочышчы Зыслаў Любанскага раёна Мінскай вобласці. Там дзейнічаў партызанскі аэрадром, выдаваліся адразу тры газеты – акрамя «Звязды», маладзёжная «Чырвоная змена» (газета пачала выдавацца ў красавіку 1921-га, з 2001 года выходзіць як дадатак да «Звязды») і любанская раённая газета «Кліч Радзімы». Рэдактарам «Звязды» стаў вопытны журналіст, даваенны рэдактар «Чырвонай змены» Міхаіл Барашкаў. Старонкі «Звязды»-партызанкі сведчаць аб тым, як партызанскі рух становіўся ўсенародным, масавым; як партызанскімі становіліся цэлыя беларускія вёскі...

Такім чынам, дакладнае, праўдзівое, адметнае публіцыстычнае слова можа быць не толькі справай, але і зброяй.

Літаратура

1. Будаі, Г.В. Свинцом и словом: записки журналиста / Г.В. Будаі – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Беларусь, 1981. – 223 с.
2. Дастанка, М.Е. Газета «Звязда» ў гады Вялікай Айчынай вайны (Чэрвень 1941 – май 1945 гг.) / М.Е. Дастанка. – Мінск: Выд. БДУ імя У.І. Леніна, 1970. – 196 с.
3. Кавалёў, П. Шчыры сябар газеты / П. Кавалёў // Наша «Звязда», 1917–1967 гг. / Склад. М.Я. Філімонаў. – Мінск: Беларусь, 1968. – С. 195–200.
4. Казачонак, У. Страляла ва ўпор / У. Казачонак // Наша «Звязда», 1917–1967 гг. / Склад. М.Я. Філімонаў. – Мінск: Беларусь, 1968. – С. 101–113.
5. Мяснікоў, А. Слова клікала на барацьбу / А. Мяснікоў. – Звязда. – 2002. – 21 мая. – С. 2.
6. Пачанін, С. У непакараным горадзе / С. Пачанін, В. Давыдава // Наша «Звязда», 1917–1967 гг. / Склад. М.Я. Філімонаў. – Мінск: Беларусь, 1968. – С. 113–118.

Анна Петручэнка

Белорусский государственный университет

ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЛИЯНИЯ СМИ

Социально-экономические преобразования общественной действительности, характер и регулирование которых определяются согласно политическим стратегиям правительства, выдвигают новые требования к региональным массмедиа. Одно из них заключается в необходимости выработки особого дополнительного механизма общественного влияния как коммуникационного катализатора реализации Государственной программы инновационного развития на 2011–2015 гг. в целях формирования особой благоприятной информационной среды и противодействия возможным негативным явлениям, инициируемым инновационной деятельностью в государстве, сопровождающим ее и / или являющимся ее следствием. Функциональным и формообразующим изменениям должны подвергнуться как система отношений между государством, субъектами инновационной инфраструктуры, СМИ и общества [7], так и сама информация как предмет и продукт массмедийной коммуникации. Информационное сообщение есть структурная единица информационной коммуникации СМИ, а его способность существовать вне массмедийной коммуникации позволяет говорить о нелинейных неравномерных взаимосвязях, взаимовлияниях и взаимозависимостях в рамках этого процесса, где информационное сообщение есть сочетание эмоционально-распорядительных действий акторов, принимавших уча-

стие в создании данного сообщения (активно или пассивно). Анализируя журналистское произведение и массмедийную коммуникацию как элементы социально-экономической коммуникации, правомерно подчеркнуть выраженный дуалистический коэволюционный характер отношений данных компонентов, то есть их активную кооперацию друг с другом, где особенность данного феномена заключена в сложности определения доминирующего элемента в конкретном случае. Посему некоторые интенсивные изменения, характерные для общественно-экономической парадигмы в целом, могут моделировать критерии отбора информации для массмедийных сообщений, с одной стороны; в это же время методы журналистского восприятия действительности способны не только определять функциональность массмедийного сообщения, но и выступать формообразующим фактором для перспективных запросов аудитории СМИ.

Активизация широкой общественности в целях конструирования инновационной модели белорусского государства возможна через психологическое «включение» отдельно взятого гражданина в инновационный проект Беларуси путем объяснения «личной» выгоды, которую человек может получить в результате инновационной деятельности, то есть сопряженной со стрессом смены привычного жизненного ритма на новый. Речь идет о программе масштабной мотивации к инновационной деятельности белорусского общества, наличие мотивации есть залог успешной реализации инновационной стратегии на всех этапах, сферах и уровнях. СМИ, являясь информационным депо для общества и информационным транслятором между правительством и гражданами, распространяет, подвергая смысловой адаптации, результаты разных аспектов государственной активности. На эффективность массмедийной коммуникации указывает тот факт, что одной из основных функций СМИ по-прежнему является идеологическая [8, с. 58]. Таким образом, используя определенные комбинации информационных сообщений, диффузируя данные блоки в определенной последовательности и с заданной скоростью, можно говорить о процессе формирования инновационной культуры граждан, структурной единицей которой является инновационный тип мышления, влияющий на показатель мотивации к инновационной деятельности. А. Давыдов, анализируя механизмы культивации через каналы массовой коммуникации приоритетных ценностей инновационного развития, выделяет пять индексов культурных изменений, которые следует учитывать при формировании содержательного разнообразия информационных сообщений:

- готовность людей принимать неравномерность распределения власти в обществе;
- ценность индивидуальных достижений;
- ценность напористости и жестокости в достижении целей, сосредоточенных на материальном успехе;
- ценность четких и ясных правил деятельности, уклонение от неопределенности;
- ценность ориентации на будущее [1].

Следует отметить, что на значение индекса инновационного развития страны (Global Index) наибольшее влияние оказывает фактор размерности (IDV – Individualism, 42 %), характеризующий ценности индивидуальных достижений. При этом наблюдается прямо пропорциональная зависимость индекса размерности и индекса инновационного развития, что означает: чем больше значение IDV, тем выше показатель Global Index [1, с. 13]. Данная особенность формирования инновационно ориентированной экономики должна быть использована в процессе выработки рекомендаций к публицистическим материалам, направленным на формирование инновационной культуры и инновационного мышления у граждан, путем увеличения числа журналистских произведений о личных достижениях белорусов в области инновационной деятельности. Следует быть весьма предусмотрительными, так как, идентифицируя медийный контент, потребитель, кроме рационального осмысления, может воспринять его как внушение. М. Маякова понимает под внушением потребителю определенного информационного продукта устойчивые смыслы, которые помещаются в журналистское произведение «посредством инсценирования визуальных эффектов; сознательное использование эстетически-символических ресурсов власти для ее легитимизации и упрочнения посредством создания символических «эрзацев» (суррогатов) политических действий и решений» [6, с. 81]. Граница между повествованием и повествованием с внушением весьма подвижна как для журналистов, создающих такие произведения, так и для массовой аудитории, которой данный контент адресован. Вероятны случаи, когда публицистический текст, созданный без преднамеренного желания вызвать эффект влияния, будет воспринят аудиторией как инструмент манипулирования, и наоборот. Контролировать психологические аспекты массовой коммуникации весьма сложно, однако выработать некий алгоритм регулирования в отношении популяризации науки, инноваций и инноваторов необходимо. Ж. Комарова, главный редактор журнала Национальной академии наук Республики Беларусь «Наука и

инновации», выделяет три блока условий, которые следует учитывать при разработке стратегии по изменению образа науки и инноваторов через каналы СМИ:

- «со стороны государства: подготовка журналистских кадров для работы с научной информацией и научным сообществом;

- со стороны участников научно-инновационных процессов: изменение отношения к прессе (обеспечение СМИ оперативной и качественной информацией). Научное сообщество должно понять, что СМИ в современном мире – это не обслуживающая науку журналистика, а реальная власть над сознанием массового потребителя. Те, кто пришел к такому пониманию роли прессы, уже давно используют ее для решения своих задач. Представители прессы должны стать обязательными гостями мероприятий, проводимых научными организациями, инновационными компаниями, выставочными центрами;

- необходимо создавать условия для полноценной работы журналистов на таких публичных мероприятиях» [4].

Вполне возможно, что в региональных печатных СМИ должны появиться научные рубрики (аналитические жанры), в которых в простой форме излагалась бы информация о достижениях белорусских ученых с обязательным уточнением, как это изобретение используется, есть ли аналоги за рубежом и т. п. Речь идет о работе журналистов с научной информацией: творческой интерпретацией терминологии на понятный аудитории язык без утраты достоинства предмета дискуссии, с сохранением смысла и без искажения фактов, что само по себе является сложной задачей. Дискуссии научной направленности, пусть и в публицистической обработке, положительно повлияют на формирование инновационной культуры граждан. По справедливому замечанию В. Степина, «фундаментальная наука – это неотъемлемая часть культуры. И научная рациональность является основой формирования мышления человека в процессе его обучения. <...> Когда человек усваивает фундаментальные науки, у него возникает особый тип сознания, который лежит в основе целенаправленной деятельности. <...> Научная рациональность заставляет человека думать» [10]. Введение в тематическое разнообразие научных рубрик как обязательных повлечет увеличение научной информации, однако на эффект этой деятельности влияют среди прочего профессиональные компетенции журналистов. В целях минимизации рисков искажения фактов, что приведет к обратному эффекту – понижению имиджа науки, к утверждению негативного отношения к инновациям и инноваторам, – следует руководствоваться следующими рекомендациями:

- обязательства освещать инновационную / научную тематику закрепить за определенными сотрудниками редакции;

- преимущество отдавать тем, у кого есть способности к научной деятельности, ученая степень, практика работы в научной сфере и пр.;

- рекомендовать визировать материалы таких рубрик в целях исключения искажения информации;

- обеспечить дополнительное обучение специалистов, освещающих научную тематику (спецкурсы по особенностям научной деятельности, истории развития фундаментальных и прикладных наук в Беларуси).

Кроме психологически-профессиональных особенностей журналистов, на качественные характеристики журналистского продукта оказывают влияние условия, в которых протекает творческий процесс. Чтобы уточнить место и роль общественных тенденций и явлений во влиянии на профессиональную деятельность журналиста и процесс создания информационного сообщения, воспользуемся термином «социальная среда». Данное понятие используется в социологии при рассмотрении совокупной социальной действительности, при анализе взаимосвязи и взаимозависимости объектов этой действительности. Применительно к журналистике социальную среду можно определить как совокупность обстоятельств общественной жизни, в которой функционируют СМИ. Конкретные совокупности социально-экономических, политических, культурных условий, в том числе инновационных процессов в государстве, которые влияют на развитие и функционирование субъекта, но в разной мере (в зависимости от степени непосредственности соприкосновения), определяют массмедийную макро-, мезо- и микросреду [3, с. 33]. Инновационная деятельность как общественная тенденция, приобретающая в последнее время свойство обязательного компонента любых социально-экономических процессов, выдвигает тезис об актуальности формирования особого типа культуры – инновационной культуры, ключевым аспектом которой является открытое отношение к инновациям. Инновационная профессиональная культура как вид инновационной культуры протекает согласно внутренним законам предприятий, в которых она оформляется в своеобразные профессиональные кодексы и систему корпоративной этики. Б. Залесский, рассуждая о необходимости формирования высокого уровня инновационной культуры на предприятиях и организациях страны, рекомендует начинать этот масштабный проект с коллективов СМИ еще до начала инновационных изменений: «Проводить эту работу можно поэтапно, воздействуя в нужном направлении на такие составляющие инновационной культуры ра-

ботников, как их образование, уровень профессиональных знаний, творческий и интеллектуальный потенциал, квалификацию, трудовой опыт, способность к самообразованию, внутреннее настроение работника, эргономические условия на рабочем месте, осознание стратегического направления деятельности медиа, инновационные ценности» [2, с. 49].

По мнению автора, выявление уровня инновационной осведомленности в социальных группах, активно вовлеченных в процесс формирования нового типа мышления, является приоритетным направлением в постановке и реализации задач по формированию инновационной культуры общества, так как компетентность и инновационная адекватность журналистов и консультирующих экспертов определяют характер продукта СМИ, который является платформой в переориентации общественного мышления на инновационно ориентированный тип. Конструируя модель диффузии инновационной мысли через СМИ с целью формирования особого типа мышления у граждан, необходимо разделить субъектов, вовлеченных в данный процесс, на две группы: реципиентов информации (читательская аудитория) и фундаторов контента. В группу фундаторов входят представители организаций, осуществляющих инновационную деятельность (источник информации), и представители творческих отделов редакций газет (создание контента). Данное направление в инноватике является новым и малоизученным: социальная сторона инновационного процесса, хотя и набирает популярность, в современном научно-теоретическом дискурсе представлена эпизодическими исследованиями, что ставит задачу разработки собственной методики изучения факторов формирования инновационной культуры журналистского сообщества, определения индексов оценки этого показателя и т. д. Профессор С.А. Шавель (Минск) говорит о необходимости проведения конкретно-социологического анализа, который позволит дать научные ответы на вопрос об отношении к инновациям разных групп и категорий населения. Ученый подчеркивает, что мониторинг инновационных установок с учетом статусных, ролевых и других различий, а также особенностей, связанных с местом проживания, уровнем дохода и образования, семейным положением и т. д., позволит накопить необходимую информацию для решения практических вопросов о том, как вовлекать людей в инновационный поиск, новаторство, изобретательство на своем рабочем месте, по месту жительства, в коммунально-бытовой сфере и т. д. [11, с. 5].

Инновационная деятельность, представляющая собой социокультурный феномен, подвержена изменениям за счет влияния социальных

факторов. Эволюция изучения инновационных процессов в современном теоретическом дискурсе и в практике указывает на происходящие трансформации смыслов со смещением в область массмедийной коммуникации. Развитию инновационной деятельности препятствуют «незрелость практики, отсутствие каналов и языка коммуникации между разнородными сообществами, непонимание целей и задач деятельности партнеров, неумение сориентироваться в ситуации и в потребностях друг друга и т. д.» [5]. Как отмечают А. Саломатин и Т. Шерстобитова, усиление роли коммуникационной составляющей предопределено изменившейся природой инноваций и, соответственно, ее организацией, так как в настоящее время в большей степени инновация является результатом хорошо организованного мыслительного процесса нескольких людей, которые вырабатывают принципиально новое знание, часто на стыке наук (ранее – инновация была результатом труда преимущественно одного человека) [9, с. 159]. Таким образом, СМИ обладают огромным коммуникационным потенциалом, являются аналитическим инструментом анализа и управления, а также платформой для оптимизации национальной инновационной стратегии.

Літаратура

1. Давыдов, А.А. Размерности культуры и инновационное развитие / А.А. Давыдов // Российское общество социологов [Электронный ресурс]. – М. 2009. – Режим доступа: http://www.ssa-rss.ru/files/File/info/Cultural_Dimensions.pdf. – Дата доступа: 02.04.2013.
2. Залесский, Б.Л. Медийная инноватика: взгляд в будущее / Б.Л. Залесский // *Materialy VIII Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Europejska nauka XXI wieka – 2012»*. – Volume 12. *Filologiczne nauki: Przemysl. Nauka i Studia*. – С. 43–51.
3. Клесова, О. Социальная среда СМИ как способ профессиональной деятельности журналиста / О. Клесова // *Меди@льманах*. – 2011. – № 3. – С. 32–38.
4. Комарова, Ж. Роль СМИ в инноватике / Ж. Комарова [Электронный ресурс]. – Минск, 2006. – Режим доступа: http://iee.org.ua/files/alushta/78-komarova-rol_smi_v_innov.pdf. – Дата доступа: 29. 01. 2014.
5. Кузнецов, Е.Б. Коммуникации в сфере инноваций. К вопросу концептуализации мировой и российской практики / Е.Б. Кузнецов, А.Б. Лапшов // *Медиаскоп: электронный научный журнал ф-та жур-ки МГУ* [Электронный ресурс]. – 2011. – Вып. 1. – Режим доступа: <http://mediascope.ru>. – Дата доступа: 29. 01. 2014.
6. Маякова, М. СМИ: транслируя ценности / М. Маякова // *СОЮЗ*. – 2012. – № 2. – С. 78–81.

7. Петроченко, А.Г. СМИ как фактор результативности взаимодействия комплекса «государство-инноватор-потребитель» / А.Г. Петроченко // Армия и общество. – 2013. – № 3 (35). – С. 12–15.

8. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики / Е.П. Прохоров. – 5-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 367 с.

9. Саломатин, А.Ю. Роль коммуникационной составляющей в инфраструктуре региональных инновационных систем / А.Ю. Саломатин, Т.И. Шерстобитова // Известия высших учебных заведений. Поволжский край. Общественные науки. Экономика. – 2011. – № 4 (20). – С. 156–168.

10. Степин, В.С. Изменения в структуре науки и современный статус фундаментальных исследований / В.С. Степин [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Stepin63.htm>. – Дата доступа: 29. 01. 2014.

11. Шавель, С.А. Инновационные установки населения: предпроектный анализ / С.А. Шавель // Социология. – 2008. – № 3. – С. 3–15.

Татьяна Силина-Ясинская

Белорусский государственный университет

ТИПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ

Жизнь современного общества невозможна без полноценного обеспечения его информационных потребностей. В системе периодической печати наряду с газетами важнейшим источником информирования читателей о событиях и фактах общественной жизни и о результатах научных исследований является журнал. Назначение журналов – формирование научного мировоззрения читателя, расширение его кругозора, популяризация достижений науки и техники. Исследователи отечественных печатных СМИ журналам уделяют намного меньше внимания, чем газетам, однако доминирование журнального сегмента на отечественном рынке прессы (как отечественной, так и зарубежной), активные темпы роста аудитории, а следовательно, доходов журнальных изданий являются весомыми причинами для исследования современного журнального рынка.

Современная журнальная периодика характеризуется многочисленностью и разнообразием изданий. Во всех отраслях знаний и науках, имеющих дело с разными по своему составу множествами объектов (понятий, явлений и т. п.), в процессе изучения этих объектов на определенном этапе появляется необходимость в их упорядочивании, разделении на классы (или группы, виды, типы и т. п.), выстраивании в логическую

систему или иерархию. В процессе взаимодействия журналистики с социальной практикой создается определенная структура СМИ, которая, в свою очередь, должна быть точно отражена в типологических характеристиках, с помощью которых описывается каждое издание и вся система СМИ, поскольку при изучении прессы важно профессионально ориентироваться в тенденциях развития системы средств массовой информации и уметь давать типологическое описание каждого конкретного издания.

Типология помогает определить место изданий в системе СМИ, способствует их взаимодействию, развитию здоровой конкуренции, указывает место СМИ в рамках географического, информационного, экономического и социального пространства. Правильное определение типологии – это правильное позиционирование издания на рынке СМИ. В различных источниках можно встретить не совпадающие друг с другом типологические системы, причем нередко среди специалистов разгораются жаркие споры о том, в каком порядке располагать факторы и признаки типологизации, какие из них важнее – содержание, цели или ориентация на определенную аудиторию и т. п. Однако в любом случае основой типологии является расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной модели, или типа. В системе печатной периодики такой единицей является газета (журнал).

В качестве основных типобразующих признаков СМИ в теории журналистики приняты: характер аудитории, предметно-тематическая направленность издания, целевое назначение, время выхода, периодичность. Типология отечественных журналов обусловлена культурными потребностями и интеллектуальными возможностями читательской аудитории. Доказательство этому – большие группы журналов по следующим тематическим направлениям: научные, научно-популярные, деловые, общественно-политические, познавательные (для совместного чтения). Журналы «с особым адресом» затрагивают круг интересов социального, духовного, профессионального характера, имеют определяющее значение в деятельности ученых и философов, играют важную роль в развитии науки и культуры страны.

Журналы – периодика, основанная не на оперативности, а на цикличности, задача которой – представлять факты в свете рассуждений и творческих преобразований. Используя отставание как преимущество, журналы осмысливают событие, увлекают читателя его образной картиной и, в отличие от газеты, тематически и аудиторно более сосредоточены на определенном характере и содержании информации. Публикуя

информацию о новинках в различных сферах жизни, журналы способствуют продвижению в массы нового знания, призваны дать аудитории глубокий анализ событий и явлений окружающего мира, комментировать, объяснить их, спрогнозировать дальнейшее развитие.

Быстрота реакции журналов на социально-экономические потребности общества обуславливает динамику количественных показателей выпуска журналов по целевому назначению за разные периоды времени. Особенно активно эти значения менялись за десятилетие с 1991 по 2000 год (с пиком в 1997 году), когда белорусские социальные институты укреплялись на новом пути социально-политического развития. В разные годы в период существования СССР (с 1917 до 1990 гг.) в Беларуси (БССР) выходило от 9 до 40 различных наименований журналов. В ответ на ряд политических и экономических преобразований в стране в период 1991–2000 гг. количество издаваемых журналов выросло до 256. Лидерами первого суверенного десятилетия республики стали журналы общественно-политического и социально-экономического направления, научно-практические и технические, а также массовые, предназначенные для семейного чтения и досуга.

В 2002 году в Беларуси издавалось 400 журналов и более 800 газет, а на 1 января 2004 года Министерством информации Республики Беларусь было зарегистрировано уже 520 журналов. В 2006 году в стране издаются 403 журнала и 802 газеты, на 1 марта 2008 г. – 522, на 1 февраля 2011 г. – 633 журнала. На 1 апреля 2011 г. – 650 журналов и 666 газет, а на 1 августа 2011 г. – уже 665 журналов (и 674 газеты). И это не считая иностранных журналов, разрешенных к распространению на территории Беларуси. В мае 2012 г. впервые за всю историю белорусской журналистики количество издающихся в стране журналов превысило количество газет, и на первое сентября 2012 года составило 716 против 689.

Журналы возникают в точках пересечения запросов (профессиональных, социальных, возрастных – вертикальный уровень) и интересов (политика, спорт, искусство и т. д. – горизонтальный уровень) аудитории. Кроме того, все журналы разделяются на две большие группы: для специалистов и неспециалистов. Сильно влияет на рост количества журналов возможность частной собственности на СМИ, а также расширение тематического спектра не только публикаций, но и направлений журналов в целом. Это обуславливает стабильный прирост их количества приблизительно на один процент в месяц, что подтверждается регулярно обновляющимися данными Министерства информации Республики Беларусь.

На 1 декабря 2013 года в стране зарегистрирован 791 журнал. При этом наиболее широко представлено научное направление. Читателям предлагается более 100 наименований журналов, большинство из которых – издания вузов и научных организаций Беларуси: «Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии», «Вестник Военной академии Республики Беларусь», «Вестник Фонда фундаментальных исследований», «Научные труды НИИ физической культуры и спорта Республики Беларусь» и др. Однако ряд изданий посвящены определенной узкой теме, что отражает наиболее актуальные направления научных исследований в стране («Мелиорация», «Механика машин, механизмов и материалов», «Пищевая промышленность: наука и технологии», «Строительная наука и техника», «Энергетическая стратегия», «Эпизоотология, иммунобиология, фармакология, санитария»). Второе место стабильно удерживают издания, посвященные экономике и финансам: «Белорусский экономический журнал», «Валютное регулирование и ВЭД», «Вестник Ассоциации белорусских банков», «Заработная плата», «Логистика &», «Экономика. Финансы. Управление» и т. д. Данный сегмент журнального рынка тесно связан с основными направлениями государственной политики в области экономики, бизнеса, внешнеэкономических связей и торговли, которые требуют пристального общественного внимания и всестороннего освещения.

Солидную нишу на отечественном рынке прессы занимают журналы, посвященные технике и промышленности («Автоматизация от А до Я», «Архитектура и строительство», «Вестник Белнефтехима», «Метрология и приборостроение», «Механика машин, механизмов и материалов», «Пищевая промышленность: наука и технологии»), образованию и педагогике («Адукацыя і выхаванне», «Вестник адукацыі», «Выхаванне і дадатковая адукацыя», «Кіраванне ў адукацыі», «Народная асвета»), социальной защите населения и охране труда («Ахова працы», «Производственная и пожарная безопасность», «Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні»). Материалы, публикуемые в них, имеют научно-методический и утилитарный характер, их рекомендации широко применяются в практической деятельности.

Особое место занимает детская журнальная периодика. Наряду с традиционными изданиями универсальной проблематики («Вясёлка», «Журавлик», «Качели», «Незнайка», «Рюкзачок») в форме журналов представлены наборы для творчества, раскраски, сказки: «Вырежи и наклей», «Посмотри и раскрась», «Маляванка беларуская», «Любимые сказки», «Раскраски-мультяшки» и др.).

Информация белорусских журналов всегда актуальна, социально значима и адресно направлена. Сегодня происходит дробление тематических линий изданий по одному или нескольким объединяющим признакам, растёт количество отраслевых журналов с узкой тематикой: «Зарплата в бюджетной организации», «Техническое нормирование, стандартизация и сертификация в строительстве», «Охрана труда в сельском хозяйстве», «Охрана труда в строительстве», «Охрана труда в здравоохранении» и др. Так, только журналы серии «Моя бухгалтерия» Издательского дома Гревцова представлены восьмью узкоспециализированными изданиями, среди которых «Моя Бухгалтерия. Банковская деятельность», «Моя бухгалтерия. ВЭД», «Моя Бухгалтерия. Опыт проверки», «Моя бухгалтерия. Сельское хозяйство», «Моя Бухгалтерия. Торговля».

Ряд перспектив для развития имеют региональные журналы, несмотря на то что их количество в общем объёме журнальной периодики страны составляет не более одного процента. Так, в разные годы издавались и продолжают издаваться такие региональные журналы, как «Ад лідскіх муроў» (г. Лида), «Христианское время» (г. Брест), «Целитель» (г. Гродно), журналы-библиотечки различных газет («Толока», «Семейный очаг» и др.). Их учредители – частные лица, региональные организации и редакции местных газет, а проблематика сосредоточена на удовлетворении узких интересов читателей: литературно-художественная, справочная, народно-медицинская, религиозная.

В Беларуси реализуется более 150 наименований журналов стран СНГ (абсолютное большинство – издания Российской Федерации). Это качественная дорогая периодика о моде, красоте и стиле жизни («COSMOPOLITAN», «GRAZIA», «XXL / Мужской журнал», «Playboy», «Story. Обыкновенные судьбы необыкновенных людей», «Yoga Journal», «100 проектов коттеджей», «SALON ИНТЕРЬЕР», «YES!»), отраслевые издания, восполняющие пробелы отечественной журнальной периодики в области книговедения, полиграфии, филателии, компьютерной тематики, телевидения и радиосвязи («CONNECT! МИР СВЯЗИ», «Broadcasting», «Computerworld», «Stereo&video», «IP-Телефония. АТС. Унифицированные коммуникации»), и журналы для досуга («Лиза. Кроссворды», «Даша», «Судуку плюс» и т. д.). В отдельном ряду стоят издания-коллекции «Легенды авто СССР», «Насекомые и их знакомые», «Парусники», «Дамы эпохи», «Супергонки», «Трансформеры» и др. Они дополняются различными аксессуарами: наклейками, карточками, фигурками героев, CD, репродукциями, моделями техники и пользуются успехом у разновозрастной аудитории.

Учредители журналов – широкий круг разнообразных по статусным характеристикам и организационно-правовым формам лиц, которые видят в их издании определенные цели. Следуя потребностям общества, в надежде оправдать ожидания издателя журналы меняют свое лицо и выступают в новых формах, и наоборот, известные до сих пор формы приобретают содержание и качество журналов. Именно поэтому наряду с традиционными человеко- и медиацентрированными некоторыми журналами реализуют сугубо коммерческие цели: являются рекламозависимыми и рассчитанными на извлечение прибыли («МажорДом», «ICON», «Свадебный сезон», «WhereMinsk», «TAXI» и др.).

Процессы развития современных белорусских журнальных изданий, несмотря на специфические национальные черты, вполне отвечают общим мировым тенденциям журналистики. За рубежом преобладают иллюстрированные журналы «общего интереса» (general interest). Универсальность тематики, самый широкий читательский адресат сочетаются в них с дифференцированным подходом к разным категориям читателей (женщины, дети, любители спорта и т. д.), с учетом и использованием их специфических интересов и запросов. Значительное место в таких журналах отводится фоторепортажу и фотодокументу, различным материалам развлекательного и прикладного характера. Однако отечественная журнальная пресса находится не в такой тесной экономической и политической зависимости от крупнейших монополий, которые оказывают давление на издания, главным образом через рекламу – один из основных источников финансирования печати. Создаются издательские дома и холдинги, активно развивается региональная и корпоративная пресса, на сектор СМИ обращают внимание бизнес-структуры, считающие обладание собственными медиа выгодным финансовым вложением. Ведущими направлениями развития белорусских журналов можно считать усиление влияния экономических факторов, связанных с рекламной зависимостью бюджета изданий и с необходимостью усовершенствования системы распространения, специализацию и сегментацию аудитории изданий, конвергенцию с другими медиа.

Традиционно белорусские журналы классифицируются по тематическому направлению, целевому назначению, характеру аудитории. Различные уровни восприятия информации аудиторией позволяют выделить несколько типов журналов: массовые (журналы для всех), научно-популярные (для широкого круга работников и любителей отрасли знания), специализированные / отраслевые (издания, сугубо профессионально профилированные). Тем не менее ряд тенденций на рынке белорусских журнальных СМИ (усиление гендерного принципа – «Женский жур-

нал», «Я-женщина», «Девчонки»; рекламно-промоутигное направление – «Товары и цены», «Оптом и в розницу», «Евроопт», «Соседи»; глянецовость – «PinguinUnivers», «Wellness», «Алеся»; появление изданий журнального типа под грифом «Библиотечка газеты», «Календарь» и т. д.; усиление «специализированности») говорит о непрекращающемся движении и обновлении в этом секторе.

Инновационные процессы затрагивают не только внешний облик и содержание журналов. Это, скорее, следствие, чем причина. Влияние различных факторов, в первую очередь экономических, обуславливает поиски новых форм существования прессы: газеты все больше походят на журналы, журналы заимствуют кое-что из практики дизайна газет прошлого. Сегодня в Республике Беларусь распространяется огромное количество самой разной печатной журнальной продукции. Анализируя каталог подписки РУП «Белпочта» 2013 года, мы обнаружили, что около 200 газет (а это около трети от зарегистрированных) выходят периодичностью один раз в неделю и реже, половина из них имеет формат А4, объем от 16 и более полноцветных (либо двухцветных) полос. Значительная часть этих изданий является еженедельными тематическими либо специализированными (ежемесячными, ежеквартальными) приложениями к иной газете. Их содержание – проблемно-социальные публикации по письмам читателей, полезные советы, модные тенденции, а также руководства по рукоделию и прикладному творчеству (выкройки, вышивка, поделки из подручного материала и т. д.).

Сходство с журналами определяет и характер оформления таких газет. Так, первая полоса строится по принципу обложки журнала: на ней помещается тематическая фотоиллюстрация либо графический коллаж в зависимости от направления газеты или главной темы номера и дается краткий анонс содержания самых интересных материалов номера, для них характерна верстка в три колонки, типичная для большинства журналов. Российские издания такого типа, распространяющиеся в Беларуси, имеют вид более качественных за счет плотной глянцевого обложки и сшивки на две скобы.

Прессы, совмещающей в себе признаки основных характеристик как газет, так и журналов, на рынке отечественной печатной периодики достаточно много: «Соляночка», «Лечебные письма», «Огород», «Гороскоп», «Застолье», «Твоя лучшая подруга», «Рассказы на ночь», «Познакомимся», «Магазин здоровья», «Женские секреты», «Морфей», «Твое здоровье», «Мечта хозяйки», «Лучшие сканворды», «Народные советы», «Свежий анекдот», «Вовочка», «Народная лечебница», «Календарь здоровья», «Школа здоровья», «Джем-сканворд», «Целитель»,

«Клубничка», «Анекдоты и карикатуры», «Я – мама», «Уютная газета» и другие. Как правило, тематика и содержание этих газет угадываются из названия. Практически все они развлекательного характера и рассчитаны на самую широкую аудиторию. Тем не менее среди них четко выделяется несколько основных тематических направлений: кулинария, садоводство, здоровье, досуг, дети.

Главные факторы, способствующие популярности таких изданий, – их функциональность, удобочитаемость, практическая ценность. Некоторое количество белорусских изданий для детей («Абрикадабрики», «Детская книжка-малышка», «Детские сказки», «Раскраски») в разделе «Журналы» подписного каталога официально себя позиционируют как газета-журнал. Такую периодику удобно хранить, делать из нее вырезки. Она выгодна издателям, поскольку ее контент складывается в основном из писем читателей и перепечаток из интернет-источников, что, с одной стороны, значительно экономит бюджет редакции, с другой – обеспечивает постоянную читательскую аудиторию – авторов публикуемых материалов. Издания, подходящие под приведенное выше описание, можно называть «газетами журнального типа».

Проблема типологии журналов в разные годы занимала специалистов многих отраслей науки: журналистики, литературы- и книговедения, библиографии. Начало формированию взглядов на классификацию периодических изданий вообще было положено известным книговедом Н.М. Лисовским. В 1915 г. вышел его труд, посвященный русской периодической печати 1703–1900 гг., в котором автор отмечал, что поскольку периодические издания имеют некоторые особенности (изготовление, распространение, описание), то их рассмотрение и изучение можно выделить в особый раздел книговедения. Прорыв в классификации журналов в свое время совершил российский исследователь А. Акопов, систематизировавший советские специализированные журналы. В современных исследованиях группировка журналов осуществляется в основном по принципам отраслевой и функциональной дифференциации с учетом их участия в осуществлении политических и экономических функций, поддержки тех или иных идеологических, политических, религиозных и других течений. Однако определяющее влияние в этом вопросе оказывает фактор аудитории – читатели, которые реально определяют спрос, воздействуют на существование каждого издания, следовательно, журналов может быть столько, сколько читательских групп удастся выделить в обществе, руководствуясь сложившимися социологическими критериями или сугубо личностными интересами.

Современные рыночные отношения к основным классификационным категориям типологии добавляют еще один признак, который на современном этапе социально-экономического развития государства влияет абсолютно на все сферы жизни. Он не является типифицирующим, однако отнюдь не косвенно доказывает возникновение такого вида периодики, как газета журнального типа. Это экономический фактор, определяющий финансовые возможности редакции, исходя из которых «классические» виды прессы отходят от своих устоявшихся форм, модифицируются и обеспечивают свое развитие в сторону прогресса или регресса.

Алег Слука

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ІДЭАЛАГІЧНАЯ ЭВАЛЮЦЫЯ БЕЛАРУСКАЙ КАМУНІКАЦЫІ

Заканамернасці грамадскага развіцця мінулага ХХ стагоддзя былі заснаваны на фарміраванні новых рэалій у жыцці асобнага грамадзяніна і ўсяго чалавецтва. Адбыліся тэктанічныя зрушэнні ў філасофіі ўсталявання сусвету: на змену традыцыйнаму саслоўна-іерархічнаму прадстаўленню аб уладкаванні чалавека ў прыродзе і грамадстве прыходзіла рэвалюцыйная метадалогія асваення і падчынення космасу, асэнсавання адносін людзей да веры ў Бога і дэмакратычнай арганізацыі сацыяльнай рэчаіснасці. У аб'ектыўным працэсе палітычнай рэфармацыі праявіўся крызіс буржуазнай маралі і філасофіі, якія супярэчылі новым ідэалагічным прынцыпам развіцця свабоды, дэмакратыі і сацыяльнай справядлівасці, і стала глабальна распаўсюджвацца сацыялістычная канцэпцыя светаўладкавання, як магчымы, новы і эфектыўны шлях прагрэсіўнага развіцця грамадства і спасціжэння вышэйшай ісціны чалавекам [1, с. 64]. Ідэалогія сацыялізму значна пацясніла філасофію лібералізму і стала не толькі прывабным, але і аўтарытэтным сусветным вучэннем. Прапаганда новай ідэалогіі і кансерватыўнае апаніраванне з боку традыцыйнай буржуазнай навукі запатрабавала стварэння глабальнага амвону для абвешчэння сацыялістычных ідэй у грамадстве. Выйсці на перманентны дыялог з «усім чалавецтвам» дапамагла масавая камунікацыя, узрыўное развіццё перыядычнага друку, а затым радыё і тэлебачання. Гэта была трэцяя сусветная «цывілізацыйная рэвалюцыя» [2, с. 82].

У адказны для чалавецтва час змены эпох у розных краінах з'явіліся нацыянальныя перыядычныя выданні, цэлыя атрады сацыяльна і палітычна арыентаванай прэсы, моцная індустрыя друку для фарміра-

вання рэвалюцыйнай грамадскай думкі [3, с. 33]. Грамадства чакала ад інтэлектуалаў канкрэтнай і зразумелай анталагічнай арыентацыі ў новых гістарычных умовах і хацела бачыць рэчаіснасць пазнавальнай і для сябе прываблівай. Як рэзультат грамадскага пошуку ў розных краінах узніклі нацыянальныя сістэмы друку і з'явіліся грамадскія выданні, якія ператварыліся ў своеасаблівыя энцыклапедыі развіцця нацый і створаных на пераломе эпох новых дзяржаў. У Беларусі таксама ўзнікла спецыфічная нацыянальная сістэма прэсы, як новы грамадскі інстытут і своеасаблівы палітычны феномен, якая стала прапагандыстам ідэалогіі практычнага сацыялізму. Першымі і асноўнымі выданнямі беларускай рэвалюцыйнай эпохі сталі газеты «Звязда» (першы нумар выйшаў у Смаленску 17 жніўня 1917 г.) і «Савецкая Беларусь» (№ 1 выйшаў 1 лютага 1920 г. у Смаленску) [4, с. 219].

Названыя газеты былі вынікам аб'ектыўных рэвалюцыйных абставін і дзеянняў уплывовай палітычнай сілы, бальшавіцкай партыі, якая прапанавала грамадству сваю ўнікальную праграму сацыяльна-эканамічнага будаўніцтва сацыялістычнай краіны. Бальшавіцкая прэса стала прапагандыстам самых пажаданых насельніцтвам праграм: «Канец віне!», «Заводы рабочым!», «Зямлю сялянам!». Даследчыкі іншы раз характарызуюць дзейнасць савецкага друку як пазбаўленага свабоды слова. Гэта сучасная ацэнка і яна небезпадстаўная з боку крытыкі гістарычнага вопыту сацыялізму. Аднак патрэбна зыходзіць з аб'ектыўнага факта, што функцыянаванне партыйнага друку высноўвалася на камуністычных прынцыпах і савецкія журналісты выконвалі законы партыйнай праграмы і Статута партыі. Інакш і быць не магло пры існаванні аднапартыйнай сістэмы. Беларускі партыйны друк свядома падтрымліваў дзяржаўную палітыку будаўніцтва сацыялізму і ў агульным імкненні да гэтай мэты выконваў грандыёзныя задачы. «Звязда», «Советская Белоруссия», уся беларуская прэса фарміравалі грамадскую думку новай палітычнай эпохі. Камунікацыйныя каналы і ў першую чаргу партыйны друк сталі ідэалагічным прапагандыстам і заснавальнікам СССР і, што не менш важна, нацыянальных савецкіх рэспублік, нашай БССР, адносна свабодных дзяржаўных утварэнняў, якія цяпер з'яўляюцца незалежнымі краінамі на прасторы СНД. Беларускі друк не толькі дэклаваў партыйныя лозунгі, але і прапанаваў грамадству канкрэтныя праграмы жыццядзейнасці ва ўмовах станаўлення савецкай ўлады, якія сталі вырашальнымі пры сацыялістычным выбары развіцця, рэалізацыі палітычных, эканамічных і культурных задач савецкай дзяржавы і нацыянальных рэспублік. Палітычныя сентэнцыі ў адрас камуністаў, што іх палітыка не прадугледжвала стварэння сама-

стойнай Беларускай Рэспублікі, гэта больш эмацыянальнае заключэнне крытыкаў «бальшавіцкага рэжыму». Савецкі ўрад будаваў новую краіну на геапалітычных прасторах былой Расійскай імперыі і па аб'ектыўным ваенна-палітычным, эканамічным і асобным суб'ектыўным прычынам не ўзнікала праблемы тэрытарыяльнага яе дзялення, хаця ў ленынскай праграме быў пункт рашэння нацыянальнага пытання «вплоть до самоопределения». Падкрэслім асабліва важнае: перыядычны друк і асабліва газета «Звязда» спрыялі канчатковаму афармленню маладой беларускай нацыі ў канцы 20-х гадоў і ўз'яднанню беларускага народа ў адзінай рэспубліцы ў канцы 30-х гадоў. Гэта характарызуецца тым, што ў даваенны перыяд у БССР была сфарміравана спецыфічная палітычная культура і эфектыўная сацыялістычная эканоміка. Беларуская прэса ў той час стала інтэлектуальным здабыткам беларускай нацыянальнай культуры і моцным фактарам фарміравання грамадскай думкі.

Канцэпцыя сацыялістычнай мадэлі атрымала спецыфічнае развіццё ў беларускай прэсе ў гады Другой сусветнай вайны. Рэпрэсіўнаму нашэсцю фашысцкіх войскаў было супрацьпастаўлена разам з ваеннай арганізацыяй маральна-палітычнае аб'яднанне савецкіх людзей у барацьбе за свабоду Радзімы. Беларускае грамадства ў час вайны па многіх прычынах было моцна раздробленым маральна-палітычна і арганізацыйна аслабленым. Здавалася, што на акупіраванай тэрыторыі ваенна-палітычны парытэт павінен быў заставацца за фашысцкімі захопнікамі, на што яны моцна разлічвалі. Тым больш, што разам з рэпрэсіўным «новым парадкам» на беларускае насельніцтва значны ўплыў аказвала фашысцкая і калабарацыянісцкая прапаганда, якая гвалтоўна захоп тэрыторыі суверэннай краіны выдавала як «збаўленне ад камуністычнага рэжыму». Аднак і ідэалагічную вайну фашысты прайгралі. Яны парушылі закон герменевтыкі, знаёмы еўрапейскаму грамадству яшчэ па Гегелю: «узнясенне над сваёй сутнасцю», аднак змест гэтай сутнасці ў акупантаў быў фактычна звярыным. Фашысты на беларускай тэрыторыі расстрэламі, забойствамі, катаваннямі, рабаўніцтвам, гвалтаваннем растапталі асноўныя гуманістычныя прынцыпы існавання чалавецтва. Пад прыкрыццём «новага парадку» было памкненне аднаць свабоду народа і дзяржавы, тая каштоўнасці, да якіх беларускі народ ішоў больш тысячагоддзя [5].

Савецкія сродкі камунікацыі ў час вайны абстрагіраваліся ад мінулых унутраных палітычных і эканамічных праблем і сацыяльных канфліктаў. Асноўным сэнсакіраваннем асобы было змаганне супраць рабства і пагрозы заўчаснай і ганебнай смерці ад рук заваёўнікаў. Такая маральная ўстаноўка адстаявання сваёй чалавечай годнасці, актыўнага

адмаўлення фашысцкага разбою была зместам беларускай філасофскай публіцыстыкі Янкі Купалы, Якуба Коласа, Кузьмы Чорнага, Кандрата Крапівы, Аркадзя Куляшова і інш. і супадала з сутнасцю савецкага грамадства, якое пратэставала супраць гвалтоўнага насілля. Газета «Звязда» была зоркай вызвалення ад фашысцкага рабства, маральна-палітычнай апорай грамадства і арыентавала людзей, як у жахлівым смяртэльным становішчы захаваць жыццё і нацыянальныя сілы для будучага росквіту Радзімы. Сфакусіраваная грамадская каштоўнасць дзейнасці «Звязды» выражана таксама ва ўзнагародзе яе ваеннага рэдактара Уладзіміра Амельянюка званнем Героя Савецкага Саюза. «Савецкая Беларусь» у час вайны набыла мадыфікацыйную мадэль перыядычнага выдання і друкавалася ў Расіі трыма выпускамі і распаўсюджвалася ў прыфрантавой паласе і на акупіраванай тэрыторыі рэспублікі. У свабодалюбвым друкаваным беларускім слове быў выражаны справядлівы меч народнага гневу супраць акупантаў.

Вядома, што ідэалогія пасляваеннага развіцця сацыялізму была моцна абцяжарана палітычным валютарызмам не толькі з боку камуністычнай стратэгіі і тактыкі, але і «халоднай вайной». Аднак беларускія сродкі інфармацыі ў меншай меры былі падвержаны «шкоднаму ўплыву Захаду» і асноўную ўвагу надавалі развіццю народна-гаспадарчага комплексу, культурнаму і матэрыяльнаму забеспячэнню насельніцтва. «Звязда» і «Советская Белоруссия» як галоўныя газеты БССР стваралі пазітыўную карціну складанай савецкай рэчаіснасці. Так як у сферы партыйнай свабоды слова па-ранейшаму дзейнічала цвёрдае цензурнае права і ў палітыка-эканамічным становішчы існавала дырэктыўная залежнасць, то партыйна-савецкі друк асноўную ўвагу ўдзяляў маральна-этычным праблемам чалавека і грамадства. Праблемы творчай дзейнасці, «працоўнага гераізму» былі не толькі зместам сродкаў інфармацыі, але і своеасаблівым маральным культуам усяго савецкага грамадства.

У 60-я гады ў беларускай журналістыцы сфарміравалася маральна-праблематычная ўплывовая публіцыстыка, якая ў першую чаргу канцэнтравалася ў вядучых рэспубліканскіх выданнях, на радыё і тэлебачанні. Гэта цікавая культуралагічная тэндэнцыя праявілася ў працэсе кансалідацыі ўсяго беларускага грамадства і ў шэрагу партыйна-палітычных, дзяржаўна-арганізацыйных і маральна-этычных фактараў аказала вырашальны ўплыў на агульны працэс імклівага эканамічнага і культурнага развіцця рэспублікі: 60-я–70-я гады – гэта найбольш эфектыўны перыяд развіцця СМІ Беларусі і аб'ектыўнага супадзення рэчаіснасці са зместам сродкаў інфармацыі, запросамі масавай аўдыторыі

і прафесійнымі інтарэсамі журналістаў. Сістэмны аналіз сучаснасці і перспектывы погляд у будучыню сфармуляваны ў публіцыстыцы таленавітых мастакоў А. Адамовіча, В. Быкава, У. Караткевіча, А. Макаёнка і інш. Ідэі публіцыстычнай творчасці выдатных творцаў фактычна сталі асновай дэмакратызацыі беларускай рэчаіснасці.

Працэс сацыяльна-эканамічнага развіцця савецкай краіны быў падарваны суб'ектыўна-валонтарысцкай партыйнай палітыкай, якая прывяла да роспуску СССР і агульнага краху сацыялістычнай сістэмы. Свой негатыўны ўплыў на ўсеагульны крызіс сацыялізму аказалі і СМІ. У 80-я гады аб'ектыўная рэальнасць у СМІ была падменена міфатворчсцю і маніпулятыўнасцю. Працэс скажэння інфармацыі дасягнуў такога становішча, што іррэальныя прадстаўленні партыйнай наменклатуры трансліраваліся журналістамі як аб'ектыўная ісціна. Адбылося штучнае аддзяленне грамадскай інфармацыі ад аб'ектыўных поглядаў насельніцтва аб крызісным становішчы і бяспецы партыйнай і савецкай улады пазітыўна ўплываць на супярэчлівыя сацыяльныя працэсы. Законы партыйнага кіраўніцтва грамадскай думкай і СМІ увайшлі ў супярэчнасць з рэчаіснасцю і дыскрэдытавалі ўсю сістэму старой камунікацыі. Савецкія СМІ не змаглі прааналізаваць прычыны стагнацыі палітыка-эканамічнай сістэмы і не папярэдзілі грамадства аб набліжаючайся сацыяльнай катастрофе. У той жа час у плыні адыходзячай партыйна-савецкай інфармацыі пазначылася новая дэмакратычная тэндэнцыя камунікацыйнай сувязі з грамадствам. Пасля стварэння незалежнай Рэспублікі Беларусь у 1991 годзе пачаўся сучасны перыяд дзеяння СМІ на аснове законаў дэмакратычнага грамадства. Да гонару «Звязды» і «Советской Белоруссии» рэдакцыі захавалі свой дзяржаўны статус, масавую аудыторыю, народныя традыцыі і яркі публіцыстычны змест, які быў напоўнены ідэалогіяй свабоднага будаўніцтва суверэннай Беларусі [6, с. 182].

Канцэптуальнай праграмай камунікацыі ў новым часе стала філасофская парадыгма XXI стагоддзя: захаванне прыроды ў сучасным стане для будучых пакаленняў; вырашэнне дэмаграфічных праблем беларускай нацыі; стварэнне ўстойлівай сістэмы нацыянальнай бяспекі па ўсім спектры вызваў часу ад вырашэння праблемы забеспячэння прадуктамі і ліквідацыі пагрозы глабальных хвароб; фарміраванне новай культурнай прасторы для рэалізацыі інавацыйнай праграмы «зялёнай эканомікі». На фоне глабальных задач нацыянальныя СМІ, якія сталі цяпер паўнапраўнай падсістэмай сусветнай інфармацыйнай прасторы, аналізуюць стратэгічныя праблемы беларускага грамадства: абмеркаванне механізмаў арганізацыі і функцыянавання дзяржаўнай улады,

палітычнага працэсу, заканамернасцей развіцця сацыяльна-рэгулюемай эканомікі, нацыянальнай культуры, што інтэгруецца ў распрацоўцы сучаснай ідэалогіі беларускай дзяржаўнасці – «беларускага шляху» у XXI стагоддзі.

Рэспубліканскія СМІ, і найперш нацыянальныя «Звязда» і «Советская Белоруссия» (цяпер – «СБ. Беларусь сегодня»), распрацоўваюць новыя традыцыі адлюстравання сучаснасці на аснове інавацыйнай праграмы стварэння эфектыўнай дзяржавы ўстойлівага развіцця. Гэта праграма вельмі складаная і працяглая ў часе, аднак яе перспектывы вынікі яскрава паказваюць, што гэты шлях беларускаму народу неабходна прайсці. Сутнасць беларускага шляху публіцысты бачаць у рэалізацыі Дзяржаўнай праграмы інавацыйнага развіцця Рэспублікі Беларусь – стварэнні інтэлектуальнага навуковага прадукту – інавацыйнай універсітэцкай адукацыі; арганізацыі вытворчасці на шостым узроўні тэхналагічнага забеспячэння; вырашэння задач сацыяльнай абароны насельніцтва на сучасным узроўні сусветнай культуры. Такім чынам, сучасныя СМІ будуць свабодную і незалежную Беларусь XXI стагоддзя, суверэнную краіну ў сусветным супольніцтве.

Вывады можна зрабіць наступныя: дзве нацыянальныя газеты «Звязда» і «Советская Белоруссия» з'яўляюцца аб'ектыўным летапісам беларускай рэчаіснасці XX і XXI стагоддзяў. У змесце гэтых выданняў адлюстравана супярэчлівая, трагічная і гераічная біяграфія беларускага народа, яго складаны шлях да свабоды і незалежнасці, а таксама стваральнасць, творчасць, гуманізм, што з'яўляецца асноўным філасофскім сэнсам яго існавання. Газеты сталі адным з асноўных і моцных фактараў фарміравання беларускай мовы і нацыі, ідэалогіі будаўніцтва самастойнай дзяржавы, развіцця нацыянальнай культуры і самасвядомасці беларускага народа. Галоўныя беларускія газеты з'яўляюцца маральна-этычным інтэлектуальным асяродкам фарміравання новай культурнай прасторы, «грамадства ведаў», заснаваных на інавацыйнай дзейнасці сучаснага цывілізаванага грамадства.

Творчы вопыт многіх пакаленняў журналістаў з'яўляецца асновай таленавітай школы беларускай літаратуры і публіцыстыкі і паўплываў на развіццё працэсу падрыхтоўкі кадраў для СМІ ў Рэспубліцы Беларусь. Падкрэслім таксама, што і «Звязда» і «Советская Белоруссия» з'яўляюцца найбольш устойлівымі перад выклікамі часу і мала ў свеце грамадска-палітычных пераходычных выданняў, якія перажылі супярэчлівае і трагічнае XX стагоддзе. А перад таленавітымі рэдакцыямі беларускіх газет XX век скарыўся гістарычнымі запісамі на іх старонках. Якія змены адбудуцца ў беларускіх СМІ ў бліжэйшы час? Аналіз паказвае, што

«Звязда» і «Советская Белоруссия» і ў новым стагоддзі захаваюць свой статус асноўных нацыянальных выданняў. Іх далейшае развіццё можа быць адзначана тым, што ў бліжэйшы час у Беларусі будуць створаны два холдынгі са змешаным дзяржаўна-прыватным капіталам пад патранатам дзвюх асноўных нацыянальных газет. Першы холдынг «Звязда» аб'яднае большасць рэспубліканскіх беларускамоўных выданняў, у тым ліку і традыцыйныя часопісы. Другі холдынг – «СБ. Беларусь сёння» – уключае рускамоўныя выданні.

Працэс развіцця інфармацыйнай прасторы паказвае таксама, што паступова закончацца супярэчнасці паміж афіцыйнымі і неафіцыйнымі каналамі камунікацыі. Збліжэнне пазіцый адбываецца на агульнай метадалагічнай аснове дзейнасці дэмакратычных СМІ і не азначае ідэалагічнай ідэнтычнасці зместу. Канчатковая праграма «дзяржаўнай і апазіцыйнай» прэсы, іх канцэптуальны кірунак супадае ў канечным выніку – пабудова свабоднай і незалежнай краіны, дасягненне высокага матэрыяльнага і духоўнага развіцця беларускага народа, што з'яўляецца асноўнай сутнасцю ідэалогіі беларускай дзяржаўнасці на сучасным этапе. Непазбежна афіцыйныя СМІ будуць эвалюцыяніраваць у сваім змесце да больш крытычнага аналізу і грамадскага кантролю дзяржаўных органаў, што спрыяе эфектыўнай іх дзейнасці, а неафіцыйныя – ужо цяпер паступова набліжаюцца да канструктыўнага і аб'ектыўнага адлюстравання рэчаіснасці. Такім чынам, афіцыйныя і неафіцыйныя СМІ – гэта два бакі аднаго дэмакратычнага працэсу будаўніцтва краіны. Такая матрыца камунікацыі – міжнародная практыка дзейнасці сучасных СМІ і адзіны шлях набліжэння да ісціны. Аб'ектыўная эвалюцыя публіцыстычнага зместу нацыянальнай камунікацыі заснавана на дэмакратычных прынцыпах ідэалогіі беларускай дзяржавы і з'яўляецца эфектыўным фактарам фарміравання інавацыйнай свядомасці грамадзян у працэсе рэалізацыі сацыяльна-эканамічных праектаў развіцця незалежнай Беларусі.

Літаратура

1. Вебер, М. Протестанская этыка і дух капіталізма. – М. – 1990.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. – М. – 1994.
3. Ленін, У. І. Поўны збор твораў. – Т.12 – М. – 1980.
4. Слука, А. Г. Беларуская журналістыка: у 3 ч. – Ч. 1. 2000.
5. Лукашэнка, А. Г. Выступленне на торжественном собрании в честь 65-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 9 мая 2010 г. «СБ. Беларусь сегодня». 2010. 10 мая.
6. Журналістыка-2013: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы XV Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 5-6 сн. 2013 г. / рэдкал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Вып. 14. – Мінск: БДУ, 2013.

Наталья Соловьева

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка

РУССКИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ «ВЕСТИ» НАЧАЛА XVII века В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОСТНОГО ЖАНРА

Появление «вестей» (или «курантов»), которые называют предшественниками русских газет [2], связано с деятельностью Посольского приказа, где в 1600-х гг. начали осуществляться регулярные переводы европейских «летучих листков» – новостных подборок о событиях в Западной Европе. «Вести» не были ориентированы на массового читателя, а предназначались узкому кругу привилегированных лиц (царю и боярам) и были призваны обеспечить возросшую в начале XVII века потребность в актуальной международной информации. Безусловно, в контексте эпохи актуальность информационных сообщений носила относительный характер, что связано со спецификой производства средневековых «вестей». Доставка сообщений и их перевод требовали значительных временных затрат: событие и новость о нем могли разделять несколько месяцев.

В сфере русского приказного делопроизводства XVII в. информационные сообщения были явлением новым. Составление «вестей», их лексико-стилистическое оформление не имело сложившейся традиции, поэтому вполне закономерно, что первые «вести» переводились дословно. При этом, если новость представляла собой письменный отчет «корреспондента»-очевидца, сохранялось повествование от первого лица:

...и яз тѣхъ послов двух члвкъ поимал и их тепере хочю пыткою пытати... (1600 г.) [1, с. 21].

Дословный перевод обеспечивал полное соответствие русского текста оригиналу, что, очевидно, должно было препятствовать искажению информации и сохранять последовательность изложения. Такой эффект, однако, не был достигнут. Напротив, дословный перевод затруднял адекватное восприятие содержания новостного сообщения и, следовательно, значительно снижал его информативную значимость. Ср.:

Из города из Раба пишут. июн въ КД дн

Сего дни ниши пришли от города от Папы не здѣлав ничег. для того что изменили многие француженя передалися турчаном и басурманилис. и из города Папы через стену выметавыли лѣсницы и ниши оманом взывая в город будто город за ними побили многих... (1600 г.) [1, с. 24].

Несмотря на отсутствие в начале сообщения пояснений, войска какого государства обозначены местоимением *ниши*, переводчик оставил

местоименное слово без изменений. Уточнение содержится лишь в самом конце новости, но и в этом случае оно является частью оригинального текста и сделано непосредственно автором сообщения:

и западчи лежали за городом двѣсте члвкъ французских людей и нших волосских людей побили... (1600 г.) [1, с. 24].

В более поздних текстах «вестей» распространение получают «перечни» (пересказы) новостей, в значительной степени деперсонифицированные, для которых характерно четкое именование участников описываемых событий. Ср.:

Перечен из грамотки которую из Стралзунта писали люди которым мочно вѣрит город де Эрфуртъ свѣиские люди взяли... а хановеня да с ними два полка крабатень в Виттеро ходили... а иные де свѣиские люди опять во Французскую землю пришли... (1637 г.) [1, с. 174].

Тематика переводных «вестей» разнообразна: внутренняя и внешняя политика средневековых европейских государств, торговля, путешествия, светские мероприятия и подробности из жизни европейской знати, природные катаклизмы и необычные явления. При этом порядок следования тематических блоков в рамках одного новостного сообщения носит произвольный характер, что говорит об отсутствии сформированных критериев значимости информации. Так, «вести» из Рима, датированные 1600-м годом, состоят из нескольких тематических блоков, которые располагаются в следующей последовательности: 1) приезд испанского короля в итальянские земли, 2) локальное морское сражение испанцев и англичан; 3) землетрясение, приведшее к небольшим разрушениям, 4) болезнь итальянского знатного вельможи, 5) визит французского посла к Папе Римскому, 6) миссионерская деятельность посланников Папы [1, с. 25]. Сведения, представленные в данном новостном сообщении, различны по степени важности (в частности, для русского царского двора вряд ли сколько-нибудь значимы сведения о внутренних перемещениях итальянской знати), однако в эпоху становления новостного жанра основным и, пожалуй, единственным существенным критерием отбора «вестовой» информации является новизна. При этом достоверность сообщаемых сведений в ранних «вестях» отходит на второй план: новая информация черпается из различных источников, что, как правило, отражено в текстах:

...если слышал в слуху что французские люди город Веспен... взяли (1600 г.) [1, с. 21]; *А чают люди по своимъ угаткамъ что вездѣ онѣ миру ищут...* (1600 г.) [1, с. 22]; *Пришла к нам подлинная вѣсть что Михаило воевода с своими людьми со всѣмъ войском в Молдавской землѣ...* (1600 г.) [1, с. 23].

Степень соответствия сообщаемого действительности в «вестях» могла быть обозначена как с помощью лексических маркеров достоверности / недостоверности (*подлинная / прямая вестъ, ложь, молва, слух*), так и с помощью синтаксических конструкций (*сказывают что...*), подчеркивающих субъективный характер информации.

Вместе с тем нельзя рассматривать средневековый новостной текст как пересказ различного рода слухов. Напротив, использование случайных источников информации – это, скорее, необходимость, продиктованная эпохой в силу отсутствия устойчивых информационных каналов и постоянных «корреспондентов». В целом же стоит отметить стремление авторов-составителей средневековых «вестей» к максимальному сближению текста и действительности, что отражено в хронологически последовательной фазовой структуре новостного сообщения и подкрепляется фактографичностью описания. Ср.:

Сега лѣта поимали в Свѣе в Стеколне езовита. а родомъ он свиенин. а приходил з грамотами от короля полсково ко кнзю Ягану. и к иным к лутчим бошимъ людямъ. а грамота. была ко кнзю Ягану вѣлана была в ножевом черену. а писано в грамоте къ Ягану и приводил ево на то чтоб он попомнил что полскои. корол. прямои корол свѣискои и Свѣиское королевство прямая ево вотчина і в вѣре их неволити не хочет. толко ево хотят принят. их прямово гсдря. да къ Ягану ж писано чтоб онъ свѣиских людей уговаривал. чтоб они полског короля слушали. и его б принели.. и про ту грамоту кнзь Яган тотчсъ объявил королю. и тово езовита пытали и с пытки он сказал. что у него и иные грамоты есть. в городе в Калмере под каменем. и тут их нашли. и тот езовит умер в тюрмѣ в Стеколнѣ при мнѣ. (1617 г.) [1, с. 28].

При такой структурной организации новостного сообщения главный смысл – крах попытки подготовить заговор против шведского короля – оказывается «спрятанным» в глубине текста. В то же время линейная последовательность развертывания действий, сопровождаемая подробнейшим описанием деталей, позволяет воссоздать целостную многомерную картину события, происходившего в реальности.

Нередко информационные сообщения сопровождаются комментариями, выражающими авторское отношение к описываемому событию: *...а которым нне на поле стояти и тѣх съ ИІ и не будет конных и пѣших людей всемогущи бгъ помощи имъ...* (1600 г.) [1, с. 25].

В некоторых случаях «вести» имеют характер «расспроса» – прообраза современного интервью:

...приѣхал я въ Стеколну. июля ж. въ КА де отдал я. ниго королевского величества грамоты королю свѣискому: и он меня роспрашивал

ѣхат ли мнѣ вперед на Рус... да корол же говорил что полскои корол хочет идти на нас на обѣх имѣнующи на Рус и на Свѣю. толко де я уж почал с ним воеватца в Лифлянех... а нне... црѣ всеа Русии. да яз дал бгѣ в доброй дружбе. и в миру хотим мы сопча идти на него и с ним битис...

И против тово я говорил . какъ полскои на Рус придет что црского величества . сила его встрѣтит и битис с ними накрѣпко будут.

И тѣмъ моим рѣчем королю показалос любо. и говорил. а у меня будут против ево полского кор(ол)я храбрые воинские люди...

И против тово я говорил что вѣсти были во всеи Немецкои землѣ. про полсково . что он воротился назад... (1617 г.) [1, с. 27].

Принципы передачи чужой речи в «расспросах» еще не сформированы, вследствие чего возникает определенное противоречие между формой и содержанием. Оформленная как косвенная речь с использованием изъяснительных конструкций (*корол говорил что...*) и частиц-маркеров косвенной речи (*де*), реплика собеседника имеет при этом черты прямой речи с сохранением грамматической формы местоимений 1 лица (*яз, на нас, мы*).

Структурирование информационного поля средневековых «вестей» осуществляется по признаку локально-временной отнесенности – наиболее очевидному и естественному в условиях определенного «равнодушия» к тематике новостных сообщений и отсутствия четкого разграничения фактов и комментариев. Поэтому вполне понятно отсутствие заголовка как структурного элемента средневекового новостного текста, место которого занимала конструкция атрибутивного характера, содержащая информацию о том, где и когда происходили описанные далее события. В «вестях» 1600–1630-х гг. такие конструкции еще не имеют четкого стилистически закрепленного оформления и выступают в различных вариантах: *вѣсти из Угорские земли из города Грана июн въ К дн ннешнег АХ г году; вѣсти из Вена города лѣта АХ г июня въ КЕ днь; дѣялося в Чехах февраля с перваг числа; из Хорна пишют февраля АГ дн; из Праги февраля КГ писано*. Однако на протяжении первой половины XVII века в оформлении атрибутивной части «вестей», которая представляла собой важнейший неотъемлемый структурный элемент новостного текста, наблюдается стремление к унификации, к выработке единого стилистического стандарта [3].

В начале XVII века жанрово-стилистические характеристики «вестей» как особого с точки зрения смысловой и структурной организации типа старорусских деловых текстов лишь начинают оформляться. Появившись в виде дословных переводов зарубежных информационных сообщений, русские «вести» – прообраз современных новостных

текстов – прошли длительный путь языковой эволюции. На протяжении первой половины XVII века вырабатывается единый способ атрибутирования «вестей», устраняется вариативность в оформлении их структурных элементов, отбираются жизнеспособные лексико-фразеологические средства, отражающие специфику новостного текста, его жанровое своеобразие, что позволило создать необходимую базу и подготовить условия для появления в XVIII веке первых русских газет.

Літэратура

1. Вести-куранты. 1600–1639 гг. / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1972. – 347 с.

2. Никитин, О.В. Из истории становления публицистического стиля в конце XVII – начале XVIII в. в России. «Словесные ритуалы» делового языка в «Вестях-курантах» / О.В. Никитин // Слово: образовательный портал [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/41606.php>. – Дата доступа: 13.06.2011.

3. Соловьева, Н.В. Начальный протокол русских переводных вестей 1600–1660 гг. / Н.В. Соловьева // Язык как система и деятельность – 3: материалы Междунар. науч. конф., Ростов-н/Д, 3–6 октября 2012 г. / редкол.: Е.Я. Кедрова (отв.ред.) [и др.]. – Ростов н/Д., 2012. – С. 261–262.

Анна Шкляр

Киевский национальный университет имени Т. Шевченко (Украина)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДЕЛОВОЙ ПРЕССЫ В УКРАИНЕ

Развитие деловой прессы напрямую связано с развитием экономики в стране. Поэтому период исследования деловой прессы в Украине начинается с момента обретения ее независимости – то есть с 1991 г. Стоит отметить, что понятие «деловая пресса» очень неоднозначно трактуется в украинской науке. Некоторые исследователи и теоретики журналистики вообще утверждает, что такого понятия в украинской журналистике не существует, а деловая пресса относится к профессиональным изданиям. И все же в практике и в среде журналистов уже давно используются такие словосочетания, как «деловой еженедельник», «только бизнес, без политики», «знамя юной украинской буржуазии». К тому же и названия говорят об определенной направленности контента. К примеру, «БИЗНЕС», «Власть денег», «Деловая столица», «Инвест-газета», «Дело» и т. д. Современная деловая пресса Украины является одним из сегментов системы СМИ. Российская исследовательница Елена Письменная дает такую формулировку деловой журналистики: «Это

деятельность по формированию такого типа коммуникации, который востребован новыми общественными силами и социальными группами» [4]. Следовательно, ее (деловой журналистики) появление связано с действием социальных факторов исторического типа и определено общественно-экономической формацией.

Что же представляет собой сегодня типологическая структура деловых изданий? Российские ученые выделяют группу универсальных изданий и характеризуют их по таким типологическим признакам:

- целевое назначение;
- тематическая направленность;
- способ отражения действительности;
- особенности целевой аудитории.

Специализированные деловые издания – это газеты и журналы, которые ориентируются на определенный сегмент рынка. По мнению большинства исследователей, специализированные издания имеют наиболее устойчивое положение на рынке, хотя по своим тиражам уступают универсальным изданиям. Многие из них прошли сложный трансформационный путь развития – от рекламных и рекламно-информационных к деловым [3, с. 18]. Целевое назначение данной группы изданий – информационное обслуживание предпринимателей, работающих в конкретном сегменте бизнеса: недвижимость, строительство, финансы, туризм и т. д. Отсюда возникает и математическая модель данных изданий: ориентация на освещение узкоспециализированных тем, рассчитанных на специалистов. Способ отображения действительности – аналитический. Целевая аудитория – специалисты в той или иной области. Деловая пресса пишет о рынках, а не о компании. Это следует понимать буквально, потому что если ставится задача написать о компании, выбор темы обязательно должен быть мотивирован. В противном случае тень подозрения в предвзятости ляжет на издание. Почему выбрана именно эта компания, а не другая, чем обусловлено предпочтение? Нет ли здесь мотивов, лежащих за пределами журналистики (PR, например)? Подобные вопросы теряют смысл, если предметом интереса издания становятся рыночные процессы, а агенты рынка становятся предметом специального интереса только в связи с состоянием рынка.

И все же в любой сфере производственной деятельности существуют компании, определяющие «погоду» на конкретном рынке. Например, в мировой автомобильной промышленности существует десяток основных производителей, от самочувствия которых зависит очень многое: уровень цен, развитие технологий, инвестиции, занятость в этом сегменте рынка и т. д. Информация о состоянии дел в этих компаниях

почти всегда отражает состояние рынка [5, с. 105]. Следовательно, она всегда оправдана. Но информация о компании, которая не входит в число лидеров, обязательно должна содержать аргументацию, обосновывать выбор темы или объекта интереса издания. Разработка подобных методологических правил – профессиональных стандартов – в деловой прессе (как и вообще в качественной) является важным условием поддержания репутации издания как respectable и независимого источника информации.

Наконец, речь идет о потреблении в условиях гиперболического роста объемов информации в мире, резко усложняющего поиск нужной информации. Ответом на осложнения стал бурный рост специализированных изданий, в том числе в сегменте деловой прессы. Пресса даже на структурном уровне все дальше отходит от роли «учителя жизни» и все больше становится лоцманом в информационном море. Она берет на себя функцию предварительной обработки структурирования информационных потоков. Эта работа хорошо оплачивается. Существует четко выраженная зависимость между стоимостью информации и степенью ее специализации: чем больше специализировано издание, тем выше его стоимость. Соответственно, доходы от продажи собственно информации становятся определяющими в структуре доходности специализированных изданий. Этот факт особенно ярко проявляется в сегменте деловой прессы.

Американская школа журналистики над вопросом типологизации деловой прессы, как отдельного сегмента периодики, работает уже более чем 50 лет. «Деловая пресса является основным источником новостей о событиях компаний, государственном регулировании, о работе руководителей, об актуальности тех или иных профессий на рынке труда, индустрии товарооборота, а также помогает привлекать инвестиции, поскольку деловая пресса часто пишет о новых тенденциях в бизнесе, прежде чем их заметили в общественно-политической прессе массовой информации. В деловых изданиях распространяются всесторонние новости о фьючерсах отдельных компаний и вопросы, стоящие перед различными отраслями промышленности. Деловая пресса экзаменует, как бизнес фактически работает и как он должен работать (мог бы работать). Хотя книг по управлению бизнесом хватает, однако их изучение может занять годы. Деловая пресса рассматривает те же вопросы, но оперативно – в течении месяца, недели, дня, а иногда и на почасовой основе» [1].

Поэтому, подытоживая, деловым изданием будем считать печатное средство массовой информации, контент которого показывает и про-

гнозирует влияние политических и экономических событий на развитие различных видов бизнес-деятельности в стране.

А теперь переходим непосредственно к объекту исследования: деловой прессе в Украине. Первым еженедельным украинским изданием деловой направленности стали «Галицкие Контракты», которые начали выходить в 1990 г. на западной Украине, во Львове (с 2003 г. название «Контракты»). В декабре 1992 г. основали газету «Блиц Информ» (с 1993 г. название «Бизнес»), которая являла собой газету рекламных объявлений и впоследствии стала отстаивать интересы малого и среднего бизнеса в стране. Газета «Дело» выходила с 1992 года и в 2011 г. перешла в электронный формат. «Инвестгазета» издается издательским домом «Экономика» с 1995 г. Журнал «Компаньон» – с 1996 г. Но наибольшее количество печатных изданий, специализирующихся на экономической тематике, появилось в 2000-х гг. К таким следует отнести: «Деловую столицу» (2001 г.), «Власть денег» (2004 г.), «Эксперт» (2004 г.), газеты «Экономические известия» (2004 г.) и «Коммерсант-Украина» (2005 г.), еженедельники «Статус. Экономические известия» (2005 г.), «Комментарии» (2005 г.). «Форбс-Украина» появился на раскладках прессы в марте 2011 г.

Впрочем, конкуренция и рынок определили основных игроков деловых печатных СМИ. В 2012 г. с дистанции сошли ежедневная газета «Экономические известия», еженедельник «Статус», принадлежащие медиахолдингу «Медиа Инвест Групп». «Контракты» в 2012 году имели аж 17 сдвоенных номеров. А количество полос достигло рекордно низких 34 страниц. Газета «Дело» ушла в мир электронных СМИ.

Рынок деловых изданий Украины представлен такими медиахолдингами: «Блиц-информ», «Картель», «Экономика», «Медиа Инвест Групп», «Максимум», «УМХ». Проанализировав содержание указанных выше изданий, можно утверждать, что владелец издания, основным бизнесом которого является издательство, работает продуктивнее (к примеру, еженедельник «Бизнес»), чем издание, которое является лишь одним из активов владельца.

Компания GfK Ukraine провела исследование аудитории деловой прессы. В результате исследования выяснилось, что наибольшим охватом деловой аудитории в городах с населением от 200 тысяч жителей располагает газета «БИЗНЕС». Исследование было проведено в первом квартале 2013 г. по заказу Комитета издателей деловой прессы. В состав Комитета вошли издательство «Блиц Информ», издательский дом «Галицкие Контракты», Companion Group (ООО «Компаньон Групп») и ИД «Картель».

Охват аудитории деловой прессы распределится следующим образом:

- Деловая газета «БИЗНЕС» – 52 %;
- Издание «Компаньон» – 31 %;
- «Контракты» – 29 %;
- «Власть Денег» – 24 %;
- «Деловая Столица» – 22 %;
- «Личный Счет» – 5 %.

Постепенно меняется украинский бизнес – он движется в сторону большей открытости и публичности. Циркуляция экономической информации приобретает больший масштаб и охватывает все новые уровни. Происходит формирование основы для становления так называемого среднего класса, что расширяет категорию субъектов экономического воздействия, способных одновременно осуществлять и потребительскую и предпринимательскую активность. По мнению Д. Иванова, одним из симптомов перехода к обществу виртуализации стал консьюмеризм, который обозначил переориентацию корпораций от создания продукта на создание потребителей и потребностей.

Заслуживает внимания тот факт, что в мире существует Европейская ассоциация деловой прессы (ЕВР). Кстати, Украина является ее членом в лице издания «Инвестгазета». ЕВР была основана в Италии в 1962 году и называлась Union de la Presse Économique et Financière Européenne (UPEFE). На сегодняшний день ЕВР имеет 51 члена в 27 странах. Деятельность ЕВР состоит из:

- Ежегодного совещания Генеральной Ассамблеи;
- Экспертных семинаров для редакторов и издателей;
- Публикаций рекламных бюллетеней «Как попасть в Европу» раз в два года;
- Сайта www.business-press-org и регулярных информационных бюллетеней [1].

Літэратура

1. American Business Press. History of the Business Press [Electronic resource]. – New York, 2014. – Mode of access: www.americanbusinesspress.com/resources/history.htm. – Date of access: 01.01.2014.
2. Reference for Business. Encyclopedia of Business, 2nd ed. Bre-Cap. Business Press [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: <http://www.referenceforbusiness.com/encyclopedia/Bre-Cap/Business-Press.html#ixzz1OVxL5Z00>. – Date of access: 01.01.2014.
3. Ким, М.Н. К типологии деловой прессы / М.Н. Ким // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: тезисы межвузовской научно-практической конференции. – СПб., 2007. – С. 17–18.

4. Письменная, Е.В. Профессиональная этика в деловой прессе / Е.В. Письменная. – М.: Издат. дом «Хроникер», 2004.

5. Типология периодической печати: учеб. пособие / под ред. М.В. Шкондина и Л.Л. Реснянской. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2007. – С 104–120.

Татьяна Шоломицкая

Белорусский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЗЕМСКОЙ ПЕЧАТИ БЕЛАРУСИ

Земская печать – это особый тип периодических изданий в системе журналистики конца XIX – начала XX в., представлявших интересы органов местного самоуправления. Данные СМИ отличала либеральная политическая направленность, преобладание социально-экономической тематики, преимущественно региональный уровень распространения, доступный стиль изложения на русском языке. На территории Беларуси в период с 1910 по 1918 г. выходило 15 земских газет и журналов, наиболее значимые – «Вестник Могилевского земства», «Вестник Минского губернского земства», «Наше земское дело», «Сельскохозяйственная жизнь», «Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза». Включенность изданий данного типа в политический процесс обусловлена как функциями СМИ, так и сущностью местного самоуправления, которое призвано решать местные социально-экономические задачи в тесном взаимодействии с органами государственной и местной власти, общественными организациями и гражданами.

Земские деятели, считавшие самоуправление первой ступенью на пути к участию в государственном управлении, рассматривали прессу как важнейший инструмент политического и общественного влияния. К началу XX в. планомерная коммуникация земств Российской Империи в печати достигла значительных масштабов: десятки наименований периодических изданий, сотни книг, брошюр и листовок стали достоянием общественности. Было сформировано уникальное информационное пространство, которое служило консолидации общественных сил вокруг идеи самоуправления. Значение политической коммуникации в СМИ как способа оказания прямого или косвенного влияния на распределение власти и ее использование [20, с. 7] подчеркивает тот факт, что первое земское СМИ на территории Беларуси – «Могилевская земская неделя» – появилось еще до официального введения выборных земств – в 1910 г. В программной статье данный печатный орган обозначил намерение стать «выразителем взглядов самого населения» для развития

«широкой самодеятельности» [15, с. 1]. Кроме специального издания, в ряде белорусских газет, например «Витебские губернские ведомости», «Могилевские губернские ведомости», «Минские губернские ведомости», «Могилевский вестник», «Гомельская копейка», выходили рубрики и статьи по земской тематике. Таким образом, введению выборных земств на территории Беларуси предшествовал процесс аккумуляции и передачи общественного мнения по вопросам местного самоуправления в печати.

Введение выборных земств на территории Беларуси в 1911 году (на 47 лет позже, чем в большинстве губерний Российской Империи) сопровождалось острым политическим кризисом. Государственный Совет, опасаясь усиления влияния польских землевладельцев в регионе, отклонил законопроект «О применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к шести губерниям Западного края», ранее внесенный на рассмотрение П.А. Столыпиным и одобренный Государственной Думой. Земская реформа должна была способствовать проведению аграрных преобразований, усилив влияние зажиточных крестьян путем обеспечения им доступа в органы местного самоуправления, поэтому поддерживая инициативу П.А. Столыпина, Николай II распустил Государственный Совет и Государственную Думу на три дня – с 12 по 15 марта 1911 г. в порядке 87 ст. Основных государственных законов. 14 марта 1911 г. Именным Высочайшим указом «Положение о земских учреждениях 1890 года» было распространено на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии. Местное самоуправление на территории западных губерний обрело специфику, связанную с политическими условиями и национальными особенностями региона: принцип сословности при выборе гласных был дополнен национальным признаком, что позволяло обеспечить в земских собраниях большинство русским дворянам-землевладельцам.

Согласно «Положению о земских учреждениях», земства должны были взять на себя решение ряда местных задач – содержание общественных зданий, поддержание в порядке местных дорог, обеспечение организации народного здравоохранения и образования, содействие развитию земледелия, торговли и промышленности, оказание помощи социально незащищенным категориям населения. Пресса органов самоуправления сконцентрировалась на освещении данных направлений работы: в содержании земской печати преобладала сельскохозяйственная, социальная и экономическая тематика. В то же время достижение поставленных целей посредством самоуправления возможно только при условии участия в нем самих граждан, поэтому одной из важнейших за-

дач земских СМИ стало просвещение местного населения, активизация гражданской активности, привлечение сельских жителей к реализации проектов для устойчивого развития регионов. Как подчеркивал «Вестник Могилевского земства», «без широкого просвещения народных масс, без знаний, без подъема культурного уровня масс, без соответствующей организованности не может успешно развиваться хозяйственная жизнь народа, не может быть достигнуто более выгодное материальное обеспечение широких слоев населения, степень благосостояния которого является степенью материальных ресурсов государства» [5, с. 2].

Система самоуправления состояла из выборных распорядительных и исполнительных органов – губернских и уездных земских собраний и управ, которые тесно взаимодействовали с различными общественными организациями – сельскохозяйственными, просветительскими, благотворительными и т. д., и нередко инициировали их создание. Земские выборы для большинства сельских жителей стали первой возможностью, хоть и в ограниченных масштабах, принять участие в управленческом процессе. Требовался серьезный сдвиг в мыслительной парадигме, в том числе и под влиянием СМИ, преодоление недоверия к любым органам власти, чтобы осознать свою способность участвовать в принятии решений по вопросам развития региона – именно земства дали возможность крестьянам стать «начальниками». Журнал «Наше земское дело» подчеркивал важность каждого голоса на выборах и призывал читателей к осознанному принятию решений, обращая внимание на «необходимость для каждого избирателя предварительно ознакомиться с законом о земстве, характером деятельности земских учреждений, неотложными вопросами, которые ставятся земству самой жизнью и непременно явиться на выборы и волю свою выразить избранием наиболее подходящих кандидатов в гласные. Нужно помнить, что Земство только тогда сохранит вполне свое значение, когда оно будет представлять собой весь народ» [9, с. 4].

Участвуя в местных выборах и в работе земских собраний, выступая в печати, на различных съездах и мероприятиях, общаясь с населением, земцы получали управленческий опыт, который необходим для профессионального участия в политическом процессе. В состав Государственной думы I–IV созывов вошли многие представители органов самоуправления Российской Империи. Западные земства, которые приступили к работе незадолго до выборов в Государственную думу IV созыва (1912 г.), также смогли провести в парламент своих представителей: 5 из 22 депутатов от Витебской, Минской и Могилевской губерний (М.Г. Воробьев, В.С. Дрибинцев, Н.Н. Евреинов, И.А. Папа-Афанасо-

пуло, А.П. Фотинский) являлись губернскими или уездными земскими гласными [21]. Участие земцев в работе высшего представительного и законодательного органа страны подтверждает высокий политический потенциал местного самоуправления. Освещение хода местных и парламентских выборов, акцентуация важности участия в избирательном процессе и публикация отчетов о ходе собраний в изданиях органов самоуправления способствовали формированию политической культуры среди сельского населения Беларуси.

Следует отметить, что в земской среде, объединившей наиболее активных общественных и политических деятелей, разнородную интеллигенцию (учителей, врачей, агрономов), образованных крестьян, не существовало единства политических взглядов. Наибольшую активность в сфере политики проявляли представители земского либерализма. Они стремились к реализации политической программы, которая предусматривала сочетание самодержавной власти (ограниченной конституцией) с децентрализацией за счет местного самоуправления, расширение гласности, отмену телесных наказаний, всеобщее начальное образование, создание мелкой волостной единицы, ограничение вмешательства органов власти в деятельность земств, всесословные земские выборы, данные требования нашли отражение и в белорусской земской печати [1; 3; 7; 16].

Одним из условий эффективного функционирования общественного мнения в сфере политики является объективное представление о происходящих процессах [10]. Земства давали возможность широким слоям населения получить опыт и знания в сфере управления, а земская пресса позволяла привлекать экспертов к оценке различных событий и служила проводником для передачи полученных знаний и представлений читательской аудитории. Как отмечает «Вестник Минского губернского земства», «общественное мнение, являясь одним из наиболее крупных факторов культурного развития и прогресса, может быть фактором полезным лишь в том только случае, если оно базируется на точных и достоверных данных» [4, с. 3]. Публикация подробных отчетов о многочисленных земских мероприятиях, смет расходов, оценка результативности хозяйственной, финансовой и просветительской деятельности на страницах земской печати позволяли связать в представлениях аудитории действия отдельного участника местного сообщества (голосование на земских выборах, участие в работе собраний или реализации земских инициатив) с полученными результатами. Пресса осуществляла контролирующую функцию, объективно освещая деятельность органов

местного самоуправления в ключевых сферах, указывая на недостатки и пути их исправления [11; 12].

К специфике земских изданий следует отнести стремление к установлению обратной связи с читателями, привлечению наиболее активных граждан в деятельность редакции. В редакционных статьях газеты и журналы постоянно призывали читателей к сотрудничеству, активному обсуждению всех вопросов земской жизни, отправке информации с мест о проблемах, требующих решения: «Эти сообщения ценны тем, что, являясь непосредственно «голосом земли», они раскрывают перед нами круг интересов, какими в данное время живет деревня» [22, с. 17]. Важность обратной связи неоднократно подчеркивал «Вестник Могилевского земства», в Национальном историческом архиве Беларуси сохранились редакционные запросы, направленные к частным лицам, а также в различные организации и учреждения западных губерний, России и Польши, с предложениями о подготовке статей по заявленной тематике [18]. Авторами публикаций становились члены губернских и уездных земских управ, гласные земских собраний, агрономы, ветеринары и учителя, члены общественных объединений, курируемых земствами, грамотные крестьяне: «Малейший штрих, занесенный на картину жизни, меняет содержание и смысл всей картины, тогда как этот штрих может прийти из глубины губернии, из самых низов народной жизни» [15, с. 5]. Содержание земских печатных органов формировалось в результате совместных действий редакции и читателей, которые одновременно являлись создателями, потребителями, и проводниками информации в рамках местных сообществ. Не одностороннее воздействие: коммуникатор – реципиент (более свойственное официальной печати), а равноправное участие двух субъектов коммуникации характеризует деятельность земской прессы. Организация обратной связи, публикация подробных отчетов по ключевым направлениям земской деятельности, общественный контроль над деятельностью редакций, позволили сформировать инновационную для начала XX в. модель субъект-субъектной коммуникации в печати. Издания органов самоуправления способствовали передаче информации от отдельных граждан и групп (земских организаций) к институтам, принимающим политические решения.

Проблемы государственного масштаба в белорусской земской прессе чаще всего освещались сквозь призму региональных интересов с либеральных позиций. Не обладая возможностью открыто выражать свои позиции и размещать материалы полемического характера [2, с. 23], земские издания стремились донести позицию органов самоуправления по многим важнейшим вопросам в скрытой форме. Редакции исполь-

зовали различные стилистические приемы, завуалированную передачу идей, чтобы избежать цензуры и последующего закрытия изданий.

Так, в статье, посвященной предстоящему губернскому земскому собранию в Могилеве, применен стилистический повтор: «Хотя органы земского управления и призваны только «ведать местные нужды и пользы», но в силу создавшегося положения вещей, в различных областях земской работы перед земскими деятелями встают и такие вопросы, которые трудно отделить от *общегосударственных*»... «Земская Россия... в лице объединенного своего органа – Всероссийского Земского Союза, выполняет, как известно, громадную *государственную* работу»... «Да, работа земств и в области так называемых «местных нужд и пользы» неотделима от *общегосударственной*» [19, с. 2] (выд. автором). Акцент на государственный характер деятельности земств встречается трижды в одном абзаце текста, а между тем, расширение полномочий органов самоуправления – один из важнейших пунктов политической программы земского либерализма.

В другой статье акценты сделаны с помощью курсива: «Председатель Думы М.В. Родзянко... выразил уверенность, что *объединенные* общественные силы, работая не покладая рук, «смогут снабдить армию всем необходимым для ее дальнейших боевых успехов», и тотчас отметил, что *«для успеха этих ответственных трудов необходимо, помимо доброжелательного отношения отдельных лиц, поставленных во главе ведомств, изменение самого духа и управления действующей системы»* [19, с. 2]. Больше в указанном тексте курсив не используется, следовательно, именно идею объединения земств и изменения системы управления редакция пытается донести до читателя.

Идея общероссийского объединения земств была реализована во время Первой мировой войны в связи с необходимостью консолидации общественных сил для поддержки действующей армии. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, который возглавил князь Г.Е. Львов, выпускал в Минске ряд печатных СМИ для популяризации деятельности органов самоуправления: «Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского Союза» (1916–1918 гг.), «Бюллетень Комитета Западного фронта Всероссийского земского Союза» (1916–1917 гг.), «Листок Комитета объединенных работников Земсоюза и Западного фронта» (1917). Обращает на себя внимание тот факт, что слова «больным и раненым воинам» в названиях печатных изданий не встречается, что отражает важные изменения в деятельности организации, которая, начав в 1914 г. с помощи пострадавшим в резуль-

тате военных действий, расширила к 1916 г. свои полномочия, вплоть до обеспечения железнодорожных перевозок и поставок продовольствия.

Издательская активность земского и городского объединений объясняется не только необходимостью планомерной коммуникации между общественными организациями и местным населением для решения задач, связанных с военными действиями, но и стремлением усилить политическое влияние Земского и Городского союзов [6, с. 142–143]. Печать отмечала, что объединение земских органов самоуправления вызвано необходимостью и текущей ситуацией, а не амбициями отдельных лидеров земского движения: «Общество в лице союзов органов местного самоуправления и других организаций вынуждено было само встать на защиту родины и постепенно брало на себя все новые и новые задачи чисто государственного характера» [13, с. 6].

«Вестник Комитета западного фронта Всероссийского земского союза» вел сдержанный диалог с читателем, последовательно отстаивая позицию земских либеральных сил. Газета критиковала постановление Совета Министров, ограничивающего совещания и собрания общественных организаций, цитируя политического лидера земских либералов Г.Е. Львова: «...этот запрет является симптомом в достаточной мере печальным, слишком явственно в нем просвечивает страх перед организованной общественностью» [8, с. 1–2]. Издание пропагандировало деятельность Земского Союза, в подробностях сообщая обо всех начинаниях земцев в помощь фронту, раненым, а также семьям погибших воинов. Газета была очень востребована – по просьбам читателей издание призывало сохранять номера газеты и собирать подшивки [17, с. 4], чтобы с содержанием могли ознакомиться все желающие.

Влияние оценивается изменениями, которые произошли в процессе целенаправленной деятельности. Подавая материалы более объективно, чем официальная пресса, донося демократические идеи до широких слоев населения, побуждая к политическому действию, участию в деятельности общественных организаций, печать земств приводила к изменениям в политическом сознании, развивала политическую культуру. Небольшие тиражи (2000–4000 экземпляров) белорусских земских журналов, их социально-экономическая специализация и региональный характер публикаций дают достаточно оснований утверждать, что влияние это было ограниченным. Нередко позицию редакции можно было выяснить лишь по компоновке материала, его отбору и подаче, стилистическим и графическим приемам акцентуации, а также по отдельным сообщениям в адрес государственных органов власти либо обсуждению полномочий самоуправляющихся сообществ. Тем не менее как субъект

политического процесса, как часть системы белорусской журналистики, как средство коммуникации между гражданами и общественными организациями земская пресса оказывала влияние на изменение общественно-политической ситуации в белорусском регионе. Последовательное разъяснение происходящих в земствах процессов, простой и легкий для восприятия стиль публикаций, образовательный характер земских материалов позволяют говорить о политическом просвещении на страницах земской печати, результатом которого становилась политическая социализация и формирование политической культуры у сельского населения белорусских губерний.

Літаратура

1. Билецкий, И. Местная хроника. Наши уездные земские управы о волостном земстве / И. Билецкий // Вестник Могилевского земства. – 1914. – № 18. – С. 19–23.
2. Большакова, О.В. Бюрократия и великие реформы в России (1860–70-е гг.). Современная англо-американская историография. Научно-аналитический обзор / О.В. Большакова. – М., 1996. – 52 с.
3. Веселовский, Б. Сущность земской работы и ее главные направления / Б. Веселовский // Вестник Могилевского земства. – 1914. – № 8. – С. 6–13.
4. Задачи журнала и ближайшие нужды земского хозяйства Минской губернии // Вестник Минского губернского земства. – 1914. – № 1. – С. 3–8.
5. Земство и его очередные задачи // Вестник Могилевского земства. – 1915. – № 17. – С. 1–4.
6. Земский феномен. Политологический подход. – Саппоро – Екатеринбург, 2001. – 199 с.
7. К сессии земских собраний // Вестник Могилевского земства. – 1916. – № 14. – С. 1–4.
8. Кн. Львов о собраниях общественных организаций // Вестник комитета Западного фронта Всероссийского Земского союза. – № 111 (267). – 26 сентября. 1916. – С. 1–2.
9. Ковалик, С. К Земским выборам / С. Ковалик // Наше земское дело. – 1918. – № 12. – С. 1–4.
10. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – М., 2004. – 384 с.
11. Литвинов, И. К предстоящему съезду представителей земств и земских врачей Минской губернии / И. Литвинов // Вестник Минского губернского земства. – 1914. – № 1. – С. 9–18.
12. Лосев, С. О низшем начальном образовании в Могилевской губернии за 1913 год / С. Лосев // Вестник Могилевского земства. – 1914. – № 8. – С. 14–23.
13. Невский, В. Из жизни В.З.С. после революции / В. Невский // Известия Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. – № 5–6. – 1–30 июня. 1917. – С. 6–7.

14. Обзор деятельности Всероссийского Земского Союза за первые пять месяцев его существования // Вестник Минского губернского земства. – 1915. – № 1–2. – С. 2–8.
15. От редакции // Могилевская земская неделя. – 1910. – № 1-3. – С. 1–5.
16. От редакции // Сельскохозяйственная жизнь. – 1912. – № 1. – С. 1–5.
17. От экспедиции «Вестника» // Вестник комитета Западного фронта Всероссийского Земского союза. – № 115 (271). – 30 сентября. 1916. – С. 4.
18. Редакция «Вестника Могилевского Земства». Переписка с сотрудниками о принятии участия в печатании статей для «Вестника Могилевского Земства». 1914. // НИИАБ. Фонд № 3295.
19. Сессия Государственной Думы // Вестник Могилевского земства. – 1915. – № 10. – С. 2–5.
20. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие. – Екатеринбург, 2009. – 292 с.
21. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Четвертый созыв (1912–1917г.). – М., 1913. – 523 с.
22. Шкубер, М.И. О чем пишут с мест / М.И. Шкубер // Вестник Минского губернского земства. – 1914. – № 7. – С. 17–26.

РАЗДЕЛ 10

Журналістыка: новая парадыгма інфармацыйнага ўзаемадзеяння

Людмила Беякова

Белорусский государственный университет

ИСКУССТВО И ЛОГИКА СОЗДАНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА

Профессор Наркевич Аркадий Иосифович является для нас, его благодарных учеников, классический образец академического ученого-филолога, ставшего одним из основоположников лингвистического направления белорусской научной школы медианауки. Целенаправленная научная и педагогическая деятельность Аркадия Иосифовича посвящена исследованию родного языка – рабочего инструмента образно мыслящей личности. Личности авторов неповторимых произведений вдохновенного журналистского творчества, создающих вербальными средствами в различных жанрах яркий публицистический образ современности по законам искусства и логики.

Искусство и логика создания публицистического образа – технология журналистского творчества – область недостаточно изученная в теории и методологии журналистики и современной медианауки, несмотря на то, что практический опыт белорусской аналитической журналистики относится к старейшим достижениям европейской культуры. Теоретико-методологическое изучение этого синтезированного искусства и логики рефлексии (отражения и формирования образа) реальной действительности остается открытым пространством для исследователей.

Искусство аналитического творчества журналиста, основанного на гармоничном единстве рационального (логического) и иррационального (искусства), в отличие от поддающегося «штамповке» ремесла универсального журнализма коммерциализированной прессы, трудно поддается технологической дифференциации. Профессионально исполненные репортажи, заметки, интервью, корреспонденции, комментарии, отчеты, проблемные статьи, памфлеты, очерки, фельетоны обладают природой авторского эксклюзивного вдохновенного произведения, создающегося на основе феноменальных индивидуальных креативных качеств талантливой личности. Механическое повторение операций,

приемов, способов (копирование знаковой системы оригинального произведения) не только не способно воссоздать целостность шедевра и его аксиологические параметры, но и вступает в противоречие с деонтологическими нормами творчества, граничащими с уголовно наказуемым плагиатом. Копии и подражательства не обладают художественной ценностью оригинала. Дубликат передает знаковую систему (школу) гения, но не воссоздает авторскую энергетику сотворения оригинала одаренной личностью, наделяющей произведение феноменом завершенной целостности образа.

В 70-е годы прошлого века, когда нашему поколению журналистов посчастливилось получать уроки Аркадия Иосифовича, находящегося в расцвете своих творческих сил, в теории советской журналистики методологические аспекты, гносеологические и герменевтические эффекты феномена аналитического творчества рассматривались с крайней осторожностью и с оглядкой на культивируемые доктрины их «псевдобуржуазности», а значит, и лженаучности. Для профессора А.И. Наркевича и методология, и гносеология, и герменевтика были близкими научными направлениями философско-лингвистической мысли, составляющей фундаментальную платформу исследований новых явлений в системе массовой информации и коммуникации, позволяющих сферически представлять плоскостные проекции, наполнять их объемом, целостностью, системностью, полифонией, стереометрией. Помимо удивительно трогательных уроков родного языка – белоруской мовы — мы научались у Аркадия Иосифовича академическим, методологически обоснованным подходам к исследованиям в творчестве и исследовании творчества.

Профессор А.И. Наркевич не любил употреблять уже в те годы входившее в широкий обиход понятие «текст». В контексте журналистского творчества, по А.И. Наркевичу, не могло быть иной единицы измерения, как «твор» – произведение искусства, творчества. В этой тонкости словоупотребления прочитывается методологическая точность профессиональных подходов университетского профессора с богатой академической исследовательской практикой языка как явления: не формализованная, сущностная. Для него было естественным четкое владение тонкостями методологии – фундаментальной области знаний о «системе принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности» [5, с. 365] и методологии исследования творчества – системы «социально апробированных правил и нормативов познания и действия, которые соотносятся со свойствами и законами действительности» [Там же].

Методология обретает статус самостоятельного раздела научного знания лишь во второй половине XX в., имея тесные междисциплинарные связи с философией и такими ее разделами как гносеология (теория познания) и диалектика. Понятие «методология» имеет несколько значений. Это и система определенных способов и приемов, применяемых в той или иной сфере деятельности (в науке, политике, искусстве и т.п.), и учение об этой системе, общая теория метода, теория в действии. «Современная методология – наиболее стойкая и сопротивляющаяся изменениям сфера. Независимо от того насколько осознают данную ситуацию сами методологи, в целом вся теоретико-концептуальная конструкция методологии базируется на принятии научного знания как принципиально intersubjectивного и деперсонифицированного. Те методы, которые она изучает и обобщает, рассчитаны на фиксацию данного без примесей субъективных наслоений. В современной методологии наиболее сильна абстракция (отвлечение) или демаркация (разграничение) от индивидуальных, психологических, коллективистских или исторических и культурных условий. Можно сказать, что сфера методологии – это та достаточно устойчивая среда, в которой арсенал средств, методов, принципов и ориентаций имеется в наличии, готов к применению, а не изготавливается для каждого случая отдельно. Поэтому можно встретиться с определением методологии, которое отождествляет ее с предельной рационализацией мировоззрения» [3, с. 363].

Университетская педагогическая практика профессора А.И. Наркевича на факультете журналистики, его научно-методические и академические труды образовали фундаментальную философско-лингвистическую платформу структурно-функциональных подходов системно-целостного анализа методологии творчества, в том числе языковой практики профессиональной журналистской деятельности.

Методология журналистики – часть системного гуманитарного знания – являлась и остается недостаточно разработанной сферой как ввиду сложности предмета методологии «формализации социального опыта» [5, с. 365], так и ввиду динамики и многомерности объекта – журналистики. Методология современной журналистики – это система принципов, способов, методов организации теоретического и практического функционирования изовербального сегмента медиасферы. «Методология современной аналитической журналистики представляется системой знаний о научно-литературной природе публицистического творчества, близкого к философии, социологии, психологии и другим общественно-политическим формам интеллектуальной деятельности по содержательности, рациональности и иррациональности методов по-

знания действительности; к литературе, риторике, проповеднической деятельности – по форме эстетического выражения мироощущений и воздействию на аудиторию. При этом аналитическая журналистика как сфера деятельности обладает уникальной системой принципов функционирования, неповторимых и особенных, свойственных только ей» [1, с. 42–43].

Осмысление реального познавательного процесса восходит к древним культурам, в частности Востока, достигнув своей более зрелой формы в античности, создавшей непревзойденные образцы пластичности диалектического мышления. Образцом диалектического поиска истины через искусство спора, диалога, всестороннего взаимно заинтересованного обсуждения проблемы с целью достижения истины путем противоборства мнений принято считать эвристические беседы Сократа. Его великий последователь и ученик Платон развил учение «вопроса-ответа» как эффективное средство поиска истины. Можно приводить бесконечное множество примеров философско-лингвистического характера, научно-литературного базиса создания совершенного публицистического образа, посредством которого максимализируется эффект адекватности отражения современной картины мира публицистическими средствами. Результатом его является массово доступное восприятие мира газетного / медийного образа как по форме, так и по содержанию.

Журналист не прибегает к лабораторным опытам, измерительным приборам. Но его творческая лаборатория имеет свои профессиональные секреты. Его инструмент исследования – вопрос-ответ, эвристическая система построения беседы, способ общения с собеседником, индивидуальная манера «вживания» в тему. Определив тему (предмет исследования), журналист решает ее на конкретном житейском примере, определив его как объект исследования. Это могут быть лаборатория, ферма, коллектив того или иного предприятия, бригады, цеха, мастерская художника или студия актера, где типично переплетены исследуемые проблемы, основанные на фактах. Выбор объекта и предмета исследования для журналиста-аналитика связан и с определением субъекта исследования – поиском героя. Случается такое в творчестве, что героя встречаешь случайно: в поезде, у окна министерского коридора, на массовом мероприятии среди множества других официальных лиц, по статусу претендующих на роль героев. Но и в этом случае журналист-эвристик соизмеряет его роль и место в обществе, коллективе [2, с. 196–197].

Аналитические материалы иногда пишутся от имени лирического героя. Главным действующим лицом вроде как является сам автор. Но

за таким приемом выступают скрытые герои, которые по той или иной причине не названы. Аналитическая статья может быть безымянной, бесфамильной, но не может быть безликой, безобразной. Живой образ, душа человека, боль, страсть, эмоции выгодно отличают публицистику от универсального журнализма коммерциализированной прессы.

Субъективизм восприятия характерен для творчества вообще и публицистического творчества в частности. Однако степень адекватности воспроизведения в творчестве прообраза при идентификации его с действительностью дает основание признать критерием истинности творческий метод – поисковый, исследовательский или, наоборот, поделнический, ремесленнический, заказной. Выбор метода – форма выражения степени творческой свободы и воли автора оригинального произведения. Это и есть его внутренняя свобода – мировоззрение, определяющее характер творчества: вдохновенный и созидательный или суррогатный и манипулятивный.

Созидательная публицистика выполняет роль своеобразного общественного аналитического центра, дающего возможность минимальными общественными усилиями преодолевать максимум преград, неизбежно и неизменно сопутствующих прогрессу и модернизации, независимо от степени и уровня развития процесса. Более того, наиболее высокая ступень научно-технического прогресса (НТП), как правило, сопряжена с наивысшим проявлением техногенных, экологических, макроэкономических, правовых, нравственных и социальных противоречий. Лишь через их преодоление на основе конструктивного инновационного знания человечество способно шаг за шагом подниматься на более высокие вершины своего развития, расширяя горизонты представлений о мире.

Журналист-аналитик в процессе исследовательского творчества, как и ученый, сталкивается с различными сложными познавательными конструкциями и ситуациями, что актуализирует вопрос углубленного изучения методологических аспектов творчества. «Когда проблемы не могут быть разрешены старыми методами или изучаемый объект обладает такой природой, к которой старые методы неприменимы, тогда условием решения задачи становится создание новых средств и методов. Методы в исследовании являются одновременно и предпосылкой, и продуктом, и залогом успеха, оставаясь неперменным и необходимым орудием анализа» [3, с. 363].

Методы исследования журналиста отличаются от собственно научных – они творческие: индивидуальные, особенные, единичные. Но факт остается фактом: субъективная передача публицистическими средствами объективно существующих противоречий действительности,

имея определенный коэффициент корреляции (искажения), стремится к максимализации эффекта адекватного отражения. Она застывает на отметке, соответствующей уровню индивидуального мироощущения: способности автора оригинала целостно или фрагментарно познавать мир через предмет исследования, владения мастерством передачи в публицистическом образе отражаемого – своего мировосприятия факта, события, явления, той или иной идеи, того или иного инновационного проекта. Способность активно, образно познавать окружающий мир и передавать в том или ином жанре познанное творческими публицистическими средствами определяет степень совершенства и богатство мира медийного образа (газетно-журнального, радиального, экранного, сетевого и пр.) Фрагментарность передачи мозаики представлений о целом не имеет ничего общего с профессиональным публицистическим методом через деталь передавать общее представление о предмете. Очевидна методологическая разница между метафоризацией и манипуляцией. Прием через второстепенное (деталь или подробность) привлекать внимание к предмету как к целому и главному также может иметь акцент как со знаком «плюс» (творчество), так и со знаком «минус» (шулерство). Мастерски созданный публицистический образ располагает определенным биоэнергетическим зарядом, обладающим уникальным свойством – способностью пробить фильтр читательского интереса и формировать общественное мнение, в т. ч. представления о различных проблемах и путях их решения.

Аналитическая журналистика созидательного характера была, есть и остается важнейшим инструментом социального самопознания, выполняя в государстве прикладную функцию – канала взаимодействия между обществом и властью. Активная функционально-структурная нагрузка прессы является индикатором состояния общественного сознания, объективно указывая на вектор модернизационного развития – созидательный или разрушительный, прогрессивный или регрессивный, конструктивный или деструктивный. Игнорирование данного фактора, недооценка новейших стратегических философско-лингвистических ресурсов информационной эры в значительной степени снижают социальную активность общественного сознания. Сломленный дух приводит и к негативам в материальной сфере.

Журналист-аналитик обладает искусством системного видения сути явления посредством диалектического метода познания, в котором и рациональное, и иррациональное тесно переплетены. Знания, рациональное начало, дополняются экспрессией – иррациональным пластом.

Генная память, сверхзнание, интуиция, инсайт рожают гипотезу, которая выступает не в роли домысла и результата слепой веры, но научно обоснованной версии, важнейшего инструмента творчества. Справедливо замечено: «Если иррациональная вера принимает нечто за истину только потому, что либо большинство, либо некий авторитет считают это истиной, то рациональная вера предполагает независимость убеждений, основанных на собственном продуктивном наблюдении и размышлении» [4, с. 103]. Профессиональный метод аналитика не ограничен рамками иррациональной веры. Иррациональность восприятия, когда желаемое и ожидаемое, прогнозируемое и запланированное принимаются за реальное и действительное, становится доминирующим принципом в обществе – матрицей разрушений и регресса [2, с. 99].

Информационное обеспечение массовой аудитории в эпоху техногенной цивилизации, характеризующейся высоким уровнем объективно существующих и перманентно возникающих проблем, эффективное решение которых в интересах социума невозможно без внедрения интенсивных технологий и инновационных проектов, обретает свойства ключевого фактора динамичного развития по пути модернизации. Средства массовой информации и печатная периодика в частности, так называемая качественная пресса, издания общественно-политического направления, аналитическая журналистика в XXI веке обретают выраженную функциональную нагрузку инструмента социального самопознания. Степень его совершенства и эффективность применения в значительной мере зависят от авторской позиции, мировоззрения и мирозерцания журналиста, его умения видеть главное, «смотреть в корень», искусства художественно, жанрово-стилистическими средствами публицистики передавать в деталях и подробностях происходящее в мире.

Научное осмысление и интерпретация аналитической журналистики как инструмента социального самопознания в системе информационного обеспечения инновационных проектов, своеобразного индикатора активности состояния общественного сознания в современном контексте проблем представляется исключительно актуальной идеологической, исследовательской и академической задачей. Фундаментальные основы решения подобного рода задач заложены первым поколением университетского профессорско-преподавательского состава факультета журналистики БГУ, в числе которых высоко ценим последователями и единомышленниками академизм ученого-лингвиста профессора А.И. Наркевича, оставившего яркий след в научно-исследовательской школе белорусской медианауки.

Літаратура

1. Бебякова, Л.П. Методологічныя аспекты аналітычнага творчэства журналіста / Л. Бебякова // *Журналістыка-2011: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 13-й Міжнароднага навука-практ. канф.*, БДУ, 8–10 снеж. 2011 г. – Вып. 13 / БДУ. – Мінск., 2011. – С. 42–44.
2. Бебякова, Л.П. Мир газетнага образа / Л. П. Бебякова; под науч. ред. Б.В. Стрельцова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: БГУ, 2008. – 220 с.
3. Кохановский, В.П. Философия для аспирантов: учеб. пособие / В.П. Кохановский, Е.В. Золотухина, Т. Г. Лешкевич, Т.Б. Фатхи. – 2-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 448 с.
4. Психология и психоанализ характера / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Изд. Дом «Бахрах», 1997. – 640 с.
5. Философский словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Сов. энцикл., 1983. – 840 с.

Михаил Вальковский

Белорусский государственный университет

КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПАРК: ОСОБЕННОСТИ МЕДИЙНОГО ОСВЕЩЕНИЯ

Исследовательский интерес представляет медийный аспект становления стратегического партнерства как нового дипломатического, экономического и социального феномена, с увязкой основополагающих принципов и основных этапов реализации такого формата отношений двух государств с тематикой и объемом публикаций о нем в медиа.

В этом плане в качестве модельной ситуации можно рассматривать отражение в медиа проекта создания Китайско-белорусского индустриального парка (КБИП). Данный проект с учетом его масштабов, сроков реализации и прогнозируемого влияния на развитие экономики Беларуси без оговорок можно считать стратегическим. Президент Беларуси Александр Лукашенко назвал Китайско-Белорусский индустриальный парк самым важным совместным проектом страны, реализация которого позволит получать от экспорта дополнительно до 50 миллиардов долларов ежегодно. По его мнению, проект снимет проблему финансовой стабильности Беларуси и поможет стране совершить технологический скачок [1].

КБИП как особая экономическая зона создается в Республике Беларусь в целях активизации торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с Китайской Народной Республикой, привлечения отечественных и иностранных инвестиций для организации и развития вы-

сокотехнологичных и конкурентоспособных на внешних рынках производств, создания дополнительных рабочих мест.

Анонсируется, что в парк будут привлекаться резиденты – мировые компании с высокотехнологичным продуктом уже завтрашнего технологического уклада, которые специализируются в таких сферах, как нанотехнологии, биотехнологии, фармацевтика, разработка и производство новых материалов.

Следует отметить повышенный интерес медиа к теме КБИП. Нами проведены мониторинг и анализ публикаций в белорусской прессе, сделана попытка оценки отдельных информационных аспектов освещения проекта КБИП, а также используемых дискурсивных практик.

В истории создания Китайско-белорусского индустриального парка можно условно выделить несколько этапов. На начальном, когда была обнародована совместная инициатива и планы создания КБИП, отмечался повышенный интерес медиа к теме. На втором этапе, когда шло оформление документов КБИП, в медиа продолжалось широкое обсуждение проекта и различных аспектов его реализации. И, наконец, третий этап, когда началась практическая работа по реальному воплощению КБИП в жизнь, отмечен снижением количества информационных поводов, и, соответственно, публикаций.

Каждый из периодов создания парка отличался как количеством и частотой появления информационных поводов, так и их жанровым воплощением.

При описании события журналист должен учитывать и оценивать различные его аспекты, которые во многом определяют как тип и характер освещения в медиа, так и применяемые дискурсивные практики.

Создание Китайско-белорусского индустриального парка, несомненно, является значимым событием для Республики Беларусь; начало его воплощения повлекло за собой ряд других процессов и событий, которые уже произошли или еще произойдут в течение достаточно длительного периода времени.

Какими критериями следует руководствоваться, относя реализацию проекта Китайско-белорусского индустриального парка к значимым событиям? Во-первых, создание КБИП имеет длительный, заметный и постоянный эффект, который может сказываться десятилетиями. Говоря о возможных последствиях, следует, по-видимому, разделить их на кратко- и среднесрочные. В краткосрочной перспективе прогнозируется то существенное влияние, которое может и должен оказать КБИП как на развитие региона (Минской области), так и на такие значимые экономи-

ческие факторы в масштабах страны, как структура промышленности, рост объемов выпуска наукоемкой продукции, экспорта и т.д.

Во-вторых, очевидна степень исторической важности КБИП: он окажет заметное влияние на трансформацию экономических реалий как отдельного региона, так и Беларуси в целом, отразится на отношениях нашей страны с КНР. Можно предположить, что реализация данного проекта в определенной степени скажется на коррекции взглядов и реакций белорусского общества по поводу сотрудничества с КНР.

В силу этого освещение процессов создания КБИП должно быть всесторонним, значительным по объему и производиться на постоянной основе. Всестороннее освещение включает анализ, помещающий событие в контекст, в привязке к определенной тематике, рассматриваемой как ретроспективно, так и в перспективе, что предполагает наличие в материале прогнозной компоненты.

Продолжительность освещения того или иного события является объективным показателем его важности. Несмотря на то, что значимость события объективно не утрачивается со временем, уровень интереса к нему неизбежно падает, что выражается в отсутствии публикаций, посвященных событию, на протяжении достаточно долгого периода времени. События, которые описываются в источниках только во время его свершения или сразу после его окончания, без дальнейшего анализа или обсуждения, скорее всего нельзя безоговорочно отнести к важным и значимым. Как правило, к освещению отдельных аспектов значимых событий возвращаются и по прошествии определенного времени, что может выступать в качестве показателя долговременной важности события.

Повышенное внимание к событию национальных и зарубежных медиа, как правило, означает и подчеркивает его значимость. Большое количество источников, в которых появляются публикации о событии, обычно подтверждает этот параметр, и важность происходящего.

Еще одно значимое обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание: позиционирование события в медиа, акценты при его освещении, тон публикаций, выделение его среди других информационных поводов. Это позволяет целевым аудиториям однозначно дешифровать мессидж.

К какому типу события следует отнести реализацию проекта создания КБИП?

Известно два варианта освещения подобного рода длящихся событий: построенные по хронологическим параметрам и по тематическим признакам.

В этой связи интерес представляют определение наиболее значимых аспектов события и особенностей концепции его позиционирования в медиа.

Так, хронологический тип сообщения предпочтителен для освещения продолжающихся и активно развивающихся событий (масштабные культурные и спортивные мероприятия, военные конфликты, стихийные бедствия, митинги и т.д.). То есть в тех случаях, когда внимание аудитории сконцентрировано на динамичном изменении ситуации, а журналист сосредоточен на оперативном освещении новых фактов, у него остается мало времени на их аналитическое осмысление. Данный тип можно представить в виде последовательной цепочки фактов, объединенных вокруг главной (стержневой) новости, развивающих ее во времени.

В свою очередь, тематический тип характеризуется наличием базового главного новостного факта, который сохраняет свой статус важнейшего факта в течение всего события. Часто (но не обязательно) базовая главная новость представляет собой нечто уже свершившееся. Онтогенез материала заключается как в накоплении и уточнении информации о данном факте, так и в освещении других тем, связанных с ним [2].

Тем не менее, тип события однозначно не детерминирует тип сообщения о нем: «Одно и то же событие можно при желании осветить и хронологически, и тематически. Однако <...> тематическое событие лучше излагать тематическим материалом, хронологическое – хронологическим» [2].

С одной стороны, освещение проекта КБИП относится больше к хронологическому типу событий: регулярно генерируются все новые факты о его реализации, и освещение их идет от прошлого к будущему.

С другой стороны, налицо все признаки события тематического характера, поскольку ключевое событие, оно же главная новость – решение о создании КБИП – состоялось уже достаточно давно. Дальнейшее освещение велось в его развитие по нескольким аспектам (темам): встречи и заявления политических руководителей двух стран по поводу проекта; детализация планов парка и описание шагов по их реализации; принимаемые документы; реакция населения на создание парка и отклик властей на нее и т.п. Таким образом, в рамках одной темы шло последовательно освещение различных тем, ни одна из которых окончательно не сходила с информационного поля, уступая подиум очередной.

Разноплановые события, связанные с реализацией проекта КБИП, часто и регулярно освещаются в медиа, вне зависимости от масштабов и значимости информационного повода. Большинство из них не являются

ключевыми, определяющими дальнейший ход проекта, кроме случаев, когда дополнительные факторы позволяют отнести событие к особенным, выбивающимся из общего ряда.

Рассмотренные нами медиатексты обладают четко выраженным информационным поводом, в основе их лежит социально значимый факт, его постижение, анализ. В ряде из них авторы только называют событие или проблему, глубоко не анализируя и осмысляя их, не предлагая прогноз развития, не рассматривая варианты решений. Также не всегда имеется ссылка на предшествующие моменты, предысторию, тем самым не обозначается место и значимость события среди предыдущих и последующих, т.е. событие подается фрагментарно. Такая дискурсивная практика, как фрагментарность, когда внимание акцентируется на одних сторонах события, а о других аспектах умалчивается или упоминается вскользь, дает дополнительные возможности манипулирования аудиторией. Она является «источником односторонней аргументации, где в качестве единственно правильной демонстрируется точка зрения одного оппонента, а остальные мнения блокируются» [3, с.53].

Очевидно, что фрагментарность обусловлена как объективными, так и субъективными факторами.

К первым следует отнести как динамичный характер развития проекта КБИП, который накладывает свои ограничения и диктует правила описания событий, так и дискретный характер информационных поводов по данной тематике, и, в силу этого, колебание интереса медиа к ним. Самим характером информационного повода предопределяются те или иные оценочные контексты, приоритеты тематизации, дискурсивные практики.

Каждый новый информационный повод вызывает информационный всплеск, обусловленный как интересом и информационными потребностями аудитории, так и политическими факторами, который падает по мере насыщения интереса, утраты ареола новизны. Но уменьшение интереса объясняется не снижением важности темы или проблемы, а субъективным фактором – особенностями самих медиа – редко какая тема может долгое время находиться в центре внимания журналистов без подкрепления новыми солидными, объективно значимыми поводами. Отсюда – кажущаяся спорадичность, фрагментарность, односторонность публикаций, в то время, когда необходима и ожидается их последовательность, целостность, всесторонность.

Подобные флуктуации имеют количественный характер – они сразу отражаются в объемах публикаций по данной тематике, нарастает частота упоминания в медиа. Затем, как правило, ситуация входит в спо-

койное русло, интерес к теме снова снижается и число упоминаний и публикаций уменьшается.

В силу этого целостной картине реализации КБИП присуща определенная размытость, мозаичность, так как медиа при ее создании главным образом применяют такую дискурсивную практику, как фрагментарность. Наряду с ней используются такие дискурсивные практики, как упрощение, стереотипизация, что, в свою очередь, порождает стандартное их описание, а дальнейшие практики изложения, то есть их институционализация, поддерживают эти стереотипы («точки зрения»), что облегчает восприятие и понимание аудиторией.

Символизация позволяет журналистам коротко рассказать о ситуации, используя уже знакомую аудитории модель (например, применяя штампы «великий Китай», «современные технологии», «стратегическое партнерство» и т.п.).

К субъективным факторам, которыми детерминируется фрагментарность, следует отнести такие, как личность журналиста, позиция его и издания, в котором он работает (последняя во многом производная от точки зрения учредителя).

Фрагментарность, а также такие практики как упрощение, персонализация и символизация часто используются для того, чтобы медиатекст был воспринят неподготовленной аудиторией и понят ею. Комбинация данных дискурсивных практик способствует созданию положительных или отрицательных смыслов при конструировании социально значимых внешнеэкономических событий, порождает или закрепляет определенные стереотипы, которые помогают аудитории воспринять их в нужном ключе.

Но, тем не менее, логика выстраивания события остается единой, существуют типичные способы рассказать о ней, выражающиеся в построении логических и хронологических рядов, в выделении оппозиций, в использовании классических схем нарратива.

Таким образом, можно констатировать, что реализация проекта КБИП генерирует ряд информационных поводов, которые сами по себе могут освещаться как тематически, так и хронологически.

В настоящее время работы по реализации проекта КБИП перешли в спокойную фазу и не вызывают заметной активности медиа. К сожалению, медиа ограничиваются информационными жанрами, полноценные аналитические статьи достаточно редки. Причин тому может быть, наверное, несколько. Во-первых, данная тема давно утратила эффект новизны, о ней пишут уже четыре года. Во-вторых, после того, как разре-

шилась коллизия с дачниками, данный проект не затрагивает напрямую интересы граждан. Опосредованное влияние КБИП на жителей Смоленского района и Минской области не является предметом интереса медиа.

Літаратура

1. Китайско-белорусский индустриальный парк позволит Беларуси получать дополнительно до \$50 млрд. экспорта в год [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/president/Kitajsko-beloruskij-industrialnyj-park-pozvolit-Belarusi-poluchat-dopolnitelno-do-50-mlrd-eksporta-v-god_i_641282.html – Дата доступа: 15.08.2013.
2. Лашук, О.Р. Типы длящихся событий и особенности их освещения в интернет-материалах / О.Р. Лашук [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1430> – Дата доступа: 16.11.2013.
3. Лукиева, Е.Б. Теория и практика связей с общественностью: учеб. пособие / Е.Б. Лукиева. – Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2009. – Ч. 2.–126 с.

Индира Газиева

Российский государственный гуманитарный университет

ЯЗЫКОВАЯ ЭПАТАЖНОСТЬ КАК МОДНЫЙ ТРЕНД В ИНДИЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье предпринята попытка анализа языковой игры или языковой эпатажности, встречающейся не только в речи участников индийских ток-шоу, но и в языке СМИ, рекламе, слогане. Эпатажность языка сродни народному красноречию. В Индии, как и в любой культуре, присущ свой национальный стиль речевого поведения.

Этнический состав населения Индии подразделяется на разные социальные слои, со своими канонами общения. В зависимости от преобладающих ценностей в обществе различаются и стили речевого общения. В настоящее время традиционная культура общения индийцев противопоставляется глобальной телевизионной культуре, СМИ и поп-культуре, ориентированной на обывателя, потребителя и стереотипные образы, где язык становится типизированным [1, с. 50]. Если говорить об индийском медиапространстве, то оно включает в себя несколько типов медиадискурса: информационный (реклама, слоган), развлекательный и публицистический. За последние десятилетия все эти стили стало объединять одно явление: они направлены на массовость. Согласимся с мнением о том, что «...если раньше продукты масскульта толь-

ко транслировались через СМИ (например, некоторые типы рекламных текстов или публикующиеся на страницах газет детективные рассказы), то сегодня сами средства массовой коммуникации создают их. Именно в пространстве массовой коммуникации формируется дискурс общения и развлечения, в котором удовлетворяются обывательские интересы массового читателя...» [5, с. 10]. Так, например, появились эргонимы (рекламные бренды), эмотиканы, Интернет-мемы и др. Цель данной работы – выявление субъективных и объективных тенденций обращения людей к языковой игре. Задачи включают в себя анализ: 1) формирования и развития языковой эпатажности как элемента языковой игры; 2) особенностей языковой игры и показать, не дискредитируют ли приемы языковой игры нормы литературного хинди? Предметом исследования являются эпатажная лексика в языке хинди, встречающаяся в речи людей, в рекламных текстах, в эргонимах. Используются методы – сплошной выборки материала, выявления и описания значения слова, метод, словообразовательной характеристики эпатажной лексики.

Толковый словарь русского языка определяет слово «эпатаж» как книжный термин, означающий – «вызывающее поведение или скандальная выходка», а прилагательное «эпатажный» как – «языковую игру». Сюда могут быть включены окказиональные выражения и индивидуальные авторские неологизмы. Согласимся с мнением, что языковая игра – это «вид речевой деятельности, создающий экспрессию и выразительность языка и речи. Языковая игра берет истоки в народном красноречии, которое всегда встречались в художественной литературе, а за последнее время стал модным трендом в телевизионных ток-шоу во всех странах мира. Языковая игра проявляется как в литературном языке, так и в ненормированной сфере языка, проявляется в неузуальных и окказиональных словах и выражениях, отличается юмором и остротой. Языковая игра вносит в речь, в текст эпатажность, экспрессивность, пародирование, вышучивание. На основании этого можно выделить такие функции языковой игры, как развлекательная, самоутверждающая, маскировочная, эмоционально-выразительная и аксиологическая [8, с. 9].

Демократизация языка порождает в разговорной речи языковую игру, приемы которой можно проследить в афоризмах, изречениях, анекдотах. Если взять индийские каламбуры, то среди них чаще встречается тип паронимии – созвучные выражения, например:

«Bhai-llywood» – «Братишка – суперстар!» вместо «Bollywood» – «Боливуд» (индийский кинематограф);

«Bhajaar aaue?» – «Пришла пора есть?» вместо «BJP aaue?» – «Пришла пора партии БиджиПи?».

Индийская молодежная аудитория предпочитает картинки и разговорную канву медиаобщения. Появляются своего рода удачно сформулированные медиацитаты, призванные навязывать молодежи общественное мнение и стереотипы. К примеру, среди видов индийской рекламной коммуникации чаще всего встречается слоган или «рекламный девиз, в сжатом виде передающий рекламное сообщение» и «формирующий эмоциональное впечатление о продукте или о компании в целом». Различают политические слоганы, товарные или коммерческие (строго направленные на увеличение продажи того или иного продукта), имиджевые (выражающие философию бренда – товара или услуги). Слоганы легко запоминаются и впоследствии легко ассоциируются с самими товарами или их создателями. Торговая фирма SURF exel, выпускающая моющие средства имеет слоган – «Daag achche hein» – «Пятна – это здорово», присутствующий на всех рекламных текстах, например: «Ab mushkil daag niklenge haste khelte. Daag achche hein» – «Пятен нет – рисуй сколько хочешь. Пятна – это здорово». Здесь обыгрывается языковая игра слов в сочетании с визуализацией образа грязных рубашек и чистой одежды. Слоган четко направлен на детскую аудиторию, призывающий как можно больше пачкать одежду, и не бояться наказания от родителей, потому что – «Пятен никогда не будет: все смоем SURF!». В Индии есть известный эргоним¹ АМУЛЬ. Его по всему миру представляет корпорация по производству молочного детского питания, которая разработала стратегию слоганов для детской и подростковой аудитории. В их текстах обыгрывается языковая игра с элементами паронимии и гибридными выражениями, в которых созвучны сочетания английский слов и хинди:

«Amul cheese: khinchee swad ki door!» – «Сыр от АМУЛЬ так сладок: набирай целый куль!»;

«Use your head! Utterly phut-phutterly Amul» – Держись за голову! Взорвется от АМУЛЬ!»;

«It keeps resident doctors at their residence. Amul» – «Разве нужен доктор, когда с тобой АМУЛЬ!»;

«Merry X'maska and a snacky NEW YEAR!» – «С рождеством и бутербродного Вам Нового года!»;

«Can't handle green tops... try yellow tops! Amul. Taste of victory» – «Не можешь удержать зеленый? Попробуй желтый. АМУЛЬ: почувствуй победу!»;

¹ Эргонимы – собственные наименования деловых объединений людей, предприятий, фирм, обществ и других организаций [6, с. 15].

«Please remember, it's Mother India! Amul. Nirbhaya bano!» – Помни, это мать Индия! АМУЛЬ: стань свободным!».

«Maradona to eisa hona, butter hona toh Amul hona!» – «Забивай (мяч) как Марадона, а взбивай только (масло) Амуль»; «Bhai Lywood? Amul. Tastes good, kya?» – «Боливуд – брат-ливуд. Хорошо на вкус Амуль?».

Торговая фирма Maaza, специализирующаяся на производстве мангового сока имеет слоган: «Har maosam love har maosam aam!» – «Любовь всегда и сок всегда!».

Слоган в хинди по своей структуре, может быть самостоятельным рекламным текстом или выступать как часть рекламного текста. Политический слоган, включающий языковую игру: «Ek Sherni Sao Langur, Chikmagalur Bhai Chikmagalur!» – «Одна тигрица и сто обезьян. Это, братья, Чикмаглур!» – был выдвинут известным индийским политиком Деврадж Урсом, главным министром штата Карнатака в 1972–77, 1978–80 во время выборов Индиры Ганди от административного округа Чикмаглур (штат Карнатака). Слоган «Jaat par na pat par, mohar lagegi haath par» – «Наш голос не будет ориентироваться ни на касту, ни на вероисповедание, но пойдет с символом (Индиры Ганди) на руке» выдвинут во время выборов политиком Нарасимха Рао 20 марта 1996 года в округе Рай Барейлли. Данный слоган стал, своего рода, ответом на слоган Народной Партии, возглавляемой Аталом Ваджпее и являющейся оппозиционной к Конгрессу: «Bari Bari Sab Ki Bari, Ab Ki Bari Atal Bihari!» – «Выше-выше, всех выше, теперь ты выше всех Атал Бихари!». Ваджпее не был запятнан в какой-либо коррупции, поэтому в глазах избирателей он казался идеальным премьер-министром. Слоган «India Shining!» или «Сияющая Индия» был выдвинут в 2004 году правящей Народной Партией (Бхаратия Джаната Парти) как слоган на очередные Индийские всеобщие выборы в 2004-2005 гг. Это был маркетинговый ход для поднятия экономического оптимизма в Индии и поднятия статуса страны на международной арене. Для этого правительство потратило примерно 20 миллионов долларов из государственной казны на телерекламу и для СМИ. Поскольку слоган использовался Народной Партией при дальнейших выборах, на политической арене возник крупный скандал по законности использования партией денег налогоплательщиков для продвижения своих политических целей. Лингвостилистическими особенностями слогана являются: использование эмоционально-оценочной лексики, неологизмов, искусственно созданных слов при создании образа товара, имиджа фирмы или политической кампании; обязательное указание наименования марки товара (для коммерческого слогана); ис-

пользование, преимущественно, в прозаической форме и реже в стихотворной; использование императивов.

Итак, языковая игра и эпатажность становится трендом в индийском обществе, поскольку ею понимают представители разных слоев индийского общества. За последние десятилетия с увеличением спроса на голливудские фильмы внутри страны, в желтой прессе, популярных журналах и в речи современной индийской молодежи встречаются речевые обороты, содержащие сленг или криминальные лексемы. К примеру, при восклицании или восхищении чем-то совершенным или превосходным типа русского сленга «Класс!» или «Круто!», «Отлично!», «Фантастика!» – индийская студенческая молодежь больше использует следующие слова: «gazab!», «fitos!», «funduu!», «kuul!», «bindaas». «Bindaas» – слово образовалось от смешения с другими языками, означающее характеристику беззаботного человека. В более широком смысле это слово используется как а) прилагательное одобрения – «хороший, превосходный, первоклассный»; б) гипербола – «хорошо проходимый, хорошо сделанный»; в) как слово-паразит, без любого определенного значения, в начале или конце беседы; д) является названием индийского телеканала:

«Hey man, how was your exam?» – «Привет, дружок! Сдал экзамен?».
«What to say, yaar, the paper was bindaas» – «Что сказать, друг! Бумаги в порядке!». «Hey yaar, where've you been?» – «Послушай, где же ты был?».
«Bindaas man, don't worry, I'm right back» – «Все клёво! Не бойсь!».

В Интернет форумах присутствует специфика молодёжного жаргона, в котором одновременно сосуществует яркость, образность и эмоциональность, и с другой стороны – уродство языка и ущербность речи, свидетельствующее о скудности мысли и убогом словаре. В ток-шоу часто можно услышать следующие аппелятивы к молодежи: «Stay cool, be happy and Jee to money!» – «Будь крутым! Будь счастливым! Живи ради денег!».

Таким образом, современное медиапространство социально ориентирует любого человека к действительности жизни и создает такие языковые модели, способные оживить любую картинку. Язык в таком пространстве визуализируется и вестернизируется. Это приводит к многочисленным заимствованиям не только на уровне слов, но и на уровне темы, композиции, жанра, стиля. «Расстояние между языком и жизнью сведено до минимума, так как именно народное словотворчество метко, емко и оперативно отражает современную жизнь и существующую

субкультуру, а употребление и понимание игровых единиц предполагает общность энциклопедических знаний, культуры, истории и политических коллизий» [8, с. 4].

Літаратура

1. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М., 2005. – С. 50.
2. Володина, М.Н. Язык массовой коммуникации – основное средство информационного воздействия на общественное сознание / М.Н. Володина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003.
3. Дзялошинская, М.И. Ценностные представления «игроков» медиарынка и их влияние на медиапродукт – Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации / М.И. Дзялошинская. – М., 2012.
4. Ерофеева, И.В. Язык современных СМИ: проблема миромоделирования. Гуманитарный вектор / В.И. Ерофеева. – 2012. – № 4 (32). – С. 34–41.
5. Клушина, Н.И. Дискурсивные особенности развлекательной информации в современных российских СМИ – Русский язык в современном медиапространстве / Н.И. Клушина. – Белгород, 2009. – С.10.
6. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М., 1988. – С. 151.
7. Ржанова, С. А. Речевая культура как феномен массовой коммуникации «переходного периода»: автореф. дис. ... д-ра культурологи / С.А. Ржанова. – Саранск, 2006. – 38 с.
8. Сопова, Т.Г. Языковая игра в контексте демократизации художественной речи в последние десятилетия 20 века: автореф. дис. ... канд. / Т.Г. Сопова. – СПб., 2007 [Электронные ресурсы]. – Режим доступа: <http://iling.spb.ru/dissovet/old-abstracts/sopova/abstract.pdf>. – Дата доступа: 14.01.2014.
9. Шестёркина, Л. П. Медиатекст в условиях конвергенции университетских СМИ (на материале экспериментальной площадки ТРК ЮУРГУ-ТВ / Л.П. Шестёркина // Вест. С.-Петерб. ун-та. – Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2010. – № 3. – С. 260–268.
10. Шилина, М. Г. Мифы интернета: техногенность VS текстогенность / М.Г. Шилина // Миф и мифотворчество в междисциплинарной научной парадигме: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. А. Д. Кривоносова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – С. 32–35.
11. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – С. 32.
12. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ: Центр экстремальной журналистики [Электронные ресурсы]. – Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek> – Дата доступа: 12.12.2011.

13. Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. – 760 с.

14. Amul : The Complete Story. [Электронные ресурсы]. – Режим доступа: http://www.indiadairy.com/cont_highest_milkproducer_amulorigin.html. – Дата доступа: 12.01.2014.

15. Amul Hits [Электронные ресурсы]. – Режим доступа: <http://www.amul.com/m/amul-hits>.

16. 10 slogans that define India's political history. India Today. [Электронные ресурсы]. – Режим доступа: <http://indiatoday.intoday.in/gallery/mass-appeal-slogans-bjp-congress-indira-gandhi-atal-bihari-vajpayee/1/9334.html#photo1/> – Дата доступа: 14.01.2014.

17. The Journey of Indian Democracy through the slogans. [Электронные ресурсы]. – Режим доступа: <http://www.netapedia.in/blog/?m=201308>. – Дата доступа: 14.01.2014.

Александр Градюшко

Белорусский государственный университет

МЕДИАТЕКСТ ВЕБ-ФОРМАТА В СОВРЕМЕННОЙ НОВОСТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ БЕЛАРУСИ

Под воздействием процессов глобализации и конвергенции качественно меняется ситуация в средствах массовой информации. Интернет-издания формируют особые требования к созданию заголовков и текстов, которые не вписываются в рамки традиционных представлений. Современные медиаплатформы демонстрируют новые форматы предъявления новостей. Использование новейших информационных технологий детерминирует приобретение журналистским материалом таких свойств, как оперативность, интерактивность, мультимедийность, мобильность, гипертекстуальность. Следствием данного явления являются содержательно-модификационные трансформации массово-информационной деятельности в медиасфере интернета.

Пока что в отечественной и зарубежной науке структурно-семантические и прагматические особенности журналистских текстов получили подробное освещение в основном на материале печатных изданий. Что же касается интернет-СМИ, то имеются лишь отдельные публикации по этому вопросу. В белорусской науке обозначенная нами тема разработана слабо, что можно объяснить, в частности, тем, что отечественная веб-журналистика еще не в полной мере переняла разнообразие сервисов и технологий, представленных в зарубежных интернет-СМИ. До сих пор можно говорить о некотором торможении в этой области.

Материалом для нашего исследования послужили новостные материалы крупнейших белорусских информационных порталов Onliner.by и TUT.BY, а также наиболее популярных печатных СМИ в период с 2012 по 2014 гг. Следует признать тот факт, что новостной контент остается одним из основных типов контента в медиапотреблении [4, с. 4]. Современный этап развития веб-журналистики Беларуси характеризуется модификацией творческих методов и приемов. При написании текстов для интернет-СМИ в первую очередь переосмысливается значение заголовков. Модификация творческих методов и приемов касается также самих текстов. Огромное значение придается визуализации контента.

В последние годы в Беларуси существенно выросла аудитория, читающая новости с мобильных устройств. Это требует внедрения новых технологий для обеспечения удобного потребления контента на разных носителях (смартфонах, планшетах). Значительно выросло также количество подписчиков на аккаунты СМИ в социальных сетях, что привело к необходимости серьезно задуматься об оценке эффективности взаимодействия традиционных медиа с аудиторией социальных сетевых обществ. Все эти тенденции, безусловно, самым непосредственным образом влияют на языковые процессы современности, что актуализирует необходимость комплексного исследования модификации творческих методов и приемов в веб-журналистике.

При написании текстов для интернет-СМИ в первую очередь надо обращать внимание на заголовок. Потому как интернет – это пространство заголовков, и их завлекательная роль чрезвычайно важна. В контексте нашего исследования обратим внимание на то, что новостные сайты содержат значительное количество материалов различной тематической и жанровой направленности. Главная страница, как правило, представляет собой только список заголовков материалов, или же на нее дополнительно выносятся анонсы новостей. Следовательно, заголовок новостного сообщения должен быть максимально информативным и завершенным в семантическом плане для того, чтобы дать читателю представление о содержании текста.

Обобщая теоретический опыт и результаты научного осмысления, можно сказать, что новая платформа для потребления контента требует от СМИ принципиально новых форматов предъявления новостей. С уверенностью можно сказать, что традиционные газетные заголовки для интернета совершенно не подходят. В печатном издании человек видит всю новость целиком. В интернете есть только заголовок и всего несколько секунд на его прочтение. Поэтому заголовок в интернет-СМИ

всегда обладает максимальным информативным потенциалом, в нем обобщается главное из того, о чем говорится в тексте, иными словами, заголовок представляет собой квинтэссенцию содержания публикации. В соответствии с основной информативной функцией он призван отобразить тему или главную суть новости.

Для интернет-СМИ новейшего периода, как справедливо указывает в своей работе «Новостная интернет-журналистика» российский исследователь А. Амзин, необходимо писать так называемые констатирующие заголовки с глаголами в активном залоге, а также ключевыми фразами [1, с. 13]. Делается это по той причине, что информационное поведение читателей бумажных газет и онлайн-изданий серьезным образом отличается. Помимо глаголов и ключевых фраз, в заголовках для интернет-СМИ рекомендуется указывать место, где происходит то или иное событие. По нашему мнению, этот творческий прием является еще одним эффективным способом привлечения внимания читательской аудитории к названию материала. Существует и ряд других требований. В заголовке более уместны существительные, чем прилагательные. Чем меньше нейтральности в заголовке, тем лучше. В заголовках редко используют восклицательные знаки. Фраза из заголовка не должна повторяться в лиде.

Для создания качественного заголовка как важнейшего элемента текста в веб-журналистике, таким образом, необходимо:

- выбрать ключевые слова новости;
- связать их интересным глаголом;
- указать название местности, где произошло то или иное событие.

В этом плане уместно отметить, что первое слово в заголовке самое важное, чаще всего это указание объекта, о котором рассказывается в материале, либо ссылка на местность. Активный залог в медиатексте онлайн-формата предпочтительнее пассивного. Короткие слова предпочтительнее длинных. В заголовке необходимо избегать излишней детализации, цифры желательно округлять. Заголовок может содержать мнение, важное или неожиданное высказывание ньюсмейкера (чаще всего в виде цитаты), а также ссылку на источник.

Показателен, в частности, пример сайта газеты «Комсомольская правда» в Белоруссии» kр.by, заголовки для которого создаются в соответствии с определенными стандартами. В частности, во многих заголовках используется словосочетание «в центре Минска», привлекающее внимание аудитории. Представим несколько примеров: «В центре Минска автобус «Юности» протаранил машину реанимации» (8 октября 2012 г.), «Полувековые каштаны в центре Минска вырубать не будут»

(25 апреля 2013 г.), «Оман, выкупивший землю в центре Минска, строить пока ничего не будет» (11 февраля 2012 г.), «В центре Минска в домах под снос остались брошенные хозяевами собаки» (18 июня 2013 г.).

Предикация в приведенных выше заголовках представляет собой конкретные глагольные номинации, обладающие максимальным информационным потенциалом. Для привлечения внимания аудитории часто используются активные глаголы «разбился», «протаранил», «уничтожил», «шокировал», «пожаловался», «возмутился», «потребовал», «парализовал», «поразил», «объявился» и др. Аналитическая интерпретация фактов показывает, что сильный глагол гораздо четче отражает то, что происходит в новости, передает основное действие, изложенное в публикации. Причем в заголовке он не может стоять в настоящем времени; оптимальный вариант – прошедшее время. Замечено, что на материалы с заголовками, содержащими глагол, открывают чаще. Обратим внимание, что не стоит использовать глаголы «состоялся», «прошел» и им подобные, так как они не дают информации о сути события.

Распространенным творческим приемом является использование в заголовках ключевых слов «белорусы» и «минчане», что позволяет приблизить новость к аудитории в географическом и культурном отношении. В этом плане представляют интерес следующие заголовки с сайта kр.by: «Белорусы стали активнее изучать китайский язык» (24 октября 2013 г.), «Белорусы будут ездить в Турцию без виз» (28 марта 2013 г.), «Белорусы, наконец, дождались открытия ИКЕА в Вильнюсе» (15 августа 2013 г.), «Перед подорожанием минчане скупали проездные» (1 октября 2013 г.), «Купить билеты в кино минчане могут через интернет» (18 января 2013 г.).

Полагаем, что содержательно-модификационные аспекты массово-информационной деятельности веб-журналистики Беларуси особенно ярко проявляются на примере крупнейших информационных порталов Onliner.by и TUT.BY. Портал TUT.BY стремится к сокращению количества слов в заголовке, в то время как Onliner.by удлиняет заголовки материалов в пользу раскрытия деталей описываемой в тексте ситуации и стимулирования дискуссии среди пользователей [5]. Современный читатель воспринимает новости эмоционально. Поэтому, на наш взгляд, заголовки в интернет-СМИ направлены на выполнение как информативной, так и воздействующей функций. Важно разместить в интернете такой заголовок, который вызовет желание тут же написать комментарий, поспорить, высказать свое мнение, доказать свою точку зрения, вступить в дискуссию.

Рассмотрим заголовки портала Onliner.by на следующих примерах: «Лукашенко хочет ввести пошлину для белорусов, которые едут за покупками за рубеж: “по \$100 с носа”» (6 сентября 2013 г.), «Минчанин: “6-летнего сына во дворе сбил пьяный водитель”. Дело прекращено из-за отсутствия состава преступления» (28 октября 2013 г.), «Наши за границей. Белорус не хотел получать на родине \$200, уехал в Швецию, купил дом и 2 машины» (2 мая 2013 г.), «Жители Уручья готовятся к новому уплотнению застройки: “На улицу выйдет весь район”» (12 июля 2013 г.). Каждый из этих заголовков носит провокационный характер, содержит столкновение мнений, призывает читателей обсудить новость в комментариях.

Портал TUT.BY, в отличие от Onliner.by, долгое время являлся сайтом-агрегатором новостей. Упор на уникальность контента был сделан в конце 2000-х гг. В данный момент, наряду с авторскими, TUT.BY публикует и заимствованные материалы, полностью копируя текст и, в большинстве случаев, изменяя заголовок. В отличие от Onliner.by, где в будние дни в четырех разделах публикуется около 50-60 новостей, портал TUT.BY ежедневно с понедельника по пятницу размещает в 15 рубриках около 200 материалов. Портал TUT.BY делает ставку на формирование картины дня для своих пользователей, в то время как новости, публикуемые на Onliner.by выполняют, наряду с информационной, развлекательную функцию.

В целом наблюдения над материалом позволяют сделать вывод о том, что структура заголовков на TUT.BY отличается лаконичностью, в них обобщается главное из того, о чем говорится в тексте. В качестве примеров можно привести заголовки «Минчане объединяются для борьбы с уплотнением» (4 апреля 2013 г.), «Стая диких псов нападает на жителей улицы Кольцова в Минске» (27 ноября 2012 г.), «В столичном микрорайоне Сухарево переименуют остановки и откроют новую диспетчерскую станцию» (26 декабря 2013 г.). Однако наибольшее количество просмотров и комментариев набирают публикации, в которых отражен конфликт. Среди остроактуальных заголовков можно выделить, в частности, сообщения о крупных катастрофах и терактах, пожарах, значительных победах в спортивных дисциплинах, прогнозируемых крупных социальных потрясениях.

Поскольку читателю интересна визуализация, в заголовке часто используются слова «фоторепортаж», «фотофакт», «видеорепортаж», «+фото», «+видео». Многообразие типов медиатекстов, функционирующих в системе интернет-пространства, диктует необходимость визуализации информации и создает интегрированную мультимедийную

информационную среду. Если читатель рядом с заголовком видит привлекательную фотографию, он скорее всего заинтересуется новостью. В этом контексте показательны примеры с портала Onliner.by: «Фоторепортаж: студенты иняза справили новоселье в новом общежитии» (30 марта 2013 г.), «Фото- и видеорепортаж: как в Минске отметили День независимости (добавлено видео)» (3 июля 2013 г.), «Фотофакт: зал ожидания Минского железнодорожного вокзала после реконструкции» (8 ноября 2013 г.).

Практика убедительно доказывает тот факт, что главными показателями качественного материала для интернет-СМИ являются число комментариев и количество просмотров. Популярной на портале Onliner.by считается новость, набравшая более 20 тыс. просмотров. Об этом свидетельствует небольшая красная прямоугольная отметка, которая автоматически накладывается на изображение к новостям с значительным числом просмотров. Большое количество просмотров, как и на TUT.BY, набирают резонансные аварии. Например, новость «Минск: возле школы водитель Porsche Cayenne насмерть сбил ребенка» (13 ноября 2012 г.) собрала около 120 тыс. просмотров.

Погодные аномалии также интересны большому количеству людей, потому что чреваты последствиями для жизни каждого. Новость о циклоне «Хавьер», пришедшим в Беларусь в марте 2013 г., установил рекорд посещаемости для новости на TUT.BY. Публикация «“Хавьер” в Минске: аэропорт закрыт, транспорт стоит, продлена работа метро, а Масленицу перенесли» (15 марта 2013 г.) набрала 494 тыс. просмотров и 1398 комментариев. Немаловажным элементом текста в этом случае был удачно подобранный заголовок. Для сравнения, на сайте «Советской Белоруссии» sb.by материал о погодной аномалии носил название «“Хавьер” валит с ног», на сайте «Рэспублікі» respublica.by публикация называлась «Последняя гастроль», а «Народная газета» озаглавила аналогичный материал на своем сайте ng.by «Испытание “Хавьером”». Разница в творческих методах и приемах, использованных ведущим белорусским информационным порталом и сайтами республиканских государственных СМИ, более чем очевидна.

Придумать хороший констатирующий заголовок, способный привлечь читателя, недостаточно, – не менее важно удержать его на сайте. Информационный бум в конвергентном информационном пространстве меняет характер чтения информации в направлении «беглого просмотра» и «выхватывания главной идеи» [6, с. 43]. Процесс написания текста для интернет-СМИ предполагает формирование умения не только придумывать кликабельный заголовок, но и «сжимать» сам текст, струк-

турировать информацию, выделять самое важное, акцентируя внимание посетителей на наиболее значимых деталях. При этом, как показывает исследование фактов, особое внимание необходимо уделять следующим творческим приемам:

- использование «перевернутой пирамиды», когда текст начинается с самого важного, и основная информация располагается в лиде и на «первом экране»;
- постановка акцента на первое предложение и первое слово в тексте;
- особое строение абзацев (в каждом из них концентрируется только одна идея);
- упрощение синтаксиса с целью более легкого восприятия материала (короткие простые предложения);
- тщательная работа с лексикой, пояснение специальных терминов;
- выделение ключевых слов полужирным или курсивом;
- постановка акцентов с помощью элементов форматирования текста, изменения размера шрифта и др.;
- использование различных приемов визуализации контента;
- расстановка гиперссылок на другие публикации по схожей теме.

Следует признать тот факт, что в интернет-СМИ актуализируется четкая структура материала. Верхняя часть текста «продает» новость. Важно то, что пользователь видит на «первом экране». Заголовок, лид из 2–4 предложений, иллюстрация. Эти элементы определяют «лицо» материала и его шансы на прочтение. Первые два абзаца текста приобретают определяющую роль в эпоху интернета и мобильной телефонии, когда новости часто читают на экранах смартфонов. Их объем чаще всего ограничен 150 словами, которые должны в первую очередь нести новостную компоненту, в то время как детальное описание и выражение оценки требуют более развернутого повествования.

Показателен тот факт, что сами тексты в интернет-СМИ отличаются определенными языковыми, стилистическими, жанровыми и другими особенностями по сравнению с текстами печатного издания. Есть мнение, что оптимальный текст в интернет-СМИ имеет размер 4–5 абзацев, а абзац не превышает 5 строк [2]. В тексте желательно использовать минимум прилагательных, как можно больше существительных и максимум сильных глаголов. Простое построение стилистических конструкций (подлежащее, сказуемое и т. д.) значительно облегчает чтение. Пользователи любят цитаты, прямую речь, а также максимум фактов. Необходимо называть источники информации. Неназванный или обобщенный источник вызывает меньше доверия. Важен контекст. Необходи-

димо использовать бэкграунд. Без него новость в интернете ничего не теряет, но с ним она становится ярче.

В этом контексте следует признать тот факт, что тексты с большим содержанием конкретной информации (дат, фамилий, географических названий, названий организаций) привлекают читателей, удерживают их на сайте, позволяют быстрее находить необходимую информацию по ключевым словам. С позиций литературной образности онлайн-текст лишен метафор, образных сравнений, словотворчества. Приоритеты у аудитории следующие: коротко о главном (несколько предложений без «воды»), мультимедийность (наличие фотогалереи, видео, аудио по теме), бэкграунд и дополнительная информация (ссылки на материалы схожей тематики).

При написании текстов в редакциях интернет-СМИ руководствуются следующими правилами. Если происходит важное событие, текст должен быть написан в течение часа. Важно также отслеживать развитие ситуации по теме. Под текстом часто пишется: была ли эта тема на сайте и когда, чтобы ставить теги (информативные метки). При размещении фото на сайте обязательно указывается его автор или ссылка на сайт, откуда взято фото. Часто к фото ставится подпись. Фотографии выставляются в интернет в достаточном разрешении, чтобы можно было рассмотреть все детали. В том случае, если на сайте размещается фоторепортаж, в нем должно быть не менее 10–15 фотографий. Они могут быть также оформлены в виде слайд-шоу. Для иллюстрации текста также используются видеоролики длительностью около 2–3 мин.

Приведем в качестве примера материал «На МКАД женщина на Mercedes из-за неудачного опережения врезалась в столб», опубликованный на портале Onliner.by 15 января 2014 г. в 11:53. Заголовок соответствует всем стандартам новостной веб-журналистики, включает в себя ключевые слова новости, сильный глагол, место происшествия. Под заголовком есть фотография с места ДТП. Также имеется слово «Видео», указывающее на то, что в тексте имеется видеоролик, а также надпись «UPD!», которая сообщает об обновлении опубликованной ранее информации. Далее следует следующий текст:

«Ухудшившиеся погодные условия сильно повлияли на аварийную обстановку. В первой половине дня пришло сообщение о «скользком» ДТП на кольцевой дороге. Mercedes S-Class вылетел с дороги и врезался в столб. По информации Елены Волчек, старшего инспектора отдела агитации и пропаганды ГАИ Фрунзенского района, на место происшествия прибыла скорая помощь, но обошлось без серьезных травм, жен-

щина-водитель не пострадала. В нашем распоряжении появилось видео с регистратора, установленного в Mercedes.

Судя по ролику, водитель хотела опередить ехавший с невысокой скоростью в крайней левой полосе автомобиль.

ДТП случилось в районе развязки на пересечении улицы Притыцкого и МКАД. Автомобиль оказался за пределами проезжей части и снес мачту освещения. На место происшествия прибыла машина скорой помощи, врачи провели осмотр.

Как стало известно, за рулем находилась женщина, на вид ей около 40 лет. ГАИ сообщает, что она была трезвой в момент столкновения.

По словам самой участницы ДТП, ее автомобиль занесло после того, как она наехала на снежную «кашу». «Изначально я двигалась в третьей полосе, – рассказала она. – Потом решила перестроиться во вторую. В промежутке между рядами колеса попали на грязный снег. И в тот же момент стало заносить. Машину раскрутило и отбросило на обочину, прямо в столб. Врезалась левым колесом. Сработали подушки безопасности. К счастью, автомобиль выдержал удар, я цела, травм нет».

Публикация дополняется видеороликом длительностью 37 секунд, а также включает в себя 9 фотографий. До конца дня этот материал набрал 33.340 просмотров и 663 комментария. Подобные новостные материалы весьма востребованы в интернет-СМИ, а заметки про аварии всегда набирают значительно количество просмотров. Повторимся, что этому часто способствуют, например, такие заголовки, как «Ужасная авария в Гродно: 15-тонный грузовик трижды переехал 13-летнюю школьницу» (сайт s13.ru, 9 января 2014 г.) или «Очевидец страшного ДТП в Гомеле: “Одна женщина успела отскочить, а вторую автобус подмял под себя”» (сайт kp.by, 16 января 2014 г.). Однако целесообразность размещения материалов с такими заголовками не всегда обоснована с этической точки зрения.

В последние годы наблюдается тенденция к стремительному росту популярности социальных интернет-проектов (социальных сетей, блог-платформ и видеохостингов), получивших общее название «новые медиа». Конкретная аналитическая интерпретация механизма массово-информационной деятельности по формированию информационных потоков и прагматического интегрирования их в такую важнейшую единицу общества, какой является аудитория, показывает, что социальные медиа сегодня являются серьезным конкурентом традиционным СМИ и становятся самыми посещаемыми ресурсами в интернете. Пользователи, в первую очередь молодежь, меняют информационные и развлека-

тельные сайты на социальные сети, которые выступают для них главными источниками информации. Однако лишь немногие СМИ, заведя аккаунты в различных социальных сетях, действительно понимают, что, сделав это, они вовлекаются в совершенно иные массовые информационные потоки. В социальных медиа новости преподносятся по-иному, нежели в печатной версии газеты и на сайте. В соцсетях никто не будет читать заголовки из газет и ссылки на них. Там важны картинка, интрига, факт и небольшой комментарий. Чем больше «горячего», дискуссионного контента, тем лучше.

Проиллюстрируем специфику использования социальных сетей ведущими белорусскими интернет-СМИ. Например, в группе спортивного издания Goals.by в социальной сети «ВКонтакте» ежедневно публикуется от пяти до десяти сообщений (постов). Их может быть и больше, если в этот день происходит какое-нибудь топ-событие (матч Лиги чемпионов с участием белорусского клуба, например). Всего в группе «Goals.by. Новости спорта Беларуси» состоит около 30 тыс. человек. В «ВКонтакте» публикуются, как правило, посты со ссылками на уникальные материалы Goals.by, веселые картинки (интернет-мемы), фотографии белорусских спортсменов, опросы на важные темы. Все посты со ссылками на материалы сопровождаются привлекающим текстом и изображением. Текст должен быть также и на самой картинке, потому что пользователи в первую очередь обращают внимание на изображение и текст на нем. Провокационные утверждения, нелитературный язык, сарказм и тому подобное – все это используется с той целью, чтобы вызвать у человека эмоции.

По похожей схеме строится информационная политика публичной страницы «ВКонтакте» портала Onliner.by, на которую подписаны более 120 тыс. человек. Здесь также публикуются посты со ссылками на материалы Onliner.by, интернет-мемы, интересные фотографии, режиссерские видео. Подача информации отличается неформальным стилем общения с пользователями. При этом особое внимание уделяется заголовкам сообщений. Приведем несколько примеров: «Брекинг нюз! Счастье есть! Новость дня! Фоторепортаж из счастливых лиц минчан. “МакДональдс” на проспекте Независимости открылся после реконструкции» (9 декабря 2013 г.), «Приветнули всем, кто не спит! В общем, мы тут подробно расписали, как будут работать новые талончики и электронные проездные в трамваях (а скоро и везде). Прочитай, чтобы 1 февраля не попасть впросак» (11 января 2014 г.).

Помимо «ВКонтакте», в последние годы многие белорусские СМИ активно наращивают свое присутствие в Twitter. Наиболее перспектив-

ной формой такого присутствия может быть так называемый твиттер-аккаунт с человеческим лицом. Как правило, он имитирует стиль ведения микроблога обычными людьми. В записях используется неформальная лексика, жаргонизмы, восклицательные знаки и др. Редактор страницы очень активно вступает в диалог с читателями, делится информацией через «ретвиты». Записи отличаются эмоциональностью, в них высказывается авторская оценка события. Аккаунты, которые строят свои отношения с аудиторией по похожей схеме, получают наибольшее внимание аудитории. К этому типу относится, в частности, страница портала «Онлайнер» @OnlinerBY.

Для успешного продвижения в Twitter особенно важны кликабельные заголовки с глаголами и ключевыми словами. Публикации в Twitter отличаются языковыми, стилистическими, жанровыми и другими особенностями по сравнению с сайтами интернет-СМИ. Пролитывая ленту сообщений в Twitter, пользователи переходят по гиперссылкам только в том случае, если сообщение их заинтересовало. По этой причине редакторы социальных медиа специально адаптируют заголовки под формат социальных сетей с целью завлечь читателей. Как и в «ВКонтакте», некоторые сообщения отличаются излишним сарказмом, чрезмерной эмоциональностью и использованием нелитературной лексики.

Отчасти можно согласиться с мнением белорусского исследователя С.В. Зеленко, который утверждает, что «вербальные слагаемые имиджа интернет-портала во многом зависят от речевых предпочтений того или иного контент-менеджера» [3, с. 201]. На наш взгляд, подобная речевая практика является типичной для многих интернет-СМИ. Так, принципы размещения материалов в твиттер-аккаунте @OnlinerBY сходны с профилем российского сайта Lenta.ru под названием «Дорогая редакция» @lentaofficial, что свидетельствует не о предпочтениях отдельного контент-менеджера в плане подачи информации, а об общей политике редакции. По аналогичным схемам строят свою работу редакторы социальных медиа зарубежных интернет-СМИ, например, немецкой газеты Das Bild (аккаунт в Twitter @BILD). Интересный материал, касающийся зафиксированной закономерности, приводит немецкий профессор Стефан Хейнк [7].

Проведенное нами исследование показало, что процесс создания журналистских текстов в интернете претерпевает существенные трансформации. Новейший период развития веб-журналистики Беларуси характеризуется модификацией творческих методов и приемов. Появляются новые методики написания текстов для интернет-СМИ, которые могут быть в дальнейшем внедрены в практику деятельности

белорусских масс-медиа. Тем не менее, тексты на многих сайтах белорусских печатных СМИ, в первую очередь государственных изданий, по-прежнему создаются по принципам традиционной журналистики. Это объясняется, как нежеланием руководства редакций менять нарабатанные десятилетиями творческие методы и приемы, так и отсутствием кадров, обладающих соответствующими компетенциями.

Літаратура

1. Амзин, А.А. Новостная интернет-журналистика: учеб. пособие для вузов / А.А. Амзин – М., 2011. – 141 с.
2. Амиханова, Г. Как написать новость для интернета [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://newreporter.org/2011/09/13/kak-napisat-novost-dlya-interneta>. – Дата доступа: 15.01.2014.
3. Зелянко, С.В. Некаторыя асаблівасці паведамленняў у мікраблугу Twitter беларускага інтэрнэт-партала TUT.BY / С.В. Зелянко // Журналістыка-2013: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы XV Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 5-6 сн. 2013 г. / рэдкал.: С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Вып. 14. – Мінск: БДУ, 2013. – С. 199–201.
4. Тенденции развития новостного сегмента медиаотрасли России [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : http://pano.ria.ru/Advert/Research2013_pdf2.pdf. – Дата доступа: 15.01.2014.
5. Швед К., Обухова Д. Технологии в белорусских СМИ: мода или необходимость? [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://kyky.org/mag/media/tiekhnologhii-v-bielorusskikh-smi-moda-ili-nieobkhodimost>. – Дата доступа: 15.01.2014.
6. Шестеркина, Л.П., Лободенко, Л.К. базовые подходы к созданию универсального медиатекста в интернет-СМИ / Л.П. Шестеркина, Л.К. Лободенко // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2013. – Т. 10. – № 2. – С. 42–46.
7. Heijnk S. Texten fuers Web : planen, schreiben, multimedial erzahlen ; das Handbuch fuer Online-Journalisten. – Heidelberg : dpunkt-Verl. – 2011. – 309 s.

Дмитрий Дроздов

Белорусский государственный университет

СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ БРЕНДА (КОММЕРЧЕСКОГО ИМЕНИ) СМИ

Законы современной рыночной экономики все в большей степени проникают в такую специфическую сферу, как духовное производство, особенно в производство информационных продуктов и услуг. Сегодня практически невозможно однозначно определить социально-политиче-

ский и экономический статус государств, расположенных на постсоветском пространстве, поскольку термин «переходное общество» уже не является актуальным, а о достижении полноценного информационного общества здесь пока говорят как о процессе, а не состоянии. Анализ же избранных моделей развития позволяет обнаружить в них черты всех основных типов экономики: социально-ориентированной, ресурсной, импортозамещающей и других. В таких условиях осложняется взаимодействие различных материальных рынков (сырьевых, финансовых, рабочей силы и т.д.) с рынком массовой информации, поэтому значение научно обоснованного системного менеджмента СМИ неуклонно возрастает.

Среди целого комплекса технологий менеджмента творчества и эвристического менеджмента в последнее время особое внимание уделяется неймингу – специфической области профессиональной деятельности, в которой осуществляется номинация, имяобразование отдельных средств массовой информации. Под неймингом (англ. name – имя) в рыночной экономике обычно понимают творческую деятельность по созданию яркого, запоминающегося, оригинального названия товара или компании. Главная задача, стоящая при создании названия бренда, – выделить его из ряда других подобных фирм или товаров, охарактеризовать его отличительные черты, связать с жизненными запросами потребителей. Важно понять, что предназначение имени бренда не в описании, характеристике, а в выделении, различии. Также создателям обязательно необходимо учитывать закономерности психолингвистического восприятия бренда определенной аудиторией, поэтому особое значение приобретают связанный с ним ассоциативный ряд, фоничность, простота и другие аспекты.

В процессе создания рыночного имени исследователи и практики выделяют несколько стадий, позволяющих последовательно достигнуть оптимального результата. Первый этап заключается в четкой формулировке послания, которое передается от коммуникаторов потенциальной аудитории. Это может быть национальная («СБ. Беларусь сегодня») или региональная идентификация («Витьбичи»), определение проблематики («Экономическая газета»), сегментация аудитории («Женская газета») и др. Затем необходимо облечь послание в форму бренда. Технология разработки коммерческого названия предполагает прежде всего определение основных социально-психологических и культурологических запросов потенциальных потребителей, создание целостной картины их ценностных ориентаций, социальных норм, поведенческих стереотипов. Таким образом, название средства массовой информации будет

содержать в себе знаковый код, подразумевающий максимально полное удовлетворение нужд и потребностей целевой и потенциальной аудитории. Поскольку информационные товары и услуги могут одновременно удовлетворять многие потребности людей, это также необходимо учитывать при формулировке нового названия.

Творческий процесс предполагает достаточно широкую вариативность предлагаемых названий, количество которых не должно быть меньше количества ассоциаций, связанных с существенными характеристиками рассматриваемого СМИ. В данном случае эффективными могут быть такие приемы активизации творческого мышления, как мозговой штурм, синектика, методы Боно и многие другие. Полученные варианты названий следует оценивать по степени эффективности их восприятия с помощью зрения и слуха, а также с учетом важнейших психических характеристик личности, среди которых, в первую очередь, необходимо выделить мышление, мотивацию, память, внимание. Важным является и соответствие доминирующим в конкретной среде социально-психологическим критериям, чтобы представитель аудитории после покупки информационного товара или услуги ощущал высокую самооценку, а при упоминании данного названия в общении с коллегами, друзьями, родственниками и другими людьми чувствовал престижность СМИ и уважение к себе.

Для генерации наименований брендов могут использоваться слова актуальной лексики избранного языка, а также создаваться искусственные слова, словосочетания, включающие даже аббревиатуры («РосБизнесКонсалтинг», «СБ. Беларусь сегодня»). В ходе ребрендинга зачастую прибегают к модному сейчас членению слов при помощи заглавных букв без их разделения «Комсомольская правДа!». Независимо от способа создания имени бренда полученные в результате варианты коммерческих наименований проходят процедуру принципиального отбора по лингвистическим, контентным и юридическим критериям.

Обычно выделяют три лингвистических критерия: фонетический, психолингвистический лексикографический. Суть фонетической проверки заключается в том, что рассматриваемое имя СМИ должно относительно легко произноситься, быть адекватным звуковому строю данного языка или языков, если страна является много-, двуязычной, как в Республике Беларусь, или если средство массовой информации будет распространяться в нескольких странах. Психолингвистический анализ, по нашему мнению, наиболее сложный, поскольку связан с прогнозированием интуитивных ассоциаций, вызываемых чтением или звучанием бренда. Необходимо обязательно учитывать, что при прочте-

нии или восприятия звучания слова в человеческом сознании возникают определенные образы, связанные с ним. Поэтому создателю коммерческого имени надо стремиться воспроизвести эти образы в названии, чтобы достичь желаемого эффекта. Лексикографический мониторинг предполагает возможность транслитерации имени бренда одинаковым количеством знаков независимо от используемого алфавита, латиницы или кириллицы. Этим обеспечивается устойчивость визуального восприятия названия СМИ, что важно для деятельности на международном информационном рынке.

Контентные критерии также очень важны. Прежде всего это лексический анализ, при котором всестороннее рассматривается семантика слова, объект, качества, действия, для обозначения которых используется коммерческое имя. Затем следует проверить название бренда и близких ему по написанию и звучанию слов, не исключая таких источников, как толковые словари, на наличие негативных, сомнительных значений и интерпретаций. Если последние обнаруживаются, то от предлагаемого имени лучше отказаться. Не лишним будет этимологический анализ, поскольку значения слов со временем могут изменяться. Такая проверка также позволяет получить информацию о значении слова в близкородственных, в иностранных языках, что очень важно при разработке бренда СМИ на постсоветском пространстве. Ассоциативный критерий связан с коннотациями, вызываемыми данным словом. Название бренда не должно оставлять человека равнодушным, а, наоборот, вызывать яркие, положительные эмоции и воспоминания.

Юридический критерий следует отнести к техническим, но это отнюдь не умаляет его значения, ибо соблюдение действующего законодательства дает возможность зарегистрировать название в качестве торговой марки в национальном или международном юридическом режиме. Юридически закрепленное авторское право на эксклюзивный бренд создает гарантию невозможности появления похожих СМИ-клонов, что наблюдается в наименее юридически регулируемой сфере массовой коммуникации – интернете.

Следует учитывать и тот очевидный факт, что все слова обладают определенной энергетикой, которую трудно охарактеризовать с научной точки зрения даже в такой области знания, как психоллингвистика. Энергетический потенциал зависит не только от значения самого слова, но и от всего лексико-семантического поля, к которому принадлежит данное название. Количество ассоциаций, вызываемых именем бренда, их уникальность, сила рационально-эмоционального воздействия, образность, социально-психологическая значимость для конкретных групп обще-

ства создают энергетику имени. В данном случае необходимо учитывать и существенные характеристики различных сегментов аудитории: название разряда «У-у-пс!» не подойдет для издания, адресованного людям пожилого возраста, как и изменение названия газеты «Друг пенсионера» на «Друг молодежи» не привлечет к данному изданию внимание юношей и девушек.

На завершающем этапе создания названия СМИ следует рассмотреть уникальные ассоциации бренда, которые характеризуют и дифференцируют его, вторичные ассоциации, связанные с учредителем, страной, каналами и средствами распространения, социальнозначимыми действиями и событиями. В заключение анализа имиджа собственно бренда эффективным может быть исследование ассоциаций, связанные с реальной и потенциальной аудиторией бренда, а также с использованием контента бренда в процессе определенной деятельности.

После окончательного определения коммерческого имени средства массовой информации необходимо провести разработку элементов бренда. В частности, чрезвычайно важно создание логотипа, своеобразного «герба», символа, соединяющего в себе семиотический визуальный подход Чарльза Пирса и семиологический лингвистический подход Фердинанда де Соссюра. Достижение такого визуально-словесного единства, выражающего суть творческой концепции СМИ, является сложной задачей, но поскольку логотип не утверждается учредителем и менеджментом редакции раз и навсегда, то последующие корректировки позволяют оптимизировать его. Показательно, что в сфере материального производства изменение логотипа бренда практически не встречается, поскольку может привести к потере потребителей, быть расценено как проявление нестабильности.

Противоположная ситуация наблюдается в использовании фирменного слогана: без его периодического обновления невозможно представить успешный маркетинг современного крупного бренда. В сфере же духовного производства, когда слоган выражает определенные идеологические ценности, изменение слогана означал бы пересмотр, изменение гражданской позиции, творческой концепции, что неминуемо вызвало бы кризис доверия у реальной аудитории. Поэтому примеры изменения слогана средства массовой информации достаточно редки и в большинстве случаев связаны с ребрендингом.

В процессе разработки элементов бренда должна активно использоваться его *легенда* – история создания и развития. Именно по этой причине до сих пор используются названия крупных периодических изданий, информационных агентств, возникшие еще в советское время:

«Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Знамя юности» и многие другие. Показателен и пример бывшего союзного информационного агентства ТАСС, менеджмент которого в 1990-е годы решил сначала отказаться от этого «советского» имени и заменить его на ИТАР, но в итоге был вынужден остановить свой выбор на варианте ИТАР-ТАСС. Легенда бренда во многих случаях бывает связана с символическими, знаковыми событиями и личностями, которые в некоторых случаях (рекламная продукция) приобретают трактовку, основанную не только на фактах, документах, а и на творческой фантазии. В результате создается миф бренда, имеющий целью привлечение дополнительного внимания аудитории, общественности к средству массовой информации.

После создания бренда начинается разработка и реализация программы его продвижения на информационном рынке. Если в сфере материального производства выделяют следующие виды брендов: простой, мультибренд и зонтичный, то в сфере массовой коммуникации, за редким исключением, такого разнообразия не наблюдается. Примером мультибренда может служить выпуск целого семейства журналов «Главный бухгалтер» Издательским домом Владимира Гревцова. Товарный маркетинг, занимающийся в условиях материального производства оптимизацией ассортимента, качества и количества выпускаемых товаров, также в условиях рынка информации не находит широкого применения. Такие виды маркетинга, как ценовой, сбытовой, конкурентный, исследовательский активно используются для занятия, удержания и расширения СМИ своей рыночной ниши. Менеджмент средства массовой информации включает в себя и стратегический маркетинг, главной задачей которого является развитие бренда, разработка и реализация эффективных действий в соответствии с вызовами современной информационной реальности.

Літаратура

1. Ворошилов, В.В. Маркетинговые коммуникации в журналистике / В.В. Ворошилов. – М.: Издательство Михайлова В.А., 1999. – 64 с.
2. Герасимова, О.А. Мастерство шоумена / О.А. Герасимова. – СПб.: Феникс, 2006. – 192 с.
3. Гуревич, С.М. Газета. Вчера, сегодня, завтра / С.М. Гуревич. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 288 с.
4. Киреев, О. Поваренная книга медиа-активиста / О. Киреев. – М.: Ультра. Культура., 2006. – 296 с.
5. Самарцев, О.Р. Творческая деятельность журналиста / О.Р. Самарцев. – СПб.: Академический проект, 2007. – 528 с.

6. Третьяков, В.Т. Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики / В.Т. Третьяков. – М.: Ладомир, 2004. – 623 с.

7. Ученова, В.В. Реклама и массовая культура. Служанка или госпожа? / В.В. Ученова. – М.: Юнити-Дана, 2008. – 248 с.

8. Яковлев, И. Ключи к общению. Основы теории коммуникаций / И. Яковлев. – М.: Азбука-классика, 2006. – 240 с.

Борис Залесский

Белорусский государственный университет

НОВЫЕ КООПЕРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ПОЗИТИВНЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОВОД ДЛЯ МЕДИА

На недавнем VIII Форуме творческой и научной интеллигенции Содружества Независимых Государств, Балтии и Грузии, проходившем в Минске в сентябре 2013 года, неоднократно подчеркивалась мысль о том, что на постсоветском пространстве в современных условиях не может быть изолированного информационного сопровождения: «Средствам массовой информации на пространстве Содружества необходимо искать больше позитивных информационных поводов <...> Необходимо искать и создавать информационные поводы, которые могут перебить негативные информационные потоки» [23].

Весьма показательным примером в этом отношении может служить развитие белорусско-украинских отношений, которые «загоды суверенитета двух стран <...> приобрели поистине стратегический характер» [2] и где «достигнутый уровень взаимодействия позволит уже в ближайшей перспективе перейти к практическому осуществлению принципиально новых направлений сотрудничества» [1]. Достаточно сказать, что договорно-правовая база этого двустороннего взаимодействия уже насчитывает более 175 соглашений, большинство из которых регулируют экономическую сферу партнерских связей, а еще около 15 документов находится в разработке.

На позитивный лад настраивают также итоги 2012 года, когда белорусско-украинский товарооборот вырос еще на 27 процентов и составил рекордную величину – 7,9 миллиарда долларов – с положительным сальдо для белорусской стороны в размере 3,3 миллиарда долларов. При этом Беларусь экспортировала в Украину более 500 товарных позиций, импортировала порядка 700. Происходило это во многом благодаря тому, что «успешно реализуются масштабные двусторонние проекты в сфере топливно-энергетического комплекса, производственной коопе-

рации» [19]. И хотя в 2013 году сохранившиеся негативные тенденции на мировых рынках оказывали свое влияние на темпы и объемы белорусско-украинского торгово-экономического сотрудничества, что выразилось в некотором снижении торгового оборота между двумя странами в первом полугодии, есть веские основания полагать, что динамика двустороннего взаимодействия в скором времени изменится в сторону наращивания, как объемов взаимной торговли, так и производственной кооперации.

Если говорить о стратегических направлениях двустороннего белорусско-украинского сотрудничества на среднесрочную перспективу, то, по мнению руководителя белорусской дипломатической миссии в Киеве В. Величко, следует иметь в виду четыре вектора: взаимодействие в энергетической сфере; совместную работу в области производственной и научно-технической кооперации; эффективное использование транзитного потенциала государств; углубление военно-технического сотрудничества [13].

Разговор о стратегических направлениях двустороннего сотрудничества шел и на встрече президентов двух стран в июне 2013 года в ходе официального визита главы белорусского государства в Украину. И тогда было решено, что «приоритет будет отдаваться экономическому блоку вопросов, содействию реализации совместных проектов, созданию высокотехнологичных производств, взаимодействию в энергетической сфере, совместной работе в области производственной и научно-технической кооперации, эффективному использованию транзитного потенциала государств за счет развития водной составляющей» [12].

Что касается энергетики, то Беларусь покупает украинскую электроэнергию на протяжении последних нескольких лет. «Есть технические средства, мощности линий электропередач, и при определенных экономических условиях это выгодно для республики» [10]. В 2012 году Беларусь увеличила объемы закупок украинской электроэнергии практически в 1,7 раза и готова купить в Украине порядка 4 миллиардов киловатт-часов, что составит 11–12 процентов объема электроэнергии, потребляемой всеми сферами белорусского народного хозяйства, в том числе и на бытовые нужды. А в ходе уже называвшегося визита белорусского лидера в Украину была достигнута договоренность «значительно активизировать взаимодействие в энергетической сфере, в том числе по подготовке кадров для ядерной энергетики» [3].

Но, пожалуй, наиболее перспективной формой развития белорусско-украинского взаимодействия является производственная кооперация, которая предоставляет огромные возможности для совместного созда-

ния новых продуктов в силу того, что у Беларуси и Украины есть «общая многолетняя историческая ретроспектива научно-технологического сотрудничества; наличие взаимодополняющих кооперационных связей; территориальное соседство и культурная близость; понимание перспектив развития, основанное на инновационных решениях» [22, с. 63]. В данном случае важен и тот момент, что «ориентация взаимных связей на конкретные проекты международной кооперации – более реалистичный подход к развитию интеграционных процессов, чем попытки сразу решать сложные политические вопросы, которые затрагивают государственный суверенитет» [22, с. 68].

Еще на 21-м заседании Межправительственной Белорусско-Украинской смешанной комиссии по вопросам торгово-экономического сотрудничества, проходившем в декабре 2012 года в Гомеле, отмечалось, что в развитии производственных отношений двух стран «недостаточно используются возможности соглашения о производственной кооперации. Необходимо более активно вести работу по созданию совместных предприятий, что позволит беспрепятственно продвигать произведенную продукцию на рынки Таможенного союза и Европейского союза» [9]. Тем более, что «Беларусь и Украина подписали программу производственной и научно-технической кооперации с выходом на рынки третьих стран на 2012–2013 годы» [6]. Тем более, что Украина заинтересована в создании на своей территории, в частности, совместных предприятий по производству белорусской сельскохозяйственной техники. В первую очередь, это касается тракторов и комбайнов. О многом говорит такой факт: в ближайшие десять лет украинская сторона намерена обновить парк своей сельскохозяйственной техники, вложив в этот процесс 40–50 миллиардов долларов.

Сегодня речь идет пока только о семи действующих белорусско-украинских совместных сборочных производствах. Четыре из них созданы в Украине – по сборке тракторов МТЗ, техники “Гомсельмаш”, лифтового оборудования. Три – действуют в Беларуси. В частности, в декабре 2011 года было создано совместное предприятие по выпуску пассажирских вагонов с участием Крюковского и Гомельского вагоностроительных заводов. В том же декабре 2011 года запорожское ПАО “Мотор Сич” приобрело 60 процентов акций ОАО “Оршанский авиаремонтный завод”. И за четыре года планирует инвестировать в белорусское предприятие 12 миллионов долларов. «В будущем на базе предприятия будет создан Мультимодальный транспортно-логистический центр, расположенный на пересечении 2-го и 9-го международных транспортных коридоров» [7]. А с участием украинской группы компаний “ПлазмаТек” на базе

ООО “Светлогорский завод сварочных электродов” создано совместное предприятие, которое планирует на 80 процентов обеспечить потребность Беларуси в сварочных электродах. Для этого приобретен пакет акций ОАО “Рогачевгазстрой”. В целом же в рамках кооперации и создания совместных производств по выпуску продукции машиностроения уже охвачено совместной работой более 80 крупных белорусских и украинских предприятий. Если же учесть предстоящее расширение круга смежных организаций и поставщиков за счет углубления локализации сборки на территории Украины белорусской техники, то становится понятно, что приведенная цифра участников белорусско-украинской производственной кооперации не является окончательной.

Разговор о новых горизонтах развития взаимодействия «в области производственной кооперации и создания совместных производств в сельскохозяйственном машиностроении, в сфере агропромышленного комплекса, транспорта, в химической отрасли, в топливно-энергетической сфере» [15] продолжился на 22-м заседании Межправительственной Белорусско-Украинской смешанной комиссии по вопросам торгово-экономического сотрудничества, состоявшемся в мае 2013 года в Киеве. В его рамках был подписан важный документ, дополняющий и расширяющий возможности производственной кооперации между конкретными субъектами хозяйствования двух стран, – Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о межрегиональном и приграничном сотрудничестве.

Специфика деятельности белорусских производителей в Украине заключается в том, что им «приходится иметь дело, прежде всего, с частными предприятиями, 96 % продукции в соседней стране производят именно они. Сотрудничество с каждым из них требует индивидуального подхода» [20]. Тем не менее, в 2012 году были достигнуты хорошие результаты именно в приграничной торговле между двумя странами, на долю которой уже приходится более четверти всего белорусско-украинского товарооборота.

Еще в июле 1997 года был создан Совет руководителей приграничных областей Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины, в состав которого с белорусской стороны вошли Витебская, Гомельская и Могилевская области, а с украинской – Автономная Республика Крым, город Севастополь, а также Донецкая, Запорожская, Луганская, Полтавская, Сумская, Харьковская и Черниговская области. Данный совет занимается тем, что: определяет приоритетные области многостороннего сотрудничества; создает необходимые условия для сохранения сложившихся и развития новых экономических связей между предприятиями и

организациями всех форм собственности, включая транснациональные структуры; содействует предприятиям и организациям в осуществлении прямых взаимных поставок продукции и оказании услуг по межотраслевой кооперации; обеспечивает благоприятные условия для взаимных инвестиций в народное хозяйство; поддерживает и развивает научно-технические связи, содействует взаимной подготовке и переподготовке рабочих, специалистов и научно-педагогических кадров, организует обмен студентами и преподавателями, их стажировку на ведущих предприятиях и в учебных заведениях; способствует внешнеэкономической деятельности и сотрудничеству с международными организациями в интересах регионов и государств, а также «обеспечивает развитие средств связи и информатики, теле- и радиовещания для взаимного удовлетворения нужд народного хозяйства и населения» [21].

Надо полагать, что благодаря деятельности и этого совета на сегодняшний день соглашения о партнерских отношениях заключили уже более сорока белорусских и украинских городов и регионов. Так, только в 2011 году договоры о сотрудничестве подписали районы: Добрушский (Гомельская область) и Борзнянский (Черниговская область); Речицкий (Гомельская область) и Цурюпинский (Херсонская область); Хойникский (Гомельская область) и Овручский (Житомирская область); Новобелицкий (Гомель) и Дарницкий (Киев). В 2012 году эту практику взаимодействия продолжили Могилевская и Херсонская области. Вполне объяснимо, что особенно активно белорусско-украинское межрегиональное сотрудничество развивается сегодня между приграничными областями: Гомельской и Житомирской, Брестской и Волынской. Впрочем, и другие белорусские регионы стараются не отставать. Если говорить о Гродненской области, то «в Украине хорошо знают лидское ОАО “Лакокраска”, ОАО “Стеклозавод “Неман”, СООО “Конте Спа”, РУП “Сморгонский агрегатный завод”» [20]. Что касается Минской области, то в сентябре 2012 года на встрече белорусского премьер-министра М. Мясникова с украинским министром экономического развития П. Порошенко обсуждалось предложение «совместно построить завод по производству двигателей» [5] в Столбцах.

Говоря о Могилевской области, уместно вспомнить о заседании в июле 2013 года в Могилеве Ассоциации торгово-промышленных палат Приднестровья, одним из итогов которого стало подписанное «соглашение о сотрудничестве между Одесским областным советом и Могилевским областным советом депутатов» [8]. В числе приоритетных направлений на ближайшее время были приняты решения о сотрудничестве по совместной программе “Чистое производство и энергоэффективность”,

а также по созданию и продвижению водного туристического маршрута по Днепру, который свяжет прилегающие регионы Беларуси, России и Украины.

Договор о побратимских отношениях намерены подписать в скором времени и столицы двух государств, поставившие перед собой задачу – «задать новую, более интенсивную динамику сотрудничеству, развитию отношений между Киевом и Минском, как в гуманитарной, так и экономической сферах» [11]. Статистика утверждает, что сегодня более 40 киевских предприятий сотрудничают с партнерами в белорусской столице. И это – неплохой задел к новым проектам, которые можно будет совместно реализовывать уже в ближайшей перспективе. «Один из последних успешно реализуемых проектов, финансирование которого осуществляется через представительство белорусской лизинговой компании, – строительство в Киевской области блочно-модульной котельной на возобновляемых источниках энергии с решением комплекса технологических вопросов по заготовке топлива. Этот опыт интересен и другим областям, которыми готовятся аналогичные проекты» [12].

Широкие возможности развития торговли и производственных белорусско-украинских связей продемонстрировала состоявшаяся в декабре 2012 года в Гомеле встреча глав приграничных регионов Беларуси и Украины, участники которой также согласились с тем, что «активнее нужно вести работу по созданию совместных предприятий в рамках соглашения о производственной кооперации» [4]. И предпосылки для успешного решения этой задачи есть. Так, только Гомельская область в 2011 году увеличила объем взаимной торговли с Черниговской областью в два раза, а с Волынской – сразу в 4,5 раза.

Из других фактов, касающихся белорусско-украинского межрегионального взаимодействия, можно назвать состоявшиеся в августе 2013 года в Херсонской области переговоры о создании там совместными усилиями мощного производственного кластера сельхозмашиностроения, реализация которого могла бы вывести взаимодействие двух стран в сфере производственной кооперации на качественно новый уровень. Речь идет о полноценном совместном выпуске линейки белорусских тракторов, комбайнов, других машин с локализацией украинской стороны на уровне не менее 30 процентов.

В этом контексте следует вспомнить и первое заседание Совместной белорусско-украинской демаркационной комиссии, которое состоялось в сентябре 2013 года в Минске. Напомним, что одним из итогов визита главы белорусского государства в Украину в июне 2013 года стало подписание Протокола об обмене ратификационными грамотами догово-

ра между странами о госгранице от 12 мая 1997 года, что дало старт процессу демаркации совместной белорусско-украинской границы. Стороны тогда согласились, что «скорейшее завершение этого процесса поспособствует развитию межрегионального приграничного взаимодействия» [3]. Задача демаркационной комиссии – «не только провести государственную границу и расставить пограничные знаки, но также создать максимально комфортные условия, чтобы этот процесс не сказался негативно на проживающем местном населении» [17]. Судя по оценкам специалистов, на демаркацию белорусско-украинской государственной границы протяженностью 1084 километра уйдет от семи до десяти лет, так как придется иметь дело «со сложными географическими условиями, часть территорий заболочена, слабо развита дорожная сеть – все это потребует значительных усилий со стороны геодезистов и подрядчиков, которые будут устанавливать пограничные знаки» [16].

Все эти факты, касающиеся перспектив развития межрегионального сотрудничества Беларуси и Украины, достаточно полно подчеркивают, сколь насыщенным и многоаспектным будет это взаимодействие в ближайшие годы, в котором свое важное место занимает и медийно-информационная сфера двух стран. Тем более, что «уровень развития информационного пространства приграничных территорий решающим образом влияет на экономику, социальную сферу и политику. Рост числа пользователей Интернета, а также увеличение емкости информационного рынка позволяет утверждать, что формирование единого информационного пространства еврорегионов и регионов сотрудничества является перспективой близкого будущего» [14].

В 2013 году стороны подписали Дорожную карту сотрудничества Республики Беларусь и Украины до 2015 года, которая включает в себя проекты по развитию уже действующих производств тракторной техники, а также созданию новых предприятий по выпуску зерно- и кормоуборочной техники, навесного и прицепного оборудования для агропромышленного сектора Украины. Это, в свою очередь, еще более актуализирует для представителей международного сегмента белорусской и украинской журналистики базовый принцип: «Главное – не упускать из виду важные новостные поводы и акцентировать на них внимание прессы, заинтересовывать ее в освещении мероприятий, проводимых на уровне Содружества» [18].

Літаратура

1. Александр Лукашенко поздравил Президента Украины Виктора Януковича с Днем Независимости [Электронный ресурс]. – 2013. – Ре-

жим доступа: <http://president.gov.by/press146581.html#doc>. – Дата доступа: 04.10.2013.

2. Александр Лукашенко поздравил Президента Украины Виктора Януковича с национальным праздником [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://president.gov.by/press132642.html#doc>. – Дата доступа: 05.10.2013.

3. Александр Лукашенко посетил с официальным визитом Украину [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://president.gov.by/press145274.html#doc>. – Дата доступа: 05.10.2013.

4. Аленченко, Е. В Гомеле состоялась встреча глав приграничных регионов Беларуси и Украины / Е. Аленченко // [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.mozyr.by/news/print.php?id=133&razdel=news>. – Дата доступа: 29.09.2013.

5. Беларусь предложила Украине совместно построить завод по производству двигателей [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/4613>. – Дата доступа: 06.10.2013.

6. Беларусь расширяет поставки продовольственной продукции в Украину – Величко [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Belarus-rasshirjaet-postavki-prodovolstvennoj-produktsii-v-Ukrainu---Velichko_i_628638.html. – Дата доступа: 05.10.2013.

7. Величко, В. Сотрудничество Украины и Республики Беларусь: современный этап / В. Величко // [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/press/smi/cd058779807fdc54.html>. – Дата доступа: 05.10.2013.

8. Визит одесской делегации в Могилевскую область [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://orcci.odessa.ua/world-wide-cooperation/vizit_odesskoj_delegaczii_v_mogilevskuju_oblast. – Дата доступа: 29.09.2013.

9. Владимир Семашко встретился с Валерием Хорошковским [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/4734>. – Дата доступа: 05.10.2013.

10. Встреча делегаций Беларуси и Украины под руководством Владимира Семашко и Сергея Арбузова прошла в Гомеле [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/5188>. – Дата доступа: 05.10.2013.

11. Громчакова, В. Минск и Киев установят побратимские отношения / В. Громчакова // [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Minsk-i-Kiev-ustanovjat-pobratimskie-otnosheniya_i_646310.html. – Дата доступа: 06.10.2013.

12. Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Беларусь в Украине Валентина Величко журналу “Народный депутат” (Украина), август 2013 г. [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/press/smi/c87de313c0d5ffe2.html>. – Дата доступа: 05.10.2013.

13. Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Беларусь в Украине Валентина Величко, январь 2013 г. [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/press/smi/c305eb6856ca91d6.html>. – Дата доступа: 04.10.2013.

14. Кочетов, М. Н. Социогуманитарное сотрудничество приграничных регионов на постсоветском пространстве / М. Н. Кочетов, В. А. Сапрыка // [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/105-7013>. – Дата доступа: 29.09.2013.

15. О заседании Межправительственной Белорусско-Украинской смешанной комиссии по вопросам торгово-экономического сотрудничества [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/ec607a62c769783d.html. – Дата доступа: 06.10.2013.

16. Петрович, В. Первый пограничный знак между Беларусью и Украиной планируется установить в районе стыка трех границ / В. Петрович [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Pervyj-pogranichnyj-znak-mezhdu-Belarusju-i-Ukrainoj-planiruetsja-ustanovit-v-rajone-styka-treh-granits_i_647028.html. – Дата доступа: 06.10.2013.

17. Петрович, В. Процесс демаркации белорусско-украинской границы не скажется на условиях проживания местного населения / В. Петрович [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Protsess-demarkatsii-belorusko-ukrainskoj-granitsy-ne-skazhetsja-na-uslovijax-prozhivaniya-mestnogo-naselenija_i_647035.html. – Дата доступа: 06.10.2013.

18. Пролесковский, О. Интересные идеи и инициативы озвучены в ходе VIII Форума творческой и научной интеллигенции / О. Пролесковский // [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/person/interview/Oleg-Proleskovskij_i_514277.html. – Дата доступа: 06.10.2013.

19. Состоялся телефонный разговор Александра Лукашенко с Президентом Украины Виктором Януковичем [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://president.gov.by/press143639.html#doc>. – Дата доступа: 04.10.2013.

20. Стасюкевич, Е. Беларусь в 2012 году стала четвертым партнером для Украины по объему товарооборота / Е. Стасюкевич // [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Belarus-v-2012-godu-stala-chetvertym-partnerom-dlja-Ukrainy-po-objemu-tovarooborota_i_628256.html. – Дата доступа: 06.10.2013.

21. Устав Совета руководителей приграничных областей Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины [Электронный ресурс]. – 1997. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/6470a2899bcd9a243256c8a0047bc84?OpenDocument>. – Дата доступа: 30.09.2013.

22. Федулова, Л. И. Сотрудничество Республики Беларусь и Украины в сфере обеспечения инновационного развития экономики и нового качества экономического роста / Л. И. Федулова // Евразийская экономическая интеграция. – 2011. – № 2. – С. 51–70.

23. Швыдкой, М. СМИ необходимо искать больше позитивных информационных поводов / М. Швыдкой // [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/person/opinions/Mixail-Shvydkoj_i_514268.html. – Дата доступа: 02.10.2013.

Илья Ильин

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина (Украина)

БРЕНД-ГОРОД «ПОРТ САНЛАЙТ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГАЗЕТНЫХ ИЗДАНИЙ БРИТАНИИ И США КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX века

Репрезентация социальных процессов в СМИ представляет собой не только интерес с точки зрения исследования самого дискурса СМИ, но также позволяет понять отношение между ними. Тем более это становится важным, когда речь идет о тех явлениях, которые «желают» быть представленными, выставленными напоказ, распространенными по всему социальному корпусу. В этой ситуации возникает проблема соотношения того, что первоначально содержалось в сообщении с интерпретациями этого сообщения в публицистике.

В данной статье будет затронута проблема репрезентации города Порт Санлайт братьев Уильяма и Джорджа Левера (далее – братья Левер) в периодических изданиях XIX века. Этот город понимается нами через понятие бренд-города [1, с. 53–54], [2]. Последний означает социально-пространственную форму трансформации капитализма во второй половине XIX века, значение которой заключается в создании из рабочего зеркального двойника буржуазии, а значит преодоление противоречивости капитализма внутри капитализма. Английские капиталисты, братья Левер, начали строить город для своего предприятия, а также жилья рабочих в 1888 году близ Ливерпуля. В нем была выстроена целая социально-культурная инфраструктура (больница, театр, церковь, школа, парки, сады) – все публичные пространства буржуазного досуга, здоровья и дисциплины. Братья Левер хотели показать посредством строительства этого города модель развития «для правительства, других предприятий Британии» [6, с. 76]. Производимое их предприятием мыло «Санлайт» приобретало не только коннотации чистоты (лозунг Левера: «Мыло это цивилизация»), здоровья, но также неуклонного прогресса

капитализма в направлении к решению рабочего вопроса – связи экономического интереса с благом всего общества. Этим объясняется и то, что Порт Санлайт понимается нами как бренд-город, поскольку представляет собой идеально организованную модель капитализма, а товар «Санлайт» как бренд-товар [3, с. 245–248], транслирующий буржуазные ценности своим потребителям [6]. Навязчивая публичность не только проявлялась в рекламе, но также и в превращении Порт Санлайта в место для экскурсий и приглашений знаменитых гостей (короля Эдварда V, королевы Марии, короля Бельгии Альберта и др.). Кроме того, в заметке «Порт Санлайт. Симфония мыла», размещенной в английской газете «Hampshire Telegraph and Sussex Chronicle etc» от 21 июня 1890 указывается на тот факт, что «куда бы вы ни шли, ехали, плыли везде вы найдете плакаты с воззваниями о достоинстве этого товара [мыло «Санлайт» – И.И.], а также о том, что он является самым распространенным в мире мылом. <...> у любого бакалейщика можно найти его» [10, с. 3]. Там же находятся сведения о том, что братья Левер специально приглашали каждую неделю бакалейщиков для того, чтобы ознакомить их со своим товаром и вызвать у них доверие к нему. Эти встречи сопровождались показом производственного процесса, условий труда и жизни рабочих: «Работая в таких условиях за хорошую зарплату, в просторных комнатах, с прекрасной вентиляцией, среди замечательной деревенской атмосферы, и на работодателей, которые показывают разнообразным образом свою заботу об удобстве работников; неудивительно, что работники должны быть довольными и счастливыми», как указывается в той же заметке [10, с. 3].

Исходя из того, что братья Левер хотели быть услышанным, а «Порт Санлайт» мыслится им визуально-пространственным экспериментом по устройству идеального капитализма, возникает интерес к тому, каким образом репрезентировалось их сообщение в газетных изданиях Британии и США того времени.

Начнем исследование с анализа ряда британских газет. В заметке «Новая схема отношений с трудом» в «The North-Eastern Daily Gazette» от 25 августа 1900 г. говорится, что система распределения прибыли и уменьшения цены ренты за дом является «путем к разрешению великой проблемы труда» [4, с. 2]. В статье «Посещение Порт Санлайта» в «The Royal Cornwall Gazette Falmouth Packet» от 9 октября 1890 рассказывается о прибытии бакалейщиков с Запада Англии и, между прочим, отмечается, что за несколько лет братьям Левер удалось достичь известности и уважения «до такой степени, что они убедили людей со

всего мира обследовать их фабрику и наслаждаться их гостеприимностью» [5, с. 6]. В шотландской газете «The Dundee Courier & Argus» от 18 сентября 1897 года в заметке «Бакалейщики Данди в Порт Санлайте» было использовано интересное слово для описания деятельности братьев Левер – «go-aheadism» (от слова «go-ahead», в переводе с англ. – движение вперед, прогресс), которое относится, прежде всего, к уменьшению рабочего времени и увеличению зарплат рабочих [6, с. 4]. В ирландской газете «The Belfast News-Letter» в заметке «Бакалейщики из Белфаста и Ньюри в Порт Санлайте» от 18 сентября 1897 года указано на центральную особенность пространства бренд-города: «По ходу их [бакалейщиков – И.И.] движения по длинным, окруженным деревьями улицам Порт Санлайта, который позаимствовал свое название у мыла, производящегося здесь, проезжая прекрасные усадьбы, с большими и ухоженными садами, школы, административные здания, и много других свидетельств высшей формы цивилизованности, мира, и роскоши деревенской жизни; им было трудно осознать то, что это был просто дом для рабочего сообщества, члены которого вовлечены в одно большое производство. Кругом не было ничего, чтобы напоминало о присутствии рабочего класса, даже во внешнем виде детей, шумящих в парке и играющих на тропинках» [13, с. 6].

Итак, журналистский дискурс английских газет полностью подержал сообщение братьев Левер относительно Порт Санлайта. Примечательно, что были отмечены следующие составляющие их проекта: 1) решение жилищного вопроса; 2) условий труда; 3) зарплаты и времени труда; 4) помещение рабочих в буржуазное публичное пространство, в котором стираются классовые различия, рабочие обуржуазиваются; 5) популяризация и становление бренда. На последние два момента обратим особенное внимание, поскольку они вплотную касаются нашей гипотезы относительно того, что Порт Санлайт является бренд-городом. Братья Левер создают пространство, в котором капитализм организуется в идеал, без конфликтов, классовой борьбы, отчуждения. Существенной составляющей этого пространства является его популяризация, выставление напоказ, произведение его в ранг общественного идеала капитализма. Бренд-город – локально организованный «остров» идеального капитализма, окруженного «морем» капиталистических противоречий. Смысл этого «острова» как раз и заключается в создании коллективно-воображаемого о бесконфликтном капитализме. Либерально-буржуазный журналистский дискурс в Англии вполне адекватно отразил эту идею саморегулирующегося, благополучного и эффективного капитализма.

В американских газетах можно также найти свидетельства о Порт Санлайте. В газете «The Evening statesman» от 13 июня 1906 года помещена заметка «Модельные города», где сказано следующее: «Без сомнения подобные сообщества [Порт Санлайт – И.И.] не могут быть построены так дешево в нашей стране [США – И.И.], как это получилось в Англии. С другой стороны, американский рабочий может позволить себе заплатить за большое число услуг и роскоши, нежели его английский собрат, если получит их благодаря разумному управлению и экономической организации. Несмотря на это, наши фабричные города являются самыми ужасными в мире» [8, с. 4]. Лейтенант Годфри Карден в качестве государственного служащего, организующего выставку машинной техники в Сент-Луисе, после ознакомления с европейским опытом, в том числе братьев Левер, указал в «The San Francisco call.» от 8 марта 1905 года на «превосходство производства продуктов этих концернов [кроме Порт Санлайта: заводы Круппа, Кэдбюри – И.И.] с экономической точки зрения по отношению к подобным производствам в Америке, тоже касается и социальных условий жизни рабочего» [9, с. 4]. О распределении прибыли и связи Порт Санлайта с решением политических задач буржуазии написал корреспондент «New-York tribune» от 15 марта 1909 года: «Оно [распределение прибыли – И.И.] превращает рабочего в маленького капиталиста, отдаляет его от профсоюзов, ослабляет интерес к политике и социализму, делая его консервативным и законопослушным» [7, с. 6]. А в «The Washington times» от 7 мая 1914 корреспондент подвел своеобразную черту отношения американской журналистики к Порт Санлайту: «Именно благодаря Порт Санлайту Англия приобрела репутацию человеческого отношения к рабочим людям. Порт Санлайт, скорее всего, самый известный и самый практически успешный модельный город в мире» [12, с. 6].

Итак, американская журналистика отметила: 1) что Порт Санлайт является примером для американского капитала; 2) благодаря Порт Санлайту Англия приобрела определенную репутацию; 3) Порт Санлайт решает политическую задачу – устранение классовой борьбы со стороны пролетариата. Сообщение Левера нашло своего адресата по ту сторону Атлантического океана, сформировав в Новом Свете бренд не только Левера как отдельного капиталиста, но и английского капитализма в целом. Стоит отметить, что и британские и американские журналисты крайне тепло отметили появление Порт Санлайта, что также подчеркивает их приверженность к либерально-буржуазным идеалам.

В целом, журналистский дискурс в Британии и США в конце XIX – начале XX века с большим оптимизмом воспринял эксперимент братьев

Левер – Порт Санлайт. Либерально-буржуазный дискурс этих газет засвидетельствовал данный опыт как возможность преодоления кризиса капитализма посредством определенной организации пространства и включения рабочего в буржуазную публичную сферу. Первоначальное сообщение братьев Левер о роли пространства в процессе обуржуазивания рабочего и развития широкой публичности их проекта обрело адекватное отражение в газетных изданиях того времени.

Літаратура

1. Ильин, И. Бренд как форма отчуждения / И. Ильин // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – Сер. «Філософія. Філософські перипетії», 2013. – № 1064. – С. 50–63.
2. Ильин, И. Бренд-город как гетеротопия / И. Ильин // Сборник научных трудов SWorld. – Выпуск 2. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2013. [Электронный ресурс] – 2014. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/konfer31/341.pdf>. – Дата доступа: 14.01.2014.
3. Ильин, И. Фальсификация товаров и возникновение капитализма бреда / И. Ильин // IV Междунар. науч.-практ. конф. «Молодые ученые в решении актуальных проблем науки». Сборник работ молодых ученых. – Ч II. - Владикавказ, 2013. - С. 245–248.
4. A new labour scheme // The North-Eastern Daily Gazette, 25.08.1890. – С. 2.
5. A visit to Port Sunlight // The Royal Cornwall Gazette Falmouth Packet, Cornish Weekly News, & General Advertiser, 09.10.1890. – с. 6.
6. Dundee Grocers at Port Sunlight // The Dundee Courier & Argus, 18.09.1897. – С. 4.
7. I.N.F. Profit sharing. A series of Promising Experiments–Business Principles / I.N.F. // New-York tribune, 15.03.1909. – С. 6.
8. «Model Towns» // The Evening statesman, 13.06.1906. – С. 4.
9. Need a lesson in economics // The San Francisco call, 08.03.1905. – С. 4.
10. Port Sunlight. A Symphony in soap // HampshireTelegraphandSussexChronicleetc, 21.06.1890. – С. 3.
11. Rowan D. Imagining Corporate Culture: The Industrial Paternalism of William Hesketh Lever at Port Sunlight, 1888-1925 / D. Rowan. – Louisiana State University, 2006. – 261 с.
12. Sunlight Towns // The Washington times, 07.06.1914. – С. 6.
13. Visit of Irish tradesman to Port Sunlight // The Belfast News-Letter, 17.09.1890. – С. 6.

Ольга Касперович

Белорусский государственный университет

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ДЕЛОВОЙ ПРЕССОЙ БЕЛАРУСИ

Развитие строительного комплекса Республики Беларусь важно как для микроэкономики страны, так и для каждого ее жителя. В стране существует проблема недостаточной обеспеченности жилыми площадями. Белорусские средства массовой информации, в том числе деловая пресса, удовлетворяют читательский запрос, отслеживают все события, происходящие в строительной отрасли страны. Прежде всего, определим, что под деловой прессой в данном случае понимаются деловые средства массовой информации универсального характера. Т.е., периодические издания, интернет-ресурсы, в которых наряду с преобладающей экономической тематикой присутствует информация из других сфер жизни общества: политики, культуры, спорта и др. Такие СМИ формируют, разъясняют и анализируют общую ситуацию в экономике и, как правило, имеют широкую аудиторию, не всегда имеющую прямое отношение к бизнесу и управлению.

Во время выступления Президента Беларуси А. Лукашенко с Посланием белорусскому народу и Национальному собранию весной 2013 года Александр Григорьевич заявил, что «сегодня наша страна – это одна большая стройка. И для этого есть все необходимые ресурсы» [1]. Огромное внимание уделяется жилищному строительству. Президент подчеркнул, что «своя квартира, свой дом, своя крыша над головой должна быть у каждой семьи. Именно поэтому в прошлые годы мы даже вопреки законам макроэкономики вкладывали колоссальные средства в строительство жилья» [1].

В деловой прессе вопросы жилищного строительства, в основном, рассматриваются в материалах рубрики «Недвижимость». Данная постоянная рубрика есть у аналитического еженедельника «Белорусы и рынок», журнала «Дело», портала Onliner, сетевых газет «Ежедневник» и «БДГ-online». Проект «Недвижимость» (REALT.TUT.BY) осенью 2013 года запустил и портал TUT.BY. В газете «Звезда» данная тема раскрывается в материалах рубрики «Жыллё». Более того, примерно раз в месяц в газете «Белорусы и рынок» выходит приложение «Экономика недвижимости», в котором дается анализ ситуации рынка недвижимости. Одной из приоритетных тем приложения является жилищное строительство. Дважды на год главной темой журнала «Дело» выби-

рается строительство и недвижимость. В 2013 году это были №№ 3 и 10. Журнал «Дело» выходит в формате b2b (business-to-business). Стоит отметить, что в этом году журнал изменил графическую концепцию и увеличился в объеме на 49 %. Так, если в 2012 году он выходил на 78 страницах, то в 2013 – на 116.

По итогам республиканского совещания по решению проблемных вопросов в строительной отрасли и совершенствованию работы с руководящими кадрами было принято решение, чтобы с 2014 года строительный комплекс Республики Беларусь начал действовать по новым правилам. Данная информация была опубликована во всех республиканских деловых и общественно-политических средствах массовой информации.

На сайте информационного агентства БелТА практически каждый день размещаются сведения об усовершенствовании деятельности национального строительного комплекса. Приведем некоторые заголовки статей на данную тему: «В Беларуси разработан полный цикл нормативного регулирования долевого строительства», «Порядок возврата средств граждан при расторжении договоров купли-продажи жилых помещений, построенных по государственному заказу, утвержден в Беларуси», «В Беларуси приняты дополнительные меры защиты прав граждан при строительстве жилья». Официальная информация БелТА тут же попадает на сайты газеты «Ежедневник», порталы Onliner и TUT.BY с ссылкой на первоисточник. Причем статьи либо не видоизменяются, либо дополняются комментариями экспертов. Газета «Белорусы и рынок» (еженедельник), журнал «Дело» (выходит раз в месяц) – СМИ, которые не нуждаются в синхронизации контента с новостным фоном. Поэтому данного рода информация становится фактами, которые кладутся в основу аналитических обзоров этих изданий.

В течение короткого времени у большинства периодических изданий появились электронные версии, что значительно позволило им привлечь более широкую аудиторию по всему миру. Помимо этого стали появляться новостные издания, существующие исключительно в интернете. Например, в Беларуси это газета «Ежедневник» (<http://www.ej.by>), интернет-портал belbiz.by (<http://bel.biz>), газета «БДГ-online» (<http://bdg.by>), которая раньше выходила как традиционное печатное издание «Белорусская деловая газета». Все они имеют сформировавшуюся аудиторию посетителей. Согласно данным исследования GemiusAudience (Fusion Panel), размер интернет-аудитории Беларуси в июле 2013 года составил 4,836 млн. человек [3].

Для того, чтобы убедиться, представляет ли интерес для читательской аудитории информация перечисленных выше изданий, обратимся к посещаемости сайтов некоторых деловых СМИ. Согласно данным системы интернет-статистики «Акавита» (<http://akavita.by>), учитывая посетителей из всех стран, за 8 месяцев (с апреля по ноябрь 2013 г.) посещаемость сетевой газеты «Ежедневник» увеличилась примерно вдвое. В апреле 2013 года у газеты было 6 579 уникальных посетителей и 27 709 просмотров страниц в сутки. В рейтинге деловых интернет-ресурсов сайт газеты занимал 12 место. В ноябре 2013 г. за день у «Ежедневника» насчитывалось в среднем 13 404 посетителя, 42 915 просмотров, аудитория – 9 953 пользователей и активная аудитория – 3 469 пользователей. В итоге сетевая газета переместилась в рейтинге на 7 место. Однако в январе 2014 г. сайт газеты оказался на 16 месте рейтинга. На 12 января 2014 г. зафиксировано 12 629 просмотров, 3 723 посетителя и активная аудитория – 3 103. Приведенные данные свидетельствуют о нестабильности читательской аудитории, что в целом не препятствует ее расширению, а значит, и более эффективному информированию населения по теме строительства.

Посещаемость информационного портала TUT.BY с февраля по ноябрь 2013 года также увеличилась примерно вдвое. По данным Google Analytics среднесуточная посещаемость портала в январе 2013 г. в будние дни составляла 536 267 уникальных посетителей и 1 715 048 просмотров страниц. За 17 ноября 2013 г. отмечено 1 293 369 посещений, за 11 января 2014 г. – 2 084 787. На портале «Onliner.by», по независимым данным Яндекс. Метрики, без учета гостевого доступа провайдеров, на 26 февраля 2013 г. было зафиксировано 859 590 посещений и 7 203 218 просмотров страниц. На 17 ноября 2013 года – 758 369 посещений и 7 082 649 просмотров страниц, за 14 января 913 030 посещений и 7 712 493 просмотров. Как видим, если к ноябрю данные остались практически без изменений, то еще за два месяца количество просмотров увеличилось почти на 700 тысяч.

Чтобы оставаться успешными в жесткой конкуренции с социальными медиа, издатели и редакторы газет экспериментируют с новыми платформами представления контента. Приложения для Android сейчас имеют многие не только деловые, но и в целом печатные СМИ, как зарубежные, так и белорусские. Например, «Financial Times», «Коммерсантъ», «Ведомости», «Народная газета», «АиФ в Беларуси» и др. Более того, самое популярное деловое издание Беларуси журнал «Дело» имеет официальное мобильное приложение доступное на App Store. Для программы не требуется постоянное подключение к Сети. Приложение

позволяет сохранять загруженные материалы и расходовать интернет-трафик только на загрузку обновлений. Чтобы перейти к веб-журналу достаточно сфотографировать смартфоном картинку с QR-кодом. Данную технологию быстрого перехода на сайт газеты используют многие печатные издания.

В октябре 2010 года австралийский исследователь Росс Доусон (Ross Dawson) опубликовал прогноз исчезновения газет [2]. По подсчетам исследователя, первой страной, где исчезнут газеты, станут США – 2017 год. Смеем предположить, что возможное исчезновение газет приведет к тому, что деловые СМИ изменят форму своего существования. Их контент окончательно уйдет в интернет. Вместе с тем, среди перечня, чем читатели будут интересоваться всегда, следует выделить жилую недвижимость.

Таким образом, имеется достаточно аргументов, чтобы предположить, что информационное обеспечение развития строительного комплекса в Беларуси останется популярным и с течением времени будет сконцентрировано в сетевых деловых изданиях.

Літаратура

1. Из стенограммы Послания Президента Александра Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/president/Stenogramma-poslanija-Prezidenta-Aleksandra-Lukashenko-beloruskomu-narodu-i-Natsionalnomu-sobraniju_i_631842.html. – Дата доступа: 19.09.2013.
2. Future Exploretion Network. Програмные сроки исчезновения газет в будущем // Newspaper extinction timeline [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.futurelib.ru/catalog/download.php?element=401>. – Дата доступа : 18.11.2013.
3. GemiusAudience: ТОП 20 сайтов в Беларуси за июль 2013 года [Электронный ресурс]. – 2014.– Режим доступа : <http://www.electroname.com/story/10718>. – Дата доступа: 12.01.2014.

Елена Кононова

Белорусский государственный университет

ДИХОТОМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ОПРЕДЕЛЕНИИ КРИТЕРИЕВ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Появление технологических новинок и интернета практически в каждом доме представляет собой относительно недавнее явление. Однако очень быстро оно поменяло поведение и привычки людей. Научные

исследования, определяющие кибернетическую зависимость человека, заставляют задуматься о том, каковы последствия подобного информационного воздействия, и что нас ждет в будущем? Чем больше мы проводим времени за отдыхом или работой в сети, тем меньше тратим его на сон или живое общение. Но как дать качественную оценку такому воздействию?

Для нахождения значений качества функции, определяемой по какому-либо критерию, применяется метод дихотомии. Дихотомическое деление является способом образования подразделов одного понятия или термина, классификации элементов, а также методом исследования в таких науках, как математика, философия, логика и лингвистика. В определении критериев информационного воздействия на человека, группу людей или общество необходимо понимать главные и второстепенные тождественные признаки, так как влияние, например, интернета как средства получения информации на различные группы и категории потребителей разнится существенно.

Зарубежные исследователи коммуникативистики уделяют внимание критериям информационного воздействия на потребителя – классифицируют аудиторию по возрастному принципу, социальной и гендерной принадлежности, образу жизни и т.д. Обращается внимание на культурную и национальную идентификацию, эволюцию межличностных, общественных отношений, психологию поколений, глобализационные и региональные процессы. Однако дихотомический подход в решении проблемы, в первую очередь, обращает внимание на положительное и отрицательное влияние общего информационного воздействия или другими словами определение свойств, связанных с определением «хорошо» или «плохо», и, таким образом, становится главным образующим принципом.

В интернете много хорошего и полезного. Но есть еще и такое, что вызывает нарекания – раздражает, возмущает, вызывает недоверие. В июне 2013 г. специалисты сайта www.Manx.com, работающего в режиме «вопрос-ответ», решили материализовать эти претензии в конкретных цифрах [1]. Они провели опрос среди 1900 взрослых американцев – тех, кто считают себя пользователями и занимаются поиском информации в интернете. Следует принять во внимание тот факт, что речь идет о серьезной качественной информации, исключающей клиентов онлайн-магазинов, развлекательных сайтов и т.д. Возможно при более широком тематическом охвате были бы другие ответы, и результаты опроса отличались от приведенных.

Итак, согласно результатам, полученным специалистами Мансх, интернет как средство получения информации оставляет желать лучшего: подавляющее количество респондентов (98%) не склонны полностью доверять интернету как легитимному источнику; 94 % участников опроса также отметили многочисленные негативные последствия плохого интернет-контента; они также отметили риск подхватить вирус по время странствий по мировой паутине (63 %); слишком большое количество навязываемой им рекламы (59 %); наличие такой информации, которая не нужна просто потому, что она устарела (56 %); наличие ненужной информации, потому что в ее основе содержится самореклама (53 %); вероятность выхода на незнакомые форумы и ресурсы (45 %); риск испортить свою репутацию при пользовании этими форумами и ресурсами (36 %); риск быть уволенным из-за сетевых ресурсов (14 %); а также риск испортить отношения с супругом или партнером из-за размещенной в интернете информации (9 %). Лишь 67 % респондентов пожаловались на то, что самым пагубным из всех качеств интернета является его поразительная способность тратить время потребителя [2].

Из недавнего опроса газеты The New York Times следует, что 34 % представителей поколения Y (люди 18–34 лет) предпочитают видео в интернете классическому телевидению. Для сравнения: такой же точки зрения придерживаются всего лишь 25 % поколения X (люди 35–49 лет), а среди более пожилых слоев населения это показатель не превышает 10 % [3]. О чем конкретно говорит эта статистика?

Человек получил больший контроль над контентом средств коммуникации. Он может сам влиять на то, что смотрит, становится активным деятелем в вещании. В результате возникает индивидуализация отношений с информационным продуктом. Кроме того, развитие персонализированных телекоммуникационных услуг полностью изменило его отношение к потреблению информации. Однако это перечеркивает общественный, организующий аспект информации. Телевидение, как до него и радио, и печать, объединяло людей. Сегодня же семьи лишь в самых редких случаях собираются вместе перед экраном, и в этом смысле интернет разъединяет поколения, провоцирует разрыв технологических знаний пользователей.

Изменения затронули и средства просмотра видео. Как следует из недавнего опроса компании Interpublic, смартфоны и планшеты серьезно конкурируют с телевидением. Такие мировые производители, как Apple и Samsung разрабатывают собственные телевизионные системы, которые будут отличаться большей интерактивностью, чем классическое телевидение. Благодаря новым технологиям зритель некоторым

образом находится в постоянном взаимодействии с тем, что он смотрит. Это напрямую связано с тенденцией к независимости и мобильности, к которым стремятся все молодые зрители. Тем самым они удовлетворяют свои личные потребности и смотрят программы по собственному выбору.

Благодаря современным гаджетам и устройствам человек может общаться в социальных сетях одновременно с потреблением информации, например, с просмотром телепередачи. Это облегчает культуру комментирования увиденного, которая весьма популярна у молодых зрителей: они могут запустить дискуссию на планшете еще до окончания программы. Кроме того, теперь они могут поставить любую передачу на паузу. Они больше не зависят от программы передач, которая раньше мешала нам заняться чем-либо другим.

Для анализа воздействия интернета на повседневную жизнь сотрудник Вашингтонского Института технологической политики Скотт Уоллсен изучил данные по поведению американцев за период с 2003 по 2012 год [4]. Для этого он рассмотрел результаты специального опроса The American Time Use Survey, в котором 13 000 человек предлагалось ответить на то, как именно они распределяют свое время с учетом количественных и качественных показателей.

Анализируя обобщенный отчет ответов на вопрос, «что мы делаем, когда находимся в сети», Скотт Уоллсен утверждает, что время, которое мы каждый день проводим в интернете ради удовольствия, возросло с 7 минут в 2003 году до 13 минут в 2012 году, т.е. почти в два раза. По его словам, 1 минута сетевых развлечений означает снижение на 0,29 минут другого отдыха, на 0,27 минут работы и на 0,12 минут сна. Иначе говоря, час в интернете означает на 16 минут меньше работы или восемь потерянных рабочих дней в году. Это провоцирует диспропорцию времени в привычной жизни людей.

По результатам исследования Скотта Уоллстена, главным развлечением в интернете являются социальные сети (Facebook, Twitter): на них приходится 22,5 % сетевых хобби в 2012 году (против всего лишь 15,8 % в 2009 году). Далее идут сетевые игры (9,8 % времени в 2012 году), электронная переписка (7,6 % времени в 2012 году). Таким образом, социальные сети становятся главным направлением развлекательной деятельности. Во Франции складывается сравнимая ситуация: в 2012 году их посещали 30 миллионов французов. По данным Национального института статистики и экономических исследований, во Франции в 2012 году 80 % населения имели выход в Интернет из дома (54 % в 2007 году и всего лишь 12 % в 2000 году) [5].

Интернет изменил не только количественное и качественное распределение рабочего времени, но и различные аспекты нашей личной жизни. Как отмечает Скотт Уоллсен, данное исследование представляет собой небольшой шаг вперед в понимании экономических и социальных последствий интернета. Данные явно указывают на увеличение времени нахождения в сети и количества людей, которые тратят время на сетевые развлечения.

Тем не менее, некоторые виды сетевой деятельности соответствуют новым вариантам «традиционных» развлечений, например, чтению газет и просмотру фильмов. Таким образом, интернет создает возможности для нового технологического существования людей, в котором старые привычки и пристрастия человека реализуются в новых формах. Кроме того, в исследовании подчеркивается, что на интернет приходится лишь малая часть всего свободного / нерабочего времени: 13 минут в день на одного американца в 2011 году – это в десять раз меньше того, что уходит на просмотр телевизора. Так, в исследовании отмечалось, что за день человек в среднем тратит на развлечения 270 минут, в том числе 56 % этого времени на телевидение. Во Франции на телевидение приходится примерно столько же времени: в 2012 году французы проводили перед голубым экраном в среднем около четырех часов в день.

В исследовании отмечается, что на самом деле влияние интернета на особые индивидуальные занятия – хобби – относительно невелико по той простой причине, что американцы уделяют ему всего две минуты в день. В то же время сеть может создать условия для общения с людьми одних и тех же интересов и, следовательно, способствовать развитию инфраструктуры отдыха и расширить культурный горизонт человека. В этом отмечается положительное воздействие интернета на реальную жизнь.

Как видим, критерии информационного воздействия на общество, несмотря на разнообразие, интерпретируются исследователями с различных позиций социологических замеров и социальных ракурсов. Прослеживается основная тенденция разделения критериев на положительные и отрицательные с точки зрения влияния интернета на потребителя. Нельзя сказать, что эти качественные показатели равновелики, каждый по-своему обоснован, проанализирован на основании конкретных данных и в дальнейшем требует хронологического обобщения, освоения следующей ступени исследования – определения устойчивых тенденций, позволяющих прогнозировать будущее.

Літаратура

1. Garber, Megan. Americans Dislike About the Internet / M. Garber // The Atlantic [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.theatlantic.com/technology/archive//2013//07>. – Дата доступа: 10.12.2013.
2. Там же.
3. Стопа, Михаэль. Психология поколений / М. Стопа // Atlantico [Электронный ресурс]. 2013. – Режим доступа: <http://www.atlantico.fr/decryptage/guerre-ecrans-jeunes/24/10/2013/> – Дата доступа: 14.12.2013.
4. Ça fait peur: comment Internet grignote nos vies // Futura-Sciences. – 2013. – № 11 [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.futura-sciences.com/magazines/high-tech/infos/actu/d/internet/06/11/2013>. – Дата доступа: 14.12.2013.
5. Там же.

Олеся Лагутина

Юго-Западный государственный университет (Россия)

PR-ТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В последние годы XX века политическая, экономическая и социальная ситуация обусловила появление и распространение в России такого вида коммуникативной деятельности, как «связи с общественностью» (публик рилейшнз, PR). В связи с происходящими в обществе процессами информационное пространство буквально заполнилось сообщениями корпоративного характера, подготовленными различными организациями или журналистами по заказу этих организаций. В этой связи встал вопрос о всестороннем изучении и описании целого корпуса текстов, функционирующих в пространстве современных PR-коммуникаций, текстов со своей особенной структурой, языковым обликом, своей системой жанров, PR-текстов.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению сущностных характеристик PR-текстов, целесообразно, на наш взгляд, дать определение собственно текста с точки зрения лингвистики. Итак, *текст* (от лат. *textus* – ‘ткань, сплетение, соединение’) – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [5, с. 273]. В семиотике под текстом понимается осмысленная последовательность любых знаковых единиц, в том числе, например, танец, обряд, ритуал [9, с. 94]. Нас же будет интересовать лингвистический подход к определению данного понятия, согласно которому текст – последовательность вербальных, т.е. словесных единиц.

И.Р. Гальперин дает следующее определение текста – «произведение речтворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с этим типом документа, произведение, состоящее из названия (заголовка), и ряда единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [3, с. 37]. В данном определении подчеркнем две важные для нашего дальнейшего исследования характеристики текста: *информативность* (текст есть определенная совокупная информация) и *коммуникативную направленность*. Кроме того, необходимой для PR характеристикой текста является понятие *открытость* или *закрытость*, то есть возможность (или соответственно невозможность) дальнейших интерпретаций.

Отталкиваясь от вышеизложенного, рассмотрим основные существующие на сегодня трактовки понятия PR-текст. Под *PR-текстом* исследователь А.Д. Кривоносов понимает «простой или комбинированный текст, инициированный базисным субъектом PR, функционирующий в пространстве публичных коммуникаций, служащий целям формирования или приращения публичного капитала данного базисного PR-субъекта, адресованный определенному сегменту общественности, обладающий скрытым (или значительно реже прямым) авторством, распространяемый путем прямой рассылки, посредством личной доставки или опосредованный через СМИ» [7, с. 49–50]. *Базисным субъектом PR* признается субъект публичной сферы, на оптимизацию коммуникационной среды которого направлена деятельность PR-структуры. *Публичный капитал* – это особый вид капитала, которым обладает рыночный субъект, функционирующий в пространстве публичных коммуникаций [7, с. 18].

В Словаре-справочнике по рекламе, связям с общественностью, средствам массовой информации PR-тексту дается следующее толкование: «PR-текст – отличается от журналистского текста тем, что в нем отражены интересы клиента и общественности. Журналист стремится к объективности, пиармен продвигает и защищает интересы организации» [10, с. 416].

Основным содержанием PR-текста является *PR-информация* – «особый тип социальной информации, которая производится в процессе деятельности социального субъекта (фирмы, организации, персоны) – базисного субъекта PR, распространяется по его же инициативе, отражает в оптимизированном виде значимые факты деятельности данного

субъекта, предназначена для определенного сегмента общественности и служит целям формирования эффективной коммуникационной среды данного социального субъекта» [7, с. 25]. Следовательно, *объектом PR-текста* или, точнее, объектом отражения PR-текста становится «некая социальная реальность, выступающая в виде организации и ее деятельности, а также первое лицо или сотрудники данной организации, информация о которых способствует формированию оптимальной коммуникационной среды организации» [7, с. 46].

Под источником *PR-текста*, или прямым базисным субъектом, понимаются:

- индивиды (политические, государственные и общественные деятели, руководители организаций, бизнес-лидеры, деятели искусств и персонажи шоу-бизнеса);
- социальные общности различных типов и уровней (социально-демографические, гендерные, социально-территориальные, этно-национальные, профессиональные и др.);
- социальные организации (предприятия, организации, учреждения, фирмы и т.д.);
- социальные институты (государственные и общественные институты: органы представительной, исполнительной и судебной власти, органы местного самоуправления, правоохранительные органы, политические партии и общественные движения) [2].

С точки зрения фиксации выделяют следующие разновидности источников PR-текстов.

Рис. 1. Источники PR-текстов

В системе публичных коммуникаций PR-текст существует в двух основных видах: как самостоятельный, *первичный*, являющийся письменным источником информирования общественности или источником

журналистского текста, не подвергшийся «обработке» СМИ, опосредуемый; и как *опосредованный* СМИ, т.е. функционирующий в публичных коммуникациях уже в виде журналистского материала.

PR-текст (наряду с журналистским и рекламным) представляет собой разновидность текстов массовой коммуникации, так как средства массовой информации, посредством которых он может распространяться, как и PR- или пресс-служба, «порождающие» данный тип текстов, являются компонентами массовой коммуникации; кроме того, PR-текст, опосредованный через СМИ, оказывается направленным массовидному адресату и имеет функции текстов массовой коммуникации [4, с. 172]. Как и другие тексты МК, PR-текст должен соответствовать следующим критериям: доступность, конкретность, лаконизм, удобство восприятия, эстетичность.

Вместе с тем необходимо обозначить разницу между тремя видами текстов: журналистским, рекламным и PR-текстом, – которая заключается прежде всего в различиях типов информации, передаваемых этими текстами. Как журналистский, рекламный, так и PR-текст оперируют некоей информацией, в основе которой лежит факт. Факт в журналистском тексте есть некая реальность, представляемая (в зависимости от жанров) как самодостаточная, или анализируемая, или «совмещенная» с образным видением ее автором. Факт в рекламном тексте подается таким образом, чтобы он оказался для потенциального потребителя (покупателя) наиболее привлекательным и стимулировал его поведенческую реакцию. Факт, лежащий в основе PR-текста – это всегда определенный «отрезок» действительности, представленный таким образом, чтобы максимально полно служить цели создания благоприятной коммуникационной среды базисного PR-субъекта. PR-текст в любом случае должен выражать идеологию фирмы, в нем должна быть выражена корпоративная миссия. В этой связи, PR определяют иногда как «ориентированную журналистику», поскольку в PR-тексте присутствуют всегда тщательно отобранные (и соответствующим образом подобранные факты) [2].

PR-текст не сообщает о новых товарах – он содержит информацию о новостных событиях в жизни базисного субъекта PR. Тексты PR всегда имеют четкую адресную аудиторию. PR-текст формирует или поддерживает публичный капитал базисного субъекта, но, в отличие от рекламного, не товара или услуги. Наконец, PR-текст, исходя их понятия «публичный капитал», не способствует реализации идей, начинаний, товаров, а ориентируется на создание благоприятной коммуникационной среды вокруг тех или иных начинаний.

В настоящее время граница между рекламными и PR-текстами не достаточно четкая. Это обусловлено как несовершенством номенклатурного аппарата в данной сфере, так и несовершенством современного российского законодательства в области СМИ и рекламы. В идеале PR-текст должен публиковаться бесплатно. Следуя букве закона, любая информация, оплачиваемая точно установленным заказчиком, становится рекламой, как и PR-текст, в таком случае становится рекламным.

В данной работе мы рассматриваем PR-текст прежде всего как текст письменный. Традиционно признаками любого письменного текста признаются следующие: *самостоятельность, связанность, целенаправленность, целостность* [13, с. 31]. Самостоятельность текста понимается как его самодостаточность, своего рода независимость от других текстов в коммуникационном процессе. С одной стороны, любой PR-текст должен быть самодостаточным в процессе коммуникации, однако самостоятельность не может быть абсолютной, так как текст реально существует в своей взаимосвязанности с целевой аудиторией. С другой стороны, отдельная часть текста может стать самодостаточной (например, некоторые части факт-листа или биографии). Именно такой признак, как связанность текста обеспечивает его понимание адресатом как единого целого.

Целенаправленность рассматривается как наличие у текста целого комплекса взаимосвязанных целей [11, с. 6]. Например, такая жанровая разновидность, как приглашение, имеет несколько целей, среди которых основными являются, конечно, информирование определенного сегмента общественности о новостном событии с целью приглашения на это событие адресной аудитории. Целостность PR-текста – это единство содержания и речевой формы текста.

Любой текст, естественно, имеет свое определенное строение, или композицию.

Композиция текста – это «подбор, группировка и распределение элементов структуры текста в их логической связанности. Композиция любого текстового произведения направлена на то, чтобы ясно и четко донести до адресной аудитории содержание текста» [1, с. 158]. Композиция PR-текста зависит прежде всего от элементов содержания и назначения текста, его адресной аудитории. Любой из PR-текстов имеет свою довольно жесткую композицию [6].

Можно также говорить об архитектонике текста – структуроопределяющей и эстетической текстовой категории: это определенная соразмерность частей PR-текста, эстетика построения текста как законченного

целого [12]. Например, мы можем говорить об определенной архитектонике такого жанра, как биография.

Любой текст должен иметь свою тему – это то главное, о чем говорится в данном речевом произведении, это и материал, организуемый в соответствии с целями и задачами текста. Для PR-текста это новостное событие, связанное с деятельностью базисного субъекта PR.

PR-текст как средство коммуникации должен отвечать определенным критериям, таким, как доступность, конкретность, удобство восприятия и для некоторых жанров (например, факт-лист) возможность оперативного отбора актуальной информации, а также эстетичность.

В PR-текстах определенным образом отражаются основные функции самих связей с общественностью, среди которых выделяют гносеологические и социологические. Первые характеризуют PR как явление, способное отражать природную и социальную реальность, а также объекты идеальной природы. Социологические функции связаны со способами включения изучаемого объекта в социальную систему. Среди группы гносеологических функций выделяют познавательную функцию и функцию конструирования публичного дискурса.

Познавательная функция PR находит свое прямое выражение в PR-тексте, который выступает в качестве источника, средства и способа социального познания.

Функция конструирования публичного дискурса заключается в производстве или трансформации существующего представления целевой группы общественности о субъекте, и PR-текст играет здесь, конечно, важнейшую роль. В теории журналистики данная функция именуется как информативная: действительно, для журналистики важнейшим представляется именно объективное информирование общественности о социально значимом событии, проблеме. В этом смысле PR-текст служит целям также информирования, но данное информирование будет оптимизированным и с заранее «просчитанным» результатом. Одной из социологических функций PR признается также информационная функция: посредством, в частности, PR-текста происходит целенаправленное информирование определенных целевых аудиторий в процессе PR-коммуникации.

Однако PR-текст – это текст опосредованный прежде всего через СМИ. В связи с этим PR-текст имеет сходные функции и с текстом журналистским. Журналистский текст имеет две основные функции: информирования (о которой мы уже говорили) и воздействия. Информативная функция текста функция передачи информации – должна предполагать

официальность, документальность, фактологичность, объективность, сдержанность. Воздействующая функция функция оказания влияния на поведение или отношение аудитории – будет реализовываться в таких критериях, как выразительность, побудительность, оценочность, эмоциональность.

Тем не менее можно выделить функции, характерные собственно для PR-текста: информирования и убеждения. Функция информирования предполагает донесение до общественности точки зрения фирмы, организации, сообщения о новостном событии. Функция убеждения (ее Г.Г. Почепцов называет функцией «косвенного воздействия» [8, с. 40]) в отличие от рекламного текста выражается в формировании с помощью текста у общественности устойчивого положительного отношения к базисному PR-субъекту.

Кроме этого некоторые жанры PR-текста будут наделены и другими функциями. Фатическая функция проявляется в поддержании коммуникативных связей (в таком жанре, как, например, поздравление); эстетическая играет определенную роль в создании художественного эффекта (например, в приглашении); экспрессивная проявляется в эмоционально-оценочном отношении автора самого текста (в жанрах, которые мы назовем оперативно-образными, например, в байлайнере). Однако основной функцией PR-текста, исходя прежде всего из определения самого PR как коммуникационного менеджмента, следует признать информативную.

Преобладание той или иной функции или их сочетание и будет диктовать жанровую природу PR-текста.

Итак, под PR-текстом мы понимаем любой текст, несущий на себе функции PR, предназначенный как для внутренней, так и для внешней общественности и распространяемый либо через СМИ, либо путем прямой адресной рассылки. Базисными категориями для определения PR-текста являются следующие понятия: базисный субъект PR, публицитный капитал, объект PR-текста, PR-информация, источники PR-текстов.

Кроме того, нами были выделены следующие функции PR-текстов: гносеологическая, социологическая, функция конструирования публичного дискурса, информирования и убеждения, фатическая, эстетическая, экспрессивная.

Литература

1. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Г. Риторика и культура речи / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 544 с.

2. Ворошилов, В.В. Журналистика и бизнес: Реклама и «паблик рилейшнз» в структуре массовой информации / В.В. Ворошилов. – СПб.: Союз, 1993. – 146 с.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
4. Доти, Д. Паблисити и паблик рилейшнз / Д. Доти. – М.: Информац.-изд. дом «Филинь», 1996. – 280 с. с.
5. Зарецкая, Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации / Е.Н. Зарецкая. – М.: Дело, 1999. – 480 с.
6. Иванова, К.А. Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов / К.А. Иванова. – СПб.: Питер, 2005. – 144 с.
7. Кривоносов, А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А.Д. Кривоносов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 254 с.
8. Почепцов, Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002. – 624 с.
9. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов.. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. – 656 с.
10. Словарь-справочник по рекламе, связям с общественностью, средствам массовой информации. – СПб.: Питер, 1998. – 548 с.
11. Тулупов, В.В. Связи с общественностью в системе коммуникаций (паблик рилейшнз – журналистика – реклама) / Связи с общественностью. Базовые понятия. Под ред. В.В. Тулупова и Ю.Л. Полевого. – Воронеж: Изд-во Кварта, 2003. – 320 с.
12. Федотова, Л.Н. Паблик рилейшнз и общественное мнение / Л.Н. Федотова. – СПб.: Питер, 2003. – 352 с.
13. Хазагеро, Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика / Г.Г. Хазагеро, И.Б. Лобанов. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 384 с.

Ирина Сидорская

Белорусский государственный университет

ОСВЕЩЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В БЕЛОРУССКИХ СМИ: СЛОЖНОСТИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Тема любого журналистского материала – общественные проблемы. Все журналисты, невзирая на специфику массмедиа, в которых работают или с которыми сотрудничают, – на их формат, редакционную политику и форму собственности, а также на свое место в организационной иерархии и личные тематические и жанровые приоритеты – пишут и снимают о том, что интересует и волнует их аудиторию. Иначе нельзя – противоречит сущности средств массовой информации, миссии журналистики, здравому смыслу, наконец.

Аудитория СМИ – не просто «люди», а женщины и мужчины, молодые и пожилые, с различным уровнем образования, работающие в разных секторах экономики и пока/уже не работающие, разного вероисповедания и принадлежащие к разным культурам и вообще – разные: по своим ценностям, предпочтениям, установкам, взглядам на жизнь.

Если почти все характеристики аудитории (возраст, профессия, социальный статус, место жительства и др.) подвижны или даже условны, то свойство быть мужчиной или быть женщиной присуще личности на протяжении всей жизни. Это означает, что проблемы мужчин и женщин будут постоянно сохранять высокую степень актуальности. Содержание этих проблем может меняться в соответствии с другими характеристиками личности, но как таковые они останутся важными и приоритетными. Поэтому журналистские материалы, связанные с тем, что мы живем и проявляем себя в обществе не просто как люди, а как мужчины или как женщины, будут актуальны и востребованы аудиторией всегда.

Как белорусские СМИ выполняют сегодня этот социальный заказ?

К сожалению, в своих материалах мы уже отмечали некорректное и даже неграмотное освещение гендерной проблематики большинством белорусских средств массовой информации, независимо от их тематических приоритетов, формата, редакционной политики, формы собственности и т.д. [4, с. 396–397], [5, с. 128–130].

Гендерная проблематика (как в широком, так и в узком смысле) представлена в отечественных СМИ шаблонно, однобоко и консервативно. Преобладают патриархальный подход к роли мужчин и женщин в личной и общественной жизни, «двойные стандарты» в оценке их успешности, консервация отживших, негативных стереотипов; встречаются и откровенно сексистские (дискриминирующие по признаку пола) материалы. Анализ печатных и электронных СМИ, проводившийся в разное время, выявил парадоксальные тенденции: возрастание патриархальных ценностей с одной стороны, а с другой – сексуализацию и коммерциализацию женского образа во всех СМИ. Жизнь белорусской женщины в массмедийном информационном пространстве поляризована и заключена между замужеством, материнством, красотой и сексуальностью. Женщина в СМИ ассоциируется с гламуром, чрезмерным вниманием к своей внешности, стремлением к заботе о муже и детях, отсутствием профессиональных амбиций и интереса к общественной деятельности. Нечасто встречающиеся образы работающих женщин предельно шаблонны: они сегрегированы по профессиям (так, представительницы одних профессий могут быть героинями медиатекстов,

других – нет), по возрасту (приоритет отдается молодым), профессиональные достижения обязательно подкрепляются уверениями журналистов в том, что героиня хорошо выглядит, совмещает обязанности сотрудницы с обязанностями жены и матери и т.д. Исследования также выявляют повышенный интерес СМИ к маргинализации «женского» – женской преступности, алкоголизму, проституции. Что же касается мужчин, то белорусское медийное пространство традиционно ориентирует их на карьеру, зарабатывание денег, отказывая мужчинам в таких образах, как, например, верный муж, заботливый отец. Современный мужчина предстает в СМИ в образе удачливого бизнесмена, супермена, для которого эмоциональные проблемы, сомнения в своих возможностях и забота о здоровье несвойственны и даже постыдны, склонного к полигамии и часто агрессивного.

В тех случаях, когда гендерные отношения не являются основной темой материала, они проявляются в использовании приемов визуализации, фразеологизмов, пословиц и поговорок патриархатного или сексистского характера, а также в гендерной асимметрии лексических и грамматических форм, свойственной русскому и белорусскому языкам. Даже в СМИ, основной аудиторией которых являются женщины, можно встретить унижающие достоинство женщин анекдоты, некорректную рекламу.

Таковы современные образы «настоящего мужчины» и «настоящей женщины», преобладающие в том числе и в гендерно ориентированных изданиях. Конструируя их, СМИ играют значительную роль в реанимации устаревшего гендерного порядка, транслируют представления о традиционных гендерных моделях, что гарантирует серьезные противоречия в отношениях современных мужчин и женщин. Но что еще опасней – общество не представляет реальной ситуации в сфере гендера, не знает действительно актуальных гендерных проблем, значимость которых журналисты недооценивают, а потому умалчивают или не договаривают о них [1, с. 23–24], [2, с. 585–588].

В настоящее время в белорусских массмедиа стихийно сформировались два равно негативных подхода к освещению гендерных проблем в СМИ.

Первый заключается в обсуждении гендерной тематики исключительно в формате «за» или «против»: должно ли явление существовать (например, должны ли отцы брать отпуск по уходу за ребенком или должны ли женщины служить в армии), или его надо запретить; если запретить не удастся, как маркировать данное явление – позитивно или негативно. Такое обсуждение концентрируется исключительно

вокруг моральных аспектов темы, оставляя вне зоны рассмотрения все остальные: социально-экономические, политические, культурные. Более правильной и, безусловно, более полезной для своего оптимального решения была бы стратегия демонстрации гендерных проблем во всей их сложности, многогранности, как не имеющих мгновенных и очевидных решений. Недопустимо в принципе в журналистских материалах предлагать простые решения сложных проблем! К сожалению, иногда складывается впечатление, что сложная жизненная ситуация, связанная с гендерными отношениями, – не более чем информационный повод для повышения тиражей, рейтингов и количества просмотров, способ увеличения «зрелищности» (чем особенно злоупотребляют электронные медиа). В качестве примера приведем состоявшуюся 29 апреля 2013 г. на канале ОНТ программу «Открытый формат», которая была посвящена теме прерывания беременности и называлась «Обычная операция или убийство человека: что для вас значит аборт?». Такая формулировка, во-первых, заведомо упрощает и огрубляет эту сложную, нравственно и социально напряженную ситуацию, во-вторых, вносит дополнительный эмоциональный заряд, маркируя проблему как выбор из двух равно неприемлемых альтернатив. Рассмотрение проблемы в таком ракурсе изначально «снижает планку» ее возможного обсуждения, превращаясь в открытый клапан для выхода негативных эмоций, причем не происходит главного – диалога, и во время, и после передачи как ее участники, так и телезрители остаются при своем мнении, не услышав ни одного из доводов оппонентов.

Вторая опасность – это рассмотрение гендерной проблематики в русле традиционалистских подходов к женским и мужским социальным ролям, отождествление ее с любыми вопросами, так или иначе связанными с «природным предназначением» того или иного пола. Тогда любая традиционная для региональной прессы рубрика, например, «Хозяйка в доме» (с соответствующим содержанием: кулинарные рецепты, технологии работы по домашнему хозяйству и на приусадебном участке, советы косметолога и т.д.), адресованная, конечно, женщине, может выдаваться за деятельность по освещению государственной политики в области гендерного равенства.

Например, вот какая информация была представлена экспертной рабочей группой по вопросам реализации гендерной политики при Гродненском областном исполнительном комитете к заседанию Национального совета по гендерному равенству в июне 2013 г. о выполнении Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Гродненской области в 2012 году: «Государственные средства массовой

информации области всесторонне освещали ход выполнения в 2012 г. Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства. На страницах газет, в радио- и телеэфирах основное внимание уделяется созданию цельного нестереотипного образа женщины, ее роли в укреплении семьи, нравственных устоев и социальной стабильности в обществе... В отдельных газетах выпускаются постоянные странички, в которых освещаются гендерные проблемы: «Родительская суббота» («Гродзенская праўда»), «Хозяйка в доме» («Воранаўская газета»), «Гасцінец» («Свіслацкая газета»), «Абранніца», «Дом, дзе мы жывем» («Праца», Зельва), «ОтДУШИна» («Наш час», Волковыск), «Рэчанька» («Польмя», Кореличи), «Крынічка» («Астравецкая праўда»), «Ошмяночка» («Ашмянскі веснік»), «Сябрына» («Дзянніца», Щучин) и др.» [3]. Построенные на основе представлений об «истинном предназначении» женщин и мужчин, их социальных ролей (что ярко проявляется, в том числе, и на уровне языка, в использовании уменьшительно-ласкательных суффиксов для обозначения женских социальных ролей), такие материалы лишь закрепляют устаревшие патриархатные стереотипы.

Одной из главных причин сложившегося положения по освещению в белорусских СМИ темы гендера является отсутствие полноценной и эффективной обратной связи между СМИ и аудиторией. Полагая себя несравнимо образованнее, умнее, «продвинутое» своей аудитории, журналисты, тем самым, не могут установить с ней гармоничную двустороннюю коммуникацию, а заведомо ограничиваются либо поучением, либо развлечением. До тех пор, пока обратной связью в массмедиа будет считаться количество просмотров темы или откликов на нее, а также их эмоциональность (!), а не степень восприятия и понимания содержания сообщений, мы будем наблюдать одну и ту же картину: стремление СМИ к гиперболизации и поляризации мнений, к повышенной конфликтности в ущерб возможностям и миссии (!) журналистики решать сложные социальные проблемы, одной из которых является гендер, налаживать взаимопонимание, искать консенсус.

Что в действительности стоит обсуждать в средствах массовой информации?

Тема гендерного равенства предоставляет журналистам практически безграничные возможности для реализации своего творческого потенциала. Сама жизнь ежедневно преподносит многочисленные информационные поводы, связанные с различными сферами жизни и деятельности современных мужчин и женщин. Это могут быть происходящие события (например, открытие в городе кризисного центра для пострадавших

давших от домашнего насилия или презентация социологического исследования, посвященного экономическим аспектам гендера), на основе которых создаются репортажи, информационные материалы, заметки, корреспонденции, интервью. Также это могут быть истории из жизни, в том числе самих журналистов, так как мы проявляем себя в обществе не просто как люди, а как мужчины и женщины, т.е. все наши поступки имеют гендерное измерение. Поэтому любые повседневные действия: покупка продуктов в магазине (что покупают мужчины и что женщины, существует ли разница в их продуктовых корзинах, если существует, почему и к чему она может привести), посещение поликлиники (кого там больше – мужчин или женщин – среди пациентов и среди персонала, почему, какие выводы из этого можно сделать), дорога на работу и наблюдение за поведением водителей и пешеходов – не просто «людей», а женщин и мужчин, фиксация внимания на расположенных по пути рекламных биллбордах – свободны ли они от гендерных стереотипов либо, напротив, усиленно их конструируют – все это может явиться непосредственным информационным поводом для журналистского материала на гендерную тему.

Наличие в календаре определенных дат – Международного женского дня, Международного дня пожилых людей, Международного дня борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин и др. – позволяет подготовить обзорные, аналитические материалы, посвященные, в частности, деятельности женских общественных организаций, особенностях социальных проблем пожилых женщин и мужчин, профессиональным достижениям белорусских женщин.

Тема гендера располагает к созданию дискуссионных, проблемных материалов, посвященных, например, гендерным стереотипам в культуре, роли гендера в рекламной коммуникации, в конструировании рекламных и массмедийных образов современных женщин и мужчин.

Наличие многочисленных и разнообразных информационных поводов делает гендерную тему подходящей для непрерывного освещения в формате постоянных рубрик и авторских колонок с периодичностью не реже раза в неделю. Социальная актуальность тематики вместе с творческим и профессиональным подходом к ее освещению сделают такие рубрики и колонки популярными у аудитории, повысят количество и качество обратной связи с ней.

Источниками информации по гендерной тематике могут быть, прежде всего, женские общественные организации, чиновники разного уровня, реализующие государственную политику в области гендерного равенства, исследователи гендерных проблем.

Гендерная тематика позволяет организовывать большое количество специальных мероприятий – пресс-конференций, брифингов, круглых столов, пресс-ланчей, на которых журналисты могут получить актуальную, достоверную, эксклюзивную информацию, комментарии и прогнозы экспертов.

Основными тематическими приоритетами должны стать следующие:

1. политика, принятие решений и гендерное равенство;
2. трудовые права женщин и мужчин, гендерный аспект безработицы и предпринимательства;
3. личностное становление и самореализация мужчин и женщин в контексте гендерного равенства;
4. репродуктивные права женщин и мужчин;
5. семья в контексте гендерного равенства, в том числе проблема домашнего насилия;
6. гендерные стереотипы в современной культуре.

Например, тема «Семья в контексте гендерного равенства» позволяет обратить внимание общества на гендерное неравенство в распределении домашних обязанностей. Так, несмотря на быстрый рост занятости женщин в производстве и относительную активизацию их участия в политике, они затрачивают на работу по покупке продуктов питания, приготовлению пищи, уборке квартиры и пр. в 5–10 раз больше времени, чем мужчины. В результате совокупная нагрузка женщин (работа плюс дом) составляет в среднем на 16 часов в неделю больше, чем у мужчин [6]. Мера участия мужчин и женщин в «невидимых видах» домашнего труда неравноценна: у женщин неоплачиваемый домашний труд занимает значительно больше усилий и времени, чем у мужчин.

Интересна и перспективна тема гендерных проблем здравоохранения: кто чаще и более длительный срок болеет: мужчины или женщины; существуют ли «женские» и «мужские» болезни; как происходит государственное финансирование сферы здравоохранения в соответствии с гендером; как ведут себя в ситуации заболевания мужчины и женщины, чье поведение в большей мере способствует профилактике заболеваний и/или скорейшему выздоровлению и др. В этой теме можно выделить отдельные вопросы:

- пол, гендер и здоровье: современные подходы;
- здоровье белорусского населения в гендерном измерении;
- система здравоохранения как фактор здоровья женщин и мужчин;
- индикаторы гендерного равенства в сфере охраны здоровья;

- гендерный подход и социальная политика в сфере охраны здоровья;
 - медицинские услуги, потребности в здоровье и гендерные стереотипы;
 - гендерный анализ реформирования здравоохранения;
 - доступ к медицинским услугам: гендерный аспект;
 - гендерные различия в показателях здоровья и оценка потребностей в медицинских услугах;
 - причины и механизмы спада рождаемости;
 - репродуктивные права и здоровье мужчин;
 - проблемы современного акушерства и здоровье женщин.
- Обладает значительным потенциалом и тема, связанная с гендерными проблемами образования:
- образование и гендерное равенство: экспертиза школьных учебников;
 - гендерная социализация в системе образования: скрытый учебный план;
 - равенство прав на образование как проблема гендерной политики;
 - гендерные аспекты экономической отдачи платного высшего образования;
 - молодые специалисты на рынке труда: гендерный аспект;
 - мотивация дополнительного образования: гендерный аспект;
 - развитие и распространение гендерных знаний и гендерного образования в Беларуси.

Таким образом, освещение гендерной тематики в средствах массовой информации позволяет опираться на опыт повседневной жизни, использовать многочисленные информационные поводы, как «естественные», так и специально сконструированные, создавать разножанровые материалы, вести постоянные рубрики и колонки.

Корректно освещать гендерную проблематику в СМИ – это не значит писать преимущественно или только о женщинах, или писать о женщинах только позитивно. Создавать гендерно корректные материалы – это с точки зрения принципов гендерного равенства писать о реально существующих в обществе проблемах: бедности и дискриминации при гендерном разделении труда, домашнем насилии, состоянии репродуктивного здоровья женщин и мужчин, сохранении в общественном сознании традиционных гендерных стереотипов и др., и способах их решения.

Літаратура

1. Введение в гендерные исследования: учеб. пособие для студентов вузов / Костикова и др.; под общ. ред. И.В. Костиковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2005.
2. Горошко, Е.И. Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении: монография / Е.И. Горошко. – Х.: ФЛП Либуркина Л.М., 2009.
3. Информация о выполнении Национального Плана действий по обеспечению гендерного равенства в Гродненской области в 2012 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://trud.grodno-region.by/tu/gender_politika
4. Сидорская, И.В. Экспертное мнение по гендерной тематике: «ахиллесова пята» современной журналистики / И.В. Сидорская // Журналистика в 2012 году: социальная миссия и профессия: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конференции. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013. – С. 396–397;
5. Сидорская, И.В. Гендер в СМИ: конфликт между индивидуальным и общественным сознанием / И.В. Сидорская // «Журналистыка–2013: стан, праблемы і перспектывы»: матэрыялы 15-й Міжнар. навук.-практ. канф. 5-6 снежня 2013 г., Мінск / рэдкал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Вып. 15. – Мінск, 2013. – С. 128–130.
6. Смирнова, О.В. Интеграция гендерного подхода в журналистское образование: российский контекст / О.В. Смирнова // Медиаскоп: Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – Выпуск 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.mediascope.ru/node/963>.

Галина Соколова

Московский педагогический государственный университет

ВИДЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОММУНИКАНТА

Древнегреческий поэт Софокл, говорил, что с помощью слова можно и наградить человека, и убить его же. Ведь для общения людей необходим язык. С его помощью оказывается речевое воздействие. Это могут быть самые разнообразные способы речевого общения в разных странах, какие-то мимические знаки, специализированные языки, на которых разговаривают, например, глухие или слепые. Наукой давно доказано, что с помощью языка происходит не только общение и обмен информацией, но и воздействие на собеседника. Мы говорим не только для того, чтобы выразить и продемонстрировать свои мысли и чувства, но и чтобы подействовать на других людей. Ведь воздействие является одной

из трех общественных функций языка, выделенных В.В.Виноградовым. На первом месте он отмечает сообщение, на втором – общение, а на третьем – воздействие. Тексты, которыми люди обмениваются в процессе общения, в первую очередь выполняют функцию сообщения и одновременно являются воздействующими, определяющими дальнейшее поведение коммуникантов.

В современной науке воздействующая сила речи рассматривается не только в лингвистике, но и в ряде смежных дисциплин: риторике, психологии, психолингвистике, социолингвистике, теории массовой коммуникации, социологии и т.д. Вопросы теории речевого воздействия рассматриваются при создании эффективной рекламы, в бизнесе и пиаре.

И каждое речевое воздействие представляет собой систему действий, имеющих своей целью повлиять на что-то или кого-то. Это процесс влияния на сознание и деятельность адресата с помощью выбора специальных языковых средств. Результатом любого речевого общения может быть не только донесение до собеседника какой-то новой информации, а также и перестройка индивидуального сознания речевого партнера, изменение его эмоционального сознания, поведения, отношения к мировым реалиям.

Все речевые воздействия в современной лингвистике подразделяются на следующие типы:

Прямое речевое воздействие.

Косвенное речевое воздействие.

Скрытое речевое воздействие.

Открытое или прямое речевое воздействие осуществляется по принципу «стимул – реакция» и соответствует прямым (открытым) целям отправителя. Этот вид речевого воздействия побуждает собеседников к точным, конкретным и быстрым реакциям. Тогда поведение и манера общения участников коммуникации осуществляется путем побуждения к ответу на вопросы, к сообщению каких-либо конкретных сведений или к выполнению каких-либо советов, просьб, пожеланий или даже приказаний коммуникантов. Они могут выражаться как в СМИ (призывах, лозунгах, рекламах), так и в живой беседе, непосредственном общении, например, родителей и детей, учителя и его учеников. Например, во время разговора по телефону одна подруга задает конкретный вопрос другой: «Мы сможем встретиться завтра в 18 часов на улице Покровка и пойти в кафе «Кофе-Бин», чтобы обсудить мою будущую поездку в Италию?». Другая подруга с радостью соглашается: «Да, конечно, я буду очень рада увидеться и поговорить!». Прямое речевое воздействие и его цель обычно легко осознаются как получателем, так и отправителем сообщения.

Косвенное речевое воздействие осуществляется при продуманном и осознанном выборе отправителем языковых средств. Ведь общеизвестно, что тексты в зависимости от их строения, стилистики, синтаксической структуры предложений, употребления различных форм и времен глаголов и т.д. содержат большое количество дополнительной информации, о которой говорящий как бы и не сообщает, а слушающий достаточно легко ее воспринимает и анализирует. Внутри общества и внутри различных социальных и профессиональных групп существуют определенные формы поведения, психологические привычки и нормы и обязательно соответствующие им правила речевого поведения.

Примером непрямого косвенного речевого воздействия может служить использование лексических единиц, содержащих оценочную информацию. Например, если двум группам пожилых людей, имеющих достаточно высокий уровень образования и определенный интерес к политике, задать один и тот же вопрос, формулируя его различными способами, то и результат ответа также будет не идентичным. Первой группе испытуемых задали вопрос: «Хотели бы Вы полностью изменить наши законы так, чтобы срок пребывания президента на своем посту увеличился до десяти лет?» Второй группе предложили другую формулировку такого же по смыслу вопроса: «Предпочли бы Вы, чтобы полномочия президента длились десять лет вместо существующих четырех?» По итогам исследования был сделан вывод, что в первой группе такой проект поддержали гораздо меньше людей, чем во второй. Чем же это объясняется? Что собственно так сильно изменилось в формулировке вопроса? Психолингвисты считают, что виновато слово «изменить», тем более словосочетание «полностью изменить». Ведь опрашиваемые были людьми с высоким уровнем образования и достаточно пожилого возраста. У такой категории людей выражение «полностью изменить» обычно вызывает ощущение тревоги, неуверенности, дискомфорта или даже страха. И если молодежь с удовольствием идет на какие-то изменения в своей жизни и свободно совершает рискованные поступки, то у людей более старшего возраста постепенно пропадает желание экспериментировать и что-то кардинально менять в своей жизни. Соответственно люди старшего поколения инстинктивно относятся враждебно и настороженно и к самому глаголу «изменить», тем более «полностью изменить». Данный пример иллюстрирует положение о том, что воздействие посредством языка осуществляется не только эксплицитно, через оценочные высказывания, но и имплицитно, - различными языковыми средствами, содержащими только определенный социально обусловленный оценочный компонент. И оценка осуществляется практически

незаметно для коммуникантов, вызывая тем не менее у них определенное настроение, состояние и в какой-то степени обуславливая их дальнейшее поведение.

Следующий вид не прямой речевой информации – это скрытое речевое воздействие. Оно сообщает об индивидуальных особенностях речи и мышления отправителя, а, значит, позволяет демонстрировать и диагностировать в какой-то степени и его личные качества. Под скрытым речевым воздействием понимается скрытая интенция, которую никто из коммуникантов – ни говорящий, ни слушающий не осознает, несмотря на то, что говорящий/пишущий ее актуализирует, а слушающий/читающий ее воспринимает и анализирует. Внимание коммуникантов сосредоточено только на содержании информации, а скрытое воздействие осуществляется на неосознаваемом или не понятом самим воспринимающим коммуникантом уровне в результате автоматизированной актуализации автором текста лингвистических единиц. Можно рассмотреть следующий пример. Сотрудники делятся друг с другом впечатлениями о прошедших выходных. Дмитрий говорит: «Вчера я шел по Тверской улице и встретил Евгения». Коллега Дмитрия Виктор добавляет: «Вчера я иду по Тверской улице и встречаю Евгения». В этих двух высказываниях не нарушена семантика, то есть адекватность объективной реальности, не нарушена синтактика, то есть оба предложения грамматически корректны, ни, наконец, прагматика, так как коммуникация между говорящими также явно выделена. И тогда возникает вопрос: чем же определяется выбор различных временных форм и о чем этот выбор говорит слушающему? Проанализировав оба этих высказывания, психолингвисты делают следующий вывод: для Дмитрия встреча с Евгением не является столь значимой, как для Виктора. Дмитрий говорит о ней в прошедшем времени, как о законченном явлении, которое осталось в прошлом, а Виктор настолько впечатлен этой встречей, что, несмотря на то, что прошли уже сутки, он снова и снова возвращается своими мыслями к этому событию, и поэтому, рассказывая о нем, употребляет настоящее время. В традиционной лингвистике такое явление называется «историческим презенсом» или «употреблением сознания во времени».

Рассмотрим пример из научного текста:

- Я рассматриваю это явление как...
- Мы рассматриваем это явление как...
- Можно рассмотреть это явление как...
- Давайте рассмотрим это явление как...

Безусловно, все приведенные высказывания семантически адекватны, в них предпринимается попытка анализа явления. Все высказыва-

ния синтаксически корректны, грамматическая правильность тоже нигде не нарушена. Все эти высказывания можно использовать в одной и той же речевой ситуации, они уместны и преследуют одну и ту же цель. Разница между приведенными примерами состоит лишь в том, что в них актуализируется различное скрытое грамматическое значение, выявляющее разную степень участия коммуникантов в речевом акте.

Таким образом, под скрытым значением понимается неосознаваемая актуализация отправителем текста скрытых грамматических и текстуальных значений. И самое главное, что воздействующая прагматическая функция – это важная часть коммуникативной функции, и она выступает обязательной составляющей любого речевого общения.

Я, работая в педагогическом вузе, хочу подчеркнуть, что преподавателям необходимо уметь использовать в своей работе все три типа речевого воздействия, так как во время обучения студентов, в зависимости от структуры, цели и задач занятия, важно уметь правильно выбрать необходимый способ речевого воздействия, чтобы донести иногда прямые, конкретные знания, иногда какую-то косвенную, подтекстовую информацию, а иногда раскрыть какое-то скрытое значение и дополнительный грамматический или лексический смысл.

Літаратура

1. Виноградов, В.В. Проблемы русской стилистики / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1981.
2. Щепанская, Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры / Т.В. Щепанская. – М.: изд-во ОГИ, 2004.
3. Якшин, К.С. Особенности речи преподавателя / К.С. Якшин. – М.: изд-во «Лагуна», 2002.

Виктор Шимолін

Белорусский государственный университет

СТИЛИСТИКА ОБРАЗА ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ФОТОГРАФИИ В ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Движение – это жизнь: *mobilevitaest*. В фотожурналистике постоянно приходится искать и находить пропорции между изображением и словом, отражать объективную реальность в словесных и зримых образах. Американский фотограф Ансел Адамс тонко выразил прямую связь между словом и изображением. «Если слова станут невнятными, – отмечал он, – я прибегну к фотографиям. Если и они станут несостоятельными, я довольствуюсь тишиной». Этот захватывающий и мучительный

процесс творчества продолжается в современной фотожурналистике, которая объединила изображение и слово. В слиянии первого со вторым рождается образ, который лишь усиливает воздействие отражаемого на сознание читателя, формирует его убеждения, укрепляет духовные силы. Или производит противоположный эффект, когда в изображении и авторском замысле заложен деструктивный аспект. Любой характер фотосъемки, репортажный или постановочный, диктует необходимость свободного и самостоятельного выбора, неизбежность принятия решения и ответственность журналиста, который должен выбирать и отстаивать собственную позицию. К тому же фотоизображение не бесстрастно, если выбор изображения в кадре определяется авторской позицией.

Движущей силой и основой творческого процесса выступает «эго» - авторское «я». Таковы особенности творческого процесса: «я» начинает жить самостоятельно, как только труд завершен. Людям творческих профессий знакомо чувство отстраненности от созданного ими произведения.

Публикация увидела свет: «Неужели это сотворил я?» - удивляется автор. Фотография и текст, скульптура, картина на холсте, архитектурное сооружение представляют собой законченный «продукт», к которому уже ничего нельзя добавить, отнять или изменить. Зигмунд Фрейд определяя авторское «я», как часть человеческой личности, которая осознается как я и находится в контакте с окружающим миром посредством восприятия. Я, по Фрейду, осуществляет исполнительные функции, являясь посредником между внешним и внутренним миром.

Основа фотожурналистики – духовное творчество, отражающее социальную и идеологическую позицию журналиста, которое через авторское «я» неизменно присутствует во всех ее жанрах. Такова диалектика бытия, которую Юрий Рост в эссе о Викторе Шкловском сформулировал так: «Ведь в жизни, как и на арене (или, наоборот – на арене, как в жизни) порой поддаешься менее достойному, избегая борьбы, чтобы потом поддалась тебе. И проигрываешь себе».

Находясь в эпицентре события, фоторепортер излагает не только сюжет происходящего, но передает читателям собственные эмоции, переживания, ощущения в энергичном и напористом стиле, в зримых образах. Отметим, однако, характерную особенность: в информационных жанрах фотожурналистики образность практически отсутствует из-за специфики их жизни на газетной полосе. И, наоборот; в аналитических и художественно-публицистических публикациях – она проявляется ярко, предметно. Что и доказывают прекрасные образцы журналистского творчества мастеров слова и объектива XX в. Владимира Гиляровско-

го, Эгона Киша, Михаила Кольцова, Юрия Роста. Главный герой их произведений – сильная, незаурядная личность, попавшая в критическую ситуацию и сумевшая переломить ход события, найти верное решение.

Традиции прошлого не умирают. Их подхватили и приумножили на протяжении своей карьеры мастера белорусской фотожурналистики Владимир Лупейко, Михаил Минкович, Александр Дитлов, Лев Попкович, Константин Якубович, Евгений Козюля, Юрий Иванов, Евгений Песецкий, Виктор Драчев, Григорий Кадет, Юрий Захаров. Их творчество, как и творчество большинства их менее заметных коллег, сугубо индивидуально, однако имеет общие черты. Выполняя редакционное задание мастера светописи, стремятся проникнуть в суть явления, понять душу визави, раскрыть его характер средствами фотографии. В единстве разных стилей и авторских почерков рождается образная картина окружающего нас мира во всем его многообразии, действии и динамике. Решать поставленные задачи помогают исторические знания, владение предметом съемки, доброжелательное отношение к окружающим, открытое стремление понять их чувства, настроение и максимально правдиво отразить увиденное через собственное восприятие с помощью фототехники.

Если в новом столетии можно говорить о засорении Всемирной сети множеством любительских фотографий, то уроки прошлого века учат тщательному отбору иллюстративного материала. Героем фотоочерка в периодической печати советского периода отечественной истории мог стать только человек с «набором» позитивных достоинств, как тогда говорили, «чистый как стеклышко». А сама публикация приравнивалась к одной из форм морального поощрения.

Подобные установки создавали образцы для массового подражания, удобные всем трафареты. Однако появился Родченко, легкость и плавность линий в композициях его работ, знаменитый ракурс заменили тяжеловесные штампы постановочных портретов, с которых смотрели на читателей окаменевшие лица ударников сельской нивы и стахановцев промышленного производства, устремившие взоры в светлую даль на фоне партийной и государственной атрибутики. Стиль и моду газетных публикаций, в том числе и фотографии, диктовали соответствующие постановления съездов и пленумов ЦК, в которых журналистов именовали не иначе как «приводными ремнями» партии, «бойцами идеологического фронта».

Подобные установки, правила становились удобным трафаретом, штампом, но сдерживали инициативу. Подписи под газетными и журнальными снимками отличались чрезмерными лаконизмом, скудостью

мысли, идеологическими штампами. Даже в текстовке перед фамилией героя снимка в обязательном порядке указывалась его политическая ориентация – член партии, комсомолец, член профсоюза, затем шло название профессии, ранг и место в социалистическом соревновании – стахановец, ударник коммунистического труда, производственный разряд, результативность труда – процентное выполнение норм выработки в смену, за неделю, месяц и т. д.

Подобный подход к отражению объективной реальности диктовал особый, постановочный характер съемки. Фотографировать таким способом, с сожалением отмечал Александр Родченко, «легко и просто».

И все же правда жизни пробивалась на свет, как травинка сквозь асфальт. Фотокадры, которые даже через сито цензуры попадали на газетные страницы, в книги, альбомы или журналы, становились фотолетописью целой эпохи. Они и сегодня убеждают, что фотография в фотожурналистике выполняет не только документальную функцию, фиксируя этапы развития общества, но и художественную, поскольку отражает в образной форме характеры, манеру поведения и настроение участников события в соответствии с его развитием.

Без преувеличения можно сказать, что серия фотографий на тему Великой Отечественной войны Михаила Петровича Ананьина принесла ему широкую известность. Непосредственный ее участник, отснявший сотни метров фотопленки, самую знаменитую фотографию он сделал уже в мирное время. Сюжет прост, как и все гениальное: бывший защитник Брестской крепости, отложив в сторону костыли, оплакивает на руинах павших боевых друзей. Образ войны для фоторепортера воплотился в одном снимке, поскольку стал символом Победы.

Художественный и документальный образы в жанрах фотожурналистики сливаются благодаря двойственной природе фотоизображения, которое не только фиксирует персонаж, обстановку, действие, предмет, и в этой ипостаси выступая документом, но и достигает высот художественной выразительности, оказывая сильнейшее эмоциональное психологическое воздействие на зрительское восприятие.

Известный афоризм «Талант охотится за красотой» можно применить к художественно-публицистическим жанрам фотожурналистики, в которых именно фотография, сочетающая в себе документальность и художественность образа, оказывает сильнейшее воздействие на психологию восприятия. Как отметил Н.М. Ильин, «эстетические потребности людей становятся одним из духовных стимулов познания и утверждения красоты, постижения ценности предметов и явлений окружающего мира» [1, с. 7].

Синтез документального и художественного начал, составляющих содержание фотографии, позволяет с максимальной полнотой раскрыть отношение журналиста к своему визави. Не потому ли именно психологический фотопортрет героя, доминирующий в фотоочерке, передает его внутренний образ ярче словесного?

Прошлое постоянно напоминает о себе сегодня, повторится в будущем. Вспомним психологические портреты Моисея Наппельбаума, созданные в 20–30 гг. XX в. Последователи классиков сами становились ими. Михаил Ананьин, Семен Коротков, Василий Аркашов и другие авторы, заявили о себе уже после Великой Отечественной войны, отразив во множестве образов горечь утрат и безмерную радость Победы. Их произведения, выполненные в неожиданной композиционной манере, получили высочайшие оценки мирового сообщества.

Насколько уроки прошлого отразились в работах современных фотожурналистов?

Современное общество, которое, на наш взгляд, все еще переживает переходный период, уже отличается от советского. На сцену жизни вышли новые герои и персонажи, взаимоотношения между ними стали сложными и запутанными. Фотожурналист второго десятилетия XXI в. живет и трудится в сложившейся системе множества ограничительных мер, порожденных новыми социально-экономическими отношениями. Доступность к источникам информации ограничивается не столько законом, сколько «коммерческой тайной». Позитивный образ труженика, передовика производства с газетных полос постепенно вытесняется, точнее, уже вытеснился гламурными образами разбогатевших нуворишей, продажных девиц и политиков, криминальных авторитетов, расказами о дельцах теневой экономики.

И все же результат творчества фотожурналистов по-прежнему определяют уровень культуры, мировоззрение и профессиональный опыт. Особо выделим верность принципам добра, справедливости, милосердия. Попытка изменить принципам рождает «черный квадрат». Антонимом квадрату выступают духовность, нравственность, мораль, как составные части творческой личности. Современный белорусский ученый В.А. Салеев выступил с утверждением, что «спектр духоўнасці, які не абмяжоўваецца толькі рэлігійнасцю, а вымагае яшчэ (згодна з еўрапейскай традыцыяй, што ідзе ад старажытных грэкаў) і спалучэння Ісціны, Дабра, Прыгажосці» [3, с. 9]. В соединении с Верой, по его мнению, эти сферы составляют ядро духовной культуры, которые всегда присутствуют в обществе.

Неслучайно американский фотожурналист Эдди Опп, отвечая на вопрос: «В чем же заключается специфика фотографии как визуального вида искусства?», не преминул выделить принцип правдивости как краеугольный камень авторской позиции, проявляющийся наиболее полно в синтезе с морально-нравственными принципами: «Будьте предельно правдивы! Помните: фальшивая нота режет слух. Настройтесь на волну времени и событий – ловите в кадр знаковый момент, который и есть квинтэссенция сути происходящего! Думайте! Успешный фотожурналист не может состояться без таких качеств, как образованность, умение думать и аналитически мыслить» [2, с. 28].

Фотожурналистика – искусство художественного документализма, симбиоз слова и изображения, которые, увы, совпадают не всегда. Профессионально выполненная фотография, в отличие от коллажа или текста, документальна потому, что не лжет. В этом ее неоспоримое достоинство.

Літаратура

1. Ильин, Н.М. Эстетика товаров / Н.М. Ильин. – М.: ИНФА-М, 2002. – С. 191.
2. Опп, Э. Мастер класс / Э. Опп // Фотокурьер, 2005. – №6. – С. 28–34.
3. Салееў, В.А. Апостал духоўнасці на беларускай зямлі / В.А. Салееў // Адукацыя і выхаванне. – Мінск, 1998. – № 3.

Нина Фрольцова

Белорусский государственный университет

ГИПЕРТЕКСТ ЖУРНАЛИСТИКИ: «ТИХАЯ» СЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ МЕДИАЗЫКОВ

В последние десятилетия журналистика, как и другие социальные институты влияния (религия, семья, образование, культура), испытывает серьезные изменения. Этому в немалой степени способствует расширяющаяся информатизация и компьютеризация трудовой деятельности и бизнеса, форм получения знаний и оказания услуг, проведения и организации досуга. Основанные исключительно на знаково-символических обменах, новейшие технологии свидетельствуют о высоком уровне абстрактно-логического мышления и познавательных возможностях человека. Экстраполируя свои мысли, идеи, потребности в интернет – конвергентную виртуальную сферу, созданную сетевыми телекоммуникационными техническими средствами, субъект делает это так же легко,

как в реальности оперирует естественными языками и самостоятельно построенными в их рамках семантическими образами и смыслами.

Вместе с тем простота доступа к различным базам данных, совокупность которых интегрирована в электронном *гипертексте* [*< гр. hyper – над, сверх, по ту сторону + текст – < лат. textum – связь, соединение, переплетение*], позволяет реципиенту в скоростном режиме не столько осуществлять визуально-текстуальную обработку собственных мыслей, сколько без особых интеллектуальных усилий пользоваться чужими в любой подходящий момент. К этому «провоцирует» сформулированный технической информатикой единый и удобный медиаязык, ориентированный на индексацию ключевых слов, тем, содержательных блоков. Он автоматически преобразует в системы высокой связности логически-смысловые структуры, в реальности рассеянные по распределенным вербальным, визуальным, акустическим средам. Согласно одному из ведущих разработчиков *гипертекста*

Т. Нельсону, придумавшему в 1967 году и само его название, эта технология должна была со временем стать полным аналогом «ветвящегося, непоследовательного письма», реализующегося по запросу. Позже, поясняя сущность подобных процессов, Т. Нельсон указывал, что они веками осуществлялись пишущим-читающим человеком и без компьютера [7, с. 27].

В идеале работа над программным обеспечением свойств гипертекста преследовала цель оказать информационную поддержку субъекту в его предполагаемом стремлении расширять кругозор и эрудицию, стимулировать креативную активность, усваивать новые знания. Практическое же применение пользователями гипертекстовой технологии сегодня в лучшем случае ограничивается удовлетворением справочно-информационных запросов, в худшем – составлением больших визуально-текстовых материалов из фрагментов семантически организованных ресурсов сети, содержащих полноценные зрительно-лингвистические образы, созданные, как правило, без прямого участия пользователя. Такие фрагменты безотчетно, но чаще сознательно воспринимаются реципиентами в качестве готовых эталонов, подменяя информационную поддержку творческого или познавательного актов процедурой оперативного заимствования и копирования.

Особенно ощутимо эти тенденции проявляются в журналистике. В силу целого ряда объективно-исторических причин журналистика как самостоятельный тип творческой деятельности интегрировалась на узлом пересечения логико-лингвистических и сенсорно-эстетических систем, генетически родственных по трансцендентной знаково-симво-

лической природе, но отличающихся по способам кодирования-декодирования поступающих из внешней среды сигналов. Освоение соответствующих кодов, своего рода медиаязыков, позволило производителям создавать, а аудитории без труда воспринимать семантически цельные вербальные, визуальные, акустические или смешанные многослойные образы.

Можно сказать даже больше. До эпохи Интернета, а точнее до 1989 году, именно в практике журналистики были апробированы общие принципы нелинейного построения гипертекста по вектору не только усложнения иерархизации структурных элементов (по типу вложения одного в другой), но и их упрощения в обратном порядке за счет функционирования ассоциативных взаимосвязей. В результате этого появилось семейство медиаязыков, адекватных символической специфике каждого средства массовой коммуникации, но внутренне способных «разветвляться», исходя из индивидуального запроса читателя, зрителя, слушателя. Допустим, прочитав программу телепередач в газете, зритель в обратном порядке решает, стоит ли ему вообще включать телевизор. Либо, услышав знакомые радиопозывные, слушатель усиливает или убирает звук приемника, вновь-таки руководствуясь личным выбором. Поэтому не удивительно, что журналистика, как и любой другой носитель оригинальных «языков», первой оказалась под прицелом их интенсивной ассимиляции не только в собственно электронной среде, но, невольно следуя ее стандартам, на газетной полосе, в теле- и радиоэфире. Ведь вся подготовка материалов осуществляется сейчас только на компьютере. Как, впрочем, укореняется и доминирующее восприятие любой информации с его посредничеством.

Это приводит к тому, что относительно устойчивая и понятная картина мира – своеобразная «энциклопедия жизни», которая в течение XX века формировалась журналистикой, все больше превращается в ее рефлексивную, т.е. описание жизнью самой себя, отраженной в дисперсных по смыслообразованию гипертекстах. Поскольку жизнь существует только в сознательных представлениях человека, то, выходит, человек самоописывает свои ощущения от того, как он живет, мало заботясь о том, как это могли бы делать другие. В целом рефлексивный поворот сознания к самому себе моделирует безразличное, если не сказать нигилистическое, отношение к опыту других носителей сознания, другой памяти, других смыслов и образов.

Так, одаренная молодая журналистка посвящает интересное познавательное эссе 130-летию со дня рождения Евгения Замятина, автора

антиутопии «Мы». Роман был написан в 1920 году, но пролежал «на полке» до 1988 года, хотя за рубежом не только вовремя вышел на английском языке, но и был экранизирован. Сам же писатель, инженер по профессии, беспрепятственно выехав за рубеж в 1931 году, так и не дожидаясь издания произведения на родине. Для подготовленного читателя не стоит труда самостоятельно разобраться в описываемых событиях, «закрыв глаза» на отдельные неточности вроде упомянутых заседаний правлений Союза писателей в 1929 году, тогда как сам Союз был организован в 1934 году.

Сложнее придется тем, кто впервые узнаёт о жанре антиутопии, о Е. Замятине, романах О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932 г.) и «1984» Дж. Оруэлла (1948 г.). В частности, лидабзац, выделенный жирным шрифтом, начинается с фразы: «В 2014 году исполнится 65 лет со дня издания романа «1984» Дж. Оруэлла». Кстати, неплохо было бы не прибегать к такому громоздкому для визуального восприятия числовому ряду и пояснить, что в названии «1984» Дж. Оруэлл перевернул две последние цифры года первого пробного издания романа. Получилось: 1948–1984. Только с 15-й строчки лида в предложении «Однако первым пророком тоталитарных бед XX века стал советский писатель Евгений Замятин...» автор словно спохватывается о потере главной темы, вместо того чтобы с этого предложения начать [1].

Еще один перспективный молодой журналист, специализирующийся в аналитическом освещении социально-экономической проблематики, удачно пробует перо и в познавательном-историческом формате. Под рубрикой «Знай наших!» и броским заголовком «Сделано в Голливуде. Белорусские корни американского кино и телевидения» он пишет о Дэвиде Сарнове, родившемся в деревне Узляны под Минском в 1891 году и в возрасте девяти лет эмигрировавшем с родителями в США. Автор, опираясь, видимо, на источники информации в интернете, увлекательно описывает жизненный путь Д. Сарнова, бизнесмена по натуре, менеджера по организаторской хватке и блестящего прогнозиста по стратегии развития радиовещания, а затем телевидения. К кинематографу же и Голливуду, вопреки заголовку всей публикации, Д. Сарнов отношения не имел [1].

А теперь, каких деталей недостает, но они добавили бы красок к карьере «героя» и информации читателю, всегда с удовольствием узнающему о предприимчивости выходцев из Беларуси за рубежом, повышая тем самым собственную самооценку. Во-первых, Д. Сарнова до сих пор почитают в США как «отца национального радио и ТВ». Во-вторых,

заодно ему можно было бы поставить памятник почти за то же самое и возле Шаболовской башни в Москве. Стечение обстоятельств привело Д. Сарнова к знакомству с будущим всемирно известным изобретателем кинескопа (лучевой трубки) и аналогово-электронного телевизора, а затем радиолокационных систем Владимиром Зворыкиным. В конце 1920-х гг., напуганный ссылкой на остров Котлас своего наставника, профессора Б. Розинга, под руководством которого они вместе работали в этом направлении, В. Зворыкин сумел всеми правдами и неправдами перебраться в США. Не зная толком английского языка, он пробавлялся оператором механических счетных машин, пока не встретился с Д. Сарновым, с ходу оценившим все перспективы телевизионного проекта. Благодаря осведомленности В. Зворыкина о работах над технологией ТВ в СССР, Д. Сарнов, бессменный президент основанной им компании RCA, проникся интересом и к этому бизнес-проекту. Тем более, что в 1930-е гг. В. Зворыкин дважды побывал в родном Муроме у сестры, выступив с лекциями на Муромском электротехническом заводе. Коротко говоря, когда в 1946–1947 гг. встал вопрос об обновлении оборудования на московском телецентре, за его поставки взялся Д. Сарнов. К этому времени он, в силу успешных радиолокационных разработок В. Зворыкина под курированием Министерства обороны, уже имел звание генерал-лейтенанта. Но США вступили в «холодную войну», и все, кто был как-то связан с СССР, подверглись «охоте на ведьм». Д. Сарнов, чтобы, по всей вероятности, избежать преследований, представил в Госдепартамент 50-страничный проект русскоязычной сети КВ- и УКВ-радиовещания с территории европейских стран-членов НАТО по ретрансляционной траектории вдоль границы СССР и центральной радиостанцией, назвав ее «Голос Америки». Все остальное было лишь делом техники. Финансирование же до 1991 года включительно выделялось из бюджета госдепа [4].

Оценивая подобные, далеко не слабые по творческому потенциалу публикации, приходишь к выводу, что даже они не способны противостоять рефлексивному влиянию удобных, но коварных особенностей нелинейной логики *гипертекстового континуума*. С одной стороны, он повышает свободу самовыражения субъекта. С другой – лишает опоры на реальное социальное время и, следовательно, на способность дать конкретные ответы на конкретные же вопросы. В результате прежняя «энциклопедия жизни» рассекается множеством индивидуализированных точек зрения на мир и, таким образом, множеством практик его отражения. Будучи дискретно автономными, они разрывают привычные

причинно-следственные связи между прошлым и настоящим, слабо контактируют друг с другом и пока не артикулированы в методологическом плане.

Рефлексивный характер современной журналистики прослеживается и в нарастающей системности парадоксальных проявлений. К примеру, скачкообразное увеличение количества разнопрофильных СМИ одновременно сочетается с их недолговечностью, снижение авторитетности журналистского слова – с его поддержанием за счет «звездности» многоликих эпигонов в онлайн и офлайн, в теле- и радиоэфире. Вот в цветном рекламном видеоролике майонеза «Мистер Рикко» прямо воспроизводится другим актером, окруженным сытными продуктами, сценка из черно-белого немого кинофильма «Золотая лихорадка» (1926 г.), где голодный герой Ч. Чаплин за пустым обеденным столом выстукивает столовыми приборами что-то веселенькое. А по другому телеканалу поздней ночью демонстрируется этот же фильм, многократно цитируемый назойливой рекламой. На шершавой газетной бумаге высокотиражные издания регулярно размещают обильные мелкошрифтовые тексты в подслеповатой цветной инфографике. Чтобы их прочитать, надо вооружаться микроскопом, но при верстке на подсвеченном мониторе компьютера они, конечно же, выглядят ярко и зрелищно. Примелькавшиеся в бессчётных рекламных видеороликах артисты с истёртыми от частого копирования лицами играют ведущие роли в неплохих сериалах о событиях, которые разворачиваются во время Великой Отечественной войны или в трудные послевоенные годы. Впрочем, это уже совсем другая история, с претензией на художественность, к журналистике имеющая опосредованное отношение. Но симптомы похожи, как близнецы-братья.

Все это, взятое в комплексе, наводит на подозрение, будто кто-то невидимый специально расставляет в журналистском самосознании обратные бинарные оппозиции, типа знаков-ловушек: левая рука есть, потому что есть правая. А если всегда имеется только одна рука? Значит, необходим «зеркальный двойник», чтобы понять, как же все-таки сориентироваться однорукому. Так, предполагают антропологи, первобытные люди учились счёту: если у другого напротив меня два глаза, две руки, две ноги и одна голова и их можно пощупать руками – следовательно, и у меня их столько же, а нас, стало быть, тоже двое и на двоих итога – две разумные головы [3, с. 75].

Парадоксы такого рода усиливают неопределенность общественной ценности профессии журналиста. Если прежде ее социальный статус

идентифицировался с таким символом, как «четвертая власть», то сегодня на властную вершину, откуда якобы удобно манипулировать мнениями, вкусами и предпочтениями «ниже» стоящих слоев, претендуют производители PR- и рекламного контента, менеджеры консалтинга и шоу-бизнеса. При этом игнорируется, что подобная «манипуляция» со стороны СМИ на самом деле представляет не что иное, как отложенную во времени обратную связь с аудиториями. Как только появились более точные методики рейтинг-анализа, выяснилось, что «четвертая власть» вынуждена, как и любая другая, играть по тем правилам, которые вырабатываются не столько на вершине пирамиды, сколько самим социумом. Опуская вопрос, хорошо все это или нет, необходимо подчеркнуть главное: отмеченные факторы не только влияют на падение востребованности собственно журналистики, но и размывают сущностное содержание профессии.

На этом фоне далеко не случайно возник образ «универсального журналиста», который, фигурально говоря, и жнец, и косяк, и на дуде игрец. Похожие наивно-утопические образы не раз всплывали на переломе исторических эпох, когда в гуманитарной сфере под влиянием резко опережающего роста естественнонаучных и инженерно-технических знаний предпринимались попытки приспособить их под устаревающие парадигмы самосознания. Сегодня эта галерея: от картезианского «совершенного механического человека», искусно собранного наподобие идеального часового механизма, до марксистского «пролетария умственного труда» и «коммунистического гармоничного человека» – вряд ли уместна. Но соблазн к реализации подобных универсальных конструкций не исчерпал себя и сегодня.

Еще в 1960-е гг. основоположник математической теории информации, нобелевский лауреат К. Шеннон, ушедший из жизни в 2001 году, предостерегал, что одним единственным информационным ключом невозможно открыть все тайны природы. В развернутом виде эту мысль он выразил через математическое описание энтропии – саморазрушение системы, возможное при двух вероятностях. Если система перегружена структурно-хаотическим набором элементов, которые из-за этого теряют скорость продвижения информации. Или если элементов недостает, тогда образуются пустоты – нули. Поэтому во избежание энтропии система рассчитывается проектировщиками таким образом, чтобы она сама регулировала свое равновесное состояние [6, с. 20].

В определенной степени этот вывод относится и к адаптации журналистики к обширному гипертекстовому континууму, который сегодня

все плотнее охватывает не только электронную, но и реальную среду обитания. Люди фактически повсюду окружены фрагментами различных гипертекстов: наружной рекламой и рекламой в общественном транспорте, радиообъявлениями в метро, автобусах и троллейбусах, городскими указателями и инструкциями к банкоматам, ценниками товаров в магазинах и микроскопическими буквами на их этикетках и упаковках. К этому следует добавить различные мобильные цифровые устройства с их вербальным, аудиовизуальным и визуальным текстовым наполнением. Э. Тоффлер справедливо заметил по этому поводу, что соотношение некодированных сообщений к кодированным неуклонно уменьшается, и большая часть семантически готовых образов извлекается из искусственных распределенных сред, а не из личных наблюдений за «сырыми» событиями, не обработанными теми или иными медиаязыками [5, с. 125].

Поэтому если и предположить, что в современной журналистике востребован «универсальный журналист», то, видимо, такой, какой не столько умеет быстро писать, фотографировать и со скоростью робота общаться с компьютером, сколько стремится к интеллектуальному обеспечению творческого процесса. Овладевая с этой целью новыми знаниями, объемы которых постоянно растут, мало узнавать новое, бегло просматривая интернет. В интернете, как в чеховской «греции», все есть, но надо предварительно знать, что именно искать. Поскольку всякое новое является новым лишь в сравнении с уже имеющимся «старым».

Определяя, в чем состоит сущность текста, в любом случае входящем в какой-либо гипертекст, Ю. Лотман вывел его как сложное устройство, хранящее многообразие кода, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности [2, с. 587]. Но, продолжая эту мысль, необходимо подчеркнуть, что новая ценность тексту, как в целом и гипертексту, всегда придается личностью. Ей принадлежит право очерчивать границы между гипертекстовыми образованиями и реальностью. Только в этом сопоставлении возникают новые смыслы и значения. С этой точки зрения не столь актуален, пожалуй, вопрос, нужен ли «универсальный журналист» современной журналистике. На новом витке развития важно увидеть, что журналистике необходима прежде всего личность, сильная пониманием непреходящей роли интеллекта, знаний и творческой интуиции в их генетическом единстве.

Літаратура

1. Аргументы и факты в Беларуси, 2014. № 2; № 3.
2. Лотман Ю.М. Мозг–текст–культура–искусственный интеллект / М. Лотман. Семиосфера, СПб., 2000. – С.580–589.
3. Марков А. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа / Александр Марков. М., 2012. – 512 с.
4. Топаллер В. Американский ликбез. Владимир Козьмич Зворыкин / Виктор Топаллер // RTVi, 2013.
5. Тоффлер Э. Футурошок / Э. Тоффлер. СПб., 1997. – 461 с.
6. Шеннон К.Э. Вклад фон Неймана в теорию автоматов / К.Э. Шеннон // Информационное общество. М., 2004. С. 9–22.
7. Nelson T.J. Electronic information display technologies / T.J. Nelson & J.R.Wullert II. Singapore, River Edge, NJ: World Scientific, 1997. – 278 p.

РАЗДЗЕЛ 11

Медыяадукацыя: методыкі, канцэпцыі і практыкі

Лада Алейнік

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

САЦЫЯЛІЗАЦЫЯ ЧЫТАЧА ЯК АДНА З ГАЛОЎНЫХ ФУНКЦЫЙ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ ДЛЯ ДЗЯЦЕЙ І ПАДЛЕТКАЎ

Працэс азнаямлення з літаратурнымі творамі – гэта адначасова працэс засваення маральных норм, іерархіі грамадскіх каштоўнасцей, стылю паводзінаў, увасобленых у сюжэтах і вобразах. Мастацкі тэкст няўхільна мадэлюе ў свядомасці чытача псіхалагічныя ўстаноўкі, якія ў пэўнай ступені каардынуюць яго зносіны з соцыумам. Інакш кажучы, мастацкая літаратура з’яўляецца эфектыўным сродкам сацыялізацыі асобы.

Вядома, што сацыялізацыя адбываецца на працягу ўсяго жыцця чалавека, складаецца з некалькіх этапаў, стадый. Самым значным этапам у станаўленні асобы з’яўляецца першасная сацыялізацыя, звязаная з перыядам дзяцінства. Менавіта надзвычайнай важнасцю сацыяльнай ролі мастацкай літаратуры ў жыцці юнага пакалення абумоўлены яе статус як школьнай дысцыпліны. Літаратура «прыняла на сябе ролю вядучага прадмета ў агульнай сістэме інтэлектуальнага і маральнага фарміравання школьнікаў, абуджэнні і развіцці іх самасвядомасці, здольнасцей, імкнення да самавыхавання. Яе вывучэнне разглядаецца як сродак фарміравання і гарманічнага развіцця асобы. Паколькі літаратура – гэта мастацтва слова, то, несумненна, вобразнасць – аснова яе мовы, таму сіла літаратурнага твора заключаецца ў стварэнні мастацкай карціны свету, уздзеянні на чытача вобразаў літаратурных герояў, якія робяцца для многіх прыкладам паводзінаў альбо, наадварот, антыгероямі. Адпаведна, у адрозненне ад іншых светапоглядных дысцыплін, літаратура заўжды была магутным сродкам сацыялізацыі» [2].

Апошнія дзесяцігоддзе XX – пачатак XXI ст. характарызуюцца кардынальнымі зменамі ў галіне літаратуры, адрасаванай аўдыторыі юных чытачоў. Істотна пашырыўся яе праблемна-тэматычны дыяпазон, заўважальным плёнам вызначыліся жанрава-стыльовыя пошукі, відавочна абнавіліся моўна-выяўленчыя сродкі. Першапрычынай тут

зрабіліся карэнныя зрухі ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі канца 1980 – пачатку 1990-х гг. – перабудова, распад Савецкага Саюза, набыццё краінай статуса суверэннай дзяржавы, змена дзяржаўнай ідэалогіі, палітыка галоснасці, паслабленне цензурнага кантролю ў сродках масавай інфармацыі і ў літаратуры. Другім фактарам непасрэднага ўплыву на літаратуру зрабілася інтэнсіўнае развіццё інфармацыйных тэхналогій у канцы XX – пачатку XXI стст. Найноўшыя мультымедыійныя сродкі склалі беспрэцэдэнтную канкурэнцыю друкаваным выданням, але адначасова з’явіліся эфектыўным стымулам для развіцця мастацтва слова. Літаратуразнаўца І.Г. Мінералава падкрэсліла: «Адметнасць нашай эпохі, якую з цягам часу пачнуць называць эпохай памежжа XX–XXI стагоддзяў, заключаецца ў тым, што літаратура як адзін з найстарэйшых відаў мастацтва пастаўлена ў вельмі цяжкія, амаль невыносныя ўмовы выжывання такімі надзвычайна магутнымі інфармацыйнымі сістэмамі, якімі з’яўляюцца тэлебачанне і камп’ютэр з іх уяўна неабмежаванымі магчымасцямі «машынай» творчасці» [3, с. 24]. Такім чынам, на парозе XXI ст. пісьменнікі апынуліся перад неабходнасцю пошуку арыгінальных сюжэтных ідэй і кампазіцыйнага афармлення мастацкіх узораў, новых выяўленчых прыёмаў і спосабаў эмацыйнага ўздзеяння на чытача. І думаецца, што сёння ёсць усе падставы гаварыць пра сур’ёзныя набыткі ў галіне беларускай літаратуры для дзяцей і падлеткаў.

Дзеля прыцягнення чытацкай увагі многія пісьменнікі звярнуліся ў сваёй творчасці да папулярных жанраў масавай літаратуры. Так, напрыклад, сюжэт апавесці Яўгена Хвалея «Прынцэса тусоўкі» (1990) заснаваны на дэтэктыўнай калізіі, апавесці Людмілы Рублеўскай «Сэрца мармуровага анёла» (2000) і «Пярсцёнак апошняга імператара» (2001) – на спалучэнні дэтэктыўнай інтрыгі з любоўнай гісторыяй, а ключавой падзеяй яе рамана «Гульня ў Альбарутэнію» (2012) зрабіўся адмысловы прыём «падарожжа ў часе». Асноватворнымі падзеямі апавесцей Андрэя Федарэнкі «Шчарбаты талер» (1999) і «Афганская шкатулка» (2002) сталі захапляльныя прыгоды і пошук скарбаў. Анатоля Казлоў у апавесці «Дзеці ночы» (2000) апеллюе да містыкі, Алесь Наварыч у апавесці «Пакланюся Перуну, памалюся Вялесу…» (2008) выкарыстоўвае элемент містыфікацыі, Раіса Баравікова ў апавесці «Казімір – сын Ягайлы + Насця з 8 «б» = каханне» (2008) спалучае тры эпохі і стварае фантастычную рэальнасць. У апавесці Алеся Бадака «Адзінокі васьмікласнік хоча пазнаёміцца» (2008) гаворка ідзе пра недаравальную памылку ў паводзінах героя, якая пацягнула за сабой непапраўныя наступствы. Несумненна, ва ўсіх гэтых творах актуалізуюцца найперш пытанні маралі, увага аўтараў скіравана на вытлумачэнне грамадскіх каштоўнасцей,

этыкі ўзаемаадносінаў, чалавечай прыстойнасці і годнасці, але дыдактызм твораў невідавочны, ён замаскіраваны ў вострасюжэтных перыпетыях і займальных прыгодах, выхаваўчыя тэзы завуалюваны ў дыялогах і ўнутраных маналогіх герояў.

А вось мастацкая канцэпцыя аповесці Валерыя Гапеева «Ведзьміна тоня» істотна адрозніваецца ад іншых твораў – тут няма ні злачынстваў, ні скарбаў, ні містыфікацый. Аўтар у першую чаргу засяроджваецца на сённяшняй рэчаіснасці, актуалізуе надзённыя праблемы сучаснага жыцця. І ў той жа час аповесць напоўнена ўражлівымі фактамі, мае востры сюжэт, які палоніць фактычна з першых эпізодаў.

Найперш варта засяродзіць увагу на адной з кампазіцыйных асаблівасцей твора, якая адыгрывае ў сюжэце немалаважную ролю. Асноўным падзеям папярэднічае пралог, дзе часткова вытлумачаецца сутнасць загадкавай назвы твора: «Чорнае люстэрка свабоднай вады, на выгляд неверагодна халоднай нават у спякотны дзень. Калі залезці на якую алешыну, дык зверху Ведзьміна тоня выглядае раўнюткам кругам, а вада ў ёй – яшчэ чарней. Вядома ж, торф на дне. Хоць што там, на дне – ніхто не ведае, бо купацца тут не будзеш: адсюль, з вострава, бераг злёгка абрывісты, скачыш – вада па калені, але потым пачынае імкліва засмоктваць ногі. Пяць хвілін прастаіш – і па пояс ужо схавашся. Не хопішся за што, не вылезеш» [1, с. 4]. Такое вось «гіблае месца» Ведзьміна тоня. Варта адзначыць, што яшчэ не пазнаёмішы чытачоў з героямі, не акрэслішы ніякай падзейнай лініі, ужо ў пралогу аўтар стварае інтрыгу, канцэнтраваную атмасферу тайны, выклікае прадчуванне небяспекі. Спрыяюць гэтаму найперш эпізоды, дзе ўвасоблены мясцовыя паказкі ды даўнішняе змрочнае паданне пра падступнасць «чорнай вады». «Некалі прыезджыя гарадскія спрабавалі з лодкі ставіць на Ведзьміна тоні сеткі. То раніцай не змаглі ні адну выцягнуць – гэтулькі карчагаў на дне. А яшчэ раней, расказваюць, невядомы рыбак на маленькай гумавай лодцы плаваў па тоні некалькі дзён – ад вострава да вострава. Ні з кім не размаўляў, твар ад людзей хаваў. Адкуль ён і хто – не ведалі. Некалькі дзён бяшумна яго лодка слізгала па чорнай вадзе. А аднойчы ён не паказаўся. Толькі лодку гумавую, пустую, без вёслаў прыбіла бліжэй к зіме да Заікінага вострава. А сам рыбак згінў. Вось з той пары ён часам паказваецца тым рыбакам, што на лодках спрабуюць па тоні плаваць. Просіцца ў лодку – моўчкі з вады цягне рукі...» [1, с. 4–5]. Як бачна, тут спалучаецца рэалістычнае і містычнае, рамантычнае і нават драматычнае. Яшчэ большай загадканасці Ведзьміна тоні надае апавед-прыпавесць аднаго са старэйшых жыхароў вёскі – дзедз Васіля, – які расказвае, «што стаяў тут раней лес, а сярод гэтага лесу

быў хутар. Жыла ў ім жанчына, вядзьмарка. І гэтак яна многа шкоды нарабіла людзям, што Бог не стрываў, і ў адну ноч праваліўся гэты кавалак лесу пад зямлю. Вось верхавіны дрэў з-пад вады і чапляюцца за сеткі ды за плаўцоў. А сама вядзьмарка і цяпер уладарыць у Ведзьміна тоні і вакол яе, хаваецца на астравах» [1, с. 5].

Аднак асноўная падзейная лінія, што далей развіваецца ў творы, фактычна ніяк не звязана з пралагам. Увага аўтара канцэнтруецца на асобе падлетка Сяргея, які прыехаў на лета ў вёску з інтэрната. Тут найперш насцярожвае, як ваража сустракаюць хлопчыка мясцовыя жыхары. Па дарозе да хаты яго суправаджаюць зласлівыя размовы вясковых кабет, дзе гучыць, што і вочы ў Сяргея «зладзеяватыя», і што «дзетдом добраму не навучыць», і ўвогуле ён «бандыт бандытам»... Аўтар выкарыстаў вельмі ўдалы прыём дзеля «рэкамендацыі» персанажа. З аднаго боку, падлетка пэўным чынам характарызуюць водзвывы старонніх людзей, а з другога – яго ўласныя ўнутраныя маналогі, паводзіны, мысленне, рэакцыя на пачутыя рэплікі, і толькі ў апошняй чаргу – каментары апавядальніка, дзе найбольш аб'ектыўна вытлумачаюцца абставіны жыцця юнага героя: «Калі табе чатырнаццаць і калі з гэтых чатырнаццаці палову – сем гадоў – бавіш у школе-інтэрнаце 10 месяцаў у годзе, ты навучышся не зважаць на з'едлівыя слоўцы. Ты наагул многаму навучышся. Навучышся хаваць крыўду і слёзы. Навучышся трываць боль, голад, не баяцца холаду. Навучышся біцца – так, каб неабавязкова перамагчы, а толькі ўратаваць сябе ці сябра. Навучышся ўцякаць, хавацца, маўчаць. <...> Сяргей добра засвойваў усе навукі, якія даваў яму гэты адасоблены свет няшчасных аднолькава, ды злых па-рознаму дзяцей-сіротаў» [1, с. 7]. Ужо адно гэтыя факты, датычныя лёсу хлопчыка, абстраюць эмоцыі, прыцягваюць увагу да яго асобы. Але тыя падрабязнасці, што выяўляюцца ў сюжэце далей – страата бацькі, дэградацыя маці, колішнія жахлівыя абставіны існавання ў роднай хаце – кранаюць насамрэч да глыбіні душы, выклікаюць шчырае суперажыванне юнаму герою, балючае ўсведамленне яго фізічных і маральных пакутаў. А ў канчатковым выніку пісьменнік разгортвае перад чытачом драматычны малюнак жыцця адной сям'і з катэгорыі тых, што ў сучасным грамадстве называюць па-рознаму – ці праблемнымі, ці недабранадзенымі, ці асацыяльнымі.

Бацька Сяргея загінуў, калі хлопчык толькі нарадзіўся, маці амаль адразу прызвычалася да пляшкі. Вядома, што дзеці часта захоўваюць у памяці асабліва яркія ўражанні ці пачуцці, перажытыя ў першыя гады жыцця. Найчасцей – гэта радасныя ўспаміны пра сямейныя святы, падарункі бацькоў, ласункі. У Сяргея было іншае «незабыўнае» пачуццё – пачуццё неадступнага і вострага голаду: «Яно было заўсёды, мо з

самага першага для яго жыцця, яно не знікала ніколі, яно толькі спала разам з Сяргеем і працягвалася разам з ім. <...> Голад не знікаў ніколі. Яго не магла прагнаць звараная і патоўчаная свіная бульба, якую ён у маленстве краў у суседкі, бабулі Адар'і, голад толькі прыціхаў ледзь-ледзь, калі маці прыносіла (але як рэдка прыносіла!) дадому свежы хлеб, і Сяргей прыпадаў ваўкавата да адламанага кавалка, пах якога раздзіраў ноздры. Сяргей прыехаў у інтэрнат з гэтым пачуццём, худы, невысокі для свайго ўзросту і з пукатым выродлівым жыватом. За першы год у інтэрнаце ён з'еў столькі, колькі, можа, не з'еў за свае першыя сем год жыцця» [1, с. 8–9].

Гэты аўтарскі каментар адыгрывае істотную ролю ў сюжэце. Па-першае, пісьменнік вытлумачвае, якім чынам хлопчык набыў рэпутацыю «злодзея». Па-другое, – стварае аб'ектыўнае разуменне далейшых дзеянняў і пачуццяў Сяргея – калі яго маці нарадзіла яшчэ адно дзіця. Сяргею на той час было дзевяць гадоў, і ён сам быў здольны пра сябе паклапаціцца. А вось маленькая сястрычка – зусім бездапаможная. Яна ўвесь час плача, і хлопчык з болей разумее, што дзіця пакутуе ад голаду, – ад таго самага, ад якога пакутаваў ён сам. Справядліва кажуць, што сыты галоднага не разумее. Але Сяргей з уласнага вопыту ведае, што адчувае маленькая Анжэла (ці Нэла, як завуць дзяўчынку ў вёсцы), і знаходзіць адзіны шлях, каб урагаваць дзіця ад пакутаў: «Гэта для яе, Анжэлы, краў ён у суседніх куратніках яйкі, капаў на чужых агародах раннюю бульбу (свая зарастала пустазеллем, паспявала позна), лазіў па трускалкі, агуркі, яблыкі. Для яе мінулым летам цікаваў і схопіў быў белы бохан проста з машыны, калі выгрузалі ў краму хлеб. А неяк нават надаіў ад нечае казы кубак малака...» [1, с. 10]. Праз гэта ўсё і пайшла пра Сяргея погаласка, як пра злодзея і бандыта. Неабходна заўважыць, што ні сам герой, ні аўтар-апавядальнік нідзе нікога не абвінавачваюць – ні ў зласлівасці, ні ў чэрствасці, ні ў абьякавасці. Аднак у час азнаямлення з сюжэтам кожны чытач няўхільна апyneцца перад пытаннем: няўжо староннія дарослыя, суседзі-аднавяскоўцы не бачылі, як жывецца хлопчуку, а пазней – і яго маленькай сястрычцы? Няўжо ў іх душах нічога не варухнулася, калі яны бачылі пакуты дзяцей? Безумоўна, Валеры Гіпееў наўмысна падштурхоўвае, падводзіць чытача да асэнсавання падобных пытанняў, вымушае рабіць пэўныя высновы.

І побач паказвае, што на самой справе свет не без добрых людзей; яны ёсць – чулыя да чужога болю, спагадлівыя, міласэрныя. Адною з такіх герань з'яўляецца, напрыклад, інтэрнацкая паварыха цётка Соня, якая, пабачыўшы прагнаць Сяргея да ежы, разумеючы, якое жыццё было ў дзіцяці «ў сям'і», пачынае апекавацца хлопчуком: «Яна, цётка Соня, з

худым, высахлым тварам і з чырвонымі, нечакана шырокімі і тоўстымі пальцамі рук, якія ўсё хавала пад фартух, прыносіла з дому яйкі і смажыла для Сяргея і яшчэ для аднаго хлопца, жаўтушнага Міцькі, яечню з малаком, пякла дранікі і цішком частавала іх у сваёй бакоўцы» [1, с. 9]. Уважліва ставіцца да Сяргея і выхавальніца, якая адпраўляе хлопчыка на лета дадому, збірае не толькі гасцінцы для яго самога, але і прысмкі, і такую-сякую вопратку для Нэлы. Толькі вось, на жаль, Сяргею быццам бы не надта шанцуе на такіх людзей... А можа не? Можа, хлопчыку гэта толькі здаецца? Відаць, на пошук адказаў на гэтыя пытанні далей накіроўвае пісьменнік свайго чытача.

Сюжэт аповесці В. Гіпееў выбудовае такім чынам, каб на першым плане знаходзіліся паказальныя факты і з'явы, якія непасрэдна ўплываюць на паводзіны і светаасэнсаванне галоўнага героя, арыентуюць яго ў прыняцці пэўных рашэнняў. Да іх ліку, напрыклад, належаць эпізоды, дзе адлюстравана жыццё сястрычкі Сяргея – малюнкi, якія выклікаюць жах і абурэнне, шчымлівае суперажыванне маленькаму безабароннаму дзіцяці, агіду да дарослых людзей, якія страцілі чалавечы воблік. Маці прывяла ў хату прымака – «былога зэка, п'яніцу і лайдака», і «брыдкія лаянкі і бойкі сталі ў Сяргеевай хаце звычайнай з'явай». «Калі прымак быў не надта п'яны, ён пачынаў выходзіць Нэлу. Яго выхаванне больш нагадвала звычайную дрэсіроўку якога-небудзь звярка – ён біў дзяўчынку, калі тая не слухалася і даваў кавалачкі хлеба, калі яго каманды выконваліся» [1, с. 13]. Дзяўчынка перастала размаўляць, ператварылася ў маўклівую запалоханую істоту. Сяргей, прыехаўшы з інтэрната, знаходзіць брудную недагледжаную сястрычку прывязанай за нагу да грушы ў двары, побач «стаяла пластыкавая бутэлька з вадой, ляжалі высахлы на сонцы кавалак хлеба і тры зваранія з лупінамі бульбіны» [1, с. 12]. Ёмістая выразнасць гэтых эпізодаў пераканаўча ілюструе ўсю звыродлівасць «бацькоўскага клопату» пра дзіця, наглядна дэманструе іх нялюдскі лад жыцця.

Унутраны свет падлетка выяўляецца ў аповесці найперш праз яго адносіны да малодшай сястры. Менавіта клопат пра дзіця вымушае Сяргея пачувацца дарослым, дужым, адказным, стымулюе да актыўных дзеянняў. Цэлы шэраг выразных, па-мастацку красамоўных эпізодаў адлюстроўвае змены ў свядомасці хлопчыка. Гэта і супрацьстаянне «прымаку», калі Сяргей, баронячы сястрычку, хапаецца за вілы, і майстраванне будана ў садзе, каб не начаваць пад адным дахам з «зэкам» і не назіраць п'яных дэбошаў, і пошук ужо не крадзенай спажывы, а сумленнага заробку.

Драматызм становішча Сяргея і Нэлы адчуваецца асабліва глыбока, калі аўтар знаёміць чытачоў з іншымі вясковымі дзецьмі – чатырнаццацігадовымі двайнятамі Віцькам і Жэнькай з сям’і мясцовых настаўнікаў, Віталем – з сям’і трактарыста і даяркі, Эдзікам – мінскім падлеткам, што прыязджае ў вёску да бабулі на канікулы. Усе гэтыя дзеці жывуць у атмасферы ўтульнасці, яны ахутаны клопатам і шчырай любоўю родных. Письменнік не абыходзіць увагай і той факт, што ў гэтых дзяцей – свае, адпаведныя ўзросту інтарэсы: Жэнька вырошчвае ружы, яе брат Віцька захапляецца камп’ютарам, Віталь – вялікі аматар картаскладання. Умовы жыцця вясковых падлеткаў з добраўпарадкаваных сем’яў рэзка кантрастуюць з умовамі існавання Сяргея і Нэлы, абвастраюць разуменне абдзеленасці апошніх.

Аповесць мае надзвычай канцэнтраваную фабулу. Тут нельга абмінуць увагай ніводзін эпізод, ніводзін факт, бо ў кожным – свой рацыянальны сэнс: істотная дэталёў, штрых да партрэта кагосьці з персанажаў, матывацыя ўчынка. Гэта датычыцца, напрыклад, гісторыі супрацьстаяння Сяргея і яго вясковых аднагодкаў. Аўтар не толькі дэманструе канфлікт падлеткаў з-за «рыбнага месца» на копанцы, вынікам якога стала жорсткая бойка, але адначасова адлюстроўвае перажыванні вялікай колькасці герояў, што маюць прамое ці ўскоснае дачыненне да падзей. Тут выяўлены і прыкрасць Віцькі – пераможцы ў бойцы, які не адчувае ніякай радасці ад сваёй перамогі, і здрадлівы спалох Эдзіка, і шырокі дыяпазон пачуццяў Сяргея – ад балючага ўсведамлення ўласнай бездапаможнасці і прагі помсты да валявога падаўлення ўласнай агрэсіі: «Гады, сволачы! Пачакайце, я разбяруся, я з вамі з кожным паасобку разбяруся!» – думкі пра адплату тлумілі розум. <...> Віцька ў вёсцы жыве – і выдатна, хлёў падпаліць можна, каб ведалі! А таму гарадскому так твар распісаць кавалкам шкла, каб на ўсё жыццё засталася... <...> Але недзе ў галаве жыла і іншая думка – тая самая клятва самому сабе, што даў ён за месяц да сваіх вакацыяў, што нараджалася пакутліва, выспявала пакрысе і стала яго праграмай дзеяння: не плач, не бойся, не прасі. І яшчэ дадатак – не крадзі. <...> Будзеш красці – будзеш сядзець у вязніцы. <...> А Сяргею за краты нельга – у яго ёсць Нэла. І яшчэ... Яшчэ ён помніў словы сваёй маладой выхавацелькі: «Яны там у вёсцы лічаць цябе дрэнным, бо ты крадзеш. Вось паспрабуй не скрасці. Змяніся сам – і паглядзі, ці зменіцца свет...» [1, с. 61–62].

Шлях, на які ступіў Сяргей, складаны. Прыняць рашэнне «не красці» – гэта адно. А як жыць? На якія сродкі? Письменнік дэталёва вымалёўвае, як крок за крокам, баязліва і няўпэўнена, падлетак намацае сцежку новага жыцця. Цалкам зразумела, чаму першы, да каго ён

звяртаецца па дапамогу, гэта дзед Васіль: «Ні дзед Васіль, ні старая Адарка, вядома ж, за год не змаглі забыць, як лазіў у іх сад па «залатыя ранеты» Сяргей, як спрытна ўначы з-пад самага акна выбіраў апошнія трускалкі. Адно дадала смеласці – тое, што ўчора дзед заступіўся за Сяргея і Нэлу перад гэтым зэкам» [1, с. 44]. Так, менавіта заступніцтва дзеда Васіля дае хлопчыку падставы спадзявацца, што стары адгукнецца і на гэты раз. Але Сяргей звяртаецца не з просьбай, не з «працягнутай рукой», ён прапаноўвае дапамогу ў працы. Вось у гэтым эпізодзе, у дыялогу герояў аўтар з дакладнай тонкасцю адлюстравваў унутраны стан юнага героя, неверагоднае напружанне, хваляванне, нават страх:

« – Добры дзень, памагай Бог, – хутка выпаліў Сяргей, падышоўшы бліжэй. – Я вась за леташнія яблыкі разлічыцца прыйшоў. Ну, і, можа, зараблю на паданкі крыху, як паспеюць, а?..

Ён сказаў гэта быццам і абыякавым тонам, але ўнутры сцяўся – што адкажуць?

– То чаго стаў? – дзед Васіль размерана махаў граблямі, збіраючы сена ў валок, дадаў спакойна, як пра раней дамоўленае: – Давай, станавіся перад бабай. Яна за табой заграбе.

«Цьфу ты, як проста», – Сяргей адчуў незвычайную палёгку. Рукі вась толькі крыху трымцелі, зубы вілаў чапляліся за зямлю, але ўжо праз хвілін пяць праца пайшла спорна» [1, с. 44–45].

Аўтар доказна, выразнымі фактамі пераконвае: добрых людзей значна больш, чым злых і чэрствых; на самой справе ўсё вельмі проста – трэба толькі самому быць сумленным і шчырым, тады і да цябе паставяцца адпаведна.

Пераканаўча адлюстравана ў аповесці, як няпроста завязвалася сяброўства Сяргея з аднагодкамі, як пераадоўваліся супярэчнасці былых канфліктаў і наладжвалася паміж імі згода, як выспелвалася задума сумеснага падарожжа на Ведзьміну тоню.

Кампазіцыю аповесці можна ўмоўна падзяліць на дзве часткі. У першай увага акцэнтуюцца на быце Сяргея і Нэлы, у другой дамінуюць абставіны падарожжа на Савіны востраў. Прыгоды, што напаткалі юных герояў у час «дэсанту» на востраў, дэманструюць, як аб’ядноўвае сапраўдная справа, якой магутнай сілай з’яўляецца сяброўства. Пад кіраўніцтвам дзеда Васіля падлеткі правялі сапраўднае следства і высветлілі абставіны геройскай гібелі ў гады вайны чатырох сваіх аднавяскоўцаў.

У аповесці па-мастацку адлюстраваны працэс сацыялізацыі падлетка, выяўлена псіхалогія і матывацыя яго ўчынкаў, патлумачаны агульны лад мыслення. Юныя чытачы, якім адрасаваны твор, натуральным

чынам далучаюцца да асэнсавання праблем, з якімі сутыкаецца герой, суперажываюць яму, няўхільна прымаюць менавіта яго бок у складаных сітуацыях, бо герой выклікае павагу, яго паводзіны справядлівыя, годныя.

Каштоўнасць аповесці В. Гапеева – у асаблівай, маральнай увазе да чалавека, у гуманістычным падтэксте, які сцвярджае перавагу добра ў нашым жыцці, у свеце, ва ўзаемаадносінах людзей.

Літаратура

1. Гапееў, В.М. Ведзьміна тоня / В. Гапееў. – Мінск: Маст. літ., 2012. – 294 с.
2. Касьянюк, Т.Н. Социокультурный потенциал литературы в процессе модернизации общего образования / Т.Н. Касьянюк [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnyi-potentsial-literatury-v-protssesse-modernizatsii-obshchego-obrazovaniya> – Дата доступа: 14.01.2014.
3. Минералова, И.Г. Детская литература: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 176 с.

Ганна Басова

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

МІЖКУЛЬТУРНАЯ КАМУНІКАЦЫЯ ЯК ІМПЕРАТЫЎ УНІВЕРСІТЭЦКАЙ АДУКАЦЫІ

Сучасны свет уяўляе сабой шматмерную прастору, у якой перасякаюцца, напластоўваюцца адзін на аднаго бясконцае мноства імкненняў, дзеянняў, матываў і вобразаў, выражаных у разнастайных формах. Гэтая шматстайнасць апасродкавана этнічнымі, сацыяльнымі, пазнаваўчымі і іншымі кантэкстамі, што стварае пэўныя складанасці для разумення і эфектыўнай камунікацыі. Ёсць, аднак, такія віды дзейнасці і такія групы людзей, як, напрыклад, кіруючая эліта, інтэлектуальная эліта (асабліва занятая ў сферы трансляцыі ведаў), і, канечне, журналісты і спецыялісты сродкаў масавай камунікацыі, для якіх удзел у розных дыскурсах з'яўляецца прафесійна неабходным.

Даная праблема вельмі значная для прафесіяналаў СМіК, таму што яны звернуты да шматмільённай аўдыторыі і аказваюць значны ўплыў як на пэўную асобу, так і на грамадства ў цэлым. А ў глабальным свеце ўзнікае такая ж глабальная праблема захавання і развіцця ўласнай культуры на падставе далучэння да сусветнага развіцця. Гэтая супярэчнасць, якая часам набывае характар канфліктнасці, абумоўлена наступнымі прычынамі. З аднаго боку, макракамунікацыя ў грамадстве

заўсёды накіравана на абмен ідэямі: інфармацыяй, каштоўнасцямі, на сацыялізацыю, інтэграцыю культур. З другога боку, з'явіліся абставіны, якія змяняюць дынаміку культуры ў самых глыбінных яе асновах; беспрэцэдэнтная па маштабах магчымасць аб'яднання масавых аўдыторый, дзякуючы новым тэхналогіям – ад ратацыйнай прэсы, кіно і радыё да інтэрнэту; урбанізацыя і індустрыялізацыя, якая прыводзіць да таго, што грамадства становіцца мабільным, нестабільным, грамадства, якое не мае каранёў, адчужаным і, значыць, лёгка маніпулюемым праз каналы масавых камунікацыі.

Адсюлі супярэчнасць ролі і магчымасцяў сродкаў масавай інфармацыі і камунікацыі. Яны могуць садзейнічаць дыялогу і ўзбагачэнню культур, а могуць ператварыцца ў інструмент інфармацыйнага насілля. У значнай ступені гэта залежыць ад прафесійнай кампетэнтнасці спецыялістаў сродкаў масавай інфармацыі і камунікацыі, істотнай часткай якой з'яўляецца кампетэнтнасць камунікатыўная.

Сучасная інфармацыйная прастора ставіць перад гэтымі спецыялістамі мноства складаных задач, шэраг якіх знаходзіцца ў рэчышчы міжкультурных зносін. І ва ўсіх сферах роля журналіста – гэта роля медыума, пасрэдніка паміж важнай інфармацыяй і яе спажывцом, паміж словам (тэкстам) і суб'ектам, які яго ўспрымае. Дзеля эфектыўнасці камунікацыі журналісту неабходна вельмі ясна ўсведамляць, наколькі ўскладнілася камунікаванне ў сучаснай інфармацыйнай прасторы. Інфармацыйны выбух, гіперэкспансія рознаўзроўневых інфармацыйных плыняў, вострая канкурэнцыя носьбітаў і каналаў інфармацыі прывялі да таго, што паняцце «тэкст» саступіла экстрапаляванаму паняццю «message» (паведамленне, пасланне, ідэя); паняцце «стыль» – паняццю «дыкурс». Такім чынам і на Беларусі, як ва ўсім свеце, склалася новая сацыякультурная сітуацыя, якая патрабуе абноўленага разумення сутнасці журналісцкай працы і яе методыкі.

Асноўная ж місія журналіста застаецца нязменнай. Яму неабходна хутка і лёгка арыентавацца ў самых складаных сістэмах знакаў, у камунікатыўных гіпертэкставых іерархіях, каб бачыць і ацэньваць не толькі літаральны «мэсідж», але і прыхаваныя кантэксты, сэнсы, устаноўкі, мэты, бачыць і разумець ідэйную, ідэалагічную скіраванасць дыскурсіўных практык, якія апелююць як да свядомасці, так і да падсвядомасці рэцыпіента.

Менавіта журналіст аператыўна выконвае задачу вылучаць галоўнае ў інфармацыйным патоку, ставіць вызначальныя акцэнтны – ацэначныя, ідэалагічныя; разварочваць зыходны дыкурс у сваё вымярэнне і пераключаць увагу рэцыпіента ў свой кірунак. І тут важна падкрэсліць тую

рысу журналісцкай кампетэнцыі, якую трэба назваць канстытутыўнай: безумоўную патрыятычную заангажаванасць беларускага журналіста. Павага да сваёй краіны і нацыянальнай дзяржаўнасці – гэта перадумова прафесіяналізму. Яна павінна быць безумоўнай, апырнёнай, што не азначае, канечне, што яна мусіць быць абавязкова яўна-гэндэнцыйнай або агрэсіўна-дэманстратыўнай. Яна можа быць імпліцытнай, пазначанай толькі сугестыўна, аднак яна павінна быць неадменнай і незаменнай у прафесійным рыштунку сучаснага беларускага журналіста (у свеце гэтая пазіцыя нават не падлягае абмеркаванню – маецца на ўвазе сама сабою).

Абстрае значнасць усведамлення новых прафесійных задач і яшчэ адна акалічнасць. Тэхнічны прагрэс энергічна заахвочвае сучаснага чалавека да таго, што назвалі кліпавым мысленнем: схільнасцю падмяняць самастойнае асэнсаванне свету спажываннем бліц-інфармацыі, ужо спецыяльна прыгатаванай, расфасаванай па рэкламных слоганах і відэакліпах. У гэтым плане журналісту важна разумець і акцэнтаваць адрозненне паміж прывабным культурным і прывабным псеўдакультурным дыскурсамі

Такім чынам, сучасны журналіст мае справу са словам, гіперактыўным і гіпермабільным у сучасных інфармацыйных каналах. Гэта павышае патрабаванні да метадык прафесійнай актуалізацыі інфармацыйных рэсурсаў, да камунікатыўнай кампетэнцыі журналіста.

Прынцыпы, метады і прыёмы фарміравання камунікатыўнай кампетэнцыі журналіста актыўна распрацоўваюцца ў Беларускім дзяржаўным універсітэце, на факультэце журналістыкі і на факультэце павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі Інстытута журналістыкі. Так, у комплексе вучэбных дысцыплін, абавязковых для падрыхтоўкі журналіста вышэйшай (універсітэцкай) кваліфікацыі, адным з прыярытэтных для паглыбленага вывучэння з’яўляецца такое праблемнае поле, як міжкультурная камунікацыя. Забяспечваюць вучэбны працэс у названым кірунку найперш новыя адукацыйныя праграмы, што распрацаваны і дзейнічаюць у Інстытуце журналістыкі БДУ.

У кантэксце гэтых гэндэнцыяў грамадскага развіцця надзвычай важнымі з’яўляюцца пытанні пра маўленчую культуру, якія на сёння стаюць вельмі востра і знаходзяцца ў цэнтры ўвагі выкладчыкаў, вучоных і грамадскіх дзеячаў. Негатыўныя з’явы, што разбураюць мову, на жаль, даволі распаўсюджаныя ў вусным маўленні. Сярод іх памылкі ў націсках, празмернае ўжыванне запазычанняў, зносіны на жаргоне, недакладнасць у словаўжыванні, граматычныя памылкі і іншае. Надзённым з’яўляецца пытанне і пра культуру пісьмовай мовы. Уменне пісьменна пісаць, афарм-

ляць дзелавыя паперы, службовыя дакументы ў адпаведнасці з нормамі стылістыкі і дзелавога этыкету – неабходнае запатрабаванне часу.

Усё гэта вымагае паказу не толькі ўласна моўных асаблівасцей сродкаў масавай інфармацыі, але і разгляду масавай камунікацыі як асобнага тыпу дыскурсу. Натуральна, што ўвага найперш надаецца фактам паспяховасці ці, насупраць, дэфектнасці камунікацыі, а таксама нормам розных тыпаў (інфармацыйнай, моўнай, стылістычнай, камунікатыўнай), якія дзейнічаюць у данай сферы зносін. Акрамя таго, зменлівасць дыскурсу ў СМІ, яго адкрытасць для прамога сацыяльнага ўздзеяння прадвызначае разгляд камунікатыўнага працэсу ў дынаміцы, з абавязковым улікам змен, якія тут адбываліся і адбываюцца. Уплыў журналісцкіх камунікацый настолькі вялікі, што развіццё стратэгіі і мэт функцыянавання СМІ, паводзіны і камунікатыўныя ўстаноўкі выданняў, тэлерадыёканалаў і асобных журналістаў ужо сёння аказваюць уздзеянне на вектар развіцця ўсяго грамадства. Маўленне становіцца мабільным, яму ўласцівыя рысы эліптычнасці, сінтаксічнага згортвання, дыялагічнасці вуснага маўлення, слэнгавасці і інш.

У сваю чаргу, медыяадукацыя з’яўляецца сферай, якая дынамічна развіваецца. Яна патрабуе ад спецыялістаў пастаяннага ўдасканалення кваліфікацыі і росту творчага майстэрства. Медыяпрастора, якая спараджаецца сродкамі масавай інфармацыі, шматмерная: у яе межах адлюстроўваюцца ўсе інстытуцыянальныя формы культуры – эканоміка, палітыка, права, светапогляд. Яна дынамічная – кожны дзень тут трансліююцца паведамленні аб падзеях, якія адбываюцца ў межах усіх гэтых інстытутаў і ў грамадстве ў цэлым. Вытворчасць, распаўсюджванне і выкарыстанне медыяпрадукцыі ў сучасных умовах ажыццяўляецца на высокім індустрыяльным узроўні з ужываннем усё больш дасканалых тэхнічных сродкаў і адпаведных тэхналогій. Таму ў сферы масавай інфармацыі і камунікацыі не толькі адбываюцца тэхналагічныя і арганізацыйныя пераўтварэнні, але ўзнікаюць новыя медыяструктуры, пашыраецца іх узаемапрацікненне і ўзаемадзеянне з іншымі сістэмамі. Асабліва гэта характэрна для такіх сфер прафесійнай дзейнасці індустрыі СМІ і масавых камунікацый, як агульны менеджмент, фінансавы менеджмент, прасоўванне СМІ і ўдасканаленне якасці дызайну, прававой і этычнай культуры журналістаў, прыцягненне рэкламы, удасканаленне кантэнту, тэматычнай мадэлі СМІ і тэхналогіі работы з інфармацыяй і інш.

Зараз як ніколі актуальная праблема зваротнай сувязі з аўдыторыяй сродкаў масавай інфармацыі і камунікацыі. Яна выклікана ўкараненнем спадарожнікавага тэлевізійнага вяшчання, усё большым перапляценнем/сувязцю камп’ютарнай і тэлевізійнай тэхналогій (характэрнай, на-

прыклад. для інтэрактыўнага тэлебачання, калі аўдыторыя мае магчымасць з дапамогай сеткі «Інтэрнэт» удзельнічаць у арганізацыі і развіцці масава-камунікатыўнага дзеяння). Тым самым новая пастаноўка пытання пра зваротную сувязь зноў прыцягвае ўвагу і журналістаў-практыкаў, хаця б у плане асэнсавання паняцця «інфармацыйнае грамадства». Масавую інфармацыю і камунікацыю неабходна разглядаць найперш, як цэласную сацыяльную з’яву, сутнаснай часткай чалавечых узаемаадносін, якая, з аднаго боку, адлюстроўвае факты і падзеі ў жыцці грамадства, а з другога – сама аказвае вызначальны ўплыў на іх фарміраванне.

Як вядома, пытанні гарманізацыі міжкультурных, міжканфесійных, міжэтнічных адносін не толькі не страчваюць сваёй важнасці ў свеце, але з часам відавочна ўскладняюцца і разгаліноўваюцца. Беларусь лічыцца дзяржавай з багатымі традыцыямі талерантнасці ва ўсіх сэнсах гэтага слова, аднак пытанні ў полі сацыяльных і ўласна культурных практык робяцца ўсё больш відавочнымі і для яе насельніцтва. Таму вывучэнне гэтых праблем – адзін з прыярытэтных кірункаў як фундаментальных грамадазнаўчых даследаванняў, так і, у прыватнасці, навучальных праграм Інстытута журналістыкі БДУ. Вопыт вучоных БДУ, назапашаны ў Інстытуце журналістыкі БДУ, з’яўляецца трывалай базай для практыкі фарміравання камунікатыўнай кампетэнцыі сучаснага медыяспецыяліста. У сувязі з гэтым сёння міжкультурная камунікацыя можа быць названа імператывам універсітэцкай адукацыі. Найперш таму, што ўніверсітэцкая адукацыйная прастора (кантынент універсітэта) не можа быць монакультурнай. Універсітэцкая журналісцкая адукацыя можа і павінна рыхтаваць студэнтаў да міжкультурнай адукацыі. Фарміраванне талерантнай самасвядомасці ў гэтым выпадку выступае аксіялагічным ядром міжкультурнай камунікацыі, таму што грамадству асабліва ў апошні час патрэбны людзі з высокім узроўнем сацыякультурнай кампетэнцыі, з развітым пачуццём эмпатыі і талерантнасці, з валоданнем навыкамі міжкультурнай камунікацыі.

Сяргей Венідзіктаў

Магілёўскі вышэйшы каледж МУС Рэспублікі Беларусь

МЕДЫЯКАМУНІКАТЫўНАЯ КАМПЕТЭНТНАСЦЬ І МЕДЫЯАДУКАЦЫЯ

Медыякамунікатыўная кампетэнтнасць – адна з найважнейшых умоў паспяховага існавання індывіда ў інфармацыйным грамадстве, якое зараз актыўна трансфармуецца. У найбольш агульным выглядзе яе

можна назваць сістэмай навыкаў мэтанакіраванага спажывання медыяпрадукту. А.В. Шарыкаў прапануе такое значэнне: «кампетэнтнасць ва ўспрыняцці, стварэнні і перадачы паведамленняў праз тэхнічныя і сяміятычныя сістэмы з улікам іх абмежаванняў, якая заснавана на крытычным мысленні, а таксама на здольнасці да медыятызаванага дыялогу з іншымі людзьмі» (пераклад наш – С.В.) [1, с. 64]. У рэкамендацыі ЮНЭСКА, адрасаванай СМІ лічбавай эпохі, адзначаецца, што «медыяадукацыя звязана з усімі відамі медыя (друкаванымі і графічнымі, гукавымі, экраннымі і г. д.) і разнастайнымі тэхналогіямі; яна дае магчымасць людзям зразумець, як масавая камунікацыя выкарыстоўваецца ў іх грамадстве, авалодаць здольнасцямі да выкарыстання медыя ў камунікацыі з іншымі людзьмі <...>. Медыяадукацыя з’яўляецца часткай асноўных правоў кожнага грамадзяніна любой краіны свету на свабоду самавыражэння і права на інфармацыю» [3].

Медыякамунікатыўная кампетэнтнасць прадугледжвае наяўнасць кампетэнцый свядомага выбару інфармацыі, сэнсавага кадзіравання і дэкадзіравання паведамленняў, суб’ектыўнай індывідуальнай індывідуальнасці, вызначэння ўласнай пазіцыі ў інфармацыйным полі. Шмат у чым яе развіццё з’яўляецца вынікам адэкватнага ўспрыняцця сродкамі масавай інфармацыі сваёй ролі ў фарміраванні грамадскай свядомасці. У наш час пераважная большасць медыяструктур не зусім разумее, якім чынам адбываецца ўплыў на аўдыторыю і якія вынікі такога ўплыву. А ўлічваючы, што інфармацыйная карціна свету, якая існуе ў масавай свядомасці, характарызуецца фрагментарнасцю, мазаічнасцю, парадасальнасцю і супярэчлівасцю, можна сцвярджаць, што ў XXI ст. мы маем справу з сур’ёзнай пагрозай. Уступаючы ў новы тып інфармацыйнага ўзаемадзеяння са светам фармальных сістэм, чалавек сутыкаецца з рызыкай выпадзення з прасторы камунікацыі. Аб’ём разнароднай інфармацыі, якая існуе вакол індывіда, пераўзыходзіць і патрэбы, і магчымасці свядомага аналізу яе. У выніку фарміруецца суб’ектыўная медыякарціна свету, якая не толькі не адпавядае рэчаіснасці, але і пагражае ёй, прадвызначаючы неадэкватныя формы сацыяльнай актыўнасці індывідаў.

У той жа час інфармацыйнае грамадства прадугледжвае пераход ад тэарэтычнай да практычнай мадэлі «чалавека камунікатыўнага», які пераўтвараецца з аб’екта ў суб’ект медыяпрацэсаў. Адбываецца пераход з узроўню механічнага спажывання на ўзровень выбіральнага аналізу, відазмянення і стварэння інфармацыйных патокаў, што актуалізуе паняцце медыякамунікатыўнай кампетэнтнасці, у структуры якой мы вылучаем кампаненты: 1) разуменне чалавекам месца і ролі масавай інфармацыі ў грамадстве; 2) наяўнасць навыкаў выбіральнага спажы-

вання інфармацыі; 3) існаванне індывідуальна ўсвядомленай інфармацыйнай мадэлі знешняга свету і суб'ектыўных інфармацыйных фільтраў; 4) наяўнасць кампетэнцый самастойнага супастаўлення рознародных крыніц медыяпаведамленняў і пошуку ў іх супярэчнасцей; 5) адпрацаваныя навыкі пошуку неабходнай інфармацыі і вызначэння ступені яе дакладнасці; 6) развітая здольнасць вызначэння адрозненняў паміж рэальнымі падзеямі / аб'ектамі і іх медыйным адлюстраваннем, а таксама разумення прычын гэтых разоходжанняў; 7) кампетэнцый самастойнага прадуцыравання інфармацыйных патокаў на міжсуб'ектным узроўні.

Працэс засваення прыведзеных кампетэнцый справядліва лічыцца адным з кампанентаў сацыялізацыі асобы, у сувязі з чым заканамерна выглядае пастаноўка пытання аб агентах медыякамунікатыўнай сацыялізацыі. На наш погляд, да такіх адносяцца: 1) лакальная супольнасць, якая характарызуецца выпрацаванай пазіцыяй у адносінах да медыясістэмы, а таксама займае пэўную нішу ў структуры сферы камунікацыі; 2) частка медыясферы (нацыянальная, рэгіянальная, лакальная), што аказвае найбольшы ўплыў на развіццё лакальнай супольнасці, у якую ўключаны індывід; 3) навуковае асяроддзе, якое стварае тэарэтычныя мадэлі функцыянавання масавай інфармацыі і прапануе шляхі павышэння эфектыўнасці яе ўздзеяння; 4) акадэмічнае (адукацыйнае асяроддзе), у якім сферы тэарэтычнага асэнсавання медыяінфармацыйных структур і практычнай выпрацоўкі навыкаў узаемадзеяння з імі цесна пераплятаюцца.

У працэсе медыякамунікатыўнай сацыялізацыі акадэмічнае асяроддзе набывае асаблівае значэнне, што звязана з уплывам як суб'ектыўных, так і аб'ектыўных фактараў. Да суб'ектыўных, на наш погляд, адносіцца матываваная гатоўнасць абітурыентаў і студэнтаў да засваення (спажывання) інфармацыі і ўсвядомлена неабходнасць умець абыходзіцца з ёй. Да аб'ектыўных фактараў адносіцца існаванне індывіда ў паралельных патоках разнастайнай інфармацыі (адукацыйнай, сацыяльнай, гендэрнай, нефармальнай і г. д.), што непазбежна актуалізуе шэраг патрабаванняў да кампетэнтнасці суб'екта камунікацыі [2]. Асабліва значны ўплыў згаданага фактара ў сістэме вышэйшай адукацыі.

У шэрагу краін (Канада, Аўстралія, Вялікабрытанія, ЗША і інш.) сістэма медыяадукацыі існуе не толькі ў вышэйшых, але і ў сярэдніх навучальных установах, дзе яна інтэгруецца ў школьныя прадметы. У Аўстраліі і Канадзе да медыяадукацыі звяртаюцца ўжо ў дашкольным узросце. На постсавецкай прасторы развіццё медыякамунітэўных кампетэнцый школьнікаў і студэнтаў не з'яўляецца абавязковым і не ўключаецца ў вучэбныя праграмы (толькі ў Расійскай Федэрацыі на

ўзроўні ВНУ медыяграмацыйнасць ужо набыла афіцыйны статус: у 2002 г. была зарэгістравана спецыялізацыя «Медыяадукацыя» для ВНУ).

Даследчыкі ўсё часцей звяртаюць увагу на тое, што галоўнай задачай сістэмы адукацыі становіцца не перадача механічнай сумы даных, а трансляцыя вопыту *самастойнага* аперавання інфармацыяй. Як бачым, з гэтай пазіцыі місія акадэмічнай сістэмы супадае з задачай развіцця медыякамунікатыўнай кампетэнтнасці асобы. І ў дадзеным выпадку наяўнасць медыяспецыялізацыі ў адукацыйным працэсе з'яўляецца хоць і значным, але не вырашальным фактарам. Гэта пацвярджаецца даследаваннем, праведзеным намі ў 2011 г. у Цэнтры масавай камунікацыі ўніверсітэта Франклін Пірс (ЗША).

У Цэнтры функцыянуюць уласныя СМІ, якія з'яўляюцца платформай для навучання журналістыцы: радыё, тэлебачанне, газеты, часопіс, інфармацыйны інтэрнэт-рэсурс. Медыяструктуры ўніверсітэта інтэграваныя ў грамадска-палітычнае жыццё рэгіёну, даючы магчымасць прасачыць ланцужок ад зараджэння падзеі ў лакальным асяроддзі да стварэння яе інфармацыйнай мадэлі. Істотна, што ў працы адукацыйных медыя маюць права браць удзел студэнты любых спецыяльнасцей. У выніку для моладзі робяцца зразумелымі заканамернасці відазмянення інфармацыі пасля яе праходжання праз каналы ўніверсітэцкіх СМІ. Акрамя таго, рэгіянальныя і агульнанацыянальныя СМІ, якія функцыянуюць паралельна, ствараюць магчымасць супастаўлення крыніц інфармацыі, пошуку адрозненняў паміж імі, а таксама вызначэння прычын гэтых адрозненняў. Такім чынам, медыясфера і медыяадукацыя працуюць над рэалізацыяй агульнай задачы: СМІ даюць матэрыял для аналізу, універсітэт гэты аналіз робіць даступным для студэнтаў.

Атрыманы ў ЗША вопыт набыў працяг у адукацыйным праекце, які рэалізуецца ў Магілёўскім вышэйшым каледжы Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь. У 2012 г. кафедрай сацыяльна-гуманітарных дысцыплін была створана лабараторыя адукацыйнага тэлебачання, якая забяспечвае поўны цыкл стварэння відэапрадукцыі. Асноўная мэта дзейнасці структурнага падраздзялення – забеспячэнне навучальнага працэсу сучаснымі медыйнымі дыдактычнымі матэрыяламі – была пашырана. Зараз медыяструктура паралельна вырашае задачы гуманізацыі адукацыйнага працэсу, інфармацыйнай інтэграцыі ў прававы сектар медыясферы рэгіёну, фарміравання станоўчага іміджу супрацоўнікаў органаў унутраных спраў, стварэння спрыяльнага інфармацыйнага фону дзейнасці навучальнай установы, забеспячэння ўзаемадзеяння са СМІ рэгіёну і Рэспублікі Беларусь.

Відавочна, што вырашэнне згаданых задач немагчыма без развіцця медыякамунікатыўнай кампетэнтнасці навучэнцаў. У выпадку з лабараторыяй адукацыйнага тэлебачання Магілёўскага вышэйшага каледжа МУС Рэспублікі Беларусь істотнай з'яўляецца адна акалічнасць: гэты працэс адбываецца ва ўмовах адсутнасці медыяспецыялізацыі і ў спецыфічным інфармацыйным асяроддзі. У курсантаў, якія атрымліваюць адукацыю ў вышэйшым каледжы, першапачаткова фарміруецца ўяўленне аб строгай рэгламентацыі як службовай дзейнасці, так і яе медыйнага адлюстравання. Таксама даводзіцца сутыкацца з наступствамі стыхійнага фарміравання ў лакальным асяроддзі іміджу навучальнай установы, які мае наступныя характарыстыкі: (а) масавасць (распаўсюджанне і падтрымка ў грамадстве); (б) інертнасць (устойлівасць да змяненняў і знешніх уздзеянняў, пры якой любое адхіленне ад звыклага вобразу трактуецца як выпадковасць); (в) фрагментарнасць (непаслядоўнасць, мазаічнасць, адсутнасць цэласнасці). У грамадстве існуе традыцыйнае ўяўленне адносна закрытасці падобных навучальных устаноў, што цягне за сабой суб'ектыўны дэфіцыт інфармацыі аб іх дзейнасці. Гэты недахоп кампенсуецца за кошт сумежных, асацыятыўна звязаных абласцей, сфер і крыніц – ацэнкі працы органаў унутраных спраў і сілавых структур у цэлым, арміі, успрыняцця медыятэкстаў, кіна- і тэлепрадукцыі. Такім чынам, функцыянаванне лабараторыі адукацыйнага тэлебачання першапачаткова ажыццяўлялася ва ўмовах інфармацыйнага і камунікатыўнага супрацьдзення.

Трансфармацыі вобразу ВНУ ў лакальным інфармацыйным асяроддзі садзейнічае шчыльнае супрацоўніцтва вышэйшага каледжа з рэгіянальным тэлебачаннем. У 2013 г. распачалася рэалізацыя сумеснага праекта тэлевізійнай лабараторыі і гарадскога канала «2 канал» «Нарад па-за чаргой» – цыклу 20-хвілінных праграм, у якіх раскрываецца спецыфіка працы розных органаў і падраздзяленняў Міністэрства ўнутраных спраў. Асаблівасць праекта – прысутнасць у кадры курсантаў каледжа, якія «прымерваюць» на сябе будучую прафесію: удзельнічаюць у працы аператыўна-дзяжурнай службы, участковых інспектараў міліцыі, патрульна-паставой службы, інспекцыі па справах непаўнагадовых і г. д. Праца над праектам (планаванне здымачнага працэсу, відэамантаж, рэжысура, запіс інтэрв'ю і іх рэдагаванне) дазваляе курсантам засвоіць заканамернасці стварэння і функцыянавання інфармацыйных патокаў. Аналіз водгукаў на праект у сацыяльных сетках, у адукацыйным і прафесійным асяроддзі сведчыць аб актуальнасці і дзейнасці медыяпаведамленняў. А супастаўленне самастойна сканструяванага інфармацыйнага вобразу прававой сферы з існуючым стэ-

рэатыпам і з рэальнай карцінай дае курсантам магчымасць вызначыць, якім чынам пад уздзеяннем СМІ скажаецца рэчаіснасць.

Развіццю медыякамунікатыўнай кампетэнтнасці курсантаў садзейнічае таксама ўдзел лабараторыі ў падрыхтоўцы для гарадскога тэлебачання сюжэтаў, прысвечаных значным падзеям ва ўстанове адукацыі. У гэтым выпадку творчая група лабараторыі сутыкаецца з неабходнасцю адаптацыі інфармацыі для масавай аўдыторыі. І нават пры першасным візуальным аналізе адрозненняў паміж экранным і рэальным вобразамі навучэнцы набываюць навыкі медыякрытычнай дзейнасці ў яе «побытавым» вымярэнні.

У меншай ступені функцыя лабараторыі адукацыйнага тэлебачання ў развіцці медыякамунікатыўнай кампетэнтнасці выяўляецца пры падрыхтоўцы дыдактычнай відэапрадукцыі. У дадзеным выпадку развіваюцца навыкі структуравання інфармацыі, вылучэння эсэнсавых цэнтраў, візуальнай перапрацоўкі тэкставага матэрыялу, уліку асаблівасцей аўдыторыі, драматургічнай арганізацыі фільма, якая павінна садзейнічаць дасягненню дыдактычнай мэты.

Аналіз дзейнасці лабараторыі паказаў, што яе ўплыў распаўсюджваецца на ўсе асноўныя кампаненты медыякампетэнтнасці асобы: 1) праз працу з масавай інфармацыяй узнікае разуменне яе месца ў сучасным соцыуме, набываюцца навыкі выбіральнага спажывання медыяпрадукту; 2) ствараюцца суб'ектыўныя інфармацыйныя фільтры, якія нейтралізуюць уплыў негатыўнай інфармацыі на асобу; 3) набываюцца навыкі супастаўлення і крытычнага аналізу паведамленняў, а таксама самастойнага пошуку інфармацыі; 4) пры падрыхтоўцы відэафільмаў развіаецца здольнасць вызначаць адрозненні паміж рэальнымі аб'ектамі і іх адлюстраваннем у медыясферы.

У гэтым працэсе, як бачым, удзельнічаюць усе асноўныя агенты медыякамунікатыўнай сацыялізацыі: лакальныя супольнасці рэгіёна і адносна «закрытай» навучальнай установы, лакальная і рэгіянальная медыясфера (гарадское тэлебачанне), навуковае і акадэмічнае асяроддзе (непасрэдна выкладчыкі і курсанты). Вопыт дзейнасці лабараторыі адукацыйнага тэлебачання ў Магілёўскім вышэйшым каледжы Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь сведчыць аб эфектыўнасці выкарыстання аўдыёвізуальных сродкаў для развіцця медыякамунікатыўнай кампетэнтнасці моладзі. Прычым медыятызацыя адукацыйнай прасторы можа з поспехам ажыццяўляцца ва ўмовах адсутнасці журналісцкай спецыялізацыі. Вырашэнне яе стратэгічнай задачы фарміравання асобы, гатовай да дзейнасці ў наасферным інфармацыйным грамадстве, пачы-

наецца з вырашэння тактычнай задачы аптымізацыі сістэмы камунікацыі ў акадэмічным асяроддзі.

Літаратура

1. Шариков, А.В. Медиаобразование: мировой и отечественный опыт / А.В. Шариков. – М.: Изд-во Академии педагогических наук СССР, 1990. – 66 с.
2. Mathews, David. Listening to the Public: A New Agenda for Higher Education? / David Mathews // Higher Education for the Public Good: Emerging Voices from a National Movement / ed. Adrianna J. Kezar, Tony C. Chambers, and John C. Burkhardt. – San Francisco: Jossey-Bass, 2005. – P. 71–86.
3. Recommendations Addressed to the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization UNESCO (1999) // Education for the Media and the Digital Age. – Vienna: UNESCO. – P. 273–274.

Лариса Касперова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Россия)

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД О. МАНДЕЛЬШТАМА НА СУЩНОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В рамках спецкурса «Филологический анализ текста» студенты факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова рассматривают вопрос о взгляде журналистов и писателей на сущность творческого процесса. Одним из художественных текстов, предлагаемых будущим журналистам для лексико-семантического анализа, является стихотворение Осипа Мандельштама «Есть иволги в лесах...» («Равноденствие»), созданное в 1914 году.

Есть иволги в лесах, и гласных долгота
В тонических стихах единственная мера,
Но только раз в году бывает разлита
В природе длительность, как в метрике Гомера...
Как бы цезурою зияет этот день:
Уже с утра покой и трудные длинноты,
Волы на пастбище, и золотая лень
Из тростника извлечь богатство целой ноты.

С первой строки читателя удивляет такое специфическое соединение – иволги и стихосложение. Какая может быть между ними связь? Гомеровский слог относится к метрической системе стихосложения, которая была принята в античной литературе и содержала в своей основе

распевание. Слоги античных языков были долгими и краткими. Главной характеристикой античной метрики были долгота/краткость гласных и расстановка иктов.

Образ иволги, который в первых строках стихотворения вводится с помощью соединительного союза «И» и представляется автором в одном образном ряду с долготой гласных, не случаен: их объединяет процесс пения. Но иволга – это природное пение, а соблюдение долготы гласных – удел поэта, его кропотливая работа. Почему именно иволга, а не другая певчая птица? По материалам энциклопедии «Птицы России» [3, с. 94–96], голос самца иволги громок и благозвучен. Известно, что по происхождению латинское название иволги (Oriolus) является названием звукоподражательным. Пение этой птицы весьма контрастно: изысканная, мелодичная гармония вдруг сменяется практически воплями (ср. перевод названия иволга – «дикая кошка»). Иволге свойственны резкие контрасты в пении, как гомеровскому слогу свойственно чередование долгих и кратких звуков. Сравнимая размеренность музыки природы и музыки, созданной человеком, поэт отдает приоритет творческому процессу: но только раз в году бывает разлита в природе длительность, как в метрике Гомера. Раз в году – это день равноденствия. Если быть точными, то равноденствие бывает два раза в календарный год – весной (21 марта) и осенью (23 сентября). День Весеннего равноденствия открывает новый год природы, дает ей новое рождение, расцвет. А поэт день за днем должен выверять музыкальные пропорции, рождая стихотворение, иначе оно не будет звучать, а следовательно, не будет верно восприниматься читателем/слушателем.

В строке «Как бы цезурою зияет этот день...» мы наблюдаем соединение двух заданных тем – темы природы и творчества. Цезура – (от лат. caesura – сечение, рассечение) – внутрискореевая ритмическая пауза на постоянном месте в стихотворной строке, расчленяющая стих на два полустишия. День равноденствия также разделен на две равные части: день и ночь. Интересен своим значением глагол зиять. Некоторые исследователи в нем усматривают лингвистический термин, связанный с употреблением нескольких гласных подряд – зияние гласных. Но обратимся к словарям: ЗИЯТЬ. «Раскрывать рот» [1, с. 683]. ЗИЯТЬ. 1. «Быть раскрытым, показывать, обнаруживать глубину, отверстие» [4, с. 611]. Следовательно, равноденствие – день, когда природа раскрывает, показывает свою пропорциональную размеренность во всем, обозначая четкое равенство дня и ночи.

Строка «Уже с утра покой и трудные длинноты» метафорически связана с античной метрикой (первая мора в гекзаметре должна быть обяза-

тельно долгой). Покой, упоминаемый в тексте, связан с уходом от реальности в мир фантазий. Ничто вокруг не должно отвлекать творческого человека от его идеи. Сложнейшая внутренняя работа внешне может никак себя не проявлять. Поэт вводит образ «волы на пастбище», который призван передать состояние малой подвижности, размеренности, покоя в природе. Волы связаны с тяжелой работой в поле, они являются тягловой силой в упряжке, но в стихотворении они показаны отдыхающими на пастбище. Эпитет «золотой» употреблен в переносном значении «счастливый, благоприятный, блестящий, великолепный» и связан с отношением автора к творческому процессу, весьма кропотливому, но приносящему радость и умиротворение от рождения музыки слова. Данный эпитет нейтрализует отрицательную семантику слова «лень», используемого поэтом в контекстуальном значении «нега», «творческое удовлетворение».

Образ тростника, который продолжает пастушескую тему, часто встречается в творчестве различных поэтов. Он может быть связан в искусстве и с античной мифологией, и даже с христианской тематикой (традиционный пасхальный атрибут, олицетворяющий справедливость и покорность). Кроме того, тростник олицетворяет голос человека. «Брадобрей фригийского царя Мидаса, Каламис, узнав страшную тайну, что у царя ослиные уши, не смог противостоять соблазну поведать кому-нибудь эту тайну. Он выкопал ямку и шепнул в нее: «У царя Мидаса ослиные уши!». Из ямки выросла тростинка и шелестом сообщила это всему миру» [2, с. 220]. Зная особое место античной тематики в творчестве О. Мандельштама, можно утверждать, что в данном стихотворении употребляется символическое значение тростника-свирели. Сирикс – тростниковая пастушеская свирель. На ней играли многие персонажи греческой мифологии: Гермес, Аполлон, Марс, Дафнис, Полифем. Таковую же свирель сделал себе бог Пан из «Илиады» Гомера.

Состояние творческого процесса поэт сравнивает с днем равноденствия в природе. Рождая новое, художник должен, «растворяясь» во времени и пространстве, остро чувствуя окружающий мир, уловить новый образ и облечь его в точную и гармоничную содержательную форму, найдя «золотую пропорцию». Ведь то, что природа способна сделать «раз в году», творческий человек на пределе сил обязан делать ежедневно.

Литература

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – Т. 1. – М., 1982.

2. Копалинский, В. Словарь символов / пер. с пол. В.Н. Зорина. – Калининград, 2002.
3. Птицы России. Энциклопедия. – М., 2008.
4. Словарь русского языка // Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т. 1. – М., 1998.

Татьяна Коношкевич

Белорусский государственный университет

РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Оперируя грамматическим материалом в процессе обучения РКИ студентов-иностранцев на продвинутом этапе, необходимо помнить об особой роли грамматической системы для процессов восприятия и порождения коммуникативно адекватной речи. Функциональный подход к изучению грамматических явлений позволяет вырабатывать у студентов-иностранцев понимание связи между языковыми средствами и содержанием речи, между семантикой языковой единицы и ее формальным выражением.

Использование различных учебно-речевых ситуаций с опорой на лексико-грамматические конструкции, в которых присутствует детальная классификация значений и в большей степени эксплицируются семантические и структурные признаки, позволяет иностранным студентам развивать навыки ведения коротких разговоров и диалогов.

Контроль за ходом реализации речевой программы в процессе порождения речи осуществляется посредством использования говорящим двух взаимонаправленных программ, которые в совокупности обеспечивают корректность речепорождения. Одна из них – прямая программа – реализует поиск и выбор тех или иных лексических единиц или грамматических форм, необходимых для построения высказывания, вторая – обратная программа – осуществляет проверку правильности продуцирования высказывания, выбора той или иной грамматической формы или лексической единицы [1].

В работу по развитию речи активно включаются грамматические конструкции (образцы), имеющие особенности употребления в речи формы, структуры, контекстные условия, ситуации употребления, сферы общения и т.п. Заданные речевые условия, по словам С. И. Лебединского, – это механизм репродукции, т. е. способность говорящего к воспроизведению содержащихся в его индивидуальном сознании уже

готовых языковых и речевых моделей, которые автоматически извлекаются из постоянной памяти в каждом отдельном случае в определенной коммуникативной ситуации [1].

При обучении иностранных студентов русскому языку сознательный анализ изучаемого грамматического материала становится потребностью обучающихся, которые при этом учатся обобщать и систематизировать используемые в диалогах по предложенным ситуациям различные грамматические формы. Так, например, студенты-иностранцы, ознакомившись с темой «Способы выражения обобщенного субъекта», используют в речи определенные языковые единицы для характеристики человека, предмета, явления, высказывают мнение о состоянии лица, о вынужденном, неизбежном действии или о его невозможности.

Сознательное конструирование фраз в диалогах, анализ грамматических форм подводит студентов-иностранцев к самостоятельному выводу о значении и особенностях употребления той или иной формы. При этом ощущение самими студентами реальных возможностей выражать с помощью определенных лексико-грамматических средств нужное содержание мысли является важным психологическим стимулом.

Главная задача при изучении русского языка как иностранного заключается в работе не над формой как таковой, а над смыслом, в изучении связей между формой и содержанием, т. е. в выявлении функции, которую выполняет форма в семантической структуре предложения или высказывания [2].

Корректировочные задания и упражнения, выполняемые на занятиях по РКИ, направлены на то, чтобы в процессе анализа и сознательного конструирования лексико-грамматических моделей вырабатывался и закреплялся активный речевой навык.

В теме «Средства выражения побуждения к действию» рассматриваются модели, имеющие различные смысловые оттенки: совет, предложение, желание, настойчивая просьба, запрещение что-либо делать, категорическое требование и т.п.

Проиллюстрируем данную тему, предложив следующие ситуации:

1. Куратор обращается к студентам с просьбой помочь в организации экскурсии.

2. Сестра вашей подруги знает испанский язык. Вы через подругу передаете ей просьбу, чтобы она помогла вам перевести статью.

3. Ваш брат целый день включает и слушает музыку. Вам это мешает и даже раздражает.

4. В купе жарко и душно. Вы просите соседа-пассажира открыть окно.

Когда происходит диалог между студентами-иностранцами, они могут воспользоваться соответствующими конструкциями, выбрав необходимую в зависимости от ситуации общения и характера просьбы: а) смягченная просьба; б) мягкая, несколько нерешительная просьба; в) вежливая просьба при официальном обращении; г) подчеркнуто официальная просьба; д) вежливая просьба, часто при общении с малознакомыми людьми.

Контроль речевого поведения студентов-иностранцев показывает, какова степень сформированности языковой, речевой и коммуникативной компетенции при составлении диалогов на основе заданной ситуации. Задания содержат интенции (намерения): мотивируйте свой выбор, подтвердите или опровергните мнение собеседника, объясните возможность или невозможность действия, выразите свое отношение к данным фактам и т.д. Творческая инициатива студентов проявляется при выполнении заданий, когда можно свободно оперировать лексико-грамматическим материалом, например: а) продолжите высказывание так, чтобы показать их значение; б) восполните первую реплику диалога; в) дополните ответную реплику диалога и т.п.

Важно отметить и то, что выполнение упражнений с профессионально-мотивированными заданиями развивает у студентов-иностранцев новые побудительные мотивы для понимания и усвоения грамматической формы и ее функции.

Литература

1. Лебединский, С. И. Теория обучения русскому языку как иностранному: психолого-лингвистические и лингвометодические аспекты / С.И. Лебединский. – Минск: БГУ, 2005. – 391 с.

2. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку: учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Г. М. Васильева [и др.]: под ред. И. П. Лысаковой. – М.: Гуманитарный изд. центр ВЛА-ДОС, 2004. – 270 с.

Анастасия Коренева

Мурманский государственный технический университет (Россия)

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЕ «СТИЛИСТИКА И ЛИТЕРАТУРНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ»

Известно, что одним из главных условий для эффективного формирования учебно-познавательных интересов является учет доминирующего мотива основной деятельности студентов. Вот почему при выборе

мотивационной основы обучения вузовским речеведческим дисциплинам («Риторика», «Русский язык и культура речи», «Стилистика», «Стилистика и литературное редактирование») мы опираемся на интерес студентов к будущей специальности и стремимся реализовать профессионально ориентированное обучение [1]. В данной статье рассмотрим специфику профессионально ориентированного обучения дисциплине «Стилистика и литературное редактирование», предназначенной для студентов направления подготовки «Реклама и связи с общественностью».

Процесс изучения данной дисциплины способствует формированию следующих профессиональных компетенций, представленных в Государственном стандарте высшего профессионального образования:

- владеть основами речи, знать ее виды, правила речевого этикета и ведения диалога, законы композиции и стиля, приемы убеждения;
- обладать базовыми навыками создания текстов и документов, используемых в сфере связей с общественностью и рекламы, владеть навыками литературного редактирования, копирайтинга;
- обладать базовыми навыками общения, умением устанавливать, поддерживать и развивать межличностные отношения, деловые отношения с представителями различных государственных, финансовых, общественных структур, политических организаций, СМИ, информационными, рекламными, консалтинговыми агентствами;
- уметь обсуждать профессиональные проблемы, отстаивать свою точку зрения, объяснять сущность явлений, событий, процессов, делать выводы, давать аргументированные ответы;
- обладать способностью участвовать в формировании и поддержании корпоративной культуры.

Считаем, что при изучении дисциплины «Стилистика и литературное редактирование» студенты должны прежде всего осознать востребованность стилистической компетенции для их будущей специальности, должны научиться использовать знания и умения по стилистике для решения конкретных профессиональных проблем. В связи с этим разработанный нами курс носит адресный характер, имеет профессиональную направленность. На занятиях изучаются такие профессионально значимые темы, как «Стилистические особенности основных жанров рекламных текстов и ПР-текстов»; «Культура речи и этика в рекламных произведениях»; «Речевая этика в ПР»; «Типичные ошибки в рекламных текстах» и др.

Подчеркнем, что адресный характер обучения осуществляется не только при изучении профессионально значимых тем (как это часто бы-

вает на практике), а рассредоточенно, на протяжении всего курса. Этим достигается системность обучения и, как следствие, его эффективность. Проиллюстрируем данное положение, рассмотрев профессионально ориентированное содержание, которое предлагается студентам направления «Реклама и связи с общественностью» при изучении четырех основных разделов стилистики: стилистики языка, стилистики речи, стилистики художественного произведения и стилистики текста.

Знаниевый компонент содержания по разделу «Стилистика языка» включает в себя следующие темы:

1. Стилистически окрашенные языковые средства.
2. Стилистические ресурсы грамматики – морфологии и синтаксиса.
3. Стилистические возможности фонетики и словообразования.
4. Стилистические ресурсы лексики.

При изучении этого раздела уделяется существенное внимание профессионально маркированным языковым единицам, обслуживающим язык рекламного дела. Подчеркивается, что ядро любого профессионального языка – это терминология, так как именно термины концентрируют в себе все основные признаки и свойства профессии. Студенты совместно с преподавателем составляют профессиональный словарь специалиста по рекламе, в который входят следующие слова: баннер, билборд, биллинг, демпинг, копирайтер, медиапланер, промоушн, супервайзер, эккаунт и другие. На занятиях даются краткие сведения о происхождении терминов рекламного дела, которые в большей степени заимствованы из английского языка. Называются некоторые из причин такого активного заимствования [2, с. 274–275]:

- 1) лексическая традиция (русский язык часто заимствует технические и иные профессиональные термины из других языков);
- 2) стремление к интернационализации терминов (они должны быть понятны на любом языке);
- 3) точность и экономичность английского языка (например, семплинг – короче, чем «раздача миниатюрных образцов», а франчайзинг – чем «передача лицензии на право продажи товара другой фирмой»);
- 4) отсутствие аналогов в русском языке (франчайзинг, маркетинг и др.).

Студенты получают общее представление и о способах словообразования терминов языка рекламного дела. Префиксация используется редко (геомаркетинг, ребрендинг). Наиболее популярна суффиксация. Активными являются как модели с русскими суффиксами *-тель*, *-щик*, *-ние*, *-ирова*, *-к* (рекламодатель, планировщик, медиапланирование, выборка), так и с английскими суффиксами *-инг*, *-тор (тер)*, *-ер*, *-ация*,

-мент (брендинг, промоутер, супервайзер, сегментация (рынка), менеджмент). При сложении многие термины заимствуют один корень из русского, а второй из иностранного языка (рекламодатель, фокус-группа).

Помимо терминов студенты знакомятся с такими составляющими профессиональной лексики в сфере рекламного бизнеса, как профессионализмы (выборочная привязка, зонтичный бренд, капающая реклама и пр.) и профессиональные жаргонизмы (ваять – верстать; выхлоп – эффект от рекламы; гвоздь – ударный материал в прессе; джинса – скрытая реклама в СМИ; завлекуха – рекламный ход, привлекающий внимание и др.).

Знаниевый компонент содержания по разделу «Стилистика речи» включает в себя следующие темы:

1. Система функциональных стилей русского литературного языка: разговорный и книжные стили.
2. Состав книжных стилей (официально-деловой, научный, публицистический).
3. Коммуникативные функции стилей.
4. Отбор языковых средств в каждом из стилей.
5. Подстили и жанры.

При изучении этого раздела студентам сообщаются некоторые сведения о профессиональной значимости того или иного стиля. Обосновывая востребованность научного стиля, уделяем внимание терминам, употребление которых в рекламных текстах повышает престижность рекламы и доверие к ней. У студентов формируются знания о закономерностях функционирования терминов в рекламном дискурсе, о том, когда использование терминов в рекламных произведениях обязательно или желательно (при рекламировании лекарственных средств, современной техники, новой услуги и т.д.), а когда без них лучше обойтись. Обращается внимание на то, что в тексте не должно быть слишком много сложных терминов, иначе реклама не будет понятна читателю, а следовательно, будет неэффективна.

В профессиональной деятельности специалистов по рекламе и связям с общественностью необходимо также знание особенностей публицистического стиля и основных жанров публицистики. На занятии дается краткий обзор публицистических жанров, которые встречаются в рекламе: 1) информационных (объявление, рекламная заметка, инструкция, объявление-заявление, научно-популярная заметка, реквизит, логотип); 2) аналитических (путевые и портретные очерки, диалоги, интервью, рецензии, комментарии специалистов); 3) художественно-публицистических (рассказы, исповеди, истории из жизни). Студенты узнают и о

жанровых формах политических PR-текстов, где тоже применяется публицистический стиль (политическая программа, лозунг и пр.). Полученные знания закрепляются на практике. Будущие специалисты учатся определять принадлежность письменных высказываний к тому или иному жанру, создают собственные тексты.

Значительное внимание уделяется на занятиях разговорному стилю, так как в последнее время в рекламе, рассчитанной на массового потребителя, активно используются именно черты данного стиля: неформальность общения, неупорядоченность речи, ее эмоциональность, оценочность, диалогичность. После знакомства с теорией студенты находят в предложенных для анализа рекламных текстах языковые средства разговорного стиля, например:

1) личные и притяжательные местоимения (Тебе захотелось измениться; Возьми подарки себе... и всем-всем-всем), которые создают эффект присутствия читателя в описываемой ситуации, придают оттенок искренности, вызывают у человека доверие к товару, желание его приобрести;

2) элементы разговорного синтаксиса, позволяющие передать манеры простой, непринужденной речи: незаконченность и прерывистость высказывания, наличие неполных предложений, преобладание простых предложений, употребление вопросительных и восклицательных конструкций (Выигрывай чаще! Выигрывай больше! Мы самые первые!);

3) жаргонизмы, просторечия (Тебе не может быть по барабану: Сегодня мы с тобой идем в «Гавану»).

Знаниевый компонент содержания по разделу «Стилистика художественного произведения» включает в себя следующие темы:

1. Проблематика стилистики художественной речи.
2. Трансформация языковых средств в контексте художественного произведения.
3. Языковые особенности художественных произведений различных литературных стилей и направлений.
4. Индивидуальный стиль автора (особенности композиции, своеобразие художественного языка, приемы создания образов и т.д.).
5. Видоизменения авторского повествования: стилизация, пародия, перифраз.
6. Соотношение литературного языка и языка художественной речи: языковая игра.

При изучении данного раздела профессиональная направленность обучения в наибольшей степени обеспечивается на занятиях по теме «Языковая игра». Для пиарменов и специалистов по рекламе умение

«играть языком», сознательно нарушать его нормы, чтобы повысить воздействующий эффект речи, является профессионально значимым (на языковой игре строятся многие рекламные слоганы, языковая игра широко используется в средствах массовой информации, с которыми взаимодействует социальный институт «Паблик Рилейшнз».

Студенты получают представление о понятии «языковая игра» (сознательное манипулирование языком, построенное на необычности использования языковых средств), о функциях языковой игры (усилить выразительность речи; создать комический эффект), о способах применения языковой игры в рекламных слоганах, в средствах массовой информации. Подробно анализируются различные виды языковой игры, которые используются в рекламных текстах, а именно:

1. Графическая игра – шрифтовое, цветовое, пространственное, пунктуационное (кавычки, скобки, тире) выделение той части слова, которая должна быть воспринята как активный элемент, создающий новый смысл (*КуПИКквартиру* – реклама квартир строительной фирмы ПИК).

2. Фонетическая игра – изменение фонетической формы слова, например: 1) наложение друг на друга звукового облика двух слов (*Бар «Изуминка»*). В основе игры наложение друг на друга звукового облика двух лексем – *изуминка* (во всех значениях этого слова) и *изумительный*; замена звуков (букв) в устойчивых словосочетаниях, известных большинству носителей языка (*Грандиозное застолье*. Такое рекламное объявление – это и информация о большом выборе стульев, и намек на известное сочетание *грандиозное застолье*).

3. Словообразовательная игра – конструирование окказиональных слов по уже существующим словообразовательным моделям (магазин *Диван Диваныч*).

4. Лексическая игра – обыгрывание семантики языковых единиц. В рекламе самый известный и популярный прием лексической игры – цитация (цитирование известных афоризмов, фразеологизмов, пословиц, поговорок, но цитирование неточное, рассчитанное на комический эффект).

К наиболее известным способам преобразования устойчивых выражений в рекламных текстах относятся такие, как замена одного или нескольких слов в цитате (*Чистейшей прелести чистящий образец* – реклама стирального порошка); расширение исходного текста, вставка слова, словосочетания, предложения (*Буря мглою небо кроет, ну и пусть она там воет* – реклама дверей и окон); усечение (*Гастал. Старый друг лучше* – реклама лекарства для печени); перестановка компонентов исходного текста (*Дом вашему миру* – реклама строительной компании);

обыгрывание цитаты (*наша лапша на любых ушах хороша* – реклама макаронных изделий).

Еще один известный прием лексической игры – каламбур (шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов, тождественных или сходных по звучанию). В рекламе используются несколько разновидностей каламбуров, например каламбур основанный на многозначности слов. *«Настоящей капле» достаточно капли* (помимо названия товара обыгрываются два значения слова капля: маленькая частица жидкости; самое малое количество).

2. Каламбур, в основе которого обыгрывание сходства в звучании слов и словосочетаний (*Супрастин – супер просто* – обыгрывание происходит за счет паронимии).

После изучения теории будущие специалисты выполняют практические задания, которые развивают профессионально востребованные умения видеть и адекватно воспринимать языковую игру в чужой речи; использовать намеренное отклонение от литературных норм с целью повышения эффективности речи.

Знаниевый компонент содержания по разделу «Стилистика текста» включает в себя следующие темы:

1. Смысловая цельность и структурная связность.
2. Основные типы связи и средства связи.
3. Строение текста. Структура абзаца, период.
4. Функции порядка слов.
5. Роль тропов и стилистических фигур в построении текстов разных типов и назначений.

При изучении этого раздела к профессионально значимым для будущих специалистов по рекламе относятся, например, знания о тропях и стилистических фигурах. На занятиях подчеркивается, что одно из основных требований, предъявляемых к рекламным текстам, – это выразительность: эффективная реклама должна содержать восхищение товаром и услугами, изумление, удивление доступностью приобретения, удовольствие от превосходного предложения, опасение и т.п. Вот почему профессиональный рекламист должен отлично знать и умело использовать при составлении рекламы выразительные средства языка, к которым относятся тропы и стилистические фигуры.

Студенты расширяют и углубляют школьные знания о тропях и стилистических фигурах и получают общее представление о тех из них, которые значимы в рекламе. Так, к тропам, которые чаще всего употребляются в рекламе, относятся:

- эпитет (бесподобный результат; уникальная технология; кристальная свежесть; революционная цена);
 - метафора (Десятки горячих предложений! Попробуйте сейчас, пока не остыли!);
 - олицетворение (Вискас знает и понимает кошек; Сабельник «Эвалар» отсекает боль в суставах в 90 случаях из 100);
 - сравнение (Настоящая музыка с годами не тускнеет. Настоящая краска тоже. «Джоби» – по-настоящему качественная краска из Германии, которая гарантирует превосходный результат. И долговечность);
 - гипербола (цены ниже уровня моря).
- Среди стилистических фигур, распространенных в рекламных текстах, чаще всего можно встретить:
- инверсию (Мотив особый и ночи, полные огня);
 - риторические вопросы, риторические восклицания (*Опять на губах лихорадка! Не улыбаться?! Прикрывать лицо?! И не целоваться?! Ну уж нет! Крем «Зовиракс» – отличный способ проститься с простудой на губах*);
 - градацию (Она беспокоит меня! Она доставляет мне массу неудобств. Она угрожает моему здоровью... Молочница. Избавьтесь от нее с помощью препарата «Микосист» от компании «Гедеон»);
 - антитезу (Лучше экономно говорить, чем дорого молчать; МИНИ-машина для МАКСИ-стирки);
 - анафору и эпифору (Коля любит «Мамбу». Толя любит «Мамбу». Все любят «Мамбу». И Сережа тоже).

Более качественному усвоению профессионально значимого содержания курса «Стилистика и литературное редактирование» способствует написание курсовых работ на профессионально ориентированные темы.

Считаем, что включение в содержание курса «Стилистика и литературное редактирование» профессионально значимой составляющей, адресный характер обучения, направленность его на профессиональные потребности студентов повышают мотивацию будущих специалистов по рекламе и связям с общественностью к углублению и расширению стилистических знаний и совершенствованию стилистических умений.

Литература

1. Коренева, А.В. Профессионально ориентированное обучение речевой деятельности студентов-филологов на основе междисциплинарной интеграции в курсе «Русский язык и культура речи»: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / А.В. Коренева. – Мурманск: ООО «Полиграфист», 2010. – 48 с.

2. Реклама: язык, речь, общение: учеб. пособие / Под ред. О.Я. Гойхмана, В.М. Лейчика. – М: ИНФРА-М, 2010. – 288 с.

Леонид Лохманенко

Белорусский государственный университет

О ПРИВИТИИ НАВЫКОВ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ИСТОЧНИКАМИ ИНФОРМАЦИИ

Личность журналиста, его интеллектуальный и творческий потенциал обязательно в той или иной степени отражается на конечном результате его труда. Не зря в журналистской среде бытует тезис о том, что хорошо пишет тот, кто хорошо думает. Добавим, кто умеет эффективно работать с различными источниками информации: официальными и неофициальными, открытыми и закрытыми, первичными и вторичными. Реализация таланта журналиста в полной мере невозможна без постоянной и вдумчивой работы с документом, в данном случае, содержащим свежую и достоверную международную информацию, подчеркнем, стратегического характера. Но чтобы по достоинству оценить ее значение, необходимо еще уметь прочитать этот документ, увидеть тенденции развития той или иной отрасли, региона, страны в целом.

Сегодня в условиях жесткой конкуренции между СМИ у молодых журналистов остается все меньше времени для основательной предварительной подготовки к интервью, глубокой проработки темы статьи, обзора или комментария на актуальные события экономического характера. Чтобы не отстать от коллег других изданий, часто приходится работать, что называется, с колес, ибо времени на анализ часто неоднозначной и противоречивой информации почти не остается. А тут еще надо придумать яркий заголовок и интригующий подзаголовок, интересно начать материал, наполнить его середину содержательной фактурой, на основании которой постараться сделать глубокие выводы. И еще желательно завершить материал нестандартной и запоминающейся концовкой. Это, конечно, в идеале. А на практике молодому журналисту приходится оперативно мобилизовывать весь свой небогатый практический опыт, чтобы в сжатые сроки выполнить редакционное задание. А ведь опыт – это тот ресурс, который приходит с годами. У молодых он пока минимальный.

Несмотря на огромные преимущества Интернета как инструмента в поиске необходимой информации (в большинстве случаев вторичной), весьма важно помочь будущему журналисту-международнику по-

экономическим вызовам, то все, что касается будущего России, имеет отношение и к будущему Беларуси. Потребители медиапродукта белорусских СМИ должны знать, какие преимущества дает нам подобное партнерство и как используются наши союзные отношения для улучшения их повседневной жизни.

Профессиональный и довольно точный анализ состояния мировой экономики содержится в ежегодных докладах и отчетах Всемирного экономического форума в Давосе, агентств и структур системы ООН, например, Всемирного банка, Международного валютного фонда. Знакомство с их документами на практических занятиях позволяет будущим журналистам-международникам лучше почувствовать мировые тенденции в современной мировой экономике, роль Китая, России, США, ЕС, Японии, других глобальных игроков и их влияние на состояние главных рынков планеты, на устранение последствий финансово-экономических кризисов последних лет.

Тенденции развития ведущих белорусских СМИ свидетельствуют о постоянном присутствии внешнеэкономической проблематики на страницах периодических изданий, в теле- и радиоэфире. Беларусь, как известно, страна с открытой экономикой. Экспорт для ее нормального функционирования играет огромную, если не определяющую роль. Поэтому белорусская промышленность и дипломатия целенаправленно работают над поиском новых рынков сбыта готовой продукции отечественных производителей. В этой связи перспективными представляются страны Латинской Америки. Белорусские посольства уже действуют в Аргентине, Венесуэле и Бразилии. «19 ноября правительство своим постановлением № 990 одобрило открытие посольства Беларуси в Эквадоре в 2014 году. Ранее сообщалось, что Беларусь и Эквадор намерены в скором времени открыть посольства в Кито и Минске» [1]. Это сообщение информационного агентства БЕЛТА уже вряд ли кого удивит. Многие белорусские СМИ следят за положительной динамикой деловых отношений с Латинской Америкой. Проблематика экономических связей с этим континентом находит отражение в ходе практических занятий, например, в виде ролевой игры. Создается журналистский пул для участия в пресс-туре по странам Латинской Америки, с которыми у Беларуси налаживается взаимовыгодное сотрудничество. Перед командировкой студенты (разумеется, посланцы ведущих СМИ Беларуси) на занятии рассказывают о предварительной подготовке к поездке в одну из перспективных в плане экономического сотрудничества латиноамериканскую страну, о проделанном анализе официальных и других

документов по тематике пресс-тура, предлагают для обсуждения в аудитории темы для будущих интервью, репортажей, статей.

Как известно, творческий процесс в журналистике включает две стадии: изучение реальной действительности посредством анализа и сопоставления сведений и фактов из разных источников на заданную тему и создание медиатекста. Но все же стимул к творческой работе журналист получает от знакомства с первичной, желателно эксклюзивной, фактурой, от ее осмысления и последующего выхода на новую и неизбитую тему для интересной публикации. Нередко такие темы рождаются в результате внимательной проработки общедоступных документов.

Літаратура

1. Беларусь наращивает присутствие в Латинской Америке // Беларускі партал TUT.BY [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/politics/375821.html>. – Дата доступа: 24.12.2013.
2. Лемешенок, А. Участникам Второй Международной научно-практической конференции «Международная журналистика: глобализация и регионализация информационного пространства» / А. Лемешенок // Международная журналистика-2013: глобализация и регионализация информационного пространства: материалы Второй Междунар. науч.-практ. конф., 20 февр. 2013 г., Минск / под общ. ред. Т.Н. Дасаевой; сост. Б.Л. Залесский. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 5–6.
3. Послание Президента Федеральному собранию, 12 декабря 2013 года, 13:15, Москва, Кремль // Президент России: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/19825/print>. – Дата доступа: 8. 01.2014.

Галіна Тычко

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

РОЛЯ БЕЛАРУСКАМОЎНАЙ ПРЭСЫ Ў ПРАЦЭСАХ КУЛЬТУРНАЙ ІДЭНТЫФІКАЦЫІ БЕЛАРУСАЎ ЗАМЕЖЖА

У сучасным зменлівым свеце чалавек, які хоча заставацца самім сабой, вымушаны вызначаць не толькі сваё падабенства, але і сваю адрознасць ад іншых людзей, інакш кажучы, усведамляць сваю ідэнтычнасць і ў першую чаргу – нацыянальную. Праблема нацыянальнай самаідэнтыфікацыі была і застаецца пакуль што адной з самых балючых для беларусаў. Аднак асаблівую складанасць набывае яна для беларусаў замежжа, найперш для беларусаў Беласточчыны, якім прыходзіцца зберагаць сваю культурную і моўную самабытнасць ва ўмовах жыцця ў іншанацыянальнай дзяржаве. Польшча, якая стала

для іх вялікай радзімай, нягледзячы на сваю этнічную цэласнасць, тым не менш, як спадчыніца Рэчы Паспалітай абодвух народаў – ВКЛ і Кароны, – краіна шматнацыянальная, дзе, апроча этнічных палякаў, пэўны працэнт насельніцтва складаюць беларусы, украінцы, татары...

Нацыянальная самабытнасць гэтых народаў выяўляецца ў іх культурнай адметнасці, якая побач з рэлігіяй, менталітэтам, духоўнымі традыцыямі і звычаямі найярчэй праяўляецца ў літаратурна-мастацкай творчасці. Беластоцкі край, Белавежа – спрадвечная этнічная радзіма польскіх беларусаў. І яны сведчаць пра гэта ў тым ліку і сваім пісьменніцкім даробкам здаўна, але асаблівым чынам, пачынаючы з другой паловы XX стагоддзя.

Велізарнейшую ролю ў захаванні іх нацыянальнай самасці адыграла і працягвае адыгрываць беларускамоўная прэса: газета «Ніва», заснаваная ў 1956 г. і часопіс «Тэрмапілы», які вядзе свой радавод з 1998 г., практычна з пачатку новага веку. 8 чэрвеня 1958 года пры рэдакцыі тыднёвіка «Ніва» было ўтворана Беларускае літаратурнае аб'яднанне «Белавежа», якое якраз і каардынуе ўсе літаратурна-мастацкія пачынанні беларусаў Польшчы. Заснавальнікі беларускага літаратурнага руху ў Польшчы – Георгій Валкавыцкі, Сакрат Яновіч, Ян Чыквін і інш., творчы даробак якіх узбагаціў скарбонку нацыянальнай культуры.

Эстэтычна-мастацкі феномен адзінага па-за межамі Беларусі беларускага літаратурнага саюзу і самога беларускага культурнага руху сярэдзіны XX ст. на Беласточчыне слушна звязваецца найперш з грамадскай і творчай дзейнасцю Георгія Валкавыцкага, першага старшыні белавежцаў, чалавека прафесійна падрыхтаванага, бескарыслівага і нацыянальна заангажаванага.

Першы паэтычны зборнік «Рунь», у які ўвайшлі творы беларускіх літаратараў Польшчы з праграмнай прадмовай Г. Валкавыцкага, выйшаў у 1959 г. і выклікаў шырокі грамадскі рэзананс на Беларусі і ў Польшчы. Зборнік «Рунь» быў першай паэтычнай кнігай у пасляваеннай Беласточчыне. Амаль усе яго аўтары (а гэта было 17 чалавек) дэбютавалі перад тым на старонках «Нівы».

У аўтабіяграфічным нарысе «Віры» Г. Валкавыцкі, які стаяў і каля вытокаў беларускай прэсы на Беласточчыне, прыгадвае, як ён шукаў назву гэтай беларускамоўнай газеце. Пераглядаліся і адкідваліся розныя варыянты і ўрэшце, амаль фізічна, ён адчуў «дотык працягнутай з гісторыі рукі, таксама «адзінай» віленскай «Нашай нівы» [1, с. 13].

Свядомая арыентацыя на першую легальную беларускамоўную адраджэнскую газету аказалася слушна. Літаратурная старонка «Нівы» таксама, як і вялікая папярэдніца тыднёвіка, групавала вакол

сябе беларусаў Беласточчыны (не падобных па таленце, адукацыі, узросце, сацыяльнаму становішчы) цягам больш 40-а гадоў. У творах, што друкаваліся тут, выяўляліся розныя эстэтычныя і сацыяльна-грамадскія арыентацыі пісьменнікаў – ад нарматыўнай соцрэалістычнай рыторыкі да смелага паэтычнага эксперыменту. Арганічнае суіснаванне розных стыляў і паэтык сведчыла пра агульныя тыпалагічныя заканамернасці развіцця літаратуры Беласточчыны ў рэшчышчы ўсёй нацыянальнай літаратуры як адзінага цэлага.

Мастацкі даробак пісьменнікаў Беласточчыны ў шырокім гістарычным і сучасным нацыянальным кантэксце цесна звязаны са станаўленнем літаб'яднання «Белавежа» да канца XX стагоддзя ўключна, падкрэсліваючы тым самым унікальную знаканасць гэтай з'явы. Асэнсаванне галоўных тэндэнцый развіцця беларускай літаратуры Польшчы, яе стыльва-эстэтычных адметнасцяў асабліва заўважна на прыкладзе творчасці вядучых пісьменнікаў «Белавежа» – С. Яновіча, Я. Чыквіна, А. Барскага, Я. Жамойціна, У. Гайдука, М. Шаховіча, В. Шведа, Н. Артымовіч, М. Лукшы і інш. Менавіта творчасць белавежцаў, як слушна падкрэслівае Ян Чыквін, «шчыльна запоўніла сваю этнічную прастору культурна-эстэтычным зместам», тым самым дэкларуючы беларускім словам нацыянальна-беларускую самаідэнтыфікацыю жыхароў гэтага краю [4, с. 5].

Мастацкі твор з'яўляецца вынікам трансфармацыі, увасаблення цэлага шэрагу разнастайных фактараў. Вызначальнае месца сярод іх займаюць лёс творцы, яго светапогляд, грамадскі кантэкст, гістарычная эпоха. Рэальнасць, у якой існуе аўтар, выяўляецца на старонках твораў не толькі прыхаваным падтэкстам, але і зададзенай мэтай, што і вызначае аўтарскі стыль. У шырокім значэнні стыль – гэта скразны прыныцп пабудовы мастацкай формы, які надае твору цэласнасць, пэўны каларыт, якія абумоўлены найперш асаблівасцямі творчай індывідуальнасці. З другога боку, стыль – як устойлівая цэласнасць усіх бакоў і элементаў твора, выяўляецца ў кожным асобным фрагменце тэксту.

Стыльва-эстэтычныя асаблівасці творчасці беларускіх пісьменнікаў Польшчы: аўтараў тыднёвіка «Ніва», сяброў літаратурнага аб'яднання «Белавежа» даследуюцца, пачынаючы з 1959 г., калі ў Мінску, Маскве, Варшаве, Беластоку з'явіліся рэцэнзій-водгукі на выхад першага паэтычнага зборніка «белавежцаў» «Рунь». Пісалі пра «белавежцаў» Фларыян Няўважны, Эльжбета Феліксяк, Мар'ян Юркоўскі, Вальдэмар Смашч і інш. Тэрэса Занеўская абараніла доктарскую дысертацыю, прысвечаную даследаванню творчасці беларускіх паэтаў Польшчы. Тэмай кандыдацкай дысертацыі Бэаты Сівэк з Любліна таксама стала беларуская

паэзія Польшчы. Асаблівае ж месца ў асэнсаванні феномена «Белавежа» займае кніга Яна Чыквіна «Далёкія і блізкія. Беларускія пісьменнікі замежжа» (Беласток, 1997). У Беларусі, як ні парадаксальна, асэнсаванне мастацка-эстэтычнага набытку «Белавежы» пачалося пазней.

Досьць доўга інтэнсіўны літаратурны працэс на Беласточчыне быў як бы па-за ўвагай крытычнай думкі метраполіі. Можна гаварыць толькі пра спарадычныя водгукі на асобныя кнігі. Цікавасць да «Белавежы» актывізавалася пазней на пераломе 80–90-х гг. З рэцэнзіямі, творчымі партрэтамі, агляднымі артыкуламі, разнастайнымі рэфлексіямі выступілі ў друку Уладзімір Калеснік, Уладзімір Конан, Уладзімір Гніламёдаў, Ала Сямёнава, Міхась Тычына, Алесь Разанаў, Пятро Васючэнка, Людміла Зарэмба, Вольга Шынкарэнка і інш. Творчую індывідуальнасць Яна Чыквіна разгледзеў у кандыдацкай дысертацыі, абароненай у Інстытуце літаратуры НАН Беларусі, Анатоль Раманчук. Не абыдзена ўвагаю творчасць «белавежцаў» і ў Англіі, Германіі, Аўстрыі. Узгадаем тут Шырын Акінэр, Арнольда Макміліна, Фердынанда Нойрайтэра, Норберта Рандава.

Англійская даследчыца Шырын Акінэр, зацікавіўшыся ў другой палове 70-х гг. творчасцю беларускіх пісьменнікаў Польшчы, акрэсліла іх мастакоўскі набытак як літаратуру рэдкай разнастайнасці ды шчырага натхнення. Маючы на мэце аналіз найперш эстэтычнай матэрыі, Ш. Акінэр звярнула ўвагу і на сацыялагічнае значэнне існавання «Белавежы». Сапраўды, дзейнасць гэтай арганізацыі выразна пацвярджае адну з менавіта беларускіх гістарычных заканамернасцей, ці не самую вызначальную, лёсаносную – і загадкава невытлумачальную. У прыватнасці, Ш. Акінэр канстатавала: «Факт, што гэты народ так доўга захоўвае пачуццё сваёй нацыянальнай асаблівасці мяжуе з цудам» [5, с. 3].

Пра найбольш прызнаных пісьменнікаў «Белавежы» можна прачытаць у англа- і нямецкамоўнай гісторыі беларускай літаратуры, а таксама у прэстыжных энцыклапедыях і даведніках беларускіх, польскіх і заходнеўрапейскіх. Трэба, аднак, падкрэсліць, што на цяперашні час адбылося перапамеркаванне зацікаўленасці «белавежцамі» – лідзіруе тут зараз айчыннае беларускае літаратуразнаўства. Яскравы прыклад таму – раздзел пра творчасць беларускіх пісьменнікаў Польшчы, уключаны ў 4-томнае акадэмічнае выданне Гісторыі беларускай літаратуры. Аўтарам яго з’яўляецца У. Гніламёдаў.

Асаблівую старонку ў гісторыі «Белавежа» займае часопіс «Тэрмапілы», які пачаў выходзіць з 1998 г., юбілейнага саракагоддзя аб’яднання. Да гэтуль творы белавежцаў друкаваліся на Літаратурнай старонцы штотыднёвіка «Ніва», у альманахах і аўтарскіх выданнях. Існуе цікавая

статыстыка: «у 460 нумарах Літаратурнай старонкі было змешчана каля 3,5 тысяч твораў малага жанру, найперш друкаваліся вершы, але таксама мініяцюры, апавяданні, эсэ, рэцэнзіі, крытычныя і публіцыстычныя артыкулы (...) І калі ў першае дзесяцігоддзе «белавежцы» запісалі ў свой актыў толькі 5 асабістых кніг і 3 альманахі, у другое – 9 кніг і 2 альманахі, у трэцяе – 26 кніг і 1 альманах, дык у 90-х гадах пабачыла свет 3 альманахі і звыш 80 аўтарскіх кніг» [3, с. 219].

Дзейнасць і роля часопіса «Тэрмапілы», рэдактарам якога стаў Я. Чыквін, успрымаецца як з’ява сучаснага беларускага літаратуранага працэсу. Канцэптуальная задача выдання выяўлялася ў кансалідацыі творчай інтэлігенцыі ў чарговую вельмі складаную для Беларусі пару. І на самрэч, часопіс «Тэрмапілы» да сённяшняга дня з’яўляецца ўнікальным выданнем, на старонках якога творы белавежцаў суседнічаюць з творамі класікаў нацыянальнага прыгожага пісьменства: Я. Брыля, Н. Гілевіча, А. Вярцінскага, Я. Сіпакова, Г. Бураўкіна, Н. Мацяш, М.Сяднёва, Ю. Станкевіча, А. Рыбака і інш.

Проза, паэзія, публіцыстычныя артыкулы, пераклады замежнай класікі, літаратуразнаўчыя даследаванні, дэбюты маладых творцаў – вось змест часопіса, які ярка выяўляе яго адданасць традыцыям і наватарскія ўстаноўкі на новы час. Можна цалкам пагадзіцца з высновай даследчыцы славянскіх літаратур Г. Тварановіч, аб тым, што «часопіс «Тэрмапілы» сапраўды стаўся месцам сустрэчы беларускай творчай інтэлігенцыі і ўсіх тых, хто зацікаўлены беларускай культурай, духоўнасцю» [3, с. 232].

Асэнсоўваючы мастацка-эстэтычны набыткі «белавежцаў», варта падкрэсліць універсальнасць беларускага мастацкага слова, якое незалежна ад месца выказвання (Беларусь, далёкае замежжа, ці Беласточчына) «выяўляе нацыянальны лёс, шлях, характар». І таму «ёсць агульны літаратурны працэс, ёсць адна беларуская літаратура» [3, с. 235]. З такім падыходам цяжка не пагадзіцца. Як і з тым фактам, заўважаным у савецкі перыяд У. Калеснікам, што ў тагачасных «беларусаў Беласточчыны большы зарад нацыянальнай годнасці, шырэй далягяды ў гуманітарнай інтэлігенцыі» [2, с. 57].

Апошні фактар істотна паўплываў на дыяпазон стылёва-эстэтычных пошукаў беларускай літаратуры ў Польшчы, якія ў постсавецкі перыяд аказаліся запатрабаванымі для ўсяго нацыянальнага прыгожага пісьменства.

Мастацкая творчасць «белавежцаў» – Я. Чыквіна, У. Гайдука, Я. Жамойціна, М. Шаховіча, Н. Артымовіч, Ж. Мартынюк на першым плане ўтрымлівае сакральную для кожнага чалавека тэму Радзімы. Не-

сумненна, што прадстаўнікі «Белавежа» – людзі памежка, таму паняцце Радзімы ў іх асацыюецца найперш з «малой» радзімай, якая вызначаецца межамі Белавежскай пушчы, арэалам бытавання роднага слова.

«Мой твар запісаны кірыліцай» – сімвалічная сакральная формула, што прагучала з вуснаў Ю. Баены, якраз і падкрэслівае непарыўную павязь нацыянальнай самаідэнтыфікацыі з беларускай мовай. Абуджэнне і захаванне нацыянальнай тоеснасці найбольш ярка і маніфестацыйна выяўляецца ў паэзіі. «Я беларус і сваёй роднай мове // Яшчэ дзіцём вучыўся ад бацькоў. / І слова роднае – мой лёс у гэтым слове – // Мне даражэй, чым сотні іншых слоў». Гэта рэфлексія лірычнага героя найстарэйшага з паэтаў «Белавежа» Віктара Шведа. Яны змяшчаюцца ў шырокі гісторыка-культуралагічны кантэкст, пачынаючы з Ф. Багушэвіча, перагукваюцца з лірычнымі споведзямі паэтаў-белавежцаў маладзейшага пакалення – Ю. Баены, В. Стахвюка. Вернасць Айчыне – гэта найперш вернасць сваім караням, сваім традыцыям, сваёй мове. Толькі яна і можа супрацьстаяць у наш час культурнай, этычнай энтрапіі.

Неаспрэчным фактам з’яўляецца і тое, што беларускае мастацкае слова – выказана яно ў Беларусі, прагаворвае з-за акіяна ці з-за блізкай мяжы – выяўляе нацыянальныя лёс, шлях, характар. Ёсць агульны літаратурны працэс, ёсць адна беларуская літаратура, ёсць адна беларуская нацыя.

Літаратура

1. Валкавыцкі, Г. Віры. Нататкі рэдактара. / Г. Валкавыцкі. – Беласток, 1991. – С. 13.
2. Колесник, В. Близость дальнего / В. Колесник // Неман. – 1994. – № 11. – С. 57.
3. Тварановіч, Г. Пры брамах Радзімы. Літаратурнае аб’яднанне “Белавежа”: станаўленне, праблемы, асобы / Г. Тварановіч. – Беласток, 2012.
4. Шлях па прамой часу. Да гісторыі беларускай літаратуры Польшчы. 1958–2008 гг. / пад. рэд. Я. Чыквіна. – Беласток, 2007.
5. Shirin A. Suczasnaja bielaruskija piśmienniki u Polsce / A. Shirin. – Bielastok 1982. – S. 3.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Абрамава Яўгенія Ільінічна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры агульнага і рускага мовазнаўства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна (Беларусь)

Алейнік Лада Віктараўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры і культуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Амірарсланава Асіят Рамазанаўна – студэнтка 5-га курса Дагестанскага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Махачкала, Расія)

Аўчарэнка Алена Феліксаўна – кандыдат філалагічных навук, кіраўнік Інфармацыйнага цэнтру «Канадская бібліятэка» Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М.В. Ламаносава (Расія)

Басава Ганна Іванаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дэкан факультэта перападрыхтоўкі і павышэння кваліфікацыі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Белякова Людміла Пятроўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры перыядычнага друку Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Валькоўскі Міхаіл Аляксандравіч – дацэнт кафедры замежнай журналістыкі і літаратуры Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, намеснік галоўнага рэдактара газеты «Рэспубліка»

Вараб’ева Ірына Анатолеўна – кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і практыкі англійскай мовы і прыкладной лінгвістыкі Ровенскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта (Украіна)

Васілеўская Алена Станіславаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага і рускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Васькіў Мікалай Сцяпанавіч – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры ўкраінскай літаратуры, кампаратывістыкі і сацыяльных камунікацый Кіеўскага ўніверсітэта імя Барыса Грынчанкі (Украіна)

Венідзіктаў Сяргей Віктаравіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Магілёўскага вышэйшага каледжа Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь

Высоцкая Ірына Усеваладаўна – доктар філалагічных навук, дацэнт кафедры семіётыкі і дыскурснага аналізу Новасібірскага нацыянальнага даследчага дзяржаўнага ўніверсітэта (Расія)

Габрусевіч Вікторыя Юр’еўна – студэнтка Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Газіева Індзіра Адэльеўна – дацэнт кафедры ўсходніх моў Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта

Галуцкіх Ірына Анатольеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры англійскай філалогіі факультэта замежнай філалогіі Запарожскага нацыянальнага ўніверсітэта (Украіна)

Глогава Жанна Уладзіміраўна – кандыдат педагагічных навук, дацэнт Рэсурснага цэнтра замежных моў Балтыйскага федэральнага ўніверсітэта імя Імануіла Канта (Расія)

Голубева Вікторыя Канстанцінаўна – аспірант навуковай установы «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры» Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

Градзюшка Аляксандр Аляксандравіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Грамовіч Людміла Мікалаеўна – галоўны рэдактар рэспубліканскай газеты для дзяцей і падлеткаў «Зорька»(Беларусь)

Дарашчонок Пётр Леанідавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дзесюкевіч Вольга Іванаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дзятко Дзмітрый Васільевіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры беларускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Драздоў Дзмітрый Мікалаевіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дубовік Сяргей Валянцінавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі, дырэктар Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дуброўская Вольга Валер’еўна – магістр філалагічных навук, аспірантка Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Еўмянькоў Віталь Іванавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры журналістыкі Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова (Беларусь)

Завадская Ганна Іосіфаўна – аспірантка Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка (Беларусь)

Заікіна Вольга Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, старшы выкладчык кафедры агульнагуманітарных дысцыплін Валгаградскага філіяла Інстытута прафесійных інавацый (Расія)

Залескі Барыс Леанідавіч – дацэнт кафедры замежнай журналістыкі і літаратуры Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, спецыяльны карэспандэнт газеты «Звязда»

Львін Ілля Віктаравіч – аспірант Харкаўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя В.Н. Каразіна (Украіна)

Канюшкевіч Таццяна Вітальеўна – старшы выкладчык кафедры стылістыкі і літаратурнага рэдагавання Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Касперава Ларыса Тазрэтаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі рускай мовы Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М.В. Ламаносава (Расія)

Каспяровіч Вольга Мікалаеўна – магістрантка кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Качан Анастасія Валер’еўна – студэнтка Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта

Конанава Алена Іванаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры замежнай журналістыкі і літаратуры Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Коранева Настасся Вячаславаўна – доктар педагагічных навук, прафесар кафедры рэкламы, сувязей з грамадскасцю і лінгвістыкі Мурманскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта (Расія)

Кулікова Ганна Сяргееўна – студэнтка 5 курса Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта

Куліковіч Уладзімір Іванавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры рэдакцыйна-выдавецкіх тэхналогій Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта

Лабоха Яўгенія Канстанцінаўна – магістрантка кафедры рэдакцыйна-выдавецкіх тэхналогій Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта

Лавіцкі Антон Аляксеевіч – аспірант кафедры агульнага і рускага мовазнаўства Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава (Беларусь)

Лагуціна Алеся Віктараўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры камунікалогіі і псіхалогіі Паўднёва-Заходняга дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Курск, Расія)

Ламтадзэ Тамар Рэзоеўна – кандыдат філалагічных навук, асацыяваны прафесар дэпартамента грузінскай філалогіі Кутаіскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Акакія Цэрэтэлі (Грузія)

Лахманенка Леанід Мікалаевіч – выкладчык кафедры замежнай журналістыкі і літаратуры Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Лявіцкі Вячаслаў Андрэевіч – кандыдат філалагічных навук, галоўны спецыяліст-рэдактар Генеральнай пракуратуры Украіны

Мароз Святлана Сяргееўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Марозаў Ігар Вячаслававіч – доктар культуралогіі, прафесар кафедры культуралогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Міхайлаў Павел Аляксандравіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Набіева Алена Айбулатаўна – кандыдат філалагічных навук, выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі журналістыкі Цюменскага дзяржаўнага ўніверсітэта (Расія)

Нямковіч Ніна Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Падаляк Таццяна Уладзіміраўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Панкевіч Марыя Дзмітрыеўна – рэдактар Цэнтра выдавецка-паліграфічных і інфармацыйных тэхналогій, магістрантка кафедры рэдакцыйна-выдавецкіх тэхналогій Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта

Петрачэнка Ганна Генадзьеўна – магістрантка кафедры гісторыі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Пранко Людміла Іванаўна – кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры французскай мовы Дагестанскага дзяржаўнага ўніверсітэта (Расія)

Ржавуцкая Марына Сяргееўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Сабуць Аліна Эдмундаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт

кафедры беларускай літаратуры Гродненскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы (Беларусь)

Савельева Алена Барысаўна – старшы выкладчык кафедры метадыкі выкладання замежных моў Маскоўскага дзяржаўнага абласнога гуманітарнага інстытута (Расія)

Сакалова Галіна Яўгенаўна – кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры рускай мовы як замежнай Маскоўскага педагагічнага дзяржаўнага ўніверсітэта (Расія)

Салаўёва Наталля Валянцінаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры агульнага і рускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Сасіна Вікторыя Віктараўна – магістрантка Паўночна-Каўказскага федэральнага ўніверсітэта (г. Стаўрапаль, Расія)

Сідорская Ірына Уладзіміраўна – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры тэхналогій камунікацыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Сіліна-Ясінская Таццяна Уладзіміраўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры перыядычнага друку Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Сінькова Людміла Дзмітрыеўна – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры беларускай літаратуры і культуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Січынава Алег Мерабавіч – магістрант Паўночна-Каўказскага федэральнага ўніверсітэта (г. Стаўрапаль, Расія)

Скварцова Наталля Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры прыкладной лінгвістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Слука Алег Георгіевіч – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Смірнова Надзея Уладзіміраўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры стылістыкі рускай мовы Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М.В. Ламаносава (Расія)

Старасценка Таццяна Яўгенаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Сцяпашкіна Яўгенія Сяргееўна – старшы лабарант кафедры рускай мовы Маскоўскага дзяржаўнага абласнога сацыяльна-гуманітарнага інстытута (Расія)

Тора Вікторыя Аляксандраўна – кандыдат філалагічных навук, выкладчык Рэчыцкага дзяржаўнага педагагічнага каледжа (Беларусь)

Трыгук Марына Алегаўна – магістрантка Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна (Беларусь)

Тычко Галіна Казіміраўна – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры сацыялогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Фральцова Ніна Ціханаўна – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Цяслюк Наталля Паўлаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры замежных моў Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь

Часнок Ірына Чаславаўна – магістрантка кафедры беларускай літаратуры і культуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Шаламіцкая Таццяна Леанідаўна – старшы выкладчык кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Шкляр Ганна Аляксандраўна – аспірантка кафедры сацыяльных камунікацый Інстытута журналістыкі Кіеўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Тараса Шаўчэнкі (Украіна)

Шымолін Віктар Іванавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

ЗМЕСТ

РАЗДЗЕЛ 7

Мастацкі тэкст: камунікатыўныя і лінгвакагнітыўныя параметры

Евгения Абрамова

Окказионализмы как элементы языковой игры в художественно-публицистических текстах М. Веллера 3

Алена Васілеўская

Сістэма метафар у апавяданні Міхася Зарэцкага «Кветка пажоўкляя». . . 11

Ирина Воробьева

Аллюзии в романе «Благие знамения» Терри Пратчетта и Нила Геймана 19

Ирина Галуцких

Иконичность художественной телесности в образно-нарративной структуре художественной прозы английского постмодернизма (концептуальный анализ) 25

Виктория Голубева

О синкретизме семантики наречий в поэтическом тексте. 35

Ольга Десюкевич

Феномен аквитизма в белорусской культуре 20-х гг. XX века. 43

Анна Завадская

«Метеоры» М. Турнье: идентификация жанра романа «нового мифа». . . 51

Анна Куликова

Футуристическая книга как мультимедийный объект 58

Святлана Мароз, Марына Ржавуцкая

Асаблівасці ўжывання пасесіўных канструкцый у мастацкіх тэкстах . . . 61

Елена Савельева

Образ автора в тексте художественного произведения жанра автобиографии (на материале творчества А. Жида) 65

Виктория Сасина

Слово как средство гармонизации жизни в метапоэтике Н.С. Гумилева. 72

Людміла Сінькова

Жанравая дынаміка ў дакументальна-мастацкай прозе 75

Олег Сичинава

Образ автора в структуре метапоэтического текста (на материале автобиографии В.В. Маяковского «Я сам») 82

Наталья Скворцова «Отказаться нельзя употребить», или Причастия в художественном тексте	85
Надежда Смирнова Текстообразующая функция идентификации	91
Наталья Теслюк, Павел Михайлов Изучение языка русской художественной литературы в Беларуси (1991–2013 гг.)	100
Вікторыя Торра Эўфанічныя адметнасці нізкі вершаў «З застрэшка мамінае хаты» Р. Барадуліна	108
Марина Тригук Репрезентация категории «образ автора» в аспекте стилистического анализа художественного текста.	113
Ірына Часнок Пісьменнік – аўтар – апавядач у рамане М. Гарэцкага «Віленскія камунары»	119
РАЗДЗЕЛ 8	
Мова і тэкст у дыялогу культуры	
Ирина Высоцкая Концепт новость в массовом и профессиональном сознании	128
Жанна Глотова К вопросу о сохранении культурного фона текстов при переводе	134
Дзмітрый Дзятко Прафесар С.Р. Бархударыў і Беларусь	137
Ольга Занкина Языковая картина мира К. Г. Паустовского (на примере номинаций источников света).	142
Уладзімір Куліковіч, Анастасія Качан Выдавецкая тэрміналогія на старонках «Нашай Нівы» (1910–1911 гг.)	148
Евгения Лабоха Переводные поэтические сборники Эмили Дикинсон: содержание и структура	153
Антон Лавицкий Медиаконцепты «Славянский базар» и Витебск в региональном газетном дискурсе	160

Тамар Ломтадзе О трансформации речи евреев в интервью	168
Игорь Морозов Житие языка-слова	172
Елена Набиева Публицистический стиль Сергея Голубицкого	178
Ніна Нямковіч Лінгвістычнае прачытанне «Лістоў з дарогі» Ядвігіна Ш.	184
Мария Панкевич Динамика типологических признаков термина «журнал» в официальных источниках	189
Асият Амирасланова, Людмила Пренко Особенности употребления цветолексем blanc «белый» и rouge «красный» во французском политическом дискурсе	197
Аліна Сабуць Аўтарскае «я» ў мастацкай публіцыстыцы Р. Барадуліна	204
Тацяна Старасценка, Вікторыя Габрусевіч Дыялагічныя маркеры ў публіцыстыцы Янкі Сіпакова	209
Евгения Степашкина Окказиональные имена прилагательные в публицистике А.И. Солженицына	213
РАЗДЗЕЛ 9	
Гісторыя, тэорыя і метадалогія журналістыкі	
Николай Васькин Особенности украинской советской радиожурналистики 1930-х годов (на примере двух радиопередач).	221
Людмила Грамович Исторический опыт и тенденции развития, приоритетная проблематика печатных СМИ для детско-молодежной аудитории	228
Пётр Дарашчонак Публіцысты «Звезды» аб дзяржаўным самавызначэнні Беларусі (1917–1921 гг.)	231
Сяргей Дубовік Расійскія газеты на інфармацыйным рынку Беларусі: вопыт адаптацыі	238
Ольга Дубровская Глобализация в формировании тенденций развития современных СМИ	241

Віталь Еўмянькоў Неперыядычныя выданні на тэрыторыі Рэчы Паспалітай у сярэдзіне XVI–XVII ст.: спецыфіка падрыхтоўкі і распаўсюджвання інфармацыі	247
В’ячеслав Левицкий Спадщина Тараса Шевченка і розважальна перыодика 1900-х рокаў (на матэрыялі публікацый в украінському журналі «Шершень»).	255
Елена Овчаренко Слово в контексте времени: из истории печатных СМИ Квебека.	261
Тацяна Падаляк Каштоўнасць публіцыстычнага слова як эмпірычны факт	269
Анна Петроченко Потенциал общественного влияния СМИ	275
Татьяна Силина-Ясинская Типология современной белорусской журнальной периодики	282
Алег Слука Ідэалагічная эвалюцыя беларускай камунікацыі	290
Наталья Соловьева Русские переводные «вести» начала XVII века в истории становления новостного жанра.	297
Анна Шкляр Особенности развития деловой прессы в Украине.	301
Татьяна Шоломицкая Политическая коммуникация в земской печати Беларуси	306
РАЗДЗЕЛ 10	
Журналістыка: новая парадыгма інфармацыйнага ўзаемадзеяння	
Людмила Белякова Искусство и логика создания публицистического образа	315
Михаил Вальковский Китайско-белорусский индустриальный парк: особенности медийного освещения.	322
Индира Газиева Языковая эпатажность как модный тренд в индийском медиапространстве	328
Александр Градюшко Медиа́текст веб-формата в современной новостной журналистике Беларуси	334

Дмитрий Дроздов Специфика создания и продвижения бренда (коммерческого имени) СМИ	345
Борис Залесский Новые кооперационные проекты как позитивный информационный повод для медиа	351
Илья Ильин Бренд-город «Порт Санлайт» через призму газетных изданий Британии и США конца XIX – начала XX века	360
Ольга Касперович Информационное обеспечение развития национального строительного комплекса деловой прессой Беларуси	365
Елена Кононова Дихотомический метод в определении критериев информационного воздействия	368
Олеся Лагутина PR-текст как феномен массовой коммуникации	373
Ирина Сидорская Освещение гендерной проблематики в белорусских СМИ: сложности и пути решения	380
Галина Соколова Виды речевого воздействия на коммуниканта	388
Виктор Шимолин Стилистика образа документальной фотографии в газетной периодике.	392
Нина Фрольцова Гипертекст журналистики: «тихая» семиотическая революция медиазыков.	397
РАЗДЗЕЛ 11	
Медыяадукацыя: методыкі, канцэпцыі і практыкі	
Лада Алейнік Сацыялізацыя чытача як адна з галоўных функцый мастацкай літаратуры для дзяцей і падлеткаў	406
Ганна Басава Міжкультурная камунікацыя як імператыў універсітэцкай адукацыі	414
Сяргей Венізіктаў Медыякамунікацыйная кампетэнтнасць і медыяадукацыя	418

Лариса Касперова	
Поэтический взгляд О. Мандельштама на сущность творческого процесса.	424
Татьяна Колюшкевич	
Развитие речевой и коммуникативной компетенции на занятиях по РКИ.	427
Анастасия Коренева	
Профессионально ориентированное обучение дисциплине «Стилистика и литературное редактирование»	429
Леонид Лохманенко	
О привитии навыков самостоятельной работы с источниками информации.	437
Галіна Тычко	
Роля беларускамоўнай прэсы ў працэсах культурнай ідэнтыфікацыі беларусаў замежжа	441
Звесткі пра аўтараў	447

Навуковае выданне

СЛОВА Ў КАНТЭКСЦЕ ЧАСУ
Да 85-годдзя прафесара А.І. НАРКЕВІЧА

Зборнік навуковых прац

У 2-х тамах

Том 2

Адказны за выпуск *Л.Р. Шасцярнёва*
 Камп'ютарная вёрстка *Г.А. Гурковай, І.Л. Расюкевіч, С.М. Ясевіч*